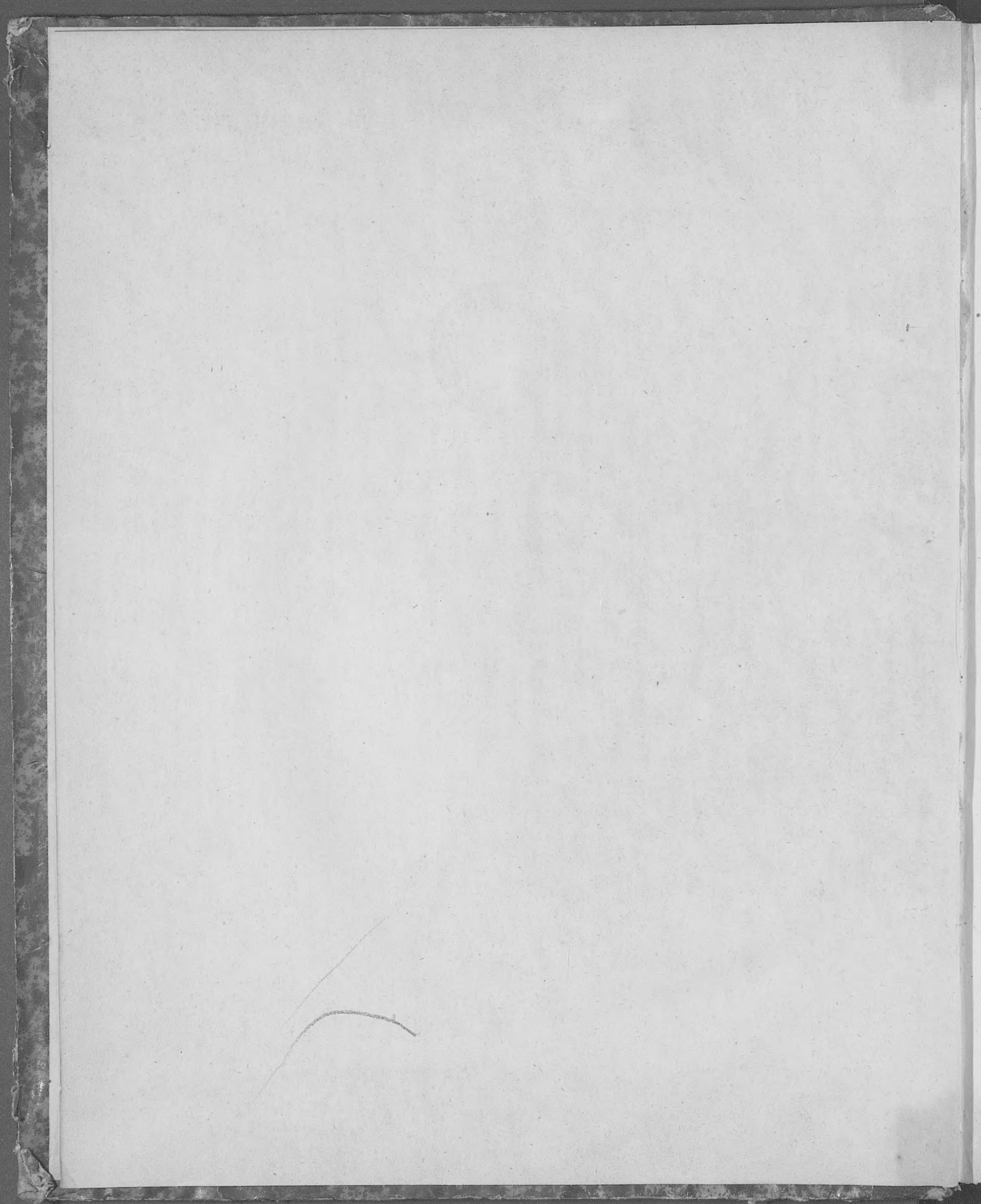

176

Прод. 50

обл у III 271.

ИЗВѢСТІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

REVISED

REPORT OF THE

COMMISSION

ON THE

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ
РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ТРУДЫ

Академиковъ II-го Отдѣленія:

И. И. Давыдова, Предсѣдательствующаго, В. А. Жуковскаго, А. Х. Востокова, П. А. Изетнева, А. Ц. Погодина, Я. И. Березинкова,
С. П. Шевырева, М. А. Коркунова, И. И. Срезневскаго.

Корреспондентовъ Академіи:

Н. И. Греча, В. И. Даля, П. П. Шафарика, В. И. Григоровича, В. С. Караджича.

Постороннихъ ученыхъ:

О. І. Базарова, О. И. Буслаева, Н. Д. Бѣляева, А. Э. Вельмана, М. А. К. Казембека, С. П. Микуцкаго, Пр. Г. П. Павскаго,
А. И. Рудзевича.

Редакторъ Э. Академикъ И. И. Срезневскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1852.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Декабря 1852 года.

Непремѣнный Секретарь *П. Фусъ.*

Книжная торговля
В. Илочкина.
Спб. Литейн. 55.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. ЗАПИСКИ О ХОДѢ ЗАНЯТІЙ II-го ОТДѢЛЕНІЯ АКАДЕМІИ.

— Начертаніе занятій Отдѣленія, Предсѣдательствующаго Ор. Ак. П. И. Давыдова. 1—10.

— Отчетъ Отдѣленія за 1831 годъ; Ор. Ак. П. А. Плетнева. 33—36.

— Перечни засѣданій Отдѣленій въ 1832 году. 27—32. 71—74. 120—123. 182—183. 247—249. 302—304. 330—332. 403—410.

В. ЧТЕНІЯ УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

— Исслѣдованія о Старославянской литературѣ: I. Въѣсто предисловія. П. И. Срезневскаго. 81—86. II. О древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянскихъ. В. И. Григоровича. 86—99. III. Дополнительные примѣчанія А. Х. Востокова и П. И. Срезневскаго. 100—104. IV. V. О древнихъ памятникахъ глагольской письменности. Записки: П. И. Срезневскаго и П. И. Шафарика. 333—389.

— Историческія чтенія о языкѣ и словесности: I. Вступительная записка П. И. Срезневскаго 303—309. II. О договорахъ Кн. Олега съ Греками, записки П. И. Срезневскаго и П. В. Бяльева. 309—326. III. Іаковъ Мнихъ, записка М. А. Погодина 326—334.

— Чтенія о современной литературѣ: I. Вступительная записка П. И. Давыдова. 129—132. II. Памяти В. А. Жуковскаго. П. И. Давыдова. 133—143. III. Чтеніе о В. А. Жуковскомъ. П. А. Плетнева 146—162. 193—206. 237—273. IV. О значеніи Гоголя въ Русской словесности. П. И. Давыдова. 273—286.

— Мнѣнія о новомъ изданіи Русскаго Словаря: Записки: П. И. Давыдова. 207—233. С. П. Шевырева. 286—289. П. И. Греча. 334—338. В. И. Даля. 338—341. Прот. Г. П. Павскаго. 389—393. О. И. Буслаева 393—394.

— Библиографическія записки о замѣчательныхъ явленіяхъ въ области Славяно-Русской филологіи:

— Извѣстія о новыхъ книгахъ: Списки рѣчник В. С. Караджича. 24—26. 236.—Pravopis Rusko-Český, Я. Пужмира. 26—27. Отчеты Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, П. А. Плетнева. 113. — Временникъ Общества Исторіи и древностей Россійскихъ. 113. 292. 393. — Памятники дипломатическихъ сношеній Древней Россіи. 116.—Городское и сельское состоя-

ніе Русскаго народа въ его историческомъ развитіи, А. Э. Плосинскаго. 116.—Полная Русская Хрестоматія А. Галахова. 116.—Опыты историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Гл. Педагогическаго Института (съ замѣчаніями А. Х. Востокова) 116.—Русско-Шведскій и Финскій рѣчникъ. 118.—Dictionnaires paralleles des langues Russe, Française, Allemande et Anglaise, К. Ф. Рейфа. 118.—Mownia języka Polskiego. Ф. Жоховскаго. 118.—Piśmiennictwo Polskie В. Мацлевскаго 118.—Mudrosloví narodu Slovanského. Ф. Челяковскаго. 19.—Slovar Slovanského jezika. А. Янежича. 119.—Hist. literatury Polskiej, М. Вишневецкаго. 120.—Опытъ общесравнительной Грамматики Русскаго языка. П. И. Давыдова. 163.—Опытъ Словаря Областнаго Велико-русскаго языка. 163.—Пропилей, П. Леонтьева. 163.—Образцы Польскаго языка для Русскихъ. 164.—Piosnki gminne ludu Piskiego, Р. Зенкевича. 165.—Die Sprichwörter der Polen, д-ра Вурибаха. 165.—Сербскія народныя пѣсни въ Чешскомъ переводѣ. 165.—Кракедворская рукопись, переводъ на В.-Лужицкое нарѣчіе. Е. Смоляра. 166.—Grammatik der Bulgarischen Sprache. Д. Кир. Цанкова. 166.—Historie literatury České. I. Юнмана. 166.—Památky dřevního písemství Jiho-Slovany. 166.—Грамматика Старославянскаго языка, П. Перевальскаго. (съ замѣч. А. Х. Востокова) 234.—Grammatik der Böhmschen Sprache. I. Н. Конечнаго. 235.—Kapesni Slovník Polsko-Český, I. Под-страпскаго. 235.—Dodavky k Slovníku J. Jungmanna, В. Челяковскаго. 236.—Статьи касающіяся древняго Славянскаго языка В. Григоровича. 236.—Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона С. Н. Палаузова. 236.—Русская поэзія XVII вѣка, О. Буслаева. 236.—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева. 237.—Les langues de l'Europe moderne, А. Шлейхера. 290.—Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache, А. Шлейхера. 290.—Slovanská mluwořda. 291.—О видахъ Русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи С. Шафранова. 291.—Všeslovanské počáteční čtení. В. Челяковскаго. 292.—Handbuch d. Geschichte der Slawischen Sprachen und Literatur. Тальен. 71. 292.—Лѣтопись событій въ югозападной Россіи, сост. Самойломъ Величкомъ. 293.—Древнія грамоты и др. письменные памятники касающіеся Воронежской губерніи и частью Азова, изд. Александровымъ-Дольниковымъ и Второвымъ. 293.—Дипломатическія сношенія Россіи, изд. Капустина. 392.

Ученныя Записки Академіи Наукъ. 342. — Slovník Věslovanský, I. Франты Шумаверскаго. 70. 393. — Serbska rječnica, I. Е. Смолара. 393. — Archiv za povestnicu Jugoslavensku. 393. — Rocznik towarzystwa naukowego. 396. — Časopis Ceskeho Museum. 396. — Jahrbücher für Slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft, 396. — Antiquités Russes. 396. — Deutsches Wörterbuch братьевъ Я. и В. Гриммовъ. 70. 396. — Vergleichende Grammatik Ф. Боппа. 166. 397.

— Рецензіи: Новыя изслѣдованія о нарѣчій Старославянскомъ ст. А. Х. Востокова. 11—23. — Труды по сравнительной грамматикѣ Славянскихъ нарѣчій, ст. Н. И. Срезневскаго. 37—68. — Этнографическія карты, ст. Н. И. Срезневскаго. 68—70. 180—181. — Словарь Литовскаго языка г. Несельмана, статья Н. И. Срезневскаго и С. П. Микуцаго. 103—113. — Словарь Областныхъ рѣченій Великорусскаго нарѣчія, статья О. Булаева. 167—177. — Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества, сост. Афанасіемъ Шафонскимъ, статья Я. И. Березникова. 177—180. — Памятники древней письменности южныхъ Славянъ, двѣ статьи Н. И. Срезневскаго. 293—301. 343—350. Курсъ

словесности, изданный для гимназій, статья, доставленная Н. И. Давыдовымъ 396—403.

— Особенности записки: I. О трудахъ г. Носовича относительно Бѣлорусскаго нарѣчія, Н. И. Срезневскаго. 74—75. II. О трудахъ г. Цейновы касательно Кашебовъ, ихъ земли и нарѣчія, его же. 75—77. III. О трудахъ С. П. Микуцаго, его же. 77—80. IV. Объ отношеніяхъ Русскаго языка къ восточнымъ, А. К. Казембека. 123—128. — V. Частные вопросы о видоизмѣненіяхъ Русскаго народнаго языка, Н. И. Срезневскаго. 183—188. VI. О Хорватской Лѣтописи. А. Х. Востокова. 188—190. VII. О грамотѣ Земской Думы 1612 г. М. А. Коркунова. 180—192. VIII. Объ окончаніяхъ торъ, тро, дро, дло. С. П. Микуцаго. 247—248. IX. Объ Октоихѣ XIII вѣка, А. Х. Востокова. 248—249. X. Последніе дни жизни Жуковскаго, Свящ. I. Базарова. 249—256. XI. Отрывокъ изъ письма къ Редактору г. А. Рудзевича. 410—411. XII. Отрывокъ изъ письма къ Редактору В. С. Караджича. 411—414. XIII. Сочиненія М. Н. Загоскина, записка А. О. Вельтмана. 415—416.

ВЪ ПРИБАВЛЕНІЯХЪ:

ПАМЯТНИКИ И ОБРАЗЦЫ НАРОДНАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ.

- Программа для собиранія образцовъ народнаго языка и словесности, составленная по порученію II-го Отдѣленія, академикомъ Н. И. Срезневскимъ. 1.
- I. Великорусскія пѣсни изъ записокъ Р. Джемса 1619—1620 г. съ замѣчаніемъ академика I. Х. Гамеля. 5.
- II. Древняя Чешская пѣсня о Судѣ Любуши въ переводѣ Болгарскомъ съ приложеніемъ подлинника. 11.
- III. Еще переводъ пѣсни о Судѣ Любуши на Болгарское нарѣчье съ приложеніемъ Старославянскаго Чтенія. 17.
- Замѣчанія Редактора Памятник. и образцовъ, Н. Срезневскаго. 23.

- IV. Колядки горцевъ Карпатскихъ съ примѣчаніями Редактора. 29.
- V. Бѣлорусскія пословицы и поговорки. 33.
- VI. Старинныя Великорусскія пѣсни изъ села Павлова. 81.
- VII. Образцы Кашебскаго нарѣчія: пословицы, пѣсни, повѣрія, съ примѣчаніемъ Редактора. 93.
- VIII. Надгробная пѣсня изъ Веретен съ примѣч. Редактора. 111.
- IX. Старинныя Великорусскія пѣсни изъ села Павлова. 113.
- X. Хорутанскія пѣсни изъ Зяльской долины съ примѣчаніемъ Редактора. 125.
- XI. Болгарскія пословицы. 129.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО И ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ.

- I. Сравненіе словъ Славянскихъ съ Нѣмецкими, С. П. Микуцаго. 3.
- II, VII. Областные Великорусскія слова Восточнаго происхожденія, В. В. Григорьева. 14, 68.
- III, VIII. Объясненіе Русскихъ словъ, сходныхъ съ Восточными, А. К. Казембека. 22, 71.
- IV. Областные Великорусскія слова, сходныя съ Скандинавскими, Я. К. Грота. 38.
- V. Областные Великорусскія слова, сходныя съ Польскими, П. П. Дубровскаго. 49.
- VI. Областные Великорусскія слова Финнскаго происхожденія, Я. К. Грота. 63.
- IX. Списокъ нѣкоторыхъ Великорусскихъ словъ, сродныхъ или сходныхъ съ Восточными. П. Я. Петрова. 81.

- X. Сравненіе корней и словъ Санскритскихъ со Славянскими, С. П. Микуцаго. 92.
- XI. Бѣлорусскія слова изъ пословицъ и поговорокъ. 103.
- XII. Замѣчанія по поводу Опыта Областнаго Великорусскаго Словаря: 1) С. П. Соловьева и 2) Я. К. Грота 107, 113.
- XIII. Сборникъ словъ изъ Яренскихъ столбцовъ XVI—XVII в., А. Протопопова 120.
- XIV. Матеріалы для сравненія областныхъ Великорусскихъ словъ со словами языковъ Сѣверныхъ и Восточныхъ, А. М. Шегрена 143.
- XV. Замѣчательныя слова изъ псалтыря Королевы Маргариты, П. П. Дубровскаго. 163.
- XVI. Замѣчанія о Восточныхъ словахъ въ областномъ Великорусскомъ языкѣ, П. П. Березина. 186.

УКАЗАТЕЛЬ.

А. ПРЕДМЕТОВЪ.

Азбука Кирилловская. 300—301. Буквы глаголитской азбуки. 358. 361. 362. Азбука глагольская 1-го и 2-го периода. 368. См. буква.

Апостолъ Охридскій. 371.

Ассеманіево Евангеліе. 88. 103.

Афонское Евангеліе. 85. 88. 100. 103. 104. 363. 369.

Бабуня. См. Богумилы.

Балтійскіе Славяне; ихъ нарѣчіе. 61. 66.

Бандуристы. 187.

Бесѣды Іоанна Лѣтвничника. 86.

Богословіе (о правой вѣрѣ) Іоанна Дамаскина. 86. 346.

Богумилы. 364. 365.

Болгары. Ихъ нарѣчіе 66. 166. Образецъ его въ двухъ переводахъ пѣсни о судѣ Любуши—въ Памят. яз. 11—28. Ихъ пословицы—тамъ же. 129—144.

Болонскій палимассестъ. 362. 369.

Былинны. 187. Помѣнены въ Памятникахъ и Образцахъ.

Буква. Раздѣленіе буквъ Старославянскаго нарѣчія по Миклошичу. 13—14. — Особенности правописанія. 90—92. 95—97. 101. 104. 116—117. Буквы глаголитскія. 353. 358. 361. 362. 366. 376—378.

Бурлаки Уральскіе и Волжскіе; говоръ ихъ. 187.

Бѣлорусскіе. Ихъ нарѣчіе: 5. 63. 74. 186. Ихъ пѣсни. 74. 76. 165. Ихъ пословицы въ Памят. яз. 33—80. Объясненіе словъ въ Матер. Слов. 103.

Ватиканское Евангеліе. 88. 103.

Великорусскіе. Ихъ нарѣчіе. 5. 63. 167 — 177. Сравненіе его съ другими языками въ Матер. Словъ съ Восточными. 14. 22. 68. 71. 81. 145. 186; со Скандинавскими 38. 145; съ Финскимъ. 63. 145; съ Польскимъ. 49. Объясненіе словъ: тамъ же 107. 113. 120.

Волохи. 181.

Воскресенскій Сборникъ. 83. 86. 93.

Времена глаголовъ. 117. Прошедшее протяженное. 234.

Галичане; говоръ ихъ. 186.

Глаголы: раздѣленіе ихъ. 117. О видахъ Русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи. 291. См. времена и спряженія.

Глаголица. Глагольская письменность. 353—367. Мнѣніе Дубровскаго. 353. Мнѣніе Копитара. 354—355. Мнѣніе Прейса. 356—357. Открытіе новыхъ глаголитскихъ памятниковъ, пр. Григоровичемъ. 357. Мнѣніе Срезневскаго. 358. Мнѣніе Григоровича. 361. Взглядъ Шафарика на древность глагольской письменности. 367 — 389. Два періода глаголитскихъ памятниковъ. 367. Два рода памятниковъ: 1) чисто глагольскіе. 368. 369. 2) кирилловскіе съ примѣсю глаголицы. 370. 371. Изысканія о времени изобрѣтенія глаголицы и объ изобрѣтателѣ оныхъ. 373—376. 379—382. Высшій

видъ буквъ. 376. 377. Помѣненія и употребленія словъ. 378. Слогъ глаг. памятниковъ. 378. Отличіе книгъ глаголитскихъ отъ кирилловскихъ въ переводѣ. 382. Доказательства, что Старославянскій переводъ сдѣланъ съ Греческаго текста. 383. 384. Отличія въ переводѣ глаголитскомъ и кирилловскомъ. 384. 385. 386. Близость глагольского перевода съ вульгатой. 386. 387. Рецензія кирилловская и глаголитская. 387—389.

Говоры. Посожья (Ляховъ). 186. Галичанъ или Галицковъ. 186. Ситкарей. 186. Нам. языка. 111—112. Офенскій. 187. Волжскихъ и Уральскихъ бурлаковъ. 187.

Грамматика. См. имена, мѣстоименія, падежи, склоненія, глаголы, наклоненія, времена, спряженія, причастія. — Сравн. грамматика Индоевропейская, Ф. Боппа. 166. 397. Сравнительная грамматика Славянскихъ нарѣчій. 57—67. Задача сравнительной грамматики. 63—64. Труды по Славянской сравнительной грамматикѣ. 57. 62. 67. Параллельная грамматика. 59. 67. Грамматика Русская. 58. Опытъ общесравнительной грамматики Русскаго языка. 4. 7. 163. Lautlehre и Formenlehre der Alt-Slovenischen Sprache. 12. 14. 19. Die Formenlehre der Kirchen-Slavischen Sprache. 290. 291. Грамматика Старославянскаго языка. 234. 235. Грамматика Болгарская 166. Сербская 395. Хорватская. 58. Хорутанская. 58. Чешская. 235. Польская. 118. Лужицкая. 395. Литовская. 106.

Грамоты Земской Думы. 189. Къ Римскому Императору. 191. 192. Сербскія и Болгарскія. 293. 343. Босенскаго бана Кулина (1189). 344. Отрывокъ изъ древ. Сербской грамоты. 346. Грамота Симеона Мниха (1198—1199). 346. Грамота Стефана короля (1222—1228). 346. Царицы Евфиміи. (1389—1392). 347. Болгарская грамота (XII—XIII в.). 347. Болгарская грамота (1193). 349. Грамота Константина Асеня (1259 — 1278) 349. — Законникъ Стефана Душана. 349.

Давидъ-Богъ. 115.

Далматская лѣт. См. лѣтопись.

Добрилово Евангеліе. 85.

Договоры. Князя Олега съ Греками. 309—326. Число договорныхъ грамотъ Русскихъ Князей съ Греками, дошедшихъ до насъ. 310. Договоръ Олега (907 года). 310. Значеніе начального выраженія: равно другому съѣзжанію. 313. Форма договорныхъ грамотъ. 312. Договоръ Олега (911). 314. Кѣмъ писанъ договоръ. 315. Сличеніе языка договора Олега съ переводомъ тв. Іоанна Дамаскина о правой вѣрѣ. 316. Имена Олеговыхъ пословъ. 319. — Сдѣлка Іоанна Пвѣра съ жителями кастра Эриссо о монастырскихъ земляхъ. 357.

Древности Русскія. 396.

Думы Малоруссовъ. 187.

- Евангелія:** Ватиканское, Ассеманіево, Глаголическое, Аеоное, Си-
найское, Зографское тоже, Реймское, Метиславо, Остромирово,
Синодальное, Добрилово (Канцлерское), Шишатовское, Болонскій
палиimpseстъ. 88. 93.
- Ермитажный Сборникъ.** 88. 93.
- Житія:** Петра Царя Болгарскаго. 98. Паповское Константина Фи-
лософа. 294. 359. Меодій. 298. Св. Владимира, писанное Іаковомъ
Мнихомъ. 328. Св. Бориса и Глѣба. 331. Св. Симеона. 343. См. Су-
прасельская рукопись.
- Звуки** Русскаго языка 167—169. Соотношеніе звуковъ въ языкѣ
Русскомъ, Старославянскомъ, Готскомъ, Греческомъ, Латинскомъ,
410—411. См. буква.
- Зографское Евангеліе.** 88. 100. 370.
- Имена** Существительныя. Раздѣленіе на 4 класса. 17.
- Исторія** Русскаго языка. 9. 43—47. Исторія Русской Словесности.
9. 237. Польской литературы. 120. Чешской литерат. 57. 166. 308.
Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 237. Славянскаго языка и ли-
тературы. 71. 292.
- Іаковъ** Мнихъ. Рус. писатель XI вѣка. 326. 334. Житіе Св. Влади-
мира. 323. Житіе Св. Бориса и Глѣба. 331. Посланіе Димитрію. 331.
- Іоаннъ** экзархъ Болгарскій, переводчикъ твореній Іоанна Дамаскина
о правой вѣрѣ. 86. 316. 346.
- Іоаннъ** Митр. Правило церковное Іакову Черноризцу. 326. 327.
- Каноны** святымъ. 89. 97.
- Канцлерское Евангеліе** (Добрилово). 83.
- Карпаторуссы.** Ихъ нарѣчіе 63. Ихъ пѣсни: въ Памят. яз. 29—32.
- Карты.** Этнографическая карта Европейской Россіи. 68—70. 180.
Этнографическій Атласъ. 70. Лингвистическая карта Европы Н. Н.
Срезневскаго. 69. Карта Южнорусскаго нарѣчія Н. Н. Срезневскаго.
69. Этнографическая карта Европы Берггауза. 69. Slovansky zeme-
wid Шафарика. 68.
- Катихизисъ** Славянскій. 90. прим.
- Кашебы.** Ихъ нарѣчіе 61. 75—76. Образцы ихъ нарѣчія въ Памят.
яз. 93—112.
- Кириллица.** См. Азбука.
- Константины** философъ, первоучитель Славянскій. 294—298. 373.
- Климентъ** епископъ Великій, писатель Славянскій 298. 373—373. 379.
- Корни** Старослав. языка. 12. 19. 37. Хорутан. нарѣчія. 58. Замѣчанія
о корняхъ. См. въ Мат. Сл.
- Краледворская** рукопись на Верхне-Лужицкомъ нарѣчій. 166. На
Франц. языкѣ. Victoire de Zaboï. 166.
- Критика.** 129—132.
- Латыши** или Леты. 106.
- Листокъ** Евангелія цѣдѣльнаго. 88. 370. Листокъ изъ Евангелія у
Михановича. 370. Листокъ посланія св. Апостола Павла. 88. Ли-
стокъ изъ Минеи. Служба св. Клименту-папѣ. 98. Листки поуче-
ній. 88. Листки псалтыря съ толкованіемъ Θεодорита. 89. 93. 372.
Листки изъ житія св. Кондрата. 89. 96. Листки изъ житія св. Ве-
ликомученицы Феклы. 89. 96.
- Литература** Старославянская. 81—104. 333—389. Братія первоучи-
тели: Константины философъ и Меодій. Климентъ Епископъ.
Іоаннъ Экзархъ. Монахъ Храбръ.
- Литература** древняя Русская. 303. Іаковъ Мнихъ. Іоаннъ Митро-
политъ.
- Литература** современная. 129. 132. Карамзинъ. 134. Жуковский. 135
139. 146. 193. 230. 237. Гоголь. 273. Загоскинъ. 415.
- Литовцы.** Ихъ нарѣчіе. 103—115. 181. 290.
- Лужичане.** Сербы Саксонскіе. Ихъ нарѣчіе 66. 166. 396.
- Лѣтопись** Діоклейца. 188. 336. Лѣтопись Хорватская или Дал-
матская (Паналича). 188.
- Ляхи.** См. Посожье.
- Малоруссы.** 177—180. Ихъ нарѣчіе 63. Ихъ думы. 187.
- Меодій** первоучитель Славянскій. 298—299. 398.
- Метиславо** Евангеліе. 83.
- Мѣстоименіе** въ Церковно-Славянскомъ языкѣ. 291.
- Наклоненія** глаголовъ. 17.
- Народонаселеніе** Россіи. 180.
- Нарѣчія** Славянскія: Старославянское. 11—24. *Восточныя:* Велико-
русское. 63. Нам. языка. 81—94. 113—126. Бѣлорусское 3. 63.
74. 186. Нам. языка. 33—81. Малорусское. 63. 187. Карпатское.
63. Нам. языка. 29—32. *Югозападныя нарѣчія:* Болгарское. 66.
166. Нам. яз. 11—28. 129—144. Сербское. 24—26. 64—66. 236.
393. Хорватское. 64. 66. Хорутанское. 66. 58. 119. Нам. языка.
123—128. *Сѣверозападныя:* Чешское. 66. 166. 233—237. 234. Сло-
вацкое. 66. Сербское Лужицкое. 66. 166. 396. Балтійскихъ Славянъ
или Полабское. 61. 66. Польское. 66. Кашебское. 66—73. 76. Нам.
языка. 93—112. Силезское. 66. — Литовское. 103—115. 181. 290.
Прусовъ. 107.
- Нѣмцы.** См. племена. Сличенія Русскаго и вообще Славянскаго
языка съ Нѣмецкимъ. 77—80, см. въ Матер. Слов. 77—80 и от-
части въ др. мѣст.
- Октоихъ** пергаменный XIII вѣка. 248.
- Остромирово** Евангеліе. 12. 84. 88. 383. 387.
- Отвѣты** о письменехъ черноризца Храбра. 299. 391.
- Оженискій** говоръ. 187.
- Падежи.** Смѣшеніе ихъ. 15.
- Палиimpseстъ** Болонскій. 362. 369.
- Памятники.** Старославянскій литературы. 81—86. 86—104. Раз-
ряды Церковно-Славянскихъ памятниковъ. 87—97. 100. Памят-
ники древней письменности Южныхъ Славянъ. 293—301. 343—303.
См. Глагольская письменность.
- Пандектъ** Антиоха. 86. 88. 97. Вѣнскій списокъ. 372.
- Перунъ.** 114.
- Письмена.** См. Азбука и Буквы.
- Племена** населяющія Европейскую Россію: 180—181. *Славянскія:*
Славяне, Поляки, Болгары, Сербы. *Не-Славянскія, Индо-Европей-
скаго происхожденія:* — Литовское: Литовцы и Латыши или Леты.
Германское племя: Нѣмцы и Шведы. Романское: Волохи, Фран-
цузы. Греческіе поселенцы. Албанскіе поселенцы. Евреи, Армяне,
Грузины. *Сѣверскіе народы:* Самоѣды. Лопари. Вогулы. Финны или
Чудь и Корелы. Пермьки. Волжскіе народы. Татары. Калмыки.
Трухменцы. Бухарцы. Хивинцы.
- Поляки.** 180. Ихъ нарѣчіе. 66. Древнія слова въ Матер. Слов. 163.
Сравненіе съ Бѣлорусскимъ — тамъ же. 49. Ср. Кашебы.
- Пословицы** Славянскихъ народовъ. Mudroslovi naroda Slovanského.
119. Die Sprichwörter der Polen. 163. Бѣлорусскія пословицы и
поговорки. Нам. язык. 33—80. Болгарскія пословицы. Нам. языка.
129—144. Кашебскія пословицы. Нам. яз. 93—108.
- Посожье.** Тамосинъ говоръ. 186.
- Почуенія** огласительныя Кирилла Іерусалимскаго. 89. 90—93.
XIII словъ Григорія Назіанзина. 86. 96. 99. 370. Св. Іоанна Злато-
уста. См. Супрасельская рукоп.
- Поззія.** 146. 148. Начало поэзіи какъ искусства въ Россіи. 151.
- Правописаніе.** См. азбука, буквы, глаголица. О Русско-Чешскомъ
правописаніи. 26. Правописаніе Сербское. 26. 248.
- Приправочныя** книги. 292.
- Причастія:** формы Старо-Славянскихъ причастій. 16. 17.
- Прусы.** Ихъ нарѣчіе. 107.
- Псалтырь.** Евгеніевская. 83. Толковая Болоцкая. 83. 371. 373. Съ

- толкованіемъ Афанасія. 88. 101. 371. Съ толкованіемъ Θεодорита. См. Листки. Псалтырь кор. Маргариты. 31.
- Путешествіе** второе Константина по Славянскимъ землямъ. 297.
- Пѣсни**: Piosnki gminne ludu Piskiego. 73. 163. — Piosnki wiesniacze znad Niemna i Dzwiny. 74. — Сербскія народн. пѣсни. 163. — Велико-рус. пѣсни, занис. Ричардомъ Джемсомъ. Памят. языка. 5—10. — Древнія пѣсни о Судѣ Любуши. Пам. языка. 11—28. — Колядки Горцевъ Карпатскихъ. Пам. яз. 29—32. — Стар. Великорусскія пѣсни. Пам. языка. 81. 94. 113—126.
- Реймское Евангеліе**. 84. 116—117.
- Романскія племена**. См. племена.
- Рукописи**. См. памятники, евангелія, листки, псалтырь. — Гамарт. стр. 98. прим.
- Русалка**. 113.
- Русскій языкъ**. 5—11. 43—47. Мѣстныя видоизмѣненія. 183—188. Сравненіе его съ Восточными. 123—128. См. Великоруссы, Бѣлоруссы, Малоруссы, Карпаторуссы.
- Сазано-Еммануэловское** благоустройство. См. Реймское Ев.
- Сборникъ** глаголическій Графа Клоца. 86. 88. 102. — Воскресенскій или царя Симеона (Святославовъ тоже). 83. 88. 93. Сборникъ 1076 (Ермитажскій). 88. 93.
- Святондъ**. 293. 396.
- Судьба** Іоанна Цвѣра съ жителями Кастро Эриссо. (982). 357.
- Сербь**. Ихъ нарѣчіе. 24—26. 64. 66. 236. 393. Ихъ пѣсни. 163.
- Сербь**—Лужичане. См. Лужичане.
- Синайское Евангеліе**. 88. 100. 370.
- Синодальное Евангеліе**. 83.
- Ситкарп**. Ихъ говоръ. 186. Пам. яз. 111—112.
- Склоненіе** существительное, 14; мѣстоименное, 13; сложное, 13; именъ числительныхъ, 13; причастій. 13.
- Скороньсь**. 234.
- Славяне**. Ихъ языкъ: сравненіе его съ Нѣмецкимъ. 77—80, съ Индо-Европейскими. 247—248. Ср. въ Матер. Слов. 3. 81. 92 и пр.
- Словаки**. Ихъ нарѣчіе. 66.
- Слова** простонародныя. 167. Образованіе словъ. 169. Составъ об-ластныхъ рѣченій. 170. Образованіе словъ для отвлеченныхъ по-нятіи. 171. Изобразительныя формы. 171. Выраженіе пространства и времени. 173. Выраженіе мѣста. 173. — Слова (XIII) Григорія На-зіанзина. См. Поученія.
- Словарь**. Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языковъ. 3. Сло-варь синонимъ. 7. Словопроизводный Русскій Словарь. 8. Сравни-тельный Словарь Славянскихъ нарѣчій. 8. Корни Старославян-скаго нарѣчія. 19. 37. Словарь Старославянскій. 20—23. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія. 3. 7. Обще-Славянскій Словарь. 393.
- Опытъ Областнаго Русскаго Словаря. 4. 47. 48. 167—177. Словарь Болгарскихъ словъ. 166. Польско-Чешскій и Чешско-Польскій. 233. Сербскіе словари. 24—26. Караджича. 236. 411—414. Словарь Юнгмана. 236. — Добавленіе къ нему Челяковскаго. 246. — Словарь Литовскаго языка. 103—113. — Нѣмецкій Словарь братьевъ Грим-мовъ. 70. 396.
- Словарь** Русскій (новое изданіе). 207—233. 286 — 289. 334 — 341. 389 — 394. — Значеніе его 207—209. — Полнота. 213. 333. — Потребность. 209. — Отдѣленіе Русскаго языка отъ Старославян-скаго. 210. 216. 287. 333. 393. — Мѣстныя и старинныя слова. 212. 340. — Слова сложныя. 218. — Слова иностранныя. 220. 333. — Слова техническія. 218. 288. 333. — Существительныя отвлеченныя и отглагольныя. 336. — Имена собственные. 221. 227. 333. 389. — Имена увеличительныя и уменьшительныя. 227. 336 — 390. — О степеняхъ сравненія. 228. 336. 390. — О причастіяхъ страдатель-ныхъ. 391. — Определенія грамматическія. 226. 337. 338. 391. — Про-изводство словъ. 209. 224. 288. 334. 337. 340. 392. — Управленіе. 224. 227. — Определеніе словъ. 221. 340. 394. — Синонимы и противо-положныя. 224. 339. 341. 394. — Описаніе естеств. произведеній. 228. 336. — Выборъ примѣровъ. 214. 222. 231. 337. 340. 392. 394. — Порядокъ работы. 233. 241.
- Словенцы**. Хорутане. Ихъ нарѣчіе. 88. 66. 119. Ихъ пѣсни въ Памят. яз. 123—128.
- Словесность**. 303—308. — Исторія оной. 307. — Два взгляда на сло-весность: эстетическій и историческій. 307. — Письменная лите-ратура. 308. — Устная словесность. 308. — Роды произведеній. 309. — Курсъ словесности, изданный для гимназій. 397—403.
- Служебникъ** пр. Антонія. 86.
- Спряженія Старославянскаго языка**. 12. 18.
- Старославянское нарѣчіе**. 11—24. Обзоръ памятниковъ Ста-рослав. лит. 81—104. 294—301. 316. 368—389. Старославянское чтеніе пѣсни о Судѣ Любуши въ Памят. яз. 17—21.
- Супрасельная рукопись**. 23—24. 83. 88. 101. 102. 372. 396.
- Существительныя имена**. Раздѣленіе оныхъ въ Старославянскомъ на 4 класса. 17.
- Филологія**. Славянская. 11. Определеніе оной. 63.
- Формы** словъ. 12—18. 169. 233. 247—248. 290—291.
- Хиландарская рукопись**. См. поученія Кирилла Іерусалимскаго.
- Хорваты**. Ихъ нарѣчіе. 64. 66.
- Хорутане**. См. Словенцы.
- Чехи**. Ихъ нарѣчіе. 66. 166. 234. 235—237. Ихъ древняя пѣсня о судѣ Любуши въ Памят. яз. 11—13.
- Шпшатовецкое Евангеліе**. 372.
- Языкъ**. Языки Европы. 290. Индо-Европейскіе языки. 78—79. 290.

В. ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

- Авраамовичъ, Sveta gora.** 370.
- Академія Наукъ.** Ученыя Записки. 163. 342. Труды II-го Отдѣленія 1—10. 33—36. 27—32. 71—74. 120—123. 182—183. 247—249. 302—304. 350—352. 403—410.
- Александровъ-Дольникъ, К.** Собраніе древнихъ пис. памятниковъ Воронежской губерніи. 293.
- Арсеньевъ, К. Н.** Орд. Ак. Статистическіе очерки Россіи. 51.
- Архивъ Югославянской исторіи.** 188. 393.
- Базаровъ, І.** Свящ. Последніе дни жизни Жуковского. 249—256.
- Берггаузъ, Ethnographische Karte von Europa.** 69.
- Березинковъ, Я. П.** Орд. Ак. Труды его. 8. 53. Записка о книгѣ: Топографическое описаніе Черниговскаго Намѣстничества. 177—180.
- Березинъ, П. П.** Проф. Каз. Ун. 122. — Замѣчанія о восточныхъ словахъ въ Областномъ Великорусскомъ языкѣ. Матер. Слов. 186—192.
- Бетлингъ, О. Н.** Грамматическія изслѣдованія. 291. 343.
- Библиотека Варшавская.** Журн. 73.
- Биларскій, Судьбы церковнаго языка.** 83.
- Бодянский, І. М.** Проф. Переводъ Шатарикова соч. Slovansky narodopis. 61.
- Боленъ, П.** Ueber die Sprache der alten Preussen. 107.
- Боппъ, Vergleichende Grammatik.** 166. 397.
- Брюль, В.** Переводъ сочиненія г-жи Тальви. 292.
- Буславъ, О. П.** 122. 183. 184. 237. Записка о Словарѣ областныхъ рѣченій Великорусскаго языка. 167—177. Русская поэзія XVII вѣка. 236. Мнѣніе о новомъ изданіи Словаря. 393.
- Бутковъ, П. Г.** Орд. Акад. Труды его. 27. 28. 31. 51. 334. 410.
- Вѣляевъ, Н. Д.** О договорахъ Олега съ Греками. 314—326. — Князь Рюрикъ съ братьями. 393. — Предисловіе къ слову о В. К. Дмитріѣ Иоанновичѣ. 393.
- Влоостенецъ, Gazophilacium seu Latino-Illiricorum onomatum aegarium.** 24.
- Величко Симулъ.** Лѣтописъ событій въ югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ. 293.
- Велингъ, А.** Beiträge zur Lettischen Sprachkunde. 106.
- Вельтманъ, А. Ф.** Записка о сочиненіяхъ Загоскина. 409. 415.
- Виллингъ, І. Ф.** Suomen-Wenäjän-ja Ruotsin-Kielinen Sana Kirja. 118.
- Випиневскій, М.** Historia literatury Polskiej. 120.
- Востоковъ, А. X.** Орд. Ак. Редакторъ Областнаго Русскаго Словаря. Труды его. 51. — Разборъ Остромирова Евангелія. 9. — Мнѣніе о Lautlehre и Formenlehre Миклошича. 13—19. — Записка о словарѣ Миклошича. 22. 23. — Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ. 84. — Описаніе Воскресенскаго сборника. 83. — Изысканіе о Супрасльской рукописи. 83. — Описаніе Добрилова Евангелія. 83. — О Псалтырѣ Евгеніевскомъ. 83. — Описаніе рукописи: XIII словъ Григорія Назіанзина. 86. — Описаніе рукописи: Бесѣды Іоанна Дамаскина. 86. — О древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянскихъ. 100—102. — Замѣчанія на сочиненіе г. Лавровскаго о Реймскомъ Евангеліи. 116—117. — О Хорватской лѣтописи. 188—189. — Мнѣніе о грамматикѣ г. Перевлѣскаго. 234. — Объ Октоихѣ XIII в. 248.
- Второвъ, Н.** Собраніе древнихъ письменныхъ памятниковъ Воронежской губерніи. 293.
- Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.** 113. 292. 393.
- Вурцбахъ, Пол. пословицы.** 163.
- Галаховъ, А.** Полная Русская Хрестоматія. 116.
- Гамель, І. X.** 73. — Нам. языка. 5—10.
- Ганка, В. В.** Польская Грамматика. 58. — Изданіе Реймскаго Евангелія. 84.
- Гессе-Шбергъ, Lettische Sprachlehre.** 107.
- Гильфердингъ, А.** Сравненіе языковъ Славянскаго и Литовскаго съ Санскритскимъ. 183.
- Гоголь.** Значеніе его въ Русской словесности. 273—286.
- Гречъ, П. П.** Замѣчанія касательно новаго изданія Русскаго словаря. 334—338.
- Григорій, Архіеп. Казанскій.** 123. 183.
- Григорьевичъ Іоаннъ.** Протоіерей. Редакторъ Словаря Бѣлорусскаго нарѣчія. 7. 29. 74.
- Григорьевичъ, В. П.** Корреспондентъ Академіи. 74. — Глаголическое Евангеліе. 83. — О древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянскихъ. 86—100. 236. — Опытъ изложенія литературы Славянъ. — Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. — Рѣчь о значеніи Церковнославянскаго языка. — О трудахъ, касающихся древняго Славянскаго языка до Смотрицкаго. — Предварительныя свѣдѣнія, касающіяся литературы Церковнославянской. 236. — Открытіе глаг. памятниковъ. 337. — Мнѣніе о глаголицѣ. 360—367.
- Григорьевъ, В. В.** Восточныя слова въ Рус. яз. 237. 302. Матер. Слов. 14. 68.
- Гриммъ, Я.** Deutsches Wörterbuch. 70. 396. — Замѣчанія о Литовскомъ языкѣ въ Geschichte der Deutschen Sprache. 107.
- Гротъ, Я. К.** Проф. Алекс. Унив. 122. 238. — Великорусскія слова, сходныя съ Скандинавскими. Мат. для слов. 38—48. — Областныя Русскія слова, сходныя съ Финскими. Мат. для словаря. 63—68. — Замѣчанія на Област. Великорусск. словарь. Мат. для словаря. 113—120.
- Давыдовъ, П. П.** Предсѣдательствующій по Отдѣленію Рус. языка и словесности. 43. — Частныя литературныя занятія въ теченіе 1831 г. 49. — Опытъ общесравнительной грамматики Рус. языка. 7. Чтенія о современной литературѣ. 129—132. — Памяти В. А. Жуковского. 132—139. — О значеніи Гоголя въ Русской словесности. 273—286. — Мнѣніе о новомъ изданіи Русскаго Словаря. 207—233.
- Даль, В. П.** Корреспондентъ Акад. 28. — Замѣчанія касательно новаго изданія словаря. 338—341.
- Деллабелла, Dizionario Italiano-Latino-Illirico.** 24.
- Джемсъ, Р.** 73. Нам. языка. 6—10.
- Дифенбахъ.** Замѣчанія о Литовскомъ языкѣ въ Lexicon comparativum. 107.
- Дмитріевъ-Истковичъ.** 32. — Пѣсня о судѣ Любуши въ Болгарскомъ переводѣ. Нам. языка. 11—16.
- Добровскій, І. аббатъ.** Lehrgebäude der Russischen Sprache. 26. 37. — Slavischer Sprach. und Völkerstamm. 37. — Allgemeine Etymologikon der Slavischen Sprache. 37. — Kurzer Abriss der Slavonischen Sprache. 37. — Geschichte der Böhmischen Sprache. 37. — Старославянская грамматика. 37. — О Ватиканскомъ Евангеліи. 83. — Мнѣніе о происхожденіи глаголицы. 333.
- Дубровскій, П. П.** Проф. Гл. Нед. Ист. 32. — Областныя Русскія слова, сходныя съ Польскими. Матер. для словаря. 49—63. — Замѣчательныя слова изъ псалтыря Кор. Маргариты. Мат. для словаря. 163—186.

- Викторъ.** Victoire de Zaboï. 166.
- Виховскій, Ф.** Mownia języka Polskiego. 118.
- Вуковскій, В. А.** Орл. Ак. Труды его. 51. — Письмо его къ Графу Уварову о переводѣ Одиссея. 139—144. — Последніе дни его. 249. Чтенія о немъ. 135—145. 146—162. 193—206. 257. 273.
- Загоскинъ, М. П.** Его сочиненія. 415—416.
- Занъ, К. В.** Княжна Елена Острожская. 396.
- Зеленецкій, К. А.** 124.
- Зеньковичъ.** Народныя пѣсни Инискаго народа. 165.
- Ипполентій, Преосв. Арх. Орл. Ак.** Его труды и занятія. 50. Jahrbücher der Slavischen Literatur. 76. 396.
- Иорданъ, I. П.** Грамматика Верхне-Лужицкаго нарѣчія. 58.
- Казанскій, О.** лѣтописи Нестора. 293.
- Казембекъ, А. К.** Проф. Сиб. Ун. 29. Записка о восточныхъ словахъ, усвоенныхъ въ Русскомъ языкѣ. 125—128. — Русскія слова сходныя съ Восточными. Матер. для Словаря. 22—37. 71—80.
- Калайдовичъ, К.** Замѣчанія о Синодальномъ Евангеліи. 85. — Описание Добривова Евангелія. 85. — Сборникъ Воскресенскій. 85. — Замѣчанія о Мстиславовомъ Евангеліи. 85. — Извѣстіе о Богословіи (правой вѣры) Іоанна Дамаскина. 86. — О Пандектѣ Антиоха. 86.
- Канушинъ, М. О.** О дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ зап. Европой 293.
- Караджичъ, В. С.** Членъ корреспондентъ Ак. — Сриски рѣчничъ. 24—26. 236. — Письмо его. 411—414.
- Караманъ.** Identità della lingua leterale Slava. 369.
- Кенпенъ, П. П.** Орл. Ак. Этнографическая карта Европейской Россіи. 68—70. 180—181. — Исслѣдованіе о народонаселеніи Литовскомъ. 106. — О происхожденіи, языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ. 106.
- Колларъ, Я.** Переводъ на Нѣмецкій языкъ сочиненія г-жи Тальеръ. 71.
- Копечный, I.** Grammatik der Böhmischen Sprache. 235.
- Кописскій.** Исторія Руссовъ. 180.
- Копитаръ.** О Ватиканскомъ Евангеліи 85. Извѣстіе о толковой Болонской псалтыри 85. Выписки изъ Евгеніевского псалтыря. 85. — Изданіе глаголитскаго сборника гр. Клоца и мнѣніе о глаголицѣ. 86. 354. 369.
- Коркуновъ, М. А.** Экстр. Акад. Труды его. 45. 46. 55. О грамотѣ Земской Думы 1612 года. 189.
- Кочетовъ, I. С.** Протоіер. Орл. Ак. Труды его. 53.
- Кукульевичъ** Сакцинскій, П. 188.
- Куринатъ.** Beiträge zur Kunde der Littauischen Sprache. 106.
- Лавдовскій, П. Г.** 330—351. 405.
- Лавровскій, П.** Избраніе Михаила Θεодоровича на царство. 116.
- Лавровскій, П. 32.** О Реймскомъ Евангеліи. 85. 116.
- Ламбъ.** Замѣчанія о простонародныхъ названіяхъ растений. 396.
- Ленстремъ, К.** Объясненіе словъ. 351. 407.
- Леонтьевъ, П.** Проникли или сборникъ статей по классической древности. 163.
- Макарій, Іеромонахъ.** Проф. Перм. Семинаріи. 122. 239.
- Малковскій, К. О.** Исслѣдованія о Новгородѣ. 115.
- Мацѣевскій, В.** Piśmennictwo Polskie. 118.
- Метелко,** Грамматика Словенскаго Хорутанскаго нарѣчія. 58.
- Микали,** Thesaurus linguae illiricae. 24.
- Микловичъ, Ф.** Radices linguae Slovenicae veteris dialecti. 12. 19—20. — S. Iohannis Chrysostomi Homilia in ramos Palmarum. 12. 24. 83. Рецензія изданія Остромирова Евангелія. 12. 84. — Vitae Sanctorum 12. — Отрывки изъ глаголитскаго Евангелія. 85. — Lehre von der Conjugation im Altslovenischen Sprache. 12. — Lautlehre der Altslovenischen Sprache. 12—14. — Formenlehre der Altslov. Sprache. 12. 14—19. — Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti. 12. 21—23. — Monumenta linguae Palaeoslovenicae e codice Suprasliensis 12. 23—24. 83. Slav. Bibliothek. 369. — Мнѣніе о трудахъ его. 291.
- Милуцкій, С. П.** 352. Сравненіе словъ Нѣмецкихъ и Славянскихъ. 77—80. — Замѣчанія о словарѣ Литовскаго языка Нессельмана. 107. — Объ окончаніяхъ *торъ, тро, дло, дро.* 247. — Сравненіе Славянскихъ словъ съ Нѣмецкими. Матер. Слов. 3—14. — Сравненіе корней Санскритскихъ со Славянскими. Матер. Словаря 92—103.
- Милке, X. Г.** Anfangsgründe einer Littauischen Sprachlehre. Littauisch Deutsches Wörterbuch. 106.
- Муравьевъ-Апостолъ, Н. М.** Смерть его. Біографія. 41.
- Муза.** Періодич. лит. изд. 37.
- Небесскій, Б.** Три стар. памятника Чешской Поэзіи. 396.
- Небольсинъ.** 121.
- Нессельманъ,** Словарь Литовскаго языка, 105. — Die Sprache der alten Preussen. 107.
- Норовъ, А. С.** Орл. Ак. Труды его. 43—45.
- Носовичъ.** Труды его касательно нарѣчія Бѣлорускаго. 31. 74. Нам. языка: — Бѣлорусскія пословицы и поговорки. 30—80.
- Обрадовичъ, Д.** 25.
- Обреновичъ, Е.** Србски споменници. 343.
- Общество наукъ въ Краковѣ** 396.
- Общество сѣверныхъ антикваріевъ.** 396.
- Общество исторіи и древностей Россійскихъ въ Москвѣ.** 115. 292. 395.
- Олевскій, Г. П.** Прот. Мнѣніе о новомъ изданіи Словаря. 389.
- Палаузовъ, С. Н.** Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона. 236. 244.
- Палацкій, Italienische Reise.** 336.
- Паллонскій.** Исслѣдованіе о Реймскомъ Евангеліи. 85.
- Пахманъ, Адъютантъ Риж. Лицея.** Сборникъ простонародныхъ словъ Тульской губерніи. 28.
- Перевощниковъ, В. М.** Смерть его. Біографія. Труды. 42. 43.
- Перевощниковъ,** Адъютантъ Академіи. 30. 120. 182. 242. 404.
- Перевѣтскій, П.** Грамматика Старославянскаго языка. 234.
- Перлиштейнъ, А.** О княжествѣ Острожскомъ. 395.
- Петровъ, П. Я.** Великорусскія слова, сходныя съ Восточными. 242. Матер. Слов. 81—92.
- Плетневъ, П. А.** Орл. Акад. Отчетъ Императорской Академіи Наукъ, по 2-му Отдѣленію. 33—56. 115. — Чтенія о В. А. Вуковскомъ. 146—162. 193—206. 257—273.
- Плюшникскій.** Городское и сельское состояніе Русскаго народа въ его историческомъ развитіи. 116.
- Погодинъ, М. П.** Орл. Акад. 29. Труды его. 51. 52. Снимокъ служебника Пр. Антонія. 86. — Выписка изъ псалтыря Евгеніевского. 85. — О Іаковѣ Милхѣ, Русскомъ писателѣ XI вѣка. 326—334.
- Подстрепскій, I. B.** Kapesni Slovnik Polsko-Český a Česko-Polský. 235.
- Полевой, В.** Опытъ сравнит. грамматики Славянскихъ языковъ. 57. 68.
- Полъновъ, В. А.** Орл. Ак. Его смерть. 33. — Краткое жизнеописаніе. 33—41. — Труды его: Опытъ Словаря собственныхъ именъ. 39. — Біографіи знаменитыхъ соотечественниковъ. 39.
- Поповъ, А. П.** Записка о лѣтописяхъ Литовскихъ. 409.
- Порфирій, Архимандритъ.** 357. 368.
- Поттъ, А.** De Lithuano Borrussicae in Slavicis Leticisque linguis principatu. 107. Indogermanische Sprachstamm. 290.
- Прейсъ, Проф.** Мнѣніе о глаголицѣ 355.
- Протопоповъ, А.** Сборникъ словъ изъ столбцевъ Яренскаго архива. Мат. Словаря. 120—144.
- Пушкертъ, Lehrgebäude der Böhmischen Sprache.** 26. 58. — Lehrgebäude der Russischen Sprache. 58. — Pravopis Rusko-Česky. 26—27.
- Рейфъ, Dictionnaires parallèles des langues Russe, Française, Allemande et Anglaise.** 118.
- Релковичъ, Deutsch-Illyrisches und Illirisch-Deutsches Wörterbuch.** 24.

- Ригельманъ**, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. 180.
Розенбергъ, Formenlehre der Lettischen Sprache. 106. — Das Lettische Verbum. 106.
Рудзевичъ, А. О соотношеніяхъ звуковъ Русскаго языка между собою. 410—411.
Рукавина, Н. Kroatische Abänderungs- und Abwandlungs-Formen. 58.
Сахаровъ, Н. Н. 73.
 Slavische Bibliothek. 369.
Смоляръ, Переводъ на Верхне-Лужицкое нарѣчіе Краєдворской рукописи. 166. Лужиц. грамматика. 393.
Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 237. — Забѣчанія на Обл. Великорусскій словарь. Мат. Словаря. 107—113.
Срезаневскій, Н. Н. Экс. Акад. Труды его. 9. 46—47. 49. — О сравн. грамматикѣ Слав. 57. — Объ этногр. картахъ. 68. 180. — О трудахъ Миклошича, 11; Караджича, 24; Носовича, 71; Цейнова, 73; Миклуцкого, 77. — О древн. памятникахъ Старослав. литер. 81. 102. — О Литовскихъ Словаряхъ. 103. — О мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ Рус. языка. 183. — О памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ. 293. 303. — Истор. чтенія о языкѣ и словесности. 303. — О договорѣ Олега. 907 г. 309. — О глаголицѣ. 353. — Въ Памят. яз. Программа для собранія образцовъ. 1. — Старослав. чтеніе и опытъ Болгар. перевода пѣсенъ о судѣ Любуши съ примѣчаніями. 17. 23. — Примѣчанія къ Колядкамъ. 29. — О Кашеб. нарѣчій. 93. — О Зильскихъ Хорутанахъ. 123. — Въ Матер. Слов. Бѣлорусскія слова. 103—107.
Стросъ, П. Н. Орд. Акад. 72. — Труды его. 53.
Стулли, Lexicon Latino-italiko-illyricum. 24. Riecsoslovie Slovinsko-italiansko-latinsko. 24.
Талли (г-жа Робинзонъ). An historical view of the languages and literature of the Slavic nations 71. — Нѣмецкій переводъ. 292.
Терещенко, Членъ Археогр. Комиссіи. 124.
Уваровъ, графъ С. С. Президентъ Академіи. Отвѣтъ на письмо Жуковскаго объ Одиссеѣ. 144—143.
Фаворскій, Евг. Свящ. 243. Пам. языка: Старин. Великорусскія пѣсни. 81—94. 113—126.
Фаворскій, д-ръ. 302.
Фатеръ-Северинъ, Die Sprache der alten Preussen. 107.
Филаретъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій. Орд. Акад. Его труды. 30.
Фёрстеманъ, Сравненіе языковъ. 410.
Фойхтъ, I. De Littuanio Borrussicae in Slavicis. 107.
Фролингъ, А. Slavischer Sprachen-Atlas. 67.
Хованскій, Учитель Мих. Вор. Корпуса. 71.
Цанковъ, Grammatik der Bulgarischen Sprache. 166.

- Цейнова** (Войкасенъ). О трудахъ его относительно Кашебскаго нарѣчія. 73—77. — Три разсужденія о Кашебахъ и землѣ ихъ. 76. — Разговоръ Кашеба съ Полякомъ. 76. — Образы Кашеб. нарѣчія — въ Пам. языка. 93—112.
Цейницкій, Н. о Ситкаряхъ. 404. Пам. языка. 111—122.
Часовскій, Чешскаго музеума. 396.
Челяковскій, Матеріалы для Сравнительной грамматики Славянской. 67. прим. — Mudroslovi narodu Slovanskego. 119. — Dodavky ke Slovniku Josefa Jungmana. 236. — Vseslovanské počatecne čtení. 292.
Чертковъ, А. Д. О Фракійскихъ племенахъ. 292.
Чечотъ, Я. Сборникъ Бѣлорусскихъ пѣсенъ. 74.
Шафарикъ, Н. Н. Руководство къ изученію Славянской литературы. 59. — Извлеченіе изъ Сербскихъ рукописей. 59. — Slovansky narodopis. 60. 68. — Записки объ образованіи формъ Славянскаго языка. 61. — Slovansky zeměvid. 68. — Slovanske starožitnosti. 106. — Památky dřevního písemství Jiho-Slovanského. 166. 293—301. 343—350. — Мнѣніе о сочиненіяхъ Миклошича. 19. — Взглядъ на древность глагольскаго письменности. 367—389.
Шафонскій, Ат. Топографическое описаніе Черниговскаго Намѣстничества. 177.
Шафрановъ, С. О. О видахъ Русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи. 291.
Шевыревъ, С. П. Экс. Ак. Забѣчанія о Метиславовомъ Евангеліи. 83. Очеркъ Итальянской живописи. 54. О Рафаелевскихъ картинахъ. 53. Забѣчанія на критическій разборъ свидѣтельства патерика Печерскаго и лѣтописи Нестора. 53. Теорія смѣшного. 53. О пѣнн воспитанія. 53. Забѣчанія касательно изданія Русскаго Словаря. 286—289. Сборникъ Воскресенскій. 83.
Шегренъ, А. М. Ак. 31. 238. Сравненіе Великорусскихъ словъ съ словами Восточныхъ и Сѣверныхъ языковъ. Матер. Словаря. 143—163.
Шепиницъ, О Святovidѣ. 293.
Шлейхеръ, Языки Европѣйскіе. 290. Sprachvergleichende Untersuchungen. 290. Die Formenlehre der Kirchenslaw. Sprache. 290—291.
Шмалеръ, Kleine Serbisch-Wendische Sprachlehre. 393. — Смоляръ.
Шмидтъ, C. Histoire et doctrine der Cathares ou Albigeois. 364.
Штендеръ, Lettische Grammatik. 106. — Lettisches Lexicon. 106.
Шуманскій, I. Фрапта. Общесравнительный Словарь. 70. 393. Подробный Чешско-Нѣмецкій Словарь. 393.
Щукинъ, О Русской населенности въ Сибири. 184.
Юнгманъ, Historie Literatury Česke. 166. 237. — Словарь Чешскій. 236.
Янскичъ, Popólni roční Slovar Slovenskego in Nemskego jezika. 119.
Яричъ, I. Корнесловъ Хорутанско-Словенскаго нарѣчія. 58.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНИЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ предполагало начать съ 1852 года изданіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности будутъ входить, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно: — изслѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ сопряженныхъ, ихъ литературы и древностей; — разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологій Славяно-Русской; а въ особенныхъ прибавленіяхъ — памятники языка и словесности, матеріалы для Словаря, Грамматики и т. п.

«Извѣстія» будутъ издаваться безсрочными выпусками или листами; 24 листа съ прибавленіями составятъ одинъ томъ. Цѣна тому три рубля серебромъ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домъ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эггера (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Изгородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ упомянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА. — Начертаніе занятій Отдѣленія на наступающій 1852 годъ, Предсѣдательствующаго О. А. И. И. Давыдова. — I. Новыя изслѣдованія о нарѣчій Старославянскомъ, со включеніемъ мнѣній А. Х. Востокова. II. Новое изданіе Сербскаго Словаря В. С. Караджича. III. Русско-Чешское правописаніе Я. Пухмира. IV. Срезневскаго. — Перечень засѣданій Отдѣленія. — Къ этому выпуску прилагается 1-й листъ ПРИБАВЛЕНІЙ.

НАЧЕРТАНІЕ ЗАНЯТІЙ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ПРЕДЛОЖЕННОВ

Предсѣдательствующимъ, 20 Октября 1851.

Удостоенный Высшимъ Начальствомъ званія Предсѣдательствующаго во Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ, я имѣю честь, на основаніи Положенія, предложить на разсмотрѣніе Отдѣленію начертаніе предлагаемыхъ намъ занятій.

Эти занятія будутъ состоять частію въ продолженіи нынѣшнихъ, частію въ новыхъ трудахъ, которые составятъ дальнѣйшее развитіе прежнихъ и расширятъ кругъ дѣйствій, Отдѣленію предназначенныхъ. Посему я обращаю вниманіе ваше, Мм. Гг., во

первыхъ, на весь кругъ дѣйствій нашихъ; во вторыхъ, на труды, уже успѣшно Отдѣленіемъ совершеныя; въ третьихъ, на то, что предстоить намъ совершить.

Къ занятіямъ Второго Отдѣленія, по Положенію, принадлежатъ:

1) Основательное изслѣдованіе свойствъ Русскаго языка, начертаніе сколь можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія его и изданіе полнаго Словаря.

2) Изученіе Славянскихъ нарѣчій въ ихъ составѣ и грамматическихъ формахъ, относительно къ языку Русскому, и составленіе сравнительнаго и общаго словопроизводнаго ихъ Словаря.

3) Славяно-Русская филологія вообще и въ особенности исторія Русской словесности.

При семъ главномъ направленіи трудовъ Отдѣленія, ему не чуждо и все, входящее въ область Изящной словесности и Русской исторіи.

Таковъ кругъ дѣйствій Отдѣленія нашего, представляющій цѣль, особый міръ, достойный изысканій на пользу драгоцѣннѣйшаго сокровища—роднаго языка и отечественной словесности. Языкъ, какъ проявленіе разума и представитель народа, вѣрившаго ему свою умственную дѣятельность, парави съ прочими предметами вѣдѣнія человѣческаго, подлежитъ безконечнымъ изслѣдованіямъ. Развиваясь таинственно изъ глубины души нашей по непреложнымъ законамъ разума, подъ вліяніемъ извѣстнаго мѣста и времени, онъ объемлетъ собою всѣ возрѣнія ума на природу и всѣ его знанія. Какой же обширный кругъ дѣятельности представляютъ нашъ языкъ и словесность, изучаемые сравнительно съ соплеменными языками оглашающими необъятное пространство земель и которыми говорятъ миллионы!

Изъ сихъ многочисленныхъ предметовъ для начальныхъ ученыхъ изслѣдованій Отдѣленіе избрало два важнѣйшіе труда: изданіе *Словаря* и *Грамматики*.

Первыя шесть лѣтъ существованія своего Отдѣленіе ознаменовало изданіемъ въ свѣтъ *Словаря* Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, въ четырехъ томахъ, содержащаго въ себѣ 114,749 реченій, почти вдвое болѣе числа реченій прежняго *Словаря* Академическаго. Изъ таблицы источниковъ, показанныхъ въ предисловіи къ *Словарю*, можно видѣть, что издатели не щадили трудовъ для собиранія словъ въ сочиненіяхъ разныхъ временъ и различнаго содержанія. Каждое слово, какъ выраженіе народнаго понятія, важно и не рѣдко скрывается въ сочиненіи забытомъ, подобно драгоцѣннымъ металламъ и камнямъ, лежащимъ въ нѣдрахъ горъ и въ глубинахъ земли: лишь неутомимый трудъ человѣка извлекаетъ наружу и то и другое. Всѣ выраженія вѣроисповѣданія и гражданственности, семейной и общественной жизни, умственнаго образованія и промышленности, законодательства и обычаевъ, всѣ рѣзкіе и тонкіе оттѣнки, сохранившіеся въ языкѣ и отличающіе насъ отъ другихъ народовъ, требовали объясненія въ *Словарѣ*, согласно съ программой онаго, начертанною первымъ Предѣдательствующимъ Отдѣленія. Сверхъ того богатство и гибкость Русскаго языка, простота и

удобство перемѣнъ для сообщенія словамъ новаго значенія, разнообразіе понятій, выражаемыхъ часто однимъ и тѣмъ же глаголомъ, съ измѣненіемъ только управленія падежемъ—все это представляло затрудненія, счастливо преодоленные ревностнымъ стремленіемъ къ общему благу издателей *Словаря*.

Для составленія *Грамматики* Отдѣленіе образовало Временную Коммиссію изъ Московскихъ Академиковъ. Коммиссія, принявъ на себя разработку матеріаловъ для *Грамматики* со стороны философской и исторической, еще не имѣя въ виду филологическихъ наблюденій Протоіерея Павскаго, образцомъ себѣ поставила *Грамматику* Я. Гримма, и возложила на Членовъ своихъ различныя приговорительныя изысканія. Но обстоятельства воспрепятствовали исполненію этого предположенія. Члены Коммиссіи, занятые служебными обязанностями и литературными трудами, не могли совокупными силами содѣйствовать совершенію своей мысли. По закрытіи Коммиссіи, естественно, планъ составленія *Грамматики* долженъ былъ измѣниться и въ методѣ, и въ объемѣ. Въмѣсто исторической *Грамматики*, требовавшей многихъ приговорительныхъ матеріаловъ, я предпринялъ составленіе *Опыта Грамматики* Русскаго языка общесравнительной, по плану Беккеровой *Грамматики* Нѣмецкаго языка. Этотъ *Опытъ Грамматики*, разсмотрѣнный въ особомъ Комитетѣ Отдѣленія, если не встрѣтится какихъ либо неожиданныхъ препятствій, будетъ отпечатанъ въ непродолжительномъ времени. Въ немъ излагается способъ изученія Русскими Русскаго языка.

Послѣ изданія *Словаря* Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, Отдѣленіе занималось составленіемъ *Словаря* областныхъ Русскихъ реченій, для котораго матеріалы собирались со всѣхъ концовъ обширнаго нашего Отечества; присылка такихъ матеріаловъ до сихъ поръ продолжается. Этотъ *Словарь*, кромѣ разнообразія въ выговорѣ и производствѣ словъ, открываетъ многія реченія, вышедшія изъ общаго употребленія, но сохранившіяся въ памятникахъ древней письменности нашей и уцѣлѣвшія въ живой рѣчи народной. Между областными реченіями находимъ и такіа, которыя могутъ послужить къ обогащенію современ-

наго языка. Печатаніе и сего Словаря въ скоромъ времени окончится.

Къ нынѣшнимъ же трудамъ Отдѣленія принадлежитъ изданіе Словаря Бѣлорусскаго нарѣчія, котораго отпечатано пять листовъ.

Въ этомъ состояли занятія Отдѣленія, съ учрежденія при Императорской Академіи Наукъ особаго Отдѣленія Русскаго языка и словесности. Какіе же труды ожидаютъ насъ въ будущемъ? Чтò предложитъ намъ совершить, съ Божіею помощію, въ послѣдовательномъ порядкѣ начертанныхъ Положеніемъ занятій?

Изученіе языка и Словесности каждаго народа представляетъ изслѣдованія трехъ родовъ: I. теоретическія, II. историческія и III. критическія.

Къ изслѣдованіямъ перваго рода принадлежатъ: 1) лексикологическое и грамматическое познаніе отечественнаго языка; 2) общая и сравнительная Грамматика, какъ основаніе, на которомъ строится зданіе каждаго языка, отдѣльно разсматриваемаго. Сверхъ того для насъ необходимы: 3) Словарь сравнительный и 4) Грамматика сравнительная языковъ Славянскихъ; 5) теорія поэзіи и краснорѣчія, какъ прикладная Эстетика, безъ которой не можетъ существовать критика.

Къ историческимъ изслѣдованіямъ относятся: 1) общая исторія литературы; 2) исторія отечественнаго языка и соплеменныхъ Славянскихъ языковъ; 3) исторія Русской литературы и лѣтопись современной отечественной письменности. Сюда принадлежатъ 4) собранія областныхъ словъ и народныхъ поговорокъ, пѣсенъ, сказокъ и другихъ преданій, завѣщающихъ намъ отъ предковъ нашихъ и переходящихъ изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія къ другому. Мысль, въ остромъ словѣ излетѣвшая молніею изъ устъ, вздохъ и радость, въ пѣснѣ излившіяся изъ груди, переживаютъ всѣ превратности человѣческія: это духъ народный, возносящійся надъ тлѣніемъ и развалинами.

Критика, основанная на непреложныхъ законахъ науки, должна быть: 1) филологическая, разсма-

тривающая внѣшнюю сторону словесныхъ изящныхъ произведеній, и 2) эстетическая, проникающая во внутреннее ихъ изящество. Та и другая имѣетъ надобность въ образцахъ по всѣмъ родамъ поэзіи и краснорѣчія. Отсюда рождается потребность 3) въ переводахъ первоклассныхъ писателей, древнихъ и новыхъ. Языкъ нашъ долженъ испытать всѣ обороты, какіе безконечный духъ человѣка принималъ въ языкахъ просвѣщенныхъ народовъ: и тогда только онъ обогатится всѣми возможными формами, необходимыми для выраженія проявленій ума, воли и фантазіи.

По соображеніи всего предложеннаго и оконченнаго въ Отдѣленіи съ общимъ начертаніемъ дѣйствій онаго, не трудно вывести заключеніе о дѣйствіяхъ нашихъ будущихъ, тоже въ упомянутомъ троякомъ отношеніи: въ теоретическомъ изученіи языка и словесности, историческомъ и критическомъ.

Въ первомъ отношеніи, Мм. Гг., главнымъ предметомъ занятій нашихъ будетъ 1) приготовленіе втораго изданія Словаря. Еще въ 1848 году (13 Марта) Отдѣленіе, находя, что, по поступающимъ на Словарь отъ книгопродавцевъ требованіямъ, онъ долженъ разойтись не болѣе какъ въ четыре года или въ пять лѣтъ, и принимая въ уваженіе, что почти столько же времени потребуется для напечатанія втораго, исправленнаго и пополненнаго изданія, заблаговременно приняло мѣры для нужныхъ къ тому приготовленій и предполагало, по окончаніи предварительной работы, приступить къ печатанію Словаря. Но какъ Отдѣленіе въ то время занялось печатаніемъ Словаря областныхъ реченій и пересмотромъ печатаемой Грамматики; то предположеніе о второмъ изданіи полнаго Словаря было отложено. Нынѣ мы приступимъ къ исполненію этого намѣренія, съ измѣненіями и дополненіями, указанными и временемъ и опытомъ, для усовершенствованія сего важнаго творенія. Такъ и. п. во всѣхъ языкахъ первыя значенія словъ принадлежатъ предметамъ физическимъ и простому быту народа, а отъ физическихъ предметовъ заимствуются значенія для понятій умственныхъ, или отвлеченныхъ: это основной законъ для лексикографовъ. Въ нашемъ Словарѣ, по причинѣ огромности труда и по-

спѣшности работы, этотъ законъ не вездѣ соблюдень съ надлежащею точностью. Возьмемъ слово *дворъ*, имѣющее и собственное значеніе, и переносное. Естественно первымъ значеніемъ этого слова поставить слѣдуетъ въ Словарѣ: 1) мѣсто у дома, обнесенное заборомъ, или находящееся внутри строенія. Отсюда *на дворъ*, зн. подъ открытымъ небомъ. 2) Отдѣльное помѣщеніе для храненія разныхъ запасовъ и товаровъ, равно для содержанія скота или домашнихъ птицъ. Отсюда названія: *хлѣбный дворъ*, *конюшенный*, *скотный*, *птичій*, *постоялый*, *гостиный*. 3) Хранилище разныхъ вещей. Отсюда: *комлазжый дворъ*, *житный*, *монетный*. 4) Домъ, жилище. Отъ того выраженіе: *жить обо дворъ*, зн. жить въ сосѣдствѣ. 5) Дипломатическое и высшее значеніе. Такое толкованіе словъ представляетъ послѣдовательность значеній отъ первоначальныхъ къ переноснымъ, въ чемъ и состоитъ главное достоинство Словаря, и отъ чего зависитъ точность объясненія реченій. Въ Словарѣ эти значенія слова «дворъ» поставлены въ обратномъ порядкѣ.

2) Печатаніе Словаря Бѣлорусскаго нарѣчія, подъ редакціею Протоіерея Григоровича, доведеннаго до 6 листа, будетъ продолжаться. Этотъ Словарь, котораго недоставало для полноты Русской филологіи, необходимъ между прочимъ для пониманія важныхъ и любопытныхъ актовъ, издаваемыхъ на этомъ нарѣчій Археографическою Коммиссіею.

3) Послѣ изданія *Опыта общесравнительной Грамматики Русскаго языка*, безъ сомнѣнія, будутъ встрѣчаться отдѣльные изслѣдованія грамматическія, теоретическія и историческія, каковы разысканія Протоіерея Павскаго, Профессора Буслаева, которыя послужатъ дополненіемъ или улучшеніемъ нынѣ издаваемой Грамматики. Изслѣдованія такого рода мы уже имѣли случаи встрѣчать, и будемъ пользоваться благонамѣренными замѣчаніями.

4) У насъ нѣтъ до сихъ поръ Словаря *синонимъ*; а опыты, читаемые въ Академическихъ Извѣстіяхъ бывшаго Президента Россійской Академіи, А. С. Шишкова, въ трудахъ Московскаго Общества Словесности—П. Калайдовича, Саларева, также весьма удачныя объясненія нѣкоторыхъ подобнозначащихъ словъ Д. М.

Княжевича и другія заставляютъ только сожалѣть, что никто изъ литераторовъ и филологовъ не обратилъ вниманія на столь полезный трудъ, безъ котораго нельзя научиться точности и опредѣлительности въ слогѣ, какъ безъ красокъ нельзя придать жизни картинѣ. Приготовленіе матеріаловъ для этого труда принялъ на себя Членъ Я. И. Березниковъ.

5) Что касается до *сравнительнаго Словаря Славянскихъ нарѣчій* и *словопроизводнаго Русскаго Словаря*, то эти труды, какъ требующіе продолжительныхъ приготовительныхъ занятій, будутъ состоять только въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ. Считаю излишнимъ подробно перечислять пользу сихъ Словарей, которые составили бы эпоху въ лѣтописяхъ просвѣщенія: это для каждаго очевидно. Еще первый Предсѣдательствующій Отдѣленія въ одномъ изъ отчетовъ оного сказалъ, что сравнительный Словарь Славянскихъ нарѣчій можетъ быть совершенъ только у насъ, и притомъ не иначе, какъ подъ покровительствомъ нашего благодѣтельнаго Правительства. Словарь ученаго Линде представляетъ примѣръ такого Словаря, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ эти слова. Дѣйствительно, такой Словарь можетъ быть составленъ удовлетворительно только у насъ, даже и по той причинѣ, что къ намъ ближе, нежели ко всемъ прочимъ Славянамъ, Старославянскій, или Церковно-Славянскій языкъ, служащій основаніемъ при сравненіи всехъ нарѣчій Славянскихъ. Въ сравнительномъ Словарѣ Славяне увидятъ забытое многими изъ нихъ племенное родство.

6. Послѣ сравнительнаго Словаря Славянскихъ нарѣчій можно будетъ приступить къ составленію Русскаго словопроизводнаго Словаря: корни, утраченные въ одномъ нарѣчій, найдутся въ другомъ; одно нарѣчіе послужитъ другому поясненіемъ и дополненіемъ.

Во второмъ, т. е. историческомъ отношеніи, 1) исторія Славяно-Русской словесности ожидаетъ дѣлателей. Мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ жизнеописаній и характеристикъ писателей нашихъ, разбѣянныхъ по разнымъ учебникамъ и журналамъ, каковы Академиковъ: Жуковскаго, Кн. Вяземскаго, Плетнева и Шевырева, П. И. Греча и другихъ. Такого рода исто-

рическія изслѣдованія писателей нашихъ и различныхъ періодовъ словесности послужатъ наилучшими матеріалами для ея исторіи, которой начало уже имѣемъ въ ученомъ трудѣ Академика Шевырева. Для текущей письменности Отдѣленіе предположило вести подробную лѣтопись всѣхъ издаваемыхъ на Русскомъ языкѣ сочиненій: эти литературныя наблюденія надъ ходомъ письменности нашей столь же необходимы въ литературѣ, какъ въ естествознаніи необходимы наблюденія надъ природою, никогда не останавливаясь. Такая литературная лѣтопись будетъ составлятьсѣ подъ надзоромъ Сочлена нашего Я. И. Бердниковъ.

2) Съ исторіею словесности неразрывно соединена исторія нашего языка. Сочленъ нашъ И. И. Срезневскій въ «Мысляхъ своихъ объ исторіи Русскаго языка» показалъ прекрасный опытъ изслѣдованій сего рода. Такія изслѣдованія будутъ драгоценными матеріалами для Грамматики Русскаго языка исторической.

Въ третьемъ отношеніи, или въ отношеніи къ критикѣ вообще, я разумѣю: 1) эстетическіе разборы отечественныхъ писателей и 2) филологическія разнисканія ихъ языка. Сюда принадлежатъ 3) толкованія и изданія памятниковъ Славяно-Русскихъ и 4) собственно древнихъ Русскихъ. Такого рода изданія послужатъ дополненіемъ памятникамъ историческимъ и дипломатическимъ, съ блистательнымъ успѣхомъ совершаемымъ Археографическою Коммиссіею и Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Сочленъ нашъ М. П. Погодинъ уже вызвался, для перваго опыта такого труда, сообщить намъ изъ своего *древлехранилища* одну изъ рѣдкихъ рукописей. Образцами разборовъ эстетическихъ можно представить разборъ трагедіи Озерова «Эдипъ» — Мерзлякова, а филологическихъ — разсмотрѣніе «Остромирова Евангелія» — Академика Востокова.

Въ кругъ занятій нашихъ войдутъ также произведенія Членовъ Отдѣленія изъ области Изыщной словесности и Русской исторіи.

Вотъ какое обширное начертаніе развивается предъ нами для нашихъ занятій Славяно-Русскою словесностью, на основаніи главныхъ указаній Поло-

женія! Занятія наши по прежнему мы раздѣлимъ на два рода: а) *совокупныя* и б) *особенныя*. Въ совокупныхъ, каковы составленіе Словарей, участвуютъ всѣ Члены, посѣщающіе еженедѣльные засѣданія Отдѣленія. Особенныя зависятъ отъ выбора каждаго Члена, но прочтываются въ еженедѣльныхъ или въ особыхъ Комитетахъ, изъ среды Членовъ составляемыхъ. Совокупные труды Отдѣленія и особенные большаго объема печатаются отдѣльными книгами; сочиненія Членовъ меньшаго объема впредь будутъ печататься въ Извѣстіяхъ Отдѣленія, издаваемыхъ въ томъ же видѣ, какъ Извѣстія двухъ другихъ Отдѣленій Академіи. Редакцію сихъ Извѣстій, съ разрѣшенія высшаго Начальства, принялъ на себя Членъ И. И. Срезневскій.

Во всѣхъ трудахъ нашихъ, предпринимаемыхъ для пользы роднаго языка и отечественной словесности, мы надѣемся на пособіе Членовъ Отдѣленія отсутствующихъ и стороннихъ ученыхъ, извѣстныхъ по своимъ занятіямъ нашею Русскою наукою. Мы увѣрены, что намъ въ этомъ дѣлѣ подадутъ руку литературнаго общенія и соплеменные, ученые Славянисты. Сокровища наукъ и искусствъ принадлежатъ равно всѣмъ странамъ, всѣмъ народамъ; но произведенія словесности составляютъ цвѣтъ одной какой-либо страны, достояніе одного какого-либо народа. Такъ произведенія и изслѣдованія Славяно-Русской словесности для Русскихъ драгоценнѣе всѣхъ другихъ сокровищъ наукъ и искусствъ. Если науки и искусства вводятъ насъ въ сферу всемірнаго просвѣщенія и богатствъ всего человѣчества; то отечественная словесность развиваетъ народный умъ и характеръ, выражаетъ назначеніе, къ какому каждый народъ бываетъ призванъ.

Симъ заключаю мнѣніе мое о занятіяхъ нашего Отдѣленія, согласныхъ съ современными требованіями филологін. Передаю это начертаніе занятій вамъ, Мм. Гг., для ближайшаго соображенія и дальнѣйшаго развитія. Поставляя высшую помощь, сверхъ всякой человѣческой помощи, въ благословеніи Небесномъ, неспросимъ благоговѣнно сего благословенія трудамъ нашимъ у Господа Бога, подателя всѣхъ благъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

II.

Новыя изслѣдованія о нарѣчій Старославянскомъ.

Успѣхи Славянской филологіи въ наше время, хотя и не могутъ еще вполне удовлетворить желаніямъ и ожиданіямъ слишкомъ требовательнымъ, тѣмъ не менѣе выражаются довольно ясно въ дѣятельности ученыхъ отечественныхъ и иностранныхъ — и многосторонностью трудовъ и взглядовъ, и отчетливостью въ разработкѣ подробностей, и осторожностью въ сближеніяхъ фактовъ и въ выводахъ изъ нихъ, и основательностью знанія того, что сдѣлано прежними наблюдателями и изслѣдователями, и заботливостью о новыхъ наблюденіяхъ тамъ, гдѣ прежнія наблюденія не достаточно полны или вѣрны. Всю эту дѣятельность, со всею ея плодами, все болѣе многообразными и обширными, нельзя уже назвать случайностью: она теперь развивается не въ слѣдствіе прихоти нѣсколькихъ лицъ, какъ могло казаться это прежде, а въ слѣдствіе требованій современной науки и образованности, и привлекаетъ къ себѣ сочувствіе и соучастіе, какъ необходимость, какъ одна изъ отраслей общей историко-филологической дѣятельности нашего времени, какъ такая отрасль, безъ успѣховъ которой не могутъ не замедляться успѣхи и другихъ отраслей.

Успѣхи Славянской филологіи въ наше время видны между прочимъ и изъ того усердія, съ какимъ все болѣе и болѣе занимаются изслѣдованіями состава и строя, памятниковъ и судебъ древнихъ нарѣчій Славянскихъ — древняго церковнаго, древняго Русскаго, древняго Чешскаго и пр. Незабвенные труды Карамзина, Прот. Алексѣева, Добровскаго, Востокова, Р. Тимковскаго, К. Калайдовича, Кошпитара, Ганки, Шафарика не только не остались безплодными; но напротивъ того вызвали и все болѣе вызываютъ многихъ даровитыхъ тружениковъ на это поприще, столь важное для пользы и науки древностей новой Европы и сравнительной филологіи Индо-Европейской. Поприще раскрыто — и работы продолжаютъ съ утѣшительнымъ рвеніемъ. Не всѣ дѣлатели одинаково счастливы удачею работъ; но частныя неудачи не мешаютъ общему успѣху. Какъ принадлежность этого успѣха явилась между прочимъ и увѣренность, что историко-лингвистическія изслѣдованія необходимы для рѣшенія вопросовъ литературныхъ, археологическихъ, юридическихъ: эта увѣренность дала новую жизнь и самимъ изслѣдованіямъ лингвистическимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературѣ, наукѣ древностей, исторіи права. Вслѣдъ за этимъ явилось и сочувствіе къ трудамъ филологическимъ въ молodoмъ поколѣніи ученыхъ и въ обществѣ.

Имѣя въ виду слѣдить за ходомъ этихъ трудовъ, мы ограничимся на первый разъ обзорѣмъ новыхъ изслѣдованій по нарѣчію Старославянскому.

И прежде всего считаемъ долгомъ привѣтствовать заслуги ученаго Хорутанина, который, пошедши по пути своего соотчича, В. Кошпитара, въ короткое время занялъ между филологами Славянскими одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ: мы говоримъ, о Профессорѣ Вѣнскаго Университета *Фр. Миклошичъ*. «Въ настоящее время — по замѣчанію нашего знаменитаго сочлена А. Х. Востокова — онъ одинъ изъ первыхъ знатоковъ Старославянской письменности и дѣятельнѣйшій сподвижникъ на этомъ поприщѣ».

Въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ онъ издалъ слѣдующіе труды.

Въ 1845: — *Radices linguae Slovenicae veteris dialecti*. Leipzig. (8°. VI + 141). — *S. Iohannis Chrysostomi Homilia in ramos Palmarum*. Slovenice, Latine et Graece cum notis criticis et glossario. Accedunt epimetra duo, ad historiam Serbiae spectantia. Vindobonae (8° VIII + 72).

Въ 1847: — Рецензія изданія Остромирова Евангелія въ *Wiener Jahrbücher der Literatur*. N° 119 (8°. стр. 1 — 39). — *Vitae Sanctorum e codice antiquissimo palaeoslovenice cum notis criticis et glossario. Accedunt epimetra grammatica quinque*. Viennae (8°. VI + 55).

Въ 1850: — *Lehre von der Conjugation im Altslovenischen*. (въ *Denkschriften der K. Akademie der Wissenschaften*. I-er Band. Wien. 1850. (4°. стр. 167 — 206). *Lautlehre der Altslovenischen Sprache*. Wien (8°. 52). — *Formenlehre der Altslovenischen Sprache*. Wien (8°. 75). — *Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti*. Vindobonae (4°. XIV + 204).

Въ 1851. — *Monumenta linguae Palaeoslovenicae e codice Suprasliensi. Sumptibus Caesareae Scientiarum Academiae*. Vindobonae. (8°. XII + 456 + 4).

Въ каждой изъ этихъ книгъ есть надѣ тѣмъ остановиться съ филологу съ признательностью къ ихъ автору.

Особенно любопытно все, что написано г. Миклошичемъ относительно грамматическаго строя нарѣчій Старославянскаго. Основывая свои наблюденія на открытіяхъ Востокова и Кошпитара, онъ умножилъ ихъ нѣкоторыми новыми выводами, и, безъ сомнѣнія, былъ бы еще счастливѣе въ своихъ замѣчаніяхъ, если бы могъ пользоваться болѣе многочисленнымъ древнихъ рукописей. Тѣ отрывочныя замѣчанія, которыя сдѣланы имъ частью въ рецензіи Остромирова Евангелія, частью въ эпиграмахъ, приложенныхъ къ *Vitae Sanctorum*, и въ другихъ мѣстахъ, сталъ онъ сводить въ систематическое цѣлое въ грамматическихъ запискахъ, составленныхъ имъ для своихъ университетскихъ слушателей. Его *Lautlehre* и *Formenlehre* представлены читателямъ какъ части этихъ записокъ, и достойны общаго вниманія любителей Славянской Филологіи.

Предлагаемъ читателямъ выписку изъ записки объ этихъ двухъ книжкахъ г. Миклошича, представленной во Второе Отдѣленіе Академіи О. А. А. Х. Востоковыми.

«Не смотря на нѣкоторые недостатки, обѣ эти книжки заслуживаютъ похвалу, какъ лучшіе опыты въ своемъ родѣ и какъ необходимое пособіе каждому любителю Словенскаго языка, по множеству собранныхъ въ нихъ драгоценныхъ примѣчаній и примѣровъ».

I.

«Въ Lautlehre изложилъ г. Миклошичъ свои понятія о Старословенскомъ языкѣ въ отношеніи къ звукамъ.

Съ начала идетъ раздѣленіе буквъ. Гласныя, къ коимъ причислены *л* и *р*, какъ въ Санскритской грамматикѣ, дѣлитъ Миклошичъ во-первыхъ на одинакія и двойныя или двугласныя (*einfache und doppelte*), одинакія же на твердыя и слабыя (*starke und schwache*). Твердыя сѣтъ: *а, е, и, о, л, р, ѡ, ѣ*; слабыя: *ъ и ѣ*. Изъ твердыхъ гласныхъ *а, е, и, о, л, р*, сѣтъ чистыя (*rein*), *ѡ, ѣ* мутныя (*getrübt*). Двойныя гласныя сѣтъ *ѣ* и *оу*. — Почему онѣ двойныя? разѣ по начертанію ихъ, ибо *ѣ* кажется составленною изъ *ь* и *і*, положенныхъ на крестъ, а *оу* явно состоитъ изъ двухъ буквъ: *о* и *у*: но звукъ ихъ отнюдь не двоегласный. Гласныя раздѣлены потомъ еще на мягкія и жесткія (*weiche und harte*). Мягкія сѣтъ: *е, и, ѡ, ѣ, ѡ, ѣ*, жесткія: *а, о, ѡ, ѣ*. Многія требуютъ измѣненія предшествующихъ имъ гортанныхъ въ соотвѣтствующія свистящія или поднебныя; жесткія сего не требуютъ. Согласныя дѣлятся на плавныя и нѣмыя (*flüssige und stumme*). Плавныя сѣтъ: *л, п, р*; нѣмыя сѣтъ: зубныя: *т, д*, губныя: *п, б, в, м*, гортанныя: *к, г, х*, поднебныя: *ч, ж, т*, свистящія (*sibilanten*): *ц, з, с*, — и *и* м сѣтъ носовыя согласныя.

Каждая буква разсмотрѣна во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, и именно:

1) Какія слова начинаются съ той буквы; напр. съ *а* начинаются: *а* (союзъ) *аште, абикъ, азъ, ашютъ, ални, алдиц, алкати*, и пр.

2) Какими гласными она замѣняется или въ какую переходитъ; напр. *а* мѣняется съ *е*, съ *о*, съ *и*, съ *ѡ*, съ *ѣ*.

3) Гдѣ она служитъ вставкою для благогласія.

4) Гдѣ она замѣняетъ другія гласныя.

Такимъ образомъ разобраны гласныя *а, е, и, о, л* и *р, ѡ, ѣ, ѡ, ѣ, ѡу, ѣ, ѡ, ѣ, ѡ, ѣ*. Послѣднія пять называетъ Миклошичъ *praejotierte und praejerierte vocale*, т. е. предшествуемыя *і* или *іоту*, и предшествуемыя *ь*-мъ. Когда сѣи буквы употреблены въ началѣ слога или послѣ гласной, тогда надобно считать ихъ соединенными съ *іоту*; когда же слѣдуютъ послѣ согласной, смягчаемой ими, тогда надобно считать ихъ соединенными съ *ь*-мъ. За сѣмъ

разобраны гласныя, имѣющія *іоту* пазади (*postjotierte vocale*), т. е. послѣдуемыя *і* краткимъ. Къ сѣмъ гласнымъ причисляетъ Миклошичъ также *ѣ*.

Причина, по коей *л* и *р* причислены къ гласнымъ, кажется мнѣ не довольно основательною: *л* и *р* безъ помощи гласныхъ могутъ стоять въ среднѣ словъ, напр. *пльнъ, чрьнъ, и пр.*; при чемъ однако за ними непременно долженъ слѣдовать *ъ* или *ь*: слѣдовательно гласныя тутъ не *л* и *р*, а *ъ* и *ь*.

Послѣ исчисленія гласныхъ слѣдуютъ статьи: о слияніи и звукослияженіи гласныхъ (*assimilation der vocale*); о стеченіи одинакихъ звуковъ (*hiatus*); о переходѣ звуковъ по степенямъ (*Lautsteigerung*). Такъ называетъ авторъ перемѣны гласныхъ однихъ на другія при словопроизводствѣ. Напр. *е* переходитъ въ *о*: *водити* отъ *вед*; *о* переходитъ въ *а*: *важдати* отъ *вод* и т. д. О краткости и долготѣ слоговъ и объ удареніяхъ авторъ не могъ ничего сказать, потому что въ древнихъ рукописяхъ нѣтъ знаковъ ударенія.

Далѣе говорится о согласныхъ, и во первыхъ, о плавныхъ согласныхъ *л, р, и*. Здѣсь *л* и *р* разсматриваются какъ согласныя. Потомъ о зубныхъ: *т, д*, и о соединенныхъ съ ними поднебныхъ звуко сочетаніяхъ: *шт* и *жд*; о губныхъ согласныхъ *п, б, в, м*; о гортанныхъ *к, г, х*, и объ измѣненіи ихъ: при стеченіи съ *е, и, б, ѡ, ѣ* въ поднебныя *ч, ж, ш*, или въ свистящія *ц, з, с*.

Въ концѣ приложено: о слияніи и замѣнѣ согласныхъ подобными имъ (*assimilation der consonanten*), и именно: объ употребленіи *с* вмѣсто *з* въ предлогахъ передъ *п, т, к, х* (*бесцѣтитъ, итешти, раскопати, вьсходити*); *з* вмѣсто *сг* и *сь* передъ *д* (*здравъ, вмѣсто сьдравъ, зде вмѣсто сьде*), *г* вмѣсто *к* (где, вмѣсто кѣде) и о перемѣненіи звуковъ (*Lautversetzung*): *коприва* и *кропива, гомѣла* и *могѣла*».

II.

«Formenlehre г. Миклошича заключаетъ въ себѣ систему склоненій и спряженій.

Миклошичъ принимаетъ троякое склоненіе: 1) существительное (*substantivisch*), 2) мѣстоименное (*pronominal*) и 3) сложное (*zusammengesetzt*).

Въ каждомъ склоненіи слова дѣлятся по родамъ и по окончаніямъ.

Въ склоненіи существительномъ мужескій родъ имѣетъ три подраздѣленія по окончаніямъ: 1) *ъ*, напр. *сѣинъ*: по сему образцу склоняются также прилагательныя и причастія на *ъ*, напр. *добръ*; 2) *и* (т. е. *ii*) напр. *краи*, и прилаг. *божини*; 3) *ь*, напр. *мѣжъ*, прилагательныя на *ь*, напр. *тоужедъ*, числительныя: *трии, четирии*. Женскій родъ имѣетъ также три подраздѣленія по окончаніямъ: 1) *а*, напр. *рѣба*, прилаг. ж. *добра*; 2) *ѣ*: *доуѣ, тоужда, божиѣ*; 3) *ь*: *кость*. Къ сему послѣднему причислены окончанія на *и, ѣ*: *мати, дѣти, цѣркѣ*, также числительныя: *пять, десять, и пр.* —

Средній родъ подраздѣляется такимъ же образомъ на три окончанія: 1) *о*, напр. *мѣсто*, прилаг.: *добро*; 2) *е*, напр. *поле*, прилаг. *тоужде*, *божне*; 3) *а*: *има*, *жртба*, и пр.

Неправильно склоняются мѣстоименія личныя *азъ*, *мѣ*, *са*, и (ниже). По сіе послѣднее вѣрише бы отнести къ мѣстоименному склоненію.

Мѣстоименное склоненіе по окончаніямъ имѣетъ два подраздѣленія: 1) *ъ*, напр. *тѣ*, *та*, *то*. Сюда причислены и мѣстоименія *кто*, числительныя *два*, *оба*; 2) *ь*: *сь*, *си*, *се*. Сюда же причислены *мой*, *твой*, *нашъ*, *вашъ*, *кѣй*, *чій*, *двой*, *обои*, *что*, *всѣ*.

Сложное склоненіе произошло отъ соединенія существительнаго и мѣстоименнаго, и по окончаніямъ дѣлится на два подраздѣленія: 1) *ти*: *добрѣ* (*добрѣи*), *добра*, *добро*; 2) *и*: *тоужди*, *тоужда*, *тоужде*.

Въ выраженіи: *блгоу са ѣмъ*, стран. 2, сочинитель ошибочно считаетъ *блгоу* родительнымъ надежемъ: это дательный.

Стр. 4. Замѣченное сочинителемъ смѣшеніе падежей родительнаго множественнаго съ мѣстнымъ множественнаго, (напр. мѣстный вмѣсто родительнаго: отъ *родителнихъ*, прѣжде *трехъ мѣсцохъ*; прѣжде *сихъ четърехъ днехъ*; родительный вмѣсто мѣстнаго: при *беспѣтъхъ* ангелъ, попечеться о *тѣлсѣхъ* своихъ *потрѣбъ*, и т. д.) должно приписать вліянію Сербскаго народнаго языка, который издавна смѣшивалъ окончанія разныхъ падежей, потерявши разность *сихъ* окончаній.

Стр. 7. Въ склоненіи прилагательнаго *божне* творительный единственнаго кажется правильнѣе было бы *божнимъ*, вмѣсто *божнемъ*, и дательный и творительный двойственнаго *божнима*, вмѣсто *божнемъ*.

Стр. 8. Сочинитель полагаетъ, что *мѣже* пишется вмѣсто *мѣжеѣ*, *краи*, вмѣсто *краѣѣ*; потому, что къ *симъ* и къ другимъ подобнымъ словамъ приставляется слогъ *ов*, *ев*. Этотъ выводъ кажется мнѣ не вѣренъ. Если *ь* и *и* принимаютъ *ев*, напр. *мѣжеви*, *краеве*, то для этого не нужно прибѣгать къ посредству небывающаго звуко сочетанія *ѣѣ* и *и* могутъ переимѣняться въ *ев*, такъ какъ *ѣ* въ *ов*.

Стр. 11. Склоненіе числительнаго *четыре* должно быть слѣдующее:

Именит. *четыре* (а не *четѣрикъ*).

Родит. *четѣрь* (а не *четѣръ*), и т. д.

Стр. 12. Должно замѣтить, говоритъ сочинитель, что нѣкоторыя существительныя вмѣсто *и* имѣютъ древнѣйшее окончаніе *и*: *гредѣи*, *рабѣи*, и т. д., *мѣи*, *сѣи*; также причастія жен. р. *сѣи*, *бѣи*, и сравнит. степ. *больши*, стоятъ вмѣсто *сѣи*, *бѣи* и *больша*, или собственно, вмѣсто *сѣи*, *бѣи* и *больша*. По этимъ словамъ заключать можно, что Миклошичъ считаетъ древнее окончаніе *и* исключеніемъ изъ правила, между тѣмъ

какъ это окончаніе составляетъ правило, и объемлетъ въ себѣ цѣлый рядъ существительныхъ, именно: всѣ на *и* и нѣкоторыя на *и*: *сѣи*, *мѣи*, *вѣи*, *пѣи*, *пѣи* и т. д. Тоже должно разумѣть и о женскомъ родѣ причастій и прилагательныхъ сравнительной степени на *и*, *и*.

Стр. 13. *цркви* и *смокви* есть уже позднѣйшее измѣненіе вмѣсто древняго *цркѣ*, *смокѣ*.

Стр. 14. Родительный множественнаго *цркѣ* изъ Супрасельской рукописи нѣтъ нужды производить отъ именительнаго *црква*, котораго въ древнемъ языкѣ не было. *Цркѣ* также правильно произведено отъ *цркѣ*, какъ *боука* отъ *боука* и *смокви* отъ *смокѣ*.

Стр. 15. Если именительный единственнаго *цркѣ*, то почему же звательный *цркѣ*? кажется, звательный долженъ быть здѣсь сходенъ съ именительнымъ. Отъ *мати* звательный показанъ *матери*—вѣроятно опечаткою; должно быть *мати*, какъ въ именительномъ.

Числительное *десять* въ именительномъ двойственнаго и множественнаго имѣло *десяте*, что доказывается сложными *двадѣсате*, *тридѣсате*, *четѣредѣсате*, а въ родительномъ множественнаго *десяти*, отъ чего составились сложныя *пѣдѣсате*, *шѣдѣсате*, и т. д.

Стр. 16. Въ склоненіи ср. р. *мѣсто*, дательный двойственнаго долженъ быть *мѣстома*, а не *мѣста*, какъ напечатано ошибкою.

Стр. 19. *Оцъ* написалъ Миклошичъ только въ Болгарской рукописи Марк. IX. 47.; но онъ могъ бы найти это окончаніе и въ Остромир. Еванг. Мат. VII. 4.

Стр. 25. *кои*, *кои*—неправильно. Я склоняю это мѣстоименіе такъ:

	един.			множ.		
	муж.	жен.	ср.	муж.	жен.	ср.
именит.	кѣи	каѣ	коѣ	кѣи	каѣ	каѣ
родит.	коѣго	коѣѣ	коѣго	коѣю	кѣи	каѣ
дат.	коѣмоу	коѣѣ	коѣмоу	кѣима	кѣимъ	
винит.	кѣи	кѣѣ	коѣ	каѣ	каѣ	каѣ
творит.	кѣимъ	коѣѣ	коѣмъ	кѣима	кѣими	
мѣстн.	коѣмъ	коѣѣ	коѣмъ	коѣю	кѣи	каѣ

Стр. 27. *Объиенію* въ Сербской рукописи есть конечно описка вмѣсто *объиенію*.

Стр. 39. Миклошичъ полагаетъ, что причастія дѣйствит. настоящ. и прош. вр. употребляются только въ именительномъ падежѣ, напр.

	муж.	жен.	ср.
ед. хвала	хвала	хвала	хвала
дв. хвала	хвала	хвала	хвала
множ. хвала	хвала	хвала	хвала

Отъ этой формы причастія, лишенной, по его мнѣнію, косвенныхъ падежей, отдѣляетъ онъ собственно такъ на-

зывается причастіе (das eigentliche particip): хвалашть, хвалашта, хвалаште. Но хвалашть есть винительный падежъ причастія хвала, а хвалашта родительный падежъ того же причастія, и сочинитель напрасно лишаетъ причастія хвала косвенныхъ падежей.

Стр. 40. Для причастія дѣйствительнаго прошедшаго выбралъ Миклошичъ сокращенную форму хвалъ, вмѣсто хвалисъ; но мнѣ не встрѣчалась никогда эта форма отъ глаг. хвалити, и я думаю, что не всѣ глаголы на *ити* могутъ принимать сокращеніе *ъ* вмѣсто *исъ*. Ганка едва ли не справедливо замѣтилъ, что *хвалъ* не употребительно.

Стр. 48. Встрѣчающіяся въ Glag. Cloz. слова *сати* (εφτ) и *сати* (φτς) сочинитель относитъ къ корню *сы*. Онъ сравниваетъ это слово съ глаголами клати—кльн, жати—жън, чати—чън, и полагаетъ, что *сати* должно имѣть корнемъ *сы*, такъ какъ клати, жати, чати,—кльн, жън, чън. Но гдѣ встрѣчается *сы*?

Въ концѣ отдѣла о склоненіяхъ помѣщены прибавленія: 1) объ образованіи сравнительной степени, 2) склоненіе сравнительной степени, 3) склоненіе причастіи дѣйствительныхъ настоящаго и прошедшаго времени, 4) научнообразное раздѣленіе существительныхъ (wissenschaftliche Eintheilung der substantiva). По сему раздѣленію существительныя дѣлятся на 4 класса: 1) *а*, 2) *и*, 3) *у*, и 4) согласныя. Къ классу *а* отнесены рыба, душа; къ классу *и* женскія на *ь*: кость, и мужскія, склоняющіяся какъ *нѣтъ*; къ классу *у* склоняющіяся какъ *раба*, *мѣжь*, *край*, также средняго рода на *о*, *е*: *мѣсто*, *поле*; къ классу согласныхъ мужескія *кора*, *калы*, женское *свекръ*, и средня *слово*, *имя*, *тѣло*.

За симъ слѣдуетъ ученіе о спряженіяхъ.

Наклоненія и время показано 15, именно: 1) неопределенное (infinitiv), 2) достигательное (supinum), 3) настоящее (praesens), 4) повелительное (imperativ), 5) прошедшее (aorist), 6) преходящее (imperfect), 7) причастіе дѣйствительное настоящаго времени (particip praes. act.), 8) причастіе страдательное настоящ. вр. (part. praes. pass.), 9) причастіе дѣйствительное прошедш. вр. (part. praet. act.), 10) причастіе страдательное прош. (part. praet. pass.), 11) причастіе дѣйствительное прош. 2-е (part. praet. act. II), по моему—причастіе спрягаемое: *лъ*, *а*, *о*, 12) будущее (futurum), 13) совершенное (perfect), по моему прошедшее сложное:—*лъ* *къ* *смь*, 14) давнопрошедшее (plusquamperfectum), по моему преходящее сложное—*лъ* *бѣхъ*, 15) условное (conditionalis)—*лъ* *бѣихъ*.

Глаголы раздѣлены для спряженія на 6 классовъ.

1-й классъ, гдѣ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія приставляется непосредственно къ корню (thema), подраздѣленъ на 6 отдѣленій, по послѣдней буквѣ корня, которая названа глагольнымъ характеромъ (verbalcharacter).

Отдѣленіе I, глагольный характеръ зубной *т*, *д*: плет-плетти, вед-вести.

—	II,	—	—	свистящій <i>з</i> , <i>с</i> : вез-вести, нес-нести.
—	III,	—	—	губной <i>п</i> , <i>б</i> , <i>в</i> : чрьп-чрьти, греб-грети, жив-жити.
—	IV,	—	—	горташній <i>к</i> , <i>г</i> , <i>х</i> : пек-пешти, мог-мошти, врѣх-врѣшти.
—	V,	—	—	носовой <i>н</i> , <i>м</i> : клън-клати, им-ѣати.
—	VI,	—	—	гласныя <i>а</i> , <i>и</i> , <i>ѣ</i> , <i>оу</i> , <i>ѣ</i> : знати, бити, пѣти, чоути, мѣти.

2-й классъ, гдѣ *ти* неопред. накл. приставляется къ корню посредствомъ слога *иѣ*: двигнѣти.

3-й классъ, гдѣ *ти* приставляется къ корню посредствомъ двугласной *ѣ*, подраздѣляется на три отдѣленія.

Отдѣленіе I. глаголъ принимаетъ въ настоящемъ времени *е*: мрѣти, мрешн.

Отдѣленіе II. глаголъ принимаетъ въ настоящ. врем. *и*: горѣти, горшн.

Отдѣленіе III. глаголъ принимаетъ послѣ *ѣ* соединительную гласную *е*: грѣти, грѣшн.

4-й классъ, гдѣ *ти* приставляется къ корню посредствомъ гласной *и*: хвалити.

5-й классъ, гдѣ *ти* приставляется къ корню посредствомъ гласной *а*, подраздѣляется на два отдѣленія.

Отдѣленіе I. принимаетъ въ настоящемъ времени *е* вмѣсто *а*: брати, берешн, писати, пишешн.

Отдѣленіе II. принимаетъ въ настоящемъ времени *е* послѣ *а*: дѣлати, дѣлашн.

6-й классъ, гдѣ *ти* приставляется къ корню посредствомъ *ова*: коуповати.

Система спряженій Миклошича, вообще сходная съ системою Добровскаго, имѣетъ передъ собою преимущество правильнѣйшаго распредѣленія окончаній. Но и тутъ вкрались нѣкоторыя несообразности: коу-ковати, плю-плывати, блю-блывати отнесены къ I отдѣленію 5 класса, а коуповати, воквати въ 6-й классъ, между тѣмъ, какъ *тѣ* и другіе глаголы принадлежатъ къ одному классу, гдѣ *оу* превращается въ *ов*, *ю* въ *ев* или въ *ѣв*. Сочинитель не обратилъ также вниманія на различіе окончаній *ѣ* и *ѣхъ*, *ешн* и *ишн*, ибо ставитъ въ одинъ классъ глаголы зѣвати — зовѣ, тѣкати — тѣкѣ, съсати — съсѣ, и орати — орѣхъ, глаголати — глаголѣхъ, съзати — съзѣхъ, а глаголы горѣти — горшн, летѣти — летшн, и другіе подобныя поставлены во 2-е отдѣленіе 3-го класса, между тѣмъ какъ они ближе должны быть къ 4-му классу: хвалити — хвалшн, и съ ними послѣдними составить особое 2-е спряженіе.

Не менѣе достойны признательности и лексикографическіе труды г. Миклошича, важные тѣмъ болѣе, что они не могутъ не быть необходимыми пособіями для всякаго образованнаго Славянина при чтеніи древнихъ памятниковъ, восполняя собою недостатокъ книгъ этого рода, до сихъ поръ очень ощутительный.

Первымъ трудомъ г. Миклошича въ этомъ родѣ были его *Radices linguae Slovenicae veteris dialecti*, изданныя еще въ 1845 году. П. О. Шафарикъ, представляя свое мнѣніе объ этой книгѣ, привѣтствовалъ ея автора какъ продолжателя трудовъ Дурича, Добровскаго, Кошитары, и далъ ей мѣсто рядомъ съ изданіемъ Остромирова Евангелія А. Х. Востокова. (*Časopis Českého Museum*. 1845. стр. 505.)

Замѣчая отличія этого труда отъ перечня корней, составленнаго Добровскимъ въ его *Institutiones*, въ отношеніи къ системѣ, и отъ Сборника словъ, представленнаго Кошитаромъ въ *Glagolita Clozianus*, въ отношеніи къ обилію матеріала, Шафарикъ представляетъ на видъ, какъ особенныя достоинства труда — то, что онъ прировненъ къ практическимъ пользамъ, что онъ составленъ по древнимъ памятникамъ и что наконецъ представляетъ сравненія Славянскаго языка съ другими языками, особенно съ Санскритскимъ. Входя въ подробности труда г. Миклошича, г. Шафарикъ замѣчаетъ между прочимъ слѣдующее:

«Признаемся, что нѣкоторые выводы и мнѣнія автора насъ пріятно изумили. Такъ можемъ указать на статьи: *вити*, *вино*, *вѣхъвъ*, *вѣнѣти*, *врачъ*, *вѣжди*, *дѣци*, *дѣта*, *жрънѣвъ*, *злато*, *краты*, *мгнѣни*, *мѣжа*, *наглъ*, *непопырь*, *поприще* (отъ *пра-ти*), *напрагъ* (отъ *прат*), *присѣнъ* (отъ *при*), *пѣстоунъ*, *попѣва*, (отъ *пѣн-а*), *оуродъ* или *хродъ* (отъ *рад-ити*), *свила* (отъ *ви-ти*), *споузынъ* (отъ *вез-нъ*), *вынѣ*, *дѣлѣ* и т. д. Ни одинъ разсудительный судья не упрекнетъ автора, а напротивъ достолично похвалитъ его за то, что онъ различаетъ и ставитъ отдѣльно многіе такіе корни, которые бы, по мнѣнію иныхъ, могли быть соединены вмѣстѣ: нельзя не быть осторожнымъ при разборѣ языка, изученіе котораго основано на ограниченномъ кругѣ письменныхъ памятниковъ. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ, кажется намъ, повелъ свое дѣло съ излишнею осторожностью. Такъ напр. мы бы не задумались поставить подъ одинъ корень: *връхъ* и *връхъ*, *вѣнѣ* и *вѣнѣ* (ср. *крило* и *крѣнѣ*), *кликижъ* и *крикижъ*, *конати* и *чинити* (ср. *кадити* и *чадити*), *кропъ* и *крѣпъ*, *ликъ* и *лице* (*numerus* и *forma*), *лихъ* и *лишити*, *плѣсипти* и *плѣшь*, *потѣка* и *птица*, *разити* и *рѣзати*, *сунѣти* и *сулица*, *тенето* и *тынкъ*, *тынѣ*, *сплѣскати* и *плоскъ* и т. д. Впрочемъ и самъ авторъ указалъ на сродство корней во многихъ мѣстахъ, напр. въ *суровъ* и *сыръ* и т. п. Съ другою стороны, нѣкоторыя очень немногія изъ сближеній автора кажутся намъ немного смѣлыми и не совсѣмъ правдоподобными. Таковы: *жельзо* и Санскр. *hi-*

ganja (Мадьяр. *agany*, Лат. *auguri*); *пиръ* и *пити* (срав. *пирогъ* и Греч. *πυρός*) и др. Слово *простъ* представлено авторомъ какъ сложное изъ *про* и *стрѣти*; а между тѣмъ оно скорѣе находится въ связи съ *прѣсъ*, *прѣстѣ*, *прѣхати*, *прѣскати*, *прѣжъ*, съ предлогомъ *прѣсъ* и т. д. Слово *рачити* не коренное, а собственно сокращенное изъ *радчити* (какъ *стачити* изъ *статчити*, *жича* изъ *житича*, *пожитичи* отъ *пожитичити*). Такъ и *цѣста*, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ корню *чистъ* (срав. *оцѣстити* = *очистити*); слово *острогъ* есть, вѣроятно, сложное отъ *острыжъ* (срав. *отокъ*), а не производное отъ *остръ*; слово *ошибъ* тоже сложное отъ *о-шибнѣ* (срав. *о-пашъ*, *о-юнкъ*); слово *ласкати* выговорено, вѣроятно, вмѣсто *лазкати* отъ *ладъ*, *ладити* (срав. Чеш. *lázem*; *спра́земъ* отъ *страдати*, Словац. *лзаскати* вмѣсто *лазкати* отъ *ладити* и т. д.) Занимательно открытіе частицы *изъ* въ словахъ: *неизсытъ*, *изстрѣбъ*, *израбъ*, *изцѣръ*, къ которымъ должно прибавить *Прѣиславъ* вм. *Прѣславъ*. Съ этимъ сходный эмплемъ находится и въ *поизсъ*, *стоизти* (срав. Санскр. *pas* и *sthā*). Въ книгѣ г. Миклошича есть и такіе слова, которыя извлечены изъ древнихъ памятниковъ въ первый разъ. Таковы: *десити*—*invenire*, *жладѣва*—*damnum*, *жладѣжъ*—*solvere, reddere*, *комѣна*—*vestis*, *крѣкѣна*—*carrus*, (срав. Мадьяр. *kerék*—*rota*) и пр. Съ другою стороны нѣтъ въ ней нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся уже въ древнѣйшихъ рукописяхъ Кирилловскихъ; таковы напр. *панъ* (*mercenarius*), *тыкръ*, (*speculum*, срав. Мадьяр. *tükör*), *соунъ* (*turris*, срав. Мадьяр. *szén*), *сѣдра* (*gutta*), *поуть* (*bos*), *эпѣръ* (*caesius*), *кокоравъ* (*crispus*), *рамѣ* (*vehemens*), *гласѣ* и *алакъ* (*coelebs*), *хоуца* (*cohors*), *локѣва* (*stagnum*), *пладнъ* (*quies*), *топага* (*baculus*), *хралоунъ*, *хралоунѣ* (*cavus*—о деревѣ), *корста* (*tumba*), *брѣдокѣва* (*lactuca*), *дома* или *дема* (*vulnus*), *оулинъ* (*miles*), *товаръ* (*merx*) и пр. Отсутствіе такихъ словъ не можетъ быть впрочемъ поставлено въ упрекъ прекрасному произведенію: составъ Старославянскаго языка до такой степени богатъ, старинныхъ рукописей—особенно на сѣверѣ—такъ много, что, при всемъ усердіи Славянскихъ филологовъ, минуть еще вѣка, пока все будетъ вычерпано и внесено въ словарь и въ грамматику.

Находя *Radices* г. Миклошича важнымъ пособіемъ для всѣхъ, кто желаетъ узнать ближе свое родное Славянское нарѣчіе и Славянскій языкъ вообще, г. Шафарикъ говорить, что она служитъ дополненіемъ, объясненіемъ, а во многомъ и исправленіемъ этимологическихъ собраній Добровскаго и Кошитары, и становится въ рядъ словарей Рейфа, Шимкевича, Ярника, Бандтке.

Г. Миклошичъ, продолжая свои лексикографическія работы, знакомилъ съ ними по частямъ въ другихъ сочиненіяхъ, и наконецъ въ прошедшемъ году издалъ свой *Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti*. Этотъ трудъ, какъ въ своемъ родѣ до сихъ поръ единственный, достойнъ пол-

ной признательности. Въ немъ читатель найдетъ около 14,000 словъ, большею частью извлеченныхъ изъ древнихъ и старыхъ рукописей и объясненныхъ словами Греческими и Латинскими, запасъ хотя и далеко не полный, но болѣе значительный чѣмъ въ Церковномъ Словарѣ пр. Алексѣева и въ другихъ словаряхъ этого рода. Какъ это сдѣлано авторомъ, читатели, съ нимъ не знакомые (а такихъ у насъ по дороговизнѣ книги довольно много), могутъ видѣть изъ слѣдующей выписки:

— *a δὲ vero.* — *αβιν* εὐδύς statim. — *αβλιν* μῆλῃ malus. Cant. 2. 3. male pro *αβλιν* vel potius *αβλαν*. — *αβорт* Cod. sup. vide *творѣ*. — *αβница* ἀρνύς agna. Triod. — *αβница* ἀρνός agnus. — *αβница* ἀρνός agni. — *αβна* ἀρνός Prol. — *αδовѣ* ἄδου orci. — *αдовынѣ* ἄδου orci. — *αдро* Pat. Cod. bon. vide *αдро*. — *αδѣ* ἄδης orci. — *азѣ* ἐγώ ego. male pro *азѣ*. — *аице* Cod. ostr. vide *ианицѣ*. — *ако* ὡς uti. Cod. sup. — *акѣи* ὡς uti. Cod. sup. Ant. hom. Georg. mon. — *аладѣна* Cod. assem. vide *ладѣна*. — *алини* νεβρός hinnulus. Cant. Cant. 2. 9. 4. 5. — *алиоуи* ἀλόη aloë. Glag. Cloz. — *алѣкании* τὸ πεινᾶν τὸ esurire. — *алѣкома* πείνα fames. Ant. hom. — *алѣна* πείνα fames. Georg. mon. — *алѣниа* πείνα fames. Georg. mon. — *алѣчѣ* m. πείνα fames. Cod. sup. — *алѣчибыникѣ* ἄσιτος jejunos. Pat. — *алѣчынѣ* ἄσιτος jejunos. Ant. Barl. Krm. — *амѣ* ὅπου quo. — *ангелѣ* ἄγγελος angelus. — *ангелѣскѣ* ἀγγελικός angelicus. — *апостолѣ* ἀπόστολος apostolus. — *апостолѣскѣ* ἀποστολικός apostolicus. — *апостолѣство* ἀποστολή munus apostolicum. — *арбанѣ* ἀρβανίτης albanus. Prol. — *аице* εἰ si. — *аицелинѣ* εἰ si. Ioan. Ex. — *аиномѣ* μάτην frustra. Glag. Cloz. ѡ. — *акроходѣ* ἀκροπόρος aëri vagus.

Такимъ образомъ объяснены всѣ слова, вошедшія въ Лексиконъ г. Миклошича: при важнѣйшихъ, впрочемъ довольно многихъ, показаны источники, откуда они взяты. Вѣроятно, желаніе автора скорѣе издать книгу, необходимую для изученія Старославянскаго нарѣчія, было причиною пропусковъ, которые въ немъ допущены даже изъ тѣхъ рукописей, которыя изданы съ указателями, каковы напр. Glagolita Clozianus, Остромирово Евангеліе, Отрывки изъ Супрасльскаго рукописи. Вотъ для примѣра пропуски, допущенные изъ этихъ рукописей въ буквѣ А.

— *абы* — вмѣсто *аице* бы. Остр. — *ангелѣ* — ангелъ. Супр. — *адовѣскѣ* — ἄδου orci. Gl. Cloz. — *азѣ* — ἐγώ ego. — Остр. Супр. Gl. Cloz. — *акроуниѣ* камень — ἀκρογωνιαίος λίθος, angularis lapis. Gl. Cloz. — *алоинѣ* ἀλόης. Остр. — *алтарь* — θυσιαστήριον altare. Остр. — *аминѣ* — аминѣ. Остр. Супр. Gl. Cloz. — *априлѣ*. Остр. — *ароматы* — ἀρώματα. Остр. — *архангелѣ*. Остр. Gl. Cloz. — *архипиѣ* — архіепископъ. Gl. Cloz. — *архипиѣ*. Остр. Gl. Cloz. — *ассариѣ* — assarius. Остр. — *аугустѣ* — аугустъ. Остр.

Прибавимъ къ этому еще, что авторъ, имѣя въ виду разное правописаніе рукописей, старался, хотя и не вездѣ, при написаніи словъ, удерживать разныя формы ихъ

написанія, какія встрѣчаются въ рукописяхъ. Говоримъ: не вездѣ, потому что есть пропуски: такъ — слово *многѣ* со всѣми производными помѣщено въ Словарѣ только безъ *ѣ*, тогда какъ въ Остромировомъ Евангеліи оно написано только съ *ѣ*: *мѣногѣ*; слово *мрътѣ* съ производными тоже занесено въ Словарь только въ этой формѣ, тогда какъ оно во многихъ древнихъ рукописяхъ написано съ *ѣ* вмѣсто *ѣ*: *мрътѣ* = *мрътѣѣ*; такъ и слово *мѣдѣнѣ* встрѣчается чаще съ *ѣ*: *мѣдѣнѣ*; и пр. Вообще въ Словарѣ довольно часто знаку *ѣ* дано исключительное предпочтеніе передъ *ѣ*.

Какъ особенное достоинство Словаря г. Миклошича можно обозначить и то, что при всѣхъ словахъ приложены для объясненія слова Греческія и Латинскія: слова Греческія, какъ надобно бы догадываться, записаны тутъ въ слѣдствіе сличенія подлинника Греческаго съ Славянскимъ переводомъ. Впрочемъ, вѣроятно, краткость Словаря была причиною, что иногда вмѣсто нѣсколькихъ Греческихъ словъ, которыя переводимы были однимъ Славянскимъ, стоитъ только одно. Такъ напр. слово *образѣ* изъяснено только словомъ *τύπος*, тогда какъ оно употреблялось и вмѣсто словъ: *τρόπος*, *μορφή*, *εἰκών*, *ὑπόδειγμα*, *σχῆμα*, и пр.

Мнѣніе А. Х. Востокова о Словарѣ г. Миклошича, выражено въ слѣдующей запискѣ, представленной имъ во Второе Отдѣленіе:

«Этотъ трудъ г. Миклошича не можетъ быть названъ полнымъ Словаремъ языка Старославянскаго; ибо матеріалы, которыми пользовался авторъ, не очень богаты. Между ими были четыре памятника XI в. *), одинъ XII в. **), одинъ XIII в. ***), восемь XIV в., прочіе XV и XVI вѣка. Изъ сихъ источниковъ выбиралъ авторъ попадавшіеся ему слова, большею частью безъ примѣровъ, прилагая къ нимъ собственный Греческій и Латинскій переводъ, основанный иногда только на догадкѣ. Въ доказательство этого приведу два слова, выписанные имъ изъ книги Калайдовича: *Іоаннѣ* Ексархѣ Болгарскій, къ которымъ онъ приложилъ свой Греческій и Латинскій переводъ, не справившись съ Греческимъ подлинникомъ *Іоанна* Дамаскина, гдѣ нашелъ бы другое истолкованіе. *Пѣтѣба* у Миклошича κοιτών, cubiculum, т. е. ложница, спальня; но въ Греческомъ текстѣ *σκηνή*, т. е. бесѣдка, шалашъ. *Бываніѣ* Миклошичъ перевелъ τὸ εἶναι, τὸ esse; но въ Греческомъ текстѣ ἡ γένεσις.

При многихъ словахъ не приложено ссылки на памятникъ

*) 1) Глаголитское Евангеліе Ассеманія, 2) Супрасльская рукопись, 3) Остромирово Евангеліе, которымъ однако Миклошичъ очень мало пользовался, и 4) Glagolita Clozianus.

**) Псалтырь толковый, хранившійся въ Болоніи.

***) Прологъ, принадлежавшій Гаукештейну.

къ, откуда они взяты. Вотъ напр. 9 такихъ словъ на одной половинѣ страницы 116.

Покрасити *χορμεῖν* ornare; *τέρπειν* delectare; *ἀπτεῖν* ascendere. Покрѣпить *καλύμματα* velamen. Покупати *βαπτίζειν* immergere. Полагалиште *ἀποθήκη* repositoryum. Поле *πεδῖον* campus. Полетѣти *πέτεσθαι* volare. Полизати *λείχειν* lambere. Полнѣтъ *πεδεινός* planus. Поличнѣ *πρόσωπον* vultus.

Изъ этой выписки можно усмотрѣть также, въ какомъ видѣ выставлены слова и толкованія ихъ въ Словарѣ Миклошича. Тутъ нѣтъ никакихъ грамматическихъ указаній родовъ, падежей, склоненій, и пр. Одна только первоначальная форма каждого слова.

Не смотря однако на замѣченные здѣсь недостатки, Словарь Миклошича содержитъ въ себѣ довольно богатый запасъ древнихъ и рѣдкихъ словъ, которымъ любители языка не оставятъ воспользоваться.

Прибавимъ еще, что, не смотря на всю неполноту и недостаточность, Словарь Г. Миклошича — вѣроятно — до самаго выхода въ свѣтъ Словаря А. Х. Востокова, если и не явится другимъ умноженнымъ изданіемъ, будетъ драгоценною ручною книгой для всѣхъ, занимающихся Старославянскимъ языкомъ: всякій можетъ переплести его для себя съ пробѣльными листами для дополненій, и, если бы кто успѣлъ и многое приписать къ тому, что въ немъ есть, то все же многое найдетъ въ немъ уже замѣченнымъ и объясненнымъ.

Останавливаясь пока на этомъ, остаемся при надеждѣ воротиться и къ Словарю и къ другимъ выше обозначеннымъ трудамъ Г. Миклошича, при надеждѣ не разъ поблагодарить этого дѣятельнаго сподвижника на тяжкомъ поприщѣ Славянской филологіи.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о послѣднемъ трудѣ его, только что здѣсь полученномъ, о его изданіи Супрасльской рукописи.

Супрасльская рукопись извѣстна была ученымъ издавна. Еще въ 1825 году въ Библиографическихъ Листахъ Академика П. П. Кеппена (Л^д 14. стр. 189—200 и Л^д 36. стр. 533—537) помѣщены были двѣ записки А. Х. Востокова о ея содержаніи, древности, важности и особенностяхъ правописанія и языка, составленныя по извѣстіямъ, сообщеннымъ патеромъ М. Бобровскимъ. Тогда уже, извлекая свое заключеніе изъ немногихъ данныхъ, А. Х. Востоковъ далъ Супрасльской рукописи мѣсто въ ряду древнѣйшихъ рукописей Старославянскихъ, писанныхъ не позже XI вѣка. Съ тѣхъ поръ ученые Слависты не могли не стараться, каждый для себя, достать если не полные списки оной, то по крайней мѣрѣ выписки изъ нея, дорожа ею, какъ однимъ изъ важныхъ источниковъ Старославянскаго языка; но удалось это очень немногимъ, и впол-

нѣ, кажется, только одному Копитару. Неизвѣстно, какими путями онъ досталъ въ свои руки подлинникъ; но переписалъ его весь, а потомъ часть его — первую половину — и приобрѣлъ. Онъ приготовлялъ ее къ изданію, но не окончилъ своего труда. Г. Миклошичъ, воспользовавшись частью подлинной рукописи, издалъ въ 1843 и 1847 нѣсколько отрывковъ въ двухъ тетрадкахъ подъ названіемъ: *S. Johannis Chrysostomi homilia* и *Vitae Sanctorum*, съ филологическими замѣчаніями. Теперь же онъ издалъ всю рукопись вполнѣ, съ небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ представилъ составъ рукописи и объяснилъ, какой системы держался онъ въ изданіи и чѣмъ особенно замѣчательна эта рукопись въ отношеніи къ правописанію. Читатель найдетъ здѣсь, кромѣ того, что уже прежде замѣчено было А. Х. Востоковымъ, кое что и новое, между прочимъ и любопытное замѣчаніе, что Супрасльская рукопись написана не въ Россіи и не въ Сербіи, а въ самомъ отечествѣ Старославянскаго языка (стр. III), замѣчаніе впрочемъ ничѣмъ неподкрѣпленное. Важно было бы конечно сравненіе статей рукописи съ подлинниками Греческими или по крайней мѣрѣ съ другими Славянскими списками этихъ статей; но это издатель отложилъ, вѣроятно, до болѣе удобнаго времени. Важенъ также былъ бы указатель если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ замѣчательныхъ словъ и выраженій; но большая часть ихъ уже вошла въ Словарь, изданный г. Миклошичемъ.

Древнихъ памятниковъ Старославянскихъ издано до сихъ поръ такъ немного, что нельзя не благодарить г. Миклошича за изданіе этого памятника, столь любопытнаго во многихъ отношеніяхъ, столь достойнаго подробнаго изученія.

III.

Новое изданіе Сербскаго Словаря В. С. Караджича.

Нарѣчія Сербское и Хорватское издавна уже обогащаются прекрасными словарями. Работы этого рода составляютъ довольно важный отдѣлъ литературы Римско-католическихъ Сербовъ и Хорватовъ. Изъ ихъ числа можно вспомнить съ признательностью произведенія *Микали* (*Thesaurus linguae illiricae in quo verba illirica italice et latine redduntur*. Laureti. 1649. Anconae. 1651). *Деллабеллы* (*Dizionario Italiano-Latino-Illirico*. Venezia. 1728. Ragusa. 1785), *Блюстница* (*Gazophylacium seu Latino-illyricorum onomatum acrarium*. Zagrab. 1740). *Релковича* (*Deutsch-illyrisches und Illyrisch-deutsches Wörterbuch*. Wien. 1796), *Стулли* (*Lexicon Latino-italico-illyricum*. Ofen. 1801—1810. Rjecslosxie Slovincsko-italiansko-latinsko. U Dubrovniku. 1806. Vocabolario Italiano-illirico-latino. Ragusa

1810) и пр. Сербы пратославные также трудились на этомъ поприщѣ, хотя до недавняго времени и не такъ счастливо. Хорошо было Римско-Католическимъ Сербамъ обрабатывать словарь своего литературнаго языка, когда у нихъ этотъ языкъ, не теряя народнаго склада и состава, сталъ орудіемъ литературной дѣятельности очень разнообразной, и трудами многихъ писателей совершенно опредѣлился въ своихъ формахъ; не въ такомъ положеніи были Сербы православные до недавняго времени: только съ тѣхъ поръ какъ выступили на поприще дѣятельности Досифей Обрадовичъ и В. С. Караджичъ, стали они писать по Сербски, постепенно отбрасывая отъ привычки смѣшивать свое родное нарѣчіе со всѣми другими.

Сербскій Словарь В. С. Караджича — «Српски рјечник, истолкован њемачком и латинском рјечомъ» — вышедшій въ Вѣнѣ въ 1818 году, есть одно изъ самыхъ важныхъ произведеній, которыми В. С. утвердилъ за собою общее уваженіе всѣхъ филологовъ Европы, одно изъ самыхъ важныхъ явленій новой Славянской литературы. Въ первый разъ въ этомъ Словарѣ представленъ былъ составъ Сербскаго нарѣчія въ томъ чистомъ неподдѣльномъ видѣ, въ какомъ его можно было изучать дотошъ только изъ устъ народа, нарѣчія подлинно Сербскаго, а не того искусственнаго, смѣшаннаго жаргона, который выдаваемъ былъ за Сербскій разными писателями, и который, въ каждой новой книгѣ представляясь съ новыми отбѣнками, оставался во всѣхъ только при одномъ неизмѣнномъ направленіи — отпаденія отъ естественной правильности народнаго говора. Этотъ Словарь, какъ первый въ своемъ родѣ, не могъ удовлетворить полнотой содержанія; но за то, оригинальный по мысли и вмѣстѣ образцовый по ея выполнению, онъ представилъ въ себѣ другія достоинства, остающіяся и до сихъ поръ украшеніемъ только немногихъ Словарей, лучшихъ изъ числа тѣхъ, которые считаются превосходными, и украшеніемъ болѣе случайнымъ, чѣмъ необходимымъ, проводимымъ по всему составу Словаря. Самое важное изъ этихъ достоинствъ есть этнографическое объясненіе словъ, которыя, имѣя смыслъ только въ жизни Сербскаго народа, не подчиняются обыкновеннымъ условіямъ перевода, и могутъ быть поняты иностранцемъ только при помощи описанія. Всѣ слова, касающіяся быта и обычаевъ народа, его понятій и нравовъ, преданій и суевѣрій, объяснены описаніями, многія очень подробными. Это не только словарь языка, но до нѣкоторой степени энциклопедическій словарь народностей Сербскихъ. Только съ помощію такого словаря можно читать памятники Сербскаго языка и словесности съ надеждою уразумѣть вполне смыслъ читаемаго, не оставаясь при догадкахъ въ толкованіяхъ случайныхъ и произвольныхъ.

В. С. Караджичъ постоянно заботился о дополненіи сво-

его Словаря, увеличилъ его постепенно почти вдвое и теперь печатаетъ его, такъ что еще къ началу Января 1852 года онъ будетъ изданъ въ свѣтъ. «Въ этомъ новомъ изданіи — какъ объявляетъ самъ авторъ — прибавлено до 20,000 словъ, не помѣщенныхъ въ первомъ изданіи. Тѣ слова, которыя напечатаны въ первомъ Словарѣ 1818 года, я принесъ въ Вѣну въ своей головѣ, и потомъ записывалъ ихъ, сколько могъ вспомнить; эти новыя собираю въ продолженіе тридцати лѣтъ слишкомъ, по различнымъ краямъ нашего народа. Какъ въ прежнемъ Словарѣ при многихъ словахъ описаны обычаи и понятія нашего народа и, при нѣкоторыхъ именахъ мѣсть и людей, сообщены народныя пословицы и поговорки, такъ точно и въ этомъ новомъ не только сдѣлано такъ со словами, вновь приобрѣтенными, но и объясненія прежнихъ словъ дополнены кое-гдѣ новыми данными. Кромѣ того ко многимъ прежнимъ словамъ приложены особенныя ихъ значенія и примѣры, прежде незамѣченные, и при многихъ какъ прежнихъ, такъ и новыхъ словахъ сдѣланы различныя грамматическія замѣчанія. Какъ въ прежнемъ изданіи, такъ и въ этомъ, значенія словъ Сербскихъ объяснены переводомъ Нѣмецкимъ и Латинскимъ. — Въ книгѣ будетъ около 55 печатныхъ листовъ большаго формата. Цѣна подписная съ пересылкой въ Австрію 6 флоринновъ; въ Россіи съ пересылкою же до границы 4 рубля серебромъ. Имена подписчиковъ будутъ припечатаны въ концѣ книги.» Подписка продолжалась до Декабря этого года. Желающіе обратиться къ самому автору, Вуку Стефановичу Караджичу, могутъ подписывать свои письма: въ Вѣну, auf die Landstrasse, am Neumarkt. N° 517.

Это новое изданіе Словаря В. С. Караджича будетъ безъ сомнѣнія принято еще съ болѣею признательностію чѣмъ первое, и у насъ въ Россіи найдетъ конечно также своихъ цѣнителей, даже и вне круга людей, посвящающихъ свое трудолюбіе Славянской филологіи.

III.

Русско-Чешское правописаніе Я. Пухмира.

Вопросъ о томъ, какъ бы приоровить Русское или Кирилловское правописаніе къ нарѣчію Чешскому, не разъ уже занималъ ученыхъ Чеховъ — и до Добровскаго, и послѣ него. Рѣшительнѣе другихъ ее высказалъ Я. Пухмиръ, тотъ самый, которому мы обязаны прекрасной грамматикой Русской, написанной по системѣ Добровскаго (Lehrgebäude der Russischen Sprache. Prag. 1820): уже въ 1805 году онъ издалъ книжку подъ названіемъ: Pravopis Rusko-Český. Теперь вышло новое изданіе (Jaroslava Puchmíra Pravopis Rusko-Český, vydání opravené i doplněné. Рус-

ско-Чешское правописание. Изданіе исправленное и дополненное. V Praze. 1851). Оно вышло, вѣроятно, очень кетати, потому что вопросъ, можно ли или нельзя, нужно или не нужно Чехамъ отстать отъ своей старинной привычки писать буквами латинскими и нѣмецкими, возбужденъ у нихъ съ новою силой (срав. *Časopis Českého Museum*. 1851. № 1. стр. 11 и слѣд.) Находя неумѣстнымъ вмѣшиваться въ это дѣло, мы однако считаемъ не лишнимъ привести образецъ Русско-Чешскаго правописанія Я. Пухмира, ставя въ скобкахъ и обычное правописание Латинско-Чешское: —

Всюде добръ, дома пейлѣне (*Wšude dobře, doma nejlépe* — всюду хорошо, дома лучше всего). Ленишій дома крайцъ хлеба, нежь въ цизинѣ крѣва целѣ (*Lepší doma kraje chleba, než v cizině kráva celá* — лучше дома кусокъ хлѣба, чѣмъ въ чужбинѣ цѣлая корова). Хваль цизину, але зоста-вей дома (*chval cizinu, ale zůstavej doma* — хвали чужбину, но оставайся дома).

Извлечение изъ протоколовъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Въ продолженіе Сентября и Октября сего 1851 года Отдѣленіе имѣло 16 засѣданій, именно: 1, 6, 13, 15, 20, 22, 27 и 29 Сентября и 4, 6, 11, 13, 18, 20, 25 и 27 Октября.

Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предѣлательствомъ *Н. Н. Давыдова*, постоянно присутствовали: *Н. Г. Бутковъ*, *А. Х. Востоковъ*, *Н. А. Плетневъ*, *И. С. Кочетовъ*, *Я. И. Березниковъ*, *М. А. Коркуновъ* и *Н. Н. Срезневскій*; въ чрезвычайномъ же засѣданіи 29 Сентября присутствовалъ и *К. И. Арсеньевъ*.

И.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ПОЛНАГО СЛОВАРЯ.

Постепенно продолжая собирать матеріалы для полнаго Словаря Русскаго языка, Отдѣленіе имѣло вѣрнаго ихъ хранителя, дѣятельно умножавшаго ихъ собственными дополненіями, въ покойномъ сочленѣ своемъ, бывшемъ въ последнее время предѣлательствующимъ, *В. А. Полюновъ*. Нынѣ всѣ эти матеріалы ввѣрены въ завѣдываніе *М. А. Коркунова*. Въ послѣдніе два мѣсяца число ихъ было увеличено слѣдующими приношеніями.

И. С. Кочетовъ обратилъ вниманіе Отдѣленія на слова и выраженія, встрѣчающіяся въ старинныхъ таможенныхъ грамотахъ и представилъ для образца нѣсколько словъ, извлеченныхъ имъ изъ уставной таможенной грамоты городу Шуѣ временъ Царя Михаила Феодоровича. Нѣкоторые изъ сихъ словъ помѣщены въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, но въ другихъ значеніяхъ. Отдѣленіе поручило *Я. И. Березникову* просмотрѣть

всѣ напечатанныя таможенные грамоты, для выбора изъ нихъ словъ и выраженій.

М. А. Коркуновъ представилъ 96 словъ, не находящихся въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что эти слова, на буквы С, Т и другія, составляютъ послѣдній отдѣлъ словъ, извлеченныхъ имъ изъ III-го тома Дополненія къ Актамъ Историческимъ.

III.

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ.

Въ засѣданіяхъ Отдѣленія читаны 25-й, 26-й и 27-й корректурные листы *Опыта Словаря областного Русскаго языка*. Особые замѣчанія на слова, помѣщенные въ означенныхъ листахъ, сообщали письменно *Н. Н. Давыдовъ*, *И. С. Кочетовъ*, *Я. И. Березниковъ*, *М. А. Коркуновъ* и *Н. Н. Срезневскій*; въ разсужденіяхъ же при разсмотрѣніи сихъ листовъ принимали участіе, кромѣ означенныхъ Академиковъ, *К. И. Арсеньевъ*, *Н. Г. Бутковъ*, *А. Х. Востоковъ* и *Н. А. Плетневъ*. Сверхъ того представили дополненія къ 25-му, 26-му и 27-му корректурнымъ листамъ Областнаго Словаря *И. С. Кочетовъ*, *Я. И. Березниковъ* и *Н. Н. Срезневскій*; первыи 11, второй 129 и третій 372 областныхъ слова.

Г. Корреспондентъ Академіи Наукъ *В. И. Даль*, доставившій и прежде въ Отдѣленіе извлеченія изъ составленныхъ имъ сборниковъ словъ, по приглашенію Г. Предѣлательствующаго, сообщилъ въ письмѣ, отъ 24 прошедшаго Сентября, замѣчанія свои на препровожденные къ нему листы *Опыта Словаря областного Русскаго языка*. Отдѣленіе изъявило Г. Далю признательность за просвѣщенное участіе его въ трудахъ Академіи Наукъ.

М. А. Коркуновъ представилъ въ Отдѣленіе 26-й — 28-й корректурные листы *Опыта Словаря областного Русскаго языка*, возвращенные ему бывшимъ Учителемъ Олонеккой Гимназіи *Г. Шведтомъ*, съ прибавленіями пропущенныхъ Олонекскихъ словъ.

Адъюнктъ Риншельевскаго Лицея *Нахманъ* препроводилъ въ Отдѣленіе *Сборникъ простонародныхъ словъ Тульской губерніи*, составленный имъ въ 1846 и 1847 годахъ, когда онъ находился еще на службѣ въ означенной губерніи. *Н. Н. Срезневскій*, которому поручено было разсмотрѣніе сего Сборника, нашелъ его заслуживающимъ полнаго вниманія и при этомъ замѣтилъ, что такъ какъ *Г. Нахманъ* занимается исторіею Русскаго права, что видно изъ недавно изданной имъ диссертациі, то онъ съ своей стороны полагаетъ нужнымъ просить *Г. Нахмана* о сообщеніи своихъ замѣчаній касательно юридическихъ терминовъ древняго и стариннаго Русскаго языка. Отдѣленіе опредѣлило благодарить *Г. Нахмана* за доставленіе Сборника Тульскихъ словъ и просить о сообщеніи объясненій юридическихъ терминовъ древняго и стариннаго Русскаго языка.

М. А. Коркуновъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что *О. Пр. Іоаннъ Григоровичъ*, занимающійся, по порученію Отдѣленія, составленіемъ и редакціею *Бѣлорусскаго Словаря*, окончилъ печатаніе первыхъ пяти листовъ своего труда.

И. И. Срезневскій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что Профессоръ С. Петербургскаго Университета *А. К. Казембекъ* соглашается принять участіе въ объясненіи простонародныхъ областныхъ словъ, заимствованныхъ въ Русскій языкъ изъ языковъ Турецко-Татарскихъ. Отдѣленіе, принявъ съ особенною признательностію предложеніе *Г. Казембека*, препроводило къ нему отпечатанные листы *Опыта Словаря областного Русскаго языка*. Въ послѣдствіи *Г. Казембекъ* представилъ *Г. Предсѣдательствующему* объясненія словъ на букву А, по его мнѣнію, заимствованныхъ изъ языковъ Восточныхъ. Определено эти объясненія, по предварительномъ совѣщаніи съ *Г. Казембекомъ*, напечатать.

III.

Грамматика.

Г. Предсѣдательствующій И. И. Давыдовъ продолжалъ печатаніе составленнаго имъ *Опыта Общесравнительной Грамматики Русскаго языка*. Въ теченіе Сентября и Октября мѣсяцевъ, напечатано семь листовъ, съ 9-го по 16-й включительно.

IV.

Изданіе памятниковъ.

Г. Предсѣдательствующій сообщилъ Отдѣленію, что, въ слѣдствіе его вызова, Академикъ *М. И. Ногодинъ* выразилъ свою готовность способствовать общепользнымъ занятіямъ Отдѣленія. Указывая на многіе предметы по части теоріи и исторіи отечественнаго языка и словесности, ожидающіе дѣателей, онъ предлагаетъ между прочимъ изъ своей библіотеки нѣкоторые рукописи для изданія съ примѣчаніями. Отдѣленіе, полагая, что изданіе въ свѣтъ древнихъ памятниковъ, важныхъ въ филологическомъ отношеніи, послужитъ дополненіемъ къ изданію памятниковъ историческихъ, совершаемому Археографическою Комиссіею и дипломатическихъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, приняло предложеніе *Г. Ногодина* съ особенною признательностію и вошло съ нимъ въ сношеніе о составленіи рукописей.

V.

Извѣстія.

Отдѣленіе, предположивъ, по примѣру другихъ Отдѣленій Академіи, издавать «Извѣстія (Bulletins)», возложило редакцію ихъ на Члена *И. И. Срезневскаго*.

VI.

Особенныя чтенія.

Г. Предсѣдательствующій читалъ планъ занятій, ожидающихъ Отдѣленіе съ наступающаго 1852 года.

А. Х. Востоковъ читалъ мнѣніе свое о напечатанномъ въ Вѣнѣ, въ настоящемъ году, сочиненіи *Евгенія Іоанновича*, подъ заглавіемъ: «Грамматика Церковно-Славянскаго языка».

И. И. Срезневскій прочелъ записку о новомъ изданіи Сербскаго Словаря *Вука Стефановича Караджича*, представивъ при этомъ образцы этого Словаря сравнительно съ другими Словарями Сербскаго нарѣчія. Съ живѣйшимъ участіемъ Отдѣленіе приняло этотъ новый трудъ заслуженнаго Сербскаго филолога.

М. А. Коркуновъ прочелъ три письма *Н. М. Карамзина* къ *Г. Р. Державину*. Первые два, писанныя въ концѣ 1790, содержатъ извѣстіе о началѣ изданія *Московского Журнала*, въ первомъ номерѣ котораго было помѣщено *Видныя Мурзы Державина*; въ третьемъ же письмѣ, отправленномъ въ Сентябрѣ 1793 года, Карамзинъ увѣдомляетъ Державина о полученіи Нѣмецкаго перевода его стихотвореній. Отдѣленіе, находя означенныя письма любопытными, опредѣлило напечатать ихъ въ Извѣстіяхъ.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло девять засѣданій, а именно: 1, 3, 8, 10, 15, 17, 22, 24 и 29 числа.

Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ *И. И. Давыдова*, присутствовали: *И. Г. Бутковъ*, *А. Х. Востоковъ*, *П. А. Илѣтневъ*, *І. С. Кочетовъ*, *Я. И. Березниковъ*, *М. А. Коркуновъ* и *И. И. Срезневскій*.

II.

Матеріалы для общаго Словаря.

Г. Предсѣдательствующій объявилъ Отдѣленію, что Заслуженный Профессоръ Московскаго Университета *Д. М. Перевощиковъ*, изъявилъ готовность просмотрѣть всѣ опредѣленія математическихъ терминовъ въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка. Отдѣленіе, принимая съ особенною признательностію изъявленное *Г. Перевощиковымъ* намѣреніе участвовать въ трудахъ Отдѣленія, опредѣлило препроводить къ нему экземпляръ Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка.

III.

Областные Словари.

Чтаны въ Отдѣленіи 28 и 29 корректурные листы *Опыта Словаря областного Русскаго языка*. Особыя замѣчанія на слова, помѣщенные въ означенныхъ листахъ, письменно сообщили *И. И. Давыдовъ*, *І. С. Кочетовъ*, *М. А. Коркуновъ* и *И. И. Срезневскій*; въ разсужденіяхъ же при

разсмотрѣнія сохъ листовъ принимали участіе *П. Г. Бутковъ*, *А. Х. Востоковъ*, *П. А. Плетневъ* и *Я. П. Бердниковъ*. Сверхъ того представили дополненія къ 28 и 29 корректурнымъ листамъ Областнаго Словаря: *И. С. Кочетовъ* 27, *Я. П. Бердниковъ* 137 и *П. П. Срезневскій* 264 областныхъ слова. — Академикъ *С. П. Шевыревъ* увѣдомилъ Отдѣленіе, что онъ не въ продолжительномъ времени надѣется представить свои замѣчанія на этотъ Словарь.

Академикъ III-го Отдѣленія *А. М. Шеренъ* увѣдомилъ Г. Предсѣдательствующаго о готовности своей объяснить слова Финскаго происхожденія, встрѣчающіяся въ *Опытъ Словаря областнаго Русскаго языка* и выразить мнѣніе свое о томъ, какое вліяніе могли имѣть Финскіе языки на языкъ Русскій.

П. П. Срезневскій довелъ до сѣдѣнія Отдѣленія, что онъ получилъ отъ Профессора С. Петербургскаго Университета, *А. К. Казембека*, продолженіе его труда, объясненіе словъ на букву Б, помѣщенныхъ въ *Опытъ Словаря областнаго Русскаго языка* и заимствованныхъ, по мнѣнію *Г. Казембека*, изъ языковъ Восточныхъ. Определено: доставляемая *Г. Казембекомъ* объясненія областныхъ словъ печатать въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ.

Надворный Совѣтникъ *Иванъ Носовичъ* представилъ въ Отдѣленіе: 1) статью свою объ отличительныхъ свойствахъ Бѣлорускаго нарѣчія; 2) собраніе Бѣлорусскихъ словъ, и 3) собраніе Бѣлорусскихъ пословицъ. Определено: передать для разсмотрѣнія *П. П. Срезневскому*.

III.

Грамматика.

Печатаніе Общесравнительной Грамматики Русскаго языка продолжалось безостановочно: въ Ноябрь мѣсяцъ отпечатаны 17 и 18 листы и набранъ 19,

IV.

Изданіе памятниковъ.

Памятники языка и словесности Отдѣленіе положило печатать въ особомъ Прибавленіи къ Извѣстіямъ.

П. П. Срезневскій обратилъ вниманіе Отдѣленія на необходимость памятниковъ простонароднаго Русскаго языка и словесности и на возможность умножить ихъ собранія новыми матеріалами. Г. Предсѣдательствующій *П. П. Давыдовъ* предложилъ обратиться къ *П. В. Кирьевскому*, извѣстному собирателю памятниковъ народной Русской словесности, не угодно ли будетъ ему принять участіе въ этомъ отдѣлѣ трудовъ Отдѣленія и сообщить то, что онъ почтетъ возможнымъ изъ своихъ собраній. *М. А. Коркуновъ* предложилъ съ своей стороны разослать циркулярное предложеніе къ Гг. Директорамъ Гимназій о приглашеніи подѣломственныхъ имъ учителей доставлять въ Отдѣленіе пѣсни, преданія, мѣстные поговорки и другіе памятники народной словесности и языка. Определено: войти

въ сношеніе съ *Г. Кирьевскимъ* и предоставить Г. Предсѣдательствующему испросить на сношеніе съ Гг. Директорами Гимназій согласіе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, а *П. П. Срезневскому* поручить составленіе Программы для собиранія памятниковъ народнаго Русскаго языка и словесности.

V.

Извѣстія.

А. Х. Востоковъ читалъ слѣдующія записки, составленныя имъ для помѣщенія въ Извѣстіяхъ: 1) О трудахъ по части Церковно-Славянской Грамматики и 2) О Лексиконѣ Старославянскаго нарѣчія *Фр. Миклошича*. Переданы редактору Извѣстій.

Профессоръ Главнаго Педагогическаго Института *П. П. Дубровскій* представилъ для помѣщенія въ Извѣстіяхъ сочиненіе свое подъ заглавіемъ: «О древнѣйшемъ памятникѣ Польской письменности, такъ называемомъ *Исалтиръ Королевы Маргариты*», и разборы двухъ новыхъ Польскихъ сочиненій объ Исторіи Польской Литературы, изданныхъ Гг. Мацѣевскимъ и Кондратовичемъ. *П. П. Срезневскій* доложилъ при этомъ, что Г. Дубровскій, продолжая труды свои надъ *Исалтиремъ Королевы Маргариты*, занялся составленіемъ подробнаго Словаря-указателя къ сему памятнику древней Польской письменности.

Исправляющій должность Адъюнкта въ Харьковскомъ Университетѣ *П. А. Лавровскій* представилъ въ Отдѣленіе составленный имъ разборъ *Глаголиты Клоцѣвой*, прося помѣстить его въ Извѣстіяхъ, если Отдѣленіе найдетъ его заслуживающимъ вниманія. Передано *П. П. Срезневскому*.

VI.

Особенныя чтенія.

Г. Предсѣдательствующій объявилъ, что планъ занятій Второго Отдѣленія, представленный имъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, возвращенъ съ замѣчаніями Его Сіятельства. Определено: планъ этотъ, переписанный согласно съ замѣчаніями Его Сіятельства, внести въ Общее Собраніе Академіи Наукъ и потомъ напечатать въ Извѣстіяхъ.

П. П. Срезневскій читалъ записку о Словарѣ собственныхъ именъ покойнаго Академика *В. А. Полюнова*. Предположено напечатать этотъ Словарь со всѣми дополненіями, какія найдены будутъ нужными для должной его полноты.

Кандидатъ С. Петербургскаго Университета *Г. Дмитриевъ* представилъ сдѣланный имъ переводъ древней Чешской пѣсни о Судѣ Любуши на Болгарское нарѣчіе. По прочтеніи этого опыта, Г. Предсѣдательствующій замѣтилъ, что онъ, какъ первое Болгарское дополненіе къ собранію переводовъ древнихъ Чешскихъ эпосовъ на Славянскія нарѣчія, составляемому Гавкой, заслуживаетъ вниманіе Отдѣленія и можетъ быть напечатанъ въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ предполагало начать съ 1852 года издавіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности будутъ входить; кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно: — изслѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ сопряженныхъ, ихъ литературы и древностей; — разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологій Славяно-Русской; а въ особенныхъ прибавленіяхъ — памятники языка и словесности, матеріалы для Словаря, Грамматики и т. п.

«Извѣстія» будутъ издаваться безсрочными выпусками или листами; 24 листа съ прибавленіями составляютъ одинъ томъ. Цѣна тому три рубля серебромъ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домъ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эггера (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Иногородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ помянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА. — Отчетъ Академіи по II Отдѣленію, П. А. Плетнева. — Библиографическія записки: IV. Труды по сравнительной грамматикѣ Славянскихъ нарѣчій. V. Этнографическая карта Европейской Россіи. VI. Новости. II. П. Срезневскаго. — Перечень засѣданій Отдѣленія съ приложеніемъ Записокъ П. П. Срезневскаго о трудахъ гг. Носовича, Цейновы и Микучаго. — Къ этому выпуску прилагается 2-й листъ ПРИБАВЛЕНІЙ.

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Составленъ Орд. Акад. П. А. Плетневымъ и читанъ имъ въ торжественномъ собраніи Академіи 29 Декабря 1851 года.

I.

Отдѣленію Русскаго языка и словесности въ 1851 году суждена была утрата вдвойнѣ чувствительная; оно лишилось своего Предѣлательствующаго и самаго ревностнаго сотрудника въ ученыхъ своихъ занятіяхъ: 21-го Іюля скончался Тайный Совѣтникъ Василій Алексѣевичъ *Полъновъ*. Еще до его кончины, между знавшими его близко, это имя сдѣлалось какъ бы выраженіемъ неутомимой дѣятельности въ службѣ и неизмѣнной любви къ скромнымъ кабинетнымъ занятіямъ. Общее сознаніе истинныхъ его заслугъ и достоинствъ убѣдительно всего говоритъ о его прекрасной душѣ. Мирно и благородно совершивъ путь на избранномъ имъ поприщѣ, онъ не зналъ и не оставилъ ни одного врага, ни завистника: такова была чистота его сердца и дѣяній.

Если бы В. А. *Полъновъ* дожилъ до нынѣшняго торжества Академіи, ему чрезъ два дня исполнилось бы 76 лѣтъ. 1-го Января 1776 года онъ родился, въ 35 верстахъ отъ Валдая, въ деревнѣ Подберезьѣ, при возвращеніи его родителей изъ Москвы въ С. Петербургъ. Отецъ его, изъ Костромскихъ дворянъ, человекъ небогатый, но высоко цѣнившій ученія знанія, которыми и самъ отличался между своими современниками, рѣшился образовать сына своего скромно, но основательно и, какъ говорится, классически. Въ 1783 году онъ опредѣлилъ его пансіонеромъ въ гимназію Академіи Наукъ. Это было замѣчательное время въ ученыхъ нашихъ лѣтописяхъ: послѣдній годъ жизни знаменитаго Эйлера, первый годъ Россійской Академіи и второй годъ директорства въ Академіи Наукъ княгини Дашковой. Всѣ Академики, тогда прослаившіеся учеными путешествіями своими, отъ Палласа до Лепехина, еще были въ живыхъ: можно вообразить, какое вліяніе чувствовали воспитанники отъ самыхъ именъ столь извѣстныхъ людей. Неудивительно, что В. А. *Полъновъ*, посреди заботъ житейскихъ и служебныхъ, не находилъ пріятнѣйшаго для себя развлеченія, какъ труды ученые. Въ нихъ, по собственному его выраженію, онъ вкушалъ любимое свое отдохновеніе.

По обычаю того времени, когда онъ еще учился, его записали въ Преображенскій полкъ фурыеромъ, что было въ 1785 году. По прошествіи пяти лѣтъ, онъ былъ выпущенъ изъ полка, въ чинѣ капитана, для опредѣленія къ стат-

скимъ дѣламъ. Тогда-то поступилъ онъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ оставался почти всю жизнь, изучая дѣла своего призванія на каждой ступени службы, которой посвящены имъ шестьдесятъ лѣтъ. Изъ нихъ только семь, именно съ 1809 по 1816, составляютъ какъ бы отдѣльный эпизодъ, когда онъ, состоя въ вѣдомствѣ Министерства морскихъ Военныхъ Силъ, сперва находился Совѣтникомъ Главной Контрольной Экспедиціи, а потомъ Первоприсутствующимъ въ Контрольной Экспедиціи Кронштадтской. И здѣсь замѣчательныя его способности и трудолюбіе скоро вызваны были на самое видное поприще. Въ Апрѣлѣ 1812 года, Адмиралъ Чичаговъ, отправляясь въ Бухарестъ къ нашей дѣйствующей арміи, расположенной въ Молдавіи и Валахіи, управление военной Канцеляріи своей ввѣрилъ В. А. *Полынову*, которому такимъ образомъ удалось быть свидѣтелемъ событіи отечественной войны.

Между тѣмъ Государственная Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ не могла упустить изъ виду чиновника, который ей показалъ столько опытовъ неутомимаго усердія къ службѣ и знанія дѣлъ всякаго рода, особенно при торжественныхъ случаяхъ двухъ коронацій Императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича, когда В. А. *Полыновъ*, съ другими Членами Коллегіи, отправляемъ былъ въ Москву. Въ чинѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, возвратившись въ вѣдомство первоначальнаго служенія своего, онъ получилъ мѣсто Правителя Канцеляріи Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Въ 1830 году, не оставляя должности своей, онъ, по назначенію Начальства, поступилъ Членомъ въ учрежденную по Высочайшему повелѣнію временную Комиссію для разбора дѣлъ Архива Государственнаго и Правительствующаго Сената С. Петербургскихъ Департаментовъ. Вслѣдъ затѣмъ ему Высочайше порученъ былъ разборъ, приведеніе въ порядокъ и размѣщеніе по родамъ разныхъ бумагъ и дѣлъ государственныхъ, поступающихъ въ Архивъ нынѣшняго Министерства Иностранныхъ дѣлъ, съ образованіемъ котораго В. А. *Полыновъ*, въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, опредѣленъ Директоромъ Департамента Внутреннихъ Сношеній. Сверхъ этой должности, тогда же повелѣно ему управлять Департаментомъ Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ, до назначенія на это мѣсто особаго Директора, а также быть Управляющимъ Вторымъ Главнымъ Архивомъ Министерства. Въ 1834 году, онъ Высочайше назначенъ былъ, съ исправленіемъ уже возложенныхъ на него обязанностей, Управляющимъ Государственнымъ Архивомъ, учрежденнымъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1841 году Высочайше повелѣно ему отправиться въ Москву для обзрѣнія и устройства Московскаго Главнаго Архива соотвѣственно нынѣ существующему внутреннему положенію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Наконецъ, въ 1849 году, онъ былъ назначенъ Членомъ Совѣта Министерства

Иностранныхъ Дѣлъ съ оставленіемъ Управляющимъ Государственнымъ Архивомъ и съ порученіемъ ему завѣдыванія С. Петербургскимъ и Московскимъ Главными Архивами того же Министерства.

Этотъ служебный путь, на совершеніе котораго В. А. *Полыновъ* употребилъ изъ дѣйствительной жизни своей 59 лѣтъ, представляетъ и поучительное и утѣшительное зрѣлище. Здѣсь достоинство человѣка и гражданина выразилось въ честномъ, полезномъ и благородномъ трудѣ, который въ продолженіе четырехъ царствованій не измѣнилъ ни усилія своего, ни характера. Зато и былъ онъ цѣннымъ истинно по своей заслугѣ: кромѣ постоянныхъ пособій отъ Монаршихъ щедротъ на содержаніе многочисленнаго семейства своего, В. А. *Полыновъ* за службу свою награжденъ былъ орденами: Св. Анны 1-го, Св. Владимира 2-го класса, Бѣлаго Орла и Александра Невскаго.

Удивительнѣе всего, что человѣкъ, употребившій столько лѣтъ и трудовъ на многосложныя, непрерывныя занятія по службѣ, умѣлъ наити время на литературные переводы съ иностранныхъ языковъ, на опыты стихотворства и изящной словесности, на библиографическія записки, на филологическія изслѣдованія и на біографіи замѣчательныхъ соотечественниковъ. Если бы эти памятники жизни писателя остались одни для опредѣленія степени ученой дѣятельности его, никто не усомнился бы, что В. А. *Полыновъ* всѣ дни посвящалъ только музамъ. Еще непонятнѣе, какими путями, отъ всѣхъ независимо, дошелъ онъ до изумительнаго безстрастія къ авторскому славолѣбію, мыслить, писать и обработывать свои произведенія, ихъ формы и языкъ свой, единственно для собственнаго наслажденія, которое чувствовалъ въ благородствѣ труда и въ прелести его совершенствованія. Но эта безкорыстная, чистая, возвышенная любовь къ авторству негласному наполнила и сердце и душу его цѣлую жизнь. Она была тайною причиною, что онъ не пожертвовалъ ни однимъ свободнымъ отъ должности часомъ разсѣланіемъ свѣтской жизни и обычнымъ условіямъ знакомствъ въ обществѣ.

По крайней мѣрѣ утѣшительно замѣтить, что постоянство его въ стремленіи къ одной цѣли увѣчано было счастливымъ успѣхомъ. Каждая къ ясному уразумѣнію тайнъ языка и слога, часто неразгаданныхъ и для извѣстныхъ литераторовъ, не осталась у него неудовлетворенною. Все, что писано имъ, носитъ печать несомнѣннаго знанія этого искусства, которое отдѣльнымъ словамъ и округленнымъ выраженіямъ сообщаетъ точность, силу и ясность. Строгая послѣдовательность въ мысляхъ, логическая ихъ убѣдительность съ законною простотою оборотовъ рѣчи выказывали въ дѣловомъ человѣкѣ опытнаго и глубоко въ дѣло свое вникнушаго писателя.

Никого изъ современныхъ литераторовъ не вызвалъ на

состязаніе съ собою, В. А. *Полыновъ* привлекъ къ себѣ ихъ вниманіе: они почтили собранья имъ въ тишинѣ ученыя свѣдѣнія и долго скрываемый санъ знатока отечественнаго слова. Въ 1828 году Императорская Россійская Академія избрала его въ число своихъ Дѣйствительныхъ Членовъ. Въ томъ же году онъ избранъ былъ въ Члены Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Императорское Московское Общество испытателей природы, въ 1832 году, прислало ему дипломъ на званіе Почетнаго Члена. Въ 1834 году Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ присоединило его къ числу своихъ Дѣйствительныхъ Членовъ. Императорская Академія Наукъ въ томъ же году избрала его въ свои Почетные Члены. Въ 1842 году онъ былъ избранъ въ Ординарные Академики Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ; наконецъ, въ 1843 году, Королевское Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ въ Копенгагенѣ также приобщило его къ числу своихъ Членовъ.

Первоначальное побужденіе къ литературнымъ занятіямъ въ будущемъ Академикѣ могло родиться какъ-бы насльдственнымъ образомъ. Отецъ его, Алексѣй Яковлевичъ *Полыновъ*, обучался тоже въ Академіи Наукъ, которая доставляла ему средства усовершенствоваться за границею пріобрѣтенныя здѣсь свѣдѣнія. Онъ въ литературѣ нашей сдѣлался извѣстенъ напечатаннымъ въ 1769 году переводомъ творенія Монтеस्कье: «Размышленія о причинахъ величества Римскаго народа и его упадка», а еще болѣе дѣятельнымъ участіемъ въ трудахъ Шлёцера и Башшова при изданіи «Русской Лѣтописи по Никоновскому списку», печатавшейся съ 1767 по 1792 годъ. Въ послѣдствіи времени могъ В. А. *Полыновъ* пристраститься къ изслѣдованіямъ и обработкѣ слога, руководимый въ гимназій Академикомъ Лепехинымъ, который былъ начальникомъ этого учебнаго заведенія и особенно поощрялъ къ авторству любимаго имъ воспитанника, помѣщая статьи его въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», печатавшихся тогда при Академіи. Съ 1790 года получили начало его литературные опыты. В. А. *Полыновъ* основательно зналъ языки: Латинскій, Нѣмецкій и Французскій. Переводы съ каждаго изъ нихъ предшествовали собственнымъ его произведеніямъ въ стихахъ и прозѣ. Онъ всю жизнь тщательно берегалъ эти труды свои, продолжая ихъ, какъ видно по собственнымъ его отмыткамъ, до 1812 года, т. е. до отъѣзда его въ дѣйствовавшую армію. Только первая статья, переведенная съ Французскаго, подъ названіемъ: «о Благодарности», сохраняется въ рукописи поправки рукою Лепехина; въ дальнѣйшихъ занятіяхъ онъ является уже самостоятельнымъ. Въ 1796 году получило начало періодическое литературное изданіе «Муза», подъ редакціею И. И. Мартынова, столь извѣстнаго эллиниста и бывшаго некогда профессоромъ Эстетики въ Педагогическомъ Институтѣ.

В. А. *Полыновъ* состоялъ съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ, которыя поддерживались общимъ ихъ энтузіазмомъ къ возникшему тогда таланту Карамзина. Въ «Музѣ» много помѣщено и стихотвореній и сочиненій въ прозѣ Академика нашего. Все рукописное собраніе литературныхъ трудовъ его составляетъ *десять* томовъ.

Еще важнѣе записки его по части Библіографіи. — Цѣлью представить ясно возможности столь разнообразныхъ его успѣховъ, не ознакомившись съ неизмѣннымъ порядкомъ всеневной его жизни. В. А. *Полыновъ* вставалъ лѣтомъ въ 7 часовъ, а въ короткіе дни зимою — въ 8, уходилъ въ свой кабинетъ и тотчасъ одѣвался. Только за утреннимъ чаемъ или кофе онъ видѣлся съ своимъ семействомъ, послѣ чего немедленно принимался въ кабинетъ за работу, продолжая ее до 11 часовъ. Походя по комнатѣ, причѣмъ съѣдалъ кусокъ бѣлаго хлѣба, онъ отправлялся къ должности, гдѣ оставался до 3 часовъ и долѣ. По прибытіи его домой, тотчасъ начинался обѣдъ, послѣ котораго онъ отдыхалъ полчаса. Отъ 5 до 7 онъ снова работалъ у себя. Долѣ всего оставался онъ среди семейства своего за вечернимъ чаемъ, гдѣ любилъ быть окруженнымъ всѣми членами многочисленнаго семейства своего; но въ 9 часовъ онъ уходилъ продолжать работу свою и оканчивалъ ее въ половинѣ 11 часа, а въ половинѣ 12-го ложился спать. Такимъ образомъ для чтенія и сочиненій у него всегда было довольно времени. Онъ читалъ не для отвращенія скуки или простаго наполненія времени: ему все хотѣлось изучать и безпрестанно пріобрѣтать новыя свѣдѣнія. Въ книгѣ, которую обыкновенно читалъ онъ съ полнымъ вниманіемъ, для него все представляло предметъ наблюденій и изслѣдованій. Послѣ чтенія онъ принимался составлять для себя такой отчетъ въ конченномъ трудѣ, изъ котораго бы могъ всегда извлечь положительную пользу. Его особенности въ подобныхъ дѣлахъ не вышли какъ слѣдствія опытности, какъ привычки, усилившіяся отъ повтореній; напротивъ, начало ихъ современно первымъ его пріемамъ за дѣло — точно будто бы онъ изъ дѣтства перешелъ прямо въ зрѣлое мужество. Біографическія замѣтки свои онъ велъ съ 1796 по 1841 годъ.

Прекращеніе ихъ не послѣдовало отъ небреженія къ дѣлу, столько лѣтъ любимому. В. А. *Полыновъ*, вступивши въ число Членовъ Россійской Академіи, предался съ любовью новымъ своимъ обязанностямъ. Его увлекли филологическія занятія, а особенно работы по составленію Словаря. Въ какой степени онъ способствовалъ успѣху общихъ Академическихъ трудовъ, можно судить по слѣдующему отношенію, которое онъ имѣлъ удовольствіе получить 14 Января 1839 г. отъ Президента Академіи Адмирала А. С. Шишкова:

«Императорская Россійская Академія, отдавая полную справедливость постоянному, въ продолженіе десяти лѣтъ, участію Вашего Превосходительства въ занятіяхъ ея, и въ

особенности тому усердію, съ которымъ Вы всегда трудились въ Комитетѣ, учрежденномъ для приготовленія къ новому изданію Словаря Россійскаго языка, въ собраніи своемъ 7-го Января сего 1839 года, единогласно увѣчала труды Ваши золотою медалью, достоинствомъ въ 50 червонныхъ. Вручая Вамъ сію медаль отъ имени Академіи, вмѣстѣ съ симъ пріятнѣйшимъ для себя долгомъ поставлю увѣрить Васъ и проч.

Съ преобразованиемъ Россійской Академіи въ Отдѣленіе Академіи Наукъ, трудолюбивъ В. А. *Полъновъ* еще болѣе успѣло. Тогда-то, прекративъ библиографическія свои записки по части литературы изящной, онъ принялся за изученіе книгъ, составляющихъ нашу литературу духовную. Онъ чувствовалъ, что, безъ внимательнаго изслѣдованія этого источника, не возможно съ пользою трудиться надъ изданіемъ Словаря, котораго весь первый томъ и часть третьяго онъ обработалъ одинъ. Обширный кругъ пройденъ былъ его неутомимою дѣятельностью. Наибольшая часть Церковно-Славянскихъ словъ во всемъ лексиконѣ имъ объяснена и снабжена примѣрами. Одно оглавленіе сочиненій, въ эти послѣдніе годы жизни его прочитанныхъ, изумительно по ихъ числу и объему.

Независимо отъ Словаря академическаго, В. А. *Полъновъ* занимался опытомъ Словаря собственныхъ именъ, даваемыхъ при крещеніи, приводя при каждомъ, сколько и какія именно отъ него произведены въ употребленіи названія отечественныя, мужескія, женскія, старинныя, уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, пріветственныя, выражающія пренебреженіе, такъ называемыя, полумена и проч. Этотъ Словарь онъ успѣлъ копчить на весь алфавитъ. Всего замѣчательнѣе въ немъ то, что авторъ подкрѣпляетъ свой текстъ указаніями на множество мѣстъ въ книгахъ, начиная съ самыхъ старинныхъ и включая позднѣйшія, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Здѣсь снова удивляешься числу прочитанныхъ имъ сочиненій, еще болѣе терпѣнью, постоянству и неизмѣнному порядку, которыми обставлены всѣ его предпріятія.

Біографіи знаменитыхъ соотечественниковъ начаты въ то время, когда Россійскою Академіею опредѣлено было издать въ свѣтъ гравированные портреты всѣхъ ея Членовъ. В. А. *Полъновъ* по этому обстоятельству началъ готовить жизнеописанія, не обширныя, но доставляющія необходимыя свѣдѣнія о важнѣйшихъ случаяхъ жизни и дѣятельности изображаемаго лица. Онъ успѣлъ собрать матеріалы и совершенно кончилъ біографіи только пяти Академиковъ: Митрополита Гавріила, П. П. *Лепехина*, С. Я. *Румовскаго*, А. Я. *Севастьянова* и О. П. *Янковича де Миріево*. Двѣ первыя біографіи были напечатаны въ трудахъ Россійской Академіи. Жизнеописаніе П. П. *Лепехина* въ первый разъ было читано въ чрезвычайномъ засѣданіи Россійской Ака-

деміи, бывшемъ 18 Января 1836 года, по случаю присутствія въ ней Е. П. В. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, избраннаго въ Почетные Члены Академіи. Происходившее въ этотъ день чтеніе напечатано было тогда же отдѣльною книжкою. Извѣстно, что въ 1836 же году Пушкинъ началъ изданіе своего «Современника». Во второмъ его томѣ, поэтъ, рассказавъ подробно о засѣданіи Академіи 18 Января, вотъ какъ отзывался объ упомянутомъ сочиненіи Академика: «В. А. *Полъновъ* прочелъ *Краткое жизнеописаніе П. П. Лепехина*, перваго Непремѣннаго Секретаря «Россійской Академіи, статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ, истинно академическую». Въ бумагахъ В. А. *Полънова* сохранина выписка этихъ словъ Пушкина, доказывающая, въ какой мѣрѣ Академикъ умѣлъ цѣнить отзывъ великаго поэта.

Къ числу библиографическихъ сочиненій В. А. *Полънова* можно отнести напечатанное также въ «Трудахъ Россійской Академіи», подъ заглавіемъ: *Отправленіе Брауншвейгской фамилии изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія*. Оно останется въ литературѣ нашей памятникомъ таланта зрѣлаго, искусства, въ лучшемъ смыслѣ классическаго, гдѣ обдуманно каждое слово, гдѣ не пропущено ни одной художественной черты въ событіи, и гдѣ все, трогательное душу, обрисовано иѣжными, тонкими красками. По своей безпримѣрной скромности, только разъ прикоснувшись, какъ писатель, къ сокровищамъ отечественной исторіи, вѣреннѣйшій ему для хранения въ званіи Управляющаго Государственнымъ Архивомъ, онъ показалъ образецъ, какъ надобно пользоваться матеріаломъ государственнаго дѣла для литературнаго произведенія.

Послѣ назначенія его къ этой должности, ему поручено было, по волѣ Государя Императора, важнѣйшія бумаги изъ хранящихся въ Архивѣ показать Государю Императору Цесаревичу, что исполнилъ онъ какъ истинный знатокъ и лучший дѣловой человѣкъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени. Когда представлялся онъ къ Его Величеству для принесенія благодарности, то Государь Императоръ изволилъ сказать ему: «Благодарю васъ; вы много добра сдѣлали для Моего Сына». Объ этихъ словахъ В. А. *Полъновъ* всегда вспоминалъ съ умиленьемъ и говорилъ, что они были для него выше самой награды.

Таковъ онъ былъ неизмѣнно: смиреннѣйшій, признательнѣйшій, трудолюбивѣйшій и благоразумнѣйшій. Въ послѣдніе свои дни онъ только о томъ и сокрушался, что не находитъ въ себѣ силъ заниматься по прежнему. Въ концѣ Мая онъ занемогъ отъ простуды, но скоро оправился, и въ немъ осталась только слабость. Приближавшееся лѣто подавало ему надежду, что силы его возстанутъ. Но ни его ожиданія, ни близкихъ къ нему не сбылись. Ежедневно утрачивая болѣе и болѣе силъ своихъ, онъ потерялъ наконецъ всякую охоту къ

пищѣ, и день ото дня становился слабѣе. Въ продолженіе болѣзни, онъ два раза приобщался Св. Таинъ. Окруженный всѣмъ своимъ семействомъ и давши каждому въ немъ последнее свое благословеніе, онъ скончался въ 6 часовъ полудни въ полной памяти, безъ страданій, тихо, точно такъ, какъ провелъ самую жизнь свою, прекрасную и замѣтельную.

III.

Кончина Почетнаго Члена, Тайнаго Совѣтника Пвана Матвѣевича *Муравьева-Апостола*, послѣдовавшая 12 Марта въ нынѣшнемъ же году, другую нанесла потерю Отдѣленію Русскаго языка и словесности. Немногіе изъ литераторовъ могли похвалиться основательнымъ знаніемъ столькихъ языковъ, какъ покойный П. М. *Муравьевъ-Апостолъ*. По счастливому способу воспитанія и ученія его, въ немъ доведены были до совершенства рѣдко вмѣстѣ встрѣчаемыя качества: классическая ученость и изумительное разнообразіе знаній, навыкъ къ труду кабинетному и способность къ развитію плодовъ его въ жизни высшаго круга. По-Гречески и по-Латини онъ зналъ какъ должностной ученый. Изъ новѣйшихъ языковъ Европы, онъ не владѣлъ развѣ однимъ Турецкимъ. Безпрерывнымъ чтеніемъ и еще болѣе долговременными путешествіями и частыми сношеніями почти со всѣми знаменитостями вѣка своего, онъ достигнулъ завидныхъ успѣховъ въ тѣхъ наукахъ, которыя людямъ высшаго общества доставляютъ проницательность, богатство идей, глубокомысліе и остроуміе. Первоначально онъ имѣлъ счастье находиться въ числѣ кавалеровъ при воспитаніи Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича. Дальнѣйшее служеніе его посвящено было Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ былъ отправляемъ по дипломатической части къ разнымъ Европейскимъ Дворамъ, и особенно долго находился нашимъ Министромъ въ Испаніи. Въ Германіи онъ приобрѣлъ дружбу Іоанна Мюллера, а въ Англіи засталъ Байрона еще на ученической скамьѣ. Воспоминаніями осьмидесятилѣтней жизни, конечно, никто обильнѣе его не могъ наполнить своихъ разсказовъ. Литературу полюбилъ онъ еще въ молодости. Въ 1794 году напечатаны двѣ его комедіи: одна въ 5 дѣйствійхъ, подъ названіемъ: «Ошибки, или утро вечера мудренѣе»; другая, столь извѣстная всѣмъ: «Школа злободія», переведена съ Англіискаго изъ Шеридана. Спустя двадцать пять лѣтъ, въ 1820 году, онъ напечаталъ исполненное ученыхъ, любопытныхъ разысканій свое «Путешествіе по Тавридѣ», а черезъ годъ издалъ переведенную имъ съ Греческаго языка знаменитую Аристофанову комедію: «Облака», присовокупивши къ переводу самыя подлинныя. Бывшая Императорская Россійская Академія, признавая достоинство его заслугъ отече-

ственной словесности, избрала его въ число своихъ Дѣйствительныхъ Членовъ еще въ 1811 году.

6-го Октября прошлаго года скончался почетный Членъ Отдѣленія Статскій Совѣтникъ Василій Матвѣевичъ *Перевощиковъ*. Его участіе въ трудахъ Отдѣленія, особенно въ первые годы по учрежденіи его, по справедливости даетъ ему мѣсто въ лѣтописяхъ Академіи. В. М. *Перевощиковъ* всю жизнь провелъ въ сословіи ученыхъ. Онъ родился въ Саранскѣ 1-го Апрѣля 1783 года. Первое образованіе дано ему въ Казанской Гимназіи, откуда и перешелъ онъ въ тамошній Университетъ, при учрежденіи его въ 1803 году. Начавши службу старшимъ учителемъ въ Пензенской Гимназіи, онъ за сочиненія свои удостоенъ былъ Казанскимъ Университетомъ степени магистра словесныхъ наукъ и призванъ туда сперва на кафедру исторіи, географіи и статистики Россійской Имперіи, а послѣ перешелъ на кафедру Русской Словесности. Здѣсь оставался онъ до 1820 года, съ честію отправляя всѣ ученые и административныя обязанности, какія возлагаемы на него были по званію профессора. «Казанскія извѣстія», «Ученые записки» и «Казанскій Вѣстникъ», въ разное время издаваемые Университетомъ, обогащаемы были его трудами. Въ 1820 году Совѣтъ Дерптскаго Университета избралъ его на кафедру Русской Словесности, гдѣ въ послѣдствіи времени онъ состоялъ и Директоромъ учрежденнаго въ Дерптѣ Профессорскаго Института. Истощенное долговременною службою и ревностными учеными трудами здоровье заставило его въ 1830 году испросить увольненіе отъ всѣхъ должностей. Въ 1835 году бывшая Императорская Россійская Академія удостоила его званія Дѣйствительнаго своего Члена, изъ которой онъ поступилъ въ число Почетныхъ Членовъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Любовь къ занятіямъ Русскою Словесностью открылась въ В. М. *Перевощиковѣ* еще во время пребыванія его въ Пензѣ. Сочиненія свои, въ стихахъ и прозѣ, онъ печаталъ въ «Цвѣтникѣ», изданіи А. Беницкаго и А. Измаилова. Дальнѣйшіе литературные труды его являлись въ «Московскомъ Музеѣ» В. Измаилова и въ «Вѣстникѣ Европы», М. Качановскаго. Наконецъ, въ 1822 г., онъ собралъ свои сочиненія и переводы въ прозѣ, напечатавъ ихъ въ Дерптѣ, подъ заглавіемъ: «Опыты Василія Перевощикова». Между ними разсужденія его о важнѣйшихъ предметахъ теоріи словесности выказываютъ въ немъ профессора, мыслящаго самостоятельно и убѣжденнаго въ предлагаемыхъ истинахъ. «Житіе Князя Якова Федоровича Долгорукова» принадлежитъ къ числу немногихъ біографій, составленныхъ по источникамъ многочисленнымъ и достовернымъ. Нельзя не сожалѣть, что въ это собраніе сочиненій его не внесены изъ разныхъ повременныхъ изданій и другіе пошествовательные его опыты, какъ-то: 1) Первое раз-

дѣленіе Россіи на удѣлы, 2) о Россійскихъ лѣтописяхъ, 3) Жизнь Генерала Кноринга, 4) Жизнь и труды Св. Дмитрія Ростовскаго, 5) о сочиненіяхъ Хераскова, Ломоносова и Тредьяковскаго. Замѣчательнѣйшіе изъ переводовъ его напечатаны въ книгѣ: 1) Изображеніе духа и нравовъ древнихъ Римлянъ, изъ Саллюстія; 2) Три отрывка изъ Тита-Ливія и два изъ Тацита. Съ Шведскаго языка онъ перевелъ «Избранныя идилліи Броннера», а изъ Гердера ту проповѣдь, которую произнесъ онъ при поминновеніи Графа Фонъ-Линше. Прочіе переводы его также не напечатаны въ этомъ собраніи, какъ на примѣръ: Басни и притчи Крузмахера. Вообще гораздо болѣе осталось трудовъ его въ рукописяхъ, нежели вышло въ свѣтъ. Семейныя утраты были причиною, что В. М. *Перевощиковъ* дошелъ до печальнаго равнодушія къ прежнимъ своимъ занятіямъ, снѣдаемый замѣтною меланхоліею, въ припадкахъ которой онъ перѣдко даже истреблялъ написанное въ лучшее для него время.

III.

По избранію Г. Президента Академіи, Графа С. С. Уварова, Ординарный Академикъ Н. П. *Давыдовъ*, 18 Августа 1851 года, утвержденъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія на предстоящее двухлѣтіе въ званіи Предсѣдательства по Отдѣленію Русскаго языка и словесности.

Почетный членъ Отдѣленія, Тайный Совѣтникъ А. С. *Норова* избранъ въ дѣйствительные Члены, на что Высочайшее соизволеніе послѣдовало. Его учено-литературные труды пользуются справедливымъ уваженіемъ въ нашей словесности. Знаніе языковъ классической древности и ново-Европейскихъ литературъ онъ умѣлъ счастливо соединить въ себѣ съ разностороннимъ ученымъ образованіемъ. Первые опыты его таланта относятся еще къ 1822 году, когда напечатаны были двѣ пѣсни дидактической поэмы его, названной: «Земля». Въ томъ же родѣ, нѣсколько позже, явились въ печати отрывки изъ «Опыта объ Астрономіи», «Островъ Нордерлей» и «Посланіе». Всѣ они заняли почетное мѣсто въ собранныхъ тогда «Образцовыхъ сочиненіяхъ». Въ періодъ первой же литературной своей дѣятельности онъ много перевелъ отрывковъ изъ Аріоста, Данта, Шекспира и А. Шенье. Болѣе всего замѣчательно, что, предаваясь изученію классическихъ писателей древнихъ и новыхъ, особенно Итальянскихъ, и обрабатывая по-Русски лучшія мѣста ихъ, онъ не снѣмалъ изданіемъ своихъ переводовъ, а совершенствовалъ только языкъ и слогу, какъ истинный художникъ, любя трудъ и пользу.

Проза А. С. *Норова*, отличающаяся точностью и выразительностью языка, вѣрностью и красотой оборотовъ, обиліемъ мыслей и предметовъ, привлекала къ себѣ вниманіе читателей въ изложенныхъ авторомъ впечатлѣніяхъ, кото-

рыя были плодомъ его путешествій по разнымъ странамъ Европы. До сихъ поръ остаются въ числѣ лучшихъ описаній и разсказовъ нашихъ: «Литературный вечеръ въ Римѣ», «Письма изъ Англіи», «Письма изъ Рима и Венеціи» и «Поездка въ Овернь».

За этими занимательными и столь удачными опытами, явившимися въ видѣ предшественниковъ того рода сочиненій, которыя утвердилъ за нимъ авторскую самобытность и несомнѣнную извѣстность въ ученомъ мірѣ, скоро послѣдовали четыре творенія, исполнившія истинныхъ достоинствъ въ историческомъ, археологическомъ, художественномъ и литературномъ отношеніи. Каждое изъ нихъ, какъ цѣлое, обнимаетъ свой предметъ съ лучшихъ его сторонъ и удовлетворяетъ требованіямъ самымъ разнороднымъ. Первое изъ нихъ называется: «Путешествіе по Сициліи». Введеніе въ эту книгу обнимаетъ времена баснословныя, времена историческія, краткое географическое и статистическое описаніе Сициліи и наконецъ древнее ея просвѣщеніе. Эта классическая земля, о которой Сентъ-Викторъ сказалъ, что въ ней вдругъ видишь Италію и Грецію, изучена путешественникомъ нашимъ во всей подробности. Онъ прочиталъ о ней все у древнихъ и новѣйшихъ писателей, чтобы ни одинъ тамъ предметъ не остался для него безответнымъ. Исполненный одушевленія, онъ ставитъ читателя на лучшія точки, давая возможность живыми описаніями дѣлать съ нимъ всѣ впечатлѣнія. Отъ того здѣсь и самый языкъ его принимаетъ живость и теплоту поэзіи. Съ другой стороны, не пропущено ни одного изъ тѣхъ ученыхъ разысканій, на которыя безпрестанно наводитъ путешественника обиліе историческихъ памятниковъ края. Съ книгою А. С. *Норова* и приложенными къ ней картами, планами и рисунками читатель можетъ въ кабинетѣ у себя изучить Сицилію какъ бы въ дѣйствительномъ путешествіи.

Слѣдующія три путешествія: «по Святой землѣ», «по Египту и Нубіи», и «къ семи Церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ», составляютъ блистательное заключеніе учено-литературныхъ трудовъ автора. Самое строгое и безпристрастное сравненіе разсказовъ и изслѣдованій его съ произведеніями иностранцевъ, занимавшихся тѣмъ же предметомъ, даетъ ему преимущество надъ ними. Приступая къ каждому изъ этихъ подвиговъ благочестія и любознательности, онъ умѣлъ обогатить сердце, умъ и воображеніе свое тѣми сокровищами вѣры и науки, безъ которыхъ самый истерпѣливый и жадный взглядъ путешественника и половины не прочитаетъ таинственныхъ строкъ на нетлѣнныхъ остаткахъ религіи и исторіи. Въ описаніяхъ А. С. *Норова* не только строго соблюдена изумительная отчетливость, особенная ясность и несомнѣнная истина, но чувствуется и то смиреніе, то благоговѣніе, которымъ естественно была наполнена душа путешественника. Обѣ всемъ

говорить онъ съ участіемъ, съ знаніемъ, съ простою убѣжденіемъ. Возьметъ ли книгу его набожный христіанинъ: онъ почувствуетъ себя перенесеннымъ на тѣ святыя мѣста, гдѣ возсіяла для насъ чистая вѣра; онъ будетъ какъ-бы присутствовать тамъ при торжествахъ священнодѣіствія — и не только мысли его, самому взору предстанутъ всѣ предметы, которыхъ созерцаніе умилитъ душу его. Любопытный ученый, руководствуясь указаніями автора, въ состояніи будетъ начертить передъ собою и постепенно самъ изслѣдовать по частямъ эти немолкающіе памятники древности, которые столько вѣковъ сзываютъ къ себѣ народы всѣхъ странъ свѣта. На этомъ основаніи, «Путешествіе по Святой Землѣ» нашего автора, переведенное на Чешскій языкъ, взято какъ лучшее изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Европейской литературѣ, и назначено въ замѣнъ другихъ сочиненій о томъ же предметѣ. Переводчикъ, для достиженія своей цѣли, внимательно сравнивалъ его съ прочими и ничѣмъ не могъ изъ нихъ пополнить книги своей, кромѣ небольшихъ приписокъ и главы: «о Синаѣ и Пѣтрѣ» изъ Робинзона и Розенмюллера.

Адъюнктъ М. А. Коркуновъ въ нынѣшнемъ году избранъ Академіею въ Экстраординарные Академики Отдѣленія Русскаго языка и словесности, на что послѣдовало и Высочайшее соизволеніе. Въ занятіяхъ Отдѣленія онъ принимаетъ самое живое участіе съ 1847 года. При избраніи его Отдѣленіемъ въ Адъюнкты, записка объ ученыхъ трудахъ его помѣщена была въ отчетѣ за 1847 годъ. Съ тѣхъ поръ онъ ревностно занимается новыми учеными трудами, которыхъ плоды ощутительны, кромѣ II-го Отдѣленія Академіи, въ Археографической Коммиссіи и въ Императорскихъ Русскихъ Географическомъ и Археологическомъ Обществахъ.

Въ то время, когда еще издавался Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, М. А. Коркуновъ исполнилъ одну изъ труднѣйшихъ обязанностей при редакціи: онъ проверилъ ссылки на памятники Церковно-Славянскіе и старинные Русскіе, не только во 2-мъ томѣ, котораго онъ былъ редакторомъ съ Академикомъ А. Х. Востоковымъ, но и въ значительной части прочихъ трехъ томовъ. Равнымъ образомъ для всего изданія этого Словаря имъ приготовлено было большое количество примѣровъ изъ новыхъ Русскихъ писателей. Едва въ Отдѣленіи принято было намѣреніе о приготовленіи матеріаловъ для дополненія въ новомъ изданіи отпечатаннаго тогда Словаря, онъ приступилъ къ пересмотру старинныхъ актовъ, выбиралъ изъ нихъ пропущенныя слова, или внесенныя въ Словарь безъ объяснительныхъ примѣровъ.

Въ 1849 году приступлено было Отдѣленіемъ къ печатанію «Опыта Словаря областныхъ словъ». Для облегченія утомительныхъ трудовъ его редактора, Академика Востокова, М. А. Коркуновъ постоянно занимался поправкою и по-

полненіемъ многочисленныхъ сборниковъ, служащихъ основою при его составленіи. Ученая и даже матеріальная корректура изданія находитъ въ немъ труженика, всегда готоваго на совершенствованіе дѣла, которое въ своемъ родѣ еще первое у насъ въ Россіи, и требуетъ не только постоянной внимательности, но и непрерывныхъ разысканій.

Труды по Археографической Коммиссіи нисколько не ослаблены имъ для успѣховъ занятій по Отдѣленію. Долговременными опытами онъ убѣдился, въ какомъ соотношеніи находятся они и какую можно изъ одного дѣла извлечь пользу для другаго. Въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1848 года, подъ наблюденіемъ главнаго редактора Коммиссіи Академика Я. П. Бердичкова, М. А. Коркуновъ напечаталъ III и V томы Актовъ историческихъ, также I, II и III томы Дополненій къ нимъ. Въ прошедшемъ году кончено имъ изданіе IV тома тѣхъ же Дополненій. Изъ находящихся въ Коммиссіи многочисленныхъ рукописей, онъ въ продолженіе нынѣшняго года отобралъ уже матеріалы и приступилъ къ печатанію упомянутыхъ Дополненій въ V томѣ. Здѣсь читатели встрѣтятъ любопытные акты о походѣ противъ Стеньки Разина, отрывки изъ Патріаршихъ выходовъ, документы объ осадѣ Соловецкаго монастыря, акты касательно присковъ рудъ при Царѣ Алексѣи Михайловичѣ и т. д. Составитель подобныхъ изданій, ежели они вполне удовлетворяютъ требованіямъ историковъ, по праву занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ученой литературѣ, обнаруживая проникательный взглядъ при выборѣ матеріаловъ и большія филологическія свѣдѣнія при разрѣшеніи непрерывныхъ недоумѣній въ старинномъ языкѣ и часто непорочномъ текстѣ.

Адъюнктъ Н. Н. Срезневскій также избранъ Академіею въ Экстраординарные Академики, на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе. По отчету Отдѣленія въ 1849 году, можно убѣдиться, какими полезными трудами онъ ознаменовалъ ученое свое поприще до времени избранія его въ число Членовъ Академіи. Его неослабое рвеніе къ изысканіямъ филологическимъ и появившіяся новыя учено-литературныя сочиненія доставили ему новыя права на вниманіе судей просвѣщенныхъ. По особеннымъ достоинствомъ и новостью взгляда ознаменована книга его: «Мысли объ исторіи Русскаго языка». Безпристрастный и просвѣщенный критикъ, подробно разсматривавшій это сочиненіе, основательно и справедливо заключаетъ разборъ свой слѣдующими положеніями, какъ важными пріобрѣтеніями, которыми книга Н. Н. Срезневскаго пополнила науку о нашемъ языкѣ.

«1. Русскій языкъ, въ древности, отличавшійся отъ Старославянскаго церковнаго нѣкоторыми чертами, преимущественно фоническими, былъ сходенъ съ нимъ по богатству формъ и даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, превосходилъ его сохраненіемъ первобытныхъ свойствъ языка Славянскаго.

2. Последнія измѣненія Русскаго языка, хотя и отличающіяся особенностями вліянія мѣстныхъ обстоятельствъ, шли однако однимъ и тѣмъ же путемъ, какъ измѣненія другихъ Славянскихъ нарѣчій, и только съ помощью сравненія Русскаго языка съ другими Славянскими нарѣчіями можно уяснить ходъ его измѣненій и переходъ отъ древняго состоянія къ новому. 3. Въ ряду измѣненій Русскаго языка, по мнѣнію автора, очень важна переходная эпоха, состояніе кризиса, въ которомъ находился языкъ въ XIII и XIV вѣкахъ, когда многія древнія формы окончательно должны были выпасть изъ обычая народнаго и сохраниться только въ языкѣ книжномъ, а новыя заступить ихъ мѣсто. 4. Ходъ измѣненій языка въ народѣ уравнивается съ ходомъ народнои словесности, а ходъ измѣненій языка книжнаго — съ ходомъ литературы. Это положеніе подтверждено фактами, не только Русскими, но и западно Славянскими».

Въ разрядъ новыхъ ученыхъ заслугъ Н. Н. Срезневскаго, по справедливости, надобно также поставить объясненія нѣсколькихъ памятниковъ древней Славянскои письменности и составленіе подробныхъ словарей къ лѣтописи Нестора по Лаврентьевскому списку, къ Ипатьевской и Новгородской лѣтописямъ, къ Реймскому Евангелію и Глаголитской рукописи графа Клотца, а также и филологическіе разборы двухъ послѣднихъ памятниковъ. Эти послѣдніе труды, на которые, какъ профессоръ, онъ вызвалъ молодыхъ людей изъ слушателей своихъ въ здѣшнемъ Университетѣ и Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, совершены подъ его руководствомъ.

Собравши въ теченіе многихъ лѣтъ матеріалы для Словаря мѣстныхъ нарѣчій Россіи, онъ въ каждое засѣданіе Отдѣленія сообщаетъ поправки, объясненія и прибавленія словъ для печатающагося «Опыта областного Словаря», который такимъ образомъ становится полнѣе и опредѣляетъ слова исправнѣе во многихъ отношеніяхъ.

Въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ онъ обратилъ вниманіе членовъ его на географію Русскаго языка — предметъ любопытный и новый для изученія. Онъ тамъ прочелъ о немъ соображенія свои, а нынѣ занимается приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ и приготовляетъ географію Южно-Русскихъ нарѣчій.

IV.

Въ теченіе 1851 года Отдѣленіе Русскаго языка и словесности продолжало заниматься всѣми четырьмя предметами, которые въ прошломъ году избраны имъ были для общихъ засѣданій. «Опыта областного Русскаго Словаря» напечатано уже 30 листовъ; остальные же просмотрѣны всѣ въ корректурѣ. Въ отношеніи къ его изданію, надобно было сохранить тѣ самыя основанія, которыя Отдѣленіе приняло въ началѣ этого труда, у насъ перваго въ своемъ

родѣ, и потому замедляемаго непрерывными недоумѣніями, вызывающими разныя соображенія. Печатаніе «Словаря Западно-Русскаго нарѣчія» подвигается также впередъ. Въ Отдѣленіе представлено изъ него редакторомъ протоіереемъ І. Григоровичемъ уже 5 листовъ отпечатанныхъ. Этотъ словарь долженъ въ объемѣ своемъ нѣсколько увеличиться противъ первоначальнаго начертанія, потому что въ него войдетъ множество рѣченій старинныхъ, какъ литературныхъ, такъ и юридическихъ, которыя извлечены изъ древнихъ памятниковъ Западно-Русскои письменности. Что касается до «Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка», дополненія къ нему и въ нынѣшнемъ году прибывали постоянно. По кончинѣ Академика В. А. Попова, который завѣдывалъ этими матеріалами, они поступили къ Члену Отдѣленія М. А. Коркунову, вызвавшемуся продолжать приготовленіе ихъ къ будущему новому изданію Словаря. «Опытъ общесравнительной грамматики Русскаго языка», по порученію Отдѣленія составленный Академикомъ Н. Н. Давыдовымъ, окончательно рассмотрѣнъ членами составленнои на этотъ предметъ Коммисіи, и теперь уже отпечатываются послѣдніе его листы.

Отдѣленіе въ 1851 году, для общихъ занятій своихъ, продолжало собираться по два раза въ недѣлю. Всѣхъ его засѣданій было 83. Кромѣ означенныхъ учено-литературныхъ предметовъ, составлявшихъ постоянныя его труды, ему предложено было на разсужденіе по входящимъ бумагамъ 103 дѣла, нынѣ конченныхъ, и по рѣшеніи которыхъ послѣдовало выходящихъ бумагъ 200 номеровъ.

По предложенію Г. Предѣлительствующаго, 15 Сентября нынѣшняго года, Отдѣленіе опредѣлило отпечатанные листы «Областного Словаря» и «Грамматики Русскаго языка» сообщить Членамъ своимъ, по служебнымъ занятіямъ, или по мѣсту жительства внѣ столицы, не присутствующимъ въ его засѣданіяхъ, чтобы доставить имъ возможность письменными мнѣніями участвовать въ общихъ трудахъ Отдѣленія, что будетъ, по мѣрѣ отпечатыванія, и впредь продолжаемо.

23 Декабря 1841 году открыто было первое засѣданіе Отдѣленія Русскаго языка и словесности. Нынѣ исполнилось десять лѣтъ существованія его и тѣхъ трудовъ, которые возложены на него Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ. Приведши къ окончанію оба предпріятія, важнѣйшія въ отношеніи къ отечественному языку, и проложивъ ими правильнѣй и болѣе твердый путь для дальнѣйшихъ занятій своихъ на этомъ поприщѣ, Отдѣленіе рѣшилось распространить кругъ трудовъ своихъ, принять къ числу непосредственныхъ своихъ изслѣдованій спеціальныя филологическіе и литературныя вопросы, для общей пользы соединить своею дѣятельностію дѣятельность знатоковъ и любителей языка Русскаго и сродненныхъ его нарѣчій, литературы

ихъ и ея исторіи, и такимъ образомъ идти къ достиженію цѣли, общей для всѣхъ академій, къ открытію истины. Для этого въ послѣднее время Отдѣленіе приготовило все, что-бы съ 1852 года издавать отъ себя «Извѣстія» по образцу давно печатаемыхъ I и III Отдѣленіями Академіи Наукъ. Составивъ планъ новаго предпріятія своего, оно сообщило о немъ извѣстнымъ по этой части ученымъ, пригласивъ ихъ къ участію. Какъ надобно было и ожидать, они всѣ единодушно изъявили на это свою готовность. Редакцію «Извѣстій» Отдѣленіе возложило на трудолюбиваго, ревностнаго и обогащеннаго знаніями по филологіи Славянскихъ языковъ Члена своего, *Н. Н. Срезневскаго*. Если это предпріятіе будетъ счастливо въ своемъ исполненіи, какъ представляется оно при своемъ началѣ, то безъ всякаго сомнѣнія, Отдѣленіе будетъ средоточіемъ ученой дѣятельности филологовъ и литераторовъ, раздѣльно обрабатывающихъ нынѣ предметы патріотической ихъ любознательности. Не видя причинъ сомнѣваться въ успѣхѣ, Отдѣленіе пожелало здѣсь же образовать средоточіе памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, памятниковъ, съ незапамятныхъ временъ, остающихся безъ поучительной извѣстности и почти никѣмъ неупотребляемыхъ, какъ лучшія пособія къ утвержденію законовъ науки языка и къ созданію вѣрной ея исторіи. Для достиженія этой цѣли, Отдѣленіе составило программу, обращенную ко всѣмъ собирателямъ произведеній народнои словесности, и опредѣляющую въ подробности, какъ предметы, на которые должно обратить вниманіе, такъ и самыя правила редакціи ихъ и доставленія. Программа явится въ свѣтъ съ первыми листами «Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности»^{*)}. Такимъ образомъ въ одномъ мѣстѣ начнется общая разработка теоретическихъ изслѣдованій и историческихъ фактовъ Славяно-Русской филологіи.

В.

Частныя по литературѣ занятія Академиковъ II Отдѣленія не прекращались и въ продолженіе 1851 года. Каждый изъ нихъ, оставаясь въ сферѣ избраннаго имъ труда, содѣйствовалъ общей пользѣ въ исполненіи возложенной на него обязанности.

Ординарный Академикъ, Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, *Н. Н. Давыдовъ*, занимался печатаніемъ «Опыта общесравнительной грамматики Русскаго языка» и участвовалъ въ разсмотрѣніи «Словаря областныхъ реченій». До петербургскаго Сентября онъ засѣдалъ въ Комитетѣ Правленія Академіи и въ Комитетѣ присужденія Демидовскихъ премій; съ Сентября же, въ званіи Предсѣдательствующаго, имѣетъ

^{*)} См. въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ. Л. 1.

попеченіе объ успѣхѣ занятій цѣлаго Отдѣленія и представилъ онымъ начертаніе.^{*)} По порученію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, онъ напечаталъ исправленный курсъ словесности Г. Зеленецкаго въ 4 томахъ. Въ Комитетѣ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, въ теченіе нынѣшняго года, онъ написалъ рецензіи на 72 книги и рукописи.

Ординарный Академикъ, Высокопреосвященный *Филаретъ*, Митрополитъ Московскій и Коломенскій, продолжалъ писать назидательныя поученія свои. Изъ нихъ напечатаны слѣдующія его Слова и Бесѣды: 1) Слово въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія, о путяхъ къ достиженію того, чтобы дѣла земныя и мірскія не препятствовали дѣлу духовному и небесному; 2) Слово въ день Успенія Божіей Матери, о благовременномъ и неотлагательномъ приготовленіи себя къ благонадежной смерти и блаженной вѣчности; 3) Слово въ день преставленія Преподобнаго Сергія, о терпѣніи, какъ необходимомъ средствѣ для достиженія вѣчнаго спасенія; 4) Бесѣда въ день отданія Пасхи и принесенія въ Москву камня гроба Господня, объ обстоятельствахъ сего принесенія и о томъ, съ какими мыслями и чувствами должно приступать къ поклоненію и благоговѣйному лобзанію сей святыни; 5) Слово въ день тезоименитства Государя Императора, о любви къ Богу и ближнему, какъ источникѣ истиннаго благодѣянія; 6) Слово, говоренное въ храмѣ св. Мученицы Татіаны, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, о сродствѣ мученичества съ мудростію, и о подражаніи спасительнымъ свойствамъ мученической мудрости; 7) Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, о томъ, почему всемогущая воля Божія, въ приведеніи насъ на путь спасенія, дѣйствуетъ не безъ соизволенія нашей воли; 8) Слово въ день рожденія Государя Императора, объ истинной христіанской свободѣ, совершенно согласной съ повиновеніемъ гражданскому закону и власти; 9) Слово, говоренное по освященіи храма Св. Мученицы Царицы Александры, въ Александринскомъ Сиротскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, 6 текущаго Декабря, о томъ, что воинское званіе, учрежденное въ народѣ Израильскомъ, подъ руководствомъ и по мановенію Божію, имѣетъ основаніе твердости и доблестей своихъ въ вѣрѣ и упованіи на Бога и во всемогущемъ покровительствѣ Промысла Божія.

Ординарный Академикъ, Преосвященный *Иннокентій*, Архіепископъ Херсонскій и Тавричскій, по причинѣ слабости здоровья и продолжительныхъ переездовъ по Епархіи, принужденъ былъ въ нынѣшнемъ году всѣ свои ученые занятія ограничить произношеніемъ краткихъ безыскусственныхъ бесѣдъ къ народу при совершаемыхъ имъ литургіяхъ,

^{*)} См. Извѣстія. Листъ 1.

и описаніемъ предназначенныхъ къ возстановленію древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ Таврическимъ.

Ординарный Академикъ К. П. *Арсеньевъ* приготовилъ къ печатанію второй томъ сочиненія своего, которое въ 1848 году вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Статистическіе очерки Россіи». Въ первомъ томѣ, между прочимъ, сказано было авторомъ: «Книга, представляемая мною на судъ публики, можетъ считаться только какъ бы опытомъ, или трудомъ предварительнымъ, нужнымъ для поясненія работъ дальнейшихъ». Эти слова заставляютъ нетерпѣливо ожидать появленія новыхъ томовъ «Очерковъ Россіи», столь важныхъ для науки.

Ординарный Академикъ П. Г. *Бутковъ* постоянно принималъ участіе въ сужденіяхъ объ исправленіи и доопыленіи текста «Опыта областного Русскаго Словаря». Сверхъ того, продолжала чтеніе письменныхъ памятниковъ древней литературы нашей, онъ сообщилъ Отдѣленію значительное число словъ и ихъ опредѣленій, которыхъ недоставало въ «Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка».

Ординарный Академикъ А. Х. *Востоковъ*, какъ редакторъ «Опыта областного Русскаго Словаря», готовилъ для печатанія всѣ матеріалы и составилъ къ нему предисловіе съ изложеніемъ наблюденій своихъ надъ фонетическими и грамматическими измѣненіями въ областныхъ словахъ. Въ теченіе 1851 года поручаемы были разсмотрѣнію его слѣдующія сочиненія Профессора Миклошича, предложенныя на обсужденіе Отдѣленія: 1) Словарь древне-Славянскаго языка, съ Греческимъ и Латинскимъ переводомъ словъ и 2) Церковно-Славянская Грамматика. Сверхъ того, онъ представилъ мнѣніе свое о напечатанномъ въ Вѣнѣ, въ нынѣшнемъ году, сочиненіи Евгенія Іоанновича, Православной Восточной Церкви Епископа Карловачскаго (въ Кромачин), подъ заглавіемъ: «Грамматика Церковно-Славянскаго языка».

Ординарный Академикъ В. А. *Жуковский* кончилъ новое изданіе полнаго собранія сочиненій и переводовъ своихъ въ 9 томахъ. Оно, въ хронологическомъ порядкѣ, содержитъ все, что имъ написано съ 1802 года. Послѣ этого изданія, онъ приступилъ къ переводу Илиады Гомера и успѣлъ уже перевести первые три пѣсни. Такимъ образомъ можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени мы обязаны ему будемъ появленіемъ всего Гомера на Русскомъ языкѣ въ стихахъ, достойныхъ подлинника.

Ординарный Академикъ М. П. *Погодинъ*, при пособіи II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, оканчиваетъ печатаніе V тома своихъ «Изслѣдованій о Русской Исторіи». Въ немъ говорится о междоусобныхъ войнахъ (глава I), о сношеніяхъ Князей между собою (глава II), о вѣнскихъ войнахъ (глава III, Половцы), о прочихъ войнахъ и сношеніяхъ (глава IV); біографическій списокъ удѣльныхъ Князей (глава V).

Слѣдуя постоянно своей методѣ, онъ собираетъ обыкновенно всѣ мѣста изъ лѣтописей, принадлежащія къ предмету изслѣдованія, и на основаніи ихъ выводитъ уже свои заключенія. Такъ и въ настоящихъ разсужденіяхъ о междоусобныхъ войнахъ онъ предлагаетъ прежде всего всѣ извѣстія лѣтописей, очистивъ оныя отъ всѣхъ постороннихъ обстоятельствъ, и находитъ, что войны, вопреки господствующимъ понятіямъ, были не безпрерывны, не повсемѣстны, не кровопролитны, состояли болѣею частью изъ однихъ нападений, осадъ, и всего менѣе сраженій; относились преимущественно къ князьямъ, потомъ къ боярамъ и дружинѣ, къ городамъ, и всего менѣе къ народу, который рѣдко принималъ въ нихъ участіе, а производилъ завладѣніе, которое было и главнымъ предметомъ сношеній; наконецъ, многія княжества были совершенно свободны отъ междоусобій. Всѣ эти выводы представляются въ наглядныхъ таблицахъ. Въ заключеніе собраны древнія слова и выраженія, сюда относящіяся.

Въ главѣ о Половцахъ авторъ собралъ всѣ собственные имена ихъ, по которымъ можно судить о ихъ языкѣ и происхожденіи, извѣстія о ихъ жилищахъ, числѣ, образѣ жизни и войны, характерѣ набѣговъ и отношеніи ихъ между собою и къ Руси. Точно также ведено изслѣдованіе и о другихъ восточныхъ племенахъ, о Торкахъ, Берендѣяхъ, Печенѣгахъ, Ковуяхъ, Черныхъ Клобукахъ, и показано отношеніе ихъ къ послѣдовавшимъ казакамъ.

Въ III главѣ исчисляются всѣ вѣнскіе неприятели Россіи въ продолженіе удѣльнаго періода, до Монголовъ, равно какъ и сношенія. По поводу послѣднихъ, собраны извѣстія о всѣхъ бракахъ съ иностранными владѣтельными родами, откуда оказывается, что, начиная съ Владиміра Святого, князья всѣхъ поколѣній женились часто на иностранныхъ княжнахъ, такъ какъ и наши княжны выдавались за иностранныхъ королей, чѣмъ и опровергается окончательно сомнѣніе о бракахъ дочерей Ярослава. При исчисленіи Польскихъ браковъ, оказывается, что всѣ почти Польскіе короли изъ дома Пястовъ имѣли Русское происхожденіе, отъ Русскихъ князей (между ними трое, коими велась династія). Послѣ Поляковъ представлены сношенія съ Уграми, Чехами, и проч.

Въ V главѣ, которой авторъ не предполагалъ прежде, и которая, по своей многотрудности, задержала изданіе какъ сего, такъ и слѣдующаго тома, уже совершенно почти изготовленнаго, представленъ біографическій списокъ всѣхъ удѣльныхъ князей до Монголовъ, по степенямъ. Въ этомъ списокѣ собраны всѣ извѣстія лѣтописей, относящіяся къ тому или другому князю.

Кромѣ изслѣдованій, принадлежащихъ собственно къ области критики, Академикъ напечаталъ два историческія повѣствованія о двухъ примѣчательнѣйшихъ личностяхъ

древней Русской Исторіи—о Владимірѣ Мономахѣ и Мстиславѣ Галицкомъ. Повѣствованіе о Великомъ Князѣ Всеволодѣ, родоначальникѣ послѣдующей великокняжеской династии, представлено имъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а о второмъ нашествіи Татаръ представить немедленно въ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности.

Въ издаваемомъ подѣ главною его редакціею учено-литературномъ журналѣ «Москвитинѣ», онъ напечаталъ нѣсколько весьма важныхъ документовъ для Исторіи Русской словесности, о Тредьяковскомъ, Ломоносовѣ, Карамзинѣ и Пушкинѣ, и непрерывно предлагалъ критическіе разборы всѣхъ выходящихъ книгъ историко-критическаго содержанія.

Ординарный Академикъ Протоіерей І. С. Кочетовъ постоянно посѣщалъ какъ общія собранія Академіи, такъ и частныя засѣданія Отдѣленія. Онъ принималъ живое участіе въ сужденіяхъ Отдѣленія при его занятіяхъ, дѣлалъ полезныя замѣчанія при слушаніи издаваемаго Словаря областныхъ нарѣчій, представлялъ обработанные матеріалы, какъ для областного Словаря, такъ и для дополненія Общаго Словаря при новомъ его изданіи. Матеріалы для перваго собирае онъ изъ языка народнаго, а для втораго выбиралъ изъ книгъ священныхъ и богослужебныхъ, изъ писателей церковныхъ, изъ изданій Археографической Коммиссіи и изъ другихъ памятниковъ древней Русской словесности, равно и изъ новѣйшихъ писателей Русскихъ.

Ординарный Академикъ Я. И. Березниковъ продолжалъ приготавливать къ изданію VI томъ Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей, въ которомъ содержится окончаніе Софійской первой и Софійская вторая лѣтопись. Въ приложеніи къ первой заключаются Русская Правда и, такъ называемый. Судный Законъ, несправедливо приписанный въ рукописяхъ Греческому царю св. Константину. Эти памятники древняго законодательства, вошедши въ составъ первой Софійской лѣтописи, сличены по шести ея спискамъ; но какъ списки относятся, сравнительно, къ позднему времени, т. е. къ XV и XVI вѣкамъ, и въ нихъ встрѣчаются темноты и ошибки, то поѣрка такихъ мѣстъ произведена по древнѣйшимъ спискамъ, Синодальному XIII и Пушкинскому XIV вѣковъ, напечатаннымъ въ изданіи Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей, подѣ заглавіемъ: «Русскія достопамятности». Въ Судномъ Законѣ, по мѣстамъ, сдѣланы указанія на Кормчую и нѣкоторые источники Греко-Римскаго церковнаго права. Сверхъ того, Академикъ Я. И. Березниковъ, для Областнаго Словаря доставилъ большое число простонародныхъ словъ, относящихся къ Новгородскому нарѣчію, и участвовалъ, по порученію Археографической Коммиссіи, въ приготвленіи къ изданію V-го тома Дополненій къ Актамъ историческимъ.

Ординарный Академикъ П. М. Строевъ занимался составленіемъ указателя къ шести томамъ Полнаго собранія

Русскихъ лѣтописей и внесъ въ Археографическую Коммиссію значительное число грамотъ и актовъ, извлеченныхъ имъ (въ спискахъ) изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и изъ нѣкоторыхъ сборниковъ. Объясненія П. М. Строева, присовокупленные къ этимъ нигдѣ не напечатаннымъ документамъ, отличаются вѣрностью взгляда и точностью историческихъ соображеній; въ изданіи Коммиссіи они войдутъ въ число комментарій къ означеннымъ Актамъ. Онъ еще доставилъ въ Отдѣленіе Сводъ теорій глаголовъ по системамъ Гр. Греча и Востокова.

Экстраординарный Академикъ С. П. Шевыревъ участвовалъ въ публичномъ курсѣ Профессоровъ Московскаго Университета, и потомъ напечаталъ читанныя имъ четыре публичныя лекціи, подѣ заглавіемъ: *Очеркъ Исторіи живописи Итальянской, сосредоточенной въ Рафаэля и его произведеній*. Содержаніе этого курса слѣдующее. Изложивъ кратко теоретическія начала живописи относительно формы и идеи, Профессоръ указалъ на мѣсто ея въ общемъ историческомъ движеніи всѣхъ искусствъ и опредѣлилъ условія климатныя, государственныя, общественныя и народныя, которыя содѣйствовали развитію этого искусства въ Италіи. Отъ этихъ условій Профессоръ перешелъ къ главному — къ Религіи Христіанской. Здѣсь указана древняя связь между иконописью Византійскою и живописью Итальянскою, мѣсто и значеніе Рафаэля въ развитіи сей послѣдней. Въ немъ сосредоточивается она вся, начиная отъ древнихъ Византійскихъ преданій до высшей степени ея развитія, чѣмъ оправданъ и выборъ предмета.

Вся дѣятельность Рафаэля, какъ художника, раздѣлена на періоды, которые объемлютъ воспитаніе его, полное образованіе художественное, достиженіе самообладанія и послѣднее семилѣтіе его жизни. Въ первомъ періодѣ (1483 — 1504) изображено состояніе живописи Итальянской во время рожденія Рафаэля: двѣ школы, натурально-языческая и религіозная, раздѣляютъ Италію. Рафаэль является питомцемъ религіозной школы и выноситъ изъ нея чистоту, грацію и высокое цѣломудріе кисти. Во второмъ періодѣ (1504 — 1513) образуется художникъ: образованіе его начинается во Флоренціи; здѣсь дѣйствуютъ на него произведенія умершаго Масацчіо и старшіе современники Рафаэля: Леонардо да Винчи и Микель Анжело. Съ образованіемъ художественнымъ объ руку идетъ и умственное образованіе Рафаэля; въ семъ послѣднемъ принимаетъ участіе родной его городъ, Урбино, и дворъ Герцога Урбинскаго, соединившій всѣ разнородные таланты Италіи современной. Теорія искусства, по началамъ Платоновымъ изложенная современнымъ мыслителемъ Піетро Бембо, представляетъ разумное сознаніе того, что Рафаэль совершалъ кистью. Образованіе художника, начатое во Флоренціи, до-

вершилось въ Римѣ. Здѣсь живописецъ объявилъ свое чувство другимъ сферамъ человѣческаго образованія, и въ фрескахъ Ватикана изобразилъ богословіе, философію, поэзію и юриспруденцію; здѣсь изучилъ онъ Венеціанскіи колоритъ на произведеніяхъ Джіорджіоне; здѣсь еще разъ встрѣтился онъ съ гениемъ Микель Анжело и, подъ внушеніями его кисти, развилъ драматическій стиль живописи; здѣсь, наконецъ, достигъ полноты самообладанія, какъ художникъ. Последнее семилѣтіе жизни Рафаэля, обнимающаго третій періодъ (1513 — 1520), представляетъ совершеннѣйшія произведенія Италіанской кисти. Здѣсь разсмотрѣны: Рафаэлева Библия въ лоджахъ Ватикана, картоны для ковровъ на предметы изъ «Дѣяній Апостольскихъ», картины изъ мифологіи языческой и труды художника по возстановленію памятниковъ древняго Рима, картины изъ міра Христіанскаго: Нисеніе Креста, Св. Цецилія, Мадонна Св. Сикста и Пресображеніе Господне по Русской гравюрѣ Іордана.

Въ заключеніе, Профессоръ указалъ на возможное отношеніе между Рафаэлемъ и живописью отечественною, равно и на связь между вопросами о живописи и объ искусствѣ современномъ вообще.

Въ дополненіе къ публичнымъ чтеніямъ, Профессоръ напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ три статьи о Рафаэлевскихъ картонахъ, принадлежащихъ Г. Лухманову.

Сверхъ того, Академикъ Шевыревъ напечаталъ статьи: во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: *Заключенія на критическій разборъ свідѣтельствъ Патерика Нечерскаго о мѣстописи Нестора*, гдѣ ясно показана неосновательность сомнѣній, какія въ послѣднее время обращены были на эти свідѣтельства; въ Москвитинѣ: *Теорію слышаную съ примѣненіемъ къ Русской комедіи* — двѣ лекціи изъ курса теоріи поэзіи.

По желанію начальства Московскаго Университета, Профессоръ принялъ на себя преподаваніе педагогіи и представилъ планъ преподаванія, равно и программу науки. Двѣ лекціи, содержащія *Вступленіе въ педагогію какъ науку*, и третью лекцію, о *цѣли воспитанія*, препроводилъ онъ для напечатанія въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ этихъ лекціяхъ Профессоръ изложилъ основныя положенія науки и способъ своего на нее воззрѣнія. Новыя занятія по сему предмету замедлили нѣсколько изданіе третьяго тома *Исторіи Русской словесности, преимущественно древней*, къ чему однако Профессоръ надѣется приступить въ теченіе будущаго года.

Экстраординарный Академикъ М. А. Коркуновъ, какъ показано уже въ представленномъ обзорѣ ученыхъ трудовъ его, занимался въ теченіе 1851 года, по порученію Археологической Комиссіи, разборомъ многочисленныхъ рукописей, служащихъ матеріаломъ для изданія Дополненій къ Историческимъ актамъ, и приступилъ къ печатанію V-го

ихъ тома. По Отдѣленію Русскаго языка и словесности, онъ занимается, вмѣстѣ съ Ординарнымъ Академикомъ А. Х. Востоковымъ, редакціею Областнаго Словаря и составляетъ протоколы засѣданій Отдѣленія. Онъ участвовалъ, какъ членъ, въ Комиссіи, занимавшейся разборомъ сужденій касательно раздачи Демидовскихъ премій. Въ каждое засѣданіе Отдѣленія онъ вносилъ новыя слова, то въ Областный Словарь, то въ общій, почерпая эти дополненія частію изъ устныхъ памятниковъ народа, частію изъ изданій правительственныхъ.

Экстраординарный Академикъ Н. Н. Срезневскій принималъ участіе въ составленіи Областнаго Словаря и доставилъ въ Отдѣленіе множество словъ, объясненныхъ примѣрами. По порученію Отдѣленія, имъ составлено нѣсколько Записокъ о разныхъ предметахъ Русской филологіи. Онъ написалъ программу «Извѣстій», предложенныхъ Отдѣленіемъ къ изданію, а равно и Программу для собиранія памятниковъ народнаго языка и словесности. Онъ былъ членомъ Комиссіи о присужденіи Демидовскихъ премій и состоитъ членомъ Правленія Академіи. Въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время, онъ продолжалъ заниматься разработкой матеріаловъ для древностей и для географіи Русскаго языка. Изъ послѣдняго труда онъ читалъ два отрывка въ засѣданіяхъ Географическаго Общества. Въ Обществѣ же Археологическомъ имъ представлено изслѣдованіе о Рядной записи XIII вѣка.

Отдѣленіе съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтило, что труды его, касающіеся Русскаго языка вообще и въ особенности областныхъ словъ, побудили къ сближенію съ Академиками и такихъ ученыхъ, которые до сихъ поръ предавались этимъ занятіямъ уединенно. Въ доставленныхъ по этому поводу запискахъ, сборникахъ и объясненіяхъ Отдѣленіе встрѣтило много и любопытнаго и очень полезнаго для нашей филологіи. Скорое появленіе въ свѣтъ «Извѣстій II Отдѣленія» удовлетворитъ справедливому нетерпѣнію любителей филологической критики: тамъ, начиная съ перваго листа, будутъ постоянно печатаемы, или разсматриваемы, между прочимъ, и ученые труды, доставляемые въ Отдѣленіе посторонними лицами.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, открывъ новое поприще дѣятельности изыскателей всѣхъ достопримѣчательностей Русскихъ, доставилъ Отдѣленію способы къ счастливому сближенію съ людьми, которые раздѣляютъ съ нимъ общіе труды.

Во всемъ, что въ общественныхъ учрежденіяхъ совершается на пользу отечества нашего, мы, съ глубокою вѣроподданническою признательностью, усматриваемъ ясно священную волю Государа Императора, такъ некуцагося о благѣ общему и такъ радующагося о всякомъ благомъ начинаніи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

IV.

Труды по сравнительной грамматикѣ Славянскихъ нарѣчій.

Нельзя не назвать явленіемъ любопытнымъ тетради, недавно изданной подъ названіемъ:

«Опытъ сравнительной грамматики Славянскихъ языковъ по четыремъ главнымъ нарѣчіямъ: Церковно-Славянскому, Велико-Россійскому, Чешскому (Богемскому) и Польскому, составленный В. Полевымъ. Ция существительное. Dorpat 1851.» (4°: 32).

Обращая на эту тетрадь вниманіе читателей, какъ на выраженіе одной изъ существенныхъ потребностей нашего времени, мы считаемъ долгомъ вспомнить о трудахъ этого рода, совершенныхъ до сихъ поръ, и выразить наши попятія о трудностяхъ, сопряженныхъ съ составленіемъ такой сравнительной грамматики Славянскихъ нарѣчій, которая бы могла хоть нѣсколько удовлетворить современнымъ требованіямъ филологій.

Мысль о грамматическомъ сравненіи Славянскихъ нарѣчій довольно стара: она явилась еще въ то время, когда никто не могъ похвалиться обладаніемъ достаточныхъ средствъ для ея исполненія. Она нечужда была, напр. и д-ру Антону, челоѣку ученому и страстному любителю всего Славянскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не Славянину родомъ, познавшему основательно ни одного Славянскаго нарѣчія. Первый, кому по силамъ было задуматься надъ нею не какъ надъ мечтою, кто приготовилъ себя къ ней тщательнымъ изученіемъ многихъ Славянскихъ нарѣчій и могъ взяться за ихъ сравненіе — былъ аббатъ *И. Добровскій*. Въ Обозрѣніи Славянскаго племени (*Slavischer Sprach- und Völkerstamm* — въ Аделунговомъ *Mithridates*. II. Berlin. 1809), въ Общемъ Славянскомъ корнесловѣ (*Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der Slawischen Sprache*. Prag. 1813), въ Очеркѣ Славянскаго языка (*Kurzer Abriss der Slawonischen Sprache* — въ *Geschichte der Böhmischen Sprache*. Prag. 1818), въ Старославянскои грамматикѣ (*Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*. Vindob. 1822) и въ другихъ сочиненіяхъ онъ высказалъ свои понятія о задачѣ и приѣмахъ грамматическаго сравненія Славянскихъ нарѣчій и положилъ первый пачада этой тяжелой работѣ. Ему, какъ извѣстно, принадлежитъ, между прочимъ, первый счастливый опытъ распредѣленія Славянскихъ нарѣчій на общіе отдѣлы, по отличительнымъ признакамъ ихъ сходства и различія. Мысль Добровскаго оказалась потомъ невѣрною въ примѣненіи; но на первый разъ и ея свѣта было слишкомъ достаточно для того, чтобы прояснить цѣлость Славянскаго племени въ мѣстномъ разнообразіи его народовъ и нарѣчій. Ему

же принадлежитъ мысль о важности признаковъ фонетическихъ. Особенно важнымъ пособіемъ для сравнительнаго изученія нарѣчій служитъ его Старославянская грамматика, обогащенная частными сравненіями нарѣчій, и притомъ составленная по одной и той же системѣ и методѣ, какъ его Грамматика Чешская, вышедшая немного ранѣе (*Lehrgebäude der Böhmischen Sprache*. Prag. 1819), и какъ Грамматика Русская *Я. Мухоморова* (*Lehrgebäude der Russischen Sprache*. Prag. 1820), составленная подъ его же руководствомъ. Строго обдуманнѣйшій планъ и превосходное по своему времени примѣненіе его къ дѣлу, во всѣхъ трехъ сочиненіяхъ, утвердили авторитетъ мысли Добровскаго о приѣмахъ параллели Славянскихъ нарѣчій въ ихъ грамматическомъ строѣ, и внушили многимъ ученымъ убѣжденіе, что изслѣдовать Славянскія нарѣчія параллельно одинъ съ другими удобнѣе всего по правиламъ Добровскаго. Между трудами ученыхъ послѣдователей Добровскаго особенно замѣчательны: Грамматика Словенскаго Хорутанскаго нарѣчія *Ф. С. Метелка* (*Lehrgebäude der Slowenischen Sprache*. Laibach. 1825), Польская Грамматика *В. В. Ганки* (*Mluvnice Polského jazyka*. W Praze. 1839) и Грамматика Верхне-Лужицкаго нарѣчія *И. И. Йордана* (*Grammatik der Wendisch-Serbischen Sprache in der Oberlausitz*. Prag. 1841 *). Всѣ онѣ, выполняя планъ Добровскаго во всемъ его содержаніи, со всѣми подробностями, представляютъ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ тремя грамматиками, о которыхъ упомянуто было выше, очень удобное пособие для параллельнаго изученія Славянскихъ нарѣчій. Составить изъ всѣхъ этихъ грамматикъ одну, общіи ихъ сводъ, не очень трудно, особенно если, не отягощая себя разборомъ причинъ отличій одного нарѣчія отъ другаго, будемъ имѣть въ виду только повтореніе фактовъ. Не очень большого труда будутъ стоить и добавленія о тѣхъ нарѣчіяхъ, для которыхъ еще нѣтъ грамматикъ, написанныхъ по плану Добровскаго. Такой именно трудъ предпринялъ покойный *У. Яричекъ*, извѣстный въ ученомъ мірѣ Корнесловомъ Хорутанскаго Словенскаго нарѣчія (*Versuch eines Etymologikons der Slowenischen Mundart*. Klagenfurt. 1832); но, къ сожалѣнію, предпринялъ его уже въ старости и притомъ безъ намѣренія удержаться въ границахъ простаго сведенія фактовъ, а съ надеждою высказать и свои особенныя убѣжденія. Уясненіе ихъ для самого себя на письмѣ подборомъ доказательствъ не только филологическихъ, но и историческихъ, завлекло его слишкомъ далеко, и трудъ его, сколько извѣстно, остался несовершеннымъ. Ознакомясь лично съ нѣкоторыми частями этого труда, я

*) Сюда же можно отнести и Грамматку Сербо-Хорватскую *И. Рукавичны* (*Kroatische Abänderungs- und Abwandlungsformen*. Triest. 1843), хотя это только начальнѣйшій опытъ, далеко неполный по содержанію и неудовлетворительный по выполненію.

могу свидѣтельствовать, что трудъ Ярника былъ бы очень замѣчательнымъ явленіемъ въ области Славянской филологіи. Въ немъ не было забыто ни одно изъ Славянскихъ нарѣчій, составляющихъ достояніе литературы; не были забыты даже и нѣкоторыя изъ нарѣчій народныхъ. Такъ, между прочимъ, занимаясь имъ какъ Хорутанинъ, Ярикъ обращалъ особенное вниманіе на свое родное нарѣчіе, на его Каринтійскій оттѣнокъ, еще почти совсѣмъ неизслѣдованный и очень замѣчательный, и помощью его думалъ объяснить нѣкоторыя любопытныя свойства Славянской фонетики, этимологіи и синтаксиса, въ той мысли, что въ этомъ нарѣчій долинѣ, отдѣленныхъ отъ тревоженій свѣта грядями горъ, сохранилось много остатковъ древняго языка. Кромѣ того, имѣя случаи пользоваться нѣкоторыми рѣдкими рукописями глаголическими, онъ надѣялся, съ пользою для сравнительнаго изученія Славянскихъ нарѣчій, представить въ своемъ трудѣ грамматическія извлеченія изъ нихъ, еще болѣе любопытныя для изучающаго древности языка.

Положивши начало для сравненія нарѣчій Славянскихъ, какъ частей одного цѣлаго, давши нѣсколько прекрасныхъ пособій для дальнѣйшихъ работъ въ этомъ дѣлѣ, указавши образцы для параллели нарѣчій, Добровскій оказалъ важную услугу сравнительной грамматикѣ Славянской; но и по средствамъ своимъ и по времени не могъ раскрыть всей задачи этой грамматики.

Другой шагъ къ сравнительному изученію Славянскихъ нарѣчій сдѣлалъ *П. И. Шафарикомъ*. Этотъ ученый Славянинъ, почти съ перваго начала своей дѣятельности обнявшій орлинымъ взглагомъ, какъ одинъ нераздѣльный предметъ разысканій, весь кругозоръ Славянскаго міра, и съ самаго начала сознавшій необходимость утвердить зданіе Славянской науки на основаніи филологическомъ, не могъ не сочувствовать потребности сравнительнаго изслѣдованія нарѣчій Славянскаго племени. Это высказалъ онъ между прочимъ и въ своемъ Руководствѣ къ изученію Славянской Литературы (*Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Offen. 1826*). Несравненно яснѣе выразилась его мысль въ его Извлеченіяхъ изъ Сербскихъ рукописей (*Serbische Lesekörner, oder Historisch-kritische Beleuchtung der Serbischen Mundart. Pesth. 1833*). Доказывая въ этомъ прекрасномъ произведеніи свое убѣжденіе, въ то время для многихъ еще неправдоподобное, что Сербское нарѣчіе неконечно отличалось отъ Старославянскаго-церковнаго, Шафарикъ не удовольствовался показаніемъ отличій нарѣчій рукописей Сербскихъ отъ нарѣчій чистаго Старославянскаго, какъ объяснено оно было *А. Х. Востоковымъ*; но постоянно приводитъ для сравненія характеристическія черты другихъ Славянскихъ нарѣчій, и проводитъ свое сравненіе по всѣмъ отдѣ-

ламъ построенія языка. Онъ считалъ пужнымъ, какъ и слѣдуетъ, всего болѣе остановиться на фонетикѣ; но не упустилъ изъ виду ни формъ образованія и измѣненія словъ, ни формъ словосочетанія. Безъ сомнѣнія, имѣя въ виду цѣль частную, онъ не могъ себѣ позволить остановиться на подробностяхъ, не ведшихъ его къ цѣли; но и не упустилъ ничего, что было ему нужно для показанія характеристическихъ отличій однихъ нарѣчій отъ другихъ. Послѣ этого прекраснаго опыта сравненія Славянскихъ нарѣчій, перваго въ своемъ родѣ и по времени, и до сихъ поръ по внутреннему достоинству, Шафарикъ продолжалъ собирать матеріалы для сравнительной характеристики Славянскихъ нарѣчій; соединилъ этотъ предметъ своихъ изслѣдованій съ разысканіями о видоизмѣненіи каждаго изъ нарѣчій на мѣстные оттѣнки и о границахъ края, гдѣ каждое изъ нарѣчій господствуетъ въ народѣ; — и общіе результаты всѣхъ этихъ разысканій, тяжелыхъ и по разнообразію и по мелочности, передалъ въ книжкѣ, издавшею подъ названіемъ: *Slowanský národopis* (1-е изданіе: w Praze. 1842. 3-е изданіе, впрочемъ почти ничѣмъ не отличающееся отъ 1-го, тамъ же. 1849. Русскій переводъ Проф. *И. М. Бодянского*, въ Москвѣ. 1844). Высказавши свое мнѣніе объ этомъ важномъ трудѣ Шафарика въ особой статьѣ, я считаю ненужнымъ повторять его здѣсь, и позволяю себѣ ограничиться теперь только замѣчаніемъ о его значеніи въ отношеніи къ сравнительному изученію Славянскихъ нарѣчій. Опираясь на мысли Добровскаго о возможности подвести всѣ Славянскія нарѣчія подъ два главные отдѣла, на основаніи нѣсколькихъ признаковъ, и развивая мысль Добровскаго со всею должной подробностью и возможною отчетливостью, Шафарикъ соединяетъ съ нею свой собственный взглядъ на частныя признаки взаимнаго сходства и несходства Славянскихъ нарѣчій и даетъ возможность обнять все Славянское племя, по отношенію къ языку, въ его пынѣшнемъ мѣстномъ разнообразіи, въ одной общей картинѣ, стройной во всѣхъ своихъ частяхъ, большихъ и малыхъ. Не замѣняя собою сравнительной грамматики Славянскихъ нарѣчій, эта характеристика ихъ наводитъ мысль читателя на вопросъ о томъ, что именно важно въ каждомъ изъ нихъ при сравнительномъ изученіи строя нарѣчій, и тѣмъ облегчаетъ вниманіе въ подробности частныхъ грамматикъ нарѣчій. Такимъ образомъ Шафарикъ въ этомъ сочиненіи установилъ вопросъ о сравнительной грамматикѣ Славянской, сдѣлалъ его опредѣленнымъ, яснымъ, общедоступнымъ, и отдѣлилъ его отъ вопроса о грамматикахъ параллельныхъ, поднятаго Добровскимъ, сблизилъ съ другимъ вопросомъ, болѣе важнымъ и для сравнительной грамматики необходимымъ — съ вопросомъ объ общихъ условіяхъ разнообразія Славянскихъ нарѣчій. Безъ сомнѣнія, наблюденія, собранныя Шафарикомъ

объ отличительныхъ признакахъ нарѣчій, недостаточно полны и вѣрны; но на первый разъ ожидать многого было и не возможно. Гораздо легче было бы ему представить каждое изъ главныхъ нарѣчій въ двойномъ очеркѣ—состояніе его не только въ наше время, но и въ древнее, чтобъ можно было видѣть, какой путь пройденъ каждымъ изъ нихъ въ отношеніи къ видоизмѣненію своего строя. Ожидать этого отъ книги Шафарика тѣмъ было возможно, что въ ней рядомъ съ живыми нарѣчіями поставлены и умершіи для народа, Старославянское и Балтійское (что онъ называетъ Полабское). Впрочемъ изъ этого недостатка книги можетъ быть также до нѣкоторой степени оправданъ намѣреніемъ Шафарика—не входить въ ней въ историческія разысканія.

Особенно важно въ этомъ сочиненіи Шафарика, какъ и въ общемъ направленіи всѣхъ его трудовъ по части лингвистики Славянской, то, что онъ опредѣлилъ необходимость обращать вниманіе на мѣстные видоизмѣненія нарѣчій, не ограничиваясь только тѣми ихъ отгѣнками, которые получили законность въ литературѣ. Шафарикъ не отвергалъ никогда важности литературнаго языка въ отношеніи къ образованности народной; но съ тѣмъ вмѣстѣ не могъ считать его одного достаточнымъ для лингвиста, обязаннаго глядѣть на языкъ, какъ на произведеніе природы, на всемъ пространствѣ, гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для филолога, понимающаго связь языка народа съ образованностью народной, съ развитіемъ началъ народности и племенной самобытности. Сознаніе важности народныхъ говоровъ было и у Добровскаго; но не такое свѣтлое и живое, и осталось въ его трудахъ безъ должнаго примѣненія къ вопросамъ сравнительной грамматики и тѣмъ менѣе къ вопросамъ науки Славянской вообще. Нельзя тутъ не пожалѣть только о томъ, что Шафарикъ не далъ болѣе обширнаго размѣра своимъ сочиненіямъ по части сравненія нарѣчій, не передалъ читателямъ подробностей изъ своей многообразной и обширной разработки матеріаловъ по этой части, не покончилъ своего призванія въ этомъ отдѣлѣ своей ученой дѣятельности. Есть однако надежда, что Шафарикъ не ограничитъ своихъ трудовъ по этому предмету тѣмъ, что издано: его послѣдующіе труды по части нарѣчій Чешскаго и Сербскаго въ ихъ древнемъ видѣ, сравнительно съ Старославянскимъ; его записки объ образованіи формъ Славянскаго языка сравнительно съ языками сродными (изданныя въ Часописѣ Чешскаго музея), очевидно отрывки изъ большаго творенія; его приготовленія къ этнографической части Древностей Славянскихъ: все это даетъ право надѣяться, что, въ томъ или другомъ видѣ, онъ передастъ свѣту подробности своихъ соображеній изъ области сравнительной грамматики Славянской, и довершитъ, Богъ дастъ, тотъ путь, который на-

чать имъ на этомъ поприщѣ съ такимъ успѣхомъ для себя и для науки.

А между тѣмъ должно быть признательнымъ къ нему и за то вліяніе, какое онъ произвелъ своими сочиненіями и своимъ авторитетомъ на обширный кругъ мѣстныхъ наблюдателей народностей и нарѣчій, на подробность и отчетливость ихъ наблюденій, на ихъ внимательность къ дѣльнымъ, повидимому самымъ мелочнымъ и тѣмъ не менѣе нерѣдко очень важнымъ для сравнительнаго и историческаго изученія языка. Нельзя пересчитать того множества записокъ, которыя изданы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ о мѣстныхъ говорахъ Славянскихъ, какъ болѣе или менѣе непосредственныя слѣдствія этого благотворнаго вліянія. Эти записки, въ своей массѣ, очень значительны по цѣнности для сравнительной грамматики Славянской, потому что одушевлены одной и той же мыслью, однимъ стремленіемъ разгадать общія черты развитія Славянскаго языка. Эти записки тѣмъ болѣе важны, что касаются почти всѣхъ отгѣнковъ нарѣчій Западно-Славянскихъ. Безъ сомнѣнія, вліянію Шафарика во многомъ помогло время, общіе успѣхи науки и образованности, общее движеніе умовъ въ пользу изученія народности въ филологіи, равно какъ и въ исторіи; но нельзя отвергать и того, что Шафарикъ раньше многихъ другихъ понялъ современное направленіе науки, глубже многихъ другихъ успѣлъ сочувствовать ему, прежде и лучше другихъ примѣнилъ ихъ къ дѣлу въ филологіи Славянской: кому же, какъ не ему, послѣ этого удобно было связать въ одинъ узелъ единичныя стремленія мѣстныхъ наблюдателей Западно-Славянскихъ.

Не раскрыта еще вполне и Шафарикомъ вся задача сравнительной грамматики Славянской, не раскрыта по недостатку средствъ; но шагъ, имъ сдѣланный послѣ Добровскаго, такъ важенъ, такъ достоинъ нашего времени, что только незнакомымъ съ трудами его и его послѣдователей и съ общими успѣхами Славянскаго языковѣдѣнія можно оставаться при прежнихъ взглядахъ и результатахъ.

Останавливая здѣсь наше обзорѣніе трудовъ, сдѣланныхъ на пользу сравнительной грамматики Славянской, мы умалчиваемъ о трудахъ Русскихъ, о трудахъ членовъ Академіи Наукъ, преподавателей Русской и Славянской филологіи въ нашихъ университетахъ и другихъ ученыхъ,—съ одной стороны, будучи увѣрены, что важнѣйшіе изъ нихъ у насъ общеизвѣстны, а съ другой, предполагая имѣть другіе случаи, когда можно будетъ остановиться на нихъ съ надлежащею подробностью. Тѣмъ болѣе считаемъ позволительнымъ это умолчаніе, что всѣ Русскіе труды по части сравнительной грамматики Славянской отличаются отъ Западно-Славянскихъ особеннымъ Русскимъ направленіемъ, желаніемъ принести пользу не столько Славянской филологіи вообще, сколько почти исключительно филологіи Русской.

Не раскрыта еще вполне задача сравнительной грамматики Славянской, потому что въ самомъ дѣлѣ этому еще препятствуютъ многія трудности, непреодолимые для самыхъ лучшихъ знатоковъ Славянскихъ нарѣчій. Для показанія хотя нѣкоторыхъ изъ этихъ трудностей, считаемъ нелишнимъ оговорить нашъ взглядъ на предметъ.

а) Сравнительная грамматика нарѣчій цѣлаго племени должна быть изображеніемъ строя языка этого племени въ его развитіи по всемъ его нарѣчіямъ, съ показаніемъ общаго хода этого развитія и причинъ внутреннихъ и вѣшнихъ, имѣвшихъ на него вліяніе. Такимъ образомъ и сравнительная грамматика Славянская должна имѣть въ виду весь Славянскій языкъ во всемъ его разнообразіи, на сколько это достижимо для ученой изыскательности. Ни одинъ Славянскій народъ, сколько бы то ни было извѣстный по своему нарѣчію, ни одно нарѣчіе, сколько бы то ни было извѣстное по своимъ особенностямъ, не можетъ быть упущено изъ вниманія; каждое, напротивъ того, должно быть разобрано тѣмъ внимательнѣе, чѣмъ болѣе оно важно или по древности, или по особенностямъ, или по тому и другому вмѣстѣ.

б) Сравнительная грамматика нарѣчій цѣлаго племени, соприкасаясь, съ одной стороны, съ требованіями филологическимъ, какъ науки, имѣющей задачу — объяснить духъ народа его словомъ, а съ другой, съ требованіями языковеденія, какъ науки, изслѣдующей языки, какъ явленіе природы, принадлежащей къ жизни народовъ, и притомъ не подчиняясь, а подчиняя своимъ выводамъ все, что можетъ быть сказано о языкѣ въ отношеніи къ литературѣ, — сравнительная грамматика тѣмъ менѣе можетъ ограничиваться въ кругу языка литературнаго, книжнаго, чѣмъ болѣе отличаются отъ него нарѣчія народныя, неупотребляемыя въ книгахъ. Сравнительная грамматика Славянская должна поэтому имѣть въ виду не только тѣ нарѣчія и тѣ ихъ формы, которыя получили значеніе книжное и литературное, но, даже предпочтительно передъ ними, тѣ нарѣчія и формы ихъ, на которыя не палегало искусственное вліяніе литературныхъ школъ, которыя развивались независимо отъ правилъ, людскими придуманныхъ, а только подъ властью законовъ природы. Требованія сравнительной грамматики въ этомъ отношеніи не уничтожаютъ требованій грамматики литературнаго языка, для своихъ особенныхъ цѣлей необходимыхъ; но тѣмъ не менѣе остаются сами въ своей независимой силѣ. И между Славянскими нарѣчіями есть нѣсколько очень замѣчательныхъ по своему естественному виду и совершенно ничтожныхъ въ отношеніи литературному: таково, напримѣръ, нарѣчіе Болгарское, на которомъ нѣтъ ничего, кромѣ самыхъ слабыхъ литературныхъ начатковъ; таково и нарѣчіе древнихъ Славянъ Балтійскихъ, до которому представляются изыскателю только сборишки

словъ и нѣсколько бѣдныхъ образцовъ связной рѣчи. И въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ представляются въ противоположности формы ихъ употребленія народнаго и книжнаго, такъ что народность ихъ съ большими усиліями и часто неудачно принуждена бороться съ болѣе или менѣе общимъ направленіемъ писателей, искажающихъ чистоту ихъ своими привычками и убѣжденіями, своимъ пристрастіемъ къ ненародности выраженія: таково, напр., нарѣчіе Сербское въ сочиненіяхъ большей части писателей, шедшихъ не по одному пути съ Караджичемъ; таково и нарѣчіе Хорватское, никогда не выступавшее въ книгахъ такимъ, каково оно въ народѣ. Не имѣя въ виду нарѣчій народныхъ, сравнительная грамматика Славянская никогда не будетъ въ состояніи придти къ правильному рѣшенію вопросовъ, которые должна она разрѣшать, и никогда слѣдовательно не исполнить своей задачи.

в) Сравнительная грамматика нарѣчій цѣлаго племени, имѣя цѣлію раскрыть сравненіемъ нарѣчій общіи ихъ характеръ, какъ видоизмѣненій одного языка, должна имѣть въ виду не какой нибудь одинъ опредѣленный моментъ времени развитія нарѣчій, но, принимая каждое видоизмѣненіе за слѣдствіе прежде бывшихъ видоизмѣненій, должна обращать одинакое вниманіе и на современное состояніе нарѣчій, и на ихъ древній видъ, опредѣлять характеръ каждаго нарѣчія только помощью сближенія данныхъ о немъ изъ всѣхъ періодовъ его существованія, и только въ слѣдствіе этихъ изысканій дѣлать выводы объ общемъ характерѣ нарѣчій всѣхъ вмѣстѣ. Все это тѣмъ важнѣе, чѣмъ отличнѣе видъ нарѣчій древній и новыи, чѣмъ болѣе перемѣны испытаны нарѣчія въ судьбахъ своихъ, чѣмъ нужнѣе древности нарѣчій для уясненія ихъ послѣдующихъ видоизмѣненій. Въ сравнительной грамматикѣ Славянскихъ нарѣчій тѣмъ менѣе можетъ быть выражено равнодушіе къ древностямъ ихъ, что есть очевидныя доказательства переворотовъ, которые они испытали, или что — говоря проще — есть нарѣчія, оставшіяся отъ временъ прошедшихъ, для жизни народной давно умершія, и тѣмъ не менѣе безусловно необходимы для филолога во всякомъ отношеніи: таково нарѣчіе Старославянское оставшееся въ огромной массѣ древнихъ памятниковъ, и до сихъ поръ еще возбуждающее различныя толки относительно страны, гдѣ было оно народнымъ; таково и нарѣчіе Славянъ Балтійскихъ, исчезнувшее изъ народнаго употребленія уже за нѣсколько вѣковъ, и хотъ очень бѣдное остатками, но тѣмъ не менѣе любопытное и само по себѣ, и потому что принадлежало одному изъ самыхъ замѣчательныхъ народовъ Славянскихъ въ средніе вѣка. Если важны нарѣчія народовъ умершихъ, то безъ сомнѣнія еще важнѣе нарѣчія древнія тѣхъ народовъ, которые еще живутъ и въ языкѣ которыхъ живетъ еще древность болѣе или менѣе замѣт-

но, съ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ на современныи его строй: таковы напр. нарѣчія Русское, Чешское и т.д. Кто захочетъ опредѣлить вѣрно характеръ такого живаго и уже долго жившаго нарѣчія, тотъ навѣрно не пренебрежетъ судьбами его во всемъ пространствѣ его существованія, сколько оно извѣстно, если только захочетъ остерегаться отъ неправильныхъ соображеній.

Понимая такъ сравнительную Славянскую грамматику, тотъ ученый, который рѣшится посвятить ей свою дѣятельность, не можетъ не пуждаться въ предварительной обработкѣ всѣхъ нужныхъ матеріаловъ, а если этого нѣтъ, то по крайней мѣрѣ въ самыхъ матеріалахъ. Чѣмъ болѣе остается недоузданнаго, неизслѣдованнаго или вовсе неизвѣстнаго по частнымъ вопросамъ, которые должны быть обобщены въ грамматику сравнительной, тѣмъ менѣе возможно ея осуществленіе. Для сравнительной грамматики Славянской приготовлено многое, но далеко не все, что нужно, и приготовить все, что необходимо, не по силамъ не только одного человека, сколько бы ни соединялъ онъ трудолюбія съ дарованіями и ученостію, но и цѣлаго общества ученыхъ: по нѣкоторымъ изъ нарѣчій вовсе нѣтъ ни хорошихъ подробныхъ грамматикъ, ни вѣрныхъ характеристикъ; нѣкоторыя другія еще мало изслѣдованы въ ихъ мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ; а что касается до разбора ихъ древностей, то почти ни по одному нѣтъ труда окончательно полнаго.

Такъ, начиная съ нарѣчій Восточныхъ, и сознавая важность трудовъ Русскихъ филологовъ касательно Русскаго языка, узаконеннаго образованнымъ обществомъ и литературой, не можемъ не признать, что ни о народныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ сѣверныхъ — Великорусскомъ и Бѣлорусскомъ, ни о такихъ же народныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ южныхъ — Малорусскомъ и Карпатскомъ, нѣтъ ничего кромѣ нѣсколькихъ грамматическихъ опытовъ и частныхъ замѣчаній, не одинаково подробныхъ, не одинаково цѣнныхъ по ученому достоинству. Болѣе всего есть сборниковъ образцовъ и еще болѣе сборниковъ словъ; но изъ первыхъ очень многіе не изданы, и всѣ вмѣстѣ, сколько извѣстно, еще недостаточны для того, чтобъ можно было по нимъ представить въ стройномъ очеркѣ все мѣстное разнообразіе Русскаго народнаго языка; а сборники словъ, изъ которыхъ многіе уже изданы и многіе готовятся къ изданію, ожидая дополненій, ждутъ и филологическаго разбора по отношенію къ вліянію на народныи нашъ языкъ языковъ сосѣднихъ. Дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ II-го Отдѣленія Академіи наукъ и Русскаго Географическаго Общества, оживляя частную ревность ученыхъ и наблюдателей мѣстныхъ, подаетъ надежды на быстрые успѣхи въ разработкѣ географіи Русскаго языка, — и работы идутъ въ обширномъ размѣрѣ, съ ревностью, достойной нашего любознательнаго времени; но желаемые успѣхи

еще впереди. По части исторіи Русскаго языка сдѣлано также уже многое; но еще болѣе остается дѣлать. Древній Русскій языкъ съ его памятниками еще только разрабатывается, а для многихъ еще неясенъ по самымъ общимъ своимъ чертамъ, такъ, что можетъ еще пробуждать о себѣ мнѣнія очень разнообразныя, убѣжденія противоположныя.

Юго-Западные Славянскія нарѣчія для сравнительной грамматики представляются въ такомъ же состояніи. Нарѣчіе Старославянское церковное, не касаясь вопроса о его народности, изслѣдовано довольно подробно, но, конечно, не окончательно: довольно вспомнить при этомъ, что все еще продолжаютъ отыскивать новыя формы, новыя слова, новыя черты его самостоятельности и новыя доказательства вліянія чужеземнаго. Нарѣчіе Болгарское не только почти совершенно не изслѣдовано, но нѣтъ и матеріаловъ для изслѣдованій. Нарѣчіе Сербское изслѣдовано очень отчетливо, но еще не полно, особенно по отношенію къ его словарному богатству и къ его древностямъ. Нарѣчіе Хорватское извѣстно очень мало и въ мѣстныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ и въ древнемъ строѣ. Нарѣчіе Хорутанское, бывшее въ нѣкоторыхъ изъ краевъ, гдѣ господствуетъ, предметомъ тщательныхъ изслѣдованій, въ нѣкоторыхъ другихъ, особенно на сѣверѣ и западѣ, ждетъ и наблюдателей и изыскателей; его древности также мало извѣстны.

Нарѣчія Сѣверо-Западные не были счастливѣе другихъ. Нарѣчіе Чешское, подавшее многимъ достойнымъ филологамъ случай выказать надъ его разработкою свою ученость, обогатившееся въ послѣднее время прекрасными наблюденіями надъ его мѣстными отгѣнками, словомъ, представляющее всякаго рода пособія для его основательнаго изученія, все еще — особенно въ отношеніи къ богатствамъ народнаго словаря — нуждается въ дѣлателяхъ. Древности его извѣстны болѣе, чѣмъ древности каждаго изъ остальныхъ живыхъ нарѣчій; но и онѣ еще занимаютъ дѣятельность ученыхъ изыскателей и утѣшаютъ ихъ постоянно новыми открытіями. Нарѣчіе Словацкое, одно изъ самыхъ любопытныхъ по мѣстному своему разнообразію, извѣстно очень мало. Нарѣчіе Сербское-Дужицкое разобрано немного болѣе, и то въ отношеніи къ разнообразію мѣстныхъ отгѣнковъ, а не въ отношеніи къ словарю. Нарѣчіе Балтійскихъ Славянъ, кромѣ очень немногихъ мѣстныхъ признаковъ Древянскаго говора, остается неизвѣстнымъ и потребуетъ работъ очень тяжелыхъ. Нарѣчіе Польское, несмотря на богатство грамматическихъ и лексическихъ трудовъ, изъ которыхъ между послѣдними есть много прекрасныхъ, еще не было въ своемъ строѣ предметомъ строгой филологической разработки, какъ нарѣчіе народное, и, оставаясь очень мало извѣстнымъ по своимъ мѣстнымъ отгѣнкамъ, особенно въ отношеніи къ говорамъ Силезскимъ и Кашебскимъ, также мало изслѣдовано и въ своихъ древностяхъ.

При такомъ положеніи матеріаловъ и пособіи для сравнительной грамматики Славянской, очевидно, нѣтъ возможности теперь рѣшить задачу ея такъ, какъ бы можно желать сообразно съ современными требованіями филологів. Теперь пока возможны только опыты частныхъ сличеній нарѣчій и тотъ родъ грамматикъ, котораго образцы представлены Добровскимъ и его послѣдователями, — грамматики параллельныя, грамматики, въ которыхъ избранныя нарѣчія, преимущественно важныя въ литературномъ отношеніи и болѣе для облегченія ихъ изученія, поставлены въ параллель по средствамъ, которыми пользуются для выраженія мыслей. До нѣкоторой степени онѣ могутъ быть полезны для ученаго сравненія нарѣчій; но, конечно, не замѣняютъ грамматики сравнительной. Грамматика параллельная пользуется частными подробностями почти исключительно для выводовъ столько же частныхъ, пригодныхъ при первоначальномъ изученіи нарѣчій; грамматика сравнительная, вовсе непригодная какъ пособіе для практическаго изученія нарѣчій, важна въ наукѣ по сведенію частностей къ общимъ соображеніямъ и выводамъ.

Параллельная грамматика многихъ и даже всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, важныхъ въ литературномъ отношеніи, послѣ трудовъ Добровскаго, сдѣлалась очень возможна. Можно даже удивляться, какъ до сихъ поръ, сколько извѣстно, никому, кромѣ Яриика, не пришло на мысль воспользоваться, какъ должно, пособіями, для этого издавна приготовленными!..*) Не потому ли, что время параллельныхъ грамматикъ уже прошло, и что, по близкому сходству Славянскихъ нарѣчій, параллельная грамматика представляется трудомъ, не стоящимъ времени, какое на него будетъ потрачено?..

Есть такіе труды, есть книги въ родѣ *Slawischer Sprachen-Atlas*. A. *Frölich* **); но онѣ полезны развѣ потому, что всякое грамматическое начертаніе языка, какъ бы ни было слабо, можетъ быть полезно тому, кто его не знаетъ. Можно бы, кажется, ожидать несравненно болѣе цѣнныхъ.

Вѣроятно, съ такою мыслию предпринялъ г. В. *Полевой* свой опытъ Сравнительной грамматики Славянскихъ языковъ, котораго начало вышло недавно въ Дерптѣ. Считаю излишнимъ, до выхода цѣлаго сочиненія, входить въ подробности сужденія о немъ. Замѣтимъ только, что оно, бу-

*) Умалчиваю о трудѣ огромномъ, но еще не вышедшемъ въ свѣтъ, бывшаго профессора Славянской филологіи въ Бреславекомъ университетѣ, В. В. *Челковскаго*; умалчиваю, потому что, будучи знакомъ съ богатымъ запасомъ матеріаловъ, собранныхъ этимъ даровитымъ и трудолюбивымъ ученымъ, не знаю въ подробности, какой характеръ получитъ этотъ трудъ при окончательной обдѣлкѣ. Можетъ быть, это будетъ и опытъ сравнительной грамматики Славянской.

**) Кромѣ этого заглавія, книжка г. *Фрѣлиха* носитъ еще заглавіе: *Kurzgefasste tabellarisch bearbeitete Anleitung zur schnellen Erlernung der vier Slawischen Hauptsprachen. Ein Leitfad, um in kurzer Zeit sich die böhmische, polnische, ilirische und russische Sprache vergleichungsweise eigen zu machen. Wien. 1847. (8° 151).* Упоминаю объ этой книгѣ, потому что она продается въ нашихъ книжныхъ лавкахъ.

лучи составляемо, повидимому, съ цѣлю практическою, ограничивается въ кругу важнѣйшихъ фактовъ четырехъ избранныхъ нарѣчій и не входитъ ни въ объясненія одного нарѣчія другимъ, ни въ общія объясненія характера Славянскаго языка со стороны его разнообразнаго проявленія въ нарѣчійхъ. Выразимъ еще желаніе, чтобы авторъ, для болѣе успѣшнаго продолженія своего труда, могъ пользоваться болѣе обширнымъ запасомъ пособіи, достойныхъ нашего времени.

V.

Этнографическая карта Европейской Россіи.

Возобновленіе древняго обычая составлять этнографическія карты въ наше время было слѣдствіемъ всюду пробудившейся любви къ изслѣдованіямъ народностей. Первые опыты этнографическихъ картъ европейскихъ земель появились, кажется, у насъ, въ Россіи, гдѣ самое разнообразіе инородцевъ могло скорѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, навести вопросъ о томъ, гдѣ они живутъ, гдѣ какіе составляютъ главную массу народонаселенія и гдѣ какіе утратили свой перевѣсъ надъ Русскими. Первые опыты были впрочемъ очень несовершенны, по самой трудности собрать вѣрныя данныя. Послѣ этихъ первыхъ опытовъ прежде всѣхъ пришла мысль составить этнографическую карту Россіи знаменитому сочлену Императорской Академіи Наукъ, Ординарному Академику *И. И. Кеннену*. Съ давнихъ лѣтъ онъ сталъ заниматься собираніемъ матеріаловъ, для этого необходимыхъ, умѣлъ пользоваться путешествіями другихъ и своими собственными, и подробностями статистическими, и разсказами людей бывалыхъ и мѣстныхъ наблюдателей; но, заботясь о вѣрности и отчетливости, медлилъ окончательною обдѣлкою своего огромнаго труда. Между тѣмъ *И. И. Шафарикъ*, продолжая свои работы надъ географическимъ обзорѣмъ Славянскихъ нарѣчій, занялся также собираніемъ матеріаловъ этого рода, и, имѣя въ виду только одно племя, не заботясь о подробности касательно мѣстностей, занимаемыхъ другими племенами, если только онѣ не касаются границъ племени Славянскаго, успѣлъ привести свой трудъ къ окончанію довольно скоро. Его «*Slovanský zeměvid*» вышелъ въ Прагѣ въ 1842 году, какъ приложение къ книгѣ: «*Slovanský národopis*», въ очень стѣсненномъ масштабѣ 110 верстъ на англійскомъ дюймѣ. Ограничивая западные крайніе карты меридіанами устьи Эльбы и Венеціи, онъ занялъ на ней болѣе $\frac{5}{8}$ пространства землями Европейской Россіи, и слѣдовательно въ нѣкоторой степени осуществилъ мысль, занимавшую тогда неутомимую изыскательность *И. И. Кеннена*. Впрочемъ, сколько ни былъ полезенъ прекрасный опытъ Шафарика, сколько ни былъ важенъ, какъ пособіе для филолога Славянскаго, онъ не могъ вполне удовлетворить нуждамъ филологів и этнографів Русской: Шафарикъ не было возможности

ни войти во всѣ подробности, изъ которыхъ многія при томъ выходили за предѣлы цѣли его труда, ни избѣгнуть ошибокъ, непреодолимыхъ и для многихъ Русскихъ изслѣдователей этого рода, не только для иноземныхъ. И скорѣе надобно удивляться искусству, съ какимъ Шафарикъ умѣлъ избѣгнуть ошибокъ и дать мѣсто подробностямъ, которыхъ отъ него нельзя было требовать, чѣмъ оуждать его трудъ. Не менѣе недостатокъ представляетъ и восточная половина карты Берггауза «*Ethnographische Karte von Europa*» (Gotha 1847), вошедшая въ составъ его *Physikalischer Atlas* (N° 5—8), не говоря уже о помѣщенной тамъ же этнографической картѣ Россіи: «*Ethnographische Karte des Russischen Reiches*» (N° 13), по величинѣ своей цѣнной развѣ для учениковъ географовъ. Вслѣдъ за картами Шафарика и Берггауза вышло нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ *); а трудъ П. И. Кенпена между тѣмъ все шелъ впередъ. Въ послѣдніе годы, обогатившись, при помощи Академіи Наукъ, Русскаго Географическаго Общества и мѣстныхъ начальствъ, огромнымъ множествомъ самыхъ подробныхъ свѣдѣній, онъ сталъ наносить ихъ на специальную карту Западной Россіи г. Шуберта и на столбовую карту, и потомъ съ ней переводить на четырехлистную карту, которой составленіе поручено было ему Географическимъ Обществомъ. Въ концѣ прошедшаго 1850 года довершилъ онъ свое монументальное произведение для Академіи, а теперь издалъ и четырехлистную карту подъ названіемъ:

«Этнографическая карта Европейской Россіи», составленная *Петромъ Кенпеномъ*. Издана Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. СПб. 1851.

Ожидая съ нетерпѣніемъ пояснительнаго текста, считаемъ долгомъ познакомить читателей пока въ общихъ чертахъ съ самою картою.

Четыре листа карты П. И. Кенпена представляютъ Европейскую Россію въ масштабѣ 75 верстъ въ англійскомъ дюймѣ. Западный край ея ограничивается меридіанами Висби, Варшавы и Базарджика, а восточный — меридіанами устій Нура, Тобольска и пр. Представляя въ главныхъ чертахъ направленіе горъ и довольно подробно водную сѣть, также границы губерній и уѣздовъ, карта указываетъ положеніе всѣхъ городовъ и мѣстечекъ и многихъ селеній, замѣчая послѣднія съ особенною подробностью тамъ, гдѣ это нужно для этнографической цѣли. Все пространство, занятое народами Русскимъ и Поляками, гдѣ они не жители новыхъ

колоній, осталось на картѣ бѣлымъ; все остальное пространство покрыто различными красками, всего 38-ю, въ томъ числѣ и колоніи, Поляковъ, Сербовъ, Болгаръ. Обращая вниманіе только на инородцевъ, авторъ не имѣлъ нужды показывать на картѣ ни границу, по которой сходятся народонаселеніе Польское (не въ колоніяхъ) и Русское, ни границъ Русскихъ нарѣчій, и т. п.; зато поселенія чужеродцевъ въ каждомъ краѣ описаны такъ тщательно, что нельзя не удивляться огромности труда — одного нанесенія на карту уже подобранныхъ матеріаловъ, не говоря о трудѣ предшествовавшемъ, о предварительномъ подборѣ матеріала. Если же изумительнъ трудъ П. И. Кенпена, когда глядимъ на него въ четырехлистную картѣ; то что сказать объ Этнографическомъ атласѣ, котораго экземпляръ хранится въ Императорской Академіи Наукъ? Это превосходное твореніе, чрезвычайно важное во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ отношеніи къ Русской филологіи, достойно общей признательности.

VI.

Новости.

— Въ числѣ любопытныхъ новостей въ области Славянскаго языкознанія заслуживаетъ быть упомянутымъ недавно изданное объявленіе объ изданіи *Общесравнительнаго словаря*. Это изданіе предпринимается трудолюбивымъ Чехомъ *И. Франтоу Шумавскимъ*, тѣмъ самымъ, который издалъ недавно Словарь Нѣмецко-Чешскій и Чешско-Нѣмецкій, довольно подробный и годный для сподручнаго употребленія. Къ объявленію приложенъ образецъ состава и изданія Словаря. Изъ него видно, что Словарь будетъ обнимать всѣ Славянскія нарѣчія, не исключая и Старославянскаго, что слова разсматриваются въ немъ по своимъ значеніямъ въ разныхъ нарѣчійхъ, какъ будто въ одномъ языкѣ, что каждое значеніе будетъ объяснено Нѣмецкимъ переводомъ съ необходимыми грамматическими примѣчаніями. Несмотря на обиліе матеріала, словарь долженъ быть невеликъ по объему — не болѣе двухъ томовъ въ 8-ю долю, и будетъ изданъ постепенно тетрадами. О достоинствѣ его по изданному образцу судить не возможно.

— Труды братьевъ *Гриммовъ* извѣстны у насъ — по крайней мѣрѣ по слуху — всѣмъ занимающимся филологіей. Особенной славой пользуются ученые труды *Якова Гримма*: его *Германская грамматика*, его *Исторія Германскаго языка*, и пр. Съ давнихъ поръ оба брата занимались постоянно собираніемъ матеріаловъ для Словаря Германскаго языка, и наконецъ приготовили свой трудъ окончательно — въ семи огромныхъ томахъ. Съ нынѣшняго года этотъ Словарь — *Deutsches Wörterbuch* — будетъ по частямъ появляться въ свѣтъ выпусками въ 20—25 листовъ: первый выйдетъ къ Пасхѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидать можно появленія этого

*) Къ числу такихъ отношу и свою Лингвистическую карту Европы, представленную въ 1848 году въ Русское Географическое Общество, и Карту Южно-Русскаго нарѣчія, представленную въ то же Общество въ 1851 году. Не смотря на нѣкоторыя частныя исправленія ошибокъ и нѣкоторыя подробности, любопытныя для лингвиста и оупущенныя въ другихъ картахъ, эти слабые опыты мои должны быть, послѣ труда П. И. Кенпена, во многомъ переделаны и исправлены.

творенія, важнаго не только для филологін Германской, но и для нашей Русской филологін.

— Въ прошедшемъ году въ Нью-Йоркѣ г-жа (*Робинзонъ*) *Талли* (дочь Профессора Харьковскаго Университета *Якоби*), извѣстная превосходнымъ Нѣмецкимъ переводомъ Сербскихъ пѣсенъ, издала свой трудъ о литературѣ Славянскихъ народовъ подъ названіемъ: *An historical view of the languages and literature of the Slavic nations*. Трудъ этотъ, доступный въ подлинникѣ очень немногимъ, появится скоро въ Нѣмецкой передѣлкѣ, съ прибавленіями знаменитаго *Я. Колара*, котораго недавняя кончина поразила всѣхъ, знавшихъ его высокія дарованія и безпримѣрное трудолюбіе, соединенное съ необыкновенною ученостію.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за Декабрь 1851 года.

Въ теченіе Декабря Второе Отдѣленіе имѣло семь засѣданій, а именно: 1, 8, 13, 15, 18, 20 и 22 числа.

Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ *Н. Н. Давыдова*, присутствовали: *П. Г. Бутковъ*, *А. Х. Востоковъ*, *П. А. Плетневъ*, *І. С. Кочетовъ*, *Я. П. Бердниковъ*, *М. А. Коркуновъ* и *Н. Н. Срезневскій*. Сверхъ того, при чтеніи Отчета Отдѣленія въ засѣданіи 22 Декабря, присутствовалъ *А. С. Порогъ*.

И.

Общій Словарь.

М. А. Коркуновъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что докторъ *М. А. Фаворскій* изъявилъ готовность принять на себя просмотръ медицинскихъ терминовъ въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка.

II.

Областные Словари.

Разсматриваемы въ Отдѣленіи 30, 31, 32 и 33 корректурные листы *Опыты Словаря областного Русскаго языка*. Въ дополненіе къ матеріаламъ, собраннымъ для него прежде, представили *І. С. Кочетовъ* 92, *Я. П. Бердниковъ* 83 и *Н. Н. Срезневскій* 319 словъ, не находившихся въ разсмотрѣнныхъ листахъ.

Учитель Михайловскаго Воронежскаго Корпуса г. *Хованскій* доставилъ въ Отдѣленіе сборникъ простонародныхъ словъ Саратовской губерніи, заключающій въ себѣ 450 словъ. Этотъ сборникъ переданъ *А. Х. Востокову* для внесенія въ Дополненія къ Словарю.

Г. Профессоръ Казанскаго Университета *Н. Н. Березинъ*, въ слѣдствіе предложенія Отдѣленія, изъявилъ готовность отмѣтить въ *Опытѣ областного Словаря* слова, заимствованныя изъ языковъ восточныхъ.

III.

Грамматика.

Общесравнительной Грамматики Русскаго языка отпечатаны 19 и 20 листы.

М. А. Коркуновъ представилъ полученный имъ отъ Академика *П. М. Строева* Сводъ теорій глагола, предложенный въ Грамматикахъ Академической и Гг. *Греча* и *Востокова*. Статьи эта передана Г. Предсѣдательствующему *Н. Н. Давыдову*.

IV.

Изданіе памятникѣвъ.

Н. Н. Срезневскій читалъ составленную имъ, по порученію Отдѣленія, Программу для собиранія образцовъ народнаго Русскаго языка. Определено: означенную программу напечатать въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ *) и отдѣльно въ числѣ 2000 экземпляровъ, и по отпечатаніи нужное число препроводить къ Г. Директору Департамента Народнаго Просвѣщенія. Приэтомъ, въ слѣдствіе предложенія *Н. Н. Срезневскаго* о томъ, что полезно было бы имѣть свѣдѣнія о мѣстныхъ нарѣчіяхъ Русскихъ отъ лицъ духовныхъ, изъ которыхъ многимъ, по близости ихъ къ народу, очень хорошо извѣстны и нарѣчія и обычаи сельскаго народонаселенія, Г. Предсѣдательствующій изъявилъ готовность войти по этому предмету въ частныя сношенія съ Преосвященными, Дѣйствительными и Почетными членами Академіи.

М. А. Коркуновъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что Графъ *А. С. Уваровъ*, имѣющій значительное собраніе Славяно-Русскихъ рукописей, изъявляетъ готовность представить въ Отдѣленіе для разсмотрѣнія рукописи XIII вѣка, содержащую въ себѣ Октоихъ, если Отдѣленіе найдетъ это полезнымъ для своихъ занятій. Определено: войти въ сношеніе съ Графомъ *А. С. Уваровымъ*.

V.

Извѣстія.

Одобривъ къ напечатанію первый выпускъ Извѣстій, Отдѣленіе опредѣлило: 1) печатать Извѣстія и Прибавленія къ нимъ, въ томъ же форматѣ и на такой же бумагѣ, какъ и Извѣстія I и III Отдѣленій.

Изъявили свою готовность участвовать въ Извѣстіяхъ *Н. Г. Устряловъ*, Князь *М. А. Оболенскій*, *А. О. Бичковъ*, *А. Д. Галаховъ* и *Н. С. Биларскій*.

По предложенію Г. Предсѣдательствующаго, опредѣлено уведомить Почетныхъ Членовъ Отдѣленія объ изданіи Извѣстій съ начала 1852 года.

VI.

Особенныя чтенія.

Читанъ составленный *П. А. Плетневымъ* Отчетъ о занятіяхъ Отдѣленія за 1851 годъ.

*) Напечатана въ первомъ листѣ Прибавленій.

II. П. Срезневскій читалъ слѣдующія при семъ записки:
I. О трудахъ г. *Посовича*, — касательно Бѣлорусскаго нарѣчія.

II. О трудахъ г. *Цейновы*, — касательно Кашебскаго нарѣчія.

III. О матеріалахъ для сравненія языковъ Нѣмецкаго и Славянскаго, г. С. *Мукуцкаго*.

Найдя труды гг. *Посовича*, *Цейновы* и *Мукуцкаго* достойными полнаго одобренія и вниманія филологовъ, Отдѣленіе опредѣлило напечатать ихъ въ Извѣстіяхъ, за исключеніемъ Сборника Бѣлорусскихъ словъ, который положено передать Прот. *И. Григоровичу*, какъ матеріалъ для пополненія Бѣлорусскаго Словаря.

II. П. Срезневскій представилъ въ Отдѣленіе составленныя подъ его руководствомъ выписки изъ Исторіи Германскаго языка Я. Гримма, относящіяся къ Славянской Филологіи. Считая это твореніе ученаго филолога Германскаго чрезвычайно важнымъ пособіемъ для тѣхъ, кто занимается филологіей Славянской, Отдѣленіе опредѣлило имѣть означенныя выписки въ виду для изданія.

Читано письмо Академика *И. Х. Гамеля* къ Г. Предсѣдательствующему, при которомъ онъ представилъ списки съ шести вывезенныхъ въ 1620 году изъ Россіи Оксфордскимъ Баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ старинныхъ Русскихъ пѣсень. Изъявивъ благодарность *И. Х. Гамелю* за обязательное сообщеніе этихъ замѣчательныхъ Русскихъ пѣсень, Отдѣленіе опредѣлило означенныя пѣсни съ письмомъ *Г. Гамеля* напечатать въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ въ Отдѣлѣ Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности. *)

Г. Секретарь Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества, *II. П. Сахаровъ*, препроводилъ къ Г. Предсѣдательствующему: 1) Отчетъ Отдѣленія, 2) Записку для собиранія Русскихъ древностей и 3) первый томъ Записокъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи. Опредѣлено: благодарить *Г. Сахарова* за доставленіе означенныхъ изданій, а самыя книги передать для разсмотрѣнія и составленія о нихъ записки *Я. И. Бердникову*.

VII.

Новыя назначенія и избранія.

Въ слѣдствіе избранія Отдѣленія и общей конференціи, Высочайше утверждены: Почетный Членъ Отдѣленія *А. С. Поровъ* въ званіи Ординарнаго Академика, а Адъюнкты *М. А. Коркуновъ* и *II. П. Срезневскій* въ званіи Академиковъ Экстраординарныхъ.

Баллотированы и избраны въ Корреспонденты Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности пред-

*) Напечатано въ первомъ листѣ Прибавленій.

ложенные нѣкоторыми изъ Академиковъ: Профессоръ Славянской филологіи въ Казанскомъ Университетѣ *В. И. Григоровичъ* и Докторъ *В. С. Караджичъ*, извѣстный въ ученомъ мірѣ многими трудами по части Сербскаго языка и словесности.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

II.

Записки о трудахъ г. *Посовича*, касательно нарѣчія Бѣлорусскаго.

Исполняя лестное для меня порученіе Отдѣленія — разсмотрѣть сборникъ наблюденій г. *Посовича* о нарѣчіи Бѣлорусскомъ, я прочелъ его съ полнымъ вниманіемъ и теперь честь имѣю довести мое мнѣніе о немъ и о томъ, какъ можно имъ воспользоваться.

Нарѣчіе Бѣлорусское — особенная вѣтвь нарѣчія Сѣвернаго Русскаго, подвергшаяся вліянію нарѣчія Польскаго и Малорусскаго, не въ такой впрочемъ мѣрѣ, какъ это можетъ казаться съ перваго раза — очень любопытно и по своимъ особенностямъ, явившимся въ слѣдствіе мѣстнаго его развитія, и по остаткамъ отъ старины. Издавна оно обращало на себя вниманіе нашихъ филологовъ, но не въ такой мѣрѣ и безъ тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, какъ бы можно было желать. Со времени выхода статьи *К. Калайдовича* (въ Трудахъ Общества любителей словесности), все чаще и чаще стали появляться, въ повременныхъ изданіяхъ и Русскихъ и Польскихъ, замѣчанія объ особенностяхъ нарѣчія, сборники словъ, образцы пѣсень, пословицъ, разсказовъ и т. п. До сихъ поръ однако не сдѣлано ни къ какому удовлетворительнаго опыта ни характеристики нарѣчія, ни сборника его образцовъ. Изъ этого можно исклю-
чить только Словарь, печатаемый теперь Протоіереемъ *И. Григоровичемъ* подъ покровительствомъ Отдѣленія, и Сборникъ *Я. Чечоты*: *Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie Sławiano-Kręwickiej. Wilno. 1846* (Народныя пѣсни съ-надъ Нѣмана и Двины, пословицы и идиотизмы нарѣчія Славяно-Кривницкаго). Трудъ Прот. *И. Григоровича* Отдѣленію извѣстенъ. Что касается до труда *Я. Чечоты*, то, не распространяясь о немъ много, я позволю себѣ замѣтить, что онъ до сихъ поръ почти единственный, къ которому можно прибѣгнуть тому, кто желаетъ ближе ознакомиться съ нарѣчіемъ и народною словесностью Бѣлоруссовъ. Читатель найдетъ въ немъ 50 пѣсень съ береговъ Нѣмана и 50 съ береговъ Двины, записанныхъ вѣрно по выговору народа, небольшое собраніе словъ, непонятныхъ для знающаго по-Польски, собраніе идиотизмовъ, до 200 пословицъ и поговорокъ, и, сверхъ того, въ предисловіи и въ заключеніи разныя замѣ-

чанія о нарѣчій. Трудъ г. Чечота достоинъ всякой признательности, но все-таки позволяетъ желать и ожидать другихъ трудовъ болѣе полныхъ. Къ числу такихъ должно, кажется, причислить только что вышедшій въ Вильнѣ трудъ г. Зеньковича: *Piosenki gminne ludu pińskiego*. Kowno. 1851. (8 д. 424). Мнѣ извѣстенъ онъ впрочемъ только по статьѣ г. Войцискаго въ Библиотекѣ Варшавской (№ 131). Къ числу такихъ же трудовъ нельзя не причислить и Сборника, представленнаго Отдѣленію г. Посовичемъ. Онъ и самъ по себѣ великъ, и во многихъ частяхъ своихъ представляетъ много новаго; притомъ же онъ есть только часть цѣлаго, въ которомъ новаго должно быть несравненно болѣе. По этому одному трудъ г. Посовича достоинъ полнаго вниманія; а умѣнье г. Посовича взяться за дѣло, умѣнье, подкрѣпленное въ немъ возможностью дѣлать и повѣрять наблюденія на мѣстѣ — еще болѣе вселяетъ къ нему уваженіе. Осмѣливаюсь думать, что г. Посовичъ вполне достоинъ одобренія и признательности Отдѣленія, и что Отдѣленіе можетъ съ пользою для науки воспользоваться добросовѣстною дѣятельностью этого наблюдателя, а слѣдовательно и пригласить его къ продолженію участія въ трудахъ своихъ.

Сборникъ, присланный г. Посовичемъ, кромѣ собранія Бѣлорусскихъ словъ, заключаетъ въ себѣ:

I. Замѣчанія объ особенностяхъ Бѣлорускаго нарѣчія, довольно подробныя и касающіяся преимущественно выговора. Къ нимъ прибавлено нѣсколько любопытныхъ образцовъ нарѣчія простонароднаго и письменнаго.

II. Собраніе пословицъ и поговорокъ съ объясненіемъ ихъ значеній — всѣхъ около 1000.

Замѣчанія о нарѣчій свидѣлствуютъ объ основательномъ вниманіи автора къ особенностямъ народныхъ говоровъ Бѣлорусскихъ; собраніе пословицъ очень замѣчательно не только по величинѣ, но и по внутреннему достоинству. Имъ стоитъ, кажется, дать мѣсто въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Отдѣленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно просить г. Посовича о доставленіи продолженія его труда, особенно народныхъ пѣсень, сказокъ и преданій, поставя ему на видъ, что преимущественно любопытно все, что годно для объясненія древностей Русскаго народа.

III.

Записка о трудахъ г. Цейнова касательно Кашебовъ, ихъ земли и нарѣчія.

Въ слѣдствіе записки, представленной мною Отдѣленію и пересланной Отдѣленіемъ г-ну Цейнову, этотъ трудолюбивый изслѣдователь древностей и нарѣчія своего роднаго края сообщилъ намъ еще новыя свѣдѣнія объ этомъ малоизвѣстномъ предметѣ Славянской филологіи и исторіи, свѣдѣнія вполне заслуживающія, какъ мнѣ кажется, одобренія и признательности.

Что касается до объясненія особенностей нарѣчія Кашебскаго, то Г. Цейнова въ дополненіе къ тому, что имъ было уже прежде доставлено Отдѣленію, и къ тому, что имъ было сказано въ книгѣ *Trze rozprawę wóros kile słow wó Kaszebach e jich zemji*. (Krakov. 1850. Три разсужденія и нѣсколько словъ о Кашебахъ и ихъ краѣ) и въ статьѣ *Wuwogi nad mową Kaszebską* (Замѣчанія о нарѣчій Кашебовъ), сообщилъ много замѣчательнаго и любопытнаго въ переводѣ моей статьи объ этомъ нарѣчій, которую Отдѣленіе благоволило переслать къ нему для разсмотрѣнія и исправленія. Пользуясь данными, имъ сообщенными, я надѣюсь быть въ состояніи представить Отдѣленію подробную записку о характеристикѣ этого любопытнаго нарѣчія.

Исполняя желаніе Отдѣленія — имѣть образцы Кашебскаго нарѣчія, г. Цейнова прислалъ книжку *Rozmowa Pólocha s Kaszebą* (Разговоръ Поляка съ Кашебомъ. Гданскъ. 1851), одну народную пѣсню, одну сватную думу, обѣ съ Нѣмецкимъ переводомъ, прекрасное собраніе народныхъ пословицъ (слишкомъ 500) и также прекрасное собраніе повѣрій, по Кашебски (27).

Что же касается до границъ Кашебской земли и мѣстныхъ отбѣнковъ нарѣчія, то, кромѣ того, что имъ уже высказано въ вышеозначенной книгѣ, онъ не могъ сообщить ничего положительнаго безъ предварительнаго личнаго обозрѣнія края, безъ посѣщенія по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, каковы напр. Хель (Hela) и полуостровъ (miedzomórze), Слэпскъ (Słepsk-Stolpe) и окрестности, гдѣ живутъ Славы или Словены, какъ они сами себя называютъ, озера Гарда, гдѣ Кашебское нарѣчіе болѣе всего отличается отъ Польскаго, и т. п.

Изъ этого краткаго перечня трудовъ г. Цейновы можно видѣть усердіе, съ какимъ онъ принялъ вызовъ Отдѣленія. Считаю нелишнимъ прибавить къ этому, что г. Цейнова теперь есть единственный Славянистъ, который занимается Кашебскимъ нарѣчіемъ и древностями, какъ изыскатель и вмѣстѣ наблюдатель. Все, что въ послѣднее время издано о Кашебахъ и отдѣльно (*Chazeczka Wlo Kaszeboy, — Rozmowa Polocha s Kaszebą, — Trze rozprawę*), и въ периодическихъ изданіяхъ (въ *Jahrbücher der Slawischen Literatur*, въ *Deniści*, въ *Gazecie Polskiej* и пр.), принадлежитъ г. Цейнову (Войкасену), написано или имъ самимъ, или подъ его руководствомъ. Слѣдствіемъ внимательности г. Цейновы къ своему краю можно назвать и ту прекрасную статью о Кашебахъ, которая появилась недавно въ № 121 Библиотеки Варшавской.

Представляя на видъ любовь его къ наукѣ и возможность получить отъ него филологическія подробности, важныя и для изученія древностей нашего отечественнаго языка, и для сравнительнаго Славянскаго языкознанія, я осмѣливаюсь

думать, что его полезная дѣятельность достойна поощренія Отдѣленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ честь имѣю доложить, что полезно было бы, кажется, напечатать свѣдѣнія, сообщенныя г. Цейповой, въ Извѣстіяхъ Отдѣленія. Этотъ прекрасный матеріалъ, вѣроятно, обратитъ на себя вниманіе всѣхъ филологовъ Славянскихъ.

III.

Записка о матеріалахъ для сравненія языковъ Нѣмецкаго и Славянскаго, С. Микуцкаго.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года поступили во II-е Отдѣленіе два опыта филологическихъ трудовъ новаго нашего лингвиста Станислава Микуцкаго, извѣстнаго Академіи уже съ 1847 года, и съ тѣхъ поръ, въ слѣдствіе сообщенія своихъ наблюденій нѣкоторымъ изъ филологовъ Западно-Европейскихъ и Русскихъ, пріобрѣтшаго себѣ уваженіе за счастливыя сравненія словъ и грамматическихъ формъ разныхъ языковъ Индо-Европейскаго происхожденія. Мнѣніе о немъ ученаго Шафарика извѣстно изъ журналовъ; столь же уважительное мнѣніе нашего сочлена А. Х. Востокова извѣстно членамъ Отдѣленія изъ его отзывовъ, сообщенныхъ Отдѣленію по поводу филологическихъ замѣтокъ, доставленныхъ въ Академію г. Микуцкимъ. Одинъ изъ двухъ новыхъ опытовъ г. Микуцкаго — «Сравненіе словъ Нѣмецкихъ и Славянскихъ», порученный мнѣ Отдѣленіемъ на разсмотрѣніе, былъ мною внимательно прочтенъ, списанъ, сколько было мнѣ это возможно, съ трудами ученыхъ нашихъ и западныхъ, которые занимаются этимъ предметомъ, и теперь представляется мною вниманію Отдѣленія, съ нѣкоторыми общими замѣчаніями, съ тою мыслию, что, можетъ быть, хоть что нибудь изъ нихъ будетъ годиться для обсужденія и поощренія полезной дѣятельности г. Микуцкаго.

Сличеніе языковъ Славянскаго и Нѣмецкаго въ отношеніи къ составу, какъ языковъ двухъ сосѣднихъ племенъ, представляющихся въ Исторіи Новой Европы въ постоянныхъ связяхъ народныхъ и политическихъ, должно было издавна занимать умы филологовъ, и даже не-филологовъ, для разрѣшенія вопроса о вліяніи этихъ племенъ одного на другое взаимно, на ихъ бытъ и обычаи, нравы и образованность. Между прочимъ, не могла не броситься въ глаза зависимость промышленная, государственная, правительственная, ученая, въ какой поставлены были обстоятельства нѣкоторые изъ Славянскихъ народовъ въ отношеніи къ инымъ народамъ Германскимъ. Признаніе этой зависимости повело къ отысканію ея слѣдовъ на нарѣчіяхъ Славянскихъ, и повело нѣкоторыхъ изыскателей на выводы, которые столь же мало могли оправдаться въ наукѣ, какъ и поправиться чувству любви Славянъ къ самимъ се

бѣ и къ своей народности. Начались пренія, несомнѣнно достойныя науки, и являлись бы до сихъ поръ, если бы успѣхи филологіи не стали имъ наперекоръ и не поставили бы преграды внимательству страстей тамъ, гдѣ столько же неумѣстно увлеченіе, необуздываемое требованіями ума и знанія, сколько и всякое покушеніе на пристрастіе. Сравнительная филологія дала задачъ другое направленіе, другой характеръ, другое значеніе, и затѣмъ довольно значительная часть спорныхъ пунктовъ осталась внѣ круга преній. Сравнительная филологія безъ сомнѣнія сдѣлала задачу болѣе сложною, но вмѣстѣ и болѣе трудную для окончательнаго рѣшенія и даже для обсужденія и во всемъ ея объемѣ, и въ отдѣльныхъ частяхъ, менѣе приступною для тѣхъ, которые не посвящаютъ себя спеціальнымъ филологическимъ изысканіямъ. Языки двухъ племенъ представляются какъ двѣ близкія отрасли одной вѣтви, перепутавшіяся, но отдѣльныя; отдѣльныя, но происшедшія отъ одного корня, и слѣдовательно имѣющія очень много общаго и очень много сходнаго. Чтобы рѣшить вопросъ о взаимномъ вліяніи ихъ, историческомъ, надобно прежде рѣшить, что въ обоихъ племенахъ было и должно быть общаго безъ всякаго вліянія времени, и во всякомъ случаѣ войти въ такія подробности сравненія языковъ, которыя даются немногимъ. Дѣло и остановилось на этихъ подробностяхъ. Умы, легко увлекающіеся, конечно, позволяютъ себѣ переходить и къ общимъ выводамъ, но только какъ къ попыткамъ облегчить себѣ тягость соображенія подробностей, и считаютъ свои попытки только пособіемъ для продолженія работъ, работъ тѣмъ болѣе трудныхъ, что не подготовлены еще всѣ предварительные матеріалы. Такъ, между прочимъ, въ массѣ словарей нарѣчій Славянскихъ и Германскихъ не достаетъ еще очень многихъ: и тѣхъ, которые извлечены изъ памятниковъ древнихъ, и тѣхъ, которые бы представляли въ достаточной полнотѣ составъ мѣстныхъ народныхъ нарѣчій нашего времени. Безъ этихъ пособій нельзя не останавливаться на однихъ попыткахъ и не двигаться впередъ очень медленно. Счастливыѣ другихъ въ этихъ попыткахъ были Шафарикъ, Гриммъ, Дифенбахъ, Павскій, Катковъ, Буслаевъ и немногіе другіе. Къ небольшому числу ученыхъ, обладающихъ знаніемъ и соображеніемъ, должно будетъ причислить и г. Микуцкаго, если послѣдующими своими трудами онъ скрѣпитъ за собою тѣ блестящія надежды, какія подаетъ онъ теперь своими счастливыми начатками.

Трудъ, которому онъ далъ названіе «Сравненія словъ Нѣмецкихъ и Славянскихъ», состоитъ изъ собранія словъ главныхъ по древности нарѣчій Германскихъ, происходящихъ отъ однихъ корней съ словами Славянскими. При этомъ сравненіи словъ взяты въ расчетъ, гдѣ автору казалось нужнымъ, слова Санскритскія, Греческія, Латинскія,

Литовскія и пр. Всѣхъ словъ Германскихъ, подавшихъ г. Микунскому поводъ къ сближеніямъ 630; изъ нихъ Готескихъ 63, Древне-Нѣмецкихъ 413, Англо-Саксонскихъ 19, Датскихъ 4, Древне-Шведскихъ 25, Неландскихъ 94, Английскихъ 12. Выбравши это количество словъ, г. Микунскій никакъ не думаетъ, что ими только и ограничивается сходство Германскаго языка съ Славянскимъ, а скорѣе, напротивъ того, представляетъ ихъ какъ образцы, подтверждающіе необходимость сличенія этихъ двухъ языковъ и возможность проводить это сличеніе по очень разнообразнымъ направленіямъ. Въ нѣкоторыхъ изъ статей, вошедшихъ въ его собраніе, повторились мнѣнія уже высказанныя учеными Славянскими и Нѣмецкими; въ другихъ авторъ представляетъ свои собственныя соображенія, высказывающія и его основательную ученость, и даровитость, и ту осторожность, безъ которой сличеніе языковъ теряетъ нѣрѣдко всю свою цѣнность и занимательность.

Въ расположеніи статей своего сравненія онъ держался азбучнаго порядка словъ того Германскаго нарѣчія, въ которомъ находилъ матеріалы для сличенія корней Германскихъ со Славянскими. Въ приведеніи словъ изъ другихъ языковъ Индо-Европейскихъ онъ ограничивался обстоятельствами, принимая, гдѣ ему казалось нужно и было возможно, то, что шло къ дѣлу и помогало ясности сравненія, и болѣею частью очень счастливо.

Не смотря на убѣдительность, съ какою онъ высказываетъ свои мнѣнія и соображенія, не всегда возможно уразумѣть исходную мысль, на основаніи которой онъ допускалъ то или другое наведеніе; но это происходитъ не отъ недостатка навыка сравнивать языки, а, напротивъ, только отъ того, что представляя свое собраніе какъ матеріалъ, онъ не присоединилъ къ нему предварительнаго разсужденія, въ которомъ бы изложены были тѣ главныя положенія этимологии, которыя онъ принимаетъ какъ непреложныя, и въ силу которыхъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ допускать сравненія. Чѣмъ опредѣленнѣе были бы имъ высказаны эти положенія, тѣмъ съ болѣею твердостью и убѣдительною могли бы онъ дѣйствовать на читателя въ частномъ примѣненіи ихъ къ дѣлу, и тѣмъ полезнѣе были бы всѣ его сравненія. Конечно, противъ этого замѣчанія можно сказать, что главныя положенія науки этимологической общезвѣстны, что повторять ихъ привсякомъ случаѣ напрасно; но кто же знающій эти положенія не знаетъ, что имъ даютъ очень различный объемъ дѣйствій и примѣненій, и что отъ этого иногда запутываются этимологическія наведенія, повидимому самыя простыя, не говоря уже о тѣхъ различныхъ, противорѣчащихъ заключеніяхъ, къ какимъ приходили лучшіе этимологи.

Позволю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Г. Микунскій, сравнивая Германскія слова съ Славянскими, отдѣльно ставитъ слова Готескія, Англо-Саксонскія, Древне-Сѣверныя и пр. Это можно дѣлать только при одномъ условіи: если разсматриваемое слово извѣстно только въ одномъ изъ сравниваемыхъ нарѣчій Германскихъ, или напоминаетъ о себѣ въ другихъ только въ формѣ производной или непереченной, или же въ другихъ нарѣчіяхъ не сходно по смыслу съ сравниваемыми словами Славянскими, или же наконецъ формою своею убѣждаетъ, что въ Славянскій языкъ оно взято именно изъ этого нарѣчія. Во всѣхъ другихъ случаяхъ надобно имѣть въ виду не отдѣльно то или другое нарѣчіе Германское, а весь Германскій языкъ. Такъ напр. не для чего сравнивать Слав. глаголъ градъ-venio именно съ Готескимъ grids (Stufe, βαθμός, gradus = степень. Тимое. III: 13), когда оно не есть исключительная принадлежность Готескаго нарѣчія, а повторяется во многихъ другихъ, какъ и указано у Графа, Габеленца, Дифенбаха, и пр.; не для чего Слав. слово о-рало = рало, въ Сѣверо-Западныхъ нарѣчіяхъ выговариваемое со вставнымъ *o* (ра-*o*-ло) сравнивать именно съ Древне-Сѣвернымъ ardr = ardrh, когда и эти слова со многими словами этого корня принадлежатъ не только всѣмъ Германскимъ нарѣчіямъ, но и очень многимъ Индо-Европейскимъ языкамъ (Diefenbach, Lexicon I. 70—76), и когда нѣтъ никакой возможности доказать, что *o* въ Пол. radło и въ Древ. Сѣвер. aradrh также какъ и въ Кимврскомъ arad = aradr, или *t* въ Латинскомъ aratrum, Греч. ἄροτρον есть коренный звукъ и т. д.

Впрочемъ этому замѣчанію я не намѣренъ дать никакого вѣсу для униженія прекраснаго и занимательнаго труда г. Микунскаго. Напротивъ того, я позволяю себѣ думать, что Отдѣленіе могло бы принять на себя изданіе труда г. Микунскаго, какъ одного изъ приготовительныхъ матеріаловъ для объяснительнаго Словаря Русскаго. Мнѣ кажется только, что ему нужно дать иную форму, болѣе сподручную. Читателю, и Русскому и всякому Славянскому, желающему узнать, съ какими словами Германскими сходно или сродно то или другое слово Русское или иное Славянское, не удобно обращаться къ такимъ сборникамъ, гдѣ, какъ въ сборникѣ г. Микунскаго, на первомъ мѣстѣ стоятъ слова Германскія. Гораздо лучше для него будетъ, если это первое мѣсто въ азбучномъ порядкѣ возьмутъ слова Славянскія. Придавши эту форму сборнику г. Микунскаго, мы будемъ имѣть начатокъ объяснительнаго словаря Славяно-Русскаго, очень любопытный, къ которому постепенно могутъ быть дѣлаемы прибавленія и другими учеными. Въ такомъ видѣ можно труду г. Микунскаго дать мѣсто въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Отдѣленія.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ предположило начать съ 1832 года изданіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности будутъ входить, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно: — изслѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ соизмененныхъ, ихъ литературы и древностей; — разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологій Славяно-Русской; а въ особенныхъ прибавленіяхъ — памятники языка и словесности, матеріалы для Словаря, Грамматики и т. п.

«Извѣстія» будутъ издаваться безсрочными выпусками или листами; 24 листа съ прибавленіями составятъ одинъ томъ. Цѣна тому три рубля серебромъ. Получать можно у Коммисіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домъ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эггера (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Изгородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ помѣстимъ Коммисіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА. — Изслѣдованія о древнѣйшихъ памятникахъ Старославянской Литературы: I. Въѣсто предисловія. II. П. Срезневскаго. II. О древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянскихъ. В. И. Григоровича. III. Дополнительныя примѣчанія къ этой запискѣ. А. Х. Востокова и П. П. Срезневскаго. — Библіографическія записки: VII. Словарь Литовскаго языка г. Нессельмана. С. П. Микуцкаго и П. П. Срезневскаго. VIII. Новыя книги, съ приложеніемъ мнѣнія А. Х. Востокова. — Перечень засѣданій Отдѣленія съ приложеніемъ Записки А. К. Казембека. — Къ этому выпуску прилагается III, IV и V листы ПРИБАВЛЕНІЙ.

ИЗСЛѢДОВАНИЯ

О ДРЕВНИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

II.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Открытія памятниковъ древней письменности Славянъ начались уже издавна; продолжались все съ большимъ успѣхомъ, по мѣрѣ пробужденія въ просвѣщенныхъ Славянахъ сочувствія къ своей отечественной народности, — и въ наше время, все болѣе возрастающаго чиломъ и значимостію, привели къ убѣжденію, что и Славяне, по памятникамъ своей древности, достойны занять видное мѣсто между племенами новой Европы. Разработка этихъ памятниковъ наводитъ на вопросы, важныя не только по отношенію къ исторіи образованности исключительно одного племени Славянскаго, но и по отношенію къ исторіи образованности общей Европейской.

Между памятниками этого рода важнѣе всѣхъ другихъ памятники той письменности, которой судьбы неразрывными узами связаны съ судьбами распространенія свѣта истины въ у

народовъ Славянскихъ, — памятники письменности Старославянской. Даже и тотъ, кто не знаетъ ихъ внутренней цѣнности, признаетъ за ними высокое значеніе общее, какъ памятниковъ первоначальнаго утвержденія вѣры Христіанской у болѣе части Славянъ на ихъ собственномъ языкѣ; а кто знакомъ съ содержаніемъ хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ, и изучаетъ ихъ, съ каждымъ новымъ шагомъ на пути разработки данныхъ, изъ нихъ извлекаемыхъ, убѣждается все болѣе, что ни исторія языка и литературы, ни исторія церкви и просвѣщенія Славянъ и ихъ соудей не возможна безъ пособія этихъ драгоценныхъ остатковъ, драгоценныхъ и по множеству, и по разнообразію и по внутреннему достоинству. Письменность Старославянская была общимъ орудіемъ вѣры, науки и вообще образованности для болѣе части Востока Европы, такимъ же какъ письменность Латинская была въ то же время для Запада Европы или письменность Арабская — для Азіи и Африки Мугамеданской. Отъ нея время сохранило намъ только остатки, уцѣлѣвшіе случайно, какъ бы на перекоръ судьбѣ, — и они однако представляются наблюдателю въ цѣлой громадѣ рукописей. Обычай сожигать, погребать въ землѣ, замуровывать въ стѣнахъ церковныхъ рукописи, сдѣлавшіяся непригодными для употребленія по ветхости или по чему другому, — обычай, заведенный издавна, безвозвратно

лишались и отчасти до сихъ поръ лишается новую науку многихъ сокровищъ древности; недоступность къ рукописямъ во многихъ библіотекахъ, невознаграждаемая внимательностью тѣхъ, которые могли бы ими пользоваться, укрываетъ отъ наблюдательности знатоковъ множество другихъ драгоценностей такъ же, какъ огонь, земля и камень; — не смотря на все это, судя только по тому, что могло сдѣлаться болѣе или менѣе доступнымъ, безпристрастный наблюдатель не можетъ не удивляться богатствамъ Старославянской письменности, не чтить глубоко одушевления ея дѣятелей. И въ остаткахъ своихъ, она представляется богатой библіотекой, въ которой вмѣстѣ съ переводами Св. Писанія, твореній Отцевъ церкви, житій святыхъ, книгъ богослужебныхъ и церковно-законошныхъ, нѣкоторыхъ произведеній древнихъ писателей Греческихъ, укрываются и оригинальныя произведенія многихъ писателей Славянскихъ, начиная съ твореній первоучителей нашихъ Кирилла и Меодія. Всего такъ много, что многое еще остается до сихъ поръ неизслѣдованнымъ, неоцѣненнымъ. Въ послѣдствіи, когда оцѣнены будутъ по достоинству всѣ эти уцѣлѣвшіе труды писателей и переводчиковъ Славянскихъ — частію по рукописямъ древнимъ, частію по ихъ позднѣйшимъ спискамъ; когда откроется яснѣе кругозоръ древней учено-литературной дѣятельности Старославянской, и станетъ наглядно понятна справедливость сожалѣнія объ утратѣ древнихъ памятниковъ; тогда будутъ возможны, Богъ дастъ, общія заключенія о значеніи литературы Старославянской, о ея вліяніи на просвѣщеніе и образованность Востока Европы. Теперь пока возможны только частныя изслѣдованія о томъ или другомъ произведеніи Старославянской литературы, о трудахъ того или другаго писателя, о языкѣ и его богатствахъ, и прежде всего — о древнѣйшихъ рукописяхъ Старославянскихъ, изслѣдованія тяжелыя и вмѣстѣ мелочныя, могущія увлекать только тружениковъ науки филологической; тяжелыя, но необходимыя — и въ наше время тѣмъ болѣе цѣнныя, что до сихъ поръ еще немногіе изъ ученыхъ рѣшались посвящать хоть часть своей ученой дѣятельности этому тяжкому труду.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, зная, въ какой тѣсной связи находятся эти изслѣдованія съ изученіемъ древностей языка и литературы отечественной, долгомъ своимъ поставяетъ обращать на нихъ особенное вниманіе: — и потому рядъ ученыхъ изслѣдованій, которыхъ можетъ быть дано мѣсто въ Извѣстіяхъ, имъ издаваемыхъ, предположило открыть изслѣдованіями о древнѣйшихъ памятникахъ литературы Старославянской. Оно надѣется, что его участіе въ этомъ дѣлѣ не останется безъ

вліянія на молодое поколѣніе нашихъ ученыхъ, пробуждая въ нихъ ревность къ полезнымъ изысканіямъ на поприщѣ, достойномъ трудолюбія всякаго Русскаго филолога, оживленнаго любовью къ отечеству и наукѣ.

Множество трудовъ древнихъ писателей Старославянскихъ уцѣлѣло въ спискахъ позднихъ. Изслѣдованія ихъ и языка ихъ по этимъ позднимъ спискамъ чрезвычайно важны; но сами по себѣ недостаточны; изслѣдованія древнихъ памятниковъ Старославянской письменности, памятниковъ X—XII вѣка, необходимы для уясненія всѣхъ вопросовъ языка и литературы времени не только этого, но и прежняго, и послѣдующаго. Однимъ изъ такихъ изслѣдованій и начинается здѣсь рядъ записокъ о Старославянской литературѣ. Мыслия ученаго автора этого изслѣдованія представляются вполне въ томъ видѣ, какъ онѣ имъ изложены. Приложение немногихъ примѣчаній, слѣдующихъ за этой запиской, Отдѣленіе сочло нужнымъ единственно для уясненія фактовъ читателямъ, незнакомымъ съ подробностями предмета. Такъ оно предположило поступать въ подобныхъ случаяхъ постоянно въ своихъ Извѣстіяхъ, предоставляя каждому ученому высказывать вполне свои мысли и убѣжденія полезныя для успѣховъ отечественной науки.

Примѣчаніе. Предварительно считаю полезнымъ для тѣхъ изъ читателей, которымъ не вполне знакомы труды ученыхъ по этой части, указать на тѣ изъ нихъ, которые могутъ служить пособіемъ при изученіи древнихъ памятниковъ.

— *Остромирово Евангеліе*, 1056—1057 года. Со времени выхода въ свѣтъ знаменитаго Разсужденія А. Х. Востокова о Славянскомъ языкѣ (въ Трудяхъ Общества Любителей Словесности. XVII. М. 1820) до изданія всего текста этого памятника (СПб. 1843), онъ былъ много разъ предметомъ разнообразныхъ ученыхъ разсужденій Добровскаго, Кеннена, Калайдовича, Копитара, Шафарика и другихъ. Послѣ выхода его въ свѣтъ появилось также нѣсколько статей, изъ которыхъ болѣе другихъ замѣчательна статья г. Миклошича (въ Вѣнскихъ *Jahrbücher der Literatur*. 1847. № 169. стр. 1—39).

Изъ другихъ Кирилловскихъ списковъ Евангельскихъ чтеній можно вспомнить:

— *Реймское Евангеліе*, по мнѣнію нѣкоторыхъ XI вѣка, а по соображеніямъ другихъ XIII—XIV вѣка. Оно было предметомъ разныхъ истолкованій и до 1843, когда оно издано въ полномъ снимкѣ Силвестромъ (*Evangelia Slavice, vulgo Texte du Sacre. Lutetiae P.*), и потомъ когда издано В. В. Ганкою (Сазаво-Еммаское святое благовѣствованіе. Прага. 1846) въ чтеніи съ нѣкоторыми примѣчаніями. Между новыми из-

сѣдованіями особенно важны г. *Наплонскаго* (Ж. Мин. П. Пр., части LVIII и LVIII), г. *Биларскаго* (Судьбы Церковнаго языка. СПб. 1848), гдѣ представленъ подробный перечень всего, что было писано объ этомъ памятникѣ и П. *Лавровскаго* (Опытъ Историко-филологическихъ трудовъ Студентовъ Главнаго Педагогическаго Института. СПб. 1852, стр. 1—141).

— *Мстиславово Евангеліе*, писанное около 1130 года, извѣстно по выпискамъ и замѣчаніямъ К. *Калайдовича* (Іоаннъ Экзархъ. М. 1824, стр. 28—30, 107, 110, 214) и С. П. *Шевырева* (Исторія Русской Словесности. II. стр. 146 и слѣд.).

— *Синодальное Евангеліе*, 1144 года, извѣстно изъ выписокъ и замѣчаній К. *Калайдовича* (тамъ же, стр. 28, 30, 104—105, 107).

— *Добрилово Евангеліе*, *Канцлерское*, 1164 года, описано вкратцѣ К. *Калайдовичемъ* (тамъ же, стр. 28, 31, 107, 110—111, 217) и нѣсколько подробнѣе А. Х. *Востоковымъ* (Опис. Румянц. Музея, стр. 171).

Изъ глаголическихъ списковъ Евангелія описаны:

— *Ватиканское Евангеліе*, причисляемое къ памятникамъ XI вѣка. Оно отмѣчено было уже *Добровскимъ* (Institutiones ling. Slav. стр. 688—689). *Копитаръ* сообщилъ изъ него выписку (Glagolita Cloz. стр. XXVIII), а позже написалъ о немъ и довольно подробныя замѣчанія (Hesychii Glossographi discipulus. Vindob. 1840, стр. 39—44).

— *Глаголическое Евангеліе*, XI—XII вѣка (или ранѣе?), у В. П. *Григоровича*. Отрывокъ напечатанъ г. *Миклошичемъ* (въ Slavische Bibliothek. I. Wien 1851, стр. 262—263).

Изъ древнѣйшихъ списковъ Псалтыри замѣчательнѣе другихъ по древности:

— *Псалтырь Евсеіевская*, относимая къ XI вѣку, извѣстна по выпискѣ, сообщенной *Копитаромъ* (Glagolita Clozianus, стр. 41—44). Ср. *Погодина*, Образцы Слав. древлеписанія. II. М. 1841. и *Востокова* О. Р. Муз. стр. 469.

— *Толковая Псалтырь Болонская*, XII вѣка, извѣстна по выпискѣ, представленной *Добровскимъ* (тамъ же, стр. 686—687). Болѣе подробное извѣстіе о ней, такъ же съ выписками, представлено *Копитаромъ* (Hesychii disc. стр. 34—39).

Замѣчательнѣйшіе изъ древнихъ описанныхъ сборниковъ:

— *Сборникъ Воскресенскій*, извѣстный болѣе подъ именемъ *Святославова*, 1073 года, найденный К. *Калайдовичемъ*. Имъ онъ былъ и описанъ въ первый разъ (Іоан. Экз. стр. 102—104 и 213). Другое описаніе сдѣлано А. Х. *Востоковымъ* (Опис. Рум. Муз. стр. 499—506). Выписки съ замѣчаніями находятся у *Добровскаго* (Instit. стр. 673—675). Новое открытіе С. П. *Шевырева*, касающееся этого Сборника, извѣстно изъ его «Поѣздки» (II. стр. 30—32).

— *Супрасльская рукопись*, относимая къ XI вѣку. Первое изысканіе о ней сдѣлано А. Х. *Востоковымъ* (Библиогр. листы, стр. 189—200 и 533—537). Послѣ этого г. *Микло-*

шичъ, при изданіи отрывковъ изъ нея (S. Ioannis Chysost. homilia — и — Vitae Sanctorum) представилъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о языкѣ ихъ. Въ прошедшемъ году изданъ весь текстъ съ предисловіемъ (см. Извѣстія стр. 23).

— *Сборникъ глаголическій графа Клоца*, относимый къ X—XII вѣку; изданъ вполне съ разными учеными примѣчаніями и объясненіями В. *Копитаромъ* (Glagolita Clozianus Vindob. 1836).

Кромѣ этихъ сборниковъ, замѣчательныхъ преимущественно по переводамъ твореній св. Отцевъ, важны еще:

— *XIII Слово Григорія Назіанзина*, рукопись относимая къ XI вѣку. Эта замѣчательная рукопись извѣстна пока по описанію сдѣланному А. Х. *Востоковымъ* (Библиогр. листы, стр. 85—91).

— *Пандектъ Антіоха*, относимый также къ XI вѣку, извѣстенъ только по краткому извѣстію К. *Калайдовича* (I. Э. Б. стр. 12, 93—96).

— *Богословіе Іоанна Дамаскина*, въ рукописи XII вѣка. Съ этою важною рукописью подробно ознакомилъ К. *Калайдовичъ* (тамъ же, стр. 17—29, 129—137).

— *Бесѣды Іоанна Лествичника*, въ рукописи XII вѣка. Описаніе рукописи этихъ бесѣдъ, хранящейся въ Румянцев. Музеѣ, сдѣлано А. Х. *Востоковымъ* (Опис. Рум. Муз. стр. 253—255).

— *Служебникъ* Пр. Антонія, XII в: извѣстенъ по снимку М. П. *Погодина* (въ Образц. Слав. древлеписанія. I. М. 1840)

III.

О ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИХЪ.

Записка Профессора В. П. *Григоровича*.

Библиографическіе труды ученыхъ, раскрывъ богатство литературы древне-Славянской, пробудили предположеніе о необыкновенной дѣятельности Славянскихъ духовныхъ въ IX и X-мъ столѣтіяхъ. Нельзя уже нынѣ сомнѣваться въ томъ, что усвоеніе сокровищъ духовной мудрости Грековъ въ переводахъ и подражаніяхъ было цѣлью этой дѣятельности. Въ какой степени достигнута эта цѣль въ столь отдаленной эпохѣ, рѣшеніе сего вопроса будетъ зависѣть отъ усиленія поисковъ, еще далеко неоконченныхъ и отъ тщательныхъ изслѣдованій дошедшихъ до насъ памятниковъ. Теперь пока съ достовѣрностью утверждать можеть, что значительная ихъ часть указываетъ на глубокую древность *изводовъ**, съ которыхъ дошли до насъ списки.

Столь достойная вниманія дѣятельность Славянъ, пробуждая пытливость ученыхъ, заставляетъ донскиваться, на осно-

* См. Примѣчаніе 8-е.

ваніи внутреннихъ и вѣшнихъ признаковъ языка, ясныхъ доказательствъ ея возниканія и ея хода. Достигая этой цѣли, необходимо, мнѣ кажется, въ видахъ исторіи языка и литературы древнихъ Славянъ, опредѣлить сперва взаимное отношеніе самыхъ памятниковъ и обозначить ихъ характеръ.

Сличивъ сколько мнѣ извѣстно было, памятники Церковно-Славянской литературы, прихожу къ заключенію, что они до XIV столѣтія дѣлятся на слѣдующіе разряды:

I. Памятники глагольскіе *)	} Ихъ признаки: обиліе знаковъ, казывающее усиленіе достаточно обозначить разнообразіе звуковъ древняго Славянскаго языка. Обиліе формъ.
II. Памятники Кирилловскіе 1-го порядка	

III. Памятники Кирилловскіе 2-го порядка. Признаки: число знаковъ уменьшается и соотвѣтственность звуковъ слабѣетъ. Употребленіе точекъ надъ знаками не выражаетъ іотированія. Знаки ѣ и ѡ другъ друга замѣняютъ. Обиліе старыхъ формъ прошедшаго и раздѣльнаго склоненія прилагательныхъ полныхъ. Главное отличіе: повсемѣстное ѡ, ѣ, и частое ѡхъ вмѣсто ѡ.

IV. Памятники Кирилловскіе 3-го порядка. Признаки: подобно предыдущимъ число знаковъ уменьшается и соотвѣтственность звукамъ слабѣетъ. Точки надъ знаками выражаютъ іотированіе. Обиліе старыхъ формъ глагола. Главное ихъ отличіе ѡ, ѣ и ѡхъ.

V. Памятники Кирилловскіе 4-го порядка, съ признаками смѣшанными такъ, что въ нихъ повторяются и самыя древніе знаки. Скудость старыхъ формъ глагола.

VI. Памятники Кирилловскіе 5-го порядка. Русская рецензія. Признаки извѣстны.

VII. Памятники Кирилловскіе 6-го порядка. Главныя признаки е вм. ѡ и ѡ вм. ѡ. Сербская рецензія.

Обративъ вниманіе на количество этихъ разрядовъ, можно задать себѣ вопросъ, какъ слѣдовали они за собою и какіе памятники можно отнести къ первымъ двумъ разрядамъ? Не почитаю возможнымъ дать себѣ ясное понятіе о преемственности этихъ разрядовъ, предварительно скажу только, что, по моему мнѣнію, памятники III и IV разрядовъ могли возникнуть въ XI и XII столѣтіяхъ, памятники V разряда получили начало въ XIII столѣтіи, что Русская рецензія образовалась уже въ XI столѣтіи, но что Сербская рецензія не ранѣе Русской, а напротивъ гораздо позже, и могла возникнуть въ концѣ XII

*) См. Примѣчаніе 1-е.

или началѣ XIII столѣтія. Признаки этихъ разрядовъ, равно какъ и признаки ихъ видовъ можно доказать только подробнымъ описаніемъ, и это, быть можетъ, успѣю сдѣлать при возможныхъ мнѣ пособіяхъ. Чтобы однакожь яснѣе опредѣлить характеръ позднѣйшихъ рецензій, необходимо еще прилѣжно наблюдать древнѣйшіе памятники, и поэтому, отвѣчая на вопросъ, какіе памятники можно отнести къ двумъ первымъ разрядамъ, позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ ихъ характерѣ и представить образецъ одного изъ нихъ.

ГЛАГОЛЬСКІЕ.

I. Листки графа Клоца, заключающіе въ себѣ: 1) Слова Св. Іоанна Златоустаго: а) въ предѣлю цѣтную, б) слово на Юднѣ предательство; 2) Слово Св. Епифанія на погребеніе Христа Спасителя, въ Тридентѣ. *)

2. Евангеліе предѣльное 4°, привезенное Ассеманіемъ изъ Синайскаго монастыря, въ Ватиканѣ. **)

3. Евангеліе по Евангелистамъ 8°, въ Афонскомъ монастырѣ Зографѣ.

4. Евангеліе по Евангелистамъ, находившееся въ Афонскомъ скитѣ Пресвятыя Богородицы, нынѣ у Григоровича, въ Казани. ***)

5. Листокъ Евангелія предѣльнаго 4°, находившійся въ Охридѣ, нынѣ у Григоровича, въ Казани.

6. Листокъ посланія Св. Апостола Павла, приклепанный къ Номоканону 1265 года, находившемуся прежде въ Скопѣ, теперь у Консула Михановича.

7. Листки обрѣзанные, заключающіе въ себѣ поученіе, были наклеены на Кирилловской рукописи, находящейся въ монастырѣ Св. Іоанна Рыльского; нынѣ у Григоровича въ Казани.

КИРИЛЛОВСКІЕ.

1. Евангеліе Остромирово 1057 года въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

2. Сборникъ царя Симеона, fol., переписанный для князя Святослава въ 1073 году, въ Синодальной Библіотекѣ.

3. Сборникъ, писанный въ 1076 г. 16°, въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

4. Псалтырь съ толкованіемъ Аонасія Александрійскаго 4°, у Академика М. П. Погодина, въ Москвѣ. ****)

*) См. Примѣчаніе 9-е.

**) См. Примѣчаніе 10-е.

***) См. Примѣчаніе 11-е и 12-е.

****) См. Примѣчаніе 3-е.

5. Листки Псалтыря съ толкованіемъ Θεодорита, у Академиковъ Кеппена и Погодина. *)

6. Слова Григорія Назіанзскаго, числомъ 13, 4°, въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

7. Житія Святыхъ и слова Св. Іоанна Златоустаго, въ Люблинѣ. **).

8. Листки изъ житія Св. Кондрата у Академика Погодина, въ Москвѣ.

9. Листки изъ житія Св. Великомученицы Оеклы, у Академика Погодина.

10. Каноны Святымъ, 4°, въ Софійской Новгородской Библіотекѣ.

11. Аптіоха Пандектъ въ Новоіерусалимской библіотекѣ, близъ Москвы.

12. Кирилл Іерусалимскаго огласительныя поученія (два листка, конецъ третьяго и начало четвертаго ученія) у Григоровича, въ Казани.

Наблюдая признаки этихъ памятниковъ, нельзя не замѣтить, что характеръ ихъ не одинаковъ. Объяснить все причины этого несходства трудно, но, какъ мнѣ кажется, возможно при постоянномъ соображеніи ихъ взаимнаго отношенія. Конечно въ глаголитскихъ рукописяхъ различія это не столько значительно; оно однакожъ замѣтно при сличеніи памятника, показаннаго подъ числомъ 1-мъ, съ слѣдующими. За то въ Кирилловскихъ памятникахъ несходство такъ значительно, что необходимо, кажется, изслѣдованіе его по самымъ образцамъ. Наблюдая, сколько мнѣ возможно было, разницу этихъ памятниковъ, я заключилъ бы, что она произошла отъ того, что большая часть упомянутыхъ Кирилловскихъ рукописей, несомнѣнно очень древнихъ, писана уже подъ вліяніемъ другаго нарѣчія; другія, хотя, по видимому, носятъ древніе признаки, въ дѣйствительности гораздо позже; наконецъ, третьи суть такіа, при которыхъ переводчикъ или писецъ сознательно соображалъ о точнѣйшемъ выраженіи чисто Славянскихъ звуковъ. Выражаясь опредѣлительнѣе и примѣняя сказанное къ упомянутымъ Кирилловскимъ рукописямъ, я почелъ бы рукописи подъ числами 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, хотя несомнѣнно древними, но переписанными уже въ Россіи, слѣдственно съ признаками нашего нарѣчія, рукописи подъ числами 4 и 11, не смотря на древніе признаки, почелъ бы принадлежащими къ разряду V-му, т. е. къ той Болгарской рецензіи, которая

*) См. Примѣчаніе 4-е.

**) См. Примѣчаніе 9-е.

возникла уже въ Терновѣ; но рукописи подъ числами 7 и 12-мъ не только древнѣйшими, но и непосредственно писанными на мѣстѣ перевода. И такъ два только Кирилловскихъ памятника могли бы служить образцомъ при опредѣленіи характера древнѣйшихъ рукописей втораго порядка. По нимъ преимущественно можно бы было соображать какъ отношеніе Кирилловскихъ рукописей къ глаголитскимъ, такъ и характеръ прочихъ рукописей перваго порядка, и наконецъ предполагать о преемственности выше показанныхъ разрядовъ.

Всматриваясь, однакожъ въ способъ ихъ писанія, легко замѣтить и въ этихъ двухъ памятникахъ нѣсколько замѣчательныхъ различій. Это различіе состоитъ въ употребленіи знаковъ а и ѿ, иѿ, ѿ, ѿ, ѿ. Думаю, оно возникло отъ особенныхъ соображеній, касающихся выраженія Славянскихъ звуковъ. Ознакомленіе съ ними, будетъ важно не только для палеографическихъ цѣлей, но и для предварительнаго объясненія исторіи языка, достигаемаго сравнительнымъ изученіемъ образцовъ. Имѣя это въ виду и зная, что образцы памятника числ. 7 извѣстны уже ученымъ, почелъ я необходимымъ изданіе памятника числ. 12. Онъ найденъ мною въ монастырѣ Хиландарскомъ въ башнѣ (пиргѣ) св. Саввы. Въ храмѣ темнаго подвала я нашелъ эти два листка, заключающіе часть 3-го и начало 4-го поученія св. Кирилла Іерусалимскаго *), къ несчастію оборванные съ концовъ и продавленные по серединѣ. Поэтому, издавая текстъ ихъ, я вынужденъ былъ дополнить его изъ рукописи XVI ст., доставленной мнѣ позже въ Казани. Для лучшаго разумѣнія его я прибавилъ текстъ Греческій и краткія замѣчанія. Замѣчанія эти, хотя маловажныя, я почелъ необходимыми, какъ матеріалъ для соображеній о грамматическомъ устройствѣ языка древнѣйшихъ памятниковъ Славянскихъ.

Признаки этой рукописи суть слѣдующіе:

Знакъ ˘ ставится надъ гласными чистыми и іотированными, когда онъ слѣдуетъ за гласными, напр. оученій, кожеѣ, можаѣше; также надъ согласными, быть можетъ замѣняя собою ѣ, напр. пѣшница.

*) Почитаю необходимымъ замѣтить, что еще въ XVI стол. полная рукопись древняго текста сего Славянскаго перевода была извѣстна ученымъ издателямъ Кирилла Іерусалимскаго. Ученый А. А. Toultée въ Парижскомъ изданіи сего Святителя, стр. 2, ст. V, говоритъ: *Prima Cyrilli editio videtur ea fuisse, quam Jacobus Uchanski archiepiscopus Gnesnensis, regniue Poloniae Primas, cum Grodecio communicavit. Ille Catecheses Sclavonum idiomate conscriptas ex Macedonia et Bulgaria nactus fuerat et in Polonicam linguam transtulerat annis pluribus* и пр. Ср. Востокова Опис. Рум. Муз. стр. 244.

кроткоѣ обложеніи кожанѣ и образѣмъ безлюбивѣ прѣ-
льщанѣще тѣмашнѣмъ печестѣмъ отъ зжбѣ обливаетъ подо-
мѣмъ *тѣмъ же трѣбѣ намъ есть Божию* благодать и оумъ трезвыи
и видлици очи. да не и зизаныи ꙗко ишениѣмъ идѣше невѣдѣ-
ствомъ врѣдѣни бждемъ ни вѣтка овѣцѣмъ мнѣвѣше оуидѣни бж-
демъ ни ангѣла благотворива дѣвола пенгшевавѣше пожрѣти
бждемъ обходитъ бо ꙗко лѣвъ ревыи ꙗща кого пожрѣть по
книгамъ сего ради прѣкы наказаетъ сего ради пѣнѣшыѣмъ оучи-
тельства сего ради почитаниѣмъ вѣчѣстнѣмъ же образъ отъ дѣвоѣго
сего съетойтъсѣмъ оучении добротѣстѣныи и дѣшнѣмъ блгѣмъ да
ни оучении правѣмъ вѣрѣмъ бездѣлѣ блгѣмъ приатѣна бѣу. ни
дѣла творимѣмъ безблаготѣстѣнѣмъ оучении приатѣна сжѣтъ
отъ бѣмъ кѣмъ бо полѣзѣѣ еже вѣдѣти о вѣзѣмъ правѣмъ оучении
добрѣмъ ꙗ бжѣдѣ дѣшнѣмъ срамѣнѣмъ котерѣмъ же пакы оуспѣхъ цѣло-
мѣдровати добрѣмъ хоуловати же печестѣмъ. Велико оубо ѣсть
притажаніе правотѣрѣнѣмъ оучение навѣченѣмъ да трѣбѣ
ѣсть трѣзѣмъ дѣшнѣмъ ꙗмъ же мнѣмъ сжѣтъ крадовѣдѣмъ фило-
софнѣмъ и тѣщѣмъ лѣстнѣмъ.

Утверждая, что характеръ Кирилловскихъ рукописей по-
силь извѣстные признаки, руководствуюсь личными своими на-
блюдениями и наблюдениями извѣстныхъ ученыхъ. Хотя они
мелочные, не могу однакоже не привести нѣкоторые изъ нихъ,
какъ доказательство, что сужденіе мое имѣетъ основаніе. *)

1. По отношенію Остр. Ев., см. Миклошича статью въ
Jahrb. der Litter. 119. 1847 г.

2. Сборникъ царя Симеона носитъ признаки Русскаго пи-
сца въ перестановкѣ *ж* и *а*, *ѣ* и *я* (напр. исцѣлѣмъ, кѣмъ, под-
вигошасѣмъ), *оу* и *ж* (примѣровъ множество), въ писаніи *ѣ.и*, *ѣр*,
вм. *ѣѣ*, *рѣ*.

3. Сборникъ 1076 г. обилуетъ такъ признаками Русскаго
нарѣчія, что нѣкоторые ученые почли его позднѣйшимъ. Въ
немъ, кромѣ замѣны *ж* и *ж* обычной и перестановки *рѣ* и *ѣѣ*
встрѣчается уже знакъ *ѣ* **) и Русское полногласіе, напр.
поровѣ, веремѣ и пр.

5. Доказательствомъ того, что листки Псалтыря Акаде-
миковъ Погодина и Кенпена переписаны подъ вліяніемъ Рус-
скаго нарѣчія, можетъ служить частое постановленіе *ѣ* вм.

*) Нумерация сообразована съ порядкомъ вышесказанныхъ ру-
кописей.

**) См. примѣчаніе 7-е.

οὐμὴν καὶ ὄνυχας καὶ ὀδόντας. ἀλλὰ τὴν ἡμέραν περι-
κείμενοι δοράν, καὶ τῷ σχήματι τοὺς ἀνδράς ἀπατῶν-
τες, τὸν φθοροποιὸν τῆς ἀσεβείας ἐκ τῶν ὀδόντων πρό-
σχεουσιν ἰόν. Χρεία τοίνυν θείας ἡμῖν χάριτος, καὶ
νηφαλὴς διανοίας, καὶ βλεπόντων ὀφθαλμῶν. ἵνα μὴ
ξίανον ὡς σῖτον φαγόντες, ἐξ ἀγνοίας βλαβῶμεν
μῆτε τὸν λύκον πρόβατον ὑπολαμβάνοντες, ζηρεσθῶμεν
μῆτε ἄγγελον ἀγαθοποιόν, τὸν ὀλεστροποιὸν διάβολον
ὑποπτεύσαντες, καταποθῶμεν. περιέρχεται γὰρ ὡς
λέων ὠρυόμενος, ζητῶν τίνα καταπίη, κατὰ τὴν γρα-
φὴν. Διὰ τοῦτο ἡ Εκκλησία νοῦσεται, διὰ τοῦτο τὰ ἀνα-
γνώσματα γίνονται. Ὁ γὰρ τῆς ἡσεσεβείας τρόπος ἐκ δύο
τούτων συνέστηκε, δογμάτων ἐυσευδῶν, καὶ πράξεων ἀγα-
θῶν. καὶ οὕτε δόγματα χωρὶς ἔργων ἀγαθῶν εὐπρόσδεκτα
τῷ Θεῷ. οὕτε τὰ μὴ μετ' εὐσεβῶν δογμάτων ἔργα τελού-
μενα. Προσδέχεται ὁ Θεός. Τὲ γὰρ ὄφελος, εἰδέναι μὲν τὰ
περὶ Θεοῦ δόγματα καλῶς, καὶ πόρνευειν αἰσχροῦς; τί δ'
αὐτὸ πάλιν ὄφελος σωφρονεῖν μὲν καλῶς, καὶ βλασφημεῖν
ἀσεβῶς, μέγιστον τοίνυν κτήμα ἐστὶ, το τῶν δογμάτων
μάτημα. καὶ χρεία νηφαλὴς ψυχῆς, ἐπειδὴ πολλοὶ εἰσιν
οἱ συλαγωγούντες διὰ τῆς φιλοσοφίας καὶ κενῆς ἀπάτης.)

и, напр. моленѣмъ, уелѣмъ ѣ, стр. 20. Чюдеса твоѣмъ, Гос-
поднѣмъ, прѣкы велѣмъ и проч.

6. Слова Григорія Назіанзина, удерживая болѣею частію
особенности древняго извода, тѣмъ не менѣе обилуютъ подоб-
ными признаками. Слова какъ: доброю, моукою, зовоущѣмъ,
имѣютъ, стр. 373 и проч.

8. Листки житія св. Кондрата, признанные чрезвычайно
древними, не чужды вліянія Русскаго нарѣчія: заповѣди прѣмъ, р.
п. ед. ч.; отвѣщающоу, кретнанѣмъ, дат. п.

9. Тоже самое представляютъ листки житія св. Оеклы.

*) Замѣчанія: 1) близость перевода: προς κολοσσαεῖς отъ къ ко-
лоссаанскаго; 2) слово: трѣбѣ съ им. падеж. χρεία νηφαλὴς ψυχῆς
трѣбѣ трѣзѣмъ доушѣ; 3) имена сложные склоняются обоюду: до-
брѣидѣтели; 4) прилагат. вѣмъ. род. Греч. τῶν ἀνθρώπων чѣмъ, тѣ
хѣмъ мнѣмъ, φωτός свѣтъмъ, προβάτων овѣмъ; 5) творитель-
ный падежъ именъ сред. па. не: оустроеннѣмъ; 6) творит. вѣмъ. Греч.
род. съ предл. ἐξ: ἐξ ἀγνοίας невѣдѣмъ; 7) переводъ Греческ.
причастія съ членомъ: ὁ συλαγωγῶν крадовѣмъ: μὴ τίς ἐστι ὁ συ-
λαγωγῶν ὅμѣс да кѣто естъ крадовѣмъ вѣмъ; 8) переводъ страдат.
глагол. Греч. νομιεσθῆναι мнѣмъ быти; 9) переводъ аорист. согласат.
наклон: βλαβῶμεν врѣдѣмъ, καταποθῶμεν пожрѣти бждемъ,
ζηρεσθῶμεν оуидѣни бждемъ, praeda fiamus; 10) Оже съ неопред.
наклоненіемъ кажется только для перевода неопредѣленныхъ Греч.
усиленныхъ частицами, напр. εἰδέναι мѣмъ еже вѣдѣти. 10) котерѣмъ—
мѣстоим. въ значеніи Латинскаго uter.

Въ нихъ перестановки — *зр* вмѣсто *рз*: свѣрже, двозѣрпъ, а; *вм*, *н*: всѣа страна, *вм*, *вса*; *ю* и *ж*: истѣю, *вм*, *истѣж* — достаточно указываютъ на образъ писанія.

10. Приводимыя мною въ первый разъ подл. числ. 40 капоны святымъ, безспорно принадлежатъ къ примѣчательнѣйшимъ памятникамъ Церковно-Славянской литературы. Что онѣ въ Россіи переписаны, доказываетъ, кажется мнѣ, и слѣдующее свидѣтельство: поутата псалъ да че криво да исправите а не кльните. Заключая въ себѣ признаки древнѣйшихъ рукописей, они не чужды обычнаго смѣшенія *ж* и *ю*, *а* и *я* и пр.

11. О пандектѣ Антиоха сужу по общимъ соображеніямъ, что онъ вмѣстѣ съ 4-мъ ч. принадлежитъ къ XIII столѣтію.

Представленное мною дѣленіе рукописей на разряды основывается на наблюденіяхъ, повѣряемыхъ небольшимъ собраніемъ рукописей, находящихся у меня. Въ поясненіе рукописей третьяго разряда, можетъ служить псалтырь, хранимый въ Болоньи. Такихъ рукописей случилось мнѣ видѣть на югѣ нѣсколько; я могу представить образцы ихъ. Четвертаго разряда рукописи еще чаще. Онѣ потому примѣчательны, что служили, кажется мнѣ, главнымъ образцомъ для Сербской рецензии. Думаю даже, что онѣ были въ употребленіи въ Сербіи въ то время, когда она управлялась Болгарскими Архіепископами. Наконецъ пятый разрядъ принадлежитъ, какъ мнѣ кажется, къ тому времени, когда, съ возстановленіемъ патриархата въ Тръновѣ, предпринималось было исправленіе книгъ церковныхъ, т. е. къ XIII ст. Этотъ разрядъ имѣетъ нѣсколько видовъ. Во всѣхъ замѣтны слѣды стараго на ряду съ новымъ писаніемъ и стремленіе писать по какимъ-то составленнымъ правиламъ. Конечно, чтобы справедливо судить о языкѣ позднѣйшихъ рукописей, надобно еще отчетливо знать различіе самыхъ древнихъ. Знаніе это пріобрѣтается продолжительнымъ и повторительнымъ наблюденіемъ. Вотъ почему я не позволилъ себѣ входить въ подробности при показаніи признаковъ представленныхъ разрядовъ. Чтобы однакожь до нѣкоторой степени оправдать сказанное мною, позволю себѣ представить слѣдующій отрывокъ. Онъ заслуживаетъ вниманія и по содержанію своему. Онъ найдень былъ въ монастырѣ Зографскомъ при рукописи, сверху и снизу изгнивающей. Къ сожалѣнію, я не могъ подробно рассмотреть его; потому что онъ почти не былъ въ моихъ рукахъ: мнѣ даны были лишь верхнія его страницы. Изъ нихъ одна совсѣмъ изгнила, другая читается. По нимъ заключаю, что эта была служебная мишень съ краткими житіями святыхъ.

На листкѣ, находящемся у меня, помѣщена служба св. Клименту папѣ. Замѣчательно, что между тропарей сему святому вставлены похвалы Петру, царю Българскому. Внизу, подл. краткимъ житіемъ св. Климента, помѣщенъ синаксарь на день, кажется, 25 Ноября или 30 Генваря, такъ: «страсть сѣго мжч. Иполита, папы римскаго и дружинны его и страсть стого мѣшик.... сѣго Савлира и сѣго мчч. Оеофилъ. Въ тѣ дѣи памать прѣдѣнаго оца нашего Петра царѣ Българскаго».

А. Х. Востоковъ, въ описаніи Пролога XIV стол. (см. О. Р. М. стр. 449), въ которомъ также упомянуто имя Петра, царя Българскаго, предполагаетъ, что подл. симъ именемъ можно съ большею вѣроятностію разумѣть Калопетра, умершаго 1189 г. Мнѣ кажется, что упоминаемый въ синаксарѣ Петръ могъ быть сынъ Симеоновъ, умершій 966 г. На это намекаютъ слова похвалъ, называя Петра меньшимъ изъ братій, согласно до нѣкоторой степени съ повѣствуемымъ объ этомъ продолжат. Георгій Гамарт. *)

Не разсуждая болѣе о содержаніи сего отрывка, представляю часть его какъ образецъ одного изъ видовъ разряда пятого рукописей Славянскихъ.

Петроу Црю.

Икоже прѣжде възлюби миромъ пребывати въ жити своемъ тако и нинѣ намъ ѣтвами къ Бѣу страны всѣа оумпри. Оускори Петре бѣче прѣтн. видж великжъ бѣдж належжщжъ на ны. ѣтвами своими то оуже са сѣло кончаемы.

Ты ѣвнса намъ звѣзда свѣтлаа. избокоу земноу вснѣвъ въ лѣта послѣднѣа. тѣжъ всѣка разгона* съпротивнааго врага.

Оустны грѣшныи окоушающеса похвалити немогжъ по лѣпотѣ добротѣ твоѣ Петре Црю. тѣмже молимтиса дароун на хвалж слово....

Пръвыи родъ процвѣтеть* такоже пророкъ прорече* слава и богатство въ домоу....вда его въ вѣкы се

) Къ поясненію тропарей представляю выписку, сдѣланную мною въ Вѣнѣ, изъ рукописи Гамарт. л. 202 об. Симеоны болгарскыи кнезь скончасе, Петра сѣа своего на своимъ постави мѣстѣ, иже бѣ ѣмоу сынъ ѣ вторые жены, сестры Георгина соурсовула. ѣгоже и ѣстоуна и повелителя своимъ чедомъ Симеонъ постави и Михаилъ иже отъ пръвые ѣмоу жены пострижесе мнхъ, Иѣаннъ и Венѣаминъ Петрова братнѣа ѣще содѣлаа пошаахоу българска.

При семъ почитаю нужнымъ извѣстить, что жизнеописаніе сего Петра было сочинено Теофилактомъ, Архіепископомъ Болгарскимъ, и находится вмѣстѣ съ прочими напечатанными сочиненіями сего Свяителя въ Медиоланской Амброзіанской Библіотекѣ; Ср. Fabr. Biblioth. Græca ed. Harl. T. VII p. 598, гдѣ показано Theophylact: Dialogus de rebus naturalibus ad Petrum Bulgariae regem, item Vita ejusdem regis.

Проповѣди тѣ владыка ꙗко оуѣша въ брати сѣща мышииѣ ꙗко дѣда помазавъ. порожни земля сѣѣ. съблюдати всѣко ѿ напасти.

Възвѣстоу ты сѣмѣнииѣ сѣѣ цркви своѣ създа на камени оутвѣрдивъ вѣроѣ съпротивилииѣ рѣкамъ възбраниѣ.

Соображая особенности сего отрывка и сравнивая его съ особенностями другихъ, нахожу что онъ состоитъ въ повтореніи старыхъ свойствъ на ряду съ новыми. Въ другихъ находятъ ѣ, ѣж, ѣи, ѣа, ѣи и прочіе знаки. Рукописи съ такими приѣтами доказываютъ желаніе возстановить свойства древняго языка по теоріи, но не по природному чувству, которое давно уже не сознавало соответственности звуковъ съ разнообразными знаками древнихъ рукописей.

Постоянно наблюдающему исторію древняго Славянскаго языка, быть можетъ, посчастливится выразить это яснѣе. *)

*) Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣтившихся въ обонхъ листкахъ поученій Кирилла Иерусалимскаго:

Аще бо — εἴχαρ.	Къде — ποῦ.
Благодать — χάρις.	Кънига — γράφη, по книгамъ =
Блѣдъ — βλέπω, блѣдѣте — βλέπετε.	каτὰ τὴν γράφην.
Блѣдъ дѣлати — πορευεῖν.	Къ тому — λοιπὸν.
Бо — γάρ.	Лѣсть — ἀπάτη, лѣстижъ — διαπάτης.
Власть — ἐξουσία.	Лѣвъ — λέων.
Врѣхоу — ἐπάνω.	Навычѣние — μάθημα.
Въкоушение — γεύσις.	Наказати — νοθεύειν.
Вълазити — κατέρχεται.	Наказаетъ — νοθεύει.
Вълазити — κατέρχεται.	Наковальню — ἀκρίον.
Въ малѣ — μετ' ὀλίγον.	Настѣжити — πατεῖν.
Да — καὶ, да требѣ — καὶ χρεία.	Небрѣжъ — καταφρονῶ.
Да аще — ἔτι.	Небрѣгы — καταφρονῶν.
Да кѣто — μήτις.	Невѣдство — ἀγνοία.
Етеръ — τίς, образомъ етеромъ =	Невѣдствомъ — ἐξ ἀγνοίας.
τρόπον τινά.	Невѣдство — ἀπιστία.
Же — δε, γάρ.	Непѣщевати — ὑποπτεύειν.
Живѣ — βίον πολιτεύομαι, живѣ-	Непѣщеваніе — ὑποπτεύσαντες.
ща — βίον πολιτεύομενος.	Не оу — οὐπω.
Заповѣди — δόγματα.	Ногѣти — ὄνυχες.
Зѣбрь — θήριον.	Нѣ пе — οὐ μὴν.
Знаменѣжъ — σφραγίζω.	Нѣпѣщѣнѣ — τὰ παρόντα.
Знаменѣвъ — σφραγίσας.	Нѣжити — βιάζεται.
Зми — ὁ δράκων, ὄφας.	Нѣжити — βιάζεται.
Змѣвѣ — τὸ δράκοντος.	Обещаніи — κοινωνοί, оучастъ-
Зѣлоба — κακία.	ни.
Изволеніе — προαίρεσις.	Обложити — περιβάλλειν.
Изъобличѣжъ — ἐξελέγγομαι.	Обложитъ — περιβάλλει.
Изъобличѣжъ — ἐξελέγγομενος.	Обложени — περιεχόμενοι.
Кожа — βύρσα, кожа — βύρσαν.	Образъ — σχῆμα, τρόπος.
Котерѣи — кто изъ двухъ, uter;	Обрѣтити — φημιθεῖν.
въ Греч. текстѣ τι δ' αν.	Обрѣти — φημιθεῖν.
Крадоводити — συλαγαγεῖν.	Одрѣжати — κτρεσάζει.
Крадоводити — συλαγαγών.	Одрѣжавъ — κτρεσάμενος.

III.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Примѣчанія А. Х. Востокова.

1. Викт. Пав. Григоровичъ раздѣляетъ памятники Церковно-Славянскаго языка до XIV столѣтія на 7 разрядовъ, изъ коихъ въ первомъ полагаетъ памятники глагольскіе, а въ другихъ, отъ второго до седьмого, памятники кирилловскіе. Слѣдовательно, онъ считаетъ глагольскіе памятники древнѣе Кирилловскихъ; но это еще подвержено сомнѣнію, ибо ни на одномъ изъ древнѣйшихъ глагольскихъ года не показано. Остается объ древности ихъ судить по правописанію. Правописаніе Ключева глаголита сходно съ Остромировскимъ, за исключеніемъ только буквъ ѣ и ѣ, которыми нѣтъ соответствующихъ въ глаголитѣ: вмѣсто ѣ употребляется ѣ, а вмѣсто ѣ простое е. Доказываетъ ли недостатокъ этотъ болѣе или менѣе древность глагольской рукописи, отдаю на судъ другимъ.

2. Между глагольскими показаны подъ № 3 и 4 два Евангелія по Евангелистамъ, что очень замѣчательно, ежели они

Плѣвелъ — ζιζάνιον.	христианъ.
Побѣда — νίκος.	Ревжъ — ὀρούμαι.
Подобити — μιμεῖσθαι.	Ревы — ὀρούμενος.
Подобити — μιμεῖται.	Сего ради — διὰ τοῦτο.
Подѣлти — ἐνέχειν.	Стрѣкало — κέντρον.
Пожрътоу быти — καταποθῆναι.	Съвязати — δεῖναι.
Пожръти бѣдѣжъ — καταπόθωμεν.	Съвязъ — ἐδεῖν.
Пожрътежъ — καταπιῖν.	Съкроушити — συντρίψαι.
Пользѣ — ὄφελος.	Сълѣсти — καταβῆναι.
Помраченіе — ἀβλεψία.	Сълѣзъ — καταβάς.
Посълаши — Ἐπιστολή.	Съобразѣжъ — συφύτος.
Почитаніе — ἀναγνώσις.	Съподобити — ἀξιοθῆναι.
Приемлѣи — ὁ δεχόμενος.	Съподобити — ἀξιοθῆναι.
Призываніе — ἐπικλήσις.	Срамѣжъ — αἰσχρῶς.
Прижаніе — κτήμα.	Творимѣжъ — τελοῦμεν.
Причастіе — κοινωνία.	Трѣбѣ (съ им. пад.) — χρεία.
Причастіи — μετέχειν.	Тѣлѣштѣи — φθοροποιός.
Причастіи — μετέχειν.	Тѣшъ — κενῆς.
Пришестіе — παρουσία.	Тѣшѣжъ — διακενῆς.
Пригъти — ἐνπρόσδεκτος.	Оубо — τοῖνον.
Прѣдати — σχεδιάζειν.	Оужѣ — ἐτι.
Прѣдано — σχεδιασθῆν.	Оуподоблѣса — ἐξομούμενον.
Прѣлѣжати — ἀπατεῖν.	Оуспѣхъ — ὄφελος.
Прѣмѣдрость — φιλοσοφία.	Оустроеніе — καταστάσις, тѣ. над.
Прѣобразоуежъ — μετασχηματίζομαι.	каταστάσις.
Прѣобразуетъ — μετασχηματίζεται.	Оученіе — κατήχησις, δογμα.
Прѣмѣдрости — μετασχηματίζεται.	Оучительство — διδασκαλία.
Прѣмѣдрости — μετασχηματίζεται.	Оучастникъ — κοινωνός.
Прѣмѣдрости — μετασχηματίζεται.	Хоботъ — οὐρά.
Расмѣтрѣнѣжъ — διακριτικός.	Хоулъ — μικρός.
Расмѣтрѣнѣжъ — διακριτικός.	Цѣломѣдровати — σωφρονεῖν.

дѣйствительно древни; ибо между Кирилловскими рукописями Евангелія по Евангелистамъ, или четвероевангелія, вообще повѣе недѣльных, или Евангелій по днямъ, и мѣ не встрѣчалось ни одного изъ четвероевангелій старѣе XIV вѣка. Въ Румянцовскомъ Музеумѣ только одно такое Евангеліе XIV в., прочія XV и XVI вѣковъ.

3. Между кирилловскими подъ № 4 показанъ Псалтырь съ толкованіемъ Аонасія Александрійскаго, in. 4°, у Академика М. П. Погодина въ Москвѣ, и подъ № 5 листки Псалтыря съ толкованіемъ Θεодорита, у Академиковъ Кеппена и Погодина.

Сколько мнѣ извѣстно, листки Псалтыря (всего 20 листовъ) съ толкованіемъ Аонасія, а не Θεодорита, принадлежали покойному Кіевскому Митрополиту Евгенію. Два листка изъ этого отрывка подарены были Митрополитомъ Евгеніемъ П. П. Кеппену, а прочіе 18 послѣ смерти Евгенія достались М. П. Погодину. Эти листки по почерку и правописанію можно отнести къ XI вѣку. Другой полный Погодинскій списокъ Псалтыря съ толкованіемъ Аонасія повѣе предыдущаго отрывка, и принадлежитъ XII вѣку, если не XIII. Что касается до Псалтыря съ толкованіемъ Θεодорита, то мнѣ извѣстенъ одинъ только списокъ этого Псалтыря, исхода XV вѣка находящійся въ Румянцовскомъ Музеумѣ.

4. Подъ № 7, житія святыхъ и слова св. Іоанна Златоустаго, въ Люблинѣ, извѣстная Супрасльскія рукопись, изданная Миклошичемъ (*Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi*).

5. Въ Хиладарской рукописи № 12, а стоитъ постоянно вмѣсто ѣ, но въ № 7, т. е. въ Супрасльской рукописи, а служитъ вмѣсто а, а а заступаетъ мѣсто ѣ; слѣдовательно Миклошичъ столько же былъ правъ, сколько и г. Григоровичъ, основываясь — одинъ на Супрасльской рукописи, другой на Хиладарской; а которая изъ этихъ рукописей древнѣе, это еще не рѣшено. Употребленіе буквы а, принадлежащей собственно Болгарамъ, встрѣчается еще въ рукописяхъ XIII вѣка (См. описаніе рукописныхъ и печатныхъ книгъ, принадлежащихъ Авр. Серг. Норову, въ IX книжкѣ Журнала Министертва Народнаго Просвѣщенія за 1836 годъ).

6. Описывая памятникъ № 12, г. Григоровичъ говоритъ: *з* изображено знакомъ *з*. Недумаю, чтобы *з* служила вмѣсто *з*. Сія послѣдняя буква употреблена въ древнѣйшихъ рукописяхъ только какъ числительный знакъ 6-ти, а *з* значить тоже, что *з*. Слова, которыя въ позднѣйшемъ церковномъ правописаніи начинаются буквою *з*, напр. *звѣрь*, *зло*, *зміи*, здѣсь пишутся *звѣрь*, *зъло*, *зъмии*.

7. Начертаніе *к* встрѣчается не только въ Сборникѣ 1076 г., но и въ Сборникѣ 1073 г. Впрочемъ это начертаніе не есть признакъ Русскаго правописанія; ибо въ другихъ Русскихъ памятникахъ, до XV вѣка исключительно, пишется *т*. — Знакъ *к* вѣроятно возымѣлъ начало у Сербовъ. Онъ употребляется въ древнѣйшихъ Сербскихъ рукописяхъ.

8. Г. Григоровичъ употребилъ два раза старинное слово *изводъ*, въ значеніи подлинника или списка. Замѣчаемъ это для тѣхъ читателей, которымъ слово *изводъ* можетъ показаться непонятнымъ. По Словарю Миклошича, изводъ *avtografon*, *exemplar. Georg. Mon.*

II. Примѣчанія И. И. Срезневскаго.

9. Рукопись глаголитская, обозначенная В. П. Григоровичемъ подъ № 1, глаголита графа Клоца, состоитъ только изъ четырнадцати листовъ, изъ которыхъ два первыхъ заключаютъ въ себѣ безъ начала и конца слово св. Іоанна Златоустаго «на врьбнищъ», а остальные двѣнадцать: а) конецъ слова св. Іоанна Златоустаго въ великій четвергъ; б) все слово его «въ великѣхъ параскевыишъ и с) начало слова св. Епифанія «о погребеніи тѣла господи». Такое содержаніе уцѣлѣвшихъ листовъ этой замѣчательной рукописи напоминаетъ близко содержаніе другаго замѣчательнаго памятника, означеннаго Гр-емъ между кирилловскими подъ № 7, т. е. такъ называемой Супрасльской рукописи, гдѣ кромѣ житій святыхъ съ 5 по 31 Марта, заключаются, вмѣстѣ съ словами св. Іоанна Златоустаго, одно слово Кесарійскаго архіепископа Василія, одно — патриарха Фотія и одно — архіепископа Кипрскаго Эпифанія. Можно подумать, что и глаголита графа Клоца есть отрывокъ изъ такого же сборника на Мартъ мѣсяцъ, какимъ представляется и Супрасльскія рукопись, тоже оставшаяся безъ начала, безъ конца и безъ многихъ листовъ въ серединѣ. Тѣмъ легче такъ думать, что изъ четырехъ статей глаголиты Клоца три находятся въ Супрасльской рукописи и помѣщены въ одинаковомъ порядкѣ. Не достаетъ только слова «въ великую параскевыишъ», начинающагося со словъ: «Велика оубо есть тварь ꙗко отъ небытїи въ бытїе бѣи призвана». Вмѣсто этого, въ слѣдъ за словомъ въ великій четвергъ помѣщено другое, на тотъ же день, того-же св. Іоанна и потомъ его же слово: «въ сватыи патѣхъ», начинающееся со словъ: «Коньча са

оубо алчбыишии троудъ; коньча же са крестомъ». Переводы словъ Св. Іоанна Златоустаго и Св. Эпифанія въ обѣихъ рукописяхъ очень отличны. Все это будетъ предметомъ особеннаго разсмотрѣнія.

10. Ватиканское Евангеліе глаголическое, довольно подробно разсмотрѣнное Копитаромъ (какъ было указано въ статьѣ I, въ примѣчаніи), достойно обратить на себя вниманіе по смѣшенію разныхъ признаковъ и нѣкоторыхъ формъ словообразованія важныхъ по древности. Въ дополненіе къ тому, что читатель найдетъ у Копитара, привожу отрывокъ (Іоан. XIX).

(38:) Вѣно проси Іѣа у пплатѣ іосифъ иже ѿтъ аримасѣа. сѣи ученикъ Іѣвъ. таимъ же за страхъ іудеискъ. да възметъ тѣло нѣво. (39:) приде ж ѣ нѣкодѣм. прішедъи къ нѣви пощѣмъ прѣжде несѣи смѣшешѣ. змурно и алгѣино ѣко и литръ сѣто. (40:) приаєте же тѣло нѣво. и обѣсте е ризами. сѣ ароматѣи ѣко же обѣчанъ есть іудомъ погрѣбати. (41:) бѣ же на мѣстѣ иде ж и распѣасѣа врьтъ и въ врьтъ гробъ новъ въ немъ же николи же ипкто же не бѣ положенъ. (42:) ту же за параскевинъ іуденскъ ѣко близъ бѣ гробъ положѣсте нѣа.

Сравнивъ съ чтеніемъ Остромировымъ, наблюдатель замѣтитъ, кромѣ вставки слова: «іса» въ первой фразѣ и пропуска конца 38 стиха: «и повѣлѣ пплатѣ приде же и възъ тѣло нѣово»: 1) таимъ — вмѣсто — таимъ (κατακρυπμένως), за страхъ — вмѣсто — страха ради (διὰ τὸν φόβον), врьтъ — вмѣсто — вьрътъ (κῆπος); 2) приаєте, обѣсте, положѣсте — вмѣсто — приаєте, обѣсте, положѣсте (Прош. двойст. 3-е л.); распѣасѣа — вмѣсто — распѣаша (Прош. множ. 3-е л.); бѣ — вмѣсто — бѣаше (ἦν).

11. Глаголитское Евангеліе, хранящееся у В. II. Григоровича, до сихъ поръ остается совершенно неизвѣстнымъ. Вотъ отрывокъ изъ него:

— Се ізиде сѣмѣи сѣать. и бѣиетъ егда сѣаше ова падѣ на пѣти и прѣдѣ птицѣа і позобаша ѣ. а другое паде на каменьиѣмъ иде же не имѣ земля многѣи и абѣ прозѣбе зане не имѣаше глѣбѣишии земьниѣа. слыицоу же всѣиѣвишии прісѣаде. и зане не имѣше корениѣ оуеъше. и другое паде въ трѣиіи и възиде трѣиіе і пдавѣ е і плода не дастъ. и другое падѣ на земѣ добрѣи даѣше плодъ въсхода і растѣи. и прі-

плодѣ ово трѣдесѣти ово ѣ ово сѣто. и глѣаше ппѣмѣи оушѣ слышѣти да слыишѣи.

По одному этому отрывку можно судить о древности языка а слѣдовательно и о важности этой рукописи. Между прочимъ замѣтимъ здѣсь особенную форму прошедшаго простаго: ова падѣ (— αὐτὸν ἃ μὲν ἔπεσεν), и прѣдѣ птицѣа (καὶ ἦλθεν τὰ πετεινὰ).

12. Одинъ листокъ глаголическаго Евангелія В. II. Григоровича изданъ г. Миклошичемъ. Не повторяя здѣсь текста, отмѣчу то, что мнѣ кажется болѣе любопытнымъ:

— въ фонетическомъ отношеніи: ѣ и ѣ безъ различія (пропѣмъ и пропѣи; цѣсарѣ, а род. цѣсарѣ, а не цѣсара; вашѣ); — вмѣсто ѣ въ 3-мъ лицѣ един. ч. употреблено разъ j (прѣдастѣ і имъ); — ѣ въ словѣ: параскевѣиі, — с и ш употреблены равносильно въ 3-мъ лицѣ прошедшаго простаго: пріасѣа, протасѣа и сѣтворѣаша, меташа; — m вмѣсто o (лімоостротѣ, гаввата, голгота).

— въ отношеніи грам. формъ: — 1-е лице множ. повелит. накл: не прѣдерѣмъ его, нѣ метѣмъ жрѣбѣи, комоу бѣдетъ; особенное образованіе прошедшаго простаго: вѣсѣа (=вѣдоша), чисѣа (=чѣтоша), какъ и въ Ватиканскомъ: чисѣа, сѣблосѣа (=сѣбл.доша), нѣсѣа (=несоша), ѿтвѣрѣсѣа (=отвѣрѣзоша).

Изъ словъ замѣтимъ часѣ въ смыслѣ времени вообще или дня: отъ того часа (απ' ἐκείνης τῆς ἡμέρας) = Остр: отъ того дне.

Текстъ впрочемъ тотъ же что и Остромировъ, за исключеніемъ очень незначительныхъ отклоненій.

Для образца привожу стихи 21 — 24 (Іоан. XIX), которыхъ нѣтъ въ Остр. Е:

— глаголахъ же пілатовѣ архіереі іудеісѣи. не піиши цѣсарѣ іудеискъ. нѣ ѣко самъ рече цѣсарѣ есмь іудеискъ отъѣишта пілатѣ. еже пісахъ пісахъ. воіи же егда пропѣсѣа ісѣуса пріасѣа ризѣи его. и сѣтворѣаша четѣири части комоужѣдо воіноу часть і хітонъ. бѣ же хітонъ нешѣвенъ. сѣ врьхоу истѣканъ въсь. рѣша же къ себѣ не прѣдерѣмъ его. нѣ метѣмъ жрѣбѣи комоу бѣдетъ. да сѣбѣдѣтъся кѣиіи глаголишѣа. раздѣлиша себѣ ризѣи моѣа. и о матѣмъ моі меташа жрѣбѣи. воіи же оубо сѣ сѣтворѣаша.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

VIII.

Словарь Литовскаго языка г. Нессельмана.

1.

Если требованія сравнительной филологіи сколько нибудь для насъ законны, если хоть сколько-нибудь необходимо намъ, для основательнаго изслѣдованія своего отечественнаго языка и словесности познание языковъ другихъ родственныхъ народовъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, прежде и болѣе всего необходимо познание языка Литовскаго.

Шлемя Литовское, съ незапамятнаго времени занимающее юго-восточное побережье Балтійскаго моря, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Славянами Балтійскими, Польскими и Русскими, связано узами такого близкаго родства съ племенемъ Славянскимъ, что нерѣдко было разсматриваемо какъ его особенная вѣтвь: въ этомъ удостовѣряютъ изыскатели и соотношенія гражданскія, и черты ихъ правъ и быта, и всего болѣе черты языка. Родственная близость языка Литовскаго съ языкомъ Славянскимъ иногда была разсматриваема не совсемъ правильно тѣми, которые не умѣли отдѣлнить основныхъ чертъ сродства ихъ отъ слѣдовъ вліянія Славянскаго элемента на составъ и на самый строй Литовской рѣчи; но даже и въ самыхъ искусственныхъ подборахъ фактовъ, безпристрастный наблюдатель могъ видѣть, какъ испоконны связи двухъ племенъ, какъ трудно изслѣдовать одно изъ нихъ безъ пособій, представляемыхъ изслѣдованіями другаго. И Шафарикъ, уклоняясь отъ всѣхъ преувеличенныхъ заключеній, справедливо замѣтилъ, что оба племени, братски родственныя, должны быть разсматриваемы какъ двѣ вѣтви одного отщепеня, которыя только отдѣлились одна отъ другой въ слѣдствіе преобладанія чужеземцевъ и другихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Онѣ отдѣлились все болѣе, отошли наконецъ такъ, что теперь, послѣ воссоединенія уже увидѣвшихъ отраслей Литвы съ широкораскинувшимся, роскошнымъ деревомъ Славянъ, люди, первоначально родные, почти не узнаютъ своей кровной связи и считаютъ себя другъ для друга чужими; но не такими должны представляться вниманію опытнаго наблюдателя.

Нельзя не пожалѣть — говорить еще Шафарикъ — что древности (скажемъ: и особенно языкъ) народовъ Литовскихъ, до сихъ поръ только изрѣдка, или безъ большаго успѣха, были предметомъ изслѣдованія ученыхъ Славянскихъ, которые бы должны были — особенно Русскіе и Поляки — и наклонить и способнѣе всѣхъ другихъ къ этому дѣлу ихъ отечественной науки.

Особенно важно для насъ изученіе языка и преданій Литовцевъ; но къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи ни Рус-

скія, ни Польская литература не представила ни одного труда, достойнаго вниманія, оставаясь бѣднѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ отношеніи. Есть надежда, что одинъ изъ нашихъ ученыхъ, столько же даровитый, сколько пученый, украситъ нашу филологическую литературу образцовымъ трудомъ о языкѣ Литовскомъ; но пока эта надежда исполнится, мы все еще принуждены будемъ обращаться къ трудамъ иностранцевъ. — Обозначимъ здѣсь главные изъ нихъ.

Шлемя Литовское представляется теперь раздѣленнымъ на двѣ отрасли: Литовскую и Леттскую, или Латышскую, въ числѣ 2.000,000 съ небольшимъ.^{*)}

Литовцы, въ числѣ 1.150,000, обитаютъ: а) въ восточной части области Пруссіи, гдѣ ихъ находится около 250,000 и б) въ губерніяхъ Августовской, Ковенской и Виленской, гдѣ ихъ съ тѣми немногими, которые живутъ въ губерніяхъ Гродненской и Курляндской, около 900,000. Нарѣчіе Литовское, къ которому принадлежитъ и отгѣнокъ Жмудскій и Шамантскій, очень важно по многимъ чертамъ древности, которыя даютъ ему право на одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ между языками Индо-Европейскаго происхожденія. Лучшія пособія для изученія ихъ нарѣчія составили Х. Г. Милке (*Anfangsgründe einer Littauischen Sprachlehre* и *Littauisch-deutsches und Deutsch-littauisches Wörterbuch*: оба въ Кенигсбергѣ. 1800), и Ф. Куршамъ (*Beiträge zur Kunde der Littauischen Sprache*. 2 книжки: Königsberg. 1843 и 1849).

Летты, или Латыши, въ числѣ 870,000, обитаютъ въ губерніяхъ Курляндской, Инфляндской и Витебской и кромѣ того немногіе въ Петербургской, Псковской и Ковенской. Нарѣчіе Леттское отчасти отъ утраты древнихъ своихъ принадлежностей, отчасти отъ смѣшенія съ другими языками, далеко не такъ важно для филолога, какъ нарѣчіе Литовское; впрочемъ и оно представляетъ важные матеріалы для разработкы вопросовъ сравнительной филологіи. Лучшія пособія для Леттскаго нарѣчія принадлежатъ Г. Ф. Шмидеру (*Lettische Grammatik* Mitau. 1783. *Lettisches Lexikon*. 2 части. Mitau. 1789. Riga. 1791.), О. Розенбергери (*Formenlehre der Lettischen Sprache*. Mitau. 1830. *Das lettische Verbum auf's Neue dargestellt*. Dorpat. 1843.), А. Веллиу

^{*)} Изслѣдованіе о народонаселеніи Литовскомъ Академика П. Н. Кеннена появилось недавно въ *Mélanges Russes, tirés du Bulletin historique-philologique de l'Académie Impériale*. S. Ph. 1851. II. стр. 1—22. Тому же писателю обязаны мы и сочиненіемъ: «О происхожденіи, языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ (въ Матеріалахъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи. III. СПб. 1827, стр. 151—234) и подробнымъ указаніемъ границъ края, обитаемаго Литовцами въ Этнографической картѣ Россіи (См. Извѣстія, стр. 68). Лучшія изслѣдованія о древностяхъ Литовскихъ принадлежатъ Шафарику (*Slowanské Starožitnosti*. § 19) и К. Цейцу (*Die Deutschen*. München. 1837. стр. 267 и слѣд. и 667 и слѣд.).

(Beiträge zur Lettischen Sprachkunde. Mitau. 1828) и Г. Гессельбергу (Lettische Sprachlehre. Mitau. 1841).

Кромѣ этихъ двухъ нарѣчій, еще до сихъ поръ живущихъ въ народѣ, есть и еще одно, нарѣчіе Пруссовъ, уже угасшее въ жизни народа, перемѣнившего свой родной языкъ на языкъ своихъ побѣдителей — Пѣмцевъ, но тѣмъ неменѣе сохранившееся въ немногихъ памятникахъ — преимущественно XVI вѣка. Это нарѣчіе, хотя и не сохранило, подобно Леттскому, многихъ изъ своихъ древнихъ принадлежностей, однако и оно занимательно для изслѣдователя, и поэтому издавна обратило на себя вниманіе ученыхъ. Не упоминая о трудахъ прошедшаго столѣтія, замѣтимъ прекрасныя изслѣдованія *Северина Фатера* (Die Sprache der alten Preussen. Braunschweig. 1821) и Г. *Нессельмана* (Die Sprache der alten Preussen an ihren Ueberresten erläutert. Berlin. 1845).

Кромѣ этихъ специальныхъ сочиненій для того, кто желаетъ ознакомиться съ языкомъ Литовскимъ съ точки зрѣнія сравнительно-филологической, любопытны труды Н. *Болен* (Ueber die Sprache der alten Preussen в 1-й части Geschichte Preussens I. *Фойхта*. 1827. стр. 709 и слѣд.) и А. *Номма* (De Littuano-Borussicae in Slavicis Letticis-que linguis principatu. Halis. 1837. Commentatio de linguarum Letticarum cum vicinis nexu. Halis. 1841). Нѣсколько любопытныхъ замѣчаній, относительно Литовскаго языка, высказано кромѣ того Я. *Гриммомъ* въ его Geschichte der Deutschen Sprache, *Дифенбахомъ* въ его Lexicon comparativum, и пр. Между трудами этого рода особенно желательно было бы видѣть трудъ Славянина; потому что Славянину нужнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и гораздо легче и удобнѣе понять смыслъ Литовской рѣчи, чѣмъ какому другому Европейцу. Такой трудъ приготовляемъ былъ покойнымъ *Прейсомъ*; но, къ сожалѣнію, далеко не доведенъ до конца. Къ числу этихъ пособій прибавилось еще одно, во многихъ отношеніяхъ несравненно болѣе важное, чѣмъ всѣ предшествовавшія. Это

— Wörterbuch der Littauischen Sprache von G. H. Fr. *Nesselmann*. Königsberg 1831 (8°: XI—556).

Желая представить читателямъ объ этомъ трудѣ мнѣніе основательное и безпристрастное, мы обратились къ С. П. *Микуцкому* — одному изъ нашихъ лучшихъ знатоковъ Литовскаго языка и древностей, тому ученому, отъ котораго мы въ правѣ ожидать образцоваго труда о языкѣ Литовскомъ, — и получили отъ него статью, здѣсь представляемую.

2.

Записка С. П. *Микуцкаго*.

«Вещь очень тяжелая и трудная — составить словарь и въ особенности словарь такого языка, каковъ Литовскій, языка древняго, чрезвычайно богатаго, неустановившагося въ литературныхъ памятникахъ и потому обиль-

наго выраженіями, принадлежащими исключительно одной мѣстности. Легко понять, сколько стоило работы г. *Нессельманну* изъ скудныхъ, небрежно и безо всякой критики написанныхъ собраній словъ составить нѣчто цѣлое. Нельзя не поблагодарить г. *Нессельмана* за его трудъ. Однако прискорбно видѣть въ его словарѣ много ошибокъ, много пробѣловъ, и еще прискорбнѣе подумать, что долго ученые будутъ пользоваться Словаремъ г. *Нессельмана*, ссылаясь на него — и къ старымъ ошибкамъ прибавлять новыя, тогда какъ каждый день стираетъ съ лица земли что-нибудь коренное, чисто-Литовское, какойнибудь обломокъ времени первоначальныхъ. Кто понимаетъ значеніе языка Литовскаго и дорожитъ истинною даже въ мелочахъ науки, тотъ конечно не упрекнетъ меня за то, что я, не распространяясь въ праздныхъ похвалахъ трудолюбію г. *Нессельмана*, которому отдаю полную справедливость, постараюсь исправить нѣкоторыя его ошибки и пополнить нѣкоторые пробѣлы его словаря.

Изъ многочисленныхъ ошибокъ, вкрапившихся въ его трудъ, привожу только болѣе значительныя:

Стр. 3, столб. I въ словарѣ *Ness. akigiv's prigeres* вмѣсто *iki giwu prigeres*.

Отъ глагола *dieiti* (класть, ставить) происходитъ приставка *die*, напр. *awis* — овца, *awidie* — овчарни (пропущено у *Ness.*); *pelus* — полоза, *peludie* — мѣсто, куда ссылаютъ полозу; *alus* — пиво, *aludie* — погребъ (= Польск. *piwnica*): у *Ness.* (5, I) неправильно: *aludē Biertonne*.

Atrajoti (12, I) должно быть отнесено къ *at-ryti* (440, I).

Ajhwaras (14, I) называется также *ajczwaras* и происходитъ отъ глагола *ajczoti* — рыгать, стонать (пропущ. у *Ness.*), потому что это мнѣніе сущее, по мнѣнію просто-народія, приносятъ въ домъ къ своему хозяину и изрыгаетъ изъ себя разныя сокровища.

Глаголь *igiti* составленъ изъ предлога *i* (ѣ) и глаг. *giti*, и значить *наживать*; у *Ness.* (24, I) онъ упомянутъ какъ коренной и сравненъ съ *jegiu*.

Лит. *ida* значить *порокъ*: *moteris tur idā szneketi* — женщины имѣютъ порокъ болтать; у *Ness.* (24, I) *idas* *Insekt*, *Ungeziefer*, *Gewümm*.

Jnas, ж. *ina* значить: настоящій, сущій, истинный: *inas Letuwninkas* — настоящій Литовецъ; *ina pasaka* сущая сказка; *inas werszis* — бранное выраженіе: сущій теленокъ. У *Ness.* (27, II): *yua odes ynas werszis* das Kalb blöckt leise.

Отъ слова *akis* — око, происходятъ глаголы *at-akti*, наст. *atanku* — прозрѣть, получить зрѣніе; *ap-akti* или *apiakti*, наст. *apianku* слѣпнуть, терять зрѣніе. Глаголь *jenku* (38, I) выдуманъ *Нессельманномъ*.

Jikku, *nujikku* (39, I) — ложное чтеніе, вмѣсто *tikti*, *nutikti*, наст. *nutinku* (102, II): *nutika ji wagint* — *zdybał go na kradzieży* (онъ засталъ его на кражѣ).

Wakszczoti (46, II) есть испорченная форма слова *wajkszczoti* (56, II) и значить: ходить, шататься.

Wimpti, многократн. *wimpszczoti*, значить *лмать*: *arklis wimp*—лошадь лягается; у Несс. (80, II) *wimszczoti mit dem Kopfe nicken, von den Pferden* и пр.

Drežle у Несс. (155, II): 1) die Deichsel, 2) der Schnarrvogel (die Wachtel); сколько мнѣ извѣстно, *drežle, drežla*, значить: ящерица, дергачъ же называется *brazla*.

Орудіе для рубки, тяпка, сѣчка по-Литовски называется *szeika*, откуда и Польское *szatkować*—рубить, кропить; у Несс. ошибочно: *czeczka* (162, I), *czerka* (163, II), *czirka* (165, I), *szczeka* (514, II), *szilezka* (518, I).

Вмѣсто *kiautas* (189, II) употребляется также форма *kiauwatas, kiewatas*; у Несс. *kewalas* (198, II), *kewalingas*.

Коренное слово *gege* (также *giage*)—кукушка, которое Нессельманъ (247, II) называетъ неупотребительнымъ, употребляется дѣйствительно, особенно въ пѣсняхъ.

По-Латышски *gows* значить корова; отсюда *говяда, говядина* и Литовское *gowada*—стадо, толпа, стая, напр. *gowada wajku*—толпа дѣтей, *gowada wilku*—стая волковъ; у Несс. *gowēdā eine Menge Kinder* (260, I).

Отъ *gulti* (ложиться спать) причастная форма *gulumas*: *gulumas wakar's, gulumas lajkas*, значить время, когда ложатся спать; у Несс. *gudummas, gudimmas* (260, II).

По-Литовски *glimus* значить клейкій, липкій, отсюда *glime*—слизень (ср. Чешск. *hlemejžd'*—улитка); у Несс. *gliasmus* (263, II), *gliumus* (265, I) *glüpfirig*.

Purpli—квакать: *warle* или *warla purpia*—лягушка квакаетъ; у Несс. (298, II) *der Frosch bläht sich*; тамъ же *rapurpes*, вмѣсто *rapurtes*—надувшийся.

Русское слово *пуля, пушка* (толстый конецъ янца), тождественное съ Греч. πυγή, перешло въ Литовскій языкъ въ формѣ *puszka, puezka*; у Несс. *tuczka* (108, II).

Pleikti, rapleikti *breit machen, breit treten* (309, I) слово выдуманное; вмѣсто: *Kojas rapleikiau beejdam's*, должно читать: *kajas raplakiau beejdam's*—я избилъ (истопталъ) ноги ходя (отъ *plakti*—бить, колотить).

Pranku, prakti *aufstechen* (312, I) ложное чтеніе, вмѣсто *praranku, prarakti* (427, I).

Селезень называется по-Литовски *zelzinas*; у Несс. изъ Ширвида выписано *selezianius* (461, II).

Г. Нессельманъ обогатилъ языкъ Литовскій многими словами Польскими и Нѣмецкими, и внесъ въ него даже Латинское *sandarila* (455, I), и слово это разъ написалъ *sandarila*, другою разъ *sandarila*, прибавляетъ: *eines von beiden ist wohl fehlerhaft*.

Вотъ нѣсколько коренныхъ Литовскихъ словъ, непомѣщенныхъ въ словарь Нессельмана *).

*) Приводимъ тутъ пропущенныя слова въ обыкновенномъ порядкѣ буквъ Латинской азбуки. Въ словарь г. Нессельмана слова

Amat's занятіе, ремесло; *amatninkas* ремесленникъ, художникъ, мастеръ. — *Antris* нескладенный боровъ. — *Aplamis* дуракъ: *aplamis par wisą pilvą* (собственно: дуракъ черезъ все брюхо) совершенный дуракъ. — *Armidaris, ermidaris* (tumultus) шумъ, возмущеніе. — *Arza* несогласіе, ссора. — *Atsejos* отосы, тяжи (въ упряжи). — *Ajme* тьма, безчисленное множество. — *Auka* жертва; *aukoti* приносить жертву; *aukuras* жертвенникъ. (Не *aukoti*, какъ у Несс. (15, II), а *ukoti* значить: качать ребенка на рукахъ).

Barioti кормить. — *Birbal's* плохое пиво. — *Birkals, birkas* берковецъ. — *Biza* коса, сизетенные волосы. — *Boterus* порядочный, знатный, богатый (Польск. *suty, spory*). — *Brinsti* сохнуть: *drabužej iszbrinda* бѣлье просохло (Рус. областн. *прудиться*—жариться, грѣться, париться у печи; Нѣмецк. *brennen* вмѣсто *brenden*). — *Blęsti* (паст. *blendu*, прош. *blendau*) заправлять кушанье мукою.

Czerga очередь. — *Czižti* сѣчь, наказывать.

Daba обычай. — *Dickas, diek's* здоровякъ; *diktas* сильный, крѣпкій. — *Dirksnis* корень; тонкій, длинный корешокъ. — *Diržnas, diržingas* дородный, сильный. — *Diržti, diržu* или *dižti, dižu* сѣчь. — *Dulis* дряхлый старикъ; *dulent* ходить какъ дряхлый старикъ, ходить мѣшкотно, лѣниво. — *Durbis* дупло. — *Drewieti: medu drewieti* подрѣзывать ульи. — *Dwokti* вонять.

Ert's, ж. erta = *erdwas, erdwa* т. е. широкій, пространный; *ertinti* = *erdwinti*.

Gaszus красивый, блестящій; *gaszilis* охорашиваться. — *Gajgoti* брезгать, *gajgoimas* брезганіе. — *Gajsme* радость. — *Gaubti* собирать: *sugaubiau javus* я убралъ хлѣбъ съ поля. — *Giebeli* паст. *giebi* имѣть обыкновеніе, привычку, дѣлать что нибудь обыкновенно; *giebus* привыкшій, наторѣлый. — *Gejbus* пеловкшій, неповоротливый. — *Gobus* алчный; *gobtis* алкать: *is gobies turtu* онъ алчетъ богатства. — *Gožti* лить. — *Guba* суслопъ; *guboti* складывать хлѣбъ въ суслоны. — *Guwus* ловкій, удобный. — *Guže* вилокъ, кочанъ. — *Gužti* скрывать, крыть; *guszta* мѣсто, куда сажаютъ куръ и гусынь для несенія яицъ. — *Griežti* многокр. *graižiti* рѣзать что нибудь круглое, какъ то: яблоко, арбузъ, ковригу хлѣба; *grieže, griežiāle* круглый отрѣзокъ, ломоть. Къ этому же корню относится Слав. *скрижалъ*. Серб. *крижати* рѣзать *).

Indauje (отъ *indas* посуда) ендова. — *Iras* разваины. — *Irankis* орудіе. — *Ižti* (паст. *iž*, прош. *iža*) трескаться: отсюда *ižos* лишиа, *ajža* трепщина, расѣлина (сюда же относится

расположены въ особенномъ порядкѣ буквъ именно: а, ai, au, e, ei, o, ū, u, ui, j, w, t, d, c, dz, cz, dž, k, g, p, b, l, m, n, r, s, sz, z, ž. Г. Нессельманъ оправдываетъ свое мнѣніе (Vorrede, стр. IX), но, кажется, не для всѣхъ убѣдительно. Редакт.

*) И тоже болѣею частію—рѣзать что нибудь круглое—яблоко, хлѣбъ, тыкву; впрочемъ, смѣшавшись по смыслу съ другими подобнозвучными корнями, значить и—крошить (напр. табакъ, капустные листья, марковь и т. п. Редакт.

Слав. лза, щель, рана: лзевцъ, лзвикъ барсукъ, *ursus meles*).
Jaugtī, jaugstī мѣшать, смѣшивать. — *Jenas* оглобли.

Kabawotē трогать: *ilgai ne drisa kabawotē* онъ долго не смѣлъ трогать. — *Karingas* военный, ратный, храбрый: отсюда хоругвь, Пол. *choragięw*, собственно: военное знамя. — *Karszinis* (отъ *karsze* старость) наследникъ. По древне-Литовскому обычаю или праву, младшій сынъ получалъ отцовское наследіе; старшій же дѣти должны были сами себя приобрѣтать состояніе, живя въ родительскомъ домѣ: это называлось *banda sietē* (о сынѣ), *krajtī klotē* (о дочери), т. е. копить себя приданое. — *Kasotis* подбирать платье. — *Kajpti* хирѣть; *nikajpa* околѣть. — *Kaugie* = *kugis* скридь. — *Keltis* родъ, происхожденіе, отъ глагола *keltis* подниматься, происходить (Латыш. *cilts*, родит. *ciltis* родъ, поколѣніе); отсюда Слав. челоуѣ, Чеш. *čeled'* родъ, поколѣніе, семейство, домашцы. — *Kiensas* кочка, *kiensuotas* кочковатый. — *Kierietis, isikierietē* вкорениться. — *Kiergti, prikiertgi* привязать, прикрѣпить. — *Kernoti* обвинять. — *Kimpe* грѣбъ на деревѣ, губка, труть. *Kimp szirdis iš rupesčio* сердце сохнетъ отъ заботы. *Kipszas* чертъ. — *Kirba*, топъ, трясины. Отсюда, вѣроятно, произошло названіе *Кривичей*. Лѣтописецъ говоритъ: «разидоша ся по землѣ, и прозвана ся имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ». Стало быть Дреговичи (Драговичи), жившіе по. Принятии и ея притокамъ, и Кривичи, жившіе на верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, получили названіе свое отъ мѣстности, ими занятой. Мѣстность эта и теперь обильна топями, трясины; а топъ, трясины называется въ западной Россіи *древѣ*, *дрява* *), по-Литовски *kirba*. — *Kuginis* тоже, что *twartas* огороженное мѣсто, куда загоняють скотъ. — *Kninti, prakninti* прозябать, пускать ростки (о сѣмени). — *Kraugieris* кровопийца, кровожадный: *kraugieris Wokitis* кровожадный Нѣмецъ. — *Kretelas* рѣшето. — *Kropti* обманывать.

Lakatas лоскутъ. — *Lajtas* клеи, *lajtuoti* клеить. — *Leloti* ликовать. — *Likis* число, количество; *likuoti* считать. — *Lipst* горпть. — *Linge* шесть, на которомъ вѣшаютъ люльку. — *Ługoti* просить, умолять.

Makoti мѣшать что нибудь густое; ходить по грязи. — *Maukna* кора, лубъ. — *Mauroti* реветъ, мычать. — *Mentis* сортъ. — *Mugie* ярмарка; *mogarięzej* (отъ *mugie* и *rūtē* жрать) попойка послѣ оконченнаго торгу (Русск. *могарычъ*). — *Mulda* корыто, лотокъ. — *Mulkis* дуракъ. — *Murza* замарашка, *murzoti, murzinti* марать (лицо).

Nowiti = *dowiti* мучить. — *Notis* случаи, приключеніе.

Papartis прапоръ, хоругвь. — *Repulis* типунъ. — *Piesa* табунъ. — *Pilawa* (отъ *pilti* сынать) дань зерновымъ хлѣбомъ, Польск. *osep*. — *Puosztē, rariuosztē* украшать. — *Puga*

*) Къ этому любопытному замѣчанію позволимъ себѣ прибавить, что *древѣ* въ южныхъ Великорусскихъ краяхъ употребляется еще и въ смыслѣ студени, застуженнаго отвара мяса и т. п. Редакт.

матель (область. Русск. *пура*). — *Pujoti* дуть (о вѣтрѣ). — *Prekei* = *preszajs* насупротивъ (*vis-à-vis*).

Rajžiti рѣзать, бить, сѣчь. — *Reje* рига. — *Reptē, repoti* карабкаться. — *Resnas* = *kresnas* плотный, коренастый. — *Rumaj* большое зданіе, дворецъ; *rume* мѣсто, пространство. — *Rusietē* тлѣть, горѣть безпрестанно: *ugnis diena ir nakti rusieje* огонь горѣлъ день и ночь. Мѣсто, гдѣ горѣлъ непрерывно огонь въ честь верховнаго божества Перуна, называлось *rusnis*. Отсюда произошло названіе одного изъ рускавовъ Нѣмана (по-Литовски *Rusnie*, по-Нѣмецки *Russ*).

Sakas, sak's истецъ (отъ *seku*). — *Sijti, pasijti* или *sietē, pasietē* привязать, прикрѣпить. — *Siuti* шить; работать (о пчелахъ). *Skab's* ребра, грудника. — *Skarubiti* крахмалить. — *Skarda* жестъ; *skardinis* жестяной. — *Skarditi* рубить. — *Skardus* обрывистый; *skardis* обрывистый берегъ. — *Skatinti* погонять, побуждать (отъ *skasti*). — *Skaugē, skaugiba* зависть, *skaugietē* завидовать. — *Skobti* (наст. *skobst*, прош. *skoba*) кнцнуть (о пивѣ); Латыш. *skabs*, ж. *skaba* кислый; сюда относятся названія: *Skawa* (рѣка въ западной Галиціи), *Skawica*, *Skawina* и др.; у Словенцевъ *shawic* (Trèsterwein); Польск. *szezaw* шавель. — *Skototi* заботиться. — *Skudaj, skuduczej* флейта. — *Sklausti, sklauti* спланивать, соединять. — *Skrajoti* бѣгать; *skrejunas* (cursor). — *Slikunas* змѣя. — *Smilti, smiltu* ежечь на себѣ платье, опалиться. — *Strunas* кресла. — *Speti, speji* отгадывать: *spek* отгадаи. — *Spiekas* сила. — *Spudinti* спѣшить, бѣжать. — *Sriegti* мучить, томить: *lape alkio sriggama* лиса, томимая голодомъ. — *Stowilas* статуя. — *Strubus* (minutus); *strubinti* укоротить. — *Swajditi* бросать, метать; *swajdokas, sajdokas, sejdokas* лукъ, орудіе для стрѣлянія. — *Szaldras* бродяга, плутъ, шарлатанъ. — *Szlamstas, szlamstaj* соръ. — *Sznabaras* свуха. — *Sztikti* отгадывать. — *Szertis* лпнять. — *Szuniti* бранить, ругать, собств. называть собакою (*szo*): отсюда Русск. *шунять*.

Telžiti швырнуть: *is telže pagali* онъ швырнулъ полѣномъ; *talžiti* швырять, швыряя расшибать, поколотить. — *Tenwas*, ж. *tenwa* тонкій (Лат. *tenuis*); вмѣсто *tenwas* говорится и *tejwas*. — *Tiraj, tirulej* степь. — *Trakti* возмущаться, бунтовать; *trakinti* возмущать. Отъ слова *triesiti*, многократн. *triesoti* (бѣгать, бѣжать въ запуски, ристать), сроднаго съ Греч. τρέχω, происходитъ древне-Литовское *triesina* тризна, т. е. скачка, ристаніе. Съ нимъ тождественно Слав. *тризна* (обрядъ тризны описанъ Вульфстаномъ, см. Шафар. Slow. Starož. 976—977). — *Twilkti* облить кипяткомъ; *nuteilkau* я обжегся кипяткомъ. — *Ticoti* бить, сѣчь.

Ukiszkas домовый, хозяйственный (у Несс. Нѣмецкии). — *Wokitis* Нѣмецъ названъ такъ *per antiphrasin* отъ глагола *wokiu* понимаю *); обыкновенно Литовцы словомъ *wokitis* озна-

*) Слѣд. *wokitis* можно сравнить съ Русскимъ словомъ *внѣшій, вѣдунъ*.

чають и домовѣго, который по мнѣнію Литовскаго просто-народія, показывается (особенно по пустымъ овинамъ) въ нѣмецкомъ платьѣ, во фракъ и треугольной шляпѣ, босикомъ, по при шпорахъ. — *Pa-unksnis* тѣнь; *uksme* тѣнь; *uksmietas* тѣнистый, отъ *ukti* подернуться облаками (о небѣ), хмуриться (о погодѣ), отсюда и Слав. *уѣ*, *юѣ* собственно: влажный (южный) вѣтеръ, Греч. *ὕγρός*. — *Urszti* мутить. — *Upas* расположение духа, прихоть (Польск. *humor*).

Wadaloti волновать. — *Wanoti* хлестать вѣшникомъ; бить, колотить; отсюда *wanta* или *anta* вѣшникъ. — *Weleti* мыть, стирать бѣлье. — *Wempti* пить; *alu wempti* потягивать брагу; отсюда, вѣроятно, происходить и названіе *wampurs* (пьющій кровь). — *Wempti*, *wampiti* бормотать. — *Widmils* толстое сукно домашней работы. — *Wisti* (наст. *wist*, прош. *wisa*) плодиться, размножаться; *wisla* множество: *użucie żuwies wisla didela* συνέλκισαν ἰχθύων πλῆθος πολὺ (Лук. 5, 6). — *Witis* побѣдитель.

Lambis соха. — *Ławietł* колдовать. — *Łeżergos*, *żeżelkos* пскры. — *Łilawa* трауръ; *žilawoti* носить трауръ. — *Łinische* капище. — *Łiže* огонь. — *Łwilti*, *żwiluoti* шататься, колебаться: *Kajp nendre žwiluojanti* какъ тростникъ колеблющійся.

Эти слова не составляютъ и тысячной доли того богатства, нетронутого до сихъ поръ никакимъ ученымъ, которое хранится въ говорѣ Литовскаго народа. При всей простотѣ и правильности своего построения, языкъ Литовскій удивительно обилень коренными словами. Птица *austs* называется: *busilas*, *gandras*, *garnis*, *gužas*, *starkas*; для выраженія понятія мою существуетъ нѣсколько словъ, какъ-то: *prausiu* (мою лицо), *trenki* (мою голову), *mazgoji* (мою ноги), *skalbiu* (мою бѣлье); пѣснь называется: *giesme* (пѣснь набожная), *dajna* (пѣснь веселая), *rauda* (погребальная), *sauge* и *sutarine* (хоральная пѣснь); лошадь по мастямъ и разнымъ свойствамъ имѣетъ до 50 наименованій. Не менѣе богатъ онъ и грамматическими формами и словами производными: Арабскій глаголъ имѣетъ 14 формъ, а въ Литовскомъ языкѣ такихъ формъ находится гораздо болѣе; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ заглянуть въ словарь Нессельманна и на стр. 118-й сосчитать формы глагола *traukiū*. Къ несчастію всѣ эти сокровища языка съ каждымъ днемъ забываются. Особенно слова древнѣйшія, поэтическія, употребляющіеся только въ пѣсняхъ, теряются все болѣе и болѣе; слова коренныя Литовскія замѣняются, смотря по мѣстности, Нѣмецкими, Польскими или Русскими. Но еще скорѣе истребляются временемъ развалины глубочайшей древности, можетъ быть болѣе занимательныя, чѣмъ отдѣльныя слова, именно преданія мѣологическія и историческія, повѣрія, пѣсни эпохи языческой и пр. Съ каждымъ днемъ старцы и старухи, исходя въ могилу, уносятъ съ собою остатки старины, которыхъ для науки ничто не замѣнить. Черезъ нѣсколько лѣтъ найдется ли въ Литвѣ че-

ловѣкъ, который бы прочелъ, подобно немногимъ старожиламъ, на распѣвъ древніе Литовскіе стихи, въ которыхъ соблюдаются всѣ правила метрическаго скандованія (*tutojimas*), и которые могутъ дать понятіе о томъ, какъ читались безсмертныя творенія рапсодовъ Эллинскихъ? Черезъ нѣсколько лѣтъ кто приведетъ намъ девять силъ (*galibe*) Перуна и тридевять его названій? Кто раскажетъ Литовскія преданія объ Еленѣ прекрасной, о золотомъ яблокѣ, о потопѣ и происхожденіи изъ камней новаго рода человѣческаго? Кто припомнитъ лодождовъ (*zmogedis*), съ сѣверовостока нападавшихъ на народъ Литовскій? Пора собрать эти обломки, пока они не погибнутъ безвозвратно, иначе отъ науки будетъ нашему поколѣнію горькій упрекъ. Но нѣтъ болѣе Зоріановъ.

Для насъ, Русскихъ, Литовскій языкъ замѣчателенъ по особенно близкому родству, которымъ соединенъ съ языкомъ Славянскимъ, — и такъ что значеніе его въ Славянской наукѣ не ограничивается одною областію языка. Между прочимъ мѣологическія понятія, языческія вѣрованія древнихъ Славянъ часто не могутъ быть объяснены безъ помощи языка и мѣологии Литовской. То, что въ Славянскихъ преданіяхъ имѣетъ характеръ безсвязныхъ и часто бессмысленныхъ отрывковъ, болѣею частію сохранилось у Литовцевъ въ органической цѣлости и красотѣ первобытной. Приведу нѣсколько примѣровъ для подтвержденія сказаннаго мною.

Вотъ объясненіе, по моему мнѣнію, самое удовлетворительное, слова *Перунъ*. Древніе жрецы Литовскіе видѣли въ холодѣ символъ смерти, въ теплотѣ символъ жизни. Верховное божество, по ихъ сказаніямъ, посредствомъ теплоты произвело вселенную: *Perkunas wis išperieje*, — таково ихъ изрѣченіе; такимъ образомъ еще жило въ сознаніи Литовскаго народа происхожденіе слова *Perkunas* (Слав. *Перунъ*) отъ глагола *perieti*, настоящее *periu*, означающаго *производитъ посредствомъ теплоты, высиживать, рождать*: и теперь еще иногда говорится по-Литовски: *ką paperieje, suni ar dukteri?* т. е. кого она родила, сына или дочь? Глаголъ этотъ находится въ родствѣ съ Латинскимъ *pario* и областнымъ Русскимъ (Тобольск.) *парить*, т. е. высиживать яйца; въ Санскритскомъ языкѣ корень *par* сохранился въ двухъ производныхъ словахъ, тѣсно связанныхъ, и по значенію, съ Литовскимъ *periu*, именно *pari-* (въ Ведахъ) хранитель и *pār-* и солнце, огонь (первоначальное значеніе: теплота). Отъ этого-то корня произошли у Славянъ двѣ формы: одна дѣйствительная — *Пер-унъ* (т. е. производитель, творецъ), другая страдательная — *пар-ень* (т. е. произведенный, рожденный, сынъ: въ этомъ первоначальномъ, обширномъ значеніи слово *парень* еще употребляется въ Пермской губерніи). Такъ какъ теплота считалась у Литовцевъ-язычниковъ источникомъ жизни, то въ солнцѣ и огнѣ видѣли они величайшіе дары верховнаго божества (срав.

Санскр. *páru*); потому глаголѣ *kurti*, *kurīu* значить равно *созидать, творить и зажигать, возжигать*; отсюда произошло слово *kuriejis*, эпитетъ Перуна и солнца и названіе жреца. Одного съ нимъ происхожденія, вѣроятно, Славянское слово *Хорсѣ*. Можетъ быть и *Дажьдь-богъ* или *Дажь-богъ*, другое мифологическое названіе солнца, происходитъ отъ корня, сохранившагося въ Литовскомъ глаголѣ *degu* горю. Изъ первобытнаго представленія, что теплота есть жизнь, вытекаетъ тождество слова *грѣть, грѣти* съ древне-Нѣмецкимъ *grēn, grōjan* (*virescere*), Англо-Сакс. *grōvan* (*virescere, florescere, germinare*); къ тому же корню, вѣроятно, принадлежатъ и древне-Сербское *крьвати* (*lovere*), Чешское *křati* или *křiti, křeji* (*оправляюсь, выздоравливаю*), Русск. области. (Новгор., Тамб.) *охрѣять*, (Тамб.) *охрѣнуть* (*выздорѣть, оправиться*), также и Латин. *cre-sco cre-vi*.

По-Литовски *didis* или *didelis*, по-Латышски *lels* значить *великій*. Эти слова, первоначально эпитеты божества, уцѣлѣли у Славянъ въ извѣстныхъ принѣвахъ, употребляемыхъ народомъ безсознательно, какъ-то: *Дидѣ, диди, додо, додоло, лели, лели* и въ названіи *Лель*. Кромѣ божества эпитетомъ *великій* вѣроятно означался и родоначальникъ, старшій въ родѣ съ Литовскимъ *didis* и Латышскимъ *lels* замѣчательнымъ образомъ совпадаютъ Славянскія слова: *длѣдѣ, длѣдл, лѣл (lgolga)* у Полабцевъ отецъ, *лѣла* по-Церковнославянски тетка.

Древніе Литовцы въ Іюнѣ мѣсяцѣ совершали празднество, называвшееся *Rasos szwente* (праздникъ росы); по-Санскритски *rasa* значить вообще *жидкость, влага, вода*. Названіе Литовскаго празднества прямо указываетъ на то, что отъ этого слова происходитъ Слав. *русалка, русалин*: должно замѣтить, что Литовское имя *русалки* — *undine dejwe* т. е. водная богиня.

Нельзя не пожалѣть, что преданія, живущія въ памяти Литовскаго народа, столь замѣчательныя и по красотѣ поэтической и по научному значенію, до сихъ поръ не оцѣнены и не собраны.

VIII.

Новыя книги.

Между новыми явленіями Русской литературы считаемъ достойными вниманія любознательнаго читателя:

— I. Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, за первое десятилѣтіе съ его учрежденія, составленные, по опредѣленію Отдѣленія, Академикомъ П. А. Шлегелемъ. СПб. 1852. 8°: 396—III).

— Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книжка 12-я. Москва. 1852 (8°: 46 — 188 — 54 — 2). Вниманіе читателя остановитъ здѣсь на себѣ, кромѣ изслѣдованій К. О. Малковскаго о Новгородѣ, — Переписная окладная книга Вотской пя-

тины (которой часть помѣщена была уже въ № 11), Росписъ книгамъ патріарха Филарета, и пр.

— Памятники дипломатическихъ сношеній Древней Россіи съ державами иностранными: — съ Римской Имперіей. II. съ 1594 по 1621 годъ. СПб. 1852 (8° въ 2 столбца. 1542 столб.). Въ этомъ томѣ, такъ же какъ и въ первомъ (СПб. 1851. 8°: XXV стр. и 1620 столб.), читатель найдетъ подробный пояснительный указатель, какія должны быть прилагаемы всегда къ подобнымъ изданіямъ, и нѣсколько ученыхъ примѣчаній.

— Городское и сельское состояніе Русскаго народа въ его историческомъ развитіи, отъ начала Руси до новѣйшихъ временъ. Составлено А. Э. Плюшскимъ. СПб. 1852 (8°: XI — 286 — VIII). Это сочиненіе замѣчательно между прочимъ и по нѣкоторымъ попыткамъ объясненія юридическихъ вопросовъ помощію филологіи.

— Полная Русская Хрестоматія. Составилъ А. Галаховъ. Москва. 1852. I: Краснорѣчіе (8°: V — 519), II: Поэзія (VIII — 431), III: Примѣчанія (254 — 11).

— Опыты Историко-филологическихъ трудовъ. Студентовъ Главнаго Педагогическаго Института. Шестаго выпуска. СПб. 1852 (8°: 312). Въ этой книгѣ находимъ три сочиненія молодыхъ ученыхъ, изъ которыхъ каждое достойно вниманія въ учено-литературномъ отношеніи. Самое важное изъ нихъ, какъ свидѣтельство успѣховъ молодого поколѣнія нашихъ филологовъ, есть изслѣдованіе П. Лавровскаго «о Реймскомъ Евангеліи» (стр. 1—141). Любопытенъ также трудъ К. Лепстрема, «Фрѣтиуфсага» въ переводѣ съ Неландскаго подлинника съ примѣчаніями. Трудъ П. Лавровскаго: «Избраніе Микхила Теоодоровича на царство» — важенъ какъ образецъ того, какъ, подъ руководствомъ опытнаго и ученаго наставника, воспитанники Педагогическаго Института, приучаются изслѣдовать по источникамъ и излагать сообразно съ достоинствомъ содержанія важныя вопросы Отечественной Исторіи. Занимающіеся воспитаніемъ и образованіемъ юношества съ удовольствіемъ прочтутъ присоединенныя къ симъ Опытамъ отрывки изъ педагогическихъ лекцій объ основаніяхъ предметахъ въ первоначальномъ образованіи.

О трудѣ г. П. Лавровскаго сообщаемъ читателямъ мнѣнія А. Х. Востокова:

«Статья г. Петра Лавровскаго о Реймскомъ Евангеліи есть трудъ тщательный и добросовѣстный, показывающій въ молодомъ авторѣ необыкновенное прилѣжаніе и большую способность къ филологическимъ упражненіямъ. Какъ первый опытъ, статья эта конечно требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ, — и вотъ замѣчанія, какія я нахожу нужнымъ сдѣлать г. Лавровскому.

На стр. 6 сказано: «Буква *a* въ Реймскомъ Евангеліи замѣняется: а) *а-сомъ*: овцамъ, мльчахоу, чанамъ, іссамъ, авамъ, зоровавсамъ, прывѣнча, чамъ, обывамъ, чамъ, ськоньча-

шаса, азъ, цѣа (в. ед.) матеа, кончавышемъ, оужасахоу, псехожаше, вьса, зачало, бѣжати, троужаѣщи, чѣдаѣса». Изъ приведеннымъ здѣсь примѣровъ не всеъ показываютъ употребленіе *а* вмѣсто *а*: только тамъ, гдѣ *а* стоитъ послѣ *ю*, *ц*, *ч*, замѣняетъ эта буква гласную *а*: овьцамъ, вм. овьца; мльчахоу, вм. мльчахоу; бѣжати, вм. бѣжати, и т. д. Это употребленіе общее многимъ писцамъ XIII и XIV вѣка, особенно Русскимъ. Въ словѣ зачало *а* поставлено правильно, какъ и въ Остромировомъ Евангеліи. Въ словахъ іесеа, авиа, зоровавела, матеа, цѣа, вьса, *а* замѣняетъ собственно не *а*, а *и*. Въ Остромировомъ Евангеліи конечно: песеа, авиа, зоровавела, матеа, цѣа, вьса; но это особое уклоненіе отъ правила: кромѣ *вьса*, употребляется тамъ и *вьсаи*. Также и въ словѣ азъ *а* стоитъ вѣроятно *и*, а не вмѣсто *а*. Изъ употребляется издревле у западныхъ Словянъ и у Русскихъ вмѣсто Болгарскаго *азъ*.

Въ доказательство замѣны *а* ж-сомъ, приведены два примѣра. авиѣ и гѣжѣщи. Но ежели въ именительномъ падежѣ авиа или авиѣ, то въ винительномъ правильно будетъ авиѣ, и слѣдовательно тутъ нѣтъ замѣны; гѣжѣщи, можетъ быть, есть дательный независимый или самостоятельный, и въ такомъ случаѣ послѣдній ж тутъ поставленъ вмѣсто *оу*, а не вмѣсто *а*.

Въ словѣ: самаранскъ *а* не замѣняетъ *е*: въ Остромир. Ев. самаранскъ произведено отъ самарина, а тутъ самаранскъ отъ самаранинъ или самариинъ.

Стр. 7: «въ словѣ вавилонскаго замѣненъ буквою *о*». Но это ошибка Пражскаго изданія, которую не слѣдуетъ приписывать Реймскому Евангелію; ибо въ Парижскомъ изданіи правильно: вавилонскаго.

Стр. 30. Между примѣрами повелительнаго наклоненія приведено *радоутеса*, но это опять ошибка Пражскаго изданія, вмѣсто *радоутеса*, какъ въ Парижскомъ изданіи.

Въ сличеніи текста Реймскаго Евангелія съ Остромировымъ, въ выпискахъ изъ Остромирова Евангелія не вездѣ соблюдена точность; напр. *въ знаменіе*, вмѣсто *въ знаменіи*; *въ дньхъ*, вм. въ дньхъ; *на нѣмъ*, вм. на нѣмъ; *постѣмъ*, вм. постѣмъ; *истебъ*, вм. истебе; *въ праздникъ*, вм. въ праздникѣ; *възлюбленъ о нѣмъ же благоволихъ*, вм. възлюбленъ о нѣмъ же благоволихъ: *въризиса низъ*, вм. въризиса низъ; *по гѣе идоша*, вм. по иѣе идоша; *пристѣлишиа*, вм. пристѣпишиа; *на нѣсехъ м*, на нѣсехъ; *сѣтимъ*, вм. сѣтимъ; *праздыи*, вм. прадъи.

Въ указателѣ къ Реймскому Евангелію подъ словомъ *влады* поставлено причастіе *владѣущъ*; но отъ *влады* было бы причастіе *владѣющоу*, а владѣщоу предполагаетъ неопредѣленное наклоненіе *власти*, наст. вр. *владѣ*. Тоже, при словѣ *четвертовладѣщоу* начало должно быть: *четвертовласти*.

«Вда — адъ». *Вда* принадлежитъ новѣйшему Русскому языку, а въ Остромировомъ Евангеліи *вдѣ*, муж. рода, которое и соответствуетъ слову *адъ* Реймскаго Евангелія.

Стр. 120 «Множеств. число *ѣхрѣу* переведено единственнѣйшимъ *имаамъ*»: — *имаамъ* въ древнѣйшихъ памятникахъ Словенскихъ и единственное и множественное число, такъ же какъ *вѣмъ* и *дамъ*, что можно видѣть изъ Остромирова Евангелія.

Въ заключеніе замѣчу, что у г. Лавровскаго нѣсколько разъ встрѣчается глаголъ *требовать* съ винительнымъ падежемъ, напр. стр. 40-я падежъ ставится тотъ, который требуетъ глаголъ; стр. 41-я: этотъ глаголъ еще разъ является съ отрицаніемъ и требуетъ также родительный падежъ; стр. 43-я: глаголъ *испытати* требуетъ за собою предложъ *о* и вмѣстѣ съ нимъ предложный падежъ. — Такое словосочетаніе не свойственно Русскому языку, въ которомъ говорится: *требовать чего*, а не *что*.

— Русско-Шведскій и Финскій ручной словарь, составленный по Высочайшему повелѣнію. Ryskt, Svenskt och Finskt Handlexicon, utarbetadt på Nådigs befallning. Тавастгусъ. 1851 (больш. формата 24°: 903). — Послѣ труда I. Ф. Валлина, (Suomen-Wenäjän-ja Ruotsin-Kielinen Sanakirja. Helsingfors. 1848 — 1850. 2 части), это, сколько знаемъ, вторая книга, въ которой сопоставленъ языкъ Русскій вмѣстѣ съ Финскимъ и Шведскимъ, и для тѣхъ, которые, по своимъ филологическимъ занятіямъ, нуждаются въ въ Финскомъ языкѣ, представить пособіе, хоть на первый разъ, довольно полезное.

— Dictionnaires paralleles des langues Russe, Française Allemande et Anglaise, par Ch. Ph. Reiff. SPb. 1852 (16°: XLVIII+808). — Разборъ этого прекраснаго труда г. Рейфа, извѣстнаго своимъ Корнесловомъ Русскаго языка, помѣщенъ въ книгѣ: Двадцатое присужденіе учрежденныхъ П. П. Демидовымъ наградъ. СПб. 1851. стр. 313 и слѣд.

— Mownia języka Polskiego przez F. Łochowskiego. Warszawa. 1852 (8°: IX+288). — Грамматика эта, отличающаяся отъ другихъ особенностями терминологіи, замѣчательна не по одному желанію автора быть оригинальнымъ: есть въ ней и дѣльныя замѣчанія о языкѣ. Она составлена впрочемъ съ учебною цѣлію.

— Piśmiennictwo Polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. — Это сочиненіе знаменитаго писателя Польскаго В. Мацѣвскаго быстро подвигается впередъ. Вышло уже шесть выпусковъ: въ первыхъ четырехъ окончена первая часть труда (8°: 816), и представлено начало Прибавленій (Dodatki do Piśmiennictwa Polskiego); въ пятомъ и шестомъ помѣщена большая половина второй части. Обѣ части посвящены разбору фактовъ до 1650 г. Обращая вниманіе читателей на этотъ новый памятникъ неутомимой дѣятельности ученаго Славяниста, долгомъ считаемъ замѣтить, что въ немъ представлено между прочимъ очень много матеріаловъ для характеристики древняго Польскаго языка по памятникахъ XIII—XIV вѣка. Когда-то мы

дождемся такого труда для языка и словесности Русской! Подробный разборъ этого сочиненія будетъ представленъ по окончаніи второй части.

— *Mudrosloví národu Slovanského ve příslovích*. W. Praga. 1852. — Подъ именемъ «Мудрословія Славянскаго народа въ пословицахъ» изданъ издвигеніемъ Чешской матицы очень замѣчательный, для всѣхъ Славянъ одинаково любопытный и важный трудъ знаменитаго поэта и ученаго *Фр. Вл. Челяковского*. Это — систематическое собраніе пословицъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, сравненныхъ, на сколько было нужно, съ пословицами другихъ народовъ, и объясненныхъ взаимнымъ сближеніемъ. И здѣсь, какъ во всемъ другомъ, наблюдатель найдетъ много свидѣтельствъ съ одной стороны и одинаковости построения Славянскаго ума въ разныхъ краяхъ, и древности понятій и взглядовъ Славянъ, а съ другой не менѣе замѣчательной близости Славянъ съ другими племенами одного происхожденія. Книга г. Челяковского здѣсь еще не получена; но мы имѣемъ о ней понятіе по тѣмъ отрывкамъ, которые сообщены были авторомъ прежде, въ Часописѣ Чешскаго Музея. Первый отрывокъ (1837, стр. 292—320) вышелъ въ свѣтъ какъ первый опытъ, и заключаетъ въ себѣ пословицы, выражающіе мысли — о религіи, — о пріязни, непріязни и любви, — о правдѣ и лжи, молчаливости и болтливости, языкѣ, — о трудѣ, трудолюбіи и лѣности, — о богатствѣ и бѣдности, — о домѣ и семействѣ, — о счастіи и несчастьи, — о слезахъ и смѣхѣ и т. п. Въ другомъ отрывкѣ (1851, стр. 16—40) представлена часть труда уже почти оконченнаго, обдѣланнаго, часть, по которой до нѣкоторой степени можно судить, каково будетъ цѣлое: это собраніе пословицъ юридическаго значенія, расположенныхъ въ строгомъ порядкѣ. Всѣ пословицы переведены по Чешски очень вѣрно, съ возможнымъ сохраненіемъ ихъ подлинной формы. Подлинныхъ пословицъ въ отрывкѣ нѣтъ. Жаль, если это такъ и въ полномъ отдѣльномъ изданіи: для всякаго, кто будетъ пользоваться этой книгой, подлинникъ будетъ иногда важнѣе самаго превосходнаго перевода.

— *Popólni ročni Slovár Slovénkega in Nëmškega jezika*. Spisal Anton Janežič. U Celowcu. 1850—1851. Vollständiges Taschen-Wörterbuch der Slovenischen und Deutschen Sprache. Klagenfurt. 1850—1851. (2 части въ 16°). Часть первая, Нѣмецко-Словенская, уже окончена, (V+631); второй части, Словенско-Нѣмецкой, издана пока только первая половина (256 стр. до слова: rarež). Хотя Хорутанское Словенское нарѣчіе не бѣдно пособіями лексическими, какъ указано будетъ въ разборѣ этого сочиненія г. *Инежича*, по выходѣ его окончанія; но не въ такой мѣрѣ, чтобы нельзя было желать новыхъ трудовъ — особенно такихъ, въ которыхъ обращено вниманіе на языкъ народа: Хорутанское нарѣчіе въ своихъ мѣстныхъ отгѣнкахъ чрезвычайно бога-

то составомъ, сохраняя въ себѣ между прочимъ много любопытныхъ остатковъ отъ вѣковъ давнихъ. Часть этого народнаго богатства представляется любознательному читателю въ Словарѣ г. *Инежича*, чѣмъ онъ и отличается отъ другихъ, прежде изданныхъ.

— *Historya literatury Polskiej* M. Wiszniewskiego. Этотъ важный трудъ, котораго начало относится къ 1840 году, доведенъ теперь до восьмага тома, гдѣ между прочимъ заключаются матеріалы для литературы Западно-Русской XVI—XVII вѣка.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за Январь и Февраль 1852 года.

Въ теченіе Января Второе Отдѣленіе имѣло восемь засѣданій, а именно: 3, 10, 12, 17, 19, 24, 26 и 31 чиселъ.

Въ теченіе Февраля было шесть засѣданій, а именно 7, 14, 16, 21, 23 и 28 чиселъ.

Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ *И. И. Давыдова*, присутствовали: *А. С. Норовъ*, *П. Г. Бутковъ*, *А. Х. Востоковъ*, *П. А. Плетневъ*, *І. С. Кочетовъ*, *Я. И. Бередниковъ*, *М. А. Коркуновъ* и *И. И. Срезневскій*.

И.

Общій Словарь.

Г. Предсѣдательствующій И. И. Давыдовъ читалъ составленное имъ «Миѣніе о новомъ изданіи Русскаго Словаря».

Въ послѣдствіи *Г. Предсѣдательствующій* внесъ въ Отдѣленіе это Миѣніе въ корректурныхъ листахъ. Листы розданы Членамъ Отдѣленія. Определено: препроводить по экземпляру сего Миѣнія отсутствующимъ Академикамъ, а равно и Профессорамъ *О. И. Буслаеву* и *Я. К. Гроту*, корреспондентамъ Академіи Наукъ *И. И. Гречу* и *В. И. Далю*, и Отцу Протоіерею *Г. П. Павскому* и *И. И. Надеждину* прося ихъ о сообщеніи своихъ замѣчаній къ будущему Маю мѣсяцу.

Заслуженный Профессоръ Московскаго Университета *Д. М. Перевоицковъ*, увѣдомивъ словесно *Г. Предсѣдательствующаго* о просмотрѣ въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка словъ на букву *а* и *б*, представилъ вновь составленныя имъ опредѣленія математическихъ и астрономическихъ терминовъ, помѣщенныхъ въ Словарѣ, и объясненія словъ, которыя г. *Перевоицковъ* считаетъ нужнымъ внести въ Словарь. Определено: благодарить г. *Перевоицкова* и просить его о продолженіи начатаго имъ труда.

І. С. Кочетовъ представилъ 34 слова, выбранные имъ изъ старинныхъ Великорусскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ Прибавленіяхъ къ «Извѣстіямъ». Определено: передать *М. А. Коркунову* для дополненій къ Общему Словарю.

III.

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ.

Разсматриваемы были въ Отдѣленіи 34 и 35-й корректурный листъ *Опыта Областного Словаря* и первые два листа Прибавленій къ означенному Опыту Словаря. Особья замѣчанія на слова, помѣщенные въ этихъ листахъ, письменно сообщили П. П. *Давыдовъ*, И. С. *Кочетовъ*, Я. П. *Берединовъ*, М. А. *Коркуновъ* и П. П. *Срезневскій*. Сверхъ того представили: И. С. *Кочетовъ* 40, Я. П. *Берединовъ* 43 и П. П. *Срезневскій* 180 словъ, не находящихся въ разсмотрѣнныхъ листахъ. Отпечатаны 31 и 32 листы означеннаго Опыта Словаря.

П. П. *Срезневскій*, представилъ Сборникъ областныхъ Русскихъ словъ (числомъ 1450), составленный П. П. *Небольсинимъ*, во время его путешествія по разнымъ краямъ Россіи. Находи, что имъ можно воспользоваться для дополненія Областного Словаря, П. П. *Срезневскій* выразилъ при этомъ предположеніе, что П. П. *Небольсинъ*, извѣстный въ нашей литературѣ многими полезными трудами, можетъ быть полезенъ Отдѣленію, между прочимъ, и исправленіемъ опущеній, сдѣланныхъ въ упомянутомъ Словарѣ. Определено: 1) благодарить Г. *Небольсина* за обязательное сообщеніе сборника областныхъ словъ, и имъ воспользоваться для Прибавленій къ Опыту Областного Словаря, 2) препроводить къ нему отпечатанные листы сего Опыта и просить о пересмотрѣ ихъ и о сообщеніи дополненій и поправокъ.

П. П. *Срезневскій* представилъ продолженіе труда Профессора А. К. *Казембека* и прилагаемую при семъ вступительную записку о соотношеніи Русскаго языка съ языками Тюркскими *).

Профессоръ Александровскаго Университета Я. К. *Гротъ* препроводилъ въ Отдѣленіе, свои замѣчанія на посланные къ нему листы Опыта Словаря Областного Русскаго языка и списки словъ, помѣщенныхъ въ семь Опытѣ, сходныхъ съ словами Скандинавскими и другихъ Германскихъ языковъ, а равно и Финскими. Определено: изъяснить г. Гроту искреннѣйшую признательность Отдѣленія за сообщенныя имъ замѣчанія и передать ихъ Редактору Извѣстій для напечатанія въ Прибавленіяхъ.

Академикъ Б. А. *Дорнъ* и Профессоры Казанскаго Университета И. М. *Ковалевскій* и С. Петербургской Духовной Семинаріи П. П. *Савваитовъ* изъяснили готовность просмотрѣть препровожденные къ нимъ листы Опыта Словаря Областного Русскаго языка, и обѣщаются отмѣтить и объяснить: первый—слова, вошедшія къ нашъ языкъ изъ языковъ Восточныхъ, второй—слова, заимствованныя изъ Монгольскаго, а третій—изъ Зырянскаго языка.

*) См. Приложение IV.

Отдѣленіе, по предложенію П. П. *Срезневскаго*, опредѣлило просить Профессора С. Петербургскаго Университета А. О. *Мухлинскаго* о принятіи участія въ объясненіи словъ, заимствованныхъ въ нашъ языкъ изъ языковъ Татарскихъ, и для сего препроводить къ нему отпечатанные листы Опыта Областного Словаря.

Чтано предисловіе къ *Опыту Областного Словаря*, составленное Г. Предсѣдательствующимъ. Определено: препроводить въ типографію для набора.

Профессоръ Казанскаго Университета П. Н. *Березинъ*, препроводилъ къ Г. Предсѣдательствующему списокъ замѣченныхъ имъ въ *Опытѣ Областного Словаря* Восточныхъ словъ, происхожденіе и значеніе которыхъ не подлежатъ, по его мнѣнію, сомнѣнію; слова же которыхъ корень или смыслъ почему либо сомнителенъ, онъ обѣщается представить по просмотрѣ всего Словаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Березинъ вызывается доставить нѣкоторыя слова и выраженія, пропущенныя въ Опытѣ Областного Словаря, если Отдѣленіе признаетъ это нужнымъ. Означенный списокъ Восточныхъ словъ переданъ Редактору Извѣстій. Определено: благодарить г. Березина за доставленіе списка Восточныхъ словъ, и препроводить къ нему вновь отпечатанные листы Опыта Областного Словаря, прося о присылкѣ дополненій, замѣчаній и поправокъ.

Профессоръ Александровскаго Университета Я. К. *Гротъ*, доставилъ г. Предсѣдательствующему объясненія словъ, заимствованныхъ изъ языковъ Скандинавскихъ и помѣщенныхъ въ 27—30 листахъ *Опыта Областного Словаря*, и самые листы, и увѣдомляетъ его, что въ этотъ разъ онъ не останавливался на словахъ Финскаго происхожденія, такъ какъ объясненіе ихъ принялъ на себя Академикъ Б. А. *Шегренъ*. Объясненія словъ, полученные отъ г. Грота, переданы Редактору Извѣстій. Определено: послать къ г. Гроту послѣдніе листы Опыта Областного Словаря и просить его о доставленіи объясненія словъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ имъ начаты.

Профессоръ Московскаго Университета Θ. П. *Буслаевъ*, представилъ собраніе словъ, не находящихся въ препровожденныхъ къ нему 30 листахъ *Опыта Областного Словаря*, и увѣдомляетъ Г. Предсѣдательствующаго, что онъ имѣетъ собраніе пословицъ и поговорокъ, составленное имъ преимущественно по стариннымъ рукописямъ, безъ означенія мѣстностей. Определено: благодарить за присланные имъ дополненія къ Опыту Областного Словаря и препроводить къ нему вновь отпечатанные листы сего изданія. Что же касается до пословицъ и поговорокъ, то Отдѣленіе опредѣлило просить г. Буслаева о присылкѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя еще не были напечатаны, для обнародованія ихъ въ свѣтъ въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ.

Профессоръ Пермской Семинаріи Иеромонахъ *Макарій*

препроводилъ въ Отдѣленіе, нѣсколько простонародныхъ словъ, употребляемыхъ въ за-Уральскихъ уѣздахъ Пермской губерніи. Определено: благодарить Іеромонаха Макарія и воспользоваться его сборникомъ для дополненія Опыта словаря.

III.

Грамматика.

Опыта *Общесравнительной Грамматики Русскаго языка* отпечатаны 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, и 28 листы.

IV.

Изданіе памятниковъ.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомляетъ Г. Предѣдательствующаго, отъ 6-го Февраля, что онъ разрѣшаетъ Второму Отдѣленію Академіи Наукъ спестись съ Директорами Гимназій и сообщить имъ программу для собиранія образцовъ народнаго Русскаго языка и словесности. Определено: войти въ сношеніе съ Гг. Директорами Гимназій и препроводить къ нимъ по нѣскольку экземпляровъ программы проси о раздачѣ ихъ лицамъ, отъ которыхъ можно надѣяться получить свѣдѣнія обозначенныя въ Программѣ.

Г. Вице-Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія, отъ 18-го Февраля, сообщаетъ Г. Предѣдательствующему, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ Начальства учебныхъ Округовъ, для свѣдѣнія, о данномъ имъ Второму Отдѣленію Академіи Наукъ разрѣшеніи войти въ сношеніе съ Гг. Директорами Гимназій, касательно собиранія образцовъ народнаго Русскаго языка и словесности. Г. Вице-Директоръ сообщаетъ также, что Его Сіятельство изволилъ вмѣстѣ съ тѣмъ препроводить къ Окружнымъ Начальствамъ по два экземпляра программы. Определено: принять къ свѣдѣнію.

Почетный Членъ Второго Отдѣленія Высокопреосвященный Григорій, Архіепископъ Казанскій и Свияжскій, увѣдомляетъ г. Предѣдательствующаго, отъ 20 Января, что онъ предложилъ Казанской Консисторіи избрать по одному или по два человека изъ священниковъ или протоіереевъ во всѣхъ уѣздахъ Казанской Епархіи и поручить имъ собрать употребляемыя простымъ народомъ Русскія слова и выраженія, съ надлежащими объясненіями. Определено: изъяснить Высокопреосвященному Григорію признательность Отдѣленія и просить его о разсылкѣ къ назначеннымъ Консисторіею лицамъ Программу для собиранія Русскаго языка и словесности, если Его Высокопреосвященство признаетъ это возможнымъ.

Отдѣленіе опредѣлило просить Комитетъ Правленія Академіи Наукъ, выпискою изъ протокола, о препровожденіи Программы для собиранія образцовъ народнаго языка и словесности къ Гг. Губернаторамъ съ просьбою о напечатаніи ея въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Академикъ П. П. Срезневскій читалъ Записку касательно приложенія къ общей программѣ для собиранія образцовъ народнаго Русскаго языка и словесности частныхъ вопросовъ о мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ народнаго Русскаго языка и памятниковъ народнои словесности, сохранившихся только въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи. Определено: войти въ сношеніе касательно сихъ вопросовъ съ Директорами училищъ.

Академикъ М. А. Коркуновъ представилъ доставленные къ нему Членомъ Археографической Комиссіи А. В. Терещенкомъ пѣсни и причитанія Нижегородской губерніи, которыя и переданы Редактору Извѣстій. Определено благодарить г. Терещенка.

М. А. Коркуновъ представилъ переданную ему для внесенія въ Отдѣленіе законоучителемъ Школы Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ Иваномъ Полсадовымъ тетрадь, которая содержитъ въ себѣ краткое извѣстіе о селѣ Шиморскомъ (Владимірской губерніи Меленковского уѣзда) съ образцами нарѣчія жителей. Означенная тетрадь, по заключенію Отдѣленія, передана Редактору Извѣстій, а Священника Андрея Полсадова определено благодарить.

М. А. Коркуновъ внесъ въ Отдѣленіе, отъ имени Священника села Павлова Нижегородской губерніи Евграфа Фаворскаго двѣ старинныя пѣсни, списанныя со словъ 80-ти лѣтняго мушкетера. Пѣсни переданы Редактору Извѣстій. Определено: благодарить Священника Евграфа Фаворскаго.

V.

Извѣстія.

Корреспондентъ Академіи Наукъ Профессоръ Казанскаго Университета В. П. Григоровичъ препроводилъ къ Г. Предѣдательствующему изслѣдованіе свое: «о древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянской литературы». — Определено: благодарить Г. Григоровича за доставленіе означеннаго изслѣдованія, по предварительномъ разсмотрѣніи Академикомъ Востоковымъ, передать Редактору Извѣстій. *).

Гг. Академики П. П. Кенпегъ и А. А. Куникъ, Профессоры К. А. Лезовицъ, І. М. Бодянский, О. Л. Морошкинъ, К. П. Зеленецкій, К. К. Фойтцъ, Н. Т. Костыръ, А. Л. Метлицкій и Гг. П. М. Спиревъ, В. А. Мацѣвскій, А. П. Поповъ, А. О. Тюринъ, І. Кастренъ, П. П. Шафарикъ, П. П. Надеждинъ, и П. П. Мурзакевичъ, изъяснили готовность участвовать въ «Извѣстіяхъ».

К. А. Зеленецкій прислалъ въ Отдѣленіе отъ 10-го Февраля, статью свою: «объ особенностяхъ Русскаго языка въ Новороссійскомъ краѣ» и просить дать ей мѣсто въ Извѣстіяхъ. Статья эта, по опредѣленію Отдѣленія, передана Редактору Извѣстій.

*) Напечатана въ этомъ выпускѣ Извѣстій.

VI.

Особенныя чтенія.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, препроводивъ къ Г. Предсѣдательствующему, отъ 10-го Января, составленную учителемъ Дерптской Гимназіи *Полескимъ* программу: «Опытъ Сравнительной Грамматики Словенскихъ языковъ», предложилъ сочиненіе это передать на разсмотрѣніе Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. По поводу этой книги читана П. П. *Срезневскимъ* Записка о трудахъ по части сравнительной грамматики Славянскихъ нарѣчій. **)

Второе Отдѣленіе имѣло разсужденіе о необходимости имѣть наибольшее общеніе съ двумя другими Отдѣленіями Академіи Наукъ. Определено: мнѣніе Отдѣленія о семъ предметѣ внести въ Общее собраніе Академіи.

Императорское Русское Географическое Общество препроводило въ Отдѣленіе, отъ 27-го Февраля, всѣ свои доселѣ вышедшія изданія. Определено: благодарить Географическое Общество.

А. Х. *Востоковъ* внесъ въ Отдѣленіе записку о Хорватской Лѣтописи, приписываемой Священнику Діоклейскому. Записка эта, по определенію Отдѣленія, передана Редактору Извѣстій.

В. П. *Григоровичъ* увѣдомляетъ Г. Предсѣдательствующаго, отъ 20-го Января, что службы Кириллу и Мефодію, имѣющія съ оригиналами, онъ представитъ въ Отдѣленіе въ непродолжительномъ времени и, если Отдѣленіе найдетъ нужнымъ, то пришлетъ и образцы рукописей упомянутыхъ ихъ въ прежде доставленномъ изслѣдованіи о древнѣйшихъ памятникахъ Славянской письменности. Определено просить о доставленіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

IV.

Записка Профессора А. К. Казембека.

Языкъ народа растетъ вмѣстѣ съ нимъ, развивается вмѣстѣ съ его понятіями, обогащается обстоятельствами внутренней и внешней его жизни; совершенствуется его собственными успѣхами на пути просвѣщенія. У всякаго народа языкъ состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: выраженія идей внешней представленія и выраженія идей внутренней, духовной жизни. Изобиліе первыхъ составляетъ богатство языка; богатство вторыхъ — просвѣщеніе народа.

Сознаніе необходимости подчинить своему духу, своимъ собственнымъ законамъ формальной стройности языка все, что народъ приобрьлъ *чужаго*, по какимъ бы то ни было отношеніямъ, составляетъ самобытность языка. Здѣсь

*) Напечатана въ Библиографическихъ запискахъ второго выпуска.

часто являются борьба и перевороты въ системѣ языкознанія; но самобытность языка узнается тамъ, гдѣ народный духъ преодолеваетъ всѣ затрудненія и держится только своего внутренняго закона.

Русскій языкъ богатъ, самобытенъ и уже занимаетъ важное мѣсто между образованными языками Европы. Его богатство принадлежитъ его собственнымъ началамъ; его самобытность составляетъ историческое достоинство его жизни. Съ такой точки мы должны смотрѣть на образованіе Русскаго языка. Условія обработки и успѣховъ языка вообще повсюду одни и тѣ же. Наука — единственная его наставница: она рождаетъ мысли, создаетъ идеи; человекъ обращается къ своимъ запасамъ слова для отысканія имъ приличныхъ формъ, а въ случаѣ необходимости занимаетъ ихъ у тѣхъ изъ своихъ сосѣдей, между которыми эта наставница гостила прежде. Здѣсь выказывается и самобытность языка и слабость его духа. Во второмъ случаѣ мы видимъ несамобытность языка отъ того, что онъ, образуясь подъ вліяніемъ чужаго, не только принужденъ принимать его слова, его фразы, его рѣченія, но во многомъ охотно уступаетъ его вліянію, его характеру и даже подчиняется ему свой характеръ. Такъ образовались первоначально почти всѣ иностранные живые языки, исключая, можетъ быть, Нѣмецкій въ Европѣ и Китайскій въ Азіи; Персидскій и Тюркскіе языки, въ особенности Тюрко-Османскій, въ этомъ отношеніи представляютъ поразительные примѣры. Въ первомъ же случаѣ, т. е. въ образованіи самобытнаго языка, видна внутренняя его сила, подчиняющая своему собственному управленію все, что входитъ въ составъ его семейства, въ предѣлы его области. Такъ получили свое образованіе и развитіе — Латинскій языкъ въ школахъ у Грековъ, Нѣмецкій — въ школахъ у Латинцевъ и Русскій — въ школахъ у Европейцевъ.

На основаніи всего вышесказаннаго, Русскій языкъ, образуясь подъ вліяніемъ науки и внешнихъ обстоятельствъ, само собою разумѣется, почерпнулъ на пути своихъ успѣховъ достаточный запасъ словъ и у языковъ иноплеменныхъ своихъ сосѣдей, имѣющихъ съ нимъ историческое, географическое и этнографическое соотношенія, живущихъ съ давнихъ временъ въ Руси и частью незамѣтно входившихъ въ составъ Русскаго народа. Такъ вошло постепенно въ Русскій языкъ, въ продолженіе пяти или шестисотъ лѣтъ, множество восточныхъ словъ, совершенно различныхъ отъ многихъ другихъ Азіатскихъ, пробравшихся сюда съ незапамятныхъ временъ Индо-Европейскимъ путемъ. Я укажу здѣсь только на нѣкоторые изъ нихъ, уже совершенно присвоенныя Русскому языку. Напримѣръ, слово — *богатырь* есть коренное сказочное Тюркское, выговариваемое ими *багатуръ*, *багадыръ*, и, сокращенно, *батыръ* (нынѣ мы встрѣчаемъ даже собственные имена у Татаръ —

Батуръ, Батыръ, Батыръ-ша *)), Батыръ-ага **) и т. п.). Оно давно вошло, съ одной стороны въ Персидскій — *беадиръ*, съ другой — въ Русскій, въ смыслъ храбраго, силача, витязя, героя и т. п. Отсюда — *богатырь*, *богатырствовать*, *богатырски*: такихъ видоизмѣненій не существуетъ даже въ языкѣ, изъ котораго коренное слово перешло въ Русскій. — *Кабала* (слово Арабское *قبيل*, сродное Еврейскому и Халдейскому *קבל* во во всѣхъ различныхъ его значеніяхъ), вошло въ Русскій языкъ двумя путями: а) путемъ науки изъ Европейскихъ языковъ: *кабалистъ*, *кабалистика*, *кабалистическій*; б) путемъ этнографическимъ отъ Тюрковъ, которые приняли его отъ Арабовъ и Персовъ, въ значеніи договорнаго акта всякаго рода. По тѣснымъ сношеніямъ Русскихъ съ Татарами, первые охотно приняли это слово въ юридическомъ смыслѣ. Духъ Русскаго языка переработалъ это слово и произвелъ изъ него: *кабалить*, *закабалить*, *кабальный*, *кабаленіе*, *кабальщина*, какпхъ видоизмѣненій также вовсе не существуетъ въ самыхъ восточныхъ языкахъ. — Тюрко-Монгольское слово *тамга* также вошло въ семейство Русскаго языка, и здѣсь произвело *таможню*. — Я не буду говорить уже о многихъ другихъ словахъ, какъ-то: *капакъ*, *кафтанъ*, *арканъ*, *азамъ*, *минаретъ*, *аба*, *абасы*, *калымъ*, *архалукъ* и т. п., вошедшихъ прямо этнографическимъ путемъ въ Русскій языкъ.

Второе Отдѣленіе Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, со дня своего учрежденія, неуспѣшно занимаясь изслѣдованіемъ отечественнаго языка, между прочимъ, обратило вниманіе и на областный Русскій языкъ, въ живой, народной рѣчи котораго, въ разныхъ странахъ Россіи, сохраняется множество коренныхъ Русскихъ словъ, вышедшихъ изъ общаго употребленія. Для этой цѣли оно собрало матеріалы и начало издавать «Опытъ Областнаго Словаря».

Желая содѣйствовать успѣхамъ II Отдѣленія Академіи Наукъ въ объясненіи простонародныхъ областныхъ Русскихъ словъ, заимствованныхъ изъ восточныхъ языковъ, я не отклоняюсь отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія къ занятію по этому предмету (см. Извѣстія Императорской Акад. Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, Т. I. листъ 2, стр. 29 и 31) и готовъ служить, по мѣрѣ силъ своихъ, для общей пользы.

До приступа къ настоящему предмету, я долженъ сказать, что, кромѣ восточныхъ словъ, заимствованныхъ въ Русской областной языкъ разными путями, встрѣчается

*) Составлено: изъ *батыръ* и испорченнаго — *шахъ*. Отъ этого сложнаго имени мы имѣемъ фамильное названіе *Батыршиныхъ*.

**) Составлено изъ *батыръ* и *ага*, господишь.

еще нѣсколько другихъ коренныхъ Русскихъ словъ, усвоенныхъ Татарскими нарѣчіями, и опять возвратившихся на родину, въ видѣ Татарскихъ. Напримѣръ: *жиримъ* у Сибирскихъ Татаръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значитъ *ремень*, въ Иркутской же губерніи — *ремень*, которымъ стягиваютъ сѣдло. Въ Тюркскомъ языкѣ *ремень* выражается словомъ *жанишъ*; черезъ *сѣдельникъ* — словомъ *сыртлыкъ*; подпруга — *амъ*. Слѣдственно *жиримъ*, какъ не Тюркское (нельзя также допустить, что это слово перешло въ одну Иркутскую губернію изъ Персидскаго древняго *چرمъ* *чирмъ* — кожа, плеть) взято, вѣроятно, отъ слова *жиръ*, которымъ (*жиромъ*) смазываютъ ремни и вообще кожу. — *Пареня* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири у Татаръ давно значитъ *что-нибудь парное*, напр. *пареная рѣка*. Въ послѣднемъ смыслѣ мы находимъ *пареня* передѣланнымъ по свойству Русской орфоэпии въ *паренку*, какъ-то въ Томской, Пермской и Вятской губерніяхъ. — *Глубенія* и *глубина* у Татаръ значитъ *клубника*. Въ Иркутской губерніи въ областномъ нарѣчій также мы видимъ *глубенику*, вмѣсто *клубники* *)

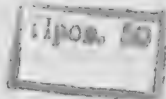
На этомъ основаніи въ предстоящемъ трудѣ я постоянно буду руководствоваться слѣдующими правилами: 1) Слова, по моему убѣжденію чисто-восточнаго корня, вошедшія въ Русской областной языкъ, я обозначу тѣмъ, что утвердительно укажу на ихъ происхожденіе и на тотъ путь, какимъ вошли они въ Русскій языкъ. 2) Слова Русскаго корня, вторично вошедшія изъ Татарскихъ нарѣчій въ областную Русскій языкъ, также объясню утвердительно, показавъ на настоящіе ихъ корни. 3) О словахъ, въ томъ или другомъ отношеніи, сомнительныхъ я скажу только свое мнѣніе.

*) Изслѣдуя нарѣчія инородческихъ народовъ пространной Россіи, въ особенности Тюркскія, мы найдемъ въ нихъ множество Русскихъ словъ и реченій, вошедшихъ туда географическимъ и этнографическимъ путями и съ давнихъ временъ усвоенныхъ ими. Приведеніе въ извѣстность такихъ словъ, съ ихъ наружными измѣненіями, отъ туземцевъ, было бы очень полезно для раскрытія многихъ филологическихъ истинъ въ изслѣдованіи областного Русскаго языка. Такое собраніе словъ, приведенное въ порядокъ въ слѣдствіе ученыхъ изысканій, можетъ а) прямо указать на слова Русскаго корня, заимствованныя въ новыхъ видахъ областными жителями Россіи у инородческихъ сосѣдей своихъ; б) разрѣшать недоумѣнія филологовъ въ томъ, къ какому корню дѣйствительно принадлежитъ извѣстное сомнительное слово въ Русскомъ языкѣ; в) раскрыть нѣкоторыя причины идиотическаго разнообразія въ областныхъ реченіяхъ, и наконецъ г) напомнить многія Русскія слова, обветшавшія, но уцѣлѣвшія у инородческихъ сосѣдей. — Дальнѣйшей обработки такого труда можно ожидать, между прочимъ, и отъ дѣятельности Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ предположило начать съ 1852 года изданіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности будутъ входить, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно: — изслѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ сопряженныхъ, ихъ литературы и древностей; — разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологій Славяно-Русской; а въ особенныхъ прибавленіяхъ — памятники языка и словесности, матеріалы для Словаря, Грамматики и т. п.

«Извѣстія» будутъ издаваться безсрочными выпусками или листами; 24 листа съ прибавленіями составятъ одинъ томъ. Цѣна тому три рубля серебромъ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домъ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эгера (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Погородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ упомянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА. — Чтенія о современной литературѣ: I. Записка Предсѣдательствующаго Н. Н. Давыдова. II. Памяти Орд. Академика Василія Андреевича Жуковскаго. II. Н. Давыдова. При семъ чтеніи прилагается письмо В. А. Жуковскаго къ Графу С. С. Уварову и отвѣтъ Графа. — III. Чтеніе о Василіѣ Андреевичѣ Жуковскомъ. II. А. Плещеева. — Библиографическія записки: IX. Новыя книги, съ замѣчаніями Н. Н. Срезневскаго. X. Опытъ Великорусскаго словаря. О. Н. Бугаева. XI. Записки Шафонскаго. Я. Н. Березникова. XII. Этнографическая карта Европейской Россіи. Н. Н. Срезневскаго. Перечень засѣданій Отдѣленія съ приложеніемъ Записокъ Срезневскаго, Востокова и Коркунова. — Къ этому выпуску прилагается VI, VII и VIII-й листъ ПРИБАВЛЕНІЙ.

ЧТЕНІЯ

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

I.

ЗАПИСКА

Предсѣдательствующаго Н. Н. Давыдова.

Въ начертаніи занятій Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, предложенномъ мною, между прочимъ указаны разборы отечественныхъ писателей.

Изученіе классическихъ писателей, особенно отечественныхъ, обыкновенно вѣнчаетъ литературное образованіе. Прилагая къ дару слова и къ словеснымъ произведеніямъ законы мышленія, открывая въ твореніяхъ писателей изящное и изслѣдуя причины этого изящества, тщательно отличая основательное отъ поверхностнаго, истинныя красоты отъ ложныхъ прикрасъ, мы содѣйствуемъ успѣхамъ науки о словѣ. Такое занятіе заставлятъ вникать въ творчество воображенія и въ движенія сердца, возбуждаетъ благородныя чувствованія и научаетъ живѣе воспринимать эти чувствованія. Въ изящномъ сливается истинное и благое; поэтому воспринимая изящное, мы раскрываемъ сердце наше всему благородному и возвышен-

ному. Если мы дорожимъ объясненіемъ великихъ тайнъ мірозданія и окружающей насъ природы; то можемъ ли оставить въ небреженіи глубокія тайны и законы нашего духа, столь явственно выражающіеся въ творческихъ произведеніяхъ писателей.

Вотъ на какомъ основаніи Отдѣленіе предположило заниматься эстетическими разборами образцовыхъ писателей, и вообще изслѣдованіями современной словесности теоретическими и историческими, какъ самымъ дѣятельнымъ руководствомъ къ образованію изящнаго вкуса.

Незабвенный Карамзинъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи бывшей Россійской Академіи (5 Декабря 1818), предлагая мысли свои о способахъ, какіе Академія можетъ употребить для развитія талантовъ, говоритъ: «Академія, облегчая для таланта способы пріобрѣтать нужныя ему свѣдѣнія, можетъ еще содѣйствовать успѣхамъ его и другими средствами: наградами, определенными въ уставѣ, а еще болѣе справедливымъ оцѣненіемъ всякаго новаго труда, имѣющаго признаки истиннаго дарованія, хотя еще и незрѣлаго, хотя еще и слабого, неукрашеннаго искусствомъ: ибо слабѣй лучъ бываетъ иногда предтечею яркаго свѣта, и кедръ выходитъ изъ земли наравнѣ съ низкими злакомъ. Никто не предприметъ законовъ публнкѣ: она

властна судить и книги и сочинителей; но ея мнѣніе всегда ли ясно, всегда ли опредѣлительно? Сіе мнѣніе ищетъ опоры: если Академія посвятить часть досуговъ своихъ критическому обозрѣнію Россійской словесности, то удовлетворить безъ сомнѣнія и желанію общему и желанію писателей, слѣдуя правилу, внушаемому намъ и любовью къ изящному: болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно. Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія, но дарованіе не бываетъ безъ чувствительности: должно щадить ее. Употребимъ сравненіе не новое, но выразительное; что дыханіе хлада для цвѣтущихъ растений, то излишне строгая критика для юныхъ способностей души: мертвитъ, уничтожаетъ, а мы должны оживлять и питать — привѣтствовать славолубіе, не утрачивать его; ибо оно ведетъ ко славѣ, а слава автора принадлежитъ отечеству. Пусть низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ оужденіемъ, въ надеждѣ возвыситься уничтоженіемъ другихъ: но вамъ извѣстно, что самый легкій умъ находитъ несовершенство; что только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ. Гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все — молчаніемъ. Когда увидимъ важныя злоупотребленія, повости неблагоразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны. Судя о произведеніяхъ чувства и воображенія, не забудемъ, что приговоры наши основываются единственно на вкусѣ, неизяснимомъ для ума; что они не могутъ быть всегда рѣшительны; что вкусъ измѣняется и въ людяхъ и въ народахъ; что удовольствіе читателей рождается отъ ихъ тайной симпатіи съ авторомъ, и не подлежитъ закону разсудка; что мы никогда не согласимся съ Англичанами или Нѣмцами во мнѣніи о Шекспирѣ или Шиллерѣ; что примѣръ изящнаго силѣе всякой критики дѣйствуетъ на успѣхи литературы; что мы не столько хотимъ учить писателей, сколько ободрять ихъ нашимъ къ нимъ вниманіемъ, нашимъ сужденіемъ, исполненнымъ доброжелательства. Какъ ни пріятна для автора хвала публики и самое одобреніе Академіи, но будетъ еще пріятнѣе, если соединится съ благонамѣреннымъ разборомъ книги его, съ показаніемъ его красотъ особенныхъ; когда опытный любитель искусства углубится взоромъ, такъ сказать, въ сокровенность души писателя, чтобы вмѣстѣ съ нимъ чувствовать, некать выраженій и стремиться къ какому-то образцу мысленному, который бываетъ цѣлю, болѣе или менѣе ясною, для всякаго дарованія. Самолюбіе грубое довольствуется и нѣмою хвалою: она нѣма, когда не изясняетъ своего предмета; но самолюбіе нѣжное требуетъ

хвалы краснорѣчивой: она краснорѣчива, когда изображаетъ хвалимое».

Желая и въ этомъ отношеніи содѣйствовать распространенію безпристрастныхъ и на началахъ науки основанныхъ разборовъ писателей, согласно съ программой, мы назначаемъ въ Извѣстіяхъ особый отдѣлъ для статей сего рода. Мы не имѣемъ притязанія на то, чтобы этимъ мнѣніемъ все безусловно сочувствовали; но крайней мѣрѣ будемъ высказывать по убѣжденію, которое въ дѣлѣ науки и искусства даетъ право на вниманіе, и по искреннему желанію литературныхъ успѣховъ въ дражайшемъ нашемъ Отеествѣ.

II.

ИЗЪЯТИИ

ОРД. АКАДЕМИКА ВАСИЛІЯ АНДРЕЕВИЧА ЖУКОВСКАГО.

ОТЪ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

И. И. Давыдова.

Миръ праху твоему, незабвенный товарищъ и наставникъ! Взывай насъ и семейство твое отъ горести къ созерцанію твоихъ заслугъ и добродѣтелей; а мы почтимъ тебя соревнованіемъ и доблестямъ твоимъ, и заслугамъ, и твореніямъ литературнымъ. Образъ прекрасной души вѣченъ и безсмертенъ: мы сохранимъ его въ воспоминаніи о трудахъ и твореніяхъ твоего безсмертнаго духа.

Императорской Академіи Наукъ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности можетъ ли при семъ случаѣ безмолствовать, можетъ ли не выразить чувствованій своихъ при потерѣ знаменитаго Академика, украшенія своего, славы народной? Посвятимъ же, мы гг., академическую бесѣду нашу, первую послѣ горестнаго извѣстія о кончинѣ Василія Андреевича, памяти его, какъ Академика, образователя художественно-поэтическаго Русскаго языка и художественно-народной словесности.

Вторая половина миноваго и первая текущаго столѣтія представляютъ намъ три степени развитія и совершенствованія языка и словесности: на первой степени книжный Русскій языкъ отдѣляется отъ Церковно-Славянскаго; на второй — книжный языкъ сливается съ Русскимъ народнымъ

языкомъ, и появляется художественная словесность; на третьей—образуются и языкъ и словесность художественно-народныя. Представителями этихъ трехъ степеней въ Русскіе признаютъ Ломоносова, Карамзина и Жуковского. И все это совершилось въ одно столѣтіе!

Послѣ Петра Великаго было у насъ одно дивное явленіе генія, изумительнаго по своему разнообразію: этимъ явленіемъ былъ Ломоносовъ, въ пламенной душѣ котораго кипѣло все, что дорого для человѣчества, науки и искусства. Какъ *преобразователь языка*, явился онъ на первое призваніе времени и соотечественниковъ.

Въ твореніяхъ Ломоносова выразился новый міръ знаній, до него шикъ невыраженный. Превосходство его и недостатки посятъ на себѣ печать возраста нашего въ половинѣ истекшаго столѣтія. По духу тогдашней учености, еще чуждой народности, онъ искалъ сокровищъ слова въ языкѣ Церковно-Славянскомъ; прославляя подвиги Петра Великаго, онъ облакалъ Русскую рѣчь въ Римскую тогу; приходя въ восторгъ поэтическій, при созерцаніи дѣлъ Елисаветы, онъ размѣрлялъ стихъ Нѣмецкими стопами. Не создавъ языка изящнаго, Ломоносовъ согласилъ враждебныя чужеземныя стихы, долго искажавшія Русское слово, привелъ его въ стройное единство отдѣленіемъ книжнаго Русскаго языка отъ Церковно-Славянскаго, придавъ ему правильную форму изложеніемъ законовъ его и собственными образцами. Въ сочиненіяхъ его впервые увидѣли Русскіе богатство, пышность, великолѣпіе своего языка.

Эта однако книжная рѣчь, еще нехудожественная, не походила на рѣчь живую; она еще не выражала Русской фizioноміи. Отъ того Ломоносову подражали одни только ученые; а свѣтскіе люди, слѣдуя направленію вѣка, искали образцовъ словесности во Франціи, и южныя цвѣты ея, даже не самородные, а пересаженные изъ Греціи и Рима, старались усвоить нашему Сѣверу. Отечественная поэзія, нѣкогда воспѣвавшая князей и богатырей, была забыта. Пѣсня и сказка не смѣли являться въ богатые палаты знатныхъ. Народъ сохранилъ эту поэзію и отъ схоластики, и отъ подражательной западной поэзіи. Лишь только самъ великій геній, когда одушевлялся или воспоминаемъ о Преобразователѣ Россіи, или дѣяніями мудрой Дщери Его, изливалъ мысли свои и чувства въ стихи и періодъ живомъ, доселѣ насъ изумляющемъ.

Такова первая степень преобразованія языка нашего—періодъ отдѣленія его отъ Церковно-Славянскаго.

Ученая очистка Русскаго языка началась въ Московскомъ, или первомъ Русскомъ университетѣ. Въ рѣчахъ профессоровъ того времени по разнымъ отраслямъ наукъ видимъ мы постепенное совершенствованіе языка въ правильности, силѣ, благозвучіи слова. Улучшеніе языка всегда производится новыми мыслями и знаніями: отъ того изъ Московскаго университета вышелъ языкъ, уже способный принимать изящныя формы новыхъ идей. Онъ началъ отставать отъ Греческой и Латинской фразеологіи, сближаться съ живою рѣчью народною. Тогда въ убѣдились въ необходимости языка общественнаго, *слиянія языковъ книжнаго и народнаго*. Такое преобразование языка могло произойти единственно отъ слиянія всѣхъ элементовъ духовнаго развитія въ отечественномъ языкѣ. И эта честь неотъемлемо принадлежитъ первому Русскому университету, гдѣ науки впервые стали общепользыми, потому что начали преподавать ихъ на Русскомъ языкѣ.

Первый позналъ потребность образованія новой Русской рѣчи для современниковъ питомецъ Московскаго университета—*Карамзинъ*. Онъ познакомилъ насъ съ отечественными преданіями, началъ изображать языкомъ общества родныя нравы, оживлять памятники, дотогѣ тлѣвшіе въ неувѣстности, представлять даже мѣста, которыхъ до него не замѣчали. Сліяніе двухъ стихій, прежде враждебныхъ—языковъ книжнаго и народнаго, принадлежитъ ему: и рѣчь и слогъ «Бѣдной Лизы», «Мары Посадницы», «Писемъ Русскаго путешественника», живописностью, благозвучіемъ поправились всѣмъ и приняты всѣми людьми образованными.

При быстрыхъ измѣненіяхъ въ образованіи Отечества нашего, Карамзинъ самъ совершенствовался вмѣстѣ съ временемъ. Сначала принесъ онъ дань Французской школѣ писателей, которую въ свое время заплатили и лучшіе умы Германіи и Англіи. Потомъ искалъ онъ вдохновеній въ Макферсонѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гётѣ. Наконецъ, посвятивъ себя отечественной Исторіи, онъ создалъ палладіумъ народной славы и языка.

И такъ Карамзинъ шелъ съ того мѣста, на которомъ остановился пѣвецъ Елисаветы. Ломоносовъ засталъ стихи языка нашего смѣшанныя, неустроенныя: ему предстоялъ трудъ раздѣлить ихъ, привести въ порядокъ. Карамзину достался языкъ съ Латинскими формами; ему надлежало добывать стихи его въ родныхъ источникахъ, сближать книжный языкъ съ народнымъ. Ломоносовъ искалъ языка въ книгахъ, писанныхъ на языкѣ Церковно-Славянскомъ. Карамзинъ зналъ, что его должно изъ

учать въ живой рѣчи народа — что одушевленіе для словесности находимъ мы подъ тѣмъ небомъ, подъ которымъ родимся и воспитываемся; что для этого необходимо окружить себя воспоминаніями жизни предковъ. Съ появленіемъ «Исторіи Государства Россійскаго» прекратились споры о старомъ и новомъ слогѣ; тогда открылось, что языкъ образуется не по произволу теоріи, но въ быту и жизни народной; что каждый вѣкъ выбираетъ для себя цѣпныя сокровища изъ наслѣдія предковъ, самъ развиваетъ себя въ своемъ словѣ.

Вотъ заслуги Карамзина отечественному языку и словесности на второй степеніи ихъ развитія.

Но языкъ и словесность, вмѣстѣ съ жизнію народною, измѣняются. Языкъ, которому мы выучились у Карамзина, всегда останется памятникомъ преобразования; однако, съ распространеніемъ литературныхъ знаній, онъ нуждался въ новыхъ изящныхъ формахъ. Равно и въ словесности почувствовали необходимость измѣненія элементовъ ея и направленія. Когда мѣсто безотчетнаго пристрастія къ Французскому языку и литературѣ заступило внимательное изученіе письменныхъ памятниковъ всѣхъ временъ и народовъ; тогда обратились къ изученію внутренней жизни человѣка. Въ этомъ развитіи Германія упредила прочія Европейскія государства: отъ того Германское образованіе повсюду распространилось. Въ искусствѣ и преимущественно въ поэзіи отразилось такое же направленіе: въ нихъ стали изображать сокровенныя тайны внутренней жизни человѣка, возсоздавать идеальный изящный міръ изъ народныхъ элементовъ. Такое состояніе народности въ словесности возвышаетъ ее на степень художественной. У насъ художественная народная словесность, начатая Карамзинымъ, развита вполне Жуковскимъ; его творенія представляютъ третью степень нашего литературнаго совершенствованія.

Разсмотримъ этого писателя — Академика, какъ *образователя поэтическаго, художественно-народнаго языка*, чтобъ видѣть, что вынесъ онъ изъ мѣста воспитанія своего, какъ трудился онъ для довершенія образованія своего, и что онъ внесъ въ сокровищницу нашего языка.

Жуковский получилъ воспитаніе въ бывшемъ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Наставниками въ Русскомъ языкѣ и словесности имѣлъ онъ знаменитаго въ свое время профессора *Сохацкаго* и бакалавра *Бакаревича*. Одинъ пристрастилъ его къ писателямъ Нѣмецкимъ, другой —

къ Англійскимъ. Товарищи его по литературѣ были: *Мерзляковъ, Каченовскій, Буринскій*. Въ Университетскомъ Пансіонѣ изученіе отечественнаго языка всегда составляло первую потребность воспитанія и служило оспованіемъ всему курсу наукъ. Для развитія дарованій и упражненія въ словесности, воспитанники имѣли литературныя бесѣды, учредителемъ которыхъ и душою былъ Жуковский. Любовь ко всему изящному, взаимное искреннее довѣріе юношей, высказывавшихъ другъ другу мысли свои и чувствованія, непритворныя, чистыя, стремленіе къ совершенствованію: вотъ, что живило эти собранія. Утѣшительно было для юношей, въ дружескихъ бесѣдахъ своихъ видѣть профессоровъ-воспитателей и наставниковъ, радушно внимавшихъ литературнымъ опытамъ, радовавшихся невиннымъ мечтамъ, подававшихъ добрые совѣты не только для слова, но и для мысли, и для сердца.

Здѣсь образовалъ поэтъ и будущій Академикъ слогъ свой, глубоко изучилъ языкъ. Въ раннихъ произведеніяхъ его, какъ-то: *Пльни, Мальвина, Марьяна роца*, замѣтно подражаніе Карамзину, увлекавшему всѣхъ за собою. Но въ юномъ поэтѣ таилась стихія романтическая, столько же противоположная классической, какъ противоположны между собою два міра — до-Христіанскій и Христіанскій, внѣшній и внутренній, природа, насъ окружающая, и мысли наши, со всѣми желаніями и чувствованіями. *Людмила, Святлана, Эолова Арфа, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, Вадимъ*, представили намъ совершенно новый міръ поэзіи, которому Русскій поэтъ сочувствовалъ въ твореніяхъ Германскихъ и Англійскихъ поэтовъ. Отсюда начинается разительное измѣненіе языка поэтическаго; вмѣсто прежняго одноцвѣтнаго рисунка, какой находимъ мы въ стихотвореніяхъ Мерзлякова, романтическая поэзія придавала произведеніямъ Жуковскаго выраженіе живописное, разнообразное. Духовность внутренней природы человѣка можетъ быть изображена лишь только переливомъ радужныхъ цвѣтовъ, роскошью свѣта и тѣней, гармоническимъ согласіемъ звуковъ. Особенно сроднился Жуковский съ *Шиллеромъ*, отъ котораго повѣяло на него мечтательностью, таинственностью, неопредѣленнымъ стремленіемъ къ чему-то высшему, надеждою на свиданіе загробное, тихимъ уныніемъ. Жизнь, созданная романтическою поэзіею, слагается изъ воспоминаній о прошедшемъ и ожиданій счастья въ будущемъ. Такую жизнь изобразилъ нашъ поэтъ въ *Теонѣ* и *Эсхинѣ*, въ стихотвореніи «*Голосъ съ того свѣта*».

Въ совершенствѣ изучивъ Нѣмецкую литературу, Жуковский

остался навсегда вѣрнымъ этому новому направленію, этой поэзіи, которую называютъ *философіею сердца*. Такъ какъ эта поэзія сродна каждому человѣку и каждому народу въ его юности; то она произвела сильное вліяніе на нашу словесность: она воспитала все новое поколѣніе. Эта идеальная поэзія, витающая въ радужной сферѣ фантазіи, отзывалась въ каждомъ изъ насъ; потому что каждому сладостно сочувствовать переселенію души съ земли на небо, стремленію ея въ свою отчизну. Позднѣйшій трудъ его — художественный переводъ *Одиссеи*, по словамъ самого поэта, былъ не иное что, какъ *желаніе повеселить душу первобытною поэзіею, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ, такъ мирно украшаетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремится ни въ какую туманную даль*.

Переводы творческихъ произведеній словесности, каковы Жуковского переводы *Одиссеи*, *Орлеанской дѣвы*, сказокъ *Гебеля* и другихъ изящныхъ произведеній, одинаковы съ превосходными списками съ картинъ первоклассныхъ художниковъ. Небесную механику Лапласа и Лейбницеву Теодицею можно читать на всякомъ языкѣ, и не сожалѣть о незнаніи языка подлинника; но Гомеръ, Шекспиръ, Гёте вполне понятны только на своемъ языкѣ. Науки — общее достояніе человѣчества; изящное — цвѣтъ родной страны, который блекнетъ на чуждой почвѣ, подъ чуждымъ небомъ. Въ наукѣ, гдѣ все видимое и постигаемое сводится въ невидимое, въ понятія, умственные пріобрѣтенія остаются неизмѣнными, общими: здѣсь духъ нашъ какъ бы освобождается отъ вещества, вокругъ него отвердѣваемаго. Въ искусствѣ духъ облекается въ чувственные образы; отъ того въ твореніяхъ поэтическихъ должно различать стихію міровую, негибнущую, отъ стихіи народной, преходящей. Послѣдняя измѣняется по различію мѣста и времени; первая остается неизмѣняемою, вѣчно юною. То, что мы называемъ въ словесности народностью, проходитъ вмѣстѣ съ народомъ, и представляется прекраснымъ относительно къ тому или другому народу; но стихія общая равно прекрасна для всѣхъ народовъ и временъ. Этими-то прекраснымъ, не народнымъ, а міровымъ, въ Греціи ли оно явилось, или въ Англіи, или въ Германіи, мы все равно питаемся, какъ роднымъ элементомъ, столько для всѣхъ понятнымъ, сколько для всѣхъ понятны истина и добродѣтель. Усвоеніе же народного элемента посредствомъ образцовыхъ переводовъ обогащаетъ языкъ новыми, разнообразными, прекрасными оттѣнками понятій и выраженій. Съ этой стороны разсматриваемые, переводы Жуковского ста-

вятся наравнѣ съ самобытными твореніями. Среди множества образцовыхъ писателей мы должны избирать себѣ нѣсколькихъ любимыхъ писателей, и по нимъ себя совершенствовать. Ваятель, изъ куска мрамора выстѣкающей прекрасную статую по идеѣ, въ умѣ его представляющейся, обыкновенно отдѣляетъ отъ мрамора лишніе части — и мертвый мраморъ подъ рукой его оживаетъ, художникъ вдыхаетъ въ него свою душу. Такъ и въ словесности мы образуемъ себя по образцу, какой въ умѣ нашемъ носимъ, по которому размышляемъ, чувствуемъ, и котораго все тончайшіе оттѣнки мыслей выражаемъ на своемъ языкѣ. Отъ совершенства образца зависитъ совершенство образованія: чѣмъ онъ возвышеннѣе, идеальнѣе, тѣмъ и мы становимся благороднѣе, изящнѣе. — Жуковский служитъ намъ поучительнымъ примѣромъ. Онъ долго, долго изучалъ Шиллера, Гёте — и по этимъ образцамъ отлилъ Русскій художественный стихъ, Русскую художественную рѣчь, по выраженію Гоголя, *легкую и безтѣлесную какъ видныя*.

И вотъ какими трудами достигъ онъ *высшей степени образованія роднаго языка нашего и степени художественно-народной словесности*, воспиталъ цѣлое поколѣніе, образовалъ собою Пушкина. Прекрасное выраженіе, украшая прекрасную мысль, берегаетъ ее для потомства: это, справедливо говорить, для мысли и украшеніе и оружіе. Напрасно думаютъ, что одну и ту же мысль можно выразить разными, равно выразительными образами, что одна и та же идея можетъ имѣть различныя, равно прекрасныя формы: напротивъ, у каждой мысли одинъ только истинный образъ, какъ каждое лице выражаетъ одинъ извѣстный характеръ. У писателей самобытныхъ выраженіе отливается по мысли; у нихъ оно соотвѣтствуетъ совершенно идеѣ. Отинимте у мысли прекрасное ея выраженіе: вы разрушите все очарованіе. Многія мысли гениальныхъ писателей ведемъ намъ общія, знакомыя: чѣмъ же онѣ насъ поражаютъ? Вѣрнымъ выраженіемъ, изяществомъ своей формы.

Этимъ *образованіемъ поэтическаго языка*, обогащеніемъ его новыми прелестными формами, въ которыхъ выразились и Гомеръ, и Муръ, и Саути, и Бюргеръ, и Гебель, и Шиллеръ, и Гёте, и повѣсть изъ Магабараты и *Шахъ-Наме* — *внесеніемъ въ поэзію нашу романтической стихіи*, какъ Академикъ и глубокомысленный знатокъ языка, и какъ благородный, возвышенный писатель, стяжалъ Жуковский неувядаемый вѣнокъ первокласснаго, образцоваго писателя, какъ гордость и слава народная. Имя его будетъ жить въ потомствѣ

вмѣстѣ съ именемъ Русскимъ. Поэтъ нашъ въ описаніи монумента Петра Великаго и колонны Александра Благословеннаго изобразилъ всю Россію, *созданную вѣками, бѣдствіями, побѣдами*. «Тамъ, на берегу Невы, говоритъ онъ, подымаетъ «ся скала, дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ, «столь же почти огромный, какъ сама она... и на этой скалѣ «написано Петръ и рядомъ съ нимъ Екатерина; и въ виду «этой скалы воздвигнута нынѣ другая, несравненно огромнѣе, «но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусствомъ округленная «колонна... и на высотѣ ея уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій Ангелъ...» Это же описаніе вѣрно изображаетъ нашу литературу: первый памятникъ представляетъ языкъ и литературу, преобразованную Ломоносовымъ; другой — языкъ и литературу, совершенствованную Карамзинъ и Жуковскимъ.

И этого великаго писателя и нашего Сочлена Академика не стало! — Что говорю я? Духъ его оставилъ храмину свою, свѣше ему временно дарованную, и отлетѣлъ въ другой, лучший міръ; но въ памятникѣ, самимъ имъ созданномъ, въ его твореніяхъ поэтическихъ онъ пребудетъ всегда съ нами. Благословимъ память этого знаменитаго Русскаго писателя его же прекрасными словами:

«О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ*;
Но съ благодарностію: *были*».

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО

ГРАФУ С. С. УВАРОВУ.

[Въ слѣдъ за прочтеніемъ этой записки Г. Предсѣдательствующій сообщилъ Отдѣленію прилагаемыя при семъ письма В. А. Жуковскаго и Графа С. С. Уварова. Такъ какъ изъ перваго напечатано только извлеченіе (въ VIII томѣ новаго изданія сочиненій Жуковскаго), а послѣднее было совсѣмъ неизвѣстно, то Редакція посѣщала украсить этими письмами Извѣстія. Кромѣ любопытства, съ какимъ безъ сомнѣнія всякій прочтетъ дружескую переписку двухъ знаменитыхъ писателей нашихъ, поучительно выслушать мысли о переводѣ великаго пѣвца Греціи, въ одномъ письмѣ, поэта-художника, въ другомъ, глубокаго знатока поэзіи Гомера.]

Я давнымъ давно собираюсь благодарить васъ, любезнѣйшій Сергѣй Семеновичъ, за письмо ваше къ Князю Вяземскому (имъ мнѣ сообщенное), которое вы написали ему по поводу за-

мысленнаго вами моего юбилея; такая заботливость ваша о моей устарѣлой лирѣ меня тронула и порадовала; но я не хотѣлъ явиться къ вамъ съ пустыми руками, я хотѣлъ съ выраженіемъ моей благодарности принести вамъ и свою хлѣбъ-соль по Русскому обычаю — теперь могу исполнить и то и другое. Примите мою благодарность вмѣстѣ съ первыми XII-ю пѣснями Одиссеи, которыя предаю на судъ вашъ. Прочитайте мой переводъ съ тѣмъ участіемъ, которое вы всегда оказывали моимъ литературнымъ трудамъ и скажите искреннее свое мнѣніе. Петръ Александровичъ Плетневъ доставитъ вамъ манускриптъ.

Вы спросите какъ мнѣ пришло въ голову приняться за Одиссею, не зная Греческаго языка, и изъ таинственно записываго Германскаго романтика сдѣлаться смиреннымъ классикомъ? На это простой отвѣтъ: перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни мнѣ захотѣлось повеселить душу первобытною поэзіею, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и поконитъ, такъ мирно украшаетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремится ни въ какую туманную даль. Старость второе ребячество; подъ старость любишь рассказы; по этому и мнѣ захотѣлось присоедииться къ простодушнѣйшему изъ всѣхъ рассказчиковъ и, не имѣя въ запасѣ собственныхъ басенъ, повторить на Руси его Греческія стародавнія басни. Однимъ словомъ цѣль моя была: потѣшить самага себя на просторѣ поэтической болтовнею; это мнѣ и удалось; XII пѣсень Одиссеи кончены; были бы кончены и всѣ XXIV, но въ послѣдніе два года всякаго рода тревоги помѣшали мнѣ приняться за продолженіе труда моего: надѣюсь на нынѣшнюю зиму; можетъ быть и все кончу. Пока моя главная цѣль достигнута: муза Гомера озолотила много часовъ моей устарѣлой жизни; но то, что (для) меня самага такъ сладостно, такъ беззаботно утѣшало, будетъ ли утѣхою и для читателей соотечественниковъ, съ которыми хочу подѣлиться своими сокровищами, занятыми у Гомера — не знаю. Если это случится — то меня будетъ радовать мысль, что на Руси останется *твердый* памятникъ поэтической моей жизни. Быть вѣрнымъ представителемъ Гомера... но какъ же, стросите вы не зная Гомерова языка, говорить языкомъ его по Русски? Это я долженъ вамъ объяснить. Мнѣ помогла Нѣмецкая совѣтливая, трудолюбивая ученость. Въ Дюссельдорфѣ я нашелъ профессора Грасгофа, великаго Эллениста, который въ особенности занимается объясненіемъ Гомера. Онъ взялъ на себя помочь моему невѣжеству. Собственноручно, весьма четко онъ переписалъ мнѣ въ оригиналь всю Одиссею; подъ каждымъ Греческимъ

словомъ поставилъ Нѣмецкое слово, и подѣ каждымъ Нѣмецкимъ грамматическій смыслъ оригинальнаго. Такимъ образомъ я могъ имѣть передѣ собою весь буквальный смыслъ Одиссея и имѣть передѣ глазами весь порядокъ словъ; въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были такъ сказать собраны передо мною всѣ матеріалы зданія; не доставало только красоты, стройности и гармоніи. И вотъ въ чемъ состоялъ собственно трудъ мой: мнѣ надлежало изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонію изъ звуковъ терзающихъ ухо; и все это не во вредѣ, а съ вѣрнымъ сохраненіемъ древней физіономіи оригинала. Въ этомъ отношеніи и переводъ мой можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ. Но вопросъ: имѣлъ ли я успѣхъ? Самъ не могу быть себѣ судьей, ибо не могу сравнивать. Вы можете слышать самаго Гомера — спросите у него доволенъ ли онъ своимъ Гипперборейскимъ представителемъ, и сообщите мнѣ его мнѣніе. Я старался переводить слово въ слово, сколько это возможно безъ насилія языку, (отъ чего вѣрность рабская становится часто рабскою измѣною) слѣдовать за каждымъ словомъ и въ особенности старался соблюдать *ихъ мѣсто въ стихѣ* тѣмъ словамъ, которыя на этомъ мѣстѣ производятъ особенное поэтическое дѣйствіе. Повторю здѣсь то, что сказалъ о трудѣ моемъ въ другомъ мѣстѣ: «Переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на какой другой. Во всякомъ другомъ «поэтѣ, *непервобытномъ*, а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь «съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу искусства. «Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ; онъ младенецъ, видѣвшій «во снѣ все, что есть чуднаго на землѣ и небесахъ, и лепечущій объ этомъ звонкимъ ребяческимъ голосомъ на груди у «своей кормилицы природы. Это тихая, широкая, свѣтлая рѣка «безъ волнъ, отражающая чисто и вѣрно и небо и берега и все «что на берегахъ живетъ и движется; видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристалль, отражающій какъ будто не «существуетъ: око его не чувствуетъ. Переводъ Гомера (и въ «особенности Одиссею) недалеко уйдешь, если займешься формою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него, т. е. у Гомера, «нѣтъ отдѣльно-разительныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, «который надобно схватить *весь* во всей его полнотѣ и свѣтлости; надобно сберечь всякое слово и всякой эпитетъ, и въ «тоже время все частное забыто для цѣлаго. И въ выборѣ «словъ надлежитъ наблюдать особеннаго рода осторожность: «часто самое поэтическое, живописное, замечательное слово по-

тому именно и негодится для Гомера; все, имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное — «здѣсь не у мѣста; оно есть, такъ сказать, анахронизмъ; надобно возвратиться къ языку первобытному, потерявшему «уже свою свѣжесть потому, что всѣ его употребляли, заимствуясь у праотца Поззіи, надобно этому обвѣтшалоу, изношенному языку, возвратитъ его первоначальную свѣжесть и «новость и отказаться отъ всѣхъ нововведеній, какими языкъ «поэтический, удаляясь отъ простоты первобытной, по необходимости замѣнилъ эту младенческую простоту. Однимъ словомъ, перевода Гомера, надобно отказаться отъ всякаго щегольства, отъ всякой украшенности, отъ всякаго покушенія на «эффектъ; отъ всякаго кокетства; надобно производить дѣйствія *неощутительно* цѣлымъ, простою, незастыбленною, «непримѣтною выраженіемъ, стройностію широкихъ, обильныхъ періодовъ, иногда прерываемыхъ какъ будто безъ намеренія отдѣльными стихами, мало блестящими, такъ, чтобы «каждый стихъ въ періодѣ и каждое слово въ стихѣ, составляли одну общую гармонію, не нарушая ее никакимъ собственнымъ, отдѣльнымъ, звонкимъ, но часто длиннымъ звукомъ. Эта «работа весьма трудная; для нее нѣтъ ясныхъ правилъ; должно «руководствоваться однимъ чутьемъ; и для меня эта работа «была тѣмъ труднѣе, что я, въ этомъ отношеніи не могъ согласоваться съ оригиналомъ, ибо его не знаю, а могъ только «его угадывать. Но за то какое очарованіе въ этой работѣ, «въ этомъ подслушаніи первыхъ вздоховъ Анадіомены, радующейся изъ пѣнъ моря (ибо она есть символъ Гомеровою «Поззіи) — въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности «чравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ и прелестнымъ, «въ этой живописности безъ излишества, въ этой незастыблости и непорочности выраженія, въ этой болтовнѣ часто «черезъ чуръ изобильной, но принадлежащей характеру безискусственности и простоты, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая, нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипитъ и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, создающей произвольно грустные сѣтованія, а заключается въ самой «природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло «жизнь, пластически могучую въ *настоящемъ*, но и все было «ничтожно, ибо душа не имѣла за границею міра никакого «будущаго и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ, и «вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, «никому не шептала своихъ великихъ, всеоживляющихъ утѣ-

«шеній». Вотъ вамъ моя поэтическая исповѣдь. Прибавлю: я вездѣ старался сохранить простой, сказочный языкъ, избѣгая всякой натяжки, избѣгая всякаго славянизма, и по возможности соглашалъ съ формами оригинала (которыя всѣ матеріально сохранились въ переводѣ подстрочномъ) формы языка Русскаго такъ, чтобы Гомеровскій стихъ былъ ощутителенъ въ спискѣ Русскомъ, не заставляя его кривляться по Гречески. Предпринявъ сдѣлать новое, полное и вѣроятно послѣднее, которое будетъ *при мнѣ* напечатано, изданіе моихъ сочиненій, я начну его напечатаніемъ послѣднихъ томовъ, въ которыхъ будутъ новыя мои повѣсти и сказки, поэма Рустемъ и Зорабъ и XII первыхъ пѣсней Одиссея. Это составитъ три тома, которые успѣю отпечатать еще во время моего пребыванія за границею, въ Карлсру, гдѣ наблюдателемъ за напечатаніемъ будетъ извѣстный вамъ Ренетъ и отъ куда мнѣ легко будетъ получать послѣднюю корректуру живя въ Франкфуртѣ. Печатаіе же станетъ несравненно дешевле нежели въ Россіи, на хорошей бумагѣ и четкими буквами. Въ этомъ нахѣреніи посылаю вамъ Одиссею, прося васъ быть ходатаемъ за нее предъ Цензурою и при этомъ случаѣ благодарю васъ за психодатайствованіе мнѣ Высочайшаго позволенія не представлять для новаго цензурованія того, что было уже разъ напечатано и за покровительство ваше Рустему. Вы спросите: что значать въ манускриптѣ Одиссея отмѣтки и стихи красными чернилами? Вотъ что: мнѣ хотѣлось бы сдѣлать два изданія разомъ Одиссея: одно для *всѣхъ* читателей *полное*, другое для *юности*, съ *выпусками* (весьма немногими) тѣхъ мѣстъ, которыя не должны быть доступны юному возрасту. По моему мнѣнію нѣтъ книги, которая была бы столь прилична первому, свѣтлому періоду жизни, какъ Одиссея, возбуждающая всѣ способности души прелестію разнообразною: надобно только дать въ руки молодежи не одну сухую выписку въ прозѣ изъ Гомеровоі поэмы, а самаго живаго рассказчика Гомера, который въ одну раму заключилъ всю древнюю Грецію съ чудесными ея преданіями, съ ея первобытными правами. Языкъ перевода моего, кажется мнѣ, столь простъ, что Русская Одиссея будетъ доступна всѣмъ возрастамъ и можетъ быть, если сдѣланы будутъ нѣкоторыя выпуски, дана безъ опасенія въ руки всякаго юноши, начинающаго читать *про себя*. Къ этой очищенной, но неизкаженной, Одиссеѣ можно бы въ видѣ пролога присоединить рассказъ въ прозѣ о временахъ первобытныхъ и баснословныхъ Греціи и особенно съ большею подробностію о паденіи Трои (можно бы даже съ прозою мѣшать и стихи, то есть, перево-

дить стихами лучшія мѣста изъ трагиковъ, Илиады и Энеиды; но на это едва ли достанетъ силъ и времени); такимъ образомъ въ одномъ тѣсномъ объемѣ могли бы соединиться и вся баснословная исторія Древней Греціи и самыя душистыя цвѣты ея поэзіи; такимъ образомъ и Одиссея могла бы сдѣлаться самою привлекательною и въ тоже время самою образовательною дѣтскою книгою. *Отмѣтки* красными чернилами означаютъ тѣ мѣста, которыя слѣдуетъ исключить, а *стихи*, красными чернилами написанныя, должны быть вставлены въ замѣну стиховъ исключенныхъ. Вы сами увидите, что число послѣднихъ невелико и что ихъ отсутствіе не будетъ замѣтно въ поэтѣ и ни мало не измѣнитъ ея характера. Я внесъ эти замѣтки въ манускриптъ для того, чтобы цензура могла за одинъ разъ пропустить оба изданія. Что же касается до изданія очищеннаго, то оно, имѣя цѣлю *образованіе* юношества (котораго поэтическая сторона не должна быть пренебрегаема) входить въ область Министра просвѣщенія: желаю знать его мысли объ этомъ предметѣ.

Извините, что письмо мое такъ длинно; я сдѣлался старъ слѣдовательно и болтливъ; младшія дѣти, особливо прижитыя на старости, мнѣ намъ старшихъ: не мудрено, что я, устарѣлый Гиппербореецъ, разболтался съ Вами о своей младшей дочкѣ, прижитой съ вѣчно юною Музою Гомера. Я же ее нарядилъ въ ея отечественныя гексаметры; а вы на Руси, были первымъ возобновителемъ и распространителемъ этой Эллинской выкройки: отъ васъ получилъ ее Гнѣдичъ вашимъ добромъ и быю вамъ челомъ. Надѣюсь, что вы не долго заставите меня ждать вашего отвѣта. Не можно ли съ этого письма прислать мнѣ списокъ? Я употребилъ бы его вмѣсто предисловія къ Одиссеѣ.

Вашъ Жуковский.

$\frac{12}{24}$ Сентября 1847.
Франкфуртъ на Майнѣ.

ОТВѢТЪ

ГРАФА С. С. УВАРОВА.

Съ восхищеніемъ прочелъ я, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, Вашу Одиссею; смѣю думать, что Вы преодолѣли большія затрудненія неразлучныя съ переводомъ Омера; сверхъ того вы умѣли сохранить нашему языку всю благозвучность, столь

драгоценную для Русскихъ. Вашъ трудъ не можетъ не имѣть благотворительнаго вліянія на умы новаго поколѣнія и конечно будетъ принятъ у насъ съ должною благодарностію. Что же касается до *очищеннаго* изданія Одиссеи, то по моему мнѣнію нѣтъ никакой нужды къ оному приступать. Вездѣ и всегда юношество читаетъ Омера въ *полныхъ* изданіяхъ и нигдѣ незамѣчено, чтобы это чтеніе производило соблазнъ малѣйшій. Даже и *Иезуиты*, въ странномъ ихъ стремленіи *очищать* классиковъ, не смѣли коснуться творца *Иліады* и *Одиссеи*. *Pomergus exurgatus* не существуетъ. Въ немъ нѣкоторыя *наготы* не возбуждаютъ чувствительность, подобно древнимъ памятникамъ пластики, видъ коихъ производитъ особое какое-то умиленіе, ни мало не возбуждая воображеніе. Потому то, думаю я, лучше ограничиться однимъ полнымъ изданіемъ; что и въ видахъ книжной промышленности обѣщаетъ болѣе успѣха, чѣмъ одновременное появленіе двухъ изданій изъ коихъ одно будетъ полное, а другое неполное. Примите, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, это замѣчаніе такъ какъ нѣкогда вы принимали замѣчанія Арзамасской дружины, сидѣвшей около вашего стола на берегахъ Карновки «въ коей не водятся карпы». Между тѣмъ я вручаю это письмо и рукопись, снабженную разрѣшеніемъ цензуры П. А. Плетневу.

Еще разъ повторяю мою истинную признательность за прекрасные часы, коими я обязанъ чтенію вашего отличнаго труда. Это было для меня, какъ будто лучъ давно угасшей молодости, блеснувшій печально посреди жизни заботливой и тяжелой.

Жена кланяется вамъ отъ сердца. Сынъ свидѣлствуетъ почтеніе. Мы—было вамъ приготовили пріемъ поэтическій, но за отсутствіемъ главнаго лица, наши попеченія остались безъ успѣха. Надѣюсь въ будущемъ году васъ встрѣтить на берегахъ Невы радушиемъ изъясненіемъ общаго къ вамъ въ Россіи уваженія и въ особенности непоколебимой любви всѣхъ прежнихъ друзей.

Бодрствуйте духомъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ; вы знаете совѣтъ Горация, не уступать ничего изъ немногихъ остающихся дней. Жизнь души не соразмѣряется съ числомъ лѣтъ: она подлежитъ своему закону.

С. Петербургъ.
10 Ноября 1847.

III.

ЧТЕНІЕ

О ВАСИЛІИ АНДРЕЕВИЧѢ ЖУКОВСКОМЪ.

П. А. Плетнева. *)

I.

Поэзія, можетъ быть, нѣкогда не была такъ ложно понимается, какъ многіе понимаютъ ее въ наше время. Съ высоты провозвѣстницы божественныхъ истинъ (таково было о ней понятіе Древнихъ) теперь производятъ ее до забавы младенствующихъ народовъ. Изъ вдохновеннаго искусства превращаютъ ее въ холодное разсужденіе на заданный предметъ. По счастью, въ природѣ души человѣческой гораздо болѣе силы и истины, нежели въ убѣжденіяхъ превратнаго, или ложнаго ученія. Истинные поэты и въ наше время являются съ тѣмъ же достоинствомъ, могуществомъ и вліаніемъ на современниковъ, какими ознаменовано было ихъ явленіе въ прежніе вѣки. Для человѣчества поэзія не утратила и нѣкогда не можетъ утратить истиннаго своего значенія, какъ все прекрасное и высокое, отъ природы врожденное намъ и душѣ нашей. Ея основаніе не искусственное, не случайное, не временное: оно изъ числа тѣхъ вѣчныхъ и повсемѣстныхъ началъ, изъ которыхъ какъ въ древнія времена, такъ и въ новыя, у дикихъ и образованныхъ народовъ, возникли одинаково равныя понятія о доблестяхъ и совершенствахъ души. Во времена явной испорченности нравовъ, для человѣчества не утратили точнаго значенія своего ни благодарность, ни состраданіе, ни кротость, ни терпѣніе. Подобно тому и съ поэзіею всегда будетъ слито понятіе о вдохновенной челоѣку силѣ къ возсозданію всего прекраснаго, поражающаго его въ природѣ. Это понятіе, въ сущности своей, нисколько не зависитъ ни отъ времени, ни отъ мѣста. Только формы и краски поэзіи могутъ измѣняться, а сама она неизмѣнна.

Поэтъ, о которомъ я начинаю говорить, прекрасно сравнилъ поэзію съ добродѣтелью. Въ его опредѣленіи больше общирности, нежели въ моемъ. Я полагаю только, что основаніе поэзіи, какъ и добродѣтели, не можетъ быть измѣнено, или уничтожено произволомъ нашимъ, потому что оно принадлежитъ къ числу врожденныхъ намъ понятій. Но тотъ, кто сказалъ:

«Поэзія есть добродѣтель;

«Нашъ гевій лучший намъ свидѣтель (II. 81),»

ясно и опредѣлительно вноситъ въ понятіе поэзіи, кромѣ равнаго ей происхожденія съ добродѣтелью, самые законы бытія

*) Читан. въ Отдѣленіи по случаю выхода въ свѣтъ пятаго изданія «Сочиненій В. А. Жуковскаго», еще до полученія извѣстія о его кончинѣ.

последней. Онъ прекрасный талантъ свой и его вдохновенія, въ назиданіе всѣмъ, торжественно подчинилъ закону нравственныхъ дѣйствій, вознаграждаемыхъ не приговоромъ людскимъ, а сладостію внутреннего своего сознанія и оправданіемъ передъ Создателемъ. Приводя здѣсь это мнѣніе, я только мимоходомъ вношу, безъ сомнѣнія, самую замѣчательную черту въ характеристику нашего поэта, но принятіе, или отрицаніе столь возвышенной мысли зависить вполнѣ отъ нравственныхъ убѣжденій каждаго.

Что касается до неизмѣняемости основанія поэзіи, это само собою защищается. Оставляя въ покоѣ Древность, которой примѣры начинаютъ терять для насъ убѣдительность по чрезвычайному различію всѣхъ сторонъ прежней и нашей жизни, остановимся на явленіяхъ, самыхъ близкихъ къ намъ. Германія и Англія были не только не въ младенческомъ, но уже и не въ юношескомъ развитіи, когда Шиллеръ и Вальтеръ-Скоттъ съ современными имъ поэтами такъ достойно, такъ торжественно и неуклонно вышли на поприще поэзіи. Преобладаніе теоретической дѣятельности въ одной сторонѣ и практическаго стремленія въ другой не уничтожили въ нихъ свыше посланнаго дара. И мало того, что высокія и прекрасныя созданія ихъ не остались затаенными, или подавленными противодѣйствіемъ, такъ называемаго, неблагоприятнаго времени и прочихъ обстоятельствъ—поэты встрѣтили полное къ себѣ сочувствіе, которое было и осталось ни рѣже, ни слабѣе, какъ и вѣчное сочувствіе къ трогательнымъ, или героическимъ доблестямъ души. Силою дарованія ихъ призванные къ жизни образы, дѣйствія, чувства и страсти обошли современныя племена почти на всей землѣ, глубоко проникнули въ душу и переходятъ наслѣдственно къ новымъ поколѣніямъ. Въ глазахъ нашихъ самымъ жалкимъ показался бы тотъ человѣкъ, который бы какимъ нибудь образомъ лишился быль этого сокровища.

Покорившись естественному призванію, и покоривши современниковъ своимъ неодолимой его власти, названные мною поэты развили для человѣчества столько истинъ религіозныхъ, политическихъ, философскихъ, нравственныхъ, историческихъ, что положительныя заслуги ихъ, какъ гражданъ, указываютъ имъ мѣсто въ блистательномъ ряду полезѣйшихъ для общества дѣйствователей. Между тѣмъ, для исполненія этой высокой обязанности, которой отвѣтственность они глубоко чувствовали, движимые гениемъ поэзіи, ни одинъ изъ нихъ не избралъ постоянного предмета для своихъ вдохновеній, равно обнимая душою все прекрасное въ природѣ. Что значитъ ограниченное

мѣсто и исключительный источникъ для того, кто, какъ сама природа, неисощимъ въ разнообразіи, поятенъ всѣмъ племенамъ и сочувствуетъ каждому движенію всемірной жизни? Не безъ основанія и конечно не безъ намѣренія Шиллеръ изобразилъ эту мысль съ удивительною силою и прелестью. Жуковский намъ передать ее слѣдующими словами:

«По воздуху вихорь свободно шумить;
«Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
«Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ.
«Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина —
«И темное чувство, изъ дивнаго сна
«При звукахъ воспріимъ, пылаетъ (III. 13).»

Высказывающееся въ наше время мнѣніе, будто поэзія отжила свой вѣкъ для Европейскихъ народовъ, или, что она, для сохраненія достоинства своего между нашими современными вопросами, должна ограничиться развитіемъ какого-нибудь общественнаго направленія, это мнѣніе принадлежитъ къ положеніямъ того односторонняго и ложнаго ученія, которое, подобно всякой неожиданной новости, перѣдко соблазняетъ слабыя и легкомысленные умы. Никто не сомнѣвается, что истинныя поэты являются рѣдко. Но такова судьба всего, что возвышается надъ человечествомъ. Исчезнуть же, или возникнуть въ противоположность естественному закону — можетъ только вымышленное прихотью человѣка, а не дарованное безсмертной его душою Создателемъ.

II.

Ежели можно дойти до убѣжденія въ томъ, что, при всѣхъ перемѣнахъ общественной жизни, для поэзіи всегда останется мѣсто въ сердцѣ человѣка, и что обильные источники ея вдохновенія до тѣхъ поръ не изсякнутъ, пока сохранится животворная связь между природою и нашею душою, то самымъ любопытнымъ и самымъ близкимъ становится вопросъ: какимъ путемъ и къ какой цѣли долженъ идти поэтъ, чтобы его произведенія навсегда сохранили достоинство, силу и дѣйствіе свое? Первая часть этого вопроса обыкновенно разрѣшается почти одинаково: путемъ совершенства, то есть, красоты, или изящества. Вторая часть давно составляетъ предметъ спорный. Такъ какъ и въ самомъ опредѣленіи изящества часто слышатся разногласія, то я предпочитаю остановить здѣсь вниманіе читателей на словахъ Жуковского же, который, по моему мнѣнію, точнѣе всѣхъ и всѣхъ удовлетворительнѣе опредѣляетъ то и другое.

Вотъ его мнѣніе о сущности прекраснаго *): «Руссо гово-

*) Москвитинъ. 1848. № IV. Отд. III. стран. 14.

«рѣчь: Il n'y a de beau que ce qui n'est pas; *прекрасно только то, чего нѣтъ*. Это не значитъ *только то, что не существуетъ*; прекрасное существуетъ, но его *нѣтъ*, ибо оно, такъ сказать, намъ является единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы намъ сказаться, оживить, обновить душу—но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ. Оно не имѣетъ ни имени, ни образа. Оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты жизни. Величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души челоувѣческой, очарованіе счастья, вдохновеніе несчастья и проч. производить въ насъ сіи живыя ощущенія прекраснаго — и весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ нимъ грусть, но грусть, не приводящая въ уныніе, а животворная, сладкая, какое-то смутное стремленіе: это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности. *Прекрасно только то, чего нѣтъ*. Въ эти минуты тревожно-живаго чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно проведено и что передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и чего въ немъ нѣтъ, но что гдѣ-то и для одной души существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія: иначе отъ чего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія! Нѣтъ: эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимопролетающій благовѣститель лучшаго; оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ, темная память объ утраченномъ, искомомъ и со временемъ достижимомъ эдемѣ. Оно дѣйствуетъ на нашу душу не однимъ присутственнымъ *настоящимъ*, но и неяснымъ, въ одно мгновеніе сліявшимся *воспоминаніемъ* всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ *ожиданіемъ* лучшаго въ будущемъ.»

Надобно полагать, что изъясненіе сущности прекраснаго не одинъ разъ занимало нашего поэта. Замѣчательнѣе всего, что въ глубинѣ души своей онъ постоянно находилъ одинъ на это отвѣтъ, чего нельзя не почувствовать, прочитавъ слѣдующіе стихи его:

«Что пашъ языкъ земной предъ дивною природой?
 Съ какой небрежною и легкою свободой
 Она рассыпала повсюду красоту
 И разнovidное съ единствомъ согласила!
 Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
 Едва-едва одцу ея черту
 Съ усиленіемъ поймать удастся вдохновенію....
 Но лезъ ли въ мертвое живое передать?
 Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?»

Невыразимое подвластно ль выраженію?
 Святѣя тайства! лишь сердце знаетъ васъ.
 Не часто ли въ величественный часъ
 Вечерняго земли преображенія,
 Когда душа смятенная полна
 Пророчествомъ великаго видѣнія
 И въ безпредѣльное унесена,
 Спирается въ груди болѣзненное чувство,
 Хотимъ прекрасное въ полетѣ удержать,
 Непареченному хотимъ названье дать —
 И обезсиленно безмолвствуетъ искусство?
 Что видимо очамъ—сей пламень облаковъ,
 Но небу тихому летящихъ,
 Сіе дрожанье водъ блестящихъ,
 Сіи картины береговъ
 Въ пожарѣ пышнаго заката —
 Сіи столь яркія черты
 Легко ихъ ловить мысль крылата,
 И есть слова для ихъ блестящей красоты.
 Но то, что слыто съ сей блестящей красотою —
 Сіе столь смутное, волнующее насъ,
 Сей внемлемый одной душою
 Обворожающаго гласъ,
 Сіе къ далекому стремленіе,
 Сей мимовашаго привѣтъ
 (Какъ прилетѣвшее незапно дуповеніе
 Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то нѣтъ
 Святая молодость, гдѣ жило упованіе),
 Сіе шепчущее душѣ воспоминаніе
 О миломъ радостномъ и скорбномъ старшій,
 Сіа сходящая святѣя съ вышнихъ,
 Сіе присутствіе Создателя въ созданъ —
 Какой для нихъ языкъ?... Горѣ душа летитъ,
 Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится,
 И лишь молчаніе понятно говоритъ (III. 62).»

Подобное представленіе предмета, со всѣми тончайшими, едва уловимыми его чертами, должно было образоваться въ умѣ только истиннаго поэта, который не могъ удовольствоваться сухими, холодными опредѣленіями ученыхъ, извлекающихъ заключенія свои не изъ собственныхъ ощущеній, а изъ сравненія соображеній предшественниковъ. И такъ сущность прекраснаго поэтъ опредѣляетъ таинственною силою духовной и вещественной природы, увлекающею душу къ воссозданію явленій, возвышающихъ ее, трогающихъ, или плѣняющихъ. Въ этомъ соотношеніи внѣшняго съ внутреннимъ все чистоматеріальное отстранено. Подобно тому, какъ на каждомъ твореніи Божіемъ, вдохновляющемъ поэтическую душу, чувствуется преобладаніе живой, свѣтлой мысли—на твореніи поэта остается также не исчезающее выраженіе неземной красоты. Она поражаетъ умъ новою истиною, сердце глубиною чувствованія, воображеніе полнотою, стройностію и вѣрностію созданія. Не удивительно, что чтеніе великихъ поэтовъ образуетъ великихъ людей для всѣхъ поприщъ гражданственности.

*

Что касается до прямой цѣли поэтического произведенія, о ней Жуковский выразился такъ *): «Цѣлю его можетъ быть не иное что, какъ осуществленіе того прекраснаго, котораго *тайну* душа открываетъ въ твореніи Бога и которое стремится явно выразить въ твореніи собственномъ. Сіе ощущеніе и выраженіе прекраснаго, сіе возсозданіе своимъ средствами созданія Божія есть *художество*. Что же такое *художникъ*? творецъ; и цѣль его не иное что, какъ самое это *твореніе*, свободное, вдохновенное, ни съ какимъ постороннимъ видомъ не соединенное». Ежели прекрасное, по мнѣнію поэта нашего, въ себѣ самомъ заключаетъ и цѣль поэзіи, отсюда не слѣдуетъ, что оно осуществленіемъ своимъ ни къ чему не приближаетъ ни насъ, ни того, кто его производитъ. Оно, какъ я замѣтилъ, вноситъ въ душу лучшія начала, изъ которыхъ развивается духовное бытіе наше. По мѣрѣ воспріимлемости и нравственной нашей силы, оно способно вдругъ устремить насъ ко многимъ высшимъ цѣлямъ жизни, точно такъ, какъ созерцаніе явленій природы внушаетъ человѣку столь высокіе помыслы, до какихъ никогда бы не вознесся онъ разсчитанными путями холоднаго уметованія.

Эти общія замѣчанія о поэзіи мнѣ показались необходимыми передъ разборомъ сочиненій поэта. Какъ введеніе, они опредѣляютъ точку, съ которой я смотрю на избранный предметъ. Въ наше время не бесполезно объясниться и о такихъ понятіяхъ, которыя прежде всеми принимаемы были одинаково.

III.

Поэзія, въ смыслѣ правильнаго стихотворства, основаннаго на требованіяхъ изящнаго и въ тоже время словеснаго искусства, у насъ получила начало только со второй половины XVIII столѣтія. Появленіемъ ея въ литературѣ нашей мы обязаны Ломоносову, человѣку многообъятнаго ума, соединившему въ себѣ разпосторопнія ученія свѣдѣнія съ способностями къ стихотворству. Ничего не отнимая отъ его заслугъ, справедливо всеми признанныхъ, его нельзя впрочемъ назвать творцемъ этой поэзіи; потому что правила ея всеми Европейцами заимствованы были отъ Древнихъ — и Ломоносовъ только счастливо умѣлъ приложить ихъ къ Русскому языку, постигнувъ духъ его и свойства. Выборъ содержанія стихотвореній его, ихъ расположеніе, приемы въ переходахъ отъ одной части къ другой, краски изображаемыхъ предметовъ и общее настроеніе поэзіи его — все также явно отзывается искусствомъ заимствованнымъ. Нигдѣ не встрѣишь у него самобытныхъ созданій,

*) Москвитян. Тамъ же.

вызванныхъ къ жизни внутреннимъ его увлеченіемъ, сильнымъ сочувствіемъ, страстію, или художническимъ призваніемъ. Есть нѣсколько описаній, нѣсколько движеній прекрасныхъ; но они свидѣтельствуютъ гораздо болѣе объ искусствѣ оратора, нежели поэта. Такимъ образомъ въ общемъ характерѣ его поэзіи обозначалась явная подражательность, изысканность, даже холодность.

Между тѣмъ новость этого искусства въ нашей литературѣ, изумительная на первый разъ звучность стиховъ, нѣсколько живыхъ описаній отечественной мѣстности и особенно гениальное имя писателя, указавшаго пути почти ко всемъ отраслямъ уметвенныхъ занятій, не только успѣли доставить его поэзіи всеобщее уваженіе, но и внушить какое-то благоговѣніе къ ней. До самаго конца XVIII столѣтія все поэты наши отъ нея заимствовали и содержаніе, и языкъ, и стихотворныя украшенія. Даже гениальный Державинъ, въ этомъ отношеніи, долженъ названъ быть ученикомъ Ломоносова. Положенія лицъ, голосъ страстей, языкъ чувствованій, краски и освѣщеніе картинъ — все высказывалось не въ естественномъ состояніи, не въ дѣйствительной жизни, а на какомъ то искусственномъ возвышеніи и въ очертаніяхъ театральныхъ. Однимъ словомъ, къ поэзіи того времени можно примѣнить сказанное Дмитріевымъ въ его сатирѣ «Чужой Толкъ»:

«Тутъ найдешь то, чего бѣ пехитрому уму
Не выдумать и въѣкъ: *зари багряны персты*
И райскій крингъ, и Фебъ, и небеса отверсты
Такъ громко, высоко.... а пѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ.»

Совершенный и самый счастливый переворотъ въ нашей поэзіи произведенъ былъ Жуковскимъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Только съ этого времени и только въ стихахъ Жуковского мы почувствовали, какую власть надъ душою можетъ принять истинная поэзія. Приступая къ изображенію увлекавшихъ его предметовъ, онъ не думалъ, какъ Ломоносовъ, о внѣшней формѣ стиховъ и подборѣ громкихъ выраженій; онъ въ образахъ своихъ читалъ не отдѣльные слова въ буквальномъ ихъ смыслѣ: прежде всего онъ глубоко проникался тѣми ощущеніями, безъ которыхъ нѣтъ жизни въ поэзіи, тѣмъ господствующимъ направленіемъ души, которое сообщаетъ вѣрный тонъ произведенію, и наконецъ полнымъ представленіемъ тѣхъ принадлежностей положенія, или дѣйствія, избраннаго для стихотворенія, безъ которыхъ ничто не совершается стройно ни въ окружающей насъ природѣ, ни въ насъ самихъ. Прелесть поэзіи была искусствомъ, заимствованнымъ изъ образцовъ, по-

дражательною оболочкою холоднаго соображенія. Она не истекала изъ оживленнаго участіемъ сердца, а потому и дѣйствіе ея не простиралось далѣе вѣншихъ чувствъ. Повесть поэзія достигнула въ насъ до той глубины сочувствія, изъ которой сама она излилася.

Трудно было бы объяснить безошибочно, какія обстоятельства помогли молодому поэту выбраться на эту счастливую дорожку, если бы кому захотѣлось доискаться истинной причины переворота въ искусствѣ. Одно могущество дарованія не будетъ здѣсь достаточнымъ рѣшеніемъ задачи; потому что въ числѣ предшественниковъ Жуковскаго мы видѣли Державина. Надобно приписать это явленіе содѣйствію многихъ причинъ вмѣстѣ, какъ-то: личному характеру поэта, его воспитанію, первоначальному чтенію, обществу, посреди котораго онъ созрѣвалъ для будущихъ трудовъ своихъ, началу новыхъ идей и самаго вкуса, получившихъ развитіе въ тогдашней литературѣ и жизни, историческимъ событіямъ эпохи и множеству другихъ обстоятельствъ, покидающихъ въ душѣ нашей незамѣтныя впечатлѣнія, но въ сложности своей часто сильныя. По крайней мѣрѣ, подобный способъ объясненія литературныхъ перемѣнъ въ наше время принятъ всѣми критиками. Онъ невыгоденъ только въ томъ отношеніи, что легко прилагается ко всякому случаю и все рѣшить правдоподобно, ничего не разрѣшая въ дѣйствительности, прямо и съ точностію. Впрочемъ психологическія разложенія всѣ такого свойства, что едва ли кто изъ насъ и самъ въ состояніи безошибочно разобрать, сколько истины и дѣйствительности въ каждомъ изъ приводимыхъ обстоятельствъ, если бы предложено было подтвердить намъ самымъ подлинность показанія.

Разбирая каждаго изъ писателей нашихъ, обыкновенно заботятся точнѣе опредѣлить, какой языкъ преобладаетъ въ немъ, тотъ ли, который мы называемъ книжнымъ, или собственно разговорный, чисто ли Русскій, или съ замѣтною примѣсью словъ Церковно-Славянскихъ. Этотъ взглядъ мнѣ кажется несправедливымъ. Всякое слово, изъ какого бы языка мы ни взяли его, изъ книжнаго, разговорнаго, чисто Русскаго, или Церковно-Славянскаго, можетъ быть равно хорошо и равно дурно: хорошо тогда, когда оно ничѣмъ незамѣтно для выраженія извѣстнаго понятія, смотря по его значенію мѣстному, историческому, философскому и т. д.; дурно, когда сообщаетъ понятію выраженіе ложное, неполное, слабое и т. п. Что ни излагаетъ писатель, для всего непременно есть опредѣленное мѣсто, время, лице, сословіе, характеръ, намѣреніе и безконечное мно-

жество другихъ принадлежностей. Въ ихъ особенностяхъ и заключаются требованія того, или другого языка, того, или другого слова. Для писателя, у котораго есть точный умъ, истинное дарованіе, несомнѣнныя свѣдѣнія о предметахъ, имъ изображаемыхъ, природный, или воспитаніемъ образованный вкусъ, а болѣе всего живое чувство истины, для такого писателя съ каждымъ понятіемъ соединяется непременно то самое слово (изъ какого бы разряда въ языкѣ ни взялось оно), которое передаетъ это понятіе вполнѣ, вмѣщая въ себя и физіономію его, и исторію, и мѣстность, и характеръ. Слѣдовательно вопросъ объ языкѣ писателя надобно обратить не къ преобладанію въ немъ того, или другого элемента, а къ неизмѣнному въ немъ согласію между понятіями и выражающими ихъ словами. Ничто не можетъ сообщить счастливой мысли такого могущества и власти надъ умомъ читателей, какъ ея изображеніе, во всѣхъ отношеніяхъ точное, ничѣмъ неослабленное и вполнѣ согласное съ ея разнородными от-
тѣнками.

Жуковскій явился въ кругу писателей тогда, когда многіе изъ критиковъ примѣтно вступались за честь нашего разговорнаго языка, усиливаясь вытѣснить изъ свѣтской литературы тяжелый, или книжный языкъ, за права чисто Русскаго языка, нападая на Церковно-Славянскій. Такъ какъ школа этихъ преобразователей составила изъ молодаго поколѣнія, которое доставило Россіи нѣсколько образцовыхъ писателей, поэтому многіе приняли убѣжденіе, что и Жуковскій по своему языку долженъ принадлежать къ этой же школѣ. Но въ этомъ мнѣніи явная ошибка. У Жуковскаго въ языкѣ можно встрѣтить болѣе, нежели у кого нибудь изъ Русскихъ писателей, выраженій, даже оборотовъ Церковно-Славянскихъ и такъ называемыхъ словъ языка книжнаго. При всемъ томъ его языкъ всегда былъ и останется образцемъ чистоты, правильности, выразительности и всѣхъ совершенствъ языка Русскаго. Это кажущееся противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что выше сказано мною объ искусствѣ согласенія понятій съ ихъ словами. Поэтъ нашъ, какъ и всякой самостоятельный писатель, не принимаетъ безусловно требованій одной какой нибудь школы. Онъ въ своей душѣ и въ дарованіи своемъ находитъ всѣ принадлежности искусства. Отъ того оно является для насъ въ его созданіяхъ новымъ, поразительнымъ и неизмѣнно прекраснымъ.

IV.

Въ произведеніи слова, нѣтъ сомнѣнія, языкъ есть принадлежность первой важности. Онъ прежде всего разрѣшаетъ вопросъ, надобно ли приниматься автору за перо. Въ языкѣ

мы съ перваго раза чувствуемъ отношеніе мысли къ ея проявленію. Малѣйшій недостатокъ послѣдняго безобразитъ или всю мысль, или нѣкоторыя части ея. Но ошибки въ формахъ, даже въ размѣщеніи словъ, представляютъ столь рѣдкія явленія въ писателяхъ самыхъ посредственныхъ, что было бы слишкомъ мелко для критики вдаваться въ изслѣдованіе ихъ и толковать съ важностію объ ихъ устраниеніи. Нельзя же писать на языкѣ, не зная грамматики его хоть по привыкѣ. Труднѣе быть безошибочнымъ въ сохраненіи равновѣсія между понятіями и обнаруживающими ихъ словами. Этому не научились ни изъ грамматики, ни даже изъ лексикона. Природное чувство, дарованіе, изученіе великихъ образцовъ, внутренняя потребность истины, внимательный умъ — вотъ источники, изъ которыхъ почерпаются писателемъ истинныя совершенства языка. Предназначенный природою въ посредники между явленіями міра духовнаго и чувственнаго, писатель съ дѣтства чутко слышитъ, какимъ звукомъ до сердца нашего вѣтрище доходитъ каждый образъ, душою создаемый. Въ важныхъ книгахъ и въ бѣгломъ разговорѣ, между простолюдинами и въ высшемъ обществѣ, онъ равно поражаемъ бываетъ тѣмъ счастливымъ выраженіемъ, которое для предмета въ извѣстныхъ его обстоятельствахъ только и существуетъ въ языкѣ одно между множествомъ на него похожихъ. Умѣть схватить его во-время, на приличномъ мѣстѣ, дать окруженіе, для него необходимое, опереться на немъ всю силою мысли, отстранить отъ него то, что замедлило бы естественное его движеніе — все эти и подобныя имъ требованія, обыкновенному человѣку непонятны, такъ важны для хорошаго писателя, что онъ въ употребленіи языка чувствуетъ не менѣе тайну, какъ и музыкантъ въ музыкѣ, съ тою только разницею, что къ тайнамъ языка нельзя придумать правилъ.

Русскіе поэты до временъ Жуковского, сколько надобно заключить по большому числу ихъ стихотвореній, не входили въ изученіе языка съ этой точки зрѣнія. По крайней мѣрѣ, читатель въ предшествовавшемъ періодѣ съ трудомъ отыщетъ какое нибудь цѣлое стихотвореніе, которое бы обнаружило въ себѣ строгое исполненіе означенныхъ условій. У Державина, какъ у истиннаго поэта, больше всехъ было врожденнаго чутія къ требованіямъ искусства. Поэтому есть у него образцовыя мѣста и по языку. Но чѣмъ они окружены? Эта первовность прямо указываетъ на отсутствіе многихъ принадлежностей, необходимыхъ для писателя. Между тѣмъ въ Жуковскомъ слѣдуйте постепенно отъ одного стихотворенія къ другому, или

отъ стиха къ стиху, или, если угодно, отъ одного слова къ другому: вездѣ вы чувствуете власть писателя и могущество поэта. Выѣсто прежняго языка нашего, односложнаго, упрямаго, неоконченнаго въ обработкѣ, является языкъ разнообразно музыкальный, подчиняющійся всемъ условіямъ, даже прихотямъ искусства, мягкій, гибкій, способный къ изображенію всехъ оттѣнковъ какъ вещественной, такъ и духовной красоты.

Надобно прибавить еще замѣчаніе. Равносильный съ понятіями языкъ есть большое достоинство въ писателѣ, но съ нимъ не всегда соединяется чья нибудь принадлежность исключительно, потому что каждый поэтъ, достигнувшій полнаго развитія въ искусствѣ, уже владѣетъ этимъ языкомъ, какъ необходимымъ орудіемъ для вѣрнаго проявленія своей мысли. Личная, самобытная его художественность обнаруживается въ способѣ употребленія языка, что называется образованіемъ слога. Если слова значатъ тоже, что отраженіе внутренняго міра поэта, то слогъ должно назвать движеніемъ, жизнью этого міра. Изъ общихъ элементовъ языка слогъ создаетъ такую необыкновенную рѣчь, что въ ней представляется намъ все оживленнымъ: и положеніе предметовъ, и освѣщеніе ихъ, и тѣни, и краски, и чувствуется особенная теплота, и болѣе выраженія. Безъ слога писатель тоже, что человѣкъ безъ фizioноміи: и все части въ лицѣ — да вниманія остановить не на чемъ.

Слогъ Жуковского — кто его не знаетъ изъ Русскихъ? Онъ въ литературѣ тоже, что въ живописи колоритъ и освѣщеніе Корреджіо. Слогомъ своимъ Жуковский вполне преобразовалъ нашу поэзію. Онъ сгладилъ самые слѣды Ломоносовскаго на нее вліянія, и до сихъ поръ остается прямымъ наставникомъ, недостижимымъ образцомъ для поэтовъ Русскихъ XIX столѣтія. Своимъ слогомъ, въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю это слово, онъ создалъ у насъ все въ повѣйшей поэзіи: живость разсказа, яркость описаній, граціозность положеній, голосъ чувствованій, игривость вымысловъ, блескъ выраженій, разнообразіе картинъ и краснорѣчіе поэтической истины. Самъ Пушкинъ сказалъ, что Жуковский приготовилъ для него дорогу. Въ слогъ Жуковского олицетворяется, живетъ и дѣйствуетъ все, что только коснется души его, или мелькнетъ передъ нею. Изъ-подъ его пера каждое слово выходитъ одушевленнымъ звукомъ, приноситъ сердцу еще неопытанное ощущеніе и увлекаетъ его въ какой-то новый міръ невыразимой прелести. Нашъ языкъ въ его слогъ получаетъ такую прозрачность, такую воздушную легкость, что, кажется,

поэтъ нашелъ тайну все духовное свое богатство передавать намъ духовными же знаками.

V.

Какъ назвать эту неизмѣнную отличительность слога въ писателѣ, эту постоянную фizioномію его, эту всегдашнюю самобытность его воспріемлемости впечатлѣній и возсозданія ихъ—достоинствомъ, или недостаткомъ? Ежели поэтъ, уступая пристрастію своему къ извѣстнымъ формамъ языка, къ однимъ и тѣмъ же оборотамъ, украшеніямъ и другимъ его особенностямъ, доходитъ до явной ограниченности въ самомъ выборѣ предметовъ и ихъ сферы; то и слогъ его, выказывая однообразное движеніе въ его внутреннемъ мірѣ, не можетъ не превратиться въ явный недостатокъ. Но какъ скоро поэту природа и жизнь во всѣхъ явленіяхъ своихъ равно доступны и отзываются въ душѣ его тѣми ощущеніями, которыя мгновенно окружаютъ насъ живыми, разнообразными, неисчислимыми образами, картинами, звуками, положеніями и дѣйствіями; тогда его рѣзкій, вѣрный, самобытный слогъ есть высокое достоинство, какъ неизмѣнное вдохновеніе, все облекающее въ яркія краски, въ естественныя пропорціи, и придающее имъ полную выразительность. Во всѣхъ искусствахъ цѣнятся дорого счастливая воспріемлемость разнообразныхъ впечатлѣній и съ нею видимая способность самобытно воспроизводить сообщаемое намъ природою, или идеею другого художника. Есть дарованія, особенно между музыкантами, до такой степени живо и легко воспринимаящіе характеръ и фizioномію чужихъ произведеній, что, выполняя ихъ собственными силами, они каждому звуку, каждому его оттѣнку сообщаютъ всю прелесть мысли самаго сочинителя. Но и посреди этого какущагося самоотчужденія сильно слышится властвующій или собственный характеръ, которымъ они и вступаютъ въ права дарованій самобытныхъ надъ слушателями. Безъ этой непобѣдимой силы души воспроизведеніе утратило бы жизнь и превратилось бы въ бездушную, мертвую копію.

Измѣняя предметы творчества не лѣзя ли для каждаго изъ нихъ создать и новый слогъ? Не сообщить ли это разнообразіе еще болѣе прелесть нашимъ произведеніямъ? На подобное усиліе наводятъ художниковъ нѣкоторые критики. Но въ теоріи ихъ, я предполагаю, больше недоразумѣнія, нежели истины. Само собою разумѣется, что разнородные предметы вызываютъ много разнообразія и въ ихъ проявленіи. Свѣтъ и тѣнь, движеніе и неподвижность, страсть и хладнокровіе, грація и дикость никогда у истиннаго поэта не окажутся въ одинаковыхъ

краскахъ. Онъ сообщитъ имъ все, чѣмъ запечатлѣла ихъ природа. Но въ тоже время надъ этою картиною, исполненною столь разнородныхъ красокъ, тѣней и выраженій, останется общій характеръ его душевной силы, его вкуса и его умонастроения. Совокупность этихъ неизмѣнныхъ признаковъ творчества его выразитъ для насъ то, что мы привыкли называть его слогомъ.

У насъ были критики, которые огорчились, зачѣмъ Жуковский переводитъ Гомера, рѣшивъ, что его талантъ былъ призванъ только для балладъ и подобныхъ имъ стихотвореній. Къ счастью, поэтъ болѣе повинуется воспріемлемости души своей, нежели указаніямъ доброжелательныхъ совѣтниковъ. Русскую литературу, благодаря эту чудную воспріемлемость Жуковского, обогатили и украсили теперь неувядающія созданія почти всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Мы получили ихъ не въ буквальныхъ, безжизненныхъ переводахъ, какъ другіе народы, а въ тѣхъ дышащихъ жизнью и красотою возсозданіяхъ, которыя, блескомъ и движеніемъ своимъ замѣняя природу, т. е. подлинники, послужили въ тоже время и къ дальнѣйшему развитію въ безграничномъ искусствѣ великаго дарованія. На всякое отдѣльное произведеніе Жуковского можно смотрѣть какъ на отдѣльный маленькій міръ, въ которомъ хоть всегда по неизмѣнному слогу его узнаешь творца, но въ то же время вынесешь оттуда душу полную новыхъ впечатлѣній, новыхъ думъ, и, къ удивленію своему, поваго Русскаго языка. Какъ онъ достигаетъ всего этого? Нензьяснимо. Но кто умѣлъ погрузиться въ его поэзію, на примѣръ, Орлеанской Дѣвы, Углича, Наля и Дамаянти, Рустема и Зораба и наконецъ Одиссея, тотъ пойметъ слова мои. Еще можно растолковать себѣ, чѣмъ онъ властвуетъ до такой степени надъ душою нашею какъ поэтъ; но откуда беретъ онъ непостижимыя сокровища свои какъ писатель? Не всегда однако же это есть слѣдствіе счастливаго только инстинкта. Вотъ что самъ поэтъ рассказываетъ объ успѣхахъ, когда приходилось ему творить языкъ для Одиссея^{*)}. «Переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ, не первобытномъ, а уже «поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь безпрестанно съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работою искусства. Какая отдѣлка «въ Виргиліи! Сколько цѣлыхъ страницъ, гдѣ всякое слово «живописно, поставлено на своемъ мѣстѣ, и сколько отдѣль-

^{*)} Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія. Стран. 132.

«нихъ стиховъ, поражающихъ своею особенною прелестью! «Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ: онъ младенецъ, постигнувшій все небесное и земное, и лепечущій объ этомъ на груди «своей кормилицы—природы. Это тихая, свѣтлая рѣка безъ «волнъ, чисто отражающая небо, берега и все, что на бере- «гахъ живетъ и движется. Видишь одно вѣрное отраженіе, а «свѣтлый кристалль, отражающій, какъ будто не существуетъ. «Переводя Гомера, недалеко уйдешь; если займешься фортуною «каждаго стиха отдѣльно; ибо у него нѣтъ отдѣльных сти- «ховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить весь во «всей его полнотѣ и свѣтлости. Надобно сберечь всякое слово «и всякой эпитетъ, и въ тоже время все частное забыть для «цѣлаго; и въ выборѣ словъ надобно соблюдать особенную «осторожность; часто самое поэтическое, живописное, запосни- «вое слово потому именно и не годно для Гомера. Все имѣю- «щее видъ повизны, затѣйливости нашего времени, все не- «обыкновенное здѣсь не у мѣста. Надобно возвратиться къ «языку первобытному, потерявшему уже свою свѣжесть отъ «того, что все его употребляли, замыствуя его у праотца поэзи. «Надобно этотъ изношенный языкъ возстановить во всей его «первобытной свѣжести и отказаться отъ всѣхъ нововведеній, ка- «кимъ языкъ поэтический, удаляясь отъ простоты первобытной, «по необходимости замыслилъ эту младенческую простоту. Поэтъ «нашего времени не можетъ писать языкомъ Гомера: будетъ «кривлянье. Переводчикъ Гомера ничего не можетъ занять «у поэтовъ нашего времени въ пользу божественнаго старика «своего и его молоденькой музы. Относительно поэтического «языка, я попалъ въ область *общихъ мнѣній*, и изъ этихъ одрях- «вшихъ инвалидовъ, всѣмъ уже пренебреженныхъ, надлежитъ «мнѣ сдѣлать живыхъ, поворожденныхъ младенцевъ. Но какое «очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи рождаю- «щейся изъ пѣны морской Анадіомены, ибо она есть символъ «Гомеровою поэзіи; въ этомъ простодушіи слова, въ этой пер- «вобытности правды, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдо- «хновеннымъ и прелестнымъ; въ этой живописности безъ вся- «каго излишества, въ этой незатѣйливости выраженія; въ этой «болтовнѣ, часто излишней, но принадлежащей характеру бе- «зыскусственному, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая «нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящая и живущая «съ окружающимъ его міромъ; все проникаетъ; ибо эта мелан- «холія не есть дѣло фантазіи, создающей произвольно грустныя, «ни на чемъ не основанныя сѣтованія, а заключается въ самой «природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь

«пластически-могучую въ настоящемъ, но и все было ин- «чтожно, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго «и улетаала съ земли безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ «бессмертіе его, среди этого кипѣнія жизни пастоящей, ни- «кому не шептала своихъ великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній». Предоставляю судить всякому по этимъ соображеніямъ поэта, ясно ли онъ, какъ теоретикъ и критикъ, понимаетъ все усло- вія искусства своего, независимо отъ силы и глубины дарова- нія, котораго не приобрѣтешь и не замыслишь никакою уче- ностію. Читая эти строки, переселяешься въ его душу, и съ удивленіемъ, съ восторгомъ разсматриваешь, что переходитъ по тайнымъ ея обителямъ, прежде нежели она приступитъ къ своему дѣйствію. Какъ проникается эта душа цѣлостію предстоящаго ей труда! Какъ симпатически прикасается она къ самой легкой части образа своего! Какъ постепенно и вѣрно ея настроеніе уравнивается со всѣми принадлежностями изучаемаго творенія! Отсюда становится понятно, гдѣ писатель замѣтываетъ столько художническихъ силъ для cadaго своего новаго возсозданія, столько отгѣнковъ языка, разнообра- зныхъ, но неизмѣнно вѣрныхъ истинѣ, и столько неизмѣнности въ независимомъ своемъ слогѣ!

VI.

Самое обыкновенное и почти общее обвиненіе надало на поэта нашего за то, что онъ болѣе переводилъ, нежели сочи- нялъ. Тѣ, которые принимались защищать его въ этомъ отно- шеніи, все согласно отвѣчали, что переводить такъ, какъ переводить Жуковский, значить не менѣе, какъ и сочи- нять. Послѣ отвѣта, столь справедливаго и единогласнаго, можно бы уже и не касаться этого вопроса. Но я не считаю за лишнее прибавить еще вопросъ: какой характеръ получила бы поэзія наша съ XIX столѣтія, если бы Жуковский, вмѣсто представленныхъ имъ переводовъ, обогащалъ литературу одними собственными сочиненіями? Мы съ энтузіазмомъ твердимъ патріотическое его стихотвореніе: «Пѣвецъ въ станѣ Рус- скихъ воиновъ»; съ умиленіемъ повторяемъ народную балладу: «Свѣтлану»; съ гордостію читаемъ героическое «Посланіе къ Императору Александру»; мы съ благоговѣйнымъ трепетомъ выучили наизусть священные уроки, съ такимъ высокимъ вдо- хновеніемъ изложенные въ «Элегіи на кончину королевы Вир- тембергской Екатерины Павловны»; намъ знакомы все восхи- тительныя его описанія картинъ природы, такъ обильно и ярко украшающія разныя стихотворенія его; души нашей стали какъ родныя эта мечта и эта меланхолія, безотлучныя спутницы его

романсовъ, балладъ и прочихъ стихотвореній, глубоко-трогательныхъ, воздушно-легкихъ, задумчиво-игривыхъ и небеспотанственныхъ: конечно, уже и тутъ, для души, рожденной съ поэтической воспримчивостію, образовалось нѣсколько чудныхъ, стройныхъ, исполненныхъ жизни и гармоніи маленькихъ міровъ. Неутомимая дѣятельность поэта, неоступно посягающая надъ нимъ вдохновеніе, могущество дарованія, ясное постиженіе истинныхъ красотъ избираемаго предмета, власть надъ языкомъ, способнымъ до безграничнаго развитія въ формахъ, звукахъ и оттѣнкахъ, наконецъ этотъ волшебный слогъ, вѣнецъ и печать поэта нашего, раздвинули бы широко область самобытной Русской поэзіи — и наше народное самолюбіе во многомъ было бы удовлетворено пріятіемъ, нежели теперь.

Но при этомъ ходѣ поэзіи нашей вѣрнѣйшій выигрышъ достался бы только самому поэту, а не Русской литературѣ. Его превознесли бы какъ оригинальнаго поэта, украсили бы наименованіемъ народнаго пѣвца, или Русскаго барда, и ему радостно было бы, что иностранцы непрерывно переводятъ стихотворенія его. Между тѣмъ, въ широкихъ размѣрахъ своихъ, въ плодотворномъ обиліи красотъ, въ совмѣщеніи столь поучительныхъ судебъ, явленій фантазій и исторій разныхъ народовъ, эпохъ и мѣстности, дѣнется ли поэзія волею, силою и дарованіемъ одного человѣка по всѣмъ направленіямъ, какія ей были указаны цѣлымъ сонмомъ вдохновенныхъ дѣйствователей? Это невозможно. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ состояніе Русской поэзіи во второй половинѣ XVIII столѣтія. Ломоносовъ, ограничившій поэтическое поприще свое оригинальными одами, заперъ въ немъ гениальнаго Державина. И Жуковский, указавъ послѣдователямъ своимъ новые пути, велъ бы ихъ за собою, но не далѣе предѣла своихъ опытовъ и своей сферы. А міръ искусства безграниченъ, повсюду новъ и прекрасенъ; его дивныя творенія непотоптимо-пазидательны, и только въ полномъ ихъ объемѣ постижима таинственная сила души человѣческой. Кому сталъ доступенъ этотъ міръ, тотъ стремится передать о немъ идею. Малое самолюбіе исчезаетъ прѣтъ этимъ величіемъ. Онъ собираетъ силы свои для служенія человечеству. Такъ, по моему мнѣнію, изъ Жуковского-сочинителя образовался Жуковский-переводчикъ. Онъ, можетъ быть, какъ и всегда случается въ дѣлѣ увлеченія, безсознательно, незамѣтно для самаго себя, принесъ въ жертву нашимъ выгодамъ всѣ успѣхи собственнаго своего гения. Но къ его и нашему счастью, онъ вышелъ здѣсь изъ битвы съ полною славою для себя и съ великою пользою для насъ.

О неувыдаемой славѣ Жуковского пора уже перестать заботиться. Она достойно увѣчала жизнь его чистою любовію и неизмѣнною благодарностію многихъ поколѣній въ отечествѣ, а судъ иностранцевъ давно приговорилъ ему почетное названіе первокласнаго Русскаго поэта. Что касается до принесенной имъ пользы литературѣ нашей, одни близорукіе, или мелкоэгоистическіе критики захотѣли бы нынѣ промѣнять то, что совершилъ Жуковский-переводчикъ, на то, чего мы не получили отъ него, какъ отъ сочинителя. Изъ его поэзіи мы приняли въ душу и, какъ что-то собственное, какъ что-то родное, усвоили умственной жизни нашей все, все, чѣмъ такъ идеально-прекрасна поэзія Германіи и Англіи, что спасено лучшаго отъ старыхъ временъ Испаніи, что такъ свято хранить съ незапамятныхъ временъ отдаленный Востокъ, и чѣмъ навѣкъ оставили насъ, Европейцевъ новыхъ, въ своей власти Римъ и Греція, отжившіе свою исторію, но неизмѣнно юные своею классическою красотою. Не по именамъ авторовъ и не по заглавіямъ книгъ, не по одиѣмъ скуднымъ вышкамъ и не по уродливымъ переводамъ Русской умъ судить, а Русское сердце чувствуетъ, какъ жили и дѣйствовали до гроба вѣрные святымъ обѣтамъ рыцари, какъ горятъ, играютъ и разсыпаются яркіе лучи фантазій въ вѣтрахъ Ирана и на берегахъ Галга, и въ чѣмъ заключена патриархальная прелесть страствующихъ героевъ, благодѣствующихъ народовъ, семейныхъ празднествъ и торжественныхъ игръ классическаго міра. Мы это все живо почувствовали, потому что поэтъ нашъ внесъ въ нашъ языкъ не простыя понятія о предметахъ, а воскресилъ самую жизнь, которая навсегда останется достояніемъ литературы нашей.

Неудивительно, что, въ слѣдъ за появленіемъ первыхъ стихотвореній Жуковского, въ такомъ числѣ явились замѣчательныя и разнообразныя произведенія новыхъ талантовъ. Оживленіе литературы нашей для всѣхъ было тогда оцутительно. Теперь мы уже смотримъ на это, какъ на явленіе обыкновенное. Все, что было тогда новымъ для каждой отрасли словесности, наконецъ приглядѣлось. Но къ чему не привыкаютъ глаза, умъ и самое сердце? Одна исторія признательна къ истиннымъ заслугамъ. На своихъ скрижаляхъ, какъ спасительный урокъ, она хранитъ и передаетъ отдаленному потомству имена и дѣла, достойные памяти. Между тѣмъ, если не въ назиданіе другимъ, по крайней мѣрѣ, для собственнаго соображенія, я попытаюсь пройти этотъ путь трудовъ нашего руководителя, съ которымъ такъ часто въ жизни каждому изъ насъ приходилось бесѣдовать, или совѣтоваться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ИХ.

Новыя книги.

Опытъ Общесравнительной Грамматики Русскаго языка, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1852 (8°: XI—402—29).

Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1852. (4°: XII—275).

Оба «Опыта» заслужать, безъ сомнѣнія, вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ читателей Русскихъ, а филологамъ Русскимъ дадутъ поводъ высказать не одну счастливую мысль, не одно полезное замѣчаніе. Второе Отдѣленіе надѣется, что объ этихъ новыхъ трудахъ членовъ его нѣкоторые изъ ученыхъ нашихъ, принимающихъ участіе въ успѣхахъ отечественной науки, выскажутъ свои мнѣнія въ страницахъ его Извѣстій; почему и проситъ присылать таковыя на имя Г. Предсѣдательствующаго. Нѣсколько такихъ записокъ уже доставлены въ Отдѣленіе, или ожидаются въ непродолжительномъ времени. Долгомъ считаемъ при этомъ извѣстить читателей нашихъ, что въ одномъ изъ выпусковъ Извѣстій будетъ помѣщено все то изъ благонамѣренныхъ замѣчаній, чѣмъ Отдѣленіе съ признательностью воспользуется для общей пользы отечественнаго языка, равно и мнѣніе автора «Общесравнительной Грамматики» о направленіи ученыхъ работъ при дальнѣйшемъ критическомъ изслѣдованіи этого предмета.

Упомянувъ о трудахъ Второго Отдѣленія Академіи, долгомъ считаемъ извѣстить объ изданіи, предпринимаемомъ по мысли, предложенной въ Третьемъ Отдѣленіи Академіи: это будутъ *Ученыя Записки на Русскомъ языкѣ*. Онѣ предназначаются для тѣхъ сочиненій Академиковъ и постороннихъ ученыхъ, которыя особенно занимательны для читателей Русскихъ, и будутъ выходить томами отъ 40 до 50 печатныхъ листовъ.

Пропилец. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. М. (Книга I. 1851. 8°. III—359—101. Книга II. 1852. 8°: 256—222).

Этотъ сборникъ, конечно, можетъ радовать всѣхъ просвѣщенныхъ читателей какъ одно изъ счастливыхъ явленій стремленія современной литературы нашей утвердиться на основаніи прочномъ, независимомъ отъ прихоти моды и подубобразности. Это стремленіе выражается все съ большимъ успѣхомъ въ многообразномъ изученіи и возсозданіи словомъ всего роднаго; но имъ однимъ оно не можетъ себя выразить съ достоинствомъ. Мы лучше узнаемъ, лучше оцѣнимъ нашу собственную народность, наши собственные успѣхи и надежды на пути образованности,

когда узнаемъ и оцѣнимъ силу развитія народности и образованности другихъ народовъ, живыхъ и отжившихъ. Мы научимся узнавать и цѣнить ее, когда сами своими собственными силами будемъ слѣдить за всѣмъ, въ чемъ она выразилась, когда, хоть и при пособіи трудовъ иноземныхъ, но не ограничиваясь ими одними, а самосознательно, своимъ собственнымъ Русскимъ умомъ будемъ изучать памятники жизни и славы народовъ и своимъ собственнымъ Русскимъ сердцемъ сочувствовать ихъ достоинству. Своей мысли и своему слову мы должны усвоить все, что достойно мысли и слова: мы должны себя усвоить и міръ такъ называемой классической древности, незабвенной по успѣхамъ образованности и силѣ народности. Между счастливыми попытками сближенія Русскаго ума и вкуса съ этимъ міромъ достойны признательности «Пропилецъ» г. Леонтьева. Въ непродолжительномъ времени мы надѣемся помѣстить въ Извѣстіяхъ разборъ перевода Эдипа Софоклова, помѣщенного во 2 томѣ.

Образцы Польскаго языка для Русскихъ, изданные П. Д. Wzory języka Polskiego dla Rosyan, wydane przez P. D. Спб. 1852. (12°: XVI—70).

Въ Извѣстіяхъ (стр. 26—27) было упомянуто о попыткахъ Чеховъ примѣнить къ Чешскому нарѣчію буквы кирилловскія. Были тамъ представлены и образцы этого примѣненія. Въ книжкѣ, теперь появившейся, представляются образцы подобнаго примѣненія кирилловскихъ буквъ къ нарѣчію Польскому; впрочемъ съ другою цѣлю, какъ объясняетъ самое заглавіе книжки. Издатель, имѣя въ виду преимущественно выговоръ Польскій, старался выразить его какъ можно понятнѣе для Русскихъ. Не повторяя правилъ, представленныхъ имъ въ Предисловіи, выписываемъ нѣсколько пословицъ Польскихъ, какъ онѣ записаны въ этой книжкѣ и тутъ же ихъ обыкновенное написаніе Польское:

Одъ Бога починаймо (Od Boga poczynajmy). Кому Бугъ помага, тѣмъ вишкетко пршемага (Komu Bóg pomaga, ten wszystko przemaga). Стржежonego Панъ Бугъ стржеже (Strzeżonego Pan Bóg strzeże). Науци потреба, чего до неї тршеба (Naucz potrzebę, czego do niej trzeba). Нѣщесце показуе, кто правдзиуе милуе (Nieszczęście pokazuje, kto prawdziwie miłuje). Найвекши розумъ — кто позна самъ сѣбѣ, а зъ буїно мысліо нѣ лата по нѣбѣ (Największy rozum — kto pozna sam siebie, a z bujną myślą nie lata po niebie).

Подобнымъ правописаніемъ писали Поляки еще въ XVII вѣкѣ. Такъ Польскій Корошій Гетманъ Вишневецкій писалъ Кіевскому воеводѣ К. Трубецкому (9 Февр. 1674 года): «Разъ постановиона приязнь з Царемъ Его Моско Московскимъ потвердзона во вишнихъ пунктахъ од Речи посполитеї бендзе. А яко сполне належи нашимъ обонгомъ народомъ, такъ вашему, яко и нашему, брощиць вяръ Христіанскен, такъ счерзе намъ себе дономагаць въ тымъ потреба».

Пѣтъ спора, что для Русскихъ равно какъ и для другихъ Славянъ, употребляющихъ тѣже кирилловскія буквы, понимать чтобы ни было на всякомъ Славянскомъ нарѣчій гораздо легче въ правописаніи кирилловскомъ, чѣмъ въ Латинскомъ, и тѣмъ легче, чѣмъ умѣе и чѣмъ съ болѣею послѣдовательною припоровлено это правописание къ требованіямъ грамматическимъ. И нельзя не желать, чтобы хоть избранные образцы Польской литературы, столь богатой многими прекрасными и даже нужными для насъ, были для насъ изданы нашими буквами: это бы облегчило намъ первоначальное изученіе Польскаго нарѣчія — такъ же, какъ облегчается Полякамъ изученіе нарѣчій нашихъ, между прочимъ Бѣлорусскаго и Малорусскаго, печатаніемъ образцовъ ихъ правописаніемъ Польскимъ.

Кстати указать и примѣръ:

Piosnki gminne ludu Pińskiego. Zbierał i przekładał R. Zienkiewicz. Kowno. (8°: XVII + 423).

Объ этой книгѣ было уже упомянуто въ Извѣстіяхъ (стр. 75); но только по статьѣ г. Войницкаго, помѣщенной въ Варшавской Библіотекѣ. Теперь, въ слѣдствіе личнаго ознакомленія съ книгой, мы отмѣчаемъ ее, какъ въ самомъ дѣлѣ очень важное приобрѣтеніе для любителей народнаго языка и словесности Русской. Это богатое собраніе пѣсенъ, записанныхъ въ Пинскомъ краѣ и въ Полѣсьѣ Вольнскомъ, достойно полнаго вниманія, хотя и не вполне отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ нашего времени. До другаго раза отлагая подробности, сообщаемъ теперь для образца одну колыдку въ правописаніи издателя.

Stojal kościół nowy, niezrublony.
A w tum kościeli try okieneczki:
U perszom okieńcy jasnoje sonce,
A w druhum okieńcy jasien misiac,
A u terciom okieńcy jasnyje zyronki.
Nie jest wono jasnoje sonce,
Ale jest wono sam Hospod Boh.
Nie jest wono jasny misiac,
Ale jest wono Syn Boży.
Nie jest wony jasnyje zyronki,
Ale jest wony Bożyje diti.

Къ каждому стиху припѣвъ: Swiaty wieczor, swiat!

Die Sprichwörter der Polen. von Dr. C. Wurzbach. Wien 1852. (16°: XV + 355). Авторъ отмѣтилъ въ этой книгѣ только 488 пословицъ, и то не однихъ Польскихъ, а вмѣстѣ и другихъ Славянскихъ и Литовскихъ. Въ объясненіяхъ своихъ впрочемъ онъ приводитъ еще нѣсколько десятковъ. Большая часть объясненій взяты изъ сочиненій Войницкаго.

Срѣске народне пјесме са преводомъ Ческијемъ и части Польскијемъ. Издажа Југо-славјанска младеж. У Прагу. 1852 (8° 216).

Kralodvórski rukopis. Zbran lyricko-epicke pěsnje a spěvu. Pěložene wot j. E. Smolerja. Prazu. 1852. (16°: 75). Этотъ Верхне-Лужицкій переводъ пѣсенъ Краледворской рукописки вышелъ въ свѣтъ въ первый разъ: до сихъ поръ изданы были только отрывки, образцы перевода — разныхъ молодыхъ Лужичанъ. — Кстати сказать, что вмѣстѣ съ этимъ Лужицкимъ переводомъ древнихъ Чешскихъ пѣсенъ вышелъ въ Прагѣ и Французскій переводъ одной изъ нихъ: Victoire de Zaboï. Version de M. Eichhoff. Prague. 1852 (16°: 13 стр.). Все эти — части одного и того же сборника, того самаго, въ которомъ занялъ почетное мѣсто и переводъ Русскій, сдѣланный И. В. Бергомъ.

Grammatik der Bulgarischen Sprache von A. und D. Kyriak Cankof. Wien. 1852 (8° V + 218). Написанная первоначально для Славянъ кирилловскими буквами, эта грамматика г. Цанкова издана въ Нѣмецкомъ переводѣ — и притомъ такъ, что для Болгарскихъ словъ употребляемы буквы Латинскія. Въ концѣ книги приложенъ сборникъ Болгарскихъ словъ, очень недостаточный, но какъ первый опытъ въ своемъ родѣ очень замѣчательный.

— Въ непродолжительномъ времени получено будетъ здѣсь окончаніе знаменитаго творенія Ф. Боппа, Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Gothischen und Deutschen. Первые пять выпусковъ вышли въ продолженіи 1833—1849; послѣдній, шестой былъ ожидаемъ къ Пасхѣ. Предполагая посвятить этому важному творенію особенную статью отмѣчаемъ пока записку, съ которою знакомить читателей своихъ Библіотека для чтенія (Апрѣль и Май 1852 г. въ отдѣлѣ Наукъ: Современное состояніе сравнительной филологіи на Западѣ): эта записка написана по поводу Англійскаго перевода творенія Боппа (A Comparative Grammar of the Sanskrit, Zend, Greek, etc. By Prof. F. Bopp. translated by Lieut. Eastwick, conducted through the press by H. U. Wilson. London 1845—1850) и напечатана въ Edinburgh Review (October 1851. стр. 297—339). Для того, кто незнакомъ съ требованіями и приемами сравнительной филологіи, она представляетъ много любопытнаго. Въ ней между прочимъ повторено (хотя и не все) то, что было до сихъ поръ въ виду ученыхъ для объясненія слова «Богъ».

— Извѣстное сочиненіе I. Юмана, Historie literatury České, вышедшее еще въ 1839 году, но не вполне, теперь издано окончательно съ прибавленіемъ, двумя указателями и портретомъ автора (8° 772 стр.).

— Ожидается сочиненіе II. П. Шафарика Památky děwnního písemství Jiho-Slovánůw. Praha. 1851. — О появленіи этого важнаго сборника П. П. Шафарика, давно уже ожидаемаго, мы знаемъ пока только изъ письма самаго автора. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ чрезвычайно важенъ по матеріаламъ для исторіи языка.

X.

Словарь областныхъ реченій Великорусскаго нарѣчія.

Записка О. И. Буслаева.

Народъ Россійскій, по великому пространству обитающій, не изирая изъ дальнаго разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и селахъ. Ломоносовъ.

Словарь областныхъ реченій, приготовляемый къ изданію Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ *), достойно выполняетъ завіщаніе Ломоносова, высказанное имъ въ планѣ «филологическихъ изслѣдованій и показаній, къ дополненію грамматики подлежащихъ»: гдѣ между прочимъ предполагалось сочиненіе о *простонародныхъ словахъ*. Въ настоящее время убѣждать кого бы то ни было въ пользѣ, важности и необходимости такого словаря едва ли нужно. Въ немъ найдется обильный матеріалъ для своихъ наблюденій каждый ученый, посвящающій свои труды изученію отечества — и грамматикъ, и историкъ, и географъ, даже естествоиспытатель. Скажемъ болѣе: всякій Русскій съ признательностью встрѣтитъ этотъ Словарь, потому что пріобрѣтетъ въ немъ новую скрѣпу тѣмъ узамъ, которыми каждый изъ насъ привязанъ къ родной землѣ, и которыя мы называемъ любовью къ отечеству.

Въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся замѣчаніями собственно лингвистическими. Сначала скажемъ о звукахъ, потомъ объ образованіи словъ и наконецъ о частяхъ рѣчи.

Все разнообразіе звуковъ въ областныхъ нарѣчіяхъ, уклоняющееся отъ общеупотребительнаго говора, основывается на твердыхъ лингвистическихъ законахъ. Самыя ошибки народного выговора, напр., въ передѣлкахъ иностранныхъ словъ на Русскій ладъ, подчиняются тѣмъ же основнымъ законамъ. Потому, чтобы опредѣлить свойства Русскихъ звуковъ, необходимо разсматривать языкъ Русскій по всемъ его областнымъ видоизмѣненіямъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ языкахъ индоевропейскихъ звукъ *д* смягчается, между прочимъ, въ *р*, *л* и *н*. Смягченіемъ *д* въ *р* объясняется родство нашего *сребро* съ Литов. *sidabras*, Латин. *ssudrabs*. Древне-Прусское нарѣчіе уже смягчаетъ Литовскую форму въ *sigablan*. Языкъ Готскій смягченіе ведетъ еще далѣе, измѣняя *р* на *л*: *silubg*. Въ языкѣ Латинскомъ встрѣчаемъ и то и другое смягченіе звука *д*: во-первыхъ на *л*: *levir*, Санскр. *девара*, Греч. *δαίρ*, у насъ *деверь*; *lacrima* и *lingua* и *lingua*; во-вторыхъ на *р*: *meridies*, вм. *medidies*. Это послѣднее явленіе какъ нельзя удовлетворительнѣе объясняется нарѣчіемъ Умбрійскимъ, въ которомъ *д*, какъ бы иотирясь, переходитъ въ *рс* (*rs*): напр. *kalérsuf* вм. *callidus*, *ars* вм. *ad*. Такъ какъ иотация въ

*) Эта записка написана прежде выхода въ свѣтъ «Опыта Областного Великорусскаго Словаря». Редакт.

экономіи языка исполнять ту же службу, что и смягченіе звукомъ *л*, напр. въ формѣ *земля*: то весьма естественно предположить замѣну *л* Умбрійскимъ *рс*, какъ дѣйствительно и находимъ въ Умбр. *famersias* вм. *familias*. Шепелеватое *rs* приближается къ шипящимъ *жс*, *ш*. На этомъ основаніи *р* оказывается намѣстникомъ иотированному звуку *жс*, напр. въ Славянскихъ нарѣчіяхъ *ре* вм. *же*, *море* вм. *може* и проч. Этотъ общій Индоевропейскій свойствомъ звука *д* переходить въ *р* оправдывается мы наши провинціальныя формы: *сварьба* (Новгор., Нижегород., Тобол.) вм. *свадьба*, *сварбий* (Новгор.) вм. *свадебный*, *эракъ* (Яросл.) вм. *эдакъ*. Такимъ образомъ въ нашихъ областныхъ формахъ находимъ новое подтвержденіе тому, что въ словѣ *сребро* звукъ *р* произошелъ отъ *д* въ Лит. *sidabras*. — Обоюдный переходъ звуковъ *д* и *н* явствуетъ изъ слѣдующихъ формъ: наше *девятъ*, Литов. *dewyni* и Санскр. *наван*, Латин. *novem*, Готск. *niun*: что здѣсь первообразище *д* или *н*, окончательно еще не рѣшено. Но въ историческомъ развитіи языка *д* переходитъ въ *н* по нарѣчіямъ и областнымъ говорамъ: какъ Латин. *perdix* переходитъ въ Итальян. *pernice*; такъ и наши: *кидать* въ *кинуть* (Арханг.), *освободить* въ *ослобонить*, напр. въ Духовныхъ стихахъ, изд. Курьевскимъ, стихъ 8, строка 121. — Но еще важнѣе указанія нашихъ областныхъ нарѣчій на переходъ звука *с* въ *к*. Въ Санскритѣ собственно небный звукъ *с* (*ṣ*) переходитъ въ *к* въ другихъ языкахъ, и именно въ классическихъ: напр. Санскр. *сұрас*, Греч. *κίρως*; у насъ Санскритскому небному *ṣ* соответствуютъ и просто *с*, напр. Санскр. *ṣата* — наше *сто*; и звукъ *к*, напр. Санскр. *ṣī* (лежать), у насъ *кою* (покоюсь) и *чию* (почію). Отсюда понятно, что небный звукъ можетъ выражаться у насъ то звукомъ *с*, то звукомъ *к*, или смягченіемъ его *ч*: что дѣйствительно и находимъ въ областныхъ реченіяхъ: *лакомый* и *ласый* (Псков.), *ласа* (Кур.); *камкать* и *калечить* (Волог.); *молоко* и *молосный* (Костр., Перм. Оренб. Тобол. Том. Иркут. Камч.); *зычно* и *зыно* (Вят.); *почлежникъ* и *пачлежникъ* (Арханг.); *леникъ* (Костр.) вм. *леникъ*; *серпъ* и *черпъ* (Вят.). — Теперь обратимъ вниманіе на обоюдный переходъ *плавныхъ*. Въ родственныхъ формахъ, гдѣ чередуются звуки *м* и *н*, звукъ *м* оказывается первообразище: на чемъ основывается, между прочимъ, превосходство Латинскаго языка передъ Греческимъ, относительно древности грамматическихъ формъ. Уже въ Зендѣ встрѣчаемъ *н* вмѣсто Санскр. *м*: напр. Санскр. *мама*, Зенд. *мана*, наше *меня*; Санскр. *гām*, наше *земля*, Зенд. *zāo*, зѣм, по винит. уже съ звукомъ *н*: *занм*. Точно такъ и въ областныхъ нарѣчіяхъ: *зень* (Арханг., Олон.) вм. *земь*, *земля*; *нимо* (Костр.) вм. *мимо*; *ночь* (Арханг., Кур., Орл.) вм. *мочь*, т. е. *сила*. Въ діалектическомъ движеніи языка переходъ *р* въ *л* весьма обыкновененъ: Санскр. *сара*, Лит. *surus* (соленый) и Латин. *sal*, наше *соль*; Лит. *garsas* и наше *гласъ*; *сребро* и

Got. *silubr*; Латин. *arbor*, *cerebrum*, *mercurii dies* и Итал. *albero*, *celebro*, *mercoledì*; Латин. *peregrinus* и Нем. *piligrim*, *pilgrim*. Точно такъ и въ областныхъ реченіяхъ: *силькѣтъ* (Яросл.) вм. сверкать; *сильчѣ* (Пенз.), *сильчѣ* (Тамб.) вм. спрѣчь; *приуѣзъ* (Арх., Повг., Олон., Твер.) *плѣзѣ* (Твер.).—Въ смягченіи звуковъ гортанныхъ областныя реченія представляютъ намъ большую полноту, нежели общепринятый нашъ языкъ: какъ въ Церковно-Славянскомъ *х* переходитъ не только въ *ш*, но и въ *с*, напр. *духъ*, *душе*, *ду си*: такъ и въ областныхъ реченіяхъ, кромѣ формы *плшій*, употребляются: *плхій* (Симб.) и *плѣшо* (Ряз.).

Для видоизмѣненія звуковъ гласныхъ областной словарь предлагаетъ меньше данныхъ, нежели сколько можетъ предложить областная грамматика: потому что сила гласнаго звука познается преимущественно въ грамматическихъ флексіяхъ. Однако уже и въ образованіи словъ замѣчаются любопытныя явленія въ движеніи гласныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ древнихъ памятникахъ останавливаются на себѣ вниманіе слова, начинающіяся звукомъ *а*, безъ нотации, вмѣсто *я*: напр. *адро*, *аблонъ*, *агода* вм. *ядро*, *яблонъ*, *ягода*: точно такъ и областное *адѣ* (Калуж.) вм. *ядѣ*. Славянское *и* соотвѣтствуетъ звуку *у* въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ: напр. *плы-ть*, Санскр. *плу*; *слы-ть*, Санскр. *сру*: потому *и у* насъ существуютъ формы *плу-ти*, *слу-ти*. На этомъ свойствѣ гласныхъ основываются: *бываѣтъ* (Олон., Перм.) вм. *бываетъ*, *рычаѣтъ* (Яросл.) вм. *рычагъ*, *хлустаѣтъ* (Тул.) вм. *хлысть*. Разложеніе звука *и* на *ва* свойственно Славянскому языку уже въ древнѣйшую эпоху: что видно изъ формъ *квасѣ* и *кыснѣти*, *хватаѣтъ* и *хытити*. Этотъ законъ лежитъ въ основѣ слѣдующихъ областныхъ явленій нашего языка: *двашѣтъ* (Твер.) *двашѣтъ* (Твер., Тамб.) вм. дышать; *простокѣша* (Исков.) т. е. простокыша вм. простокваша; *ски-ляѣ* (Арханг., Повг., Перм., Тамб., Моск.) т. е. скыляга вм. сквалыга. Звукъ *ѣ* соотвѣтствуетъ въ Санскритѣ долготу *ē*, образовавшемуся гуною: *ai*: потому наше *вѣдать* въ Санскритѣ имѣетъ при себѣ *bīd*, *bēd* (вм. *baid*). Любопытный остатокъ разложенія звука *ѣ* на *ai* встрѣчаемъ въ областномъ *пайѣтъ* (Исков.), т. е. *пай-ать* вм. *пѣтъ* *).

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ достаточно явствуетъ необходимость ввести въ Русскую фонетику движеніе звуковъ въ областныхъ нарѣчіяхъ. Теперь обратимся къ образованію словъ.

Областныя реченія доставятъ богатѣйшій матеріалъ для словопроизводства Русскаго языка. Иные провинціализмы должны войти въ науку ради своего значенія, иные же по внѣшней формѣ. Такъ напр. при словѣ *дрожжи* можно ли забыть областное значеніе слова *дрожуть*? Въ Арханг. губерніи, о морской водѣ, когда она станетъ убывать, гово-

рится *вода дрошула*; тамъ же употребляется это слово и о молокѣ, когда оно начинаетъ закисать: *молоко дрошуло*. При объясненіи грамматическихъ формъ параніемъ приставокъ и суффиксовъ иногда бываетъ необходимо предполагать тѣ простѣйшія, обнаженныя отъ параніей формы, которыя лежатъ въ основѣ словъ. Таковыя формы могутъ быть найдены или въ старинныхъ памятникахъ, или въ родственныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Но еще большую скрѣпу своимъ предполагаемымъ формамъ найдемъ въ областныхъ нарѣчіяхъ, если встрѣтимъ предположенія науки, осуществленными въ живомъ говорѣ простаго народа. Такъ напр. въ словахъ *вѣнокъ*, *вѣнецъ* предполагалась форма *вѣнѣ*; по она дѣйствительно существуетъ въ Сибирск. нарѣчій;—въ словѣ *колесо* предполагается форма *коло*, дѣйствительно встрѣчаемая въ старинныхъ памятникахъ и другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; по она употребляется и въ нарѣчій Смоленскомъ;—при словѣ *парень* предполагается первообразное *парь*, которое и находимъ въ Нижегород. нарѣчій, а въ Костромск. *пáръ*. Извѣстно, что суффиксъ —*цѣ* (-ецъ, -яцъ) прибавляется къ нѣкоторымъ формамъ, первоначально въ значеніи ласкательномъ, теперь уже забытомъ: напр. *от-ецъ*, *мѣс-яцъ*. Но въ областныхъ нарѣчіяхъ еще не утратилось сочувствіе къ коренной формѣ: потому въ Арханг. говорится *безотный*, какъ въ старину *от-ній*; въ Смолен. *мѣс-икъ* вм. *мѣс-яцъ*. Въ словѣ *кисть* предполагался корень *кит*, находившій себѣ защиту, напр. въ Сербскихъ: *кита*, *китина*, *китица*: по Областной Словарь можетъ намъ указать натакія же точно формы домашнія: *кѣта* (Ворон.), *кѣтина* (Волог., Костр.), *кѣтица* (Волог., Ярослав.).

Самый составъ областныхъ реченій можетъ дать Русской грамматикѣ необходимыя указанія. Напр., какъ слово *сонѣ* образовалось отъ формы *снѣ* (успѣ), такъ и *спѣнь* (Арх., Олон., Моск., Нижег.) отъ *спнѣ*. Какъ *слава* произошло отъ *слыѣтъ*, *бава* отъ *быѣтъ*: такъ и отъ глагола *ныѣтъ*, также помощію гунны, образуется *нава* въ областномъ *онѣва* (Перм.).—Глава о приставкахъ значительно должна расширяться нѣкоторыми формами, не вошедшими въ общее употребленіе, но тѣмъ не менѣе свойственными языку Русскому: каковы напр. съ приставками: 1) *ко*—: *кѣворотѣ* (Арханг., Томск.), *кѣвороты* (Смол.); 2) *ра*—: *рѣторокѣ* (Ирк.); 3) *у*—: *уѣдни* (Кал.) въ значеніи полдня—форма, встрѣчаемая съ малымъ измѣненіемъ въ старинномъ языкѣ, напр., *въ удеѣнь*, Повг. *лѣт. ѣ. еврѣантъ*: *въ полѣдни*, и пр.—Въ общій областныхъ формъ, найдемъ любопытныя данныя для сравнительнаго изученія суффиксовъ Русскаго языка. Возьмемъ для примѣра нѣкоторые суффиксы отъ причастіи, въ образованіи существительныхъ. Общее употребленіе сохранило старинный суффиксъ —*мень* въ весьма немногихъ словахъ, къ каковымъ принадлежитъ напр. *пламень*. Это окончаніе родственно Санскритскому — *ман*, Латинскому — *minus*, Греческому

* Не должно ли здѣсь читать: *пайѣтъ*, откуда *пайѣтъ*, тогда какъ отъ *пѣти* и *пѣти*—*пѣтъ* и *пѣтъ*? Редакт.

—*мсу*, —*мсу*, Литовскому — *теп*: хотя происходитъ отъ окончанія причастія страдат. и средн. Санскр. *мāna*, и родственныхъ ему окончаній въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ: однако существительному придасть значеніе не только предмета, произведеннаго дѣйствіемъ, но и лица дѣйствующаго. Въ Санскритѣ существительныя перваго значенія преимущественно имѣютъ родъ средній: напр. *д'аман* — домъ отъ корня *д'а* — дѣть, полагать; *карман* — дѣло отъ *кри* — дѣлать; втораго же значенія имѣютъ родъ мужескій, напр. *сушман* — огонь, собственно: токъ, кто сушитъ, отъ корня *суш* — сушить, жечь. У насъ есть слово и по окончанію и по корню родственное сему послѣднему Санскритскому, только въ женскомъ родѣ имѣетъ смыслъ не лица дѣйствующаго, а произведенія, предмета, происшедшаго отъ дѣйствія: именно *сузмень*; но еще ближе по звукамъ къ Санскр. *сушман* провинціальное *сушмень* (Арх., Новг.). Съ такимъ же окончаніемъ образовались: *музмень* (Костр., Тамб.), *кузмень* (Тамб.), *тѣмень* (Арханг.). Какъ въ Латин. находимъ соотвѣтствующее этому окончаніе *minus*, напр. *terminus*, такъ и у насъ, кромѣ — *мень* и сокращеннаго *а* (*сѣма*), есть суффиксъ *мин* въ замѣчательныхъ провинціализмахъ — *сѣмины*, *пѣмины* (Псков.). Суффиксъ *тр* сблизается также съ причастнымъ, напр. съ Латинск. *turus*. Имъ, между прочимъ, образуются Санскритскія наименованія членовъ родни, напр. *пitr*, *pitar* — отецъ, отъ корня *па*: *брātar* — братъ отъ корня *бр*, *б'ар* — несу, держу, поддерживаю. У насъ также есть старинная форма *братръ*; кромѣ того одно провинціальное реченіе, измѣнившее суффиксъ *тр* на *н*, тѣмъ самымъ ясно указываетъ, что *т*, или *тр* не принадлежать корню: именно *збранг* (Влад.) вм. братъ. Съ тѣмъ же окончаніемъ *тр* является въ областныхъ нарѣчіяхъ и *кум*: именно *кумтръ* (Ряз.), какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Изъ вышесказаннаго удостовѣряемся, что областныя реченія составляютъ не одну только роскошь полной грамматики Русскаго языка, но и предметъ первой важности, котораго нельзя обойти въ историческихъ и сравнительныхъ изслѣдованіяхъ. Если такимъ строиннымъ организмъ является намъ все областное видоизмѣненіе звуковъ и формъ; то, безъ сомнѣнія и самаго понятія, выражаемыя въ разрядахъ областныхъ реченій, должны подчиняться твердымъ лингвистическимъ законамъ. Предложимъ нѣсколько замѣчаній, относительно значенія нѣкоторыхъ частей рѣчи.

Важнѣйшимъ моментомъ въ образованіи языка надобно признать не переходъ корня отъ знаменованія природы физической къ знаменованію природы нравственной (ибо и то и другое могло выражаться однимъ и тѣмъ же нагляднымъ представленіемъ), а образованіе въ языкѣ словъ для отвлеченныхъ, логическихъ отношеній мысли, выраженіе коихъ принадлежитъ по преимуществу частямъ рѣчи слу-

жебнымъ. Впрочемъ этимъ мы вовсе не думаемъ сказать, чтобы мѣстоименія, числительныя, предлоги и другія служебныя части были позднѣйшей формаціи. Если слово первоначально явилось въ формѣ предложенія, то при корнѣ знаменательномъ (будетъ ли то въ глаголѣ, или имени) были уже первоначально и указатели логическихъ отношеній, кои суть лица, вопросъ, отвѣтъ, указаніе, отношеніе времени и мѣста вообще, причины и проч. Потребность отвлеченія, уже искони вызвавшая въ предложеніи служебныя части рѣчи, болѣе и болѣе проявилась, въ историческомъ теченіи языка, необходимостью примѣнять изобразительныя корни наглядныхъ представленій къ выраженію отвлеченныхъ понятій. Разсматривая части рѣчи служебныя замѣчаемъ, что общія опредѣленія движенія, мѣста и времени, и стоящихъ въ связи съ ними понятій объ измѣреніи и счетѣ составляютъ одинъ изъ существеннѣйшихъ предметовъ въ содержаніи этихъ частей рѣчи, и притомъ такой предметъ, который, по значенію, ближе подходитъ къ знаменательнымъ корнямъ: тогда какъ обозначеніе лицъ, вопроса, указанія, логическихъ отношеній, каковы: причина, цѣль, зависимость, отрицаніе и проч. выражаются по преимуществу корнями уже чисто служебныхъ частей рѣчи. Такой плодотворный взглядъ на языкъ былъ примѣненъ Я. Гриммомъ къ разработкѣ вспомогательныхъ глаголовъ, въ коихъ онъ открываетъ древнѣйшее изобразительное значеніе, и В. Гумбольдтомъ вообще къ построенію языка и въ частности къ различнымъ лингвистическимъ явленіямъ, напр. къ числительнымъ именамъ, о которыхъ онъ, между прочимъ, говоритъ, въ своемъ сочиненіи о языкѣ Кави: — «Разсматривая происхожденіе числительныхъ именъ, находимъ тотъ же общій законъ образованія языка. Какъ въ языкахъ Малайскаго поколѣнія пять называется *рукою*, такъ и два можетъ быть названо *крыльями* (или, напр. глазами). Безспорно въ основѣ всѣхъ числительныхъ положены метафоры, только теперь ихъ уже трудно объяснить. Но уже давно почувствовали народы, что множество такихъ метафорическихъ знаковъ для одного и того же числа излишне, даже неудобно и ведетъ къ сбивчивости. Потому синонимы числительныхъ, образовавшіеся въ одномъ и томъ же языкѣ, — явленіе весьма рѣдкое; хотя и встрѣчаемъ тому примѣры въ языкахъ южнаго океана. Народы при болѣе глубокомъ развитіи дара слова, хотя и безсознательно, давно уже предпочувствовали, что для составленія яснѣйшаго понятія о числахъ, необходимо какъ можно далѣе устранить, въ числительномъ имени, воспоминаніе о всякомъ опредѣленномъ предметѣ». Въ томъ намѣреніи указали мы на эти слова глубокомысленнаго лингвиста, чтобы читателямъ дать понятіе о важности тѣхъ изобразительныхъ формъ, коими изобилуютъ наши областныя нарѣчія. Мы ограничимся здѣсь нѣкоторыми замѣчаніями объ изобразительномъ вы-

раженіи измѣреніи мѣста и времени. Математическому измѣренію предшествовало наглядное, господство котораго очевидно въ формахъ языка. Любопытно взглянуть, какія усилія дѣластъ языкъ, и какіе приемы употребляетъ для того, что въ послѣдствіи такъ легко выражается счетомъ единицы одного рода.

Сначала скажемъ объ измѣреніи пространства. Проиллюстрируемъ по Волгѣ пространство бурлаки измѣряютъ числомъ пропѣтыхъ пѣсень. Объ измѣреніи въ Камчаткѣ говоритъ г. Кузмищевъ: «—*Песокъ*. Песчанья прибрежныя отмели на рѣкахъ, по концы лѣтомъ (а по рѣкѣ Камчаткѣ и зимою), не зная искусственной мѣры, считаютъ разстоянія, и говорятъ: столько-то песковъ проѣхали, или осталось, до Острожка. Блудчи по зимней дорогѣ, говорятъ, напр: до Острожка еще осталось (проѣхать) тундрочка, березинка, хребтикъ сопочка, пады да рѣчка. Тутъ также пѣтъ искусственной опредѣленной мѣры верстъ или миль, а мѣстная, природная» (Москвит. 1842, № 3).—Камчатскія измѣренія приводятъ на память пѣлый рядъ нашихъ старинныхъ раздѣльных грамотъ. Живое воззрѣніе, не отвлекаясь въ общія понятія условными измѣреніями, постоянно прибѣгаетъ къ наглядкѣ и выражается въ свѣжей изобразительности. Согласно такому живому воззрѣнію, Русскій языкъ, въ своихъ провинціальныхъ нарѣчіяхъ, доселѣ сохранилъ прекрасныя изобразительныя формы для измѣренія пространства. Напримѣръ: 1) Согласно съ словомъ *мѣсто* въ значеніи постели, другое слово, именно *повалище* (Арханг.) зн. пространство земли, достаточное для того, чтобы на немъ поваляться, или разлечься. Напр. «и всего-то (земли) на конное повалище». 2) *Рыкъ* (Твер.)—мычаніе, въ значеніи мѣры разстоянія. Напр. «далеко-ли отсюда?»—«на коровій рыкъ, на три рыка коровьихъ». 3) *Скобы* (Волог.)—разстояніе на нѣсколько сажень. 4) *Скокъ* (Владим.)—особая мѣра разстоянія въ родѣ версты.

Еще труднѣе было языку дойти до отвлеченнаго понятія о времени и до раздѣленія времени на извѣстное число математическихъ единицъ. Эту общую форму воззрѣнія наполняютъ собою дѣйствія и событія: потому языкъ, схватывая только наглядныя представленія изобразительнымъ описаніемъ дѣйствія и событія, давалъ знать объ общемъ отвлеченномъ понятіи времени. Смотри по мѣсту жительства, или по образу жизни народъ опредѣляетъ время различно. Напр: 1) *Трава* (Камч.) въ значеніи года: «по которой травѣ?» т. е. который годъ? «быкъ по пятой травѣ». Отсюда *однотравокъ* (Арханг.)—теленокъ по второму году, пережившій одно лѣто, или одну траву. 2) *Упряжки* (Новг., Твер.)—треть лѣтнаго дня. Слово, употребляемое крестьянами, которые раздѣляютъ лѣтомъ работы свои на три, а иногда и на два приема. Наханіе до отдыха, когда лошадь надобно выпрячь, называется *упряжкою*. 3) *Уповодъ*—часть дня, отъ ранняго

утра до завтрака и отъ завтрака до обѣда и т. д. По уповодамъ считаютъ время въ полевыхъ работахъ (Владим., Нижегород., Саратов., Перм., Вят.), тоже, что *упряжка* (Твер.), половина дня, съ утра до полудня, или съ полудня до вечера (Каз.); потомъ—время, около часу, или вообще небольшое, и не слишкомъ малое продолженіе времени (Арханг., Новг., Олон.). 4) *Выть*—собственно количество, какое можетъ человекъ съѣсть въ обѣдъ или въ ужинъ (Арханг.), а потомъ время: «отъ выти до выти», т. е. отъ обѣда до ужина (Волог., Олон., Перм.). 5) *Пряжей* (Псковск.), мѣра времени—опредѣляемая женщинами по пряжѣ. 6) *Рученецъ* (Тамб.)—мѣра времени, 12 дней. Про двѣнадцатидневнаго поросенка говорятъ: «ему прошелъ рученецъ»,—«гуси сидятъ въ саду третій рученецъ». 6) *Вода*. Водюю называетъ Архангельскій поморецъ промежутокъ времени между каждыми двумя полными приливами и отливами: значить, около 12 часовъ. И такъ, сутки онъ дѣлитъ на *два воды*, и замѣчая при томъ состояніе моря во время разсказываемаго происшествія, тѣмъ самымъ означаетъ время. Напр. «мы выѣхали на оленяхъ по *наводъ*, пріѣхали къ мѣсту на другой *суходъ*. Шренка объ Арханг. нарѣчій въ Записк. Географ. Общ. 1850, № IV.

Такое разнообразіе въ раздѣленіи времени произошло, какъ мы видимъ, отъ различія въ бытѣ. И земледѣлецъ, и пастухъ, и житель приморскій, каждый наполняетъ для себя общее понятіе времени свойственными своей жизни воззрѣніями. Съ понятіемъ о времени соединяется понятіе о перемѣнѣ. Древнѣйшее слово *череда*, или *чреда*, взято отъ быта пастушескаго, ибо первоначально значить паству, стадо. Съ этимъ словомъ одного происхожденія Ингов. *kerdzus*—пастухъ, *kerdzioju*—служу пастухомъ, пасу стадо, т. е. *чередую*. Кстати упомянемъ здѣсь о пастушескомъ значеніи слова *день*. Въ Орлов. нарѣчій словомъ *день* означаетъ одна лошадь, одна корова, три овцы, или двѣ свиньи. Чѣмъ больше стадо, тѣмъ больше такихъ дней, и тѣмъ дороже пастуху платять.—Какъ въ быту пастуховъ перемѣна произошла отъ *чреды* (паствы), такъ у земледѣльцевъ *перемѣна* (Перм.) имѣетъ значеніе пашни. Понятіе о дѣлѣ, вообще, происходитъ также отъ нагляднаго представленія объ извѣстномъ дѣлѣ: потому при словѣ *череда* (Дон., Кур.)—въ значеніи крупнаго скота—есть глаголъ *чередить*, въ значеніи исправленія различныхъ дѣлъ; и съ другой стороны глаголъ *пахать* отъ значенія земледѣльческаго переходитъ къ понятіямъ о различныхъ дѣлахъ, въ различныхъ мѣстныхъ говорахъ.

Въ заключеніе объ этомъ предметѣ обратимъ вниманіе на переходъ слова отъ значенія пространства къ значенію времени. Здѣсь особенно любопытно областное употребленіе слова *сутки*. Теперь мы считаемъ сутками, разумѣя подъ этимъ словомъ совокупность понятій: дня, ночи, сумерекъ и разсвѣта. Но въ настоящее же время въ Русскомъ

языкъ это слово имѣетъ совершенно иное значеніе. Такъ (Волог. Вятск.) *сѣтки* — мѣсто подъ образами въ избѣ, передній уголъ: напр. «онъ сидѣлъ въ сѣткахъ.» Какъ же согласить эти противоположныя значенія времени и пространства, отвлеченнаго измѣренія и извѣстнаго мѣста? По уменьшительнымъ отъ этого слова, именно провинціальнымъ *сутьки*, еще болѣе запутывается вопросъ. Слово *сутьки* употребляется въ слѣдующихъ значеніяхъ: 1) передній уголъ, мѣсто подъ иконами (Волог. Костр.); 2) мѣсто въ крестьянской избѣ, гдѣ у печки сомкнуты два столба (Костр.) и 3) сумерки (Нижегор.). Затрудненіе еще болѣе усиливается новымъ значеніемъ этого слова въ произведенномъ отъ него прилагательномъ: *сѣтошная* (Твер.) — о жепцинѣ: сварливая. Какъ же привести къ единству все это разнообразіе значеній, соединяемыхъ съ словомъ *сутьки*? — Есть въ нашемъ языкѣ одно провинціальное реченіе, изъ котораго явствуется, что слово *сутьки* сложено изъ предлога *су* и корня *тки* отъ глагола *тк-нуть*, *ты-кать*. Это слово *сѣтошь* (Владим.), означающее прикосновенность предметовъ и употребляемое въ видѣ нарѣчія: напр. «отдыхаютъ, легши сѣтошь», т. е. одинъ подлѣ другаго, соприкасаясь погами или головами; «доски положены сѣтошь». Отсюда объясняются всѣ вышесказанныя значенія; именно: 1) *сутьки*, *сутьки* — уголъ, т. е. гдѣ *стыкаются* или *соприкасаются* стѣны избы; 2) *сутьки* — мѣсто, гдѣ у печи *стыкаются* или *смыкаются* два столба; 3) *сѣтошная* — сварливая, т. е. ко всему *притыкающаяся*, какъ *прицѣпляющаяся* протесовитъ отъ *цѣпляться*, и *привязчивая* отъ *вязаться*; 4) *сутьки* — сумерки, т. е. гдѣ *стыкаются*, или *соприкасаются* другъ къ другу день и ночь; и наконецъ 5) *сутьки*, въ болѣе отвлеченномъ значеніи, какъ соединеніе, совокупность дня и ночи. И такъ, какое же воззрѣніе лежитъ въ основѣ слова *сутьки*? Очевидно, представленіе о сочетаніи двухъ предметовъ, соединяемыхъ вѣстѣ, или подлѣ угломъ. Но этого мало. Слѣдуя закону изобрѣтательности, языкъ тѣмъ же словомъ *сутьки* называетъ наглядныя впечатлѣнія, производимыя переднимъ угломъ, или сумерками. А такъ какъ отъ названія извѣстнаго времени года, или дня, обыкновенно происходятъ уже общія отвлеченныя опредѣленія времени; то понятіе о *межѣ*, заключающееся въ словѣ *сутьки*, первоначально могло относиться только къ *межѣ* между днемъ и ночью, то есть къ сумеркамъ, и потомъ отсюда уже было перенесено къ совокупному понятію о *днѣ* и *ночи*.

Изъ разсмотрѣнія описательныхъ выраженій времени и мѣста видимъ, что образуются они изъ общаго изъ всѣмъ зародыша — живаго воззрѣнія на природу. Потому эти выраженія первоначально и собственно не имѣютъ значенія ни времени, ни пространства. Выдвигаются же они въ рѣчи съ своими логическими границами, какъ опредѣленные понятія извѣстнаго протяженія времени-ли, пространства-ли,

уже въ слѣдствіе наложенія на корень слова логической категоріи, по требованію мысли, въ синтаксическомъ сложении. Потому-то отвлеченныя отношенія мысли всего удобнѣе выражаются въ языкѣ элементами служебными, каковы суть мѣстоименія, числительныя, союзы и друг. Такъ въ мѣстоименныхъ нарѣчіяхъ языкъ достигаетъ полнѣйшаго выраженія отечественныхъ понятій времени и мѣста, напр. словами: *здѣсь*, *тамъ*, *тогда*, *когда*. Въ такихъ реченіяхъ означеніе мѣста (*дѣ*, *да*, *ду*: *к-дѣ*, *ку-да*, *всю-ду*), или времени (*гда*: *ко-гда*) соединяется съ мѣстоименнымъ указателемъ: или вопроса (*к*: *к-дѣ*, *ку-да*, *ко-гда*), или указанія (*с*: *с-дѣ*, *сю-да*) и проч.; и такимъ образомъ общія понятія о времени и мѣстѣ, какъ воззрѣнія мыслящаго духа, приводятся въ непосредственную связь съ личностью говорящаго, обозначаемою мѣстоименнымъ корнемъ. Въ этомъ отношеніи, съ нарѣчіями мѣста, означающими отношеніе лица говорящаго къ пространству, можно сблизить тѣ знаменательныя корни, которые выражаютъ также общія направленія въ пространствѣ, по отношенію къ лицу: мы здѣсь разумѣемъ понятія о *правомъ* и *лѣвомъ*, по глубокому лингвистическому такту, внесенныя Я. Гриммомъ въ Исторію языка. Для точнѣйшаго опредѣленія различныхъ направленій въ пространствѣ, нарѣчія мѣста пользуются силою падежей, склоняя коренный звукъ *д*, означающій мѣсто вообще, а именно: *дѣ* (*к-дѣ*), *да* (*ку-да*), *ду* (*всю-ду*), *дою* (*ку-дою*), даже въ двойственномъ числѣ: *ду* (*обою-ду*). Областной языкъ особенно богатъ такими опредѣленіями мѣста: такъ въ Архангельскомъ нарѣчій употребляются слѣдующія замѣчательныя формы: *кѣиды* — которымъ мѣстомъ, *сѣиды* — сею дорогою, *тѣиды* — тѣмъ мѣстомъ, т. е. дальнею дорогою, напр. «я тойды шолъ.»

Наивысшаго отвѣченія достигаетъ нарѣчіе времени въ опредѣленіи понятія о всегдашнемъ, постоянномъ, неизмѣнномъ. Понятіе о настоящемъ времени языкъ любитъ распространять до понятія о вѣчномъ, всегдашнемъ; и реченіямъ, первоначально имѣющимъ смыслъ «теперь, нынѣ», даетъ значеніе «всегда.» Такъ, въ Славянскомъ языкѣ, именно у Сербовъ, *сада*, *сад*, съ указательнымъ *с*, значить теперь; а въ санскритѣ *сада* — всегда. Въ Старославянскомъ прилагательное *присыи*, съ значеніемъ настоящаго, теперешняго, ближайшаго, и потомъ родственнаго, переходитъ въ нарѣчіе *присыи*, имѣющее смыслъ: всегда, вѣчно. Мѣстоименіе указательное съ указаніемъ соединяетъ понятіе о единичности: потому указательное *с* у насъ въ словѣ *сѣкратъ* (отъ слова *крата*), означающимъ «теперь», имѣетъ силу указательную; а въ Санскритѣ слово того же происхожденія *сакрт* (отъ корня *кр* — разить, дѣлать) имѣетъ смыслъ «однажды, т. е. этотъ разъ, сей разъ, одинъ разъ», и потому *с* имѣетъ здѣсь силу не только указанія, но и единичности. Точно такъ и наше *инг* (одинъ) имѣетъ обшир-

нѣмъ смыслъ указанія въ парѣчій *выну* (собственно въ *инѣ*), происшедшимъ, по мнѣнію Востокова, отъ предлога *въ* и мѣстоименія *инѣ* (одинъ): но слово *выну* означаетъ уже не теперешнее, но вообще время, и собственно всякое время, вѣчно. Того же происхожденія и значенія Краинское *vedno*. Связь всѣхъ этихъ понятій, объясняемая только путемъ науки, оказывается въ поразительной ясности въ живомъ употребленіи одного областного реченія, которое переходомъ своихъ значеній соединяетъ въ себѣ смыслъ и Санскритскихъ *сакрт*, *сада*, и Старославянскаго *присный*, переходящаго въ *присно*, и Краинскаго *vedno*, или стариннаго *выну*, происшедшихъ отъ *инѣ*, *единѣ*. Это областное реченіе именно есть: *содновѣ* (отъ слова *одинѣ*); оно означаетъ: 1) съ разу, вдругъ (Олон.), подобно Санскритскому *сакрт*, переходящему въ наше *секратѣ*; 2) близко, подлѣ, рядомъ (Волог.), какъ старинное *присный*, переходящее въ *присно*, и наконецъ 3) безпрестанно, то и дѣло (Арханг.), какъ Санскритское *сада*, переходящее въ Сербск. *сад*, *сада*, или какъ *vedno* и *выну*, происшедшія отъ *единѣ*, *инѣ*. Такимъ образомъ, въ областномъ словѣ *содновѣ* понятія объ единичности, разѣ и указаніи на ближайшее восходятъ до понятія о безпрестанномъ, всегдашнемъ.

Этимъ заключимъ свои замѣчанія объ областныхъ реченіяхъ, которыхъ такое богатое и важное для науки собраніе представляетъ «Опытъ Великорусскаго Словаря». Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ нашего вѣка, В. Гумбольдтъ, находилъ своимъ глубокимъ соображеніемъ достойную пищу въ языкахъ необразованныхъ островитянъ: ужели Русская грамматика откажется отъ областныхъ реченій простаго народа, хотя грубыхъ и невѣданныхъ цивилизаціею, но тѣмъ не менѣе проникнутыхъ той же свѣжей силою дара слова, которая, живя въ душѣ каждаго Русскаго, всѣхъ насъ узами любви соединяетъ съ роднымъ языкомъ!

ХІІ.

Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе, съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малыя Россіи, сочиненное Афанасіемъ Шафонскимъ, въ Черниговѣ, 1786 года.

Записка Я. И. Бердниковъ.

Авторъ означеннаго сочиненія, нынѣ изданнаго (Кіевъ, 1851. 4. 697 стр. и четыре карты). — Малороссійскій уроженецъ, дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Шафонскій, родился 1741 года и обучался за границею въ Галльскомъ, Лейденскомъ и Стразбургскомъ университетахъ, въ которыхъ получилъ степень доктора философій, правовѣдѣнія и медицины; по возвращеніи въ Россію онъ служилъ по медицинскій части, а съ 1782 года по гражданскій, и съ тѣхъ поръ, почти до самой кончины, поприщемъ службы его была Малороссія.

Составленное Шафонскимъ, въ 1786 году, сочиненіе о Черниговскомъ намѣстничествѣ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой содержится общее описаніе Малороссіи, а во второй частное Черниговскаго намѣстничества, какъ оно существовало въ 1786 году. Въ общемъ описаніи авторъ представляетъ: а) физическое положеніе и свойства, произведенія, промышленность, образъ жизни и нравы, населенность, доходы и расходы Малороссіи и проч., и б) очеркъ исторіи ея до разоренія Южной Россіи Татарами, и состояніе подъ владычествомъ Литвы и Польши съ 1320, и по возвращеніи къ Россіи съ 1654 по 1786 годъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ древняя исторія Малороссіи изложена весьма кратко, и отчасти по недостовернымъ свидѣтельствамъ Польскихъ писателей; но съ XV столѣтія (1471 года), т. е. отъ учрежденія въ Кіевѣ Польскимъ королемъ Казиміромъ IV воеводства и введенія суда и расправы, однообразныхъ съ великимъ княжествомъ Литовскимъ, встрѣчается много обстоятельныхъ и вѣрныхъ извѣстій объ историческомъ бытѣ и судьбахъ Малороссіи*). Частное описаніе Черниговскаго намѣстничества раздѣляется на двѣнадцать главъ, изъ которыхъ въ первой содержатся свѣдѣнія о Черниговскомъ намѣстничествѣ вообще, а въ остальныхъ описанія городовъ и уѣздовъ въ географическо-статистическомъ отношеніи.

О достоинствѣ и самобытныхъ свойствахъ труда г. Шафонскаго, отличающихъ его отъ географическихъ компиляцій, должно замѣтить слѣдующее: въ немъ заключается не только географическое и статистическое описаніе Черниговскаго намѣстничества, но и множество свѣдѣній, касающихся Малороссійской исторіи, изъ которыхъ нѣкоторыя доселѣ были неизвѣстны. Статьи, наиболѣе заслуживающія вниманіе, суть: а) о состояніи и раздѣленіи Малороссіи, подъ Польскимъ владычествомъ, на судебныя староства и повѣты (стр. 48); б) о началѣ козачества и Запорожской сѣчи (стр. 50-53); в) объ образованіи и составѣ козацкаго войска, подъ управленіемъ гетмановъ съ XVI вѣка (стр. 53-56); г) объ образѣ управленія въ Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ, и въ послѣдствіи подъ Русскимъ правительствомъ до открытія намѣстничества въ Малороссіи въ 1782 году (стр.

*) Независимо отъ этого, Шафонскій написалъ особенныя *Записки о Малороссіи*, очень пространныя: въ разсматриваемомъ сочиненіи эти записки представляются въ сокращенномъ видѣ. Редакт.

**) При семъ г. Шафонскій замѣчаетъ (стр. 283): «смотря на сіе бѣдственное состояніе, должно всю справедливость и похвалу Малороссійскому юношеству въ томъ отдать, что многіе изъ оного добровольно и охотно все бремя горести, скудости и пужды для того только несутъ, чтобы чему нибудь научиться. Изъ сихъ-то бѣдниковъ Россія всегда имѣла ученыхъ и достойныхъ людей въ духовномъ и свѣтскомъ званіи, и особливо во врачбной наукѣ.» Подробнѣе о бѣдности обучавшагося въ Малороссіи юношества см. въ *Исторіи Кіевской Академіи*, соч. Іеромонаха Макарія Бугакова (нынѣшняго епископа Вишницкаго), стр. 104-109. С. Петербургъ, 1843.

61 и сл.). Не менѣе любопытны во второй части (собственно о Черниговскомъ намѣстничествѣ) слѣдующія извѣстія: а) *о земледѣльчествѣ*: здѣсь подробно описаны полевые работы, земледѣльческія орудія, урожаи, способъ уборки хлѣба, и проч., такъ что изъ сего можно составить полное понятіе о Малороссійскомъ земледѣліи; б) *о произрастеніяхъ и лекарственныхъ травахъ*, съ номенклатурою по-малороссійски и по-латинѣ; описаніе червеца или канцелярскаго сѣмени, изъ чего дѣлается алая краска; какъ выдѣлываютъ ее въ Черниговскомъ уѣздѣ (стр. 232); в) *о Черниговскомъ училищѣ* (стр. 280-284); бѣдность *бурсаковъ*, или жившихъ на казенномъ содержаніи учениковъ, до того простиралась, что они каждодневно, по окончаніи ученія, просили милостыню, а во время ваканціи, обходя Малороссію, говорили въ домахъ на разныхъ языкахъ рѣчи, и тѣмъ спешивали пропитаніе **); д) *о ремесленныхъ цехахъ, ихъ знакахъ и обрядкахъ* (стр. 294-303); цехи были въ упадкѣ въ XVIII вѣкѣ; замѣчательно, что въ городѣ Борзні былъ цехъ *старечій*, т. е. нищихъ, имѣвшихъ свой домъ и знакъ (стр. 386); е) *о Ильжинскихъ Грекахъ* (стр. 468); Ильжинъ, при незначительности Малороссійской торговли въ прошломъ столѣтіи, считался первымъ торговымъ городомъ въ Малороссіи; см. стр. 477-488, гдѣ подробно описаны предметы и производство торговли Ильжинскихъ Грековъ.

Книга Шафонскаго наполнена множествомъ статистическихъ таблицъ, составленныхъ по официальнымъ документамъ, что придаетъ ей превосходство предъ другими источниками Малороссійской географіи и статистики. Видно, что авторъ дополнялъ свое сочиненіе и послѣ 1786 года, хотя въ предисловіи сказано, что оно составлено имъ въ этомъ году; въ немъ есть извѣстія, относящіеся наприм. къ 1790 году (стр. 263).

Географія и статистика, подобно исторіи, создаются изъ частныхъ монографій, какъ коллекціи горныхъ породъ составляются изъ неорганическихъ тѣлъ ископаемаго царства. Отдѣльные описанія предметовъ, путешествія, снаряжаемые правительствами экспедиціи и проч., доставляютъ предварительно для нихъ матеріалы, а изъ этихъ пособій, сведенныхъ въ одно цѣлое, являются сочиненія о цѣлыхъ странахъ, государствахъ и народахъ въ формѣ науки. Безспорно, что путешественники, мореплаватели и просвѣщенные туземцы, изучающіе мѣстности, суть первые дѣатели на этомъ поприщѣ, и имъ-то географія и статистика обязаны своими открытіями и успѣхами. Къ числу такихъ дѣателей принадлежитъ г. Шафонскій. Сочиненіе его о Малороссіи могло быть написано только человекомъ, глубоко знавшимъ свою родину, усвоившимъ себѣ преданія и свѣдѣнія съ ея учрежденіями, бытомъ и правами; притомъ Шафонскій былъ человекъ ученый, соединившій съ обширными знаніями служебную опытность. Кто со вниманіемъ прочтетъ

его сочиненіе, тотъ достаточно убѣдится, какихъ успѣхъ стоило автору собрать столь богатый запасъ матеріаловъ, и съ какимъ знаніемъ дѣла, трудолюбіемъ и любовью къ истинѣ онъ умѣлъ имъ воспользоваться. Книга Шафонскаго такъ уважалась въ Малороссіи, что до появленія въ печати она ходила по рукамъ въ спискахъ. Слогъ его отличается простотою и ясностію, и не уступаетъ въ правильности современнымъ ему Русскимъ писателямъ, кромѣ употребленія немногихъ Малороссійскихъ словъ и изрѣдка встрѣчающихся полонизмовъ. Выѣстъ съ сочиненіемъ А. Рихельмана (*Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи*. Изд. О. М. Бодянского. М. 1847. 4 части), *Кописскаго* (*Исторія Русовъ*. Изд. О. М. Бодянского. М. 1846) и немногими другими, сочиненіе Шафонскаго останется на всегда въ числѣ необходимыхъ пособій для изученія исторіи Малой Россіи и однимъ изъ замѣчательныхъ историческихъ трудовъ царствованія Екатерины II.

Книга эта напечатана весьма исправно по рукописи, переданной издателю, г. Судіенку, наслѣдникомъ автора, коллежскимъ совѣтникомъ Григоріемъ Шафонскимъ. Къ первой части приложены двѣ карты: а) Малой Россіи, раздѣленной на десять полковъ, и б) на Киевское, Черниговское и Новгородѣверское намѣстничества; и столько же картъ ко второй части: а) Черниговскаго намѣстничества специальная, и в) почтовая.

ХІІ.

Этнографическая карта Европейской Россіи.

Возвращаемся къ труду П. П. Кеннена (см. Извѣстія, стр. 68—70), чтобы обратить вниманіе читателя на книжку, изданную какъ объясненіе карты.

Для филолога, не терпящаго изъ виду вопросовъ этнографическихъ, эта книжка любопытна не менѣе самой карты. Въ дополненіе къ тому, что было сказано прежде, извлекаемъ изъ этой книжки нѣсколько данныхъ, болѣе любопытныхъ.

Выѣстъ съ господствующимъ народонаселеніемъ Русскимъ живутъ въ областяхъ Европейской Россіи около 8,500,000 не-Русскихъ. Часть этого количества составляютъ новые поселенцы; гораздо болѣеую часть — туземцы, или старинные и древніе поселенцы, каковы напр. народы Финскіе и Татарскіе. Разматривая инородцевъ Европейской Россіи по племенамъ, по степени родства съ Русскими, находимъ слѣдующія данныя:

Изъ *Славянъ* живутъ въ Европейской Россіи: *Поляки* (477,535) преимущественно въ западныхъ губерніяхъ — Киевской, Волынской, Подольской, Гродненской и пр. (число ихъ не показано въ гг. Ковенской, Минской, Могилевской, и пр.); *Болгары* (77,102) — кромѣ поселенцевъ въ гг. Таврической и Херсонской — въ Бессарабіи (64,736); *Сербы* (1,383)

новыми поселеніями на югозападѣ. Всего Славянъ не-Русскихъ въ Европейской Россіи около 620,000.

Литовское племя, обитая на старыхъ своихъ селищахъ, преимущественно въ гг. Витебской, Виленской, Ковенской, Курляндской и Лифляндской, представляется въ числѣ 1,585,000 душъ сличкомъ.

Къ *Германскому* племени принадлежатъ большею частію новыя поселенцы: *Польцы* (373,000) и *Шведы* (11,470). Последние, кромѣ незначительныхъ колоній въ г. Херсонской, живутъ въ краѣ Остзейскомъ (болѣе 5,000) и въ г. С. Петербургской (6,156). Первые же, представляя значительныя старыя колоніи въ Остзейскомъ краѣ (до 100,000) и въ г. С. Петербургской (50,800), живутъ въ большомъ числѣ на югѣ Россіи и въ гг. Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Саратовской, Самарской, кромѣ того въ гг. Волынской, Гродненской, Московской, и наконецъ во всѣхъ остальныхъ, хоть и въ очень маломъ числѣ. Всего Германскаго народонаселенія въ Европейской Россіи до 385,000.

Романское племя: *Волехи* (Молдаване, 498,409) живутъ болѣе всего въ Бессарабіи (406,182) и въ г. Херсонской (75,000); остальные въ гг. Подольской и Екатеринославской; *Французы* (205) — въ Бессарабіи. Всего Романцевъ болѣе 500,000.

Греческія колоніи всѣ на югѣ, болѣе всего въ г. Екатеринославской (32,633), составляютъ народонаселеніе въ 46,800 д.

Албанскія колоніи въ Бессарабіи — около 1,350 д.

Сводя въ одно число всѣхъ не-Славянскихъ жителей Индо-Европейскаго происхожденія съ прибавленіемъ къ нимъ Цыганъ (48,247), разбросанныхъ по всѣмъ губерніямъ безъ исключенія, Осетинъ Ставропольскихъ, Персіанъ и пр. получимъ общую круглую цифру: 2,570,000.

Другой отдѣлъ народонаселенія составляютъ Евреи (1,054,407) въ гг. западныхъ и югозападныхъ. *Армяне* (46,773) въ гг. южныхъ, и *Грузины* (1000) тамъ же.

Третій отдѣлъ составляютъ народы Сѣверскіе, занимающіе довольно значительныя пространства на сѣверѣ и востокѣ. Сюда принадлежатъ: *Самоды* въ г. Архангельской (до 4,500), *Лопари* — тамъ же (до 2,300), *Вогулы* въ г. Пермской (872), *Финны*, т. е. *Чудь* (Чудь, Водь, Эсты, Ливы) болѣе всего въ Остзейскомъ краѣ и въ окрестныхъ губерніяхъ (болѣе 655,000) и *Карелы* (Карелы, Эврэмѣйсетъ, Савакотъ, Ижоры) почти въ тѣхъ же краяхъ (болѣе 260,000), *Пермяки* (Пермяки, Вотяки, Зыряне, Бесермяне) въ г. Вятской и окрестныхъ (до 310,000), *Волжскіе народы* (Черемисы, Мордва, Чувашы), болѣе всего въ по-Волжскихъ губерніяхъ (болѣе 1,075,000), *Татары* (Татары, Башкиры, Мещеряки, Киргизы) на юго-востокѣ и югѣ, а отчасти и въ другихъ краяхъ (до 1,840,000), *Калмыки* на юговостокѣ (до 120,000), *Туркмены* въ г. Ставропольской и другихъ (болѣе 7,300), *Бухарцы*, *Хивинцы*. Всѣхъ болѣе 4,275,000.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за Мартъ 1852 года.

Въ Мартѣ мѣсяцъ сего 1852 года Отдѣленіе имѣло семь засѣданій, а именно: 1, 6, 8, 13, 15, 20 и 22 числѣ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предѣлательствомъ П. П. Давыдова, присутствовали: А. С. Норовъ, П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Плетневъ, І. С. Кочетовъ, Я. П. Бердниковъ, М. А. Коркуновъ и П. П. Срезневскій.

II.

Общій Словарь Русскаго языка.

Г. Предѣлательствующій предложилъ Членамъ Отдѣленія заняться разсмотрѣніемъ въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка каждому особаго отдѣла словъ. Самъ Г. Предѣлательствующій принялъ на себя просмотръ философскихъ терминовъ, преимущественно изъ логики, психологій и эстетики; П. А. Плетневъ — терминовъ, употребляемыхъ въ теоріи словесности; І. С. Кочетовъ — богословскихъ; Я. П. Бердниковъ — терминовъ Русской археологій и дипломатикі; А. Х. Востоковъ обѣщался просмотрѣть Областной Великорусскій Словарь и выбрать изъ него слова, какія должно внести въ Общій Русскій Словарь, при новомъ его изданіи; П. П. Срезневскій принялъ на себя просмотръ словъ Русскаго народнаго языка и языка древняго до конца XIV вѣка, а М. А. Коркуновъ — словъ стариннаго языка отъ конца XIV столѣтія. Сверхъ того, Г. Предѣлательствующій объявилъ, что Профессоръ А. И. Зинovieвъ изъявилъ готовность свою просмотрѣть слова, относящіеся къ археологій и древностямъ Греческимъ и Римскимъ, а Профессоръ П. О. Шиховскій — слова ботаническія.

Корреспондентъ Академіи Наукъ и заслуженный Профессоръ Д. М. Перевощиковъ представилъ Г. Предѣлательствующему вновь составленныя имъ опредѣленія математическихъ и астрономическихъ терминовъ, на букву В, находящихся въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка.

Академикъ П. П. Срезневскій представилъ на видъ Отдѣленія необходимость поручить, по мысли Г. Предѣлательствующаго, просмотръ и пополненіе тѣхъ словъ Русскаго Словаря, которыя касаются изящныхъ искусствъ, людямъ знакомымъ съ ними спеціально, и между прочимъ предложилъ обратиться: а) для словъ, касающихся музыки, къ отличному знатоку музыки вообще и особенно народной Русской музыки, А. Θ. Тюрину, и б) для словъ, касающихся живописи, къ знатоку теоріи и исторіи живописи, А. Н. Попову. Опредѣлено: войти въ сношеніе съ гг. Тюринымъ и Поповымъ.

II.

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ.

А. Х. Востоковъ и М. А. Коркуновъ доложили Отдѣленію объ отпечатаніи предисловія и послѣднихъ листовъ *Опыта Областнаго Великорусскаго Словаря*.

Профессоръ Московскаго Университета О. П. Буслаевъ, въ частномъ письмѣ къ П. П. Срезневскому, предполагаетъ, что статья, или даже нѣсколько статей о предметѣ Областнаго Словаря, издаваемаго Отдѣленіемъ, заинтересовали бы публику ожиданіемъ самаго Словаря. Определено: просить г. Буслаева о сообщеніи этихъ статей. *)

Академики І. С. Кочетовъ и П. П. Срезневскій представили свои замѣчанія на Прибавленія къ *Опыту Областнаго Великорусскаго Словаря*; І. С. Кочетовъ сообщилъ сверхъ того 30, а П. П. Срезневскій 90 словъ, на букву В, не находящихся въ Прибавленіяхъ.

Профессоръ О. П. Буслаевъ сообщилъ П. П. Срезневскому дополненія къ Областному Словарю, какъ продолженіе прежде присланнаго имъ собранія. Определено: отдѣльно переписанныя изъ письма эти дополненія передать А. Х. Востокову и благодарить г. Буслаева.

П. П. Срезневскій читалъ письмо, при которомъ гг. Александровъ-Дольникъ и Второвъ препровождаютъ собраніе областныхъ словъ Воронежской губерніи и образцы нарѣчій, которыми можно воспользоваться для Прибавленій къ Извѣстіямъ. Определено: благодарить гг. Александрова-Дольника и Второва и препроводить къ нимъ программу для собранія образцовъ народнаго Русскаго языка и словесности.

П. П. Срезневскій представилъ въ Отдѣленіе тетрадь дополненій, поправокъ и замѣчаній къ *Опыту Великорусскаго Областнаго Словаря*, доставленные ему извѣстнымъ своею учено-литературною дѣятельностью и наблюдательностью П. П. Небольсинимъ. Определено благодарить г. Небольсина и его дополненія передать А. Х. Востокову.

III.

ГРАММАТИКА.

Г. Предѣдательствующій объявилъ Отдѣленію, что онъ окончилъ печатаніе составленнаго имъ *Опыта общесравнительной грамматики Русскаго языка*.

IV.

ИЗДАНІЕ ПАМЯТНИКОВЪ.

Высокопреосвященный Григорій, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, увѣдомляетъ Г. Предѣдательствующаго, что экземпляры программы для собранія образцовъ народнаго Русскаго языка и словесности препровождены въ Казанскую Консисторію, съ предписаніемъ разослать ихъ

*) Одна изъ сихъ статей уже доставлена и помѣщается въ этомъ выпускѣ.

къ избраннымъ ею лицамъ для собранія простонародныхъ словъ и выраженій.

Гг. Директоры училищъ: Вороновъ — С. Петербургской губерніи, Модестовъ — Могилевской, Фортунатовъ — Вологодской, Никольскій — Архангельской и Шиллингъ — Рязанской, увѣдомляютъ Отдѣленіе, что они пригласили учителей гимназій, питатныхъ смотрителей и учителей уѣздныхъ училищъ къ собранію, по разосланной къ нимъ программѣ образцовъ Русскаго народнаго языка и словесности.

V.

ИЗВѢСТІЯ.

Читаны и одобрены 6, 7 и 8 листы Извѣстій и III—V Прибавленій къ нимъ.

Отдѣленіе, имѣя въ виду постепенное умноженіе матеріаловъ для объясненія словъ и выраженій Русскаго языка и отчасти другихъ Славянскихъ нарѣчій, полученныхъ и постепенно получаемыхъ отъ гг. Микуцаго, Казембека, Гротъ, Березина, Буслаева и другихъ ученыхъ, опредѣлило назначить имъ особенный отдѣлъ Прибавленій къ Извѣстіямъ, подъ названіемъ: *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій*. Въсѣтъ съ тѣмъ, по предложенію Г. Предѣдательствующаго, опредѣлено печатать также особыми прибавленіями при Извѣстіяхъ и *Матеріалы для характеристики нарѣчій Русскихъ и Западно-Славянскихъ*.

VI.

ОСОБЕННЫЯ ЧТЕНІЯ.

А. Х. Востоковъ и П. А. Плетневъ читали мнѣнія свои о книгахъ, представленныхъ къ сенсанію Демидовскихъ премій и переданныхъ для разсмотрѣнія въ Отдѣленіе. Мнѣнія препровождены къ г. Непремѣнному Секретарю Академіи Наукъ.

А. О. Тюрингъ, въ слѣдствіе изъявленія готовности принять участіе въ трудахъ Отдѣленія, сообщилъ переводы нѣкоторыхъ статей изъ Исторіи языка Я. Гримма, въ той мысли, что онѣ могутъ быть полезны для молодыхъ любителей филологій, незнакомыхъ съ подлинникомъ. Переданы Редактору Извѣстій.

Высокопреосвященный Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій, препроводилъ въ Отдѣленіе шесть экземпляровъ статьи своей, подъ заглавіемъ: *Новооткрытый Успенскій Бакчисарайскій скитъ*. Розданы присутствовавшимъ Членамъ Отдѣленія. Определено: благодарить Высокопреосвященнаго Иннокентія.

Читана статья г. Жукина о Русской письменности въ Сибири, которую этотъ наблюдатель Сибирской природы и нравовъ составилъ по приглашенію П. П. Срезневскаго, какъ опытъ дополненія къ матеріаламъ, написаннымъ на

этнографическую карту П. Н. Кеннепа. Включена въ число матеріаловъ для Извѣстій.

П. П. Срезневскій представилъ вниманію Отдѣленія трудъ молодаго Русскаго ученаго А. Гильфердинга, подъ названіемъ: *Сравненіе языковъ Славянскаго и Литовскаго съ Санскритскимъ*. Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя Г. Предсѣдательствующій.

М. А. Коркуновъ представилъ переданныя ему для внесенія въ Отдѣленіе Членомъ Археографической Комиссіи А. В. Терещенкомъ: 1) письма (въ спискахъ) Высокопреосвященнаго Оеофана Прокоповича; и 2) *Чувство радостное Кесарево-Цесарскихъ подданныхъ на прибытіе полковъ Его Императорскаго Всероссийскаго Величества въ городъ Львовъ, мѣсяца Апрѣля 17 дня, и посвященное Цетроградской Академіи Наукъ отъ Петра Лодія 1799 года*. Определено: письма Оеофана Прокоповича передать для разсмотрѣнія М. А. Коркунову; стихи же Лодія хранить при дѣлахъ Отдѣленія.

Болгарскій черноризецъ Нафанаилъ и кандидатъ Дмитріевъ, отправляясь на родину въ Болгарію, изъявили желаніе воспользоваться при своихъ наблюденіяхъ надъ Болгарскимъ нарѣчіемъ, тѣми замѣчаніями, какія высказаны были въ Программѣ для собранія образцовъ народнаго Русскаго языка и словесности, изданной Отдѣленіемъ. Определено: сообщить имъ нѣсколько экземпляровъ программы.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

V.

Частные вопросы о мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ Русскаго народнаго языка.

*Записка П. Срезневскаго *).*

Судя по тому участию, которое издавна принимали мѣстные наблюдатели въ трудахъ Второго Отдѣленія, касательно разбора видоизмѣненій Русскаго языка въ народѣ, можно надѣяться, что по программѣ для собранія памятниковъ и образцовъ языка и словесности мы получимъ постепенно много матеріаловъ, важныхъ и любопытныхъ. Нельзя впрочемъ вполнѣ быть увѣреннымъ, что изъ тѣхъ мѣстностей, которыя по особенностямъ говора гораздо важнѣе другихъ, получатся свѣдѣнія вполнѣ удовлетворительныя, или что ни одна изъ такихъ мѣстностей не будетъ наблюдателями опущена изъ виду. Для того, чтобы предупредить по возможности неудачи этого рода, я бы полагалъ полезнымъ въ дополненіе къ программѣ присоединять и частные вопросы, касательно языка или словесности такихъ особенно замѣчательныхъ мѣстностей. Можно надѣяться, что по этимъ указаніямъ Отдѣленія мѣстные наблюдатели обратятъ особенное вниманіе на предметы, достойныя любознательности и малозвѣстныя.

*) Къ Протоколамъ, помѣщеннымъ въ предъидущемъ выпускѣ.

Съ этою мыслию честь имѣю представить Отдѣленію на первый разъ нѣсколько такихъ вопросовъ, предполагая, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ будутъ достойны сообщенія мѣстнымъ наблюдателямъ.

— До сихъ поръ еще очень мало извѣстна граница, по которой отдѣляется западное нарѣчіе сѣвернаго отдѣла Русскаго языка, такъ называемое Бѣлорусское, отъ нарѣчія Восточнаго. — въ губерніяхъ Псковской, Тверской, Смоленской; но еще менѣе извѣстно, какъ далеко и широко идутъ на востокъ по краямъ Великорусскимъ тѣ черты мѣстнаго языка, которыя обыкновенно считаются въ числѣ признаковъ Бѣлорусскихъ. Такого, напримѣръ, *дзѣканье* и *тѣпканье*. Нѣсколько извѣстно, и то болѣе по слухамъ, что *дзѣ* и *тѣ* слышны въ народномъ говорѣ вмѣсто чистыхъ *дѣ* и *тѣ* въ разныхъ мѣстахъ по водамъ Оки и Волги и за Волгой; но границы этой замѣчательной особенности, которая, кромѣ нарѣчія Бѣлорусскаго, такъ рѣзко отлѣиваетъ нарѣчія Поляковъ, ея значеніе въ нарѣчій Великорусскомъ не совершенно опредѣлены, а тѣмъ менѣе опредѣлено, какіе именно другіе признаки говора соединяются постоянно съ обычаемъ *дзѣканья* и *тѣпканья*. Въ этомъ отношеніи любопытенъ между прочимъ говоръ народа, живущаго въ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи по рѣкѣ Сити, извѣстнаго тамъ подъ названіемъ Ситкарей. Отличаясь особенностями быта и обычаевъ, Ситкари отличны отъ другихъ Моложцевъ и говоромъ. Мнѣ удалось слышать этотъ говоръ отъ жителей Веретен и Станисловки, — и по тому, что удалось мнѣ узнать и замѣтить, я позволяю себѣ думать, что говоръ этотъ отличается отъ Бѣлорусскаго преимущественно тѣмъ, чѣмъ вообще отличается говоръ сѣверныхъ Великоруссовъ отъ говора Великоруссовъ южныхъ. Любопытно были бы всевозможныя подробности объ этомъ говорѣ, образцы его въ разговорной рѣчи и пѣсняхъ, а равно и преданія о происхожденіи Ситкарей, и т. д.

— По рѣкѣ Сожѣ, тамъ гдѣ, по Нестору, жили Радимичи, народъ отличается — какъ мнѣ удалось слышать — особенностями быта, нарѣчія и даже (если только справедливо извѣстіе) самымъ именемъ «Ляховъ». Любопытно было бы узнать подробности отличій Посожья, въ отношеніи къ быту и нарѣчію, а равнымъ образомъ и получить достоверное извѣстіе о томъ, подъ какими именами и прозвищами извѣстны Посожьцы своимъ ближайшимъ соседямъ.

— Нарѣчіе Галичанъ или Галивоновъ въ Костромской губерніи достойно особеннаго вниманія по множеству словъ, непонятныхъ ни по значенію, ни по происхожденію, въ ряду которыхъ находятся, между прочимъ, и нѣкоторыя слова древняго и стариннаго Русскаго языка; а между тѣмъ это нарѣчіе до сихъ поръ остается почти совершенно неизвѣстнымъ. Я полагалъ бы необходимымъ обратиться въ Галичъ къ

мѣстнымъ наблюдателямъ, прося ихъ о сообщеніи возможно болѣе подробностей о Галицкомъ нарѣчій — гдѣ именно оно употребляется и кѣмъ, — какими словами отличается (особенно словами, выражающими понятія о числахъ, о родствѣ и бытѣ домашнемъ, также названіями металловъ, звѣрей и растений, орудіи домашнихъ и земледѣльческихъ и т. д.), — какъ употребляется въ связной рѣчи (съ приведеніемъ образцовъ), въ пѣсняхъ и пословицахъ, — какія преданія идутъ въ народѣ объ этомъ нарѣчій и о народѣ, его употребляющемъ.

— Не разъ удавалось мнѣ слышать, что у бурлаковъ Волжескихъ и Уральскихъ есть особенный, для другихъ непонятный языкъ, подобно языку Офеней, отличный отъ обыкновеннаго Русскаго только словами по ихъ звукамъ или значенію, а не по строю грамматическому. Слова, которые мнѣ удалось слышать, не тѣ, что въ Офенскомъ. Я полагалъ бы полезнымъ узнать объ этомъ нарѣчій хотя сколько нибудь, если уже нельзя получить подробностей.

— Въ губерніи Архангельской, по Дону и Волгѣ, а также и въ Сибири, до сихъ поръ еще въ ходу между народомъ такъ называемыя *былины* — эпопеи о богатыряхъ времени Владиміра и Татаръ. До недавнихъ лѣтъ эти эпопеи извѣстны были только по списку Кирилы Данилова и даже не считались за произведенія народной поэзіи. Теперь мы знаемъ о нихъ гораздо болѣе; но все еще не знаемъ многихъ изъ нихъ, да и тѣ, которые извѣстны, записаны не въ лучшемъ ихъ видѣ. Я бы полагалъ необходимымъ обратиться въ означенныя мѣста съ просьбою о собираніи этихъ былинъ въ томъ видѣ, какъ онѣ извѣстны народу, и о сообщеніи въ Отдѣленіе списковъ ихъ, если возможно съ замѣчаніями: 1) о томъ, какія понятія соединяются въ народѣ съ богатырями, въ нихъ воспѣваемыми; 2) о томъ, какъ онѣ поются и въ какихъ случаяхъ, и съ приложеніемъ самыхъ напѣвовъ. Если нѣкоторыя изъ былинъ и нельзя будетъ напечатать, то все же и онѣ представятъ нѣкоторые матеріалы для языка.

— Тоже значеніе, которое соединяется у Великорусовъ съ ихъ былинами, для Малорусовъ имѣютъ ихъ *думы*, которые поются слѣпцами бандуристами, а иногда и лириками, и которые все болѣе теряются изъ памяти народной. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются необыкновеннымъ поэтическимъ достоинствомъ. Въ уѣздныхъ городахъ губерній Полтавской, Екатеринославской и Киевской есть еще бандуристы, знающіе думы; есть слѣдовательно и возможность спасти еще хоть нѣсколько оригинальныхъ произведеній Русской эпопеи отъ забвенія, — и это тѣмъ болѣе желательно, что до сихъ поръ думъ напечатано очень немного, между тѣмъ какъ онѣ по складу вышнему и по изложенію отличаются отъ всѣхъ другихъ народныхъ эпопей очень замѣчательными особенностями.

Если Отдѣленіе найдетъ мое предложеніе достойнымъ вниманія, то я буду имѣть честь представить еще нѣсколько вопросовъ того же рода.

VI.

Записка о Хорватской лѣтописи.

А. Х. Востокова.

Въ Хорватскомъ повременномъ изданіи: *Arhiv za ro-
vĕstnicu jugoslavensku* (Архивъ для югославенской исторіи) *knjiga I u Zagrebu* (въ Аграмѣ), 1851 г. напечатана Хорватская лѣтопись XII в. *). Это та самая лѣтопись, коей списокъ хранится въ Румянцовскомъ Музеумѣ подъ № CCCI, и которая въ Описаніи рукописей Р. Музеума названа *Папалича* (Доминика) *Далматская лѣтопись*. Такое названіе дано было ей Латинскимъ переводчикомъ (*Paralich Chronicon Regum Dalmatiae Croatiaeque gesta continens*).

Редакторъ помянутаго Архива *Иванъ Кукулевичъ Сакцинскій*, при изданіи этой лѣтописи пользовался двумя списками, изъ которыхъ одинъ списанъ былъ въ 1819 г. съ Ватиканской рукописи Матвѣемъ Кароромъ (*Matia Karor*), и подаренъ имъ въ 1841 г. Доктору Людевиту Гаю, а другой привезенъ изъ Праги г. Станкомъ Вразомъ (*Stanko Vraz*). Г. Сакцинскій говоритъ, что въ обоихъ спискахъ нашелъ довольно ошибокъ, и только по тщательномъ сличеніи сихъ списковъ, могъ возстановить исправленный текстъ. Нашъ Музеумскій списокъ, какъ извѣстно, сдѣланъ въ 1822 году. Я сличилъ его съ печатнымъ текстомъ Хорватскаго Архива, и нашелъ между ними разности въ правописаніи и другія несходства. Музеумскій списокъ кажется мнѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неправиѣ печатнаго текста; за то, сей послѣдній полнѣе: въ немъ помѣщено нѣсколько строкъ, которые пропущены въ списокѣ. Лѣтопись эта найдена въ концѣ XV-го, или въ началѣ XVI вѣка Доминикомъ Папаличемъ въ одной старой книгѣ, писанной Хорватскими буквами, т. е. глаголицею. Эта глагольская рукопись потеряна, а списокъ съ нея, сдѣланный въ 1546 г. Латинскими буквами попалъ въ Ватиканскую Библіотеку. Редакторъ Хорватскаго Архива относитъ напечатанную имъ лѣтопись къ XII вѣку, на томъ основаніи, что священникъ Діоклейскій (*Presbyter Diocleas*), жившій между 1150 и 1200 г. и написавшій Латинскую хронику королей Далматскихъ, въ первой и важнѣйшей части этой хроники почти отъ слова до слова сходенъ съ Хорватскою лѣтописью, о которой здѣсь

*) Это важное повременное изданіе, кромѣ *Хорватской лѣтописи*, заключаетъ въ 1-й книгѣ много другихъ любопытныхъ статей, — именно: *Pirke porodice u mletačkom plemstvu*, — Vile, — *Tiskali jugoslavenski XV i XVI vĕca*, — *Zakoni grada Zagreva od godine 1842*, — *Stari hrvaťski Sudovi*, и пр. и пр. Можно надѣяться, что *Arhiv* сдѣлается необходимымъ пособіемъ для филологовъ и историковъ Славянскихъ. Редакт.

идеть рѣчь. Извѣстно—говоритъ издатель, что этотъ Діоклейскій священникъ перевелъ свою хронику съ Хорватскаго, или, какъ онъ изъясняется, ex slavonica littera, на Латинскій. Не онъ ли самъ и сочинилъ Хорватскую хронику, отысканную Папаличемъ, или, по крайней мѣрѣ, не пользовался ли онъ ею при составленіи своей Латинской хроники?

Впрочемъ, какъ сія Хорватская, такъ и Латинская хроника Діоклейца, никакого историческаго достоинства не имѣютъ. Онѣ наполнены анахронизмами; въ нихъ перепутаны имена и происшествія. Исторія въ нихъ сложена, какъ видно, по народнымъ преданіямъ и пѣснямъ.

За всѣмъ тѣмъ однако — продолжаетъ издатель, нельзя утверждать, чтобъ эта хроника не имѣла вовсе никакой цѣны, и кто умѣетъ отличить куколь отъ пшеницы, тотъ найдетъ и на этомъ залядевшемъ полѣ кое-гдѣ чистое зерно для будущей критической исторіи; онъ воспользуется нашею хроникою такимъ же образомъ, какъ Венгерцы пользуются своимъ безыменнымъ нотаріемъ короля Бѣлы.

Для Русскихъ читателей означенная Хорватская летопись можетъ быть занимательна только, какъ памятникъ стариннаго Хорватскаго языка, подходившаго ближе къ Церковно-славянскому, нежели нынѣшній Хорватскій. Въ нынѣшнемъ, напримѣръ, родительный падежъ множественнаго числа существительныхъ сходенъ сталъ кое гдѣ съ предложнымъ, оканчиваясь на — *axx*, а въ языкѣ хроники онъ кончится на *ovz*, *z*, *ь*, какъ въ Русскомъ и Церковномъ языкѣ. Тутъ употребляется еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и двойственное число, напр. *roidosta*, *pridosta*, *sritostase* (т. е. срѣтостася).

Въ этомъ памятникѣ Хорватскаго языка встрѣчаются слѣдующія Словенскія имена владѣтелей и знаменитыхъ людей Хорватскихъ: Сѣюладъ, т. е. Всеволодъ (Русское Всеволодъ), Силмиръ, Ратимиръ, Сатимиръ, Будимиръ, Сѣтоликъ (Святоликъ), Владиславъ, Полиславъ, Себиславъ, Разбивой, Владимиръ, Каримиръ, Кристивой, Толимиръ, Прибиславъ, Цепимиръ, Светожакъ, Радославъ, Сенславъ, Тѣхомилъ, Крисимиръ (Крѣсимиръ или Крѣшимиръ), Звоимиръ. У Діоклейца кромѣ сихъ упоминаются Звоимиръ, Томиславъ, Каранимиръ (Хранимиръ?), Тердославъ, Остривой, Крѣшимиръ, Цяславъ, Будиславъ.

VIII.

О грамматѣ Земской Думы 1612 года.

Записка М. А. Коркунова.

Въ 1612 году, во время бытности стольника князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго въ Ярославлѣ, былъ у него на отпускѣ возвращавшійся изъ Персіи подданный Римскаго Императора Юсуфъ Грегоровичъ *), вмѣстѣ съ посланни-

*) Въ Русскихъ актахъ Юсуфъ (Юсупъ) Григоровичъ называется Юсуфомъ Григорьевымъ и Алсуфомъ.

комъ Персидскаго Шаха. Юсуфъ Грегоровичъ, уѣхавшій лѣтомъ 1612 года изъ Ярославля, снова пріѣхалъ въ Россію въ 1613 году, по избраніи на царство Михаила Феодоровича, и объявилъ Московскимъ боярамъ, что онъ прибылъ съ отвѣтомъ отъ Римскаго Императора къ князю Пожарскому касательно избранія на Московское государство Цесарева брата Максимилиана. Отъ Юсуфа бояре узнали, что будто Князь Д. М. Пожарскій, говорилъ Юсуфу въ Ярославлѣ на отпускѣ: «только Государь ихъ Цесарь на Московское государство брата своего дастъ, и они о томъ Цесарю много челомъ быють и брата его (Максимилиана) на государство примуть съ великою радостію», и что «Юсуфъ, пріѣхавъ, Государю ихъ Цесарю то князь Дмитреево слово Пожарскаго сказалъ вскорѣ, и Цесарь услышавъ то, учалъ быть радостенъ, и Князя Дмитрея Михайловича и Московскаго государства всякихъ людей похвалялъ, что они поспекали его Цесарскаго Величества племянни, а къ брату своему къ Максимилиану о томъ отъ себя писалъ; и Максимилианъ будто противъ отписалъ, что онъ при старости хочетъ бити въ покоѣ, молиться Богу, а на государство никуда не хочетъ, и Великіи Государь ихъ Цесарское Величество приказалъ съ Юсуфомъ къ Князю Дмитрею, что есть у Цесаря его Цесарева отца роднаго брата сынъ Пиліюшъ, и только его на Московское государство похотять, и онъ его на государство Московское дастъ. И для того дѣла Цесарь въ Московское государство послалъ посла своего великаго ближняго человека именемъ Размысла, а къ Польскому королю для того же послалъ Грота». Послѣ прибытія въ Москву Юсуфа, въ Іюль 1613 года, были отправлены къ Римскому Императору Матіасу посланники Степанъ Ушаковъ и дьякъ Семой Заборовской съ извѣщеніемъ о избраніи на Всероссійскій престолъ Михаила Феодоровича; въ памяти, имъ данной, сказано: если Цесаревы думные люди учнутъ ихъ спрашивать, то имъ отвѣчать, что «до его царскаго обиранья, у бояръ и у воеводъ и всякихъ чиновъ у всѣхъ людей про Максимилиана и про иныхъ ни про которыхъ государей Королей и Королевичей, oprичъ его Государя, отнюдь никакъ и на мысли того ни у кого не бывало; нѣчто будетъ о томъ приказывалъ съ Юсуфомъ Князь Дмитрей Пожарской, безъ совѣту всея земли Московскаго государства или будетъ Государя вашего посланникъ Юсуфъ или переводчикъ Еремѣи сами собою затѣяли, хотячи Цесарскаго Величества жалованье какое выманить». Въ Статейномъ спискѣ посланниковъ Степана Ушакова и дьяка Семаго Заборовскаго находимъ новыя обстоятельства. 3 Декабря 1613 года, когда посланники были въ Липцѣ, пришелъ къ нимъ дворянинъ Бременскаго Бискупа Гріеусъ Лаврентьевъ Рукоіерсусъ и спросилъ ихъ: видѣли ли они переводчика Еремѣя Еремѣева, который присланъ былъ съ грамотою къ Цесарю отъ бояръ и отъ всея земли Московскаго государства и

отпущенъ обратно въ Россію; и когда посланники отвѣчали, что Еремѣй при нихъ къ Москвѣ не бывалъ, то Гріеусъ сказалъ: «какъ Еремѣй пріѣхалъ въ Прагу, и былъ въ Прагѣ Полякъ полковникъ, а имени ему пропamитовалъ, и онъ на Еремѣя доводилъ, что онъ присланъ воровствомъ, лазу-чствомъ; и Еремѣй его посылалъ къ Цесареву къ близне-человѣку къ Бискупу, а приказывалъ съ нимъ Бискупу бить челомъ, чтобъ за него вступился и имъ бы промыслилъ. И Бискупъ де для Московскаго государства имъ промышлялъ; и по бискупову де промыслу, Цесарь велѣлъ Еремѣю быть у себя, а была де съ нимъ грамота отъ боя-ръ и ото всей земли, и у грамоты были двадцати четь-рехъ человѣкъ руки и печати, и отпустилъ де его Цесарь, пожаловавъ; а того онъ не упомянуть, чьи именемъ руки и что въ грамотѣ писано».

О содержаніи грамоты, отправленной къ Римскому Императору съ Еремѣемъ Еремѣевымъ, извѣстно было при дворѣ Царя Михаила Ѳеодоровича: Князя Дмитрія Мамстрюковичъ Черкасскій и Иванъ Ѳеодоровичъ Троекуровъ писали въ 1613 году къ дворовому слугѣ Римскаго Цесаря Матѣяша, Якову Гелькельсу Фольдомесъ Мирку: «къ великому государю Вашему Цесарскому Величеству великихъ Російскихъ государствъ бояре и всякихъ чиновъ люди о... неправдахъ Жигимонта Короля прежде сего писали съ гонцемъ своимъ съ Еремѣемъ Еремѣевымъ»; а въ грамотѣ Царя Михаила Ѳеодоровича того же года къ князьямъ Фіонмаркону и Руляку находимъ еще слѣдующее мѣсто: «какъ посыланъ былъ отъ бояръ нашихъ и отъ всея земли, до нашего царьскаго обира, къ великому государю брату нашему къ Матѣяшу Цесарю, Еремѣй Еремѣевъ, и вы, совѣтовавъ межъ себя и хотячи нашему Московскому государству добра, ты, Рулякъ Князь, до Цесаревы земли, до Праги, ѣздилъ, и съ Еремѣемъ Еремѣевымъ видѣлся тайно и о дѣлахъ, которые годны нашему Московскому государству, объявлялъ и рѣчью къ нимъ бояромъ нашимъ о помочи, о наемныхъ людехъ, и о иныхъ добрыхъ дѣлахъ приказывалъ».

Отпускъ грамоты, отправленной съ Еремѣемъ Еремѣевымъ къ Римскому Императору, до сихъ поръ не отысканъ въ Русскихъ архивахъ; но грамота эта въ Нѣмецкомъ переводѣ найдена Г. Аделунгомъ въ Императорско-Королевскомъ Вѣнскомъ Дворцовомъ Архивѣ и напечатана имъ въ 1840 году особою брошурою. Начальникъ Земской Думы Князь Пожарскій, въ этомъ переводѣ, дѣйствительно пишетъ о неправдахъ Жигимонта Короля и проситъ Императора Матѣаса оказать денежное вспоможеніе и написать къ Жигимонту, чтобы онъ отсталъ отъ своей неправды и прекратилъ кровопролитіе. Покойный Аделундъ полагалъ, что съ грамоты Пожарскаго, отъ 20 Іюня 1612 года, отправленъ былъ къ Римскому Императору только одинъ Нѣмецкій

переводъ и что грамота, съ 24-ми подписями и печатами, будто бы содержала въ себѣ предложеніе Русскаго престола брату Императора, Эрцъ-Герцогу Максимиліану и послана къ Императору Рудольфу (ум. 10 Янв. 1612 г.) прежде Нѣмецкаго перевода грамоты къ Матѣасу. Но въ прошедшемъ году въ «Славянской Библіотекѣ» Миклошича напечатана Іосифомъ Фидлеромъ подлинная Русская грамота, отправленная изъ Ярославля 20 Іюня 1612 г. Содержаніе ея сходно съ Нѣмецкимъ переводомъ, напечатаннымъ Г. Аделунгомъ, только она адресована на имя Императора Рудольфа, разнится отъ Нѣмецкаго перевода во введеніи и не имѣетъ приписки, сдѣланной въ концѣ перевода: «Ваше Императорское Величество узнаете и изустно отъ посланника Вашего Императорскаго Величества Юсуфа Григоровича».

Подлинникъ сей грамоты отысканъ Г. Фидлеромъ въ Императорскомъ Королевскомъ Дворцовомъ и Государственномъ Архивѣ. Кромѣ сей грамоты, адресованной на имя Императора Рудольфа, отъ 20 Іюня 1612 года, напечатана Г. Фидлеромъ въ «Славянской Библіотекѣ» Миклошича другая грамота Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго на имя того же Императора и того же самого времени, т. е. 20 Іюня 1612 г. Въ ней говорится о пріѣздѣ изъ Персін Цесарскаго посла Ансуфа, вмѣстѣ съ посломъ Персидскаго Шаха Абаса, Муриши Кулыбекомъ, и объ отпускѣ ихъ изъ Россіи черезъ Архангельскъ моремъ, по случаю военныхъ дѣйствій съ Польшею. Обѣ грамоты, напечатанныя Г. Фидлеромъ, имѣютъ одно datum, 20 Іюня 1612 г., и нѣтъ сомнѣнія, что Юсуфъ Григоровичъ и Еремѣй Еремѣевъ отправились изъ Ярославля вмѣстѣ въ Іюнь 1612 года; когда прибыли они въ Прагу неизвѣстно, но изъ помѣты на Нѣмецкомъ переводѣ грамоты, посланной съ Еремѣемъ Еремѣевымъ, открывается, что она представлена была Императору 24 Октября 1612 года.

О содержаніи грамоты съ 24 подписями и печатами, видѣнной у Еремѣя Еремѣева дворяниномъ Бременскаго бискупа, мы ничего не знаемъ и полагаемъ, что если она дѣйствительно существовала, то можетъ быть содержала въ себѣ полномочіе Земской Думы переводчику Еремѣю Еремѣеву, который съ порученіемъ отъ Князя Пожарскаго, начальника сей Думы уѣхалъ вмѣстѣ съ Юсуфомъ Григоровичемъ и что все дѣло о предложеніи Русскаго престола Эрцъ-Герцогу Максимиліану вѣроятно возникло изъ простаго разговора Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ Юсуфомъ Григоровичемъ, бывшимъ у него въ Ярославлѣ, а Еремѣй Еремѣевъ не имѣлъ отъ Земской Думы никакого официального порученія, кромѣ изложеннаго въ грамотѣ, представленной имъ Императору 24 Октября 1612 года и найденной Г. Фидлеромъ въ Вѣнскомъ Императорскомъ архивѣ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Пров. 50

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ предположило начать съ 1852 года изданіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности будутъ входить, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постоянныхъ ученыхъ, читаемыхъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно: — изслѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ сопряженныхъ, ихъ литературы и древностей; — разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологій Славяно-Русской; а въ особенныхъ прибавленіяхъ — памятники языка и словесности, матеріалы для Словаря, Грамматики и т. п.

«Извѣстія» будутъ издаваться безрѣчными выпусками или листами; 24 листа съ прибавленіями составятъ одинъ томъ. Цѣна тому три рубля серебромъ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домъ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эггерса (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Погородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ упомянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Чтеніе о Василии Андреевичѣ Жуковскомъ. П. А. Плетнева. — Миѣніе о новомъ изданіи Русскаго Словаря. Предсѣдательствующаго Н. П. Давыдова. — Библиографическія Записки: XIII. Новыя книги, съ миѣніями о нихъ А. Х. Востокова и Н. П. Срезневскаго. — Перечень засѣданій съ приложеніемъ записокъ С. П. Микуцкого, А. Х. Востокова и Свяц. Базарова. — Къ этому выпуску прилагается IX и X листъ ПРИБАВЛЕНІЙ.

ЧТЕНІЯ

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

III.

О ВАСИЛІИ АНДРЕЕВИЧѢ ЖУКОВСКОМЪ.

П. А. Плетнева. *)

VII.

Первому стихотворенію, напечатанному осьмнадцатилѣтнимъ юношею, суждено было начать у насъ счастливый переворотъ въ поэзіи. Въ 1802 году Жуковский перевелъ Грееву элегію «Сельское Кладбище», посвятивъ ее пансіонному товарищу своему и другу, Андрею Ивановичу Тургеневу, который въ слѣдующемъ году скончался. Выборъ стихотворенія, посвященіе его и преждевременная кончина того, чье имя поставлено было въ его заглавіи, все здѣсь располагаетъ душу къ особенному размышленію.

Англійской поэтъ Грей (Thomas Gray) немного написалъ стихотвореній. Хотя они принадлежатъ къ числу произведеній высокаго дарованія, но имя поэта, по малочисленности сочи-

неній его, для большинства читателей оставалось малозвѣстнымъ. Въ молодомъ иностранцѣ, который съ перваго раза увлекся его стихами, нельзя не предположить самой тонкой разборчивости и сочувствія въ душѣ къ автору, не образовавшему извѣстной вѣтви школы, не современному, потому что со смерти Грея прошло тогда ровно тридцать лѣтъ. Изъ-подъ вліянія стиховъ, которые у насъ писаны были языкомъ по большей части изысканно-возвышеннымъ, отъ направленія поэзіи торжественной и громкой, Жуковский, одиноко, но свободно и независимо, пошелъ по новому пути, избранному его вдохновеніемъ и природнымъ вкусомъ. Умъ его и сердце полюбили въ искусствѣ прежде всего художественную истину, которая жизни нашей, нашимъ мыслямъ и чувствованіямъ, картинамъ природы и самаго воображенія сообщаетъ неизглаголанную прелесть, поэзію вѣчную, неподвластную прихотямъ времени и мѣста. Для искусства, переведеннаго въ эту новую область, естественно образовался и новый языкъ, вѣрный истинѣ, природѣ и жизни самыхъ предметовъ, изъ которыхъ поэтъ составляетъ свои картины.

Разбирая начало и ходъ тогдашней во всемъ перемены, я не нахожу въ этомъ явленіи ничего преднамѣреннаго, или выведеннаго изъ теорій. Оно вышло прямо изъ души человѣка, родившагося художникомъ и свободнаго отъ посторонняго влія-

*) См. 146 стр. этихъ же «Извѣстій».

нія, слѣдовательно просто и легко. Но поэтъ созналъ свое счастье и постыжился раздѣлить его съ другимъ сердцемъ, равно чуткимъ и одареннымъ его воспримчивостію. Радость его подобна была сладкому трепету первой любви, о которой только съ другомъ и можно говорить. Самое появленіе «Сельскаго Кладбища» въ печати не безъ значенія для характеристики поэта. Жуковскій отдалъ его въ «Вѣстникъ Европы». Упомянувъ объ этомъ обстоятельстве въ сочиненіяхъ своихъ, уже въ 1838 году (V. 479), онъ тотчасъ прибавляетъ: «Вѣстникъ Европы, въ 1802 и 1803 г., былъ издаваемъ Н. М. Карамзинъ». Это не простое библиографическое извѣстіе. Въ своемъ посланіи къ П. П. Дмитріеву (IV. 137), поэтъ изображаетъ Карамзина слѣдующими чертами:

«О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный Ангелъ обиталъ...
«Лежитъ вънецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россія вѣрный сынъ;
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.»

По всему видно, въ какомъ особенномъ духѣ развивалась эта поэзія, и какое повое приняла она направленіе. Между тѣмъ судьба не замедлила примѣшать въ нее своихъ тѣней. Потеря друга, перваго участника въ чистой радости, глубоко проникнула въ сердце поэта. Другой міръ, куда переселился наперсникъ меланхолической музыки, сталъ ему какъ бы знакомѣе. Сліяніе всего, что *здѣсь* и *тамъ* способно питать задушевность души, увлекать воображеніе, наполнять сердце святыми радостями и говорить мечтѣ свѣтлыми, лучшими видѣніями, образовало для Жуковского источникъ вдохновенія, чисто Христіанскаго, безъ примѣси украшеній, наслѣдовавшихъ отъ Древнихъ писателей. Предметы и чувствованія, проникающія душу высокими помыслами о Богѣ, о Вѣрѣ, о безсмертіи души, о другой жизни, заступили мѣсто изображенія земныхъ суетныхъ благъ и величій.

VIII.

Къ первому стихотворенію своему Жуковскій сохранилъ замѣтную привязанность. Оно для насъ и для него, въ нѣкоторомъ смыслѣ, послужило программой поэтической его дѣятельности. Бывши въ Англіи, спустя тридцать семь лѣтъ послѣ перевода этой элегіи, онъ снова принялся за нее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ писалъ ее Грей, и подарилъ намъ второй ея переводъ, самый уже близкій къ подлиннику. Сравнивая оба

перевода, убѣждаешься особенно въ томъ, что подлинникъ, усвоенный воспримчивою душою нашего поэта, никогда не терялъ для него ни одной характерной черты изъ полной своей поэтической прелести, сколько бы разъ и въ какую бы форму ни обдѣлывалъ его художникъ на родномъ языкѣ своемъ. И это неизъяснимое пересозиданіе не покидало Жуковского во всю его жизнь. Изъ явленій вещественной природы всего ближе подходитъ къ этому художественному явленію прозибаніе и развитіе чуть видимаго зерца, изъ котораго лоно земли такъ неизмѣнно выводитъ пышный цвѣтъ и роскошный плодъ. Мы, обыкновенные люди, читая иностранныя слова, довольствуемся ихъ смысломъ, замѣняя каждое изъ нихъ своимъ равносильнымъ словомъ. Это и есть обыкновенно-называемый переводъ. Но для Жуковского, когда онъ читалъ слова, прежде всего являлся самъ писатель, котораго состояніе души онъ постигалъ во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ оттѣнкахъ, во всѣхъ перебивахъ мыслей и чувствованій. Его внутреннюю жизнь начиналъ онъ жить прежде, нежели принимался за обмыслъ его словъ на свои слова. Природа надѣлила его всѣми дарами, отличающими душу поэта отъ души простаго человѣка: и такъ ему легко было постигнуть и почувствовать дѣйствительную степень, истинный характеръ, все кругообращеніе творчества, за которыми наконецъ слѣдуютъ слова, только и получающія цѣну свою отъ того, что имъ предшествовало въ душѣ поэта. Проживши недостижимыя намъ минуты вдохновенія, онъ весь наполненъ былъ готовыми звуками, за которыми и надобности не чувствовалъ возвращаться къ подлиннику, потому что всякое сильное, живое, ясное ощущеніе есть уже готовое и лучшее слово.

Отсюда произошла эта странность, которая не могла не поражать насъ въ сужденіяхъ о переводахъ Жуковского. Онъ, какъ я замѣтилъ, не слова переводилъ, а возсоздалъ жизнь, или, вѣрнѣе сказать, мгновеніе творчества. Кто способно былъ къ постиженію столь вѣрнаго и вмѣстѣ рѣдкаго повторенія такихъ явленій, тотъ съ какимъ-то изумленіемъ чувствовалъ близость перевода; а кто сравнивалъ одинъ слова подлинника со словами перевода, тотъ не оставался удовлетвореннымъ. Вотъ почему нѣкоторые изъ, такъ называемыхъ, ученыхъ эллинистовъ, съ лекенкономъ въ рукахъ провѣряя Одиссею Жуковского, указывали на слова, обойденныя, или другими замѣненныя имъ въ переводѣ. Они не обратили вниманія на приведенное мною мѣсто въ отчетѣ поэта объ этомъ трудѣ его: «у Гомера нѣтъ отдѣльныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который

«надобно схватить весь во всей его полнотѣ и свѣтлости». Такъ и всегда Жуковский дѣйствовалъ: жаръ и силу внутренней жизни, составляющей дѣйствительную поэзію всякаго произведенія, охранялъ онъ отъ малѣйшаго ослабленія, восполняя красоту ея, блескъ, движеніе и свѣжесть собственнымъ сочувствіемъ, а не бездушною вѣрностью подстрочнаго перевода. Два раза входя въ настроеніе души Грей, ни одною чертою не измѣнилъ онъ того впечатлѣнія, которымъ наполняется сердце читателя, вполнѣ способнаго сочувствовать подлиннику. Это тѣмъ болѣе поразительно, что первый переводъ принадлежитъ человѣку въ осьмнадцать лѣтъ, а второй въ пятьдесятъ семь. Можно по этому судить, сколько поэтической силы сообщено было душѣ его, и какъ она нормально сохранилась, не уступивши никакимъ внѣшнимъ противодѣйствіямъ времени, мнѣній и вкуса. Самъ поэтъ созналъ одно различіе между первымъ и вторымъ трудомъ своимъ: онъ сказалъ, что въ послѣднемъ ближе подошелъ къ подлиннику. Не надобно впрочемъ принимать этихъ словъ въ смыслѣ обыкновенномъ: его близость опредѣляется болѣе видимымъ выраженіемъ внутренней красоты подлинника, живѣйшимъ сочувствіемъ съ каждымъ движеніемъ души поэта. Къ этой новой степени совершенства естественно привели переводчика самая опытность его въ искусствѣ, новыя разочарованія въ жизни и особенно магическое вліяніе мѣста, такъ меланхолически настроившаго творца элегій. Жуковский, напримѣръ, въ первый разъ сказалъ такъ:

«И кто съ сей жизнью безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой смѣхъ міромъ не плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?»

Это глубоко-поэтическое чувство, живо проникнувшее въ юношескую душу, еще сильнѣе овладѣло ею и звучнѣе отзывалось въ слѣдующихъ стихахъ того же поэта, приближавшагося къ старости:

..... «И кто же,
Кто въ добычу нѣмому забвенью эту земную,
Милую, смутную жизнь предавалъ, и съ цвѣтущимъ предѣломъ
Радостно-свѣтлаго дня разставался, назадъ не бросал
Долгаго, томнаго, грустнаго взгляда?»

IX.

Назвавши «Сельское Кладбище» какъ бы программу поэзіи Жуковского, я не думалъ подвести все его стихотворенія подъ одинъ элегическій родъ: ихъ разнообразіе, со стороны изображаемыхъ предметовъ, настроенія души поэта, объема картинъ, движенія мыслей и ощущеній, силы языка, богатства

стихотворныхъ формъ и прочихъ принадлежностей искусства такъ извѣстно каждому, кто изучалъ его, что подобное предположеніе никому не можетъ притти въ голову. «Сельское Кладбище», какъ литературное явленіе, по моему мнѣнію, опредѣлительно и рѣзко высказываетъ слѣдующія общія истины:

1. Изъ поэтическаго міра вещественной и духовной природы только то можно воспроизвести въ дѣйствительно-художественномъ совершенствѣ, что усвоено собственною душою поэта.

2. Какъ ни велико разстояніе отъ простыхъ предметовъ ежедневнаго быта до разнообразныхъ созерцаній ума и воображенія, все они становятся равно поэтическими и плодотворно воспринимаемы бываютъ нашею душою, когда изящное искусство вполнѣ выразитъ поэтическую истину какъ образа ихъ для чувствъ, такъ и характеристической красоты ихъ въ общей жизни и высшаго значенія ихъ для мысли и сочувствія.

3. Для произведеній поэзіи, состоятъ ли они изъ картинъ, или изъ идей, есть въ природѣ, а слѣдовательно и въ душѣ истиннаго художника, извѣстный объемъ, изъ котораго не должны выходить они ни размѣромъ своихъ очертаній, ни значеніемъ выраженій.

4. Самобытный поэтъ, какъ на собственные созданія, такъ и на воспроизводимыя имъ по идеямъ предшественника своего, налагаетъ неизгладимые слѣды того вѣрнаго предмету настроенія духа, которое болѣе всего сообщаетъ сочиненію неизмѣнную цѣнность его.

5. Истинная поэзія, какъ непосредственное воспріятіе душею тѣхъ разнообразныхъ красотъ природы и жизни, которыя неисчерпаемы и неизмѣнны, не теряетъ своего могущества и вліянія при всѣхъ перемѣнахъ, совершающихся въ гражданскихъ обществахъ.

6. Языкъ великаго писателя, понятный всему и по видимому всему употребляемый, есть тайная, никому недоступная сила его, которою онъ сперва вноситъ въ душу свою счастливейшія явленія физическаго и духовнаго міра, а потомъ подчиняетъ себѣ мысли и страсти читателей.

Эти истины, какъ видимыя положенія, выведены мною изъ перваго стихотворенія Жуковского. Нельзя не чувствовать ихъ во всѣхъ его слѣдующихъ произведеніяхъ. Вотъ, что заставило меня назвать разсматриваемую элегію какъ бы программой будущихъ трудовъ его. Странно было бы утверждать, что онъ дѣйствительно сочинилъ свою теорію поэзіи и слѣдовалъ ей. Она была врожденнымъ его чувствомъ, которому онъ

естественно подчинился, и отступленія отъ котораго не нашелъ для себя пужнымъ, тѣмъ болѣе, что оно доставило ему самое обширное поле дѣятельности, и къ великому счастью нашему сохранило его отъ вліянія образцовъ, недостойныхъ быть въ обществѣ съ возвышенно-чистою его музою.

Пятидесятилѣтіе поэтической его дѣятельности, по общему на землѣ закону, представляетъ свои періоды. Но такъ какъ духовное начало во всю жизнь нашего поэта могущественнѣе и постояннѣе въ немъ высказывалось, нежели матеріальное (это и сообщило его поэзіи и самому языку его характеръ по преимуществу идеальній), то и постепенность въ литературной дѣятельности его означается линією только возвышающеюся, то есть, болѣе замѣтнымъ успѣхомъ въ оцѣнкѣ идей, изящества, положеній, страстей, характеровъ, дѣйствій, картинъ и—главное—тѣхъ впечатлѣній, которыя такъ неизгладимо остаются послѣ великаго писателя на многихъ поколѣніяхъ. Разительпо подъемлющійся рядъ произведеній его открываетъ въ немъ, сверхъ поэтическаго дарованія, тотъ критическій умъ, которому не безъ причины удивлялся еще Пушкинъ. Въ строгомъ анализѣ разнохарактерныхъ памятниковъ всемірной литературы, онъ не безъ основанія избиралъ для усвоенія родному языку то одинъ изъ нихъ, то другой: не давность и не мѣстность опредѣляли ему права ихъ на вниманіе и предпочтеніе, а глубокіи ихъ смыслъ для человѣчества. И вотъ гдѣ изъясненіе, отъ чего тихая кончина застала за П. П. и высокою Христіанскою поэмою того почти семидесятилѣтняго старца, который въ первой юности своей писалъ элегіи и баллады.

X.

Съ нѣкотораго времени повторяется мысль, что поэтъ есть выраженіе того общества, посреди котораго онъ дѣйствуетъ. Миѣ кажется, это не во всѣхъ отношеніяхъ справедливо. Общество и поэтъ часто находятся на разныхъ степеняхъ умственной дѣятельности. Не всегда жизнь современниковъ вноситъ любимые свои интересы въ душу поэта, котораго дарованіе и высшій умъ ставятъ въ положеніе отдѣльное и независимое. Изъ писателей конечно многіе заботливо высматриваютъ, чѣмъ охотнѣе занимается общество, и поспѣшно возвращаютъ ему отъ него же принятое. Но есть мыслители, которые по видимому посланы Провидѣніемъ, чтобы вести общество къ постиженію высшихъ идей, болѣе достойныхъ назначенія человѣчества. Поэтъ, принадлежащій къ этому разряду существъ, не будетъ выраженіемъ общества. Но крайней мѣрѣ несомнѣнно, что истинные поэты всегда сохраняли независимость въ выбо-

рѣ предметовъ и въ сужденіяхъ своихъ. Это и было причиною, что на нихъ повсюду смотрѣли, какъ на провозвѣстниковъ новыхъ истинъ. Я приведу здѣсь краснорѣчивыя и полныя убѣжденія слова Жуковскаго объ этомъ предметѣ *).

«Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязующему направленію. Поэзія живетъ свободно. Утративъ непринужденность (похожую часто на причудливость и своевольство), она теряетъ прелесть. Всякое *наприненіе* произвести то, или другое опредѣленное, но стороннее дѣйствіе, нравственное, поучительное, или (какъ нынче мода) политическое, даетъ движеніямъ фантазіи какую-то неповоротливость и неловкость — тогда, какъ она должна легкокрылою ласточкою, съ криками радости, летать между небомъ и землею, все посѣщать климаты и уносить за собою нашу душу въ этотъ чистый эфиръ высоты, на освѣжительную, беззаботную прогулку по всему поднебесью. Но поэтъ, свободный въ выборѣ предмета, не свободенъ отдѣлится отъ него самого себя: что скрыто внутри его души, то будетъ вложено тайно, безнамѣренно и даже (противонамѣренно и въ его созданіе; что онъ самъ, то будетъ и его созданіе. Если онъ чистъ, то и мы не осквернимся, какіе бы образы, печистые, или чудовищные, ни представлялъ онъ намъ, какъ художникъ; но и *самое святое поддѣйствуетъ на насъ какъ отравы, когда оно намъ выльется изъ сосуда души отравленной.*»

Удивительно, какъ особенно справедливы послѣднія слова поэта. Закрывающаяся въ нихъ истина, будто инстинктъ, повсюду вызываетъ отвращеніе отъ прожектовъ соблазна, представляемаго читателямъ печестивою рукою. Никакія успія, никакія хитрости еще нигдѣ не обманули внутреннего, врожденнаго человѣку чувства, по которому онъ, какъ бы всемірнымъ голосомъ предостерегаемый, съ негодованіемъ отбрасываетъ лживыя поученія, искусно и усердно рассылаемые самымъ опытнымъ притворствомъ. И потому-то въ литературахъ еще не было примѣра, чтобы не только современники, даже поздніе потомки, въ противность закону истины, воздали равныя почести уваженія и благодарности писателямъ, осквернявшимъ своею хвалою правду и чистоту, наравнѣ съ писателями, которые столько же своею жизнью, какъ и сочиненіями, освятили и чистоту и правду. Одна книга, часто даже одна мысль, благодатно явившаяся, увѣковѣчиваетъ достойное имя, а груды изданій и несчетные томы предаются забвенію. Есть въ душѣ

*) Москвитян. 1848. № 4. Отдѣл. IV. стр. 20.

нашей что-то сходное съ цѣломудріемъ, удерживающее насъ отъ самаго произнесенія имени недостойныхъ. Все это приводитъ къ одному общему заключенію: писатель пріобрѣтаетъ власть надъ умами и раздѣляетъ съ государственнымъ людьми титло полезнаго обществу саовиника не массою напечатанныхъ сочиненій, не разнообразіемъ изложенныхъ предметовъ, но всѣми признаннымъ, недвусмысленнымъ *достоинствомъ слова*, которое остается памятникомъ достоинства души его. Не могу удержаться, чтобы не повторить еще Жуковского; изобразившаго писателей, которыхъ отличительнымъ качествомъ жизни и сочиненій было это *достоинство*, такъ свято сохраненное самимъ поэтомъ нашимъ.

«Съ благодарностію сердца (пишетъ онъ) *) укажу на нашего современника Вальтеръ-Скотта. Поэтъ въ прямомъ значеніи сего званія, онъ будетъ жить во все времена благодетелемъ души человеческой. Какой разнообразный міръ обхваченъ его гениемъ! Онъ до всего коснулся, отъ самаго низкаго и безобразнаго, до самаго возвышеннаго и божественнаго, и все изобразилъ съ простодушною вѣрностію, нигдѣ не нарушилъ съ намѣреніемъ истины, нигдѣ не оскорбилъ красоты, во всемъ удовлетворилъ требованія искусства. Но посреди этого очарованнаго міра, самое очаровательное есть онъ самъ — его свѣтлая, чистая, младенчески вѣрующая душа. Ея присутствіе разлито въ его твореніяхъ, какъ воздухъ на высотахъ горныхъ, гдѣ дышется такъ легко, освѣжительно и цѣлительно. Его поэзіи предаешься безъ всякой тревоги. Съ нимъ вмѣстѣ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту, и знаешь, какое назначеніе души твоей. Онъ представляетъ тебѣ во всей наготѣ и зло и развратъ; но ты ими не заражаешься: съ тобою сквозь толпу очумленную идти проводникъ, заразы ея недоступны и тебя сопутствіемъ своимъ берегущій. Цѣль художественнаго произведенія достигнута: ты былъ пораженъ, приведенъ въ ужасъ, смѣялся, плакалъ — словомъ, ты наслаждался красою созданія поэтическаго; но въ тоже время душа твоя проникнута довольствомъ другаго рода: она вполне спокойна, какъ будто болѣе утвержденная въ томъ, что все ея лучшее вѣрно. Съ такою же благодарностію сердца укажу на Карамзина, котораго непорочная душа прошла по землѣ, какъ Ангелъ свѣта, и отъ котораго осталось отечеству, въ созданной имъ его Исторіи, вѣчное завіщаніе навѣру въ Бога, на любовь ко благу и правдѣ, на благоговѣніе передъ вѣчными высокими и прекрасными.»

*) Тамъ же.

Кто приметъ смѣлость доказывать, что эти люди своими чувствованіями, своимъ воззрѣніемъ на міръ и доблестями жизни своей были обязаны винушеніямъ современнаго общества, въ нихъ отразившагося? Нѣтъ: ихъ призваніемъ было нравственное, умственное и эстетическое возвышеніе тѣхъ, которые жили въ одно время съ ними. Изъ глубины души своей, чистой и возвышенной, изъ плодотворныхъ своихъ размышленій, независимыхъ и свѣтлыхъ, изъ сокровищницы многолѣтняго ученія и доведенныхъ до совершенной зрѣлости знаній извлекли они то, что такъ вознесло ихъ надъ современниками, для которыхъ они во всемъ служили примѣромъ.

ХІ.

Тожѣ надобно сказать и о Жуковскомъ. Ни при началѣ, ни въ срединѣ, ни при концѣ поприща своего не увлекался онъ господствующими мнѣніями, вкусомъ, или направленіемъ современной литературы. Въ его поэзіи постоянно отражается не общество, посреди котораго жилъ онъ, а собственная душа его, проникнутая возвышенными мыслями о своемъ назначеніи. Онъ велъ только избранное общество къ той таинственной цѣли, на которую безпрестанно обращены были вдохновенные его взоры. Неустанный художникъ, вѣрный своему призванію, онъ не обходилъ ничего, въ чемъ чувствовалъ поэзію. Рисуя природу всѣхъ климатовъ неподражаемо-яркими, живыми красками, и сливаясь душою съ трепетными ощущеніями поэтическихъ лицъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, онъ окружалъ насъ чудною прелестью картинъ, историческихъ характеровъ, темныхъ преданій, своеобразныхъ образовъ фантазій и мифологій. И между тѣмъ, изъ его сердца, бьющагося восторгомъ и вдохновеніемъ, лились эти столь намъ знакомые звуки, отъ которыхъ во всемъ пробуждалась гармоническая жизнь, сіяла неземнымъ свѣтомъ и влекла къ себѣ обязательнымъ выраженіемъ. Возьмите, какого угодно, иностраннаго поэта, котораго давно вы знаете и любите: начавши читать переводъ Жуковского, вы не оторветесь отъ него, и кончите тѣмъ, что переводчика полюбите болѣе. Въ самое близкое воспроизведеніе лучшихъ мѣстъ онъ умѣетъ внести изъ души своей что-то столь симпатическое съ вашею душою и овладѣвающее сердцемъ вашимъ, что впечатлѣніе, съ которымъ не разстанетесь вы никогда, будетъ принадлежать одному ему.

Ничѣмъ ясенѣе не могу я доказать истины послѣднихъ словъ моихъ, какъ представивъ здѣсь какое нибудь изъ стихотвореній, переведенныхъ Жуковскимъ, и подстрочный пере-

вотъ подлинника съ третьимъ переводомъ, который возьму изъ поэта, пользующагося общимъ уваженіемъ.

Подстрочный переводъ.

«Вы приступаете снова, колеблющіеся образы,
Которые рано нѣкогда унылому взору показались!
Попытаюсь ли васъ нынѣ удержать?
Чувствую ли я сердце мое еще склоннымъ къ тому мечтанію?
Вы толпите: хорошо; дѣйствуйте же
Такъ, какъ вы изъ облаковъ и тумана около меня возникаете!
Моя грудь чувствуетъ себя юношески потрясенною
Магическимъ дыханіемъ, которое обвѣваетъ вашу толпу.

«Вы приносите съ собою картины радостныхъ дней,
И много любезныхъ тѣней является мнѣ:
Подобно дремлей полусамолюбивой сагѣ
Возстаютъ вѣбѣ первая Любовь и Дружба;
Горестъ возобновляется; Жалоба повторяетъ
Лабиринтно-блуждающее теченіе жизни
И называетъ милыхъ, которые, въ прекрасныхъ часахъ
Судьбою обманутые, отъ меня исчезли.

«Онѣ не слышать слѣдующихъ пѣсней,
Тѣ души, которымъ я пѣлъ первый;
Разсѣялась дружеская толпа;
Замокъ, увы, первый отголосокъ.
Моя пѣснь звучитъ незнакомой толпѣ:
Самое одобреніе ея стѣсняетъ мое сердце,
И всѣ тѣ, которые прежде радовались моей пѣснѣ,
Если они еще живы, блуждаютъ, разбросанные по свѣту.

«И мною овладѣваетъ давно забытое стремленіе
Къ тому тихому, важному царству духовъ;
Вотъ несется въ неопредѣленныхъ звукахъ
Моя лепечущая пѣснь, подобная золотой арфѣ;
Трепетъ объемлетъ меня; слеза падаетъ за слезою;
Суровое сердце, оно чувствуетъ себя нѣжнымъ и умиленнымъ;
Чѣмъ я владѣю, то вижу какъ бы въ дали,
А что исчезло, то становится дѣйствительностію.»

Переводъ М. И. Вронченка.

«Вы посетите передо мною снова,
Неясныя видѣнья раннихъ дней!
Рѣшусь ли васъ облечь въ одежду слова?
Найду ли прежній пылъ въ груди моей?
Вы неотступны? Чтожъ? Душа готова
Пожить и нынѣ средь бывшихъ гостей;
Волшебная, примчавшая васъ сила
Въ нее опять жаръ юности вселена.

«Вы время мнѣ напомнили златое,
И много милыхъ призраковъ встаетъ:
Вотъ, какъ преданье старины святое,
Любовь и Дружба первая; но вотъ

И Грусть о всемъ, чѣмъ бытіе земное
Изукрашало прежде свой полетъ —
О тѣхъ друзьяхъ, что ужъ къ послѣдней цѣли,
Обмануты надеждой, отлетѣли!

«Да, тѣ мои не слышатъ новыхъ пѣній,
Чей слухъ начальнымъ пѣніямъ внималъ:
Разсѣявъ кругъ ихъ отъ мірскихъ волненій;
Ихъ отголосокъ дружній замолчалъ;
Ною для чуждыхъ сердцу поколѣній,
Боюсь, имъ чуждый, самыхъ ихъ похваля;
Друзьямъ же какъ почтить меня хвалою?
Кто живъ, тотъ бросаетъ далеко судьбою!

«И въ мірѣ безплотныхъ, въ свѣтлый край свой отчій
Летитъ душа, давшихъ думъ полно;
Какъ арфы стоишь золотой въ часъ ночи
Струится съ лиры пѣснь, едва слышна;
Тренещетъ грудь; отъ слезъ чуть видятъ очи;
Суровость сердца грустью смягчена;
Все сущее мнѣ зрится отдаленнымъ,
А все былое — вновь осуществленнымъ.»

Переводъ В. А. Жуковскаго.

«Опять ты здѣсь, мой благодатный геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній,
Тѣснишься ты, Мечта, къ душѣ моей!...
Приди жъ, о другъ; дай прежнихъ вдохновеній,
Мнѣ живую мнѣ жизнь поутѣй,
Побудь со мною, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.

«Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала —
И много милыхъ тѣней возстае;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда нѣбилала,
Что Рокъ, отнявъ, назадъ не отдае,
То все опять душа моя узнала:
Проснулась Скорбь, и Жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждъ.

«Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣснѣ звуки;
Разсѣявъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простерты къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ;
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра,
Не имъ поетъ задумчивая лира.

«И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленіе въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишний гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ геній полетъ;

И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжигшее — какъ прежде оживленнымъ.»

При чтеніи стиховъ Жуковского остается въ душѣ два впечатлѣнія: удивляешься столь вѣрному и непринужденному усвоенію прекрасныхъ мыслей подлинника, и въ тоже время наслаждаешься незамѣслованными красотами этой поэзіи его, которой никто не могъ ему выучить, кромѣ собственной души его, и которая въ незамѣслованномъ образѣ переселяется въ сердце наше со всеѣмъ своимъ очарованіемъ, пыломъ и неизмѣненнымъ. Чѣмъ совершеннѣе подлинникъ, увлекшій его, тѣмъ могущественнѣе и независимѣе возникнетъ надъ нимъ другое созданіе, столь же самобытное въ прекрасной своей жизни, какъ часто подлѣ отца является сынъ, полный мужества и самостоятельности, сохраняя все лучшія его черты.

XII.

Когда я говорю, что Жуковский, повинаясь внутреннимъ дарованіямъ своему, не думалъ объ угожденіи современными требованіямъ вкуса, это не значитъ, что онъ не слѣдовалъ за направленіемъ общества и не знаетъ о состояніи умственной его дѣятельности. Какъ гражданинъ, какъ ученый и какъ поэтъ, онъ, по выраженію Пушкина, *стоялъ съ вѣкомъ наряду*. Но, будучи существомъ высшаго разряда во всехъ отношеніяхъ, онъ помнилъ и строго соблюдалъ обязанности «*святыишаго изъ званій*»: *человѣкъ* (его собственное выраженіе).» Онъ высказывалъ обществу непреложныя, высокія истины; въ новой прелести возвращалъ ему то, что въ современной жизни образовалось прекраснаго, и не въ славѣ, или выгодѣ, а въ одной сладости труда видѣлъ цѣль умственныхъ своихъ занятій. Понятія о поэзіи столь высокія и правила жизни столь строгія не сообщали художническимъ его трудамъ ни скучнаго однообразія, ни холоднаго принужденія. Онъ яснѣе всехъ понималъ и живѣе всехъ чувствовалъ, что поэтическая красота въ своихъ видоизмѣненіяхъ безконечна. Это самое убѣжденіе и влекло его къ лучшимъ созданіямъ разныхъ эпохъ и разныхъ народовъ. Послѣ Гречевой элегіи онъ перевелъ Лафонтенову басню «Сонъ Могольца», которой первая половина, т. е. самый рассказъ вымысла, не только не заражаетъ меланхолическихъ, или грустныхъ думъ, но веселитъ, даже смѣшитъ читателя. И какая открылась въ переводчикѣ способность къ отдѣлкѣ этой комической красоты! Тутъ переселяешься въ новый міръ. И часто сравнивалъ съ переводомъ Жуковского переводъ этой

же басни другого поэта нашего, современника его и друга. Ни одна ученая критика не давала мнѣ чувствовать всего разстоянія между ними, какъ это сравненіе. Только подобный случай и могъ вполнѣ выказать ихъ различіе какъ писателей и какъ поэтовъ. У Жуковского ни на чемъ и слѣда не осталось принужденности въ трудѣ и подчиненности подлиннику; у Батюшкова каждый стихъ отзывается переводомъ. Ясно, что вѣрность перевода и даже мастерская отдѣлка стиховъ еще не все значить для искусства: есть въ немъ внутренняя жизнь, которой непостижимаго, но осязаемаго нами дѣйствія и опредѣлить не можетъ самый усиленный анализъ. Ее-то и вносятъ Жуковский въ переводы свои.

Прикоснувшись такъ удачно въ самомъ началѣ трудовъ своихъ до обѣихъ оконечностей извѣстнаго, до этихъ мысленныхъ точекъ искусства, хотя противоположныхъ, но равно необходимыхъ для стройнаго обращенія эстетическаго міра, Жуковский постоянно пользовался просторомъ безграничнаго пространства. Каждое движеніе его открывало намъ болѣе и болѣе истины, назидательныхъ въ разныхъ отношеніяхъ. Начавъ такъ рано счастливые свои опыты, ни въ чемъ не показавъ онъ у многихъ замѣчаемой незрѣлости то въ силѣ языка, то въ оборотахъ его, то въ объемѣ мыслей, то въ отдѣлкѣ картинъ. Потому-то, воспитывая такъ стройно свое дарованіе, онъ его успѣхами быстро воспитывалъ и современное поколѣніе писателей. Естественно, что, въ нашемъ возрастѣ и при участіи въ періодическихъ изданіяхъ, онъ не останавливался еще на предпріятіяхъ многотрудныхъ. Но самыя легкія изъ первыхъ его стихотвореній столько же содѣйствовали успѣхамъ искусства, какъ и въ прозѣ классически обработанные опыты Карамзина. Ни одно стихотвореніе не проходило безъ впечатлѣнія; потому что на всякомъ изъ нихъ глубоко намѣченъ характеръ особой живописи, дѣйствія, страсти, или вообще жизни. Рѣдко у кого пѣтъ предпочтительно любимыхъ мѣстъ въ самомъ отличномъ поэтѣ. Въ Жуковскомъ по большой части исключительно правится то, что начнешь читать. И всему причина одна: онъ ни за что не принимался безъ увлеченія сердечнаго. Давно замѣчено, что самыя неотразимыя истины исходятъ отъ сердца. Ихъ нельзя опровергнуть, потому что прежде появленія своего онъ уже оправданъ опытомъ. Такимъ образомъ, въ стихахъ Жуковского, даже то, что называется обыкновенно догматическимъ, является увлекательною поэзією.

МНѢНІЕ ПРЕДСѢДТЕЛЬСТВУЮЩАГО
О НОВОМЪ ИЗДАНИИ РУССКАГО СЛОВАРЯ
ВТОРЫМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(7 Февраля 1852.)

Приступая къ новому изданію Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка и намѣреваясь сдѣлать въ немъ необходимыя исправленія и дополненія, мы должны положить твердыя основанія, на которыхъ будемъ созидать это огромное зданіе—опредѣлить начала, которыми будемъ руководствоваться. Поэтому я обращаю вниманіе Ваше, Мм. Гг., во-первыхъ, на значеніе вновь издаваемаго Словаря; во-вторыхъ, на его содержаніе и форму; въ-третьихъ, на образцы и источники.

Въ изслѣдованіи различнаго значенія Словарей: общаго, литературнаго и филологическаго, упредилъ меня достопочтеннѣйшій Сочленъ нашъ И. И. Срезневскій въ прекрасномъ разсужденіи своемъ, написанномъ по случаю появленія въ свѣтъ Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка (Журн. М. Н. П. 1848, № 12). Въ этомъ разсужденіи изложена также исторія лексикографіи нашей, показаны достоинства и недостатки словарей соплеменныхъ нарѣчій: Липиде, Юнгмана, Караджича, Бѣлостѣнца, и разсмотрѣтъ Словарь Отдѣленія. Предполагая это ученое изслѣдованіе извѣстнымъ каждому изъ насъ, я прямо обращаюсь къ изслѣдованію значенія вновь издаваемаго Словаря.

И.

ЗНАЧЕНІЕ.

Когда, въ 30-й день Сентября 1783 года, подписанъ Ея Величествомъ Государынею Императрицею Екатериною II Высочайшій Указъ объ основаніи Императорской Россійской Академіи; тогда цѣлю сего учрежденія постановлено было *вычищеніе и обогащеніе языка, установленіе и употребленіе словъ витійства и стихотвореній*. Академія Россійская дѣйствительно ознаменовала бытіе свое двумя главными для языка твореніями: Словаремъ и Грамматикою. — Но въ этихъ твореніяхъ Академія не достигла цѣли своей — она не въ силахъ была обогащать языкъ и устанавливать

употребленіе словъ. Незабвенный Карамзинъ въ рѣчи своей, произнесенной въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи, 5 Декабря 1818 года, между прочимъ, говоритъ: «Полный Словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иностранцевъ. Наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италия, Франція, Англія и Германія славилась уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги, имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно-классическаго — Ломоносова, и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академіи Флорентинской и Парижской».

Карамзинъ далѣе прибавляетъ: «Главнымъ дѣломъ (Академіи) было и будетъ систематическое образованіе языка; непосредственное же его обогащеніе зависитъ отъ успѣховъ общежитія и словесности, отъ дарованія писателей. Слова не изобрѣтаются академіями; они рождаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя, мыслію одушевленные слова входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ, обогащаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ. Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ; надобно только открыть или показать оныя».

Французская Академія, приступая въ 1637 г. къ изданію Словаря, также имѣла въ виду составить сокровищницу языка для своихъ соотечественниковъ, и въ 1694 году предложеніе Академіи осуществилось. Въ Словарѣ Академическомъ участвовали знаменитѣйшіе ораторы и поэты этого цвѣтущаго періода Французскаго языка и Словесности. Но скоро увидѣли, что Академія принимала на себя обязанность, не только слишкомъ трудную, даже неисполнимую: «быть высшимъ совѣтомъ, который бы обуздывалъ излишества употребленія и умѣрялъ стремленіе народнаго самоуправства въ языкъ». Еще новое доказательство, что не Академіи изобрѣтаютъ слова

а умъ народа, развивающійся въ общежитіи и образуемой наукою и искусствомъ. Академіи могутъ только прислушиваться къ рѣчи народной, отклонять отъ себя своеправныя прихоти нововводителей, чуждыя духу языка, достойныя предковъ блюсти какъ святыню, познаваемое народомъ безъ сознанія приводить въ сознаніе и изъ готовыхъ сокровищъ извлекать законы.

Изъ этого очевидно, что лексикографы не законодатели языковъ, а лишь только истолкователи; остается вопросъ: какого рода объясненія словъ допустимы мы въ нашъ Словарь и какимъ временемъ ограничимъ языкъ Словаря?

Полный словарь Отечественнаго языка, по примѣру словарей просвѣщенныхъ народовъ, упродвиженныхъ насъ въ литературномъ отношеніи, по моему мнѣнію, долженъ совмѣщать въ себѣ идею и общаго словаря, и литературнаго, и филологическаго. Раздѣленіе словарей на три рода и изданіе каждаго изъ нихъ въ особенности можетъ осуществиться только въ богатыхъ литературахъ и составляетъ литературную роскошь.

Потребность въ словарѣ общемъ очевидна: это сокровищница народныхъ понятій, возрѣнія народа на окружающій его міръ и на себя самого.

Но такой словарь былъ бы бесполезенъ литератору, который иногда имѣетъ надобность въ повѣркѣ знаній своихъ касательно употребленія словъ, различныхъ отбѣговъ понятій, словами выражаемыхъ, правильного управленія и изящнаго выбора словъ.

Необходимы въ словарѣ также филологическія указанія корней или первообразныхъ реченій для объясненія первоначальнаго значенія словъ. Какъ н. п. объяснить сущ. «лѣкарство» безъ указанія на корень *лѣк* (злакъ) или гл. «*зизжду*» безъ корня *зидѣ* (стѣна), прил. «космологическій» безъ *космос* (міръ)?

Словарь Польскаго языка *Линде* и Чешскаго *Юнгмана*, равно какъ и Словарь *Французской Академіи* въ различной степени выполняютъ всѣ эти требованія. Словарь нашъ также представляетъ первый опытъ сокровищницы Русскаго языка: въ немъ заключаются для большей части словъ объясненія литературныя, а для нѣкоторыхъ — филологическія. Вильменъ спра-

ведливо замѣчаетъ, что словарь, который при словѣ *rival* прибавитъ Латинск. *rivalis*, какъ его корень, не научитъ насъ ничему; но совершенно новый свѣтъ прольется на значеніе этого слова, когда намъ скажутъ, что Римляне называли *rivales* прибрежныхъ жителей, часто соперничествовавшихъ и оспаривавшихъ другъ у друга ручьи (*rivos*) для орошенія полей. Отсюда перенесено это слово къ другимъ родамъ соперничества.

Изъ этого явствуетъ, что три рода словарей: общій, литературный и филологическій, суть три части одного цѣлаго, взаимно служащія одна другой дополненіемъ и лишь въ совокупности отвѣчаютъ на вопросы всякаго грамотнаго, литератора и филолога. Въ Словарѣ Отечественнаго языка мы ничемъ объясненія понятій, выражаемыхъ словами, развитія ихъ и перехода понятій общихъ къ единичнымъ и на-оборотъ, значенія и тоже перехода понятій конкретныхъ къ отвлеченнымъ, желаемъ узнать корни, или первообразныя реченія для производныхъ, не исключая и собственныхъ именъ, значенія реченій иностранныхъ, опредѣленій грамматическихъ, примѣровъ изъ рѣчи народной и писателей. Такой Словарь по-справедливости можно назвать сокровищницею отечественнаго языка, и только въ этомъ объемѣ Словарь Русскаго языка можетъ быть полезенъ для Русскихъ.

Здѣсь естественно представляется другая часть вопроса: слѣдуетъ ли ограничиться однимъ Русскимъ языкомъ современнымъ, не смѣшивая его съ Церковно-Славянскимъ, или Старославянскимъ? Чтобъ отвѣчать на это положительно, надобно точнѣе опредѣлить составъ каждаго языка и нашего въ особенности. Языкъ вообще разсматривается съ двухъ сторонъ: лексикологической и грамматической. Лексикологическое заимствованіе однимъ народомъ изъ языковъ другихъ народовъ есть необходимое слѣдствіе взаимныхъ сношеній, вліянія наукъ и искусствъ, образа жизни. Такъ всѣ новыя просвѣщенныя народы приняли Греческія слова наукъ, Латинскія — юридическія; всѣ Романскіе языки въ отношеніи лексикологическомъ имѣютъ основаніемъ Латинскій языкъ. Но грамматика у каждаго языка своя, не смотря на единство и тождество общихъ законовъ логическихъ; потому-что грамматическія особен-

ности выражаютъ характеръ каждаго народа. Такъ и Славянскіе языки въ лексикологическомъ отношеніи составляютъ одинъ языкъ Старославянское нарѣчіе, на которое переведено Св. Писаніе Кирилломъ и Меѳодіемъ, древніе Славяне легко понимали; зная переходъ буквъ каждаго слова, мы и теперь отчасти можемъ разумѣть Славянскія нарѣчія. Грамматическія же особенности каждаго изъ этихъ нарѣчій составляютъ достояніе народовъ, говорящихъ тѣмъ или другимъ нарѣчіемъ. Въ этомъ отношеніи Славяне столько различествуютъ между собою, что говоръ каждаго народа составляетъ особый, отдѣльный языкъ. Такимъ же особымъ и отдѣльнымъ языкомъ нынѣ остается и нарѣчіе Старославянское, преимущественно намъ вразумительное.

Изъ сего слѣдуетъ, что къ Словарю Русскаго языка не должно примѣшивать ни Старославянскаго, ни Польскаго, ни Чешскаго и никакого другаго изъ Славянскихъ языковъ, равно какъ ни Французы, ни Итальянцы, ни Испанцы и Португальцы не смѣшиваютъ въ словаряхъ языковъ своихъ съ Латинскимъ. Но въ отношеніи лексикологическомъ мы не можемъ не пользоваться Церковно-Славянскимъ, или Старославянскимъ языкомъ, подобно другимъ Славянамъ; не можемъ обойтись и безъ словъ Греческихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Англійскихъ, Французскихъ, Итальянскихъ, Голландскихъ, вошедшихъ въ языкъ нашъ вмѣстѣ съ новыми понятіями и съ новыми знаніями. Въ живомъ языкѣ такіа заимствованія постоянно продолжаются, потому что всякій живой языкъ, какъ органическое существо, воспринимаетъ въ себя новыя понятія, какъ питательные элементы, уподобляетъ слова ихъ своей природѣ, образуетъ по собственнымъ грамматическимъ формамъ. Въ такомъ смыслѣ позаимствованія изъ Церковно-Славянскаго языка и нынѣ продолжаются, и никогда не прекратятся; потому что вліяніе Церковно-Славянскаго языка на Русскій всегда простиралось только на стихійный составъ языка. Переносить же всѣ слова Старославянскаго языка въ Словарь Русскаго языка съ ихъ грамматическими формами не слѣдуетъ: это значило бы въ одномъ словарѣ совмѣстить два языка, тогда какъ грамматическое строеніе

рѣчи въ языкѣ образуется умственнымъ развитіемъ народа. На этомъ основаніи въ Русскомъ Словарѣ должны оставаться н. п. реченія, подобныя слѣдующимъ: *владычество, владыка, власница, водосвятіе, возвеличивать, восклицать, воцаряться* и т. п.; напротивъ, не могутъ быть внесены въ Русскій Словарь вышедшія изъ употребленія языка нашего, каковы н. п. слова: *восхлещеніе, врагбѣтъ, вредословецъ, всеволеніе, вселителный, встанливый, водотрудіе, водотрудоватый, востягновеніе, воопоматися, возблѣтаніе, владыкопобецъ, вельми, воеже, велехвальство*. При словахъ, заимствованныхъ изъ Старославянскаго языка и обрусѣвшихъ, примѣры необходимо помѣщать изъ Русскихъ сочиненій, равно какъ для иностранныхъ реченій, въ языкѣ нашемъ употребительныхъ, примѣры приводимъ мы Русскіе. Многимъ ли н. п. понятенъ слѣдующій примѣръ: «Любити убо намъ, яко безбѣдное страхомъ удобѣе молчаніе, любовію же Дѣво пѣсни ткати спротяженно сложенныя, не-удобно есть: по н, мати, силу, елико есть произволеніе, даждь».

Помѣщать ли въ Словарѣ старинныя Русскія слова и областныя? Нѣтъ сомнѣній, что реченія и выраженія, перенесенныя Исторіографомъ нашимъ изъ лѣтописей въ отечественную исторію, и по сей самой причинѣ усвоенныя современному образованному обществу, каковы: *молчальникъ, котора, постельничій, кравчій, гридникъ, гривна* (въ зн. цѣпи), *тарханная грамота, околышчій, оприщина*, должны имѣть мѣсто въ нашемъ Словарѣ. Издаваемый Отдѣленіемъ Словарь областныхъ реченій покажетъ, что весьма многія слова лѣтописей и даже Слова о Полку Игоревѣ еще живутъ въ уставѣ народа, въ различныхъ странахъ обширнаго нашего отечества. Съ развитіемъ народнои словесности стали входить въ литературный языкъ слова, доселѣ считавшіяся простонародными: въ современныхъ романахъ, повѣстяхъ и комедіяхъ встрѣчаются реченія, которыя прежде составляли принадлежность низшихъ слоевъ общества. Въ нынѣшнее время можно ли обойтись н. п. безъ словъ, подобныхъ слѣдующимъ, недавно вошедшимъ въ литературный языкъ: *хилый и хирѣть, матерой, проторить, возговорить, муравчатый, тараба-*

рять, водокрѣщи, сгинути, таранта и тарантитъ, тарбары, толмачить. Послѣ Фонъ-Визина, Крыловъ, Пушкинъ, Гоголь, Даль, Загоскинъ, Вельтманъ, сочиненіями своими облагородили тысячъ прекрасныхъ реченій изъ языка простолюдиновъ, которые теперь стали для литератора необходимы, какъ разноцвѣтныя краски для живописца.

Достопочтеннѣйшій сочленъ нашъ, написавшій вышеупомянутый мною ученый разборъ Словаря нашего, подтверждаетъ мысли мои слѣдующимъ образомъ (ст. 2, стр. 30): «Нельзя смѣшивать Старославянскаго нарѣчія съ Русскимъ совершенно безусловно. Самая измѣненность перваго у Русскихъ показываетъ, что намъ принадлежитъ только та часть его, которая принята, измѣнена и воздѣлана нами. Какъ лексикографъ Французскій не въ правѣ включить въ свой Словарь Французскій всего Латинскаго Словаря, а лишь ту часть, которая вошла въ его языкъ: такъ и лексикографъ Русскій долженъ ограничиться тою частью языка Старославянскаго, которая усвоена Русскими. Близость нарѣчій позволяла быть намъ смѣлае въ смѣшеніи ихъ одного съ другимъ; но составитель Словаря все же не можетъ быть смѣлае писателей и народа, не можетъ включить въ Словарь Русскій того, что не употребляется въ нашихъ книгахъ или въ нашемъ народѣ».

Все это еще очевиднѣе представится, если припомнимъ, что прежніе переводчики Греческихъ церковныхъ книгъ перелагали оныя буквально, сохраняя согласованіе, управление и словорасположеніе Греческое, вновь составляли реченія по образцу Греческихъ словъ; они даже удерживали надстрочные знаки, которые у насъ никакого значенія не имѣютъ въ выговорѣ, каковы: дыхательныя тонкое и густое. Подобныя нововведенія появляются и въ новыхъ переводахъ съ современныхъ иностранныхъ языковъ; но современнымъ нововведеніямъ мы обыкновенно поставляемъ извѣстные предѣлы, а къ древнимъ переводамъ снисходительны. Тѣ же самыя явленія видимъ и въ другихъ языкахъ. Вильменъ (пред. къ 6 изд. Слов. Акад. 1835), между прочимъ, касательно современности словаря, говоритъ: «Слова, о которыхъ нѣкоторые сожалѣютъ, часто тѣмъ только и хороши, что устарѣли; всегда слова, вышедшія изъ

употребленія, замѣняются новыми, и соединять одни съ другими безъ разбора, значило бы говорить такимъ языкомъ, какого никогда не бывало, и искать изящества рѣчи въ архаизмахъ». Еще повторю: составители Словарей и Грамматикъ не законодатели языка: это право принадлежитъ духу времени и уму народному. Намъ остается только прислушиваться говора народа, изучать народныхъ писателей, собирать и осмысливать слова, обобщать обороты рѣчи и выводить изъ нихъ грамматическіе законы.

Что касается до примѣровъ, которые служили бы оправданіемъ объясненію словъ, то въ послѣдніе годы Отдѣленіе собрало значительное число такихъ примѣровъ изъ твореній Карамзина, Державина, Крылова, Филарета, М. М., Иннокентія, Жуковскаго, Пушкина, и продолжаетъ собирать оныя, чтобы слова подтверждались писателями. Столь же важное подтвержденіе толкованію словъ заключается въ старинныхъ Русскихъ памятникахъ письменности, въ памятникахъ устныхъ народной словесности и въ языкѣ народа. Изъ всего этого намъ предстоитъ трудъ избирать для насъ нужное. Вотъ что говоритъ объ этомъ *Аиде* въ вступленіи: «Матеріалы надобно брать изъ книгъ и изъ устной рѣчи, дополняя одни другими. Нельзя пренебрегать никакой книгою: иногда книга, ничтожная по содержанію, бываетъ очень важною по словамъ, которыхъ тщетно искали бы въ другихъ важныхъ сочиненіяхъ».

Такъ понимаю я Словарь Отечественнаго языка — *сокровищницу*, или энциклопедію народныхъ понятій, народнаго ума, *народной современной жизни*; лишь только современнаго языка Словарь имѣетъ истинное значеніе. Понятія народа, который идетъ впередъ на поприщѣ наукъ, расширяются, новыя мысли требуютъ новыхъ формъ, и языкъ непремѣнно измѣняется силою времени и самыхъ понятій. Раскройте Кантемира и Жуковскаго: едва протекло между ними 60 лѣтъ, и уже для перваго необходимы толкованія. Такая же разность между Ософаною и Карамзинымъ. Ктожъ произвелъ все эти перемѣны? Сила необходимости и духъ времени; они искусно изворачиваютъ слова, измѣняютъ выраженія и даже смыслъ словъ, приводя ихъ въ согласіе съ мыслями текущаго вре-

мени; отъ нихъ зависить возможность нововведеній языка. Употребленіе современнаго общества указываетъ, съ чѣмъ должно разстаться изъ наслѣдія прежнихъ временъ, и чѣмъ можно воспользоваться. Образцами Словаря въ такомъ значеніи могутъ служить намъ Словари: Польскаго языка—*Линде*, Чешскаго—*Юнгмана*, Словарь Французской Академіи.

Опредѣливъ значеніе Словаря Русскаго языка современнаго для Русскихъ, перейдемъ къ изслѣдованію его содержанія и формы.

III.

СОДЕРЖАНІЕ И ФОРМА.

Изложивъ мысли мои, Мм. Гг., о значеніи Словаря современнаго Русскаго языка для Русскихъ, сокровищницы ихъ понятій, возрѣнія народа на природу и на себя самого, я приступаю къ подробному изслѣдованію *содержанія и формы* новаго изданія Словаря. Подъ содержаніемъ я разумѣю объемъ его и способъ объясненія словъ, отъ чего зависить *полнота и точность Словаря*; подъ формою — внѣшнія условія, какъ то: грамматическія опредѣленія, правописаніе.

А. СОДЕРЖАНІЕ.

а. Полнота.

Въ первомъ изданіи Словаря нашего однимъ изъ основныхъ правилъ было помѣщать вообще слова, составляющія принадлежность языка въ разныя эпохи существованія, къ какому бы они впрочемъ ни относились слогу; ибо Словарь не есть выборъ, но полное систематическое собраніе словъ, сохранившихся какъ въ памятникахъ письменности, такъ и въ устахъ народа.

Изъ предъидущаго изслѣдованія о значеніи Словаря Русскаго языка современнаго очевидно, что мы должны въ новомъ изданіи стѣснить предѣлы Словаря въ отношеніи къ Церковно-Славянскому языку, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространить и увеличить внутреннее его содержаніе. Ограничась только современнымъ Русскимъ языкомъ, не различая языка разговорнаго и книжнаго, внося въ Словарь всѣ заим-

ствованія изъ другихъ языковъ: Старославянскаго, Греческаго, Латинскаго и новыхъ иностранныхъ, мы дадимъ этому современному языку большій объемъ, въ замѣнъ многихъ реченій неупотребительныхъ въ наше время. Такъ точно въ Словарѣ Французской Академіи мы не находимъ ни Латинскаго языка, ни древняго Гальскаго и Франческаго, ни языка временъ Карла Великаго, всѣхъ грамматъ Французскихъ и глго-топнсей. Полный Старославянскій Словарь, требующій особыхъ приготовленій отъ составителей, даже особаго правописанія, долженъ быть предметомъ отдѣльнаго, совершенно другаго рода труда, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшній Словарь вошли не всѣ слова Старославянскія, а преимущественно слова церковной письменности. Поэтому мы въ немъ встрѣчаемъ болѣе библейскихъ реченій, а менѣе изъ Нестора и другихъ Русскихъ памятниковъ. Возложивъ на себя обязанность представить соотечественникамъ сокровищницу на протяженіи многихъ вѣковъ, отъ первыхъ письменныхъ памятниковъ до позднѣйшихъ произведеній нашей словесности, Отдѣленіе однако исключило изъ Словаря нѣкоторыя устарѣлыя слова, находящіяся у Зизанія и Берншды, большую часть словъ, принадлежащихъ наукамъ и искусствамъ, многія изъ областныхъ реченій.

Всѣ подобныя противорѣчія и недоразумѣнія устранятся, если мы примемъ за основное правило: «Помѣщать въ Словарѣ современнаго Русскаго языка «слова современнаго нашего общества, современной «нашей жизни — семейной, общественной и уметвенной, а слова Ц.-Славянскаго языка, нынѣ неупотребительныя, отнесемъ къ другому особому словарю».

Поэтому между заимствованіями нашими изъ другихъ языковъ первое мѣсто въ новомъ Словарѣ займутъ слова Старославянскаго языка, употребляемыя нами и въ говорѣ народномъ, и въ письменности. Такъ напр. въ проповѣдяхъ Филарета и Иннокентія, въ Исторіи Карамзина, въ стихотвореніяхъ Жуковскаго, находимъ слова и выраженія, взятые изъ Старославянскаго языка, составляющія неотъемлемую нашу собственность: *что обитающе* святыни; *пустыни обрѣла и стяжала* сокровище; въ которомъ впечатлѣно столько *глаголовъ чудодѣйственныхъ*;

кто осмѣлится *разглашествовать*; есть еще Іуды, *лобызающіе* устани и предающіе руками; но есть ли Іоанны для принятія божественнаго *всыновленія* со креста; Кіевляне съ гордостью *именовали* себя старшими сынами Россіи; имъ ли было *смирено* преклонить *выно*; шлемъ и латы *обизрены* кровію; кости Сергіева *священновитязя* Ослиби покоятся; вотще трофен *заслуждуются*; мавзолей лишь *переть* ихъ *бременитъ*.

По свойству языка нашего и особенной его гибкости въ словосоставленіи, самобытные писатели не престаио продолжаютъ пользоваться сокровищами Старославянскаго языка для отѣнковъ своихъ мыслей: это—потребность живаго языка. Чрезъ полвѣка преемники наши много исключаютъ изъ новаго Словаря, и, на-оборотъ, вносятъ въ него вновь созданныя реченія изъ того же элемента — языка Старославянскаго.

То же самое должно сказать о старинныхъ Русскихъ словахъ и выраженіяхъ, равно областныхъ и народныхъ, введенныхъ въ литературный языкъ писателями, а чрезъ нихъ и въ образованное общество. Можемъ ли мы отказаться отъ подобныхъ слѣдующимъ словъ и выраженій: *замыная* пѣнь соловьиная, въ дни *роскошества* прохлаждаются; *встрепенувшися*, *разбушувшися*; буря *всплachtetъ* лѣшникъ — вѣдьмою; только въ *непогодъ* воешь жалобу на *безвременье*; всю ты жизнь свою *малѣ* битвами; *ѣдетъ* подбоченнвшисъ и *молодецки* *заломивъ шапку*; *любъ* ли вамъ *стольникъ* Князь Дмитрій. Басни Крылова наполнены словами и выраженіями народными; но къ нимъ мы привыкли, и потому ихъ не замѣчаемъ. Стихъ: «И ходенемъ пошло трясино государство», совершенно народный; въ Словарѣ объяснено слово *ходень*, приведенъ въ примѣръ этотъ самый стихъ: но выраженіе — *ходенемъ пошло* осталось безъ толкованія. Какъ не признать въ настоящее время своими слова и выраженія, встрѣчающіяся въ нашей отечественной исторіи, напр. *родичъ*, *срубить* городъ, *състь* княжить, *посадникъ*, *тысяцкій*; шайки *усаживались* на берегахъ; Кіевъ былъ *притономъ* Варягъ; Олегъ *закрѣпилъ* себя Смоленскъ; Ольга установила *погосты* и дани, *ловѣща* по всей землѣ.

Правилу въ Словарѣ нашемъ постановлялось:

изъ словъ, входящихъ въ область какой либо науки и искусства, включать только болѣе употребительныя; потому что техническія слова и выраженія должны быть относимы въ особые словари по каждой наукѣ или искусству.

Выраженіе: *болѣе употребительныя*, слишкомъ неопредѣленно, потому что выборъ на этомъ основаніи долженъ различествовать, смотря по возрѣшю того или другаго составителя словаря. Въ словарь языка какого бы то ни было языка, равно и нашего отечественнаго, «не могутъ имѣть мѣста слова техническія, какъ принадлежность особой какой-либо науки или особаго искусства; но общія реченія всѣхъ родовъ знаній, составляющихъ *народную энциклопедію*, или *умъ народный*, должны быть въ Словарѣ». Особенная разборчивость требуется въ отношеніи къ симъ реченіямъ, заимствуя изъ области наукъ и искусствъ только тѣ слова, которые усвоены обществомъ, согласно съ современною образованностью. Такъ напр. въ общемъ словарь должны имѣть мѣсто термины философскіе: *категорія*, *силлогизмъ*, *софизмъ*, *стоицъ*, *раціонализмъ*, *скептицъ*, *космополитъ*; Физико-Математическіе: *термометръ*, *барометръ*, *электричество*, *магнетизмъ*, *гальанизмъ*, *квадратъ*, *кубъ*, *эллипсоидъ*, *парабола*, *гипербола*, *діагональ*, *нормаль*, *асимптота* и т. п.; слова искусствъ и художествъ: *стиль*, *параметъ*, *архитравъ*, *соло*, *адажю*, *анданте*, *аллегро*, *рондо*, *мадригалъ*, *эклоги* и т. п. Не только каждая наука и каждое искусство, но и каждое ремесло имѣетъ свой языкъ: въ словарь же общемъ нельзя помѣстить всѣхъ словъ даже одного кузнечнаго, каменщиковъ, столярнаго ремесла.

Далѣе, въ прежнихъ правилахъ сказано: «По особенной способности Русскаго языка къ составленію сложныхъ словъ, многія такія слова безотчетно введены въ разное время въ нашу словесность. При помѣщеніи въ Словарь, надлежитъ подвергать ихъ предварительно тщательному разбору».

Это благоразумное правило должны и мы соблюдать тѣмъ съ болѣею строгостью, что въ прежнемъ Словарѣ, вопреки этому правилу, видимъ множество сложныхъ реченій, неупотребительныхъ и ненужныхъ, а выкованныхъ на наковальнѣ этимологической

та, *паліотъ*, *париклажеръ*, *парамы* (Амер. горныя пустыни), *пьяносы* (степи), *палпасы*, *саваны* и т. п. Такія слова указываютъ на историческія сношенія наши съ тѣмъ или другимъ народомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изображаютъ особенности той или другой страны.

Если къ этимъ правиламъ присоединимъ слѣдующее: «Рачительно собирать и вновь слова, пропущенныя въ прежнемъ Словарѣ», то исполнимъ все, что только требуется въ филологіи для *полноты Словаря*.

Дополненіемъ къ прежнему Словарю почитаю включеніе въ наше изданіе *собственныхъ именъ*, изъ которыхъ нѣкоторыя выражаютъ особенности Русскаго языка, каковы напр. имена: *Иванъ*, *Марья*, *Михайло*, *Василій* и другія. Собраніе такихъ именъ, составленное покойнымъ О. Академикомъ В. А. Полѣновымъ, послужитъ намъ значительнымъ пособіемъ. При собственныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ языковъ: Еврейскаго, Греческаго и Латинскаго, можно ставить значеніе, напр. *Іоаннъ* (Евр. благодать), *Николай* (Гр. побѣдитель народовъ), *Константинъ* (Лат. постоянный), *Софья* (Гр. мудрость), *Ирина* (Гр. спокойствіе) и т. п.

в. Точность.

Обращаюсь къ самому важному требованію лексикографическому — къ условіямъ, отъ которыхъ зависить *точность* Словаря. Первымъ правиломъ въ отношеніи къ объясненію словъ въ прежнемъ Словарѣ постановлено: «Опредѣленія значеній словъ писать «со всею логическою точностью и краткостью».

Между-тѣмъ это прекрасное правило не вездѣ соблюдено, ни въ опредѣленіи словъ, ни въ послѣдовательности ихъ отъ одного значенія къ другому. Привожу нѣсколько примѣровъ.

Вообще эта важнѣйшая и труднѣйшая часть Словаря требуетъ въ новомъ изданіи наибольшаго улучшенія. Въ оправданіе Словаря нашего, привожу слова Вильмена, который тоже самое говоритъ въ отношеніи къ своему Словарю: «Опредѣленія—почти невозможны, и потому обыкновенно они худо исполняются. Есть много словъ, которыхъ нельзя опредѣлить, потому что нельзя объяснить понятія ихъ другимъ понятіемъ, которое было бы легче. Паскаль называетъ такія слова первоначальными и сравниваетъ ихъ

съ первыми понятіями, на которыхъ основываются дѣйствія геометрическія, но не объясняются, каковы: *пространство*, *время*, *движеніе* и т. п. Также можно сказать о многихъ другихъ словахъ, относящихся къ родовымъ понятіямъ: ихъ можно переводить, разбирать, описывать, а не опредѣлять; иначе мы впадаемъ въ произвольную классификацію, или въ наборъ словъ, ничего не объясняющихъ. Паскаль смѣется, что въ его время опредѣляли слово *свѣтъ* (*lumière*) такимъ образомъ: «свѣтлое движеніе свѣтлыхъ тѣлъ». Не впадаетъ ли Академія почти въ такую же ошибку, опредѣляя слово *душа*: *жизненное начало во всѣхъ живыхъ существахъ*, т. е. скрывая одну невозможность опредѣленія другою? Кромѣ основныхъ понятій, для которыхъ опредѣленіе можетъ быть только ученымъ мнѣніемъ или произвольнымъ толкованіемъ, есть множество реченій, выражающихъ тонкости или оттѣнки, разбираемые и разсматриваемые опредѣленіемъ. Это самая трудная часть въ словаряхъ. Въ лучшихъ изъ нихъ почти всегда только переводится одно слово другимъ, или измѣняется смыслъ его, потому что въ одномъ и томъ же языкѣ пѣтъ двухъ выраженій, совершенно равнозначущихъ и одно другое замѣняющихъ. Писатели знаютъ эту истину лучше грамматиковъ».

За опредѣленіемъ словъ слѣдуетъ подтвержденіе толкованія примѣрами; потому, для достиженія точности, полагалось правиломъ: «Не обременять словъ «излишними примѣрами, а ставить только необходимо нужные, для показанія истиннаго значенія ихъ, «особливо при словахъ, мало извѣстныхъ или злоупотребленіемъ искаженныхъ».

Примѣровъ въ Словарѣ нашемъ довольно много, но половина изъ книгъ Священнаго Писанія и другихъ церковныхъ, мало изъ лучшихъ писателей: Карамзина, Батюшкова, Пушкина, Жуковскаго, Филарета, Иннокентія, Русскихъ Академиковъ и Профессоровъ. Выраженія самобытныхъ и образцовыхъ писателей именно потому и поучительны, что у нихъ каждый оттѣнокъ понятія изображается настоящимъ реченіемъ, настоящею краскою, а не приблизительнымъ словомъ, или реченіемъ знакомымъ придаются новыя значенія. Посему въ выборѣ примѣровъ тре-

буется величайшая разборчивость: изъ кого замѣтывать ихъ, при какихъ словахъ. Для новаго изданія мы изберемъ по разнымъ родамъ сочиненій и предметовъ писателей, которыхъ выраженіями постараемся обогатить Словарь. Притомъ слово и выраженіе, взятые изъ писателя, теряютъ свой смыслъ, какъ минералы, оторванные отъ ложа горъ, не имѣютъ значенія: нужно указать мѣсто замѣтованія изъ писателя, равно какъ обозначаются мѣста рожденія минераловъ. Но все ли слова нуждаются въ примѣрахъ? Большая часть предметовъ физическихъ не имѣютъ въ нихъ никакой надобности; полезнѣе показать происхожденіе ихъ названій. Укажу на нѣкоторые примѣры, приведенные для подтвержденія объясненія двухъ словъ: *духъ* и *душа*. Минувъ примѣры Старославянскаго языка, о которыхъ я упоминалъ и которые нисколько не объясняютъ современнаго употребленія Русскихъ словъ, я остановлюсь на выраженіяхъ, взятыхъ изъ писателей. Такъ на 12-е значеніе слова «духъ», именно запахъ, вонь, приведены стихи изъ Крылова:

«На ту бѣду Лиса близѣхонько бѣжала;
Вдругъ сырнѣй *духъ* Лису остановилъ».

Нужно ли было для этого значенія приводить примѣры? Правильно ли въ приведенномъ мѣстѣ поэтъ употребилъ слово *духъ*?

На слово *душа*, въ значеніи безсмертнаго духовнаго существа, приведены стихи изъ Жуковскаго:

«Горѣли звѣзды; но въ моей *душѣ*
Былъ свѣтлый день».

Эти стихи слова *душа* не объясняютъ, а въ нихъ особая красота — противоположеніе *звѣздъ* въ мірѣ вѣншемъ и *дня* въ мірѣ вѣншемъ. Или стихи изъ Грибоѣдова на значеніе *родовыхъ душъ*:

«Будь плохонькой, да если наберется
Душъ тысячи двѣ *родовыхъ* —
Тотъ и женихъ».

Для этого значенія нужнѣе оправданіе книгою законодательною, а не поэтомъ.

Выраженіе: *лежитъ на душѣ*, совершенно народное; для чего жъ примѣръ: «я давно стараюсь опредѣлить васъ къ мѣсту; это у меня на душѣ лежитъ»?

Слѣдуетъ правило прежняго Словаря: «Объясне-

ніе словъ, въ смыслѣ Церковно-Славянскаго языка, весьма полезное для показанія какъ постепенности перехода отъ одного понятія къ другому, такъ и полноты знаменованія того или другаго слова, подтверждать примѣрами изъ книгъ Священнаго Писанія, богослужебныхъ и вообще церковныхъ, догматическаго и правоучительнаго содержанія».

Изъ предыдущаго ясно, что это правило не примѣняется къ новому изданію Словаря: примѣры Церковно-Славянскаго языка не могутъ служить объясненіемъ словъ Русскаго языка; но въ лексикологическомъ отношеніи Старославянскій языкъ будетъ служить намъ главною основою.

Кромѣ примѣровъ, есть еще способъ объясненія словъ — посредствомъ синонимовъ, или подобнозначущихъ словъ, иногда посредствомъ реченій противоположныхъ. Такъ н. п. *веселый* опредѣлено въ Словарѣ: исполненный веселія. Развѣ это опредѣленіе поясняетъ прил. *веселый*? Не лучше ли поставить его синониму *радостный*, прибавивъ: противопоставляется печальному.

Къ точнѣйшему опредѣленію словъ принадлежитъ ихъ производство, какъ я уже выше сего замѣтилъ, и управленіе; это особенно важно въ нашемъ языкѣ. Такъ н. п. с. л. *гривна* въ Словарѣ опредѣлено: «ожерелье, или цѣпь, которую носили на шеѣ; серебряная монета опредѣленнаго вѣсу». Я бы прибавилъ тутъ корень *грива* (шея) и упомянутое опредѣленіе было бы яснѣе. Или г. л. *просить* опредѣленъ: 1) преклонять просьбою къ исполненію своихъ желаній; 2) приносить жалобу. Здѣсь непремѣнно слѣдовало бы прибавить управленіе: *прос. чего-у кого-либо; кого-о чемъ; кого-на что* (приглашать); *на кого*.

Въ подтвержденіе словъ моихъ, приведу мысли достопочтеннѣйшаго сочлена нашего П. А. Плетнева, который въ Отчетѣ за 1847 годъ, говоря о изданномъ въ то время Словарѣ Отдѣленія, между прочимъ прекрасно выразился о предметѣ, насъ занимающемъ: «Опредѣленіе значенія словъ представляетъ задачу, которую всего труднѣе рѣшить удовлетворительно. Въ этомъ дѣлѣ надобно соединить вѣрность съ ясностью и краткость съ полнотою. На всемъ трудѣ должны явиться ощутительная соразмѣрность частей,

неизмѣнное единство философскихъ началъ, равно-
сильная уточенность въ отбѣшеніи едва замѣтныхъ
отличій, и тотъ чистый, общій языкъ, который, не
принадлежа ни школѣ, ни эпохѣ, ни сословію, ни
партіи, всѣмъ понятенъ и всѣмъ равно правится,
потому что созданъ народнымъ духомъ и всемірною
логикою».

В. ФОРМА.

а. Грамматическія опредѣленія.

По изложеніи филологическихъ требованій отъ
Словаря въ отношеніи къ содержанію его, и именно
полноты и точности, переходя къ формѣ, и прежде
представлю Вамъ, М. Гг., мысли мои о *грамматиче-
скихъ опредѣленіяхъ* въ Словарѣ нашемъ, а потомъ
о *правописаніи*.

Я не останавливаюсь на слѣдующихъ правилахъ,
какъ общихъ всѣмъ словарямъ:

1) Сокращать всѣ грамматическія и всякаго рода
объясненія и отмѣтки.

2) Наблюдать, чтобы азбучный порядокъ словъ,
ссылки и указанія, во все время составленія Словаря,
были внимательно повторяемы.

3) При всѣхъ вообще словахъ, вносимыхъ въ Сло-
варь, сперва ставить грамматическія объясненія, по-
томъ логическое опредѣленіе значенія оныхъ, сосло-
вы, или подобнозначащія слова, и наконецъ примѣры.

Но гораздо важнѣйшіе вопросы предстоятъ въ
отношеніи къ грамматическимъ опредѣленіямъ, кото-
рые въ настоящемъ случаѣ должны быть разрѣшены,
какъ то: о первоначальной формѣ глагола и прила-
гательнаго, о главныхъ надежахъ существительнаго,
о видахъ глагола и причастіяхъ.

Считаю нужнымъ войти по сямъ предметамъ въ
нѣкоторыя подробности.

Въ словаряхъ Греческомъ и Латинскомъ за нача-
ло глагола принимается 1-е л. наст. врем. изъяс. нак.
со всѣми первообразными формами. Въ Нѣмецкихъ
и Французскихъ словаряхъ за начало гл. берется
неопредѣленное также съ первообразными формами,
каковы: прош. вр. и причастіе. Юнгманъ въ своемъ
Чешскомъ Словарѣ, начиная съ 1-го л. наст. врем.
изъяс. нак., ставитъ и прочія формы первообразныя.

Въ нашемъ Словарѣ глаголы поставлены въ неопре-
дѣленномъ, съ присоединеніемъ 1-го и 2-го л. наст.
вр. изъяс. наклоненія.

Это грамматическое опредѣленіе недостаточно; для
спряженія Русскаго глагола нужно знать: 1 и 2 л. ед.
и 3-е л. мн. ч. наст. вр. изъяс. нак., неопредѣленное
и прич. страд. прош. Эти первообразныя формы гла-
гола необходимо показывать и въ Русскомъ Словарѣ,
н. п. даю, ешь, ютъ; дать, данъ; тку, тчешь, ткутъ;
ткать, тканъ; ловлю, вишь, вятъ; ловить, ловленъ.

Этими формами спряженіе Русскаго глагола впло-
нѣ опредѣляется, и нѣтъ никакой надобности ставить
въ Словарѣ прич. прош. страд. особымъ реченіемъ.

Еще бѣльшей опредѣлительности требуютъ виды.
Въ грамматикахъ нашихъ до сихъ поръ употреб-
ляются названія видовъ: неопредѣленнаго, совершен-
наго, однократнаго, многократнаго, вопреки логиче-
скому дѣленію, по двумъ различнымъ основаніямъ—
кратности и совершенію. Поэтому, необходимо изъ
сихъ двухъ основаній избрать одно, по которому виды
и должны быть раздѣлены. Очевидно, свойству Рус-
скаго глагола соответствуетъ кратность: и потому въ
Грамматикѣ, Отдѣленіемъ издаваемой, на этомъ осно-
ваніи Русскіе глаголы по *видамъ* раздѣлены на *одно-
кратные*: двинути, тронути; *многократные*: читывать,
хаживать; неопредѣленно-кратные: а) *начинательные*:
красѣть, бѣлѣть; б) *длительные*: летать, писать; в)
окончательные (совершенные): слетать, написать.

Каждый изъ этихъ видовъ особо спрягается, и
каждый долженъ *особо* стоять въ Словарѣ, съ пока-
заніемъ залога и съ опредѣленіемъ одного неопредѣ-
ленно-кратнаго вида; при прочихъ видахъ одного и
того же глагола нужно только означать относитель-
ную принадлежность ихъ къ неопредѣленно-кратному
виду. Возьмемъ въ примѣръ изъ Словаря глаг.: *да-
вать*, даю, даешь, дать; или *колоть*, колю, колешь
(сов. уколоть, поколоть). Здѣсь можно сдѣлать два
замѣчанія: для чего *давать* (многок. в.) поставленъ
вмѣстѣ съ неопред. кр. *дать*, и для чего при гл. *ко-
лоть* и виды сов. уколоть, поколоть, заколоть, раско-
лоть, наколоть? Эти виды повторяются въ другомъ
мѣстѣ, по алфавитному порядку; между тѣмъ не всѣ
совершенные глаголы изчислены, н. п. тутъ недо-

стаетъ видовъ: *приколоть, сколоть, переколоть, надколоть, выколоть*.

Различныя управленія каждаго глагола необходимо показывать посредствомъ предлоговъ и съ приведеніемъ примѣровъ, какъ я уже выше замѣчалъ, говоря о гл. *прошу*.

Вмѣсто такихъ грамматическихъ опредѣленій, слѣдовало бы, по моему мнѣнію, такъ описать упомянутые глаголы:

Дая, ешь, ютъ; дать, данный, гл. д. в. неопр. кр. *Коло*, ешь, ютъ; колоть, колотый, гл. д. в. неопр. кр.

Перехожу къ именамъ существительнымъ. Въ Словарѣ нашемъ помѣщены отдѣльными реченіями названія мужей и женъ, увеличительныя и уменьшительныя, тогда какъ это грамматическія формы, слѣдующія опредѣленнымъ законамъ измѣненій. Почитаю это не только излишнимъ, но даже противорѣчіемъ основному положенію Словаря, котораго назначеніе — объясненіе словъ, а не грамматическое анализированіе, я думаю, что увеличительныхъ и уменьшительныхъ именъ совсѣмъ не помѣщать, какъ принадлежность грамматики, а не словаря, или показывать при самыхъ им. существительныхъ, какъ у Юнгмана; названія же женскаго пола не объяснять, а только при таковыхъ названіяхъ отмѣчать, что это женское реченіе отъ извѣстнаго мужскаго, или ставить при именахъ мужескихъ. Вмѣсто того, н. п., чтобы слова: *крестьянка, музыкантша*, опредѣлять реченіями: поселника, искусная въ музыкѣ, означить при нихъ: назв. жен. отъ крестьянина и музыкантъ.

Сверхъ того въ Русскомъ языкѣ для полнаго склоненія им. существительныхъ, кромѣ род. п. един. ч., нужно знать имен. мн.: посему полезно въ Словарѣ послѣ родит. п. ед. ч. показывать и имен. мн. ч., съ удареніемъ, н. п. *душá, ѡ, дѹши, с. ж.; стекло, á, стѣкла, с. ср.*

Что касается до прилагательныхъ им., то и по древности, и по образованію слѣдуетъ поставлать въ Словарѣ напередъ прилагательныя неопредѣленныя (спрягаемыя), какъ первообразныя, а потомъ опредѣленныя (склоняемыя), какъ производныя. Поэтому правильнѣе поставить такимъ образомъ: *добръ, а, о — ѡй, ая, ое, пр. или снъ, я, е — ѡй, ая, ее.*

Окончанія прилагательныхъ на *оватый, ехонекъ*, означаютъ особыя степени сравненія и соотвѣтствуютъ увеличительнымъ и уменьшительнымъ именамъ существительнымъ: посему въ словарѣ они не имѣютъ мѣста, равно какъ и другія сравнительныя степени, а относятся къ измѣненіямъ грамматическимъ. Этимъ способомъ мы избѣжимъ необходимости повторять опредѣленія, подобныя слѣдующимъ: *маловатый, ая, ое — ть, а, о, пр. нѣсколько малый, недостаточный, неполный; малехонекъ, нька, о, пр. очень малый; грубоватый — нѣсколько грубый; тѣсноватый — нѣсколько тѣсный; бѣловатый — нѣсколько бѣлый и т. д.*

Неправильныя сравнительныя степени, каковы: *большій, лучшій* и т. п. должно помѣщать при своихъ положительныхъ: *большой, хороший* и т. п. или отнести къ грамматикѣ.

При иностранныхъ словахъ, какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ, вмѣсто ссылокъ на тождественныя съ ними Русскія, лучше ставить значеніе, н. п. *аллегорія*, гр. — иносказаніе; *космополитъ*, гр. — всемірный гражданинъ и т. п.

Названія животныхъ, растений и ископаемыхъ лучше описывать, какъ дѣлаетъ Юнгманъ, нежели переводить ихъ на Латинскій языкъ. Напр. *левъ, льва, львы*, с. м. хищный звѣрь, изъ кошачьей породы, огромный, желтобурого цвѣта, съ косматою гривой, водится въ жаркихъ странахъ.

Вообще касательно грамматическихъ опредѣленій должно сказать, что ни въ одномъ изъ лучшихъ иностранныхъ словарей не смѣшаны грамматическія объясненія съ лексикографическими. Отъ такого смѣшенія нашъ Словарь чрезвычайно увеличился въ объемѣ и приписываніе словъ затруднено безъ всякой надобности.

Къ сему почитаю нужнымъ еще присоединить, что самыя опредѣленія грамматическія не вездѣ правильны, н. п. глаголы *божиться, каяться*, названы возвратными, тогда какъ они общіе. Къ междометіямъ отнесены звуки н. п. *цынь-цынь*, которыми скликаютъ цыплятъ. Собственно это сокращеніе сущ. им. *цыпленокъ*, и употребляется въ значеніи междометія, что совершенно различно съ междометіями н. п. *ахъ, увы* и т. п.

Многія изъ замѣчаній, которыя я имѣлъ честь изложить здѣсь, сдѣланы прежде меня достопочтеннѣйшимъ сочленомъ нашимъ, И. И. Срезневскимъ, въ выше упомянутой статьѣ, также въ Отечественныхъ Запискахъ 1848 г. т. LVII.

б. Правописаніе.

Остается сказать нѣсколько словъ о правописаніи. Въ прежнемъ Словарѣ положено было слѣдовать въ правописаніи Карамзину и другимъ образцовымъ писателямъ. Безъ сомнѣнія этимъ правиломъ будемъ и мы руководствоваться, не обращая вниманія на нововведенія, встрѣчаемыя въ нѣкоторыхъ журналахъ. Тамъ нѣкоторые соединяютъ въ одно реченіе посредствомъ единительнаго знака нѣсколько словъ, н. п., *до-сихъ-поръ, въ-сравненіи, не-въ-силахъ, не-въ-состояніи, очень-хорошо*. Въ предлогахъ *воз, из, изъ, раз*, сливающихся съ именами и глаголами, мы станемъ употреблять *с* вмѣсто *з*, передъ твердыми буквами: *к, н, т, х, н. п., восклицать, исполнить, истребить, исходить*, какъ принято и въ нашей Грамматикѣ; но передъ буквами: *ц, ч, ш, щ, с*, удерживается *з*, н. п., *изцѣлять, возмужствовать, разширить, разщепить, возспѣвать*.

III.

ОБРАЗЦЫ И ИСТОЧНИКИ.

Предметомъ заключительныхъ сужденій нашихъ, М. Гг., касательно новаго изданія Словаря будутъ образцы и источники для сего огромнаго труда.

Основаніемъ новаго изданія Словаря послужитъ намъ нашъ *Словарь Ц.-Славянскаго и Русскаго языка* и оканчиваемый *Словарь областныхъ реченій*. Образцами можно избрать сокровищницу Латинскаго языка *Стефани*, Словарь Латинскаго яз. среднихъ вѣковъ *Дюканжа*, Словарь Французской Академіи, Нѣмецкіи *Аделунговъ*. Многими замѣчаніями, которыя имѣлъ я честь изложить Вамъ, обязанъ я изученію этихъ великихъ памятниковъ дарованій, учености, терпѣнія. Изъ Славянскихъ словарей, слѣдуя разбору достойнѣйшаго сочлена нашего И. И. Срезневскаго, будемъ пользоваться пособіемъ преимущественно двухъ замѣчательнѣйшихъ твореній: Польскаго Словаря — *Линде*,

и Чешскаго — *Юнгмана*. Для дополненія и подтвержденія всего сказаннаго о предлагаемомъ новомъ изданіи Словаря, я выпишываю изъ ученаго разбора нашего сочлена слѣдующія замѣчанія о томъ и другомъ словарѣ, въ настоящемъ случаѣ весьма полезныя и важныя.

Линде, въ своемъ *Slowniku języka Polskiego*, Варш. 1807 — 1814, въ четырехъ частяхъ, раздѣленныхъ на 6 том., желая достигнуть наибольшей опредѣлительности въ объясненіи словъ изъ быта народнаго, ремеслъ, художествъ, наукъ и т. п., не довольствовался общими выраженіями; но, объясняя слова, объяснял и понятія, въ нихъ заключенныя. Къ этому присоединялъ онъ объясненія филологическія, и, сколько было возможно, сравнивалъ Польское нарѣчіе съ другими нарѣчіями Славянскими; когда же такое сравненіе казалось недостаточнымъ, онъ прибѣгалъ къ другимъ языкамъ, древнимъ и новымъ. Придавъ Словарю характеръ филологическій, *Линде* обращалъ вниманіе и на корни словъ.

Для собственной нашей предосторожности, выпишываю и замѣчанія о недостаткахъ этого Словаря.

Линде, вопреки предначертанному плану, давалъ въ Словарѣ своемъ мѣсто не однимъ Польскимъ словамъ, но и другимъ Славянскимъ; напротивъ того, многія Польскія слова пропущены.

При объясненіи многихъ словъ, онъ напрасно умножалъ примѣры.

Опущены нѣкоторыя важныя значенія словъ.

Не смотря на все это, говоритъ рецензентъ, Словарь *Линде* есть явленіе необыкновенное, какихъ немного въ Европейскихъ литературахъ.

Slownik česko-německý Юнгмана, выпущенный въ Прагѣ Чешской, въ 1835 — 1839, въ пяти томахъ, поражаетъ богатствомъ содержанія своего, какъ и Словарь *Линде*. Въ него вошли всѣ слова нарѣчія Чешскаго и сроднаго съ нимъ Словацкаго, сколько можно было ихъ собрать изъ книгъ и изъ устъ народа. — Рядомъ съ именами существительными включилъ онъ въ Словарь и собственные, съ цѣлію показать особенность своего нарѣчія и объяснить его историческое развитіе.

Вездѣ, гдѣ считалъ нужнымъ и возможнымъ, объяснял происхожденіе словъ, указывалъ на корни

Славянскіе и иноязычныя. Богатство выписокъ изъ писателей удивляетъ своимъ разнообразіемъ и искуснымъ выборомъ.

Недостатки Словаря Юнгмана рецензентъ нашъ находитъ слѣдующіе:

Въ немъ гораздо болѣе словъ изъ книгъ, нежели изъ языка народнаго.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ всякой надобности умножено число выписокъ.

Неправильны нѣкоторыя объясненія словъ, касающіяся древностей и быта народнаго.

Юнгманъ трудился надъ Словаремъ своимъ больше, чѣмъ Линде. Твореніе это безспорно есть важнѣйшее и лучшее произведеніе всей современной Чешской литературы.

Эти творенія служатъ подтвержденіемъ мысли, выше высказанной мною, что словари могутъ относиться къ извѣстному только періоду народной жизни, языка и словесности. Въ языкѣ, логически построенномъ, безчисленные оттѣнки идей и чувствованій выражаются новыми словами посредствомъ сочетанія прежнихъ словъ, потому что, языкъ есть живой организмъ мышленія, безпрестанно измѣняющійся. Въ новомъ предполагаемомъ трудѣ мы будемъ лишь приводить въ сознаніе и систематическій порядокъ работы миллионовъ — это общее, народное сокровище.

Съ этою цѣлью прежде всего намъ необходимо опредѣлить *циклъ* писателей, на которыхъ можемъ мы ссылаться при опредѣленіяхъ словъ. Ограничиваясь лишь современнымъ языкомъ, мы должны будемъ многіе изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ почерпалъ объясненія и примѣры для прежняго Словаря, замѣнить другими. Такъ н. п. для современнаго языка ни мало не помогутъ намъ сочиненія Іоанна Экзарха Болгарскаго, Камень Вѣры — Стефана Яворскаго, различные каноны, прмасы и кондаки, Кормчая книга, Лимонарь Софронія, Патріарха Іерусалимскаго, Регламентъ духовный, Риторика Космы Святоторца, Розыскъ раскольниковъ Брянской вѣры, старинная Арифметика, Степенная книга, Требникъ, Чинъ постриженія монаховъ, Юстиніановы законы и т. п. Всѣ сіи сочиненія и другія сего же рода останутся драгоценными хранилищами языка Старосла-

вянскаго и Славяно-Русскаго; но для современнаго языка необходимы писатели современные или близкіе къ намъ по времени, притомъ по всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ и поэтическихъ, каковы: поэзія лирическая, эпическая, драматическая; проза философская, историческая, ораторская. Кромѣ писателей изящной словесности, намъ нужны писатели по различнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ въ той мѣрѣ, въ какой науки и искусства вошли въ народную жизнь и составляютъ потребность современнаго общества. Поэтому, слѣдуетъ справляться съ сочиненіями не только Крылова, Жуковскаго, Пушкина, Грибоѣдова, но и Лермонтова, и Гоголя, и Греча, и Даля, и Вельтмана, и Кн. Вяземскаго, и Кн. Одоевскаго, и Н. Полеваго, и Кукольника, и Скобелева, и Кольцова, и другихъ достойныхъ представителей новой отечественной словесности; а равно и сочиненія Русскихъ академиковъ и профессоровъ по различнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Опредѣленіе такого цикла писателей, какъ источниковъ для примѣровъ на объясненія реченій, должны быть предметомъ совокупнаго сужденія Отдѣленія.

Какимъ же образомъ приведемъ мы въ исполненіе огромное наше предпріятіе? Въ бывшей Россійской Академіи, для изданія перваго Словаря, составлены были изъ 21 члена Академіи три отдѣла: Грамматическій, Объяснительный и Издательный. Между членами этихъ отдѣловъ встрѣчаемъ знаменитыя имена: Президента Академіи Кн. Дашковой, Гавріила, Митрополита Новгородскаго, Фонъ-Визина, Румовскаго, Лепехина, Протасова, Озерецковскаго, Княжнина, Державина, Козадавлева, Леонтьева, Голенищева-Кутузова, И. Л., Богдановича, Шувалова И. П., Гр. Строганова А. С., Соимонова, Болтина. Извѣстно, что, по большинству голосовъ, Академія рѣшилась прежде издать Словарь словопроизводный, и въ первыхъ засѣданіяхъ встрѣтила непреодолимые затрудненія. Работы раздѣлены были по буквамъ. Глаголы Академія ставила правильно — въ первомъ лицѣ наст. вр. изъыв. накл., прибавляя къ нему 2-е, также прош. и буд. вр., со всѣми видами въ неопредѣленномъ. Въ правописаніи она слѣдовала Ломоносову; въ произношеніи и удареніи словъ соображалась съ выговорами въ столицахъ,

наблюдая ударенія, принятыя въ Славянскихъ книгахъ.

Во второмъ Отдѣленіи, при изданіи Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, избраны были четыре редактора по числу четырехъ томовъ Словаря. Труды редакторовъ читаны были въ Отдѣленіи, и здѣсь они исправлялись и дополнялись въ корректурныхъ листахъ.

Для новаго изданія Словаря я полагаю принять слѣдующій способъ. Согласившись въ программѣ, долженствующей заключать въ себѣ начала, которыхъ мы намѣрены придерживаться въ изданіи нашемъ, мы раздѣлимъ между собою Словарь по буквамъ, предложивъ заняться этимъ дѣломъ и отсутствующихъ членовъ Отдѣленія, корреспондентовъ и нѣкоторыхъ изъ литераторовъ и ученыхъ, изъявившихъ благородное желаніе участвовать въ занятіяхъ Отдѣленія. Обработано каждымъ изъ насъ по утвержденной Отдѣленіемъ программѣ назначимъ срокъ, и. н. полугодичный, и потомъ обработанныя буквы будемъ перечитывать въ Отдѣленіи, для совокупнаго обсуждения. Прочитанные въ Отдѣленіи листы, для единства и однообразности, должны быть перечитываемы однимъ или двумя изъ среды насъ избранными редакторами.

Такимъ образомъ, съ помощію Божіею, трудъ нашъ будетъ свершаться безостановочно и успѣшно. Мысль, что этотъ трудъ подымается для роднаго языка, для отечественнаго просвѣщенія, да послужитъ намъ путеводною звѣздою.

Передавая мнѣніе мое о новомъ изданіи Словаря Вамъ, М. Гг., на обсужденіе, я прошу Васъ быть къ нему строгими и въ изъясненіи мыслей Вашихъ искренними: этого требуетъ важность предмета, роднаго всѣмъ намъ и общепользнаго. Въ общемъ дѣлѣ всякая личность исчезаетъ. Можетъ быть, я не высказать всего, что надлежало сказать о многосложномъ предпріятіи нашемъ; но я имѣю честь бесѣдовать съ мужами просвѣщенными и учеными, которые сами дополнятъ недосказанное: по крайнѣй мѣрѣ все, что сказано, согласно съ потребностями современной науки, и этому, въ чемъ ни мало не сомнѣваюсь, будутъ сочувствовать современные филологи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

XIII.

Новыя книги.

Грамматика Старославянскаго языка, изданная Петромъ Перевѣскимъ СПб. 1852. (8°: IX-4-64).

А. Х. Востоковъ сообщилъ о ней такое мнѣніе:

«Эта грамматика можетъ служить пособіемъ для желающихъ имѣть понятіе о языкѣ Старославянскомъ, ежели только сочинитель потрудится исправить недостатки, изъ которыхъ нѣкоторые мы здѣсь отмѣчаемъ.

Стр. 2 и 3. Начертаніе буквъ Остромирова Евангелія у г. Перевѣскаго не вездѣ вѣрно изображено: *иже* всегда пишется и, а не и, *червь*, всегда ч, а не ч.

Стр. 4. Скоропись не изъ Польши перешла къ намъ, а составила и въ сѣверныхъ областяхъ Руси, и въ южныхъ своеобразно, особенными почерками. Такъ и у Сербовъ существуетъ своя скоропись.

Черноризецъ Храбръ не могъ жить въ XIII вѣкѣ. Это вѣроятно опечатка. Онъ жилъ въ IX или въ началѣ X вѣка, когда самъ говоритъ: *суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ* (Константина и Меѳодія).

Стр. 5. Числительные знаки ч для 90, и ѿ для 900 принадлежатъ позднѣйшему времени. Древніе знаки были ч или с для 90 и ѿ для 900.

Стр. 14. Первое лице настоящаго времени не всегда кончится на гласную носовую. Надобно было показать исключенія, для кончащихся на мь: есмь, дамъ, вѣмъ, ѣмъ, имамъ.

Стр. 17. *Быхъ* и *быхъ* не могутъ быть смѣшиваемы. Они имѣютъ разное значеніе. *Быхъ* или *быхъ*, *быхъ* есть прошедшее протяженное или преходящее, Нѣм. *war*; *быхъ* прошедшее совершенное, Нѣм. *warde*. — Преходящее, какъ оно у меня названо, тоже самое означаетъ, что *imperfectum* другихъ языковъ. Я согласенъ замѣнить это названіе древнимъ названіемъ Іоанна Екс. *прошедшее протяженное*.

Стр. 19, *къмъ быхъ*, а, о, или *къмъ вѣдѣхъ*, а, о, не есть условное наклоненіе, а только время прошедшее сложное, имѣющее одинъ смыслъ съ прошедшимъ простымъ *быхъ*, *вѣдѣхъ*, и не означающее никакого условія. Напротивъ того *быхъ вѣдѣхъ*, и пр. есть прошедшее условное, такъ какъ *бждѣ вѣдѣхъ*, будущее условное.

Стр. 20. Приставка *тъ* въ прошедшемъ протяженномъ *блшетъ* не можетъ названа быть личною примѣтою: это просто приставка для благозвучія, также какъ и *тъ* въ прошедшемъ совершенномъ нѣкоторыхъ глаголовъ, напр. *ѣ-тъ*, *пи-тъ*.

Стр. 21. Причастіе прошедшее склоняемое средняго рода поставлено съ окончаніемъ на *ше*, т. е. съ полнымъ окончаніемъ, между тѣмъ, какъ причастія мужескаго и женскаго рода показаны только съ усѣченнымъ окончаніемъ: *дѣлавъ*, *дѣлавша*. Въ усѣченномъ окончаніи средняго рода причастія долженъ быть сходенъ съ мужескимъ: *дѣлавъ*.

Стр. 31. Увеличительныхъ окончаній конечно нѣтъ въ Старославянскомъ языкѣ, но уменьшительныя есть: муж. *ице*, жен. *ица*, ср. *ице*, напр. *градѣице*, отъ градъ; *дѣицица*, отъ дѣска; *свѣтилице* отъ свѣтило.

Стр. 34. § 43. Дательный на *ови* и *еви* встрѣчается въ словахъ многосложныхъ не только тогда, когда слово обильнѣе гласными, чѣмъ согласными; монсеи, монсеови и проч.; но и тогда, когда согласныхъ болѣе: напр. архитриклннѣ, архитриклннови; господь, гѣсподеси.

Стр. 35. § 44. Въ именит. множ., кромѣ *сѣни*, употребляется и *сѣнове*.

Стр. 41. § 34. *Божѣ* неупотребительно. Притяжательныя отъ *богъ*, *врагъ*, имѣютъ только одно окончаніе для каждаго рода: *ин*, *иѣ*, *иѣ*, — *божин*, *божинѣ*, *божинѣ*. Напротивъ того отъ *господь* производится только притяжательное на *иѣ*: *господиѣ*, *господиѣ*, *господиѣ*. Слѣдовательно *господиѣ* неправильно.

Стр. 47. § 65. Приимчаніе. Въ Греческомъ текстѣ конечно употреблено множественное число *ἡμεῖς*, потому что Греч. языкъ Новаго завета не имѣлъ уже двойственного числа; но Словенскій переводчикъ строго сохраняетъ двойственное тамъ, гдѣ говорится о двухъ лицахъ, а потому я и полагаю, что *сѣси* самъ и *иѣ* значить: спаси себя и насъ обоихъ; слѣдовательно *иѣ* двойственное число.

Стр. 60. § 103. с) сказано: при обозначеніи движенія *откуда*, предложъ *сѣ* управляетъ винительнымъ вмѣсто родительнаго *сѣсѣдѣиѣ* *сѣ* *конь*. Но тутъ нѣтъ винительнаго: *сѣ* *конь*, т. е. съ коней, есть родительный падежъ.

Желательно, чтобы авторъ исправилъ при второмъ изданіи вкравшіяся въ книгу его опечатки и невѣрныя показанія. Укажемъ здѣсь важнѣйшія:

Стр. 6. Милетія. Читай: Мелетія.

Стр. 41. О родѣ невѣрны и развращенъ. Не вѣрно написано изъ Остром. Ев. Должно быть: *ω* роде невѣрны и развращенъ.

Стр. 47. Въ склоненіи мѣстоименія 3 лица родит., дат. твор. и предлож. множ. числа поставлены: *ихъ* или *нихъ*, *имъ* — *нимъ*, *ими* — *ими*, *ихъ* — *нихъ*. Здѣсь *ихъ*, *имъ*, *ими* опечатки, вмѣсто *нихъ*, *нимъ*, *ими*, *нихъ*.

Стр. 60. *изяславъ князь правлѣше*. Читай: *изяславъ князь правлѣше.... пороучи правити близоукоу*. Читай: *пороучи правити близоукоу* и пр.

— Grammatik der böhmischen Sprache von J. N. Kopěčný. 4 Auflage. Wien, 1852 (8°: 343).

Изъ числа практическихъ грамматикъ Чешскаго нарѣчія это одна изъ лучшихъ.

— Kapesní slovník polsko-český a česko-polský. Vzdělal I. B. Podstranský. Díl I. V Praze. 1852. (16°: 477 + 40).

Въ изданномъ первомъ томѣ, кромѣ очень короткой грамматики, заключается словарь Польско-Чешскій, очень пригодный для сподручнаго употребленія. Добавительная статья о *sjednoscí řeči Česko-Polské* занимательна по оригинальности, но едва ли можетъ назваться современною по мысли.

— Dodavky ke Slovníku Josefa Jungmanna. Sebrat a vydal Dr. F. L. Čelakovský. V Praze. 1851. (4°: IV + 66).

Словарь I. Юнгманна, изданный въ Прагѣ, 1835—1839, въ пяти огромныхъ томахъ въ 4°, принадлежащій къ небольшому числу лучшихъ Европейскихъ Словарей, не смотря на поразительное множество матеріала, въ немъ собраннаго и разобраннаго, все еще не полонъ — и особенно въ отношеніи а) къ языку древнему и старинному и б) къ языку простонародному. В. В. Челяковскому удалось собрать до 4000 такихъ словъ, оцущенныхъ Юнгманномъ.

— Српски рјечник и тумачен Немачкијем и Латинскијем ријечима. Скупно га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу. 1852. Lexicon Serbico-Germanico-Latinum. Viennae (8°: XVI + 863).

Объ этомъ важномъ достояніи современной филологіи Славянской было уже упомянуто въ Извѣстіяхъ (стр. 24—26) еще до выхода его въ свѣтъ. Къ тому, что сказано, прибавимъ пока еще то, что въ этомъ новомъ изданіи нѣтъ грамматическаго введенія, какое было въ изданіи первомъ; нѣтъ и нѣкоторыхъ подробностей въ самомъ словарѣ. Зато прибавлено множество новыхъ словъ и объясненій, такъ, что онъ увеличился теперь почти вдвое.

— Статьи, касающіяся древняго Славянскаго языка. В. Григоровича. Казань. 1852 (8°: 108).

Въ этой новой книжкѣ почтеннаго профессора и нашего корреспондента, любознательный читатель найдетъ для себя пищи не менѣе, чѣмъ въ книгахъ, прежде имъ изданныхъ: въ Опытѣ изложенія литературы Славянъ (Казань. 1843) и въ Очеркѣ путешествія по Европейской Турціи (Казань. 1848). Кромѣ рѣчи о значеніи Церковно-Славянскаго языка (1—25), здѣсь помѣщены записки: — О трудахъ, касающихся древняго Славянскаго языка до М. Смотрицкаго (26—52), Предварительныя свѣденія, касающіяся литературы Церковно-Славянской (53—70) и О древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянскій литературы (71—108). Последняя статья извѣстна читателямъ Извѣстій (стр. 86 и слѣд.).

— Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона. Сочиненіе С. Н. Палаузова. СПб. 1852 (8°: VIII + 166).

— Русская поэзія XVII вѣка. Сочиненіе О. Буслаева. М. 1852 (8°: 71). Это отдѣльный оттискъ трехъ любопытныхъ статей, помѣщенныхъ въ Москов. Вѣдомостяхъ.

— Josefa Jungmanna Historie literatury české aneb saustavný přehled spisů Českých s kratkou historií národu, osvěcení a jazyka. Druhé vydání. V Praze. 1849. (болш. 8°: VI—771).

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Сергія Соловьева. Томъ 2-й. М. 1852 (8°: 430—LVI—451 и 4 таблицы).

Въ концѣ этого тома, какъ дополненіе къ первому тому, изданному въ прошломъ году (8°: XII—279—LXI—14), помѣщено любопытное для филологовъ письмо О. П. Буслая (стр. 13—48).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за Апрель 1852 года.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Второе Отдѣленіе имѣло шесть засѣданій: 10, 12, 17, 19, 24 и 26 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ П. П. Давыдова, присутствовали Академики А. С. Поровъ, П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Штеиневъ, І. С. Кочетовъ, Я. П. Березниковъ, М. А. Коркуновъ и П. П. Срезневскій.

Его Императорское Величество, въ приказѣ по Гражданскому вѣдомству, 3 Апрѣля, Высочайше соизволивъ объявить Монаршее благоволеніе Предсѣдательствующему въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Давыдову и прочимъ Академикамъ Императорской Академіи Наукъ, участвовавшимъ въ изданіяхъ двухъ Опытовъ: Общесравнительной Грамматики Русскаго языка и Областнаго Великорусскаго Словаря, за дѣятельные ихъ труды.

II.

Общій Словарь Русскаго языка.

Корреспонденты Академіи Наукъ П. П. Гречъ и В. П. Даль представили въ Отдѣленіе замѣчанія свои на мнѣніе Г. Предсѣдательствующаго о новомъ изданіи Русскаго Словаря. По прочтеніи означенныхъ замѣчаній, опредѣлено имѣть ихъ въ виду при разсужденіяхъ о новомъ изданіи Русскаго Словаря.

III.

Областные Словари.

П. П. Срезневскій представилъ дополненія къ Областному Великорусскому Словарю на буквы Г, Д, Е, содержащія 106 словъ, не находящихся въ означенномъ Словарѣ. Передано А. Х. Востокову.

Читано отношеніе В. В. Григорьева изъ Оренбурга, съ препровожденіемъ списка словъ, помѣщенныхъ въ Областномъ Великорусскомъ Словарѣ и имѣющихъ начало въ языкахъ Арабскомъ, Персидскомъ, разныхъ Турецкихъ нарѣ-

чіяхъ и Монгольскомъ. По полученіи остальныхъ листовъ Словаря, г. Григорьевъ обѣщается доставить объясненія такого же рода относительно словъ отъ У до Я. Списокъ словъ переданъ Редактору Извѣстій. *) Опредѣлено: благодарить г. Григорьева и препроводить къ нему послѣдніе листы Областнаго Великорусскаго Словаря.

Читано письмо Почетнаго Члена Отдѣленія П. А. Катенина, къ Г. Предсѣдательствующему; при письмѣ этомъ присланы Дополненія къ Областному Великорусскому Словарю. Дополненія переданы А. Х. Востокову. Опредѣлено благодарить г. Катенина.

Читано письмо Профессора Александровскаго Университета Я. К. Грота къ Г. Предсѣдательствующему, съ препровожденіемъ объясненій нѣкоторыхъ словъ, помѣщенныхъ въ послѣднихъ листахъ Областнаго Великорусскаго Словаря. Переданы Редактору Извѣстій **). Опредѣлено благодарить Г. Грота.

Академикъ III-го Отд. А. М. Шегренъ доставилъ Г. Предсѣдательствующему, при письмѣ отъ 9 Апрѣля, замѣчанія на слова, помѣщенные въ Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря отъ буквы А до Н и дополненія, состоящія или въ пропущенныхъ словахъ или въ указаніи губерній и уѣздовъ, не означенныхъ въ Словарѣ. П. П. Срезневскій, которому Отдѣленіе поручало рассмотреть сіи замѣчанія и дополненія представилъ мнѣніе, что онѣ достойны полной признательности и займутъ почетное мѣсто частию въ Дополненіяхъ къ Великорусскому Словарю, частию въ Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря, и что замѣчаніями г. Шегрена онѣ надѣется воспользоваться въ первыхъ же листахъ помннутыхъ Матеріаловъ. Дополненія переданы А. Х. Востокову.

Исправляющій должность Директора Училищъ Вологодской губерніи Фортунатовъ представилъ, отъ имени Младшаго Учителя Русскаго языка Титова, собраніе Вологодскихъ словъ, которое и передано А. Х. Востокову.

Полученъ въ Отдѣленіи отъ неизвѣстнаго Сборникъ областныхъ словъ, извлеченныхъ изъ Записокъ Географическаго и Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества и Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Сборникъ переданъ А. Х. Востокову.

Розданъ присутствовавшимъ Членамъ Отдѣленія отпечатанный нынѣ шестой листъ Словаря Западно-Русскаго нарѣчія.

III.

Грамматика.

Читано письмо Профессора Александровскаго Университета Я. К. Грота къ Г. Предсѣдательствующему, при

*) Напечатанъ въ VI—VII лист. Прибавленій, въ Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснит. Словаря, стр. 14 и слѣд.

**) И напечатаны въ VIII листѣ Прибавленій въ Матеріалахъ для Словаря, стр. 38 и слѣд.

которомъ препровождены *Замѣчанія о спряженіи Русскаго глагола*. Замѣчанія переданы Редактору Извѣстій. Определено: благодарить Г. Грота.

Читано письмо Протоіерея Г. П. *Павскаго*, въ которомъ онъ сообщаетъ нѣсколько замѣчаній въ подтвержденіе мнѣнія своего о томъ, что буквы *ѣ* и *ѥ* суть придыханія.

IV.

Изданіе памятниковъ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ П. М. *Снегиревъ* препроводилъ къ Г. Предсѣдательствующему, при письмѣ отъ 7 Апрѣля, два извѣстія о пришествіи въ Москву Ростовскаго Митрополита Филарета Никитича: одно, заимствованное изъ рукописи Синодальной Библіотеки подъ № 203 и подъ заглавіемъ *Сказаніе извѣстно, когда и въ какое время въ велицѣй Россійскій земли просія и проч.* и другое — отрывокъ изъ литографированной Лѣтописи, гдѣ помѣщено краткое, но согласное съ Лѣтописью о мятѣжахъ извѣстіе о пришествіи Митрополита Филарета. Определено: благодарить Г. Снегирева.

Инспекторъ Пермской Семинаріи Іеромонахъ Макаріи доставилъ въ Отдѣленіе слѣдующія статьи:

1) Примѣрный разговоръ крестьянъ Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи, Протоіерея Самсона Палынова.

2) Этнографико-лингвистическія замѣтки по городу Семенову Нижегородской губерніи.

3) Разговоръ крестьянъ села Высокаго, близъ Нижняго Поволжья.

4) Образцы разговорной рѣчи крестьянъ Горбатовскаго уѣзда: а) села Тумботина, записанные Священникомъ Петромъ Милоновымъ и Михаиломъ Орловымъ, б) села Арапова Священникомъ Федоромъ Любимцовымъ, в) села Чмута Священникомъ Василиемъ Аргентовымъ, г) села Павлова Священникомъ Михаиломъ Соколовымъ.

5) Нѣкоторыя черты, характеризующія народный бытъ жителей Арзамасскаго уѣзда, Священника Іоанна Покровскаго.

6) Краткія извѣстія о нравственномъ и вещественномъ бытѣ: а) Русскаго населенія между городами Сергачемъ и Лукоянами, Священника Григорія Фіалковского и б) жителей Сергачскаго уѣзда села Покрова и приходовскихъ къ оному деревень.

7) Разговоръ Священника съ новокрещеннымъ изъ Морды крестьяниномъ о прежней его вѣрѣ и обрядахъ, въ Тересоньской волости Нижегородскаго уѣзда.

Статьи сіи переданы Редактору Извѣстій. Определено: благодарить Іеромонаха Макарія за ихъ доставленіе.

Директоры Училищъ Пензенской губерніи *Лубкинъ*, Тамбовской — *Самойловъ*, Саратовской — *Мейеръ*, Тамбовской — *Дзюбинъ*, Минской — *Десницкій* и Ярославской — *Кон-*

шинъ увѣдомляютъ Отдѣленіе, о разсылкѣ къ Штатнымъ Смотрителямъ и Учителямъ ихъ Дирекцій Программы для собранія образцовъ народнаго Русскаго языка и словесности. Сверхъ того Директоръ *Коншинъ* сообщаетъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи подробныхъ свѣдѣній о говорѣ и происхожденіи живущихъ въ Моложемскомъ уѣздѣ Ситкарей. *)

Исправляющій должность Директора Училищъ Вологодской губерніи *Фортуатовъ* увѣдомляетъ Г. Предсѣдательствующаго, что всѣ Штатные Смотрители Уѣздныхъ Училищъ и Учителѣ ихъ же училищъ Вологодскаго — *Николенко*, Тотемскаго — *Ероховъ*, Касаткинъ и *Иконниковъ*, Устюжскаго — *Горбуновъ* и *Поповъ* и Сольвычегодскаго — *Ивановъ* и *Титовъ* изъявили готовность свою къ собранію образцовъ народнаго Русскаго языка и словесности по доставленной къ нимъ Программѣ. Выѣстъ съ тѣмъ Г. Фортуатовъ представилъ отъ имени Младшаго Учителя Русскаго языка *Титова* «Распросныя рѣчи крестьянъ деревни Середнево, о ссорѣ Священника Исаи съ крестьяниномъ Семеномъ Романовымъ, 1644 года Сентября 17». Памятникъ этотъ, по снятіи съ него копій, возвращенъ Г. Фортуатову для передачи Г. Титову.

V.

Извѣстія.

Читаны и одобрены къ печати 9, 10, 11 и 12 листы Извѣстій и VI—VIII листы Прибавленій.

Г. Предсѣдательствующій возвратилъ въ Отдѣленіе разсмотрѣнное имъ сочиненіе Г. *Гильфердинга* подъ заглавіемъ: *Обо отношеніяхъ Санскритскаго языка съ Литовскимъ къ Русскому*, и объявилъ, что это сочиненіе примѣчательно во многихъ отношеніяхъ и заслуживаетъ быть извѣстно публикѣ. Определено: напечатать при Извѣстіяхъ.

VI.

Особыя чтенія.

Чтенія о современной Литературѣ открыты вступительной Запиской Г. Предсѣдательствующаго. За тѣмъ читаны записки: Г. Предсѣдательствующаго: о значеніи *Гоюля въ Русской Литературѣ* и П. А. *Плетнева*: о В. А. *Жуковскомъ*. Определено: напечатать въ Извѣстіяхъ **).

По полученіи извѣстія о кончинѣ Академика В. А. *Жуковскаго*, Г. Предсѣдательствующій прочелъ записку, посвященную памяти покойнаго Академика. Определено: напечатать въ Извѣстіяхъ ***).

Г. Вице-Президентъ Академіи Наукъ сообщаетъ Г. Предсѣдательствующему, что Г. Министръ Народнаго Про-

*) См. приложение V къ протоколамъ.

**) Смотри въ предъидущемъ выпускѣ и продолженіе въ вышедшемъ.

***) Напечатана тамъ же.

свѣщенія изъявилъ согласіе на выдачу Академику *Погодину*, на окончаніе изданія его Изслѣдованій о древней Русской исторіи, тысячи рублей серебромъ изъ остаточныхъ суммъ Отдѣленія. Определено: увѣдомить Г. Погодина.

Г. Предсѣдательствующій предложилъ Отдѣленію о необходимости перевода на Русскій языкъ нѣкоторыхъ филологическихъ статей изъ сочиненій Вильгельма Гумбольдта. Поручено И. И. Срезневскому выбрать переводчика.

за Май 1852 года.

Въ Май мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло девять засѣданій, а именно: 1, 3, 10, 15, 17, 22, 24, 29 и 31 числа. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ И. И. Давыдова, присутствовали Академики: А. С. Норовъ, П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, Н. А. Плетневъ, І. С. Кочетовъ, Я. И. Бердниковъ, М. А. Коркуновъ и И. И. Срезневскій.

II.

Общій Словарь Русскаго языка.

Отдѣленіе занималось разсмотрѣніемъ мнѣнія Г. Предсѣдательствующаго о новомъ изданіи Словаря, равно и замѣчаній на оно Академика Розберга, корреспондентовъ Греча и Даля и постороннихъ ученыхъ: Протоіерея Павскаго, профессоровъ Грота и Буслаева. По соображеніи всѣхъ основныхъ положеній для сего важнаго труда и по сдѣланіи Членами различныхъ измѣненій, Отдѣленіе, соглашаясь съ оными, опредѣлило напечатать въ Извѣстіяхъ какъ мнѣніе Предсѣдательствующаго, такъ и всѣ вышеупомянутыя замѣчанія. Но желая еще болѣе убѣдиться въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, положило составить пробный листъ Словаря, дабы оно могло утвердить оныя окончательно. Составленіе пробнаго листа приняли на себя Предсѣдательствующій и Академикъ И. И. Срезневскій. Между тѣмъ, Отдѣленіе предоставило Предсѣдательствующему выбрать шрифтъ и форматъ для новаго изданія Словаря.

Заслуженный Профессоръ О. И. Эррманъ, узнавъ изъ чтенія Извѣстій, что Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ желаетъ воспользоваться замѣчаніями ученыхъ ориенталистовъ о словахъ, заимствованныхъ изъ языковъ Восточныхъ, сообщаетъ въ Отдѣленіе перечень статей и сочиненій, въ которыхъ онъ объясняетъ значеніе нѣкоторыхъ Русскихъ словъ.—Опредѣлено: просить его о сообщеніи своихъ замѣчаній на слова, помѣщенные въ Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря и слова, заимствованные изъ языковъ Восточныхъ.

Адъюнктъ Академіи Наукъ Д. М. Перевощиковъ представилъ г. Предсѣдательствующему составленные имъ опредѣленія математическихъ и астрономическихъ терминовъ на буквы *г* и *д*. Определено: благодарить г. Перевощикова,

и составленные имъ опредѣленія внести въ свое время въ Словарь.

III.

Областные Словари.

Исправляющій должность Адъюнкта въ Московскомъ Университетѣ П. В. Петровъ, по приглашенію Отдѣленія, составилъ списокъ Восточныхъ словъ, находящихся въ Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря на буквы *а — н*. Представляя этотъ списокъ, г. Петровъ обѣщается въ непродолжительномъ времени доставить окончаніе своего ученаго труда. Списокъ этотъ переданъ Редактору Извѣстій, а г. Петрова опредѣлено благодарить и просить его, не согласится ли онъ принять на себя просмотръ Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка и отмѣтить въ немъ слова, заимствованные изъ извѣстныхъ ему Восточныхъ языковъ и въ случаѣ согласія его препроводить къ нему означенный Словарь.

М. А. Коркуновъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что занимающійся по порученію Отдѣленія редакціею Словаря Западно-Русскаго нарѣчія О. Протоіерей І. І. Григоровичъ отпечаталъ седьмой листъ означеннаго Словаря.

И. И. Срезневскій представилъ замѣчанія Профессора Главнаго Педагогическаго Института П. П. Дубровскаго, касательно Областныхъ Великорусскихъ словъ, сходныхъ съ Польскими, полагая, что эти замѣчанія достойны занять мѣсто въ Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря, печатаемыхъ Прибавленіями къ Извѣстіямъ Отдѣленія. Определено: напечатать въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ.

И. И. Срезневскій представилъ Отдѣленію о важности объясненія, помощью языка Греческаго, особенно новаго, словъ Великорусскаго областнаго языка, сходныхъ съ Греческими, но перешедшихъ въ народное употребленіе не изъ книгъ. Определено: войти по сему предмету въ сношеніе съ г. Палазузовымъ, знающимъ основательно языкъ Греческій и нѣкоторыя изъ Славянскихъ нарѣчій.

Директоръ Училищъ Архангельской губерніи Никольскій препроводилъ въ Отдѣленіе, отъ 7 Мая, составленную Штатнымъ Смотрителемъ Холмогорскаго Уѣзднаго Училища *Базилевскимъ* записку объ особенностяхъ тамошняго говора. Записка сія передана Редактору Извѣстій, а гг. Никольскаго и Базилевскаго опредѣлено благодарить и просить сего послѣдняго о собираніи богатыхъ былинъ.

III.

Грамматика.

Отдѣленіе, имѣя въ виду, что Общесравнительной Грамматики Русскаго языка за продажей и безденежною разсылкою остается въ настоящее время только 52 экземпляра, опредѣлило прекратить выдачу книгопродавцамъ на ком

мисію означенной Грамматикѣ и немедленно приступить къ новому ея изданію.

Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія, по приказанію Его Сіятельства г. Министра, препроводилъ къ Г. Предѣдательствующему, отъ 20 Мая, составленное г. *Бѣраномъ* «Пачертаніе Русскаго языка», для разсмотрѣнія во Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ. Рукопись эта передана для разсмотрѣнія А. Х. Востокову.

А. Х. *Востоковъ* внесъ въ Отдѣленіе записку о Старославянской Грамматикѣ г. Перевѣскаго. Записка эта передана Редактору Извѣстій для напечатанія *).

Въ числѣ замѣчаній г. Микущаго, особеннаго вниманія, по мнѣнію П. П. *Срезневскаго*, достойна небольшая записка, въ которой г. Микущій объясняетъ значеніе существительныхъ, оканчивающихся на *торъ, тро, дро, дло*. П. П. *Срезневскій*, получившій замѣчанія отъ г. Микущаго, внесъ въ Отдѣленіе эту записку, какъ объясненіе его мнѣнія въ отношеніи къ тому замѣчанію, которое сдѣлано г. Срезневскимъ въ запискѣ, поданной имъ о Словарѣ г. Микущаго, и напечатанной во 2-мъ выпускѣ Извѣстій. **)

ЕВ.

Изданіе памятниковъ.

Высокопреосвященные *Филаретъ*, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, и *Цинкоентій*, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій, увѣдомляютъ г. Предѣдательствующаго, отъ 30 Апрѣля и 5 Мая, что Духовнымъ Правленіемъ и благочиннымъ подвѣдомственныхъ имъ Епархій предписано собирать свѣдѣнія о мѣстныхъ говорахъ. Определено: благодарить Высокопреосвященныхъ *Филарета* и *Цинкоентія*.

П. П. *Срезневскій* внесъ въ Отдѣленіе трудъ В. П. *Григоровича*, присланный имъ для помѣщенія въ Извѣстіяхъ: «Службы св. Кириллу и Меедію» древній текстъ съ объяснительными примѣчаніями. Какъ текстъ такъ и примѣчанія очень важны для изучающихъ древности Славянскаго языка. При семъ П. П. *Срезневскій* замѣчаетъ, что такъ какъ памятникъ, приготовленный къ изданію В. П. *Григоровичемъ* принадлежитъ къ числу древнихъ, то необходимо напечатать его безъ всякихъ измѣненій, имѣя въ виду одиѣ филологическія требованія. Определено: означенныя «Службы» препроводить предварительно для разсмотрѣнія въ Духовную Цензуру.

П. П. *Срезневскій* представилъ полученную имъ отъ корреспондента Академіи Наукъ, Профессора В. П. *Григоровича* рукопись грамматическаго содержанія. Профессоръ *Григоровичъ* приноситъ ее въ даръ Второму Отдѣленію Академіи. По мнѣнію П. П. *Срезневскаго* эта рукопись заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ памятниковъ филоло-

гической дѣятельности нашихъ предковъ: хотя извлеченіе изъ нея и напечатано г. *Григоровичемъ* въ «Статьяхъ касательно Старославянскаго языка», но было бы любопытно услышать о ней отзывъ и А. Х. Востокова. — Означенная рукопись передана для разсмотрѣнія А. Х. Востокову.

Кандидатъ Московскаго Университета С. П. *Палаузовъ* прислалъ къ П. П. *Срезневскому*, для представленія Отдѣленію, Русское извлеченіе изъ Житія Климента, которое до сихъ поръ извѣстно было только въ Греческомъ текстѣ и въ Латинскомъ извлеченіи Ф. Миклошича. П. П. *Срезневскій* полагаетъ, что это извлеченіе достойно быть сообщеннымъ читателямъ Извѣстій.

О. Протоіерей *Николай Курбановскій* препроводилъ въ Отдѣленіе: пословицы и поговорки и пр., употребляемыя простымъ народомъ въ Орловскомъ и Котельничскомъ уѣздахъ Вятской губерніи; передано П. П. *Срезневскому* и определено: благодарить О. Протоіерея *Николая Курбановскаго*.

Директоры Училищъ Кіевской и Екатеринославской губерній сообщаютъ г. Предѣдательствующему, отъ 25-го Апрѣля и 2-го Мая, что они пригласили учителей гимназій, Штатныхъ Смотрителей и уѣздныхъ учителей къ собиранію образцовъ народнаго языка и словесности и думъ съ ихъ напѣвами.

Служащій въ Конторѣ Архангельскаго Коммерческаго Банка Л. А. *Прушакевичъ* прислалъ на имя П. П. *Срезневскаго* выписки изъ принадлежащаго ему Сборника суевѣрій и обрядовъ народныхъ. Определено: просить г. *Прушакевича* о доставленіи означеннаго Сборника.

Въ Библіотекѣ Академіи Наукъ, подъ вѣдѣніемъ Академика Я. П. *Берединова*, между прочими рукописями, хранятся двѣ грамоты, принадлежащія къ числу замѣательнѣйшихъ памятниковъ древней югославянской письменности. Грамоты эти теперь издавы *Шафарикомъ* въ «Изборѣ изъ Югославянскихъ рукописей» — до какой степени вѣрно, объ этомъ можно судить только по слѣченію съ подлинниками. П. П. *Срезневскій*, представляя эти обстоятельства на видъ Отдѣленія, просилъ Г. Предѣдательствующаго о дозволеніи воспользоваться этими грамотами для библіографической записки о книгѣ *Шафарика*. Определено: просить Я. П. *Берединова*, завѣдывающаго I Отдѣленіемъ Академической Библіотеки, выпискою изъ Протокола, о представленіи въ Отдѣленіе Сербскихъ грамотъ для передачи П. П. *Срезневскому*.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ засѣданіи 29 Мая прочтено допосеніе Академика Я. П. *Берединова* о Сербскихъ подлинныхъ грамотахъ XII и XV вѣка, внесенныхъ имъ въ Отдѣленіе, и о двухъ пергаменныхъ листкахъ и харатейной глаголической рукописи, хранищейся въ Академической Библіотекѣ. Сербскія грамоты переданы Редактору Извѣстій.

*) См. выше стр. 234.

**) См. Приложение VIII.

Г. Директоръ Новгородской Гимназіи О. П. Эрмандъ доставилъ Г. Предсѣдательствующему, при отношеніи отъ 15 Мая, старинную сказку объ Акирѣ премудромъ и о сынѣ его Ападайѣ, представленную Младшимъ учителемъ тамошней гимназіи Иваномъ *Куріиновымъ*. Сказка эта передана Редактору Извѣстій, а гг. Эрмана и Куріинова опредѣлено благодарить.

М. А. *Коркуновъ* внесъ въ Отдѣленіе присланныя къ нему священникомъ села Навлова (Нижегородской губерніи) Евграфомъ *Фаворскимъ* старинныя былинны, списанныя со словъ простолюдиновъ, съ сохраненіемъ мѣстнаго произношенія. Опредѣлено: благодарить священника Е. Фаворскаго и препроводить къ нему экземпляръ Опыта Областнаго Великорусскаго Словаря.

М. А. *Коркуновъ* представилъ присланный къ нему Графомъ А. С. *Уваровымъ*, для внесенія въ Отдѣленіе, харатейный Октоихъ. Опредѣлено: благодарить графа А. С. Уварова, а рукопись передать, для разсмотрѣнія въ филологическомъ отношеніи, А. Х. Востокову.

Разсмотрѣнный А. Х. *Востоковымъ* этотъ памятникъ подалъ ему поводъ къ запискѣ, у сего прилагаемой. *)

VI.

Извѣстія.

Г. Предсѣдательствующій предложилъ Отдѣленію: Матеріалы для словаря сравнительнаго и объяснительнаго печатать, сверхъ нужнаго числа экземпляровъ для приложения къ Извѣстіямъ, отдѣльно, съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы въ послѣдствіи выдать ихъ особою книгою. Отдѣленіе согласилось съ предположеніемъ г. Предсѣдательствующаго.

Читано письмо корреспондента Академіи Наукъ В. С. *Караджича* къ г. Предсѣдательствующему, изъ Вѣны, отъ 15 Апрѣля, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что если болѣзнь позволитъ ему заниматься, то онъ съ удовольствіемъ приметъ участіе въ Извѣстіяхъ Отдѣленія, но только на Сербскомъ, а не на Русскомъ языкѣ. При томъ же письмѣ г. Караджичъ препроводилъ для бібліотеки Отдѣленія экземпляръ вновь изданнаго имъ Сербскаго Словаря.

В. А. *Мацневскій* прислалъ къ Г. Предсѣдательствующему при письмѣ отъ 18 Мая, Біографію Смотрщика на Польскомъ языкѣ. Статья сія передана Редактору Извѣстій для напечатанія въ Русскомъ переводѣ.

VII.

Особенныя чтенія.

Г. Вице-Президентъ Академіи Наукъ Князь С. П. *Давыдовъ* передалъ въ Отдѣленіе рукопись подъ заглавіемъ:

*) См. Приложение IX.

Хронографія или достопамятнаго происшествія, бывшаго въ нынѣшнемъ 1781 году, въ посѣщеніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ города Кіева и магистрата для памяти потомственной въ Кіевскомъ магистратѣ хранимое описаніе. Опредѣлено: благодарить г. Вице-Президента и передать означенную рукопись для разсмотрѣнія Я. П. *Березникову*.

Читано письмо священника Іоанна Базарова подъ заглавіемъ: «Послѣдніе дни Жуковскаго»). Отдѣленіе, видя въ сочинителѣ сего письма даровитаго литератора, и обращая вниманіе на близкія сношенія съ покойнымъ Академикомъ, поручило. І. С. Кочетову пригласить О. Іоанна Базарова о сообщеніи въ Отдѣленіе подробныхъ свѣдѣній о послѣднихъ годахъ жизни и послѣднихъ трудахъ Жуковскаго и о доставленіи, въ случаѣ возможности, выписокъ изъ неопечатанныхъ его сочиненій.

Г. Предсѣдательствующій предложилъ ваканцію Ординарнаго Академика, открывшуюся смертію В. А. Жуковскаго, замѣтить Экстраординарнымъ Академикомъ С. П. *Шевыревымъ*, а на его мѣсто въ Адъюнкты Академіи избрать одного изъ трехъ слѣдующихъ кандидатовъ Профессоровъ: *Буслаева*, *Грота*, *Дубровскаго*. Опредѣлено: приготовить записки о литературныхъ и ученыхъ трудахъ означенныхъ кандидатовъ.

Отдѣленіе, предполагая собирать диссертации на ученныя степени и другія изданія, имѣющія предметомъ филологію и сродныя съ нею науки, опредѣлило войти въ сношеніе съ гг. Ректорами Университетовъ и просить ихъ о доставленіи, въ замѣтъ изданій Второго Отдѣленія, всѣхъ сочиненій означеннаго содержанія, издаваемыхъ при Университетахъ.

Читано отношеніе мѣщанина *Мельникова* въ Отдѣленіе, отъ 13 Апрѣля, съ препровожденіемъ описанія и рисунка Зырянской бани. Въ томъ же отношеніи проситъ г. Мельниковъ о присылкѣ къ нему программы для собранія образцовъ народнаго Русскаго языка и словесности и указанія вѣрнаго средства для возобновленія красныхъ и черныхъ чернилъ на пергаментѣ и бумагѣ, и упоминаетъ, что древнія на пергаментѣ письма могутъ содержать извѣстіе объ Удорскихъ Книзяхъ и что въ Зырянскихъ находкахъ на поверхности земли начинаютъ оказываться Чудскіе металлическіе божки. Опредѣлено: описаніе Зырянской бани поручить Академику П. П. Срезневскому передать въ Этнографическое Отдѣленіе Географическаго Общества и просить г. Мельникова о доставленіи, хотя на время, древнихъ на пергаментѣ писемъ.

*) См. Приложение X.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

VIII.

Записка объ окончаніяхъ *торъ, тро, дро, дло.*

С. И. Микуцкаго.

Въ санскритѣ приставкою *ана* образуются отглагольные существительныя, тождественныя съ Славянскими на *на* (напр. *джанана*—знаніе) и съ Нѣмецкими неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Также приставкою *ита* образуются отглагольныя имена, тождественныя съ Латинскими на *tus*, Славянскими на *омъ, емъ* и Древне-Нѣмецкими на *ot, od*. Напр. *дживита* (*vita*) = животъ, *лапита* (*voice or speech*) = лепеть; *расита* (*fragor*) = грохотъ, и пр. Древне-Нѣмецкія: *klagot* (*ptoratus, gemitus*), *klafod* (*strepitus*), *trettod* (*conculcatio*), *slagod* (*pulsus*), и пр.

Въ Санскритѣ приставкою *тра*, образуются имена означающія по большей части *орудіе, посуду*, напр. *патра*, собственно *паттра* (*ala*) отъ *пат* (*volare*) — *матра* (*mensura*) отъ *ма* (*metiri*), *вастра* (*vestis*) отъ *вас* (*induere*), *вактра* (*os, oris*) отъ *вач* (*dicere, loqui*), и пр.

Въ Греческомъ языкѣ: *трон, тра*, напр. *ἄροτρον, ἀρίστρον, δίδακτρον, καλύπτρα, κέντρον, λοῦτρον, λύτρον*. Въ Латинскомъ *trum*, напр. *aratum, rostrum, gastrum, rutrum, haustum*.

Въ Древне-Нѣмецкомъ: *dal, dar, tara, tar*, напр. *wadal* (*frabrum, flabellum*) отъ *wājan, wāhan* (*flare*). — *ruodar*, Анг.-Сакс. *rodher* (*remus*) отъ Анг.-Сакс. *rovan, reovan, revan*, Неланд. *rōa* (*remigare*). — *nadal, nadala* (*acus, Nadel*) отъ *nāhen, nāwan* (*sarcire, nāhen*). — *blātara* (*vesica, bulla*) отъ *blājan*, Анг.-Сакс. *blavan* (*flare*). — *bluostar*, Готск. *blōstr* (*victima, sacrificium*) отъ *blozan*, Готск.; Анг.-Сакс. *blōtan* (*sacrificare, libare, immolare*). — *gelstar* (*vectigal, tributum, sacrificium*) отъ Готск. *gildan* (*reddere*).

Въ Литовскомъ: *klas, kle*, напр. *arklas* (*coxa*) отъ *arti* (*пахать*), *zinklas* (*знакъ*) отъ *zinoti* (*знять*). — *ginklas* (*опужіе*) отъ *genti* (*оборонять, защищать*); отсюда Польское: *ządło*, жало и Греч. *κέντρον*. — *irklas* (*remus*) отъ *irti* (*remigare*); тождественное съ Нѣм. *ru-der*, Польск. *ru-del*, Русск. *ру-ль*. — *gerkle* — горло; ключъ, родникъ, отъ *gerti* (*пить*). Отсюда: *гор-ло, жер-ло*, Польск. *gardło* и *grzodło* (*ключъ, родникъ*), Греч. *βαρά—δρον*.

Въ Славянскомъ языкѣ: *торъ, тро, дро, дло*. Въ юго-восточныхъ нарѣчіяхъ *о* передъ *л* выбрасывается. Напр. *бу-торъ* (отъ *бути, быть*) всякій домашній скарбъ или пожитки. Польск. *fu-tor*, Южно-Русское: *ху-торъ* — усадьба, загородный домъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Чешское *bydlo* — жилище, мѣсто жительства, у Словаковъ: имущество, Польск. *bygło* — рогатый скотъ; Нижне-Нѣм. *Budel*,

— *Güter, Vermögen, Nachlassenschaft*; Англ.-Сакс. *būtl, bōtl, bōld* — *Wohnung, Wohngut, Landgut*.

Отъ Санскр. *па* — *bibere*; *tueri, servare*, происходятъ слова: *путро* — поило для скота изъ воды и муки или отрубей. Польск. *rudło* — коробъ, ящикъ. Анг.-Сакс. *fōdur—rabulum; corpinus, thesa*. — У Словенцевъ: *šidro* (якорь) отъ Санскр. *си* (*ligare, vincere*). Литов. *sieti, pasieti* или *sijti, pasijti* — привязать, прикрѣпить.

IX.

Записка А. Х. Востокова объ Октоихѣ пергаменномъ, принадлежащемъ Графу Алексію Сергѣевичу Уварову.

Писанъ уставомъ XIII вѣка. Правописаніе Сербское.

Начинается на оборотѣ перваго листа заглавіе вязью: «Съ Ёгомъ починаемъ огтанкъ. Вечерныи мѣтвы наше прими сѣи ѿп. и подаѣь намъ оставленіи грѣхомъ. Іако тыи кдинъ извилъ іеси въ мирѣ въскрѣсеніи». Обидѣте людие сѣиѡна и ѡбимѣте н. ѿ дадите славою въ немъ въскрѣшоумоу измрътвыхъ іако тѣъ ксть ёъ нашъ избавляи ны ѿ безаконенъ нашихъ. ѿ. ѿ. ѿ. и т. д.

Главнѣйшія особенности Сербскаго нарѣчія, встрѣчающіяся въ этой рукописи, суть исключительное употребленіе ѣ вмѣсто ѣ, е и и, вмѣсто а и ѡ, напр. распетіи прикѣтъ, вм. распатіи прикѣтъ; углубленіе гласныхъ ии, ѡѡ, напр. всемирноую славою ѿѡ чловѣкъъ прозебшоую.

Часто оу вмѣсто ю, напр. славлоу, вм. славлю; лоутаго, вмѣсто лютаго; но также нѣсколько разъ ю, вмѣсто оу: помилуи, вм. помилюи.

Иногда ѡ вмѣсто и, и на оборотъ и вмѣсто ѡ: змыѡ, вм. змиѡ, земѡ, вм. земѡ; слави, вм. славы.

Въ мѣстахъ употреблено ѡ вмѣсто а: клѣнѣюсе, вм. кланѣюся; прабѣбнѣѡ, вм. прабаниѡ.

Нѣсколько разъ шими, вмѣсто: съ шими.

Въ доказательство Сербскаго происхожденія этой рукописи можетъ служить и то, что тутъ включены молитвы за краля, а именно: Л. 66: «Вѣрнаго краля нашего оутѣди побѣдоу да кмоу на соупостати іако всемоген. Л. 125. подаѣь побѣдоу извѣстною на враги краѣ нашему Ёгогласе. Л. 152: побѣдоу извѣстною подаѣь кралю на соупротивниѣ врагнѣи. Л. 154 на об: бѣсовски плѣки и враги покорепа нѣ позѣ вѣрномоу краѣ нашему мѣща прилежно хѣа за діѣе наше.

Вѣроятно рукопись писана при кралѣ Стефанѣ Урошѣ, потому, что на послѣднемъ листѣ въ концѣ киноварью выставлено его имя большими связными буквами:

СТѢНЬ ѿ. ѿ. ѿ. КРА ѿ. ѿ. ѿ. ШЬ ѿ.

Изъ Сербскихъ государей трое носили это имя. Первый, сынъ Немани храваваго, скончался между 1271 и 1288 г.; второй, сынъ перваго Стефана Уроша, Стефанъ Милутиѣ

Урошъ вѣнчанъ на кралевство 1280 г., скончался въ 1321 г. Третій Стефанъ Урошъ сынъ Стефана царя или императора Сербскаго, родившійся около 1337 г., нареченъ былъ отцемъ своимъ въ 1345 г. слѣдовательно 8-ми лѣтъ отъ роду, кралемъ Сербскимъ, а въ 1355 г. наследовалъ отцу съ титуломъ царя, и убитъ въ 1367 г. Можно полагать, что здѣсь упоминается первый Стефанъ Урошъ, и въ такомъ случаѣ рукопись достоверно принадлежитъ XIII вѣку.

На оборотѣ 122 л. внизу страницы написано уставомъ же, только помелче и блѣднѣйшими чернилами: Ꙗ помените мене грѣшнаго мѣоодина. Можетъ быть это имя писца.

Х.

Последніе дни жизни Жуковскаго.

Письмо къ Редактору Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія изъ Стутгардта 17/29 Апрѣля 1832.

Священника Іоанна Базарова.

Конечно, печальная вѣсть о кончинѣ нашего маститаго Поэта Жуковскаго достигла и до васъ. Богъ судилъ мнѣ быть свидѣтелемъ его предпоследнихъ минутъ: онѣ были такъ христіански-назидательны и такъ поэтически-высоки, что я считаю своимъ священнымъ долгомъ подѣлиться моими собственными впечатлѣніями, которыя я собралъ у смертнаго одра нашего поэта-христіанина, во-первыхъ, съ вами, а чрезъ васъ — и со многими другими, которые уважали въ Василіи Андреевичѣ его талантъ, его душу, его многополезную жизнь.

Еще въ началѣ Великаго поста я получилъ приглашеніе отъ В. А. Жуковскаго пріѣхать къ нему на шестой недѣлѣ для пріобщенія его съ дѣтьми Св. Таинъ, такъ какъ болѣзнь его глаза не позволяла ему самому выѣхать изъ Бадена. Но въ то время, какъ я собирался уже отправиться къ нему, получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ ко мнѣ: «Обстоятельства, которыхъ я не ожидалъ и которыхъ мнѣ пережить нельзя, принуждаютъ меня обратиться къ вамъ и просить васъ переменить наше распоряженіе на счетъ пріѣзда нашего къ вамъ въ Баденъ. Не можете ли вы пріѣхать въ понедѣльникъ на Ооминой недѣлѣ и пробыть до четверга, въ который день я могъ бы причаститься Св. Таинъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми? Добрый старецъ, пиша эти строки, не зналъ того, что это распоряженіе было свыше отъ премудрой воли Божіей, предназначавшей ему вкусить эту послѣднюю радость земной вѣры христіанина за два дня предъ переходомъ его въ вѣчную жизнь, гдѣ онъ долженъ былъ «истѣе причаститься въ невечернемъ дни Царствія Христова».

7/19 Апрѣля, въ понедѣльникъ Ооминой недѣли, я прибылъ въ Баденъ-Баденъ, и нашелъ Василія Андреевича въ постелѣ очень больнымъ. Домашніе его все были погружены въ печаль; какое-то мрачное предчувствіе лежало без-

отчетно на сердцахъ всехъ. Супруга его напередъ предвѣрила меня, что онъ раздумываетъ теперь принять Св. Таинны, надѣясь въ Петровскій постъ исполнить это святое дѣло со всемъ благоговѣніемъ и разсчитывая особенно на радость, ожидавшую его тогда въ семейномъ кругу. Въ этотъ день, такъ какъ уже было довольно поздно, я не могъ его видѣть.

На другой день, въ 11 часу утра я вошелъ къ нему въ спальню. Его первыя слова были: «Ну, теперь нечего дѣлать, надо отложитъ. Вы видите, въ какомъ я положеніи... совсемъ разбитый... въ головѣ не клеится ни одна мысль... какъ же такимъ явиться предъ Нимъ?» Произнося эти слова, онъ постоянно хваталъ себя за голову, какъ будто дѣйствительно его мысли не клеились въ ней. Выслушавъ его, я отвѣчалъ: «Но что бы вы сказали теперь, если бы Самъ Господь захотѣлъ притти къ вамъ? развѣ отвѣчали бы Ему, что васъ нѣтъ дома?» Вмѣсто отвѣта онъ заплакалъ. «Въ святомъ таинствѣ, продолжалъ я, надобно различать двѣ стороны: разъ человекъ пріходитъ къ І. Христу, пища покаянною душею примиренія съ Нимъ; въ другой разъ Онъ самъ пріходитъ къ человеку и требуетъ только отворить Ему двери сердца». Такъ привели мнѣ Его, этого святаго Гостя, проговорилъ онъ сквозь слезы. Подошла его супруга. Онъ взялъ ее за руку и значительно, съ разстановкою говорилъ ей: «вотъ онъ (указывая на меня), какъ полномочный отъ Бога, хочетъ привести ко мнѣ Господа, ко мнѣ недостойному. Какъ я буду счастливъ имѣть Его въ себѣ!» Я общалъ на другой день приготовить его дѣтей исповѣдію и причастить ихъ вмѣстѣ съ нимъ у его кровати. Здѣсь онъ началъ мнѣ говорить, какъ онъ старался учить дѣтей своихъ по изобрѣтеннымъ имъ самимъ таблицамъ. Потребовалъ самыя таблицы; но руки его были слабы; напряженіе мысли затрудняло его. Я успѣлъ уговорить его оставить это до будущаго времени. «Да» — говоритъ онъ — «вы должны будете пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ очень нужно видѣть васъ у себя недѣли двѣтри». Въ это время вошла снова его супруга и стала его упраскивать, чтобы онъ успокоился и не говорилъ такъ много. Но онъ съ примѣтною досадою отвѣчалъ: «Ахъ, мои другъ, что ты такъ заботишься объ этомъ (указывая на тѣло свое) брѣнномъ трупѣ? душа наша важнѣе всего». Однако я поспѣшилъ его оставить, и, освѣдомившись вечеромъ, узналъ, что онъ былъ потомъ въ бреду и забытъ.

9/21 Апрѣля, въ среду, послѣ исповѣди дѣтей, я являюсь къ нему, чтобы приготовить его къ принятію Св. Таинъ. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Вчера меня мучила мысль; какъ чудовище, не хочетъ отойти отъ моей кровати; точно дубиной разбиваетъ душу. Это — дьявольское искушеніе, idée fixe, которая насъ сводитъ съ ума, — мысль: что будетъ съ дѣтьми моими, съ женою моею послѣ меня!» Я на-

помнилъ ему вѣру въ Промыслъ Божій, милости къ нему Государя, его заслуги Престолу и Отечеству. «Да» — отвѣчалъ онъ — «это убѣжденіе есть». — Слезы dokonчили его исповѣдь. «Жизнь, все жизнь» — продолжалъ онъ какъ бы про себя — «исполненная пустоты». Наконецъ я ввелъ къ нему дѣтей его. Онъ вмѣстѣ съ ними прочиталъ Молитву Господню и исповѣданіе предъ причащеніемъ. Причастились дѣти, принялъ и онъ причащеніе. Тотчасъ же въ немъ замѣтна стала переменъ. Онъ умилелся, подозвалъ дѣтей, и сквозь слезы сталъ говорить имъ: «Дѣти мои, дѣти! вотъ Богъ былъ съ нами! Онъ Самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь! радуйтесь, мои милые!» Онъ очень былъ встревоженъ умиленіемъ; я поспѣшилъ его оставить; затѣмъ онъ уснулъ спокойно.

^{10/22} Апрѣля, въ четвергъ, по утру, я вошелъ къ нему, и на вопросъ мой о его здоровьи онъ отвѣчалъ: «Вчера и сегодня мнѣ легко на душѣ. Это блаженство принять въ себѣ Бога, сдѣлаться членомъ Бого-семейства... мысль радостная, блаженная! Но не станемъ ею восхищаться. Это не игрушка! Она должна оставаться, какъ сокровище, въ насъ». Потомъ онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ Юнгъ или даже Маѣ. Я обѣщался пріѣхать, какъ можно скорѣе. Спустя нѣсколько часовъ, я еще разъ зашелъ къ нему. «Вы на пути» — сказалъ онъ мнѣ, — «какое счастье идти куда захочешь, ѣхать куда надо. Не умѣешь цѣнить этого счастья, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нѣтъ его. — Мнѣ бы хотѣлось (продолжалъ онъ), чтобы вы знали, что послѣ меня останется. Я написалъ Поэму; она еще не кончена; я писалъ ее, слѣпой, пылѣнною зиму. Это — «Странствующіи Жидъ» — въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я бы хотѣлъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ меня. Пусть она пойдетъ въ казну дѣтей моихъ. Я начиналъ было переводить ее, диктуя самъ, по Нѣмецки. Но Кернеръ беретъ перевести ее по Нѣмецки въ стихахъ. Пусть его передѣлываетъ по-своему, пусть прибавляетъ, — но мысль мою онъ пойметъ.... Я бы желалъ, чтобы вы знали и мою методу ученія по таблицамъ. Я испробовалъ ее надъ дѣтьми моими. Воображеніе ихъ такъ сильно было приковано къ событію, что они плакали, когда я рассказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа, его Геоманскую молитву. Но вы пріѣдете ко мнѣ, и тогда я покажу вамъ эту методу въ подробности».

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ онъ еще разъ прислалъ за мною. Я вошелъ. Онъ въ одной рукѣ держалъ листъ бумаги, въ другой карандашъ. «Я хочу писать къ Государю», говорилъ онъ, обратясь ко мнѣ. — «Василій (позвалъ онъ человѣка), мы съ тобою будемъ работать ночью. Теперь еще рано. Какой часъ?» — Три часа, отвѣчали ему. «Какъ идетъ время!» Потомъ, обратившись ко

мнѣ, онъ началъ говорить: «Я смерти не боюсь. Я готовъ схоронить жену, дѣтей. Я знаю, что я ихъ отдамъ Богу. Но думать, что ты самъ уходишь, а ихъ оставляешь чувствовать одиночество — вотъ что больно!» Потомъ, помолчавъ, продолжалъ: «но зачѣмъ я задерживаю васъ такими скучными мыслями! Мнѣ надо устроить дѣла мои. У меня все разбросано, въ безпорядкѣ. Вѣрно, оставить все женѣ привести въ порядокъ. Мнѣ ужъ нельзя; вы видите, въ какомъ я положеніи!» При прощаньи онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Прощайте!.... Богъ знаетъ, увидимся ли еще». Я было возразилъ противъ этого надеждою; но онъ отвѣчалъ: «Ахъ! какъ часто я отходилъ такъ отъ одра друзей моихъ, и уже больше ихъ не видалъ!.... Богъ съ вами, Богъ съ вами! Благодарю васъ за эти три дня, въ которые вы мнѣ принесли столько радости». Я вышелъ.

^{12/24} Апрѣля я былъ въ Карлсруэ у П. П. Озерова. По причащеніи дѣтей его, я готовился уже отправиться обратно въ Стутгартъ, какъ приходитъ извѣстіе, что В. А. Жуковский скончался въ ночь съ пятницы на субботу въ 1 ч. и 37 минутъ по полуночи. Въ слѣдъ за тѣмъ получилъ и я письмо отъ человѣка, находившагося неотлучно при покойникѣ до самой послѣдней минуты. Онъ извѣщалъ меня, что еще въ пятницу вечеромъ никто не могъ думать, что нашъ почтенный старецъ такъ скоро кончитъ жизнь свою. Въ часъ по полудни мы отправились вмѣстѣ съ г. Озеровымъ въ Баденъ; съ нами вмѣстѣ прибылъ изъ Франкфурта и старикъ Рейтеръ, безрукій воинъ Русской службы, которому не суждено было принять послѣдній вздохъ своего друга и зятя. Вошедъ въ комнату, гдѣ лежалъ представлявшійся еще въ кровати, обставленный кругомъ цвѣтами и обвитый большою гирляндой изъ неувядаемой зелени, я думалъ видѣть болѣе усталого пѣвца, тихимъ сномъ покоившагося на лаврахъ, нежели обыкновеннаго мертвеца. Кротость и спокойствіе, сіявшія на лицѣ его, ясно свидѣтельствовали о той тихой кончинѣ, какую ему послалъ Богъ. Изъ рассказовъ того же человѣка я узналъ, что онъ съ пятницы на субботу къ вечеру былъ больше въ забытіи: однако узнавалъ и жену и дѣтей своихъ; къ ночи же уснулъ, и спалъ самымъ покойнымъ сномъ, пока въ половинѣ второго часа по полуночи два послѣдніе вдоха, отличавшіеся отъ обыкновеннаго дыханія спящаго человѣка только тѣмъ, что они слѣдовали рѣже одинъ за другимъ, не окончили его тѣлеснаго существованія на землѣ....

Мы начали пѣнію. Продолженіе пасхальнаго поприазднества какъ нельзя лучше шло къ настоящему случаю; и когда я, стоя лицомъ къ лицу умершаго, возгласилъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ», — то мнѣ казалось, что онъ самъ еще внимасть сему торжественному гимну сквозь охладѣвшія черты еще жившаго выраженіемъ лица своего.

Признаюсь, никогда еще и мнѣ самому не доводилось чувствовать всю великость истины, заключавшейся въ этой торжественной пѣснѣ воскресенія, какъ въ эту минуту, надъ бреннымъ остаткомъ человека, котораго душа была глубоко проникнута живою вѣрою во Иисуса Христа!...

Послѣ службы, супруга Жуковского еще разъ съ торжествомъ вспомнила о той святой радости, которой онъ былъ исполненъ послѣ причащенія Св. Тѣла. «Развѣ вы не знаете, говорила она мнѣ, что съ нимъ было чудо? Онъ мнѣ самъ говорилъ, что видѣлъ Иисуса Христа, Который явился ему въ тѣлесномъ видѣ». Я понялъ вполне это видѣніе, ибо былъ свидѣтелемъ его сердечнаго восторга по пришествіи Св. Тѣла.

Рѣдко можно встрѣтить подобнаго человека, который бы такъ безбоязненно смотрѣлъ въ глаза смерти, какъ смотрѣлъ на нее нашъ поэтъ-христіанинъ и христіанинъ-философъ Жуковский. Съ самаго перваго дня своей болѣзни, которая серьезно началась съ 1/13 Апрѣля, онъ уже сталъ поминать о переходѣ въ другой міръ. Еще за три недѣли до своей смерти, въ кругу друзей своихъ, разсуждалъ онъ о блаженствѣ соединенія съ Богомъ чрезъ І. Христа, ожидающимъ христіанина за гробомъ. Съ ними же окончательно обсудилъ онъ и будущность своего семейства, вскорѣ долженствовавшего осиротѣть. Какъ спокойно обдумывалъ онъ свою кончину, видно особенно изъ одного записанія его своему человеку. «Василій» — говорилъ онъ ему, уже лежа въ постелѣ: «ты, когда я умру, положи мнѣ сейчасъ же на глаза по гульдену и подвигни ротъ; я не хочу, чтобы меня боялись мертвого». Въ такихъ простыхъ словахъ кто не увидитъ выраженія того добродушія, которое было постояннымъ характеромъ его при жизни, и которое не слѣзало съ лица его и послѣ того, какъ душа оставила его тѣло?

1 1/26 Апрѣля мы собрались всѣ вокругъ тѣла покойнаго. Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Ольга Николаевна, по первому телеграфическому извѣстію въ Стутгартъ о кончинѣ столько уважаемаго старца, отправила въ Баденъ своего Секретаря Н. О. Адельунга для выраженія своего соболезнованія осиротѣвшему семейству, и своихъ пѣвчихъ для отпѣванія тѣла покойнаго. Приѣхали также изъ Стутгарта Кн. Щербатовъ и Н. М. Докучаевъ, изъ Карлсруэ Н. П. Озеровъ; собрались и всѣ Русскіе, находившіеся въ это время въ Баденѣ. Здѣсь передъ отпѣваніемъ мы еще разъ собрались въ кругу семейномъ: вдова Жуковского, безрукій Рейтеръ, тестъ покойнаго, съ своею супругою, г-жа Сидовъ и я. Каждому изъ насъ равно дороги были послѣднія слова Жуковского, но для всѣхъ вмѣстѣ самое большое утѣшеніе доставляла мысль о его истинно-христіанской кончинѣ. Такъ г-жа Жуковская разсказала намъ, что наканунѣ смерти своей въ пятницу онъ уви-

дѣлъ ее еще разъ, что онъ видѣлъ І. Христа. «Да, другъ мой» — говорилъ онъ ей — «это было не видѣніе; я видѣлъ Его тѣлеснымъ образомъ; я видѣлъ Его, какъ Онъ стоялъ сзади дѣтей моихъ въ то время, когда они приобщались Св. Тѣла. Онъ будетъ съ нами. Онъ мнѣ Самъ сказалъ это». Послѣ подошла къ нему г-жа Сидовъ, и онъ, взглянувъ на нее, сказалъ: «Скажите мнѣ, какія мощи на васъ? Идѣтъ, я серьезно спрашиваю васъ, есть ли на васъ мощи»? Она действительно взяла на себѣ крестъ съ частию древа Господня; но, по собственному ея призванію мнѣ, никто не зналъ о томъ, кромѣ ея самой. Она вынула этотъ крестъ, и дала ему облобызать оный, что онъ и сдѣлалъ съ большимъ благоговѣніемъ. Въ пятницу же поздно вечеромъ онъ подзываетъ къ себѣ маленькую дочь свою, Сашу, и говоритъ ей: «Поди, скажи матери: я теперь нахожусь въ ковчегѣ, и высылаю перваго голубя—это моя вѣра, другой голубь мой—это терпѣніе». Уже поздно вечеромъ, когда онъ находился въ забытіи и съ трудомъ узнавалъ своихъ, онъ замѣтилъ подлѣ себя тещу свою, и говоритъ ей: «Теперь остается только матеріальная борьба; душа уже готова!» И это было послѣднее слово Жуковского, который, какъ зрѣлый плодъ, былъ бережно снятъ Десницею Божіею съ древа земной жизни его....

Въ понедѣльникъ 1 1/26 Апрѣля, въ 4 часа, мы совершили отпѣваніе надъ тѣломъ усопшаго при многочисленномъ стеченіи народа. Потомъ вынесли гробъ, и въ 6 часу тронулся съ мѣста погребальный поѣздъ. По городу гробъ несли на рукахъ; впереди шли пѣвчіе съ пѣніемъ: «Святѣй Боже!», и несли на пяти подушкахъ 30 орденовъ и знаменъ отличій, Русскихъ и иностранныхъ; я шелъ въ полномъ облаченіи, а за мной слѣдовалъ Римско-католическій Деканъ города Бадена въ своей духовной формѣ—почетъ, исключительно оказанный памяти Жуковского, имя котораго давно уже извѣстно стало и въ Германіи. Его похоронили на загородномъ Баденскомъ кладбищѣ въ склепѣ. Останется ли тѣло его тамъ, или будетъ перенесено куда въ другое мѣсто, — по всякомъ случаѣ и это временное мѣсто погребенія великаго поэта Русскаго будетъ увѣковѣчено памятникомъ, и вѣрно всякій Русскій, бывающій въ Баденѣ, посѣтитъ это мѣсто, и съ благоговѣніемъ прочтетъ: «здѣсь было погребено тѣло Жуковского».

Сколько я могъ узнать, послѣ смерти В. А. Жуковского осталось довольно сочиненій. Такъ, кромѣ его поэмы: «Странствующій Жидъ», осталась еще одна пѣснь Иліады *) и много мелкихъ произведеній, болѣею частию въ прозѣ. О «Странствующемъ Жидѣ» я съ любопытствомъ разспрашивалъ у писца, которому Жуковский диктовалъ эту поэму.

*) Изъ собственныхъ писемъ В. А. Жуковского, полученныхъ здѣсь, видно, что онъ перевелъ три пѣсни Иліады.

и узналъ отъ него, что въ этой поэмѣ покойный Василій Андреевичъ, взявъ за основаніе извѣстную легенду о *вѣчномъ жидѣ*, изобразилъ всю чудную исторію народа Еврейскаго со времени его отверженія Богомъ до послѣдней судьбы его, открытой въ Апокалипсисѣ. Судя по нѣкоторымъ тирадамъ, которыя писецъ его могъ запомнить, это должно быть чудное произведеніе созрѣваго, но никогда не состарѣваго гения Жуковскаго. Можно себѣ представить все величіе картинъ, когда знаешь, что онъ ведетъ своего странника по всѣмъ вѣкамъ, бросаетъ его во всѣ страшные міровые перевороты, въ которыхъ погибали цѣлыя племена и народы, и оставался одинъ только онъ, все съ тою же печатію отверженія на лицѣ, все съ тѣми же не изнашиваемыми одѣяніями на тѣлѣ, все съ тою же грустію въ сердцѣ о неизбѣжномъ мученіи на землѣ. Наконецъ нашъ безсмертный поэтъ приводитъ его на островъ Патмосъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ старца Іоанна, который открываетъ ему послѣднюю судьбу его. По рассказамъ писца, Жуковскій писалъ эту часть почти словами Апокалипсиса, перелагая ихъ только въ свой классическій гекзаметръ. Къ сожалѣнію, эта великая поэма не докончена. Но и это, конечно, не безъ особаго Промысла Божія: ибо если Ему угодно было внушить своему избранному пѣвцу такое высокое вдохновеніе, — а въ этомъ мы не смѣемъ сомнѣваться, — то Его же премудрости прилично было и остановить трость книжника скорописца на томъ предѣлѣ, даѣе котораго еще не вознослось вѣдѣніе челоука, озаренное даже Духомъ Святымъ.

На счетъ перевода *Иліады* В. А. Жуковскій еще за полтора года передъ симъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что онъ имѣетъ мысль перевести и *Иліаду*, какъ онъ перевелъ *Одиссею*. «Для этого» — говорилъ онъ — «я беру въ руки Гнѣдича, прочитаю изъ него страницу или двѣ, потомъ прочитаю то же самое по Шмелю, и за тѣмъ начинаю писать самъ по чутью, съ какимъ я переводилъ и *Одиссею*. Выходитъ иногда, что мой стихъ сходится отъ слова до слова со стихомъ Гнѣдича, и тогда я замѣчаю, что это все-таки стихъ мой; а въ другой разъ я и поправляю свой переводъ по Гнѣдичу, и тогда тутъ же дѣлаю выноски, что это не мой стихъ. Но (прибавилъ онъ) вы пока не говорите объ этомъ никому».

Въ 1850 году я былъ тоже въ Баденѣ подѣлу, и оставался тамъ нѣсколько дней. Пользуясь этимъ временемъ, Василій Андреевичъ просилъ меня просмотрѣть нѣкоторыя написанныя имъ, статейки религіознаго содержанія. «Я хочу» — говорилъ онъ мнѣ — «попробовать, не лзя ли сдѣлаться философомъ, не учившись философіи, а только зная одно Священное Писаніе. Но какъ я догматикъ не учился, то вы посмотрите хорошенько, не сдѣлалъ ли я

какой ошибки противъ догматовъ. Можно хорошо понимать Христіанство; но мы живемъ въ Церкви, и безъ Церкви жить не можемъ. Челоуку пужна власть; надобно, чтобы надъ нимъ былъ авторитетъ, который бы всегда имѣлъ право сказать ему: ты заблуждаешься. Чтò сталося съ Протестанствомъ послѣ того, какъ Лютеръ отвергъ Церковь? Церковь его была тогда и больна и развращена; да онъ, возставъ противъ злоупотребленій, дѣйствовалъ такъ, что подрывалъ самыя основанія Церкви. И вотъ, теперь въ Германіи смотрите, чтò дѣлается въ Протестанствѣ. Чтò такое Церковь? Это кругъ, въ которомъ можешь обращаться, сколько хочешь, съ твоимъ разумомъ; но не выходи за предѣлы этого круга. А вѣдь Церкви что? Безграничная пустота, просторъ для блуждающихся». Эти мысли были любимой темой его частыхъ собесѣдованій со мною. Христіанство было для него всегдашнимъ предметомъ глубокихъ изученій.

Въ заключеніе я не могу не вспомнить теперь и съ своей стороны о какомъ-то предчувствіи близкой потери для Россіи ея заслуженнаго поэта. Это было въ Февралѣ нынѣшняго года. Василій Андреевичъ прислалъ мнѣ маленькое собраніе своихъ стихотвореній, всего на восемь печатныхъ осьмушкахъ, посвященныхъ имъ своимъ дѣтямъ: Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ. Въ этой брошюркѣ было всего шесть стихотвореній, изъ которыхъ первыя два: *Птичка* и *Котикъ Усатый*, сложены имъ для перваго ученія дѣтей своихъ Русскому произношенію. Но надобно было, чтобы получивши эту книжку, я развернулъ ее на пятомъ стихотвореніи: *Царекосельскій Лебедь*. Это была уже не дѣтская басня, но какое-то таинственное описаніе прежде знакомаго лебедя, который жилъ, былъ молодъ, состарѣлся въ одиночествѣ, пропѣлъ свою лебединую пѣснь,

А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши,
И крылами сильно дряхлыми замахнувши,
Къ небу, какъ во время оно бывало,
Онъ съ земли рванулся.... и его не стало
Въ высотѣ.... и навзничъ съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса впередъ взоръ ужъ не горящій.

Прочитавъ это стихотвореніе и перевернувъ страницу, на которой послѣдній (VI) номеръ составлялъ: *Боже, Царя Храни!* я невольно подумалъ: неужели это въ самомъ дѣлѣ предчувствіе скорой кончины его самаго, такъ поэтически изображенной въ этихъ послѣднихъ строкахъ? Какъ бы то ни было, но послѣ, когда я стоялъ надъ бездыханнымъ тѣломъ Жуковскаго, мнѣ невольно вторились его три послѣдніе стиха:

И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса впередъ взоръ ужъ негорящій....

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ предположило начать съ 1832 года изданіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности будутъ входить, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постоянныхъ сочлененныхъ, ихъ литературы и древностей; — разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологіи Славяно-Русской; а въ особенныхъ прибавленіяхъ — памятники языка и словесности, матеріалы для Словаря, Грамматики и т. п.

«Извѣстія» будутъ издаваться безсрочными выпусками или листами; 24 листа съ прибавленіями составятъ одинъ томъ. Цѣна тому три рубля серебромъ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эггера (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Изгородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ упомянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: Чтенія о современной литературѣ: III. Чтеніе о Василіи Андреевичѣ Жуковскомъ. П. А. Плетнева. IV. Чтеніе о значеніи Гоголя въ Русской Словесности. Н. Н. Давыдова. — Замѣчанія, касательно новаго изданія Русскаго Словаря: I. Замѣчанія С. П. Шевырева. — Библиографическія Записки: XV. Новыя книги, съ замѣчаніями П. П. Срезневскаго. XVI. Памятники древней письменности южныхъ Славянъ. П. П. Срезневскаго. — Перечень засѣданій Отдѣленія. — Къ этому выпуску прилагается XI и XII листъ ПРИБАВЛЕНІЙ.

ЧТЕНІЯ

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

III.

О ВАСИЛІИ АНДРЕЕВИЧѢ ЖУКОВСКОМЪ.

П. А. Плетнева. *)

XIII.

Пушкинъ, разбирая стихи Державина:

«За слова меня пусть гложетъ,
«За дѣла сатирикъ чтить — »

въ заключеніе сказалъ: «слова поэта суть уже дѣла его». Чтобы выникнуть въ истинный смыслъ сказаннаго Пушкинымъ, надобно отстранить отъ себя обыкновенное понятіе о писателяхъ; надобно разсматривать ихъ какъ прочихъ людей, а не какъ отдѣлившуюся отъ насъ касту, которой назначеніе будто бы и состоитъ только въ художественномъ совершенствованіи языка. Итъ: и отъ писателя, какъ отъ всякаго гражданина, общество ожидаетъ дѣятельности полезной, видимаго вклада въ

сокровищницу добра и свѣта. Такъ какъ это народное богатство служить къ удовлетворенію нуждъ, чрезвычайно разнообразныхъ, то и члены общества до безконечности различаются видами и характеромъ своихъ вкладовъ. Писатель, посвящающій жизнь избранному имъ искуству, не обязывается и не можетъ съ другими гражданами раздѣлять механическихъ и форменныхъ трудовъ, по тѣмъ не избавляется онъ отъ общественнаго взноса: плоды его занятій, какъ плоды прочихъ рукъ и ума, должны постоянно увеличивать народное достояніе. Пушкинъ сознавалъ этотъ священный долгъ, равно какъ и то, чѣмъ оправдывается содѣйствіе поэта общей обязанности. Онъ выразилъ это простымъ замѣчаніемъ, что «слова поэта суть уже дѣла его».

Многимъ писателямъ удалось довести слова ихъ до совершенства. Я разумью здѣсь успѣхи, приобретаемые учеными знаніями и облегчаемые природными способностями къ словесному искуству. Не о всѣхъ однако же изъ этихъ писателей по справедливости можно сказать, что они прекрасными своими словами вполне расплатились съ обществомъ, т. е., что ихъ слова равнозначительны съ прекрасными дѣлами, безъ которыхъ долгъ постоянно остается неуплаченнымъ. Одни еще при жизни своей, по выраженію поэта, были преданы проклятій забвенья; другіе подпали этой участи по смерти своей. Нѣко-

*) См. 146 и 193 стр. этихъ же «Извѣстій». Последнія части этого разбора писаны уже послѣ извѣстія о кончинѣ Поэта.

которые же, къ сожалѣнію, глубоко врѣзали слова свои въ памяти народовъ, и можно сказать о нихъ, что дѣла ихъ незабвенны, только не какъ желанный вкладъ добра и свѣта, а какъ преступленія, заслужившія справедливое негодованіе. Изъ этого выходитъ, что, разбирая писателей, еще очень недостаточно заниматься одними изслѣдованіями филологическими и эстетическими. Выводы важнѣйшіе, высшіе, вполне достойные подсудимаго и обязанностей его передъ обществомъ, начинаются только съ вопроса: «что значили слова его какъ дѣла?»

На такомъ основаніи я освобождаю себя отъ историческихъ, критическихъ и эстетическихъ изслѣдованій Жуковского въ его словѣ. Чего съ этой стороны не показано было у него въ теченіе пятидесяти лѣтъ? Самая занимательная часть подобныхъ изслѣдованій — характеристика періодовъ дѣятельности его — и та, какъ я уже замѣтилъ, не представляетъ то приближеній къ совершенству, то уклопеній отъ него, или какихъ нибудь другихъ оборотовъ, полезныхъ, либо новыхъ, въ теоріи искусства; потому что, вообще говоря, никто такъ вездѣ не равенъ самъ себѣ, какъ Жуковский, а возвышеніе его поэзіи зависѣло единственно отъ возвышенія души его. Слѣдовательно, назидательнѣе и справедливѣе будетъ говорить о словахъ его, какъ о дѣлахъ. При томъ же у насъ довольно было писателей, которыхъ съ великою пользою для искусства можно разбирать съ обыкновенной точки зрѣнія. Въ нихъ, какъ въ сочинителяхъ, есть много совершенствъ, которые ихъ уравниваютъ съ Жуковскимъ-писателемъ. Но я не знаю, чьи слова, подобно его словамъ, такъ много обняли сторонъ жизни, и такъ не напрасно впитаны были слухомъ, звуча для него съ такою же силою и неотразимостію, какъ для глазъ предстаютъ совершающіяся передъ нами живыя дѣла? По крайней мѣрѣ, таково мое убѣжденіе, основанное на впечатлѣніяхъ цѣлой жизни.

XIV.

Для общаго очертанія предмета, избраннаго мною, напрасно некалъ бы я болѣе правильныхъ, болѣе вѣрныхъ и точнѣе описывающихъ его линій, какъ приведенныя уже мною слова самого Жуковского, которыми онъ выразилъ отличительное свойство Вальтеръ-Скотта. Изучивши всего нашего поэта и живо еще чувствуя въ душѣ то, чѣмъ онъ наполнилъ ее, невольно скажешь за нимъ: «Посреди этого очарованнаго міра, «самое очаровательное есть онъ самъ — его свѣтлая, чистая, «младечески-вѣрующая душа. Ея присутствіе разлито въ его «твореніяхъ, какъ воздухъ на высотахъ горныхъ, гдѣ дышется «такъ легко, освѣжительно и цѣлительно. Его поэзія предаешься

«безъ всякой тревоги. Съ нимъ вмѣстѣ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту, и знаешь, какое назначеніе «души твоей». Кто сочиненіями своими заставилъ такого человека, какъ Жуковский, произнести о себѣ этотъ отзывъ, тотъ неоцѣненный внесъ вкладъ въ сокровищницу не только своего отечества, но и всѣхъ народовъ. Тутъ изображенъ гражданинъ великихъ заслугъ. Его слова были не просто сладостные звуки, а дѣла безсмертныя, которыя тѣмъ болѣе, тѣмъ выше цѣнить надобно, что надъ ними нѣтъ власти у самого всеокрушающаго времени: ихъ благотворное появленіе нескончаемо повсюду. Я замѣтилъ, что въ этомъ очеркѣ мнѣ видится самъ Жуковский. Попытайтесь разобрать каждую черту приведеннаго описанія — она вамъ непременно напомнитъ ся автора.

Надобно между тѣмъ согласиться, что достиженіе этой высоты, этого совершенства въ словесномъ искусствѣ едва ли не самое рѣдкое явленіе въ исторіи всѣхъ литературъ. Кромѣ природнаго дарованія и прочихъ эстетическихъ способностей, кромѣ вышаго, тонкаго ума и усвоенія полнаго круга прикосновенныхъ къ этому дѣлу знаній, надобно войти въ свое занятіе съ душою, вполне убѣжденною въ излагаемыхъ истинахъ, съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ къ необходимости осуществленія ихъ, съ религіозною любовью благъ, разливаемыхъ ими, и съ сердечною готовностію посвятить жизнь исполненію глубокаго ихъ значенія. При такихъ условіяхъ, совершающихся въ сознаніи нашемъ не по случайному настроенію души, не въ слѣдствіе ученія, извнѣ принимаемаго и незамѣтно растрачиваемаго при новыхъ впечатлѣніяхъ, а родившагося, воспитаннаго и навѣкъ остающагося въ душѣ нашей, только при этихъ условіяхъ въ каждое произносимое нами слово вселивается власть и могущество дѣла. Чтеніе такого писателя производитъ на васъ дѣйствіе, подобное тому, какое чувствуете вы въ присутствіи человека, котораго и любите и боитесь, такъ, что каждая мысль его, не исполненная вами, пробуждаетъ въ васъ угрызненіе совѣсти, или наполняетъ сердце ваше тайнымъ страхомъ. Внутренно сознаете вы паденіе свое, и тутъ же видите свидѣтеля, при которомъ хотѣлось бы сохранить свое достоинство. Но то, что вамъ нечуждо и къ чему стремитесь вы, утвержденное приговоромъ его, наполняетъ васъ веселостію и новыми силами къ достиженію. Съ каждымъ днемъ вы болѣе почерпаете убѣжденій. Какое бы положеніе ни указала вамъ жизнь, вы не ослабѣете и не придете въ изнеможеніе: на все, для вашего охраненія, у васъ есть готовый образъ, выраженіе, отзывъ, присутствіе.

XV.

Никто не усомнится внести въ разрядъ лучшихъ подвиговъ, по вѣдѣ правамъ принадлежащихъ исторіи и обезсмертившихъ славу отечества нашего, той вдохновенной пѣсни, которая извѣстна подъ именемъ: «Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ». Въ незабвенную эпоху появленія своего она пронеслась по рядамъ войскъ нашихъ и по всему пространству Россіи какъ чудно-живительный, свыше раздавшійся голосъ, котораго силѣ такъ сладостно было покориться. Въмѣсто словъ и буквъ явились какія-то огненные начертанія и сообщили вѣдѣмъ сердцахъ одинъ жаръ, одно стремленіе. Можетъ быть, въ первый разъ живые позавидовали падшимъ товарищамъ своимъ: такъ достойно и поразительно выставлены были отечеству доблестн сыновъ его, пришедшихъ жизни въ исполненіе священнаго долга. Имена ихъ сіяли въ лучахъ ихъ подвиговъ, и радостно было идти по слѣдамъ увѣчаныхъ безсмертіемъ. Падшіе въ бою вдохновенно дѣйствовали на живыхъ. Это возбужденіе народнаго духа, эти порывы восторженности и самоотверженія не пронесли подобно звукамъ, на мгновеніе трогаящимъ душу, слабѣющимъ и незамѣтно исчезающимъ. Они на вѣкъ укрѣплены въ помыслахъ, въ чувствахъ, въ дѣйствіяхъ Русскаго народа. Въмѣстѣ съ безсмертными, которыхъ образы и дѣла такъ вѣрно, такъ рѣзко отпечатлѣны въ стихахъ, ихъ усвоила Россія, и не будетъ поколѣнія, столь жалкаго и недостойнаго предковъ, которое бы не гордилось именемъ своимъ при чтеніи этой пѣсни, и не рвалось бы на исполненіе вѣдѣхъ ея завѣтовъ.

Желая объяснить себѣ такое явленіе въ жизни человѣка, едва вѣришь истинѣ событія. Кто приготовилъ душу его къ этой высокой настроенности, магически вѣдѣмъ сообщившейся? Тутъ же самъ поэтъ вотъ что говоритъ о себѣ:

«Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира...
Вдругъ выпалъ жребій: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ усиленный,
И все.... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы войны (I. 293).»

Только сила истиннаго сочувствія ко всему прекрасному и высокому наполняетъ поэта сокровищами творчества. Въ этомъ неподдѣльномъ, живомъ сочувствіи, онъ, входя въ обязанность историка, скоро начинаетъ принимать впечатлѣнія и говорить какъ самые герои его; окружаясь въ воображеніи фантастическими лицами, вдругъ сообщаетъ имъ все очарованіе правдопо-

добія, даже поразительной истинности жизни, будто все совершается передъ его глазами; предавшись обольщенію вымысла, онъ становится вѣришшимъ живописцемъ дѣйствительной природы, народныхъ нравовъ и семейнаго быта, который вызываетъ изъ темнаго преданія.

Не болѣе, какъ за два года до отечественной войны, Жуковский, увлеченный въ мечтательный міръ, казалось, не покинетъ его, гдѣ онъ видѣлъ иныя картины, и полонъ былъ иными впечатлѣніями. Молодой человѣкъ двадцати пяти лѣтъ, въ восторженномъ созерцаніи высокихъ истинъ Христіанства, обещающаго спасеніе самому тяжкому грѣшнику, очистишемуся покаяніемъ, со вѣдѣмъ жаромъ перваго вдохновенія обрабатывалъ поэму, въ которой разнообразіе и живость картинъ, ужасное и трогательное, дикость и умиленіе, попеременно волнуютъ душу читателя. Не знаешь, чему болѣе тутъ удивляться, возвышенности ли главной мысли, проведенной по длинному лабиринту столь смѣлыхъ и въ нашей поэзіи безпримѣрныхъ описаній, или этой свѣжей, твердой кисти, которая неистощима ни въ краскахъ, ни въ образахъ. Строгая вѣрность въ изображеніи религіозныхъ обрядовъ сообщила поэзіи истинную высоту и вмѣстѣ ту доступную сердцу простоту, которая одна соединяетъ земное съ небеснымъ. Въ самыхъ лучшихъ идеалахъ изящнаго искусства вѣдѣ почувствовали правильное, свободное и ровное бѣженіе жизни. Это было въ нѣкоторомъ смыслѣ трогательный призывъ къ Христіанскому смиренію и покорности Промыслу.

«Но чадъ оставленныхъ щитомъ
Былъ Ангелъ ихъ хранитель:
Онъ далъ имъ пристань—Божій домъ,
Смиренія обитель.
Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
Скрылъ ихъ съ матерями:
Да славятъ Вышняго Царя
Невинныхъ устъ мольбами.
И горней благодати сѣнь
Была надъ ихъ главою;
Какъ вешній ароматный день,
Цвѣли онѣ красою.

Отъ раннихъ, колыбельныхъ лѣтъ
До юности златыхъ,
Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
Лишь подвиги благіе;
Отъ сна вставалъ съ юнымъ днемъ,
Стекался во храмъ;
На клиросѣ, предъ алтаремъ,
Надзвонницъ въ оніамѣ,
Въ священныи литургіи часть,
Ихъ слышалось пѣнье —
И сладкій непорочныхъ гласъ
Внимало Провидѣнье (I. 115).»

Столь разнородныя стихотворенія, какъ «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» и «Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ», оставили между тѣмъ равныя впечатлѣнія на современникахъ: поэтъ велъ ихъ по направленію, которое избрала прекрасная душа его. Чѣмъ былъ онъ самъ наполненъ, тѣмъ отзывалось и сердце читателей: святыня Вѣры и искупленіе Отечества явились драгоцѣннѣе жизни и всѣхъ ея благъ.

XVI.

Основаніе моихъ выводовъ можетъ показаться слабымъ, даже изысканнымъ, когда вспомнимъ, что многіе изъ Русскихъ поэтовъ до Жуковскаго посвящали дарованія свои прославленію тѣхъ же предметовъ, на которые я указываю. Ломоносовъ, Херасковъ и Державинъ давно возбуждали чувства религіозности и патріотизма. Но кто внимательнѣе вникнетъ въ дѣйствительныя послѣдствія поэтическихъ призывовъ того времени и описываемаго мною, кто съ полнымъ безпристрастіемъ разсмотритъ вліяніе литературы на большинство читателей обѣихъ эпохъ, тотъ невольно согласится, что Жуковскій первый изъ нашихъ поэтовъ сообщилъ словамъ своимъ волшебную силу, поставившую ихъ на одну степень съ дѣлами, такъ, что и въ немъ они были явнымъ отголоскомъ внутреннего убѣжденія, и въ читателяхъ оставались какъ двигатели воли. Есть неизмѣримая разность между пріятнымъ обаяніемъ, которое доставляется зрѣлищемъ искусственнымъ, и глубокимъ сочувствіемъ, обнимающимъ насъ при событіи, потрясающемъ душу. У Жуковскаго нѣтъ ни одной строки, которую бы написалъ онъ, какъ говорится, *для эффекта*, или которая бы имъ придумана была какъ украшеніе мысли, извнѣ пришедшей къ нему въ голову. У него все беретъ начало свое въ сердцѣ, и отъ того нельзя читать его для препровожденія времени: съ нимъ живешь, т. е. раздѣляешь его чувствованія. Отсюда происходитъ, что какую бы онъ ни представлялъ намъ сторону человѣка, или всего общества, мы въ буквальный смыслъ всегда что нибудь пріобрѣтаемъ: сказанное имъ обращается въ составъ духовнаго бытія нашего; не память и не воображеніе мы обогащаемъ, съ тѣмъ, чтобы, насладившись плодомъ его искусства, со временемъ промѣнять его на другое впечатлѣніе — нѣтъ, мы его усваиваемъ и, не замѣчая того, приводимъ въ исполненіе, или мыслимъ по воззрѣнію, въ насъ укрупнившемуся. Можно противорѣчить этому на томъ развѣ основаніи, что есть читатели, для которыхъ не только искусство, но и самая природа безъ призыва.

Ограничиваясь одною частію общества, которой не отка-

зано въ сочувствіи къ добру, истинѣ и красотѣ, я безпрепятственно могу продолжать свои выводы. Но они едва ли требуютъ новыхъ разложеній. Число ихъ столько же будетъ увеличиваться, сколько стихотвореній придется мнѣ разсмотрѣть въ нынѣшнемъ изданіи Жуковскаго. Между тѣмъ я убѣжденъ, что истинное основаніе этихъ разнородныхъ выводовъ утверждается на томъ же нравственномъ началѣ, которое показано въ первыхъ. Для примѣра останавливаюсь на предметѣ, который можно назвать *избитымъ*, не только въ поэзіи, но и во всѣхъ искусствахъ. Кто не мечталъ и не писалъ о *любви*? Но что отразилось въ этихъ картинахъ воспламененнаго чувства, или восхищеннаго воображенія? Страстное самозабвеніе, несбыточныя грезы, соблазнительные рассказы, или утомительный наборъ словъ. Въ душѣ нашего поэта чувство любви вызываетъ цѣлый міръ ощущений, не выдуманныхъ, не мимолетныхъ, не унизительныхъ, но гармонически слитыхъ съ той чистотою, съ тѣмъ естественнымъ увлеченіемъ сердца и съ тѣми плѣнительными образами фантазіи, безъ которыхъ нѣтъ истинной любви.

«Любовь есть неба даръ;
Въ ней жизни цвѣтъ хранится;
Кто любить, тотъ душой
Какъ день весенній ясенъ;
Его любви мечтой
Весь міръ предъ нимъ прекрасенъ....
Ахъ! въ мірѣ семъ — она....
Ея святымъ полна
Присутствіемъ природа;
Съ лепницею, со свода
Небесъ она летитъ,
Предвѣстникъ наслажденья,
И въ смутномъ пробужденья
Блаженствѣ говоритъ:
Я въ мірѣ! я съ тобою!
Въ тотъ часъ, какъ тишиною
Земля облечена,
Въ молчаніи вселенной
Одна обвороженной
Душѣ она слышна;
Къ устамъ твоимъ она
Касается дыханьемъ;
Ты слышишь съ содроганьемъ
Знакомый звукъ рѣчей;
Задумчивыхъ очей
Встрѣчаешь взоръ пріятный,
И запахъ ароматный
Плѣнительныхъ кудрей
Во грудь твою лѣтся,
И мыслишь: Ангелъ вѣтся
Незримый надъ тобою.
При ней — задумчивъ, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робокъ, лишь украдкой

Стремишь къ ней томный взоръ;
 Въ немъ сердце вылетаетъ;
 Несмѣлъ твой разговоръ;
 Твой умъ не обрѣтаетъ
 Ни мыслей, ни рѣчей;
 Задумчивость, молчанье
 И страстное мечтанье —
 Языкъ души твоей.
 Забыты всѣ желанья;
 Безъ чувства, безъ вниманья
 Къ тому, что предъ тобой,
 Ты одинокъ съ толпой.
Она — въ семь словъ миломъ
 Вселенная твоя;
 Съ ней розно — лишь въ уныломъ
 Мечтаны бытія
 Ты чувство заключаешь;
 Всечасно улетаешь
 Душою къ тѣмъ краямъ,
 Гдѣ ангелъ твой прелестной;
 Твое блаженство тамъ
 За синевою небесной,
 Въ туманной сей дали —
 Тамъ все, что на земли
 И мило и священо,
 Вся жизнь, весь жребій твой,
 Какъ призракъ оживленной,
 Мелькаетъ предъ тобой.
 Живешь воспоминашь:
 Его очарованьемъ
 Преображенный свѣтъ,
 Одинъ вездѣ являетъ
 Душѣ твоей предметъ.
 Заря ли угасаетъ,
 Летитъ ли вѣтерокъ
 Отъ дремлющихъ рои,
 Или покровомъ ночи
 Одѣянный потокъ
 Въ водахъ являетъ тѣни
 Недвижныхъ береговъ,
 И тихихъ рощей сѣни,
 И темный рядъ холмовъ —
Она передъ тобою;
 Съ природы красотою,
 Со всѣмъ въ душѣ счита
 Любимая мечта.
 Когда воспламененной
 Ты мыслию летитъ
 Къ Правителю вселенной,
 Или обѣтъ творишь
 Забыть стезю порока,
 При всѣхъ измѣнахъ рока
 Быть добрымъ и прямымъ,
 И слѣдовать святымъ
 Урокамъ и велѣньямъ
 И тайнымъ утѣшеньямъ
 Лишь совѣсти одной;
 Когда, разсудка властью
 Торжествовавъ надъ страстью,
 Ты выше сталъ душой,

Иль сиротѣ, убитой
 Страніемъ, сокрытой
 Благотворилъ рукой —
 Кто, кто тогда съ тобой?
 Кто чувствъ твоихъ свидѣтель?
Она... твой другъ, твоя
 Невинность, добродѣтель.
 Лишь счастьемъ ея
 Ты счастье измѣряешь,
 Лишь въ немъ соединяешь
 Всѣ блага бытія.
 Любовь — себя забвенью!
 Ты молишь Провидѣнье,
 Чтобъ никогда тоской
 Взоръ милый не затмился,
 Чтобъ грозный лишь съ тобой
 Судъ рока совершился.
 Лить слезы, жертвой быть
 За ту, къмъ сердце жило,
 Погибнуть, жизни милой
 Спокойствіе купить —
 Вотъ жребій драгоцѣнный!
 О другъ! тогда для насъ
 И бѣдствія священны.
 И пусть тотъ лучъ угасъ,
 Которымъ украшался
 Путь жизни предъ тобой,
 Пускай навѣкъ съ мечтой
 Блаженства ты расстаешься —
 Своихъ лишенныхъ благъ,
 Ты живъ блаженствомъ милой:
 Какъ тихое свѣтило,
 Оно въ твоихъ глазахъ
 Межъ тучами играетъ,
 И духъ не унываетъ
 При сладостныхъ лучахъ (I. 219).»

Въ стихахъ, писанныхъ съ такимъ жаромъ и вмѣстѣ съ такою непорочною чувства, перестаешь заиматься прелестью языка: отъ нихъ образуется въ душѣ новая система жизни, подобно тому, какъ овладѣвающее нами общество направляетъ всѣ мысли наши, всѣ способности къ достиженію предмета, господствующаго надъ умами.

XVII.

Если бы въ предположеніи моемъ было разсмотрѣніе, не говорю всѣхъ, даже однихъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній Жуковского, и тогда первый періодъ дѣятельности его, періодъ вдохновеній юности, завлекъ бы меня въ лабиринтъ поэзіи самой разнообразной, то возвышенно-назидательной, то плѣнительно-игривой, то поразительно-картинной, то своеобразно-причудливой, то смѣло и стройно парящей. Въ «Посланиіи Императору Александрѣ» открываются красоты лучшей поэмы, воздвигнутой на Христіанскомъ основаніи. Кто изъ поэтовъ глубже проникъ въ святилище Царской души?

«Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный —
За власть благотворить, утѣлѣ Царей прекрасный,
Склоняю, Царь земли, колѣна предъ Тобой,
Безстрашный подъ Твоей незримою рукой
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!...
Покойся мой народъ: не дремлетъ твой хранитель!
Такъ, мой народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей.
На удивленіе народовъ и царей
Его могуществомъ и счастьемъ прославлено,
И тронъ свой алтаремъ любви ему поставлю.
Какъ небо, надъ моею простертое главою,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленіе Божества зеркало мнѣ святое:
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А Ты, дарующій и тронъ и власть царямъ,
Ты, на совѣтъ ихъ сѣдѣющій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ настѣіе вѣкамъ
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ Твоей вселенной (II. 177).»

Не далѣе, какъ за три года, изъ-подъ этого же пера вылились исполненные національной граціи стихи «Свѣтланы», а въ одинъ и тотъ же годъ съ «Посланиемъ Императору Александру» явилась «Эолова Арфа», въ которой краски, музыка, мечтательность и вымыселъ созданія — все представляетъ особый міръ, царство Оссіана, такъ живо и ясно воскреснувшее въ душѣ поэта нашего. Присоедините къ этой же эпохѣ смѣлыя, послѣ Державина и Пушкина сіяющія своимъ свѣтомъ въ «Послании къ Воейкову» картины дикаго Кавказа, поставьте подлѣ нихъ простодушные, умирительно-трогательные рассказы о Швейцарцахъ Гебеля и множество въ другихъ родахъ стихотвореній: гдѣ найти можно болѣе убѣжденія въ истинахъ гражданственныхъ, семейныхъ, и прелести красотъ природы, чистыхъ нравовъ, вѣрованія въ Провидѣніе и покорности судьбѣ, Нѣтъ непосылаемой?

Въ періодѣ мужества, чувствуя потребность дѣятельности въ сферѣ высшей, развивающей силы и влияніе на умы, Жуковский вступаетъ въ состязаніе съ гениями разныхъ народовъ, и на родной почвѣ утверждаетъ памятники, которыми гордится человечество. Усвоивъ Русской литературѣ «Орлеанскую Дѣву» Шиллера, поэтъ не только далеко подвинулъ успѣхи нашего разговорнаго языка, но и открылъ для насъ новую область Христіанской драмы со всѣми красотами историческихъ характеровъ, развитія интереснѣйшихъ сценъ, живости разговоровъ, и такимъ образомъ далъ намъ почувствовать все очарованіе высочайшихъ пѣтний въ стройной ихъ полнотѣ. Лучшій эпизодъ изъ «Далла-Рукъ» Мура, подъ названіемъ «Ангель и

Пери», равно какъ и поэму Байрона «Шильонскій Узникъ» онъ успѣлъ обработать въ томъ же году. Вальтеръ-Скоттъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ, Уландъ, попеременно занимали его для совершенствованія нашего. Къ этому же времени относятся первые опыты перевода его Древнихъ. Изъ Овидія онъ представилъ «Цепсеа и Гальціону», изъ Виргилія «Разрушеніе Трои», а изъ Гомера лучшія мѣста нѣсколькихъ пѣсней Илиады. Заключеніемъ этой изумительной дѣятельности въ періодѣ мужества поэта являются три поэмы: одна въ своемъ основаніи содержитъ Германское изъ среднихъ вѣковъ народное преданіе, другая чисто-историческая, а третья заимствована изъ древнихъ сказаній Индіи. Ничего нѣтъ общаго между ними, кромѣ неизмѣнно-ровныхъ и повсюду одинаково-увлекательныхъ движеній души человеческой, всѣмъ понятнаго голоса сердца нашего, и той дѣвственной прелести изображеній, которая сопровождаетъ каждую черту произведеній Жуковского. «Ундицу» было бы странно и сравнивать съ подлинникомъ Фукке. Изъ его сказки, написанной прозою, она явилась у насъ совершенствомъ поэзіи. Ея воздушно-прозрачный колоритъ, граціозно-музыкальный стихъ, сердечнымъ участіемъ проникнутый тонъ, и безыскусственная, ни одною линіею не нарушенная простота рассказа указываютъ поэмѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ нашей. «Камозисъ» Гальма послужилъ для Жуковского основаніемъ къ апотеозу поэзіи, изображенному стихами, до такой степени сильными и увлекательными глубиною мыслей, что нѣтъ столь упорнаго скептика, который бы безъ внутренняго убѣжденія оставилъ поэму. «Наль и Дамаянти», неувядающій цвѣтокъ Индійской поэзіи, краса каждой литературы, въ стихахъ поэта нашего блистаетъ всею свѣжестью весны и разливаютъ ея благоуханіе. Изъ дивной области этихъ трехъ населеній, гдѣ на каждомъ шагѣ становишься добрѣе, чище, возвышеннѣе, сердце читателя выноситъ лучшіе обѣты жизни и тѣ неизгладимыя впечатлѣнія, съ которыми связаны лучшіе наши поступки и правила.

Въ самой жизни Жуковского этому періоду суждено было высокое предназначеніе. Не безъ воли Промысла на него возложена была священная обязанность руководить образователей ума и сердца Государа Наслѣдника Престола. Возвышенная душа поэта, какъ бы въ предчувствіи ожидающаго ее жребія, высказалась Августѣйшей Матери, привѣтствуя рожденіе Ея Первенца:

«Но Онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля;

Здѣсь возмужать орелъ нашъ двоглавыи;
 Кругомъ его и небо земля,
 Питавши Россію въ колыбели;
 Здѣсь жизнь отцевъ великая была;
 Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли —
 И здѣсь ихъ прахъ могила припала:
 Обманетъ ли сіе знаменанье?...
 Прекрасное Россію упованье
 Тебѣ въ Твоемъ младенцѣ отдастъ.
 Тебѣ Его младенческія лѣта!
 Отъ ихъ плень ко входу въ бури свѣта
 Пускай Тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
 Съ душой, на все прекрасное готовой,
 Наставленный достойнымъ счастья быть,
 Великое съ величьемъ сносить,
 Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
 И быть въ дѣлахъ время своихъ красой.
 Лѣта пройдутъ; подвижникъ молодой,
 Откинувши младенчества забавы,
 Онъ полетитъ въ путь опыта и славы:
 Да встрѣтитъ онъ обильный честию вѣкъ,
 Да славнаго участникъ славный будетъ,
 Да на челѣ высокой не забудетъ
 Святѣйшаго изъ званій — *человѣкъ!*
 Жить для вѣковъ въ величій народномъ,
 Для блага *всѣхъ* — свое позабывать,
 Лишь въ голосъ Отечества свободномъ
 Съ смиреніемъ дѣла свои читать —
 Вотъ правила Царей великихъ Впуку.
 Съ Тобой ему начать сію науку.
 Теперь, едва проснувшійся душой,
 Предъ Матерью, какъ будто предъ Судьбой,
 Безпечно онъ играетъ въ колыбели,
 И радости младыя прилетѣли
 Ея покой прекрасный оживлять:
 Житейское отъ ней еще далеко....
 Храни ее заботливая Мать:
 Твоя любовь—всевидающее Око;
 Въ Твоей любви—святая Благодать (III. 8).»

Открывъ поприще мужества своего этими стихами, какъ уполитительно и глубоко-назидательно, по теченіи *двадцати* лѣтъ жизни, въ полномъ значеніи *исторической*, оглядывается онъ на прошлое и говоритъ, приближаясь къ свѣтлому покою завидной старости своей:

«Годы пролетѣли
 Мгновеньемъ падо мной, оставивъ мнѣ
 Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
 Времени, чего-то чуднаго, какой-то
 Волшебной жизни....»

«Я увидѣлъ
 Себя на берегу рѣки широкой:
 Садилось солнце; тихо по водамъ
 Суда сія плыли, и за ними
 Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
 Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
 Его дверей хозяйка молодая
 Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла....»

И то была моя жена съ моею
 Малюткой дочерью....

«И нынѣ тихо безъ волненія летитъ
 Потокъ моей уединенной жизни.
 Смотри въ лице подруги, дашней Богомъ
 На освященіе сердца моего,
 Смотри, какъ спитъ спомъ ангела на лонѣ
 У матери младенецъ мой прекрасный,
 Я чувствую глубоко тотъ покой,
 Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
 Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
 Земныя всѣ смиряющій тревоги:
 Да не смущается твоя душа,
 Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
 Въ меня. Мнѣ было суждено своею
 Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
 Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
 Спасителя святыя написать,
 И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ,
 Рука жены и дочери рука,
 Еще на легкой жизненной страницѣ,
 Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
 На гробовой гостепріимный камень
 Перенести въ успокоеніе скорби,
 Въ воспоминаніе земнаго счастья,
 Въ вознагражденіе любви земныя
 И жизни вѣчныя на упованье (V. 347).»

XVIII.

Многія изъ стихотвореній Жуковского драгоценны не только какъ образцы художническаго совершенства и какъ *нетлѣныя слова*, равносильныя *благимъ дѣламъ*, но какъ и лучшія дополненія къ его біографіи, которая нѣкогда должна явиться въ видѣ назидательнѣйшаго для всѣхъ чтенія. Таково, между прочимъ, только-что приведенное мною. Правда, для полнаго уразумѣнія стихотвореній этого рода необходимы нѣкоторыя поясненія обстоятельствъ частной его жизни, тѣмъ болѣе, что самъ онъ, всегда скромный и довольствовавшійся благомъ однихъ ощущеній, не расточалъ передъ толпою лучшихъ сокровищъ души своей; не трудно однако же человѣку, который съ любовью изучалъ его поэзію, а слѣдовательно хотъ издали шелъ и за самимъ поэтомъ, угадать, даже опредѣлить многое и въ этихъ стихотвореніяхъ.

Окончаніе упоминаемаго выше стихотворенія состоитъ изъ меланхолическаго прощанія съ поэзіею, которое, благодаря судьбѣ, не оказалось послѣднимъ.

«И нынѣ я
 Тѣмъ милымъ именемъ *послѣдній цвѣтъ*,
 Поэзіей мнѣ дашней, знаменую
 Въ воспоминаніе всего, что было
 Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
 И что теперь такъ сладостно чаруетъ
 Покой моей обвечерѣвшей жизни (V. 330).»

Отсюда начинается новый періодъ Жуковского поэзіи; исключительная любовь къ представленіямъ идей, образовъ и положеній, высокихъ для созерцанія, но каждому доступныхъ по ихъ естественности и простотѣ, отстраненіе малѣйшей изысканности въ выраженіяхъ и оборотахъ языка, словомъ, явное охлажденіе къ искусственности, вмѣсто которой является неподражаемая прелесть истиннаго искусства. Въ этомъ мірѣ поэзіи прожилъ Жуковский свои послѣдніе десять лѣтъ.

Если необходимо остановить вниманіе на чемъ нибудь изъ написаннаго поэтомъ въ эту пору, безъ сомнѣнія каждому изъ читателей прежде всего вспомнится «Рустемъ и Зорабъ», повесть изъ «Шахъ-Наме». Въ Европейскую литературу это Восточное созданіе вноситъ появленіемъ своимъ столько поразительныхъ красотъ и совершенствъ, что выборъ его для перевода уже составляетъ важную заслугу въ области поэзіи. Нельзя вообразить событія болѣе трагическаго, трогательнаго и вмѣстѣ величественнаго, какъ рассказанное въ повѣсти, хотя оно совершается со всею простотою истины, безъ всякой театральности и натяжки. Сердце разрывается отъ трепета и боли передъ созерцаніемъ страшнаго могущества рока. И въ тоже время картины природы, описанія нравовъ, крики страстей, сокровенные изгибы человѣческаго сердца, въ краскахъ самыхъ разнообразныхъ, поочередно являются и уносятся передъ зрителемъ, наполняя его разнородными ощущеніями. Для сохраненія этихъ рѣзкихъ, новыхъ красотъ, не знающихъ нашихъ убавствъ, необходимо было создать выраженія, обороты, самые періоды рѣчи столь же сильные и безыскусственные, столь же впечатлительные и свободные, какъ эта поэзія. Жуковский (если не странно такъ сказать) превзошелъ самаго себя. Его стихи, сохраняя всегдѣшнюю свою прелесть точности, музыкальности и прозрачности, отличены здѣсь какою-то металлическою твердостью и простотою языка первобытнаго. До малѣйшей подробности въ описаніяхъ и рассказахъ онъ раскладываетъ передъ вашими глазами все предметы такъ вѣрно, въ порядкѣ, живо и вмѣстѣ такъ спокойно, какъ будто въ немъ движется Рустемова сила. Можно ли, на примѣръ, что нибудь, изъ самаго лучшаго писателя, на какомъ бы то ни было языкѣ, сравнить съ слѣдующими стихами?

«И начали богатыри сѣбѣжаться,
И сблизились, и видѣли другъ друга
Уже въ лицо. Зорабъ,
Къ отцу влекомый тайной силой,
Съ весельемъ руки потирая,
Воскликнулъ: здравствуй, старый богатырь,
Какому я подобнаго и сонный
Не видывалъ! Моя завидна участь:

И лѣтами еще полуребенокъ,
А мнѣ съ такимъ обдержаннымъ въ бою
Желѣзнымъ вонпомъ досталось
Впервые силу испытать.
Великъ твой ростъ; плечами ты широкъ;
Но много взяли силъ твоихъ
И годы и сраженья;
Съ моею молодостью крѣпкой,
Съдой боишь, твоя не сладитъ старость. —
На щеки розовыя сына
Взглянувъ, Рустемъ сказалъ: не горячись,
Прекрасный, огненный младенецъ;
Земля тверда, хотя и холодна;
А воздухъ тепелъ, но уступчивъ;
Я на своемъ вѣку немало
Полей сраженья перешелъ,
И многимъ войскамъ, гордымъ силой,
Помогъ въ сырую землю лечь;
Ихъ много спитъ, въ ея глубокомъ лонѣ
Моей рукою погребенныхъ;
Ты скоро самъ то испытаешь,
Когда тебя съ другими положу я
Убитаго во глубь земли холодной;
Когда же, паче ожиданья,
Моей руки ты избѣжишь,
То ужъ тебѣ никто—ни человекъ,
Ни крокодилъ, ни левъ—не будутъ страшны.
Но слушай, милое дитя:
Мнѣ жалъ тебя; мнѣ жалъ такую
Младую душу изъ такого
Прекраснаго исторгнуть тѣла;
Ты съ Туркомъ, пальма красоты,
Не сходишь; я подобнаго тебѣ
Не знаю и въ самомъ Иранѣ;
Мнѣ жалъ тебя. — Такую рѣчь
Привѣтно пѣжную услышавъ,
Зорабъ почувствовалъ, что въ немъ
Вся внутренность затрепетала,
И онъ сказалъ: о бодрый старецъ мой,
Я объ одномъ спрошу тебя смиренно;
Отвѣтствуй мнѣ по правдѣ: кто ты?
У нашихъ праотцевъ благой
Обычай былъ — себя передъ сраженьемъ
Именовать.... Какой-то голосъ
Мнѣ тайно говоритъ, что ты
Рустемъ, зеленаго шатра
Владѣтель. — Такъ сказалъ Зорабъ....
И такъ надъ ними близко,
Неузнанное, пролетѣло
Мгновеніе, которымъ гибель
Могла бъ въ спасеніе обратиться,
И злоба въ лѣжную любовь....
Но темный духъ нашелъ тутъ на Рустема;
Онъ отвѣчалъ: я не Рустемъ.... (VI. 146.)»

Очарованіе первобытной поэзіи естественно должно было навсегда удерживать поэта въ своей сферѣ. Онъ почувствовалъ потребность посвятить послѣдніе годы свои Гомеру. Изъ его воззрѣній на «Одиссею» мы убѣдились, какъ ясно постигалъ

онъ приняты имъ обязанности, а чтеніе перевода его всѣмъ дало почувствовать, какое достоинствѣ укрѣплено за Русскою литературой предсмертнымъ его трудомъ. За «Одиссею», по предположенію поэта, должна была явиться «Іліада» и, какъ вѣнецъ подвиговъ, Христіанская поэма «Странствующій Жидъ»; но Провидѣнію угодно было отозвать къ Себѣ труженика съ неоконченнаго поприща трудовъ его — и мы, смотря на одни начатки, тѣмъ не менѣе приносимъ на свѣжую могилу его полную дань нашей признательности.

Заключаю краткій обзоръ своей стихотвореній Жуковского однимъ только замѣчаніемъ о немъ самомъ: въ этомъ лицѣ природа соединила всѣ лучшія качества, которыя обыкновенно раздѣляетъ она между многими. Ни преклонность лѣтъ, ни утомительные труды, ни самое счастье семейственное не ослабили въ его бодрой до смерти душѣ ни одного изъ тѣхъ могущественныхъ двигателей ума и воображенія, съ которыми такъ неизмѣнно шелъ онъ къ безсмертію. Кака-то сверхъестественная игривость мысли, похожая на младенческую беззаботность, сопровождала слова его даже въ послѣднихъ бесѣдахъ. Когда окончилъ онъ стихотвореніе свое «Царскосельскій Лебедь», изумительное по юношескимъ красотамъ поэзіи, вотъ что о немъ сказалъ онъ въ письмѣ къ мнѣ: «Посылаю вамъ «новые мои стихи, біографію Лебеда, котораго я знавалъ во «время оно въ Царскомъ Селѣ. Объ немъ я вспомнилъ, увидя въ Баденѣ «Великую Княгиню Марію Николаевну, Которая «была для меня явленіемъ Руси на чужой сторонѣ. Мнѣ хотѣлось «просто написать картину Лебеда въ стихахъ, дабы моя дочка «ихъ выучила наизусть; но вышелъ не простой Лебедь»... При послѣднихъ словахъ теперь невольно сжимается сердце... Это въ самомъ дѣлѣ вышелъ не простой Лебедь, а предсмертная пѣнь нашего Лебеда.

НѢ.

О ЗНАЧЕНІИ ГОГОЛЯ ВЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

И. И. Давыдова. *)

Не смотря на безпредѣльное поприще науки и искусства, гдѣ каждому ученому и художнику всегда оставаться будетъ много мѣста для занятій, мы иногда бываемъ слишкомъ взыскательны въ отношеніи къ тѣмъ изъ собратьевъ нашихъ, которые выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Лишь гробница отдаляетъ на безконечное пространство человека, произнося-

*) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Апрѣля 10-го.

щаго мнѣніе, отъ того, о комъ мнѣніе произносится. Тутъ прекращаются мелочные расчеты, утихаютъ страсти — и появляется истина.

Къ этой грустной думѣ приводитъ насъ недавняя утрата, понесенная нами въ Гоголя, писателя самобытнаго, талантъ своеобразный. И Гоголь, мало бывавшій въ столкновеніи съ людьми, повидимому не имѣвшій враговъ, посвятившій всю жизнь литературѣ, имѣетъ восторженныхъ хвалителей и немалыхъ порицателей. Достоинства его и талантъ мы видимъ яснѣе теперь, когда его среди насъ не стало.

Этому писателю, похищенному смертью въ періодъ полного его развитія, я почитаю себя обязаннымъ, въ качествѣ Академика, принести дань справедливаго уваженія. Безъ сомнѣнія, многіе изъ литераторовъ нашихъ займутся его жизнеописаніемъ, подробнымъ разборомъ каждаго его сочиненія, исполнѣ оцѣнить литературныя его заслуги: я намѣренъ въ настоящемъ случаѣ, въ бѣгломъ очеркѣ, опредѣлить значеніе Гоголя въ отечественной словесности. Не пользовавшійся личнымъ знакомствомъ съ этимъ замѣчательнымъ талантомъ, я выискалъ въ его произведеніи, разбиралъ ихъ съ профессорскою каедрой предъ юными слушателями, со всею строгостью критики: поэтому вы, мм. гг., можете ожидать отъ бесѣды моей спокойнаго изслѣдованія, чуждаго всякаго пристрастія, лишь только руководимаго началами науки. Я ограничусь показаніемъ, во-первыхъ, идеальной вѣрности лицъ и характеровъ въ произведеніяхъ Гоголя; во-вторыхъ, особаго его способа изображенія жизни; въ-третьихъ, значенія Гоголя въ словесности отечественной.

1.

Назначеніе изящнаго искусства вообще и въ особенности поэзіи состоитъ въ томъ, чтобы въ чувственныхъ формахъ представить свободное развитіе духа нашего и непостоянное вѣншее уподобить неизмѣняемой идѣ. Въ искусствѣ только истина, которую разумъ постигаетъ въ природѣ и выражается языкомъ математическимъ, освобождается отъ всѣхъ случайностей и отъ могучаго закона необходимости. Здѣсь духъ проявляется, не стѣсненный пуждами вещественнаго міра, осязательно представляетъ развитіе врожденной силы своей, въ себѣ самой носящей тѣ идеалы, которымъ мы изумляемся въ поэзіи, живописи, музыкѣ. Очевидно, что потребность для духа нашего въ изящномъ искусствѣ рождается отъ недостаточности изящнаго въ природѣ.

Какимъ же образомъ изящное искусство восполняетъ недостатокъ изящнаго въ природѣ? — Все, что въ окружающемъ насъ мірѣ смѣшано съ случайностью, въ искусствѣ приводится къ идеальному; все случайное отбрасывается отъ постоянно пребывающаго, и такимъ *очищеніемъ* воспроизводится *идеалъ*. Посмотрите на живописца: что дѣлаетъ онъ даже при изображеніи чьего-либо лица, гдѣ наименѣе идеалъ проявляется? Онъ уловляетъ одніи существенныя черты, выражающія душу, или идею изображаемаго лица. Въ этомъ вѣншемъ проявленіи идеи, или въ этомъ одухотвореніи дѣйствительности и состоитъ сущность идеала.

Формы, въ которыхъ духъ проявляется въ видимомъ мірѣ, въ искусствѣ принимаются за символы: это только способъ, какимъ духъ выражается. Голландская живопись и. п. изображаетъ мелкія и грязныя сцены домашняго быта: что жъ намъ нравится въ этой Теньеровской живописи? Въ ней мы любимъ твореніями духа, преобразующаго вѣншую, вещественную сторону предметовъ въ представленія, болѣе съ нимъ согласныя; художникъ отвлекаетъ отъ предметовъ физическія, измѣняющіяся качества, и изображаетъ неизмѣнныя ихъ свойства. Отъ этого предметы измѣняющіеся становятся, подобно идеаламъ, прочными: мгновенная улыбка лица, уловленная живописцемъ, на картинѣ продолжается; лучъ свѣта отвердѣваетъ; самая мысль человѣческая останавливается.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ высшемъ значеніи изображенія изящнаго искусства, поэзіи по преимуществу, воспроизводя предметы природы, сохраняютъ ихъ естественную форму, но распространяютъ ихъ силу и смыслъ. Все, существующее въ природѣ частно и индивидуально, въ искусствѣ представляется всеобщимъ. Художникъ и поэтъ замѣтуютъ у природы не все, что въ ней находится, а только черты существенныя, или истинныя — то, чѣмъ предметъ собственно существуетъ. Таковы у Гомера всѣ изображенія героевъ Илиады и Одиссеи, а у Шекспира изображенія Гамлета, Макбета, Цезаря, Брута, Ромео, Юлія. Идеализировать — значитъ творить въ смыслѣ духа, и произведенія искусства тогда только могутъ явиться идеальными, когда художникъ и поэтъ выражаютъ безусловную, вѣчную истину, какъ разумное начало предметовъ.

Въ основаніи каждаго образа предмета лежитъ *первообразъ*: этотъ мысленный первообразъ, по которому художникъ и поэтъ творятъ свои произведенія, носятъ они въ себѣ самихъ; произведенія ихъ рождаются изъ глубины душевной. Художественное или поэтическое твореніе не есть повтореніе чего-нибудь

уже существующаго, или подражаніе, но воспроизводится изъ полноты духа. То, что раздѣлено между безсознательною природою и мыслящимъ духомъ — т. е. необходимость вещества и свободная дѣятельность безсмертной души, въ поэтѣ и художникѣ соединено нераздѣльно. Изящныя произведенія искусства, рождаются въ области фантазіи какъ-бы безсознательно, выполняются сознательно; они представляютъ взаимное проникновеніе вещественной необходимости и свободной духовной дѣятельности. Первообразы, съ которыхъ списываютъ поэтъ и художникъ, не иное что, какъ присущія духу идеи. Напротивъ, если поэтъ и художникъ безусловно подчиняются природѣ; то произведенія ихъ не будутъ идеальными твореніями, а обезображенною дѣйствительностью, тогда какъ они должны быть столько же выше дѣйствительныхъ предметовъ, сколько разумная душа человѣческая выше окружающей насъ безсознательной природы. Безпрерывное измѣненіе чувственныхъ формъ показываетъ намъ, что не въ нихъ заключается сущность вещей и лицъ, и что цѣль искусства, какъ живаго изображенія идеи изящнаго, есть возможное приближеніе къ идеаламъ въ осязательныхъ образахъ. Искусство творитъ неизмѣняемое и вѣчное, изображая лишь то, что составляетъ въ предметахъ неизмѣняемое и истинное, или ихъ идею. Оно тогда подражаетъ природѣ, когда, подобно ей, владѣетъ тѣми законами, по которымъ должно творить свои произведенія.

Эти основныя положенія объ изящномъ въ искусствѣ приложимъ къ изображеніямъ, какія находимъ въ сочиненіяхъ Гоголя.

Обыкновенно упрекаютъ автора *Ревизора* и *Мертвыхъ душъ* въ неестественности дѣйствующихъ лицъ и характеровъ, даже въ невозможности завязки, въ которой заключается вся занимательность этой комедіи и повѣсти о Чичиковѣ.

Но какаю основная идея Ревизора? — Изображеніе эгоизма и своекорыстія подъ личиною усердія къ общей пользѣ. Отсюда развилась художественная картина провинціальнаго общества въ ненормальномъ его состояніи. Въ дѣйствующихъ лицахъ комедіи представлены общіе недостатки, свойственные въ извѣстной мѣрѣ различнымъ классамъ общества. Завязка вѣрна психологически: это, какъ говоритъ самъ авторъ, *страхъ идущаго вдали закона*. Такой человекъ, каковымъ представленъ Городничій у Гоголя, послѣ различныхъ продѣлокъ, безнаказанно сходящихся съ рукъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, при распространеніи слуха о ревизорѣ, могъ принять Хлестакова за кара-

теля своихъ дѣйствій. Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ уличало его въ преступленія; каждое присутственное мѣсто напоминало ему о его незаконныхъ поступкахъ. Какъ же ему не утрашиться мнимаго ревизора? — Всѣ прочія лица — живыя изображенія темныхъ сторонъ судьи, зрителя богоугодныхъ заведеній, зрителя училищъ: это *типы многого, разбросаннаго въ разныхъ характерахъ*, и все это здѣсь соединилось въ представленныхъ лицахъ.

Точно тоже должно сказать о дѣйствующихъ лицахъ въ Мертвыхъ душахъ: всѣ они представляютъ *общее въ единичномъ*, или наоборотъ, дѣйствительность, возведенную на степень общихъ идей. Возьмемъ *Поздрева*: развѣ это не самое вѣрное изображеніе разбитнаго малаго, взбалмошнаго, хвастуна, забіяки? Развѣ мы не видимъ *Собакевичевыхъ*, или людей, у которыхъ, по словамъ самого Гоголя, тѣло осилило все и стало неспособно къ выраженію душевныхъ движеній? Не удивительна ли типъ скряги, *Плюшкина*, скупость котораго уничтожила всѣ человѣческія чувства и превратила ихъ въ одинъ животный побужденій?

Говорить ли объ изящныхъ изображеніяхъ, какими оживлены *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, *Старосельскіе помѣщики*, *Тарасъ Бульба* и другія повѣсти? На нихъ лежитъ печать сильной основной мысли, истины и окончанности характеровъ, вѣрности описаній мѣстностей, городскихъ нравовъ и деревенскихъ обычаевъ, свѣжести и яркости красокъ каждой поэтической картины. Какая прелесть въ картинахъ Украинскихъ ночей, Дѣйра, степей, Плюшкина сада, дороги! Во всѣхъ изображеніяхъ Гоголя представляется только то, что *составляетъ въ предметахъ неизмѣняемое, истинное, ихъ идею* въ осязательныхъ формахъ; а такія представленія, какъ мы сказали выше, произведенія творческой фантазіи, и называемъ мы изящными, или изображеніями идеаловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ поразительная народность. Тарасъ Бульба, изображалъ общую идею борьбы долга службы съ чувствованіемъ отца, представляетъ и эпоху удалства и подвиговъ козачества. Онъ съ природою своею составляетъ одно цѣлое — съ его побѣмъ, Дѣйпровскими порогами и копей; онъ у себя дома лишь только въ Запорожьи. Одинъ только истинный поэтъ и художникъ носить въ себѣ даръ и потребность выражать въ вѣрной формѣ все, что они чувствуютъ и что представляетъ ихъ фантазія; они легко находятъ въ себѣ особое воззрѣніе на природу и человѣка, какъ органъ для выраженія мысли. Отъ того все, что живетъ и волнуется въ душѣ поэта и ху-

дожника, проявляется въ чувственныхъ образахъ, знакомыхъ имъ изъ міросозерцанія, примѣненныхъ къ ихъ цѣли; чрезъ нихъ выражаютъ они истину въ совершенствѣ.

Послѣ этого справедливы ли упреки, какіе иными дѣлаются Гоголю? Чуждый неумѣренныхъ восхваленій, доходившихъ до восторженности, я не могу равно не удивляться, какъ нѣкоторые изъ заслуженныхъ литераторовъ не признають изящества въ произведеніяхъ этого замѣчательнаго таланта. Истинные идеалы понятны для всѣхъ и каждого, потому что въ началахъ, заставляющихъ лица и характеры дѣйствовать, мы узнаемъ собствѣнные наши страсти и стремленія.

II.

До сихъ поръ изслѣдовали мы осуществленіе идеи изящнаго, или идеала, и видѣли, какъ образы Гоголя идеальны и вѣрны, представляя типы въ лицахъ. Теперь рассмотримъ особый его способъ изображенія жизни.

Идея изящнаго, или идеалъ, по причинѣ органическаго единства идеи съ формою, въ послѣдовательномъ развитіи своемъ во времени всегда находитъ соотвѣтственную себѣ форму. Въ этомъ отношеніи развитіе идеала представляетъ три главныя формы: *символическую, классическую и романтическую*. Въ символической формѣ идея отыскиваетъ настоящее выраженіе себя самой въ искусствѣ, и не находитъ; потому что выраженіе еще неопредѣленно. Она не можетъ проявить себя во внѣшней природѣ согласно съ ея истинною сущностью. Напротивъ, единство и совершенная гармонія идеи и ея внѣшняго проявленія составляютъ вторую форму — *классическую*. Въ дальнѣйшемъ развитіи идея изящнаго не удовлетворяется формами внѣшняго міра, уединяется въ свой внутренній міръ. Это сосредоточеніе духа въ себѣ самомъ есть типъ формы романтической. Короче, символическое искусство *ищетъ* совершеннаго единства идеи съ внѣшнею формою, и не находитъ; искусство классическое *находитъ* его; романтическое *выходитъ* изъ этого единства, по причинѣ безконечной своей духовности, которая выше видимаго міра. Совершенство классическаго искусства состояло въ сліяніи идеи съ формою, когда природа была одухотворена, когда духъ создалъ изъ нея вѣрное изображеніе себя самого. Развитіе и возвышеніе духа, находящаго въ себѣ то, чего прежде искалъ онъ въ мірѣ чувственномъ — духа, сознающаго себя и гармонирующаго съ самимъ собою, составляетъ основное начало романтическаго искусства. Чтѣ изображаютъ творенія Гомера и Гезіода? Это олицетворенные представи-

тели вышней природы, двигатели физическихъ явленій. Но первая картина новаго искусства романтическаго есть Страшный Судъ Микель-Анджело, а за нею Рафаэлева Мадонна. Первыми произведеніями архитектуры были соборныя церкви. Первая поэма въ Христіанской поэзіи — Дантовъ адъ, чистилище и рай.

Изищное въ искусствѣ романтическомъ является болѣе *высокимъ*, нежели прекраснымъ, какъ въ искусствѣ классическомъ. Но какъ высокое познается въ борьбѣ духа человѣческаго или съ самимъ собою, или съ окружающимъ его міромъ; то оно и представляетъ двѣ противоположности: *трогательное*, или торжество духа, и *смѣшное*, когда духъ подчиняется чувственности. У Шекспира обѣ стороны высокаго, трогательнаго и смѣшнаго, встрѣчаются въ одномъ и томъ же произведеніи; отъ важныхъ явленій жизни поэтъ спускается къ мелочнымъ подробностямъ. Таковъ въ Гамлетѣ разговоръ стражи на дворцовомъ дворѣ; въ Ромео и Юліи — шутки слугъ, и подобныя сцены въ другихъ трагедіяхъ. — Эти двѣ стороны новаго искусства имѣютъ основаніемъ — одна сочувствіе и любовь ко всему возвышенному и нравственному въ жизни; другая — чувство негодованія ко всему пошлому и безнравственному. Въ душѣ поэта и художника начертанъ идеаль нравственнаго совершенства — образъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. Мѣра приближенія къ этому идеалу, или мѣра удаленія отъ него — вотъ, что составляетъ предметъ наблюдательнаго таланта. Отъ того одинъ вдохновляется достоинствами людей и нравственнымъ ихъ совершенствованіемъ; другой изображаетъ уклоненія отъ совершенства — говоря словами Гоголя, *всю потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь*. Въ томъ и другомъ изображеніи жизни цѣль одна, различіе въ способѣ достиженія этой цѣли: цѣль того и другаго — идея жизни, достойной человѣка, нравственнаго совершенства; способы — одинъ прямой, другой косвенный. Тотъ вѣрно сочувствуетъ всему высокому, кто отвращается отъ всего ничтожнаго. «Развѣ положительное и отрицательное, говоритъ Гоголь (въ Театральномъ развѣздѣ послѣ представленія Ревизора), не можетъ служить той же цѣли? Развѣ трагедія и комедія не могутъ выразить одну и ту же высокую мысль? Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокою мыслью послужить прекрасному».

Наконецъ въ новомъ искусствѣ мы встрѣчаемъ еще изображенія такого состоянія души, въ которомъ сливаются и все-

лость, возбуждаемая противорѣчіями жизни, и горькое сожалѣніе объ уклоненіяхъ человѣка отъ высокаго его назначенія. Въ такомъ сліяній *смѣха и слезъ* заключается сущность юмора. Гоголь выразилъ самъ назначеніе своего юмора: «озарить жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримый, невѣдомый ему слезы.»

Такъ какъ въ словесности нашей мы видимъ разумную послѣдовательность литературныхъ понятій и требованій: то кого изъ писателей нашихъ назовемъ мы представителемъ этой современной юмористической поэзіи? Кто у насъ сталъ изображать въ произведеніяхъ своихъ все, что сердце человѣка заключаетъ въ глубинѣ своей — его радости и страданія, его желанія, дѣйствія и стремленія? Изображеніе въ человѣческой природѣ того, что въ ней есть неизмѣннаго, и притомъ со всѣмъ разнообразіемъ отечественныхъ элементовъ и формъ, послѣ Жуковскаго и Пушкина принадлежитъ въ нашей словесности Гоголю. Жуковский всегда будетъ представителемъ поэзіи романтической; по сильному вліянію его твореній, можно назвать его воспитателемъ цѣлаго поколѣнія. Отъ направленія, данного поэзіи Пушкинымъ, романы и повѣсти стали избирать сценою дѣйствія Русь, отражать Русскую жизнь, возсоздавая ее изъ народнаго характера въ различныхъ видахъ и на разныхъ ступеняхъ общества. Но выразить въ художественныхъ произведеніяхъ потребность современную, изобразить привычки, страсти, оттѣнки характеровъ ненормальныхъ — это досталось въ удѣлъ Гоголю. Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковский, Грибоедовъ, Пушкинъ, представляютъ *последовательность въ развитіи нашей словесности*; въ глубокомъ же изображеніи жизни съ *темной ея стороны* пальма первенства должна быть отдана Гоголю.

Изъ предыдущихъ изслѣдованій ясно, что и пошлая жизнь, за изображеніе которой многіе упрекаютъ Гоголя, имѣетъ мѣсто въ искусствѣ, равно какъ и въ природѣ возлѣ человѣка, вѣнца Божіаго творенія, преемляется отвратительный крокодиль и гремучій змѣй. «Равно чудны, говоритъ самъ поэтъ, стекла, озирающія солнца, и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ; много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія; высокий, торжественный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ.» Поэтому Гоголь по своему достигаетъ цѣли поэзіи: *идею жизни*, достойной человѣка, *изображаетъ* онъ не прямымъ, а *косвеннымъ* способомъ.

III.

Исследовавъ вѣрность изображеній лицъ и характеровъ въ произведеніяхъ Гоголя, его особый способъ изображенія жизни, что заключимъ мы о значеніи Гоголя въ словесности отечественной?

Выслушаемъ собственныя его признанія (Выбран. мѣста изъ переписки съ друзьями стр. 141-143). «Обо мнѣ много толковали, пишетъ Гоголь, разбирая кое-какія мои стороны; но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышатъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставить такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человека, чтобъ вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза вѣдѣ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно въ послѣдствіи усугубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Это свойство выступило съ болѣею силою въ Мертвыхъ душахъ»

Потомъ онъ продолжаетъ:

«Мертвыя души не потому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобъ онѣ раскрыли какія-нибудь раны общества или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобъ представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ни чуть не бывало. Герой мой вовсе не злодѣй: прибавъ я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирится бы съ ними со всѣми. Но пошлость всего извѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другаго, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что нѣгдѣ даже и отдохнуть или перевести духъ бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ изверговъ, но пошлости не простили мнѣ.»

Мы уже выше замѣтили, что это воззрѣніе на жизнь человека, противорѣчащую законамъ духовной или физической его природы, равно принятымъ условіямъ и формамъ общества, въ искусствѣ одинаково важно съ воззрѣніемъ на всѣ другія стороны человѣчества: оно требуетъ также творческой художественной дѣятельности. Грязныя подробности нѣкихъ картинъ, представляющихъ пошлость жизни, многимъ бросаются въ глаза: справедливо, что и безъ нихъ картины не потеряли бы своего до-

стоинства. Но таланты сами не могутъ противиться причудливости своей фантазіи. Истинный поэтъ и художникъ носятъ въ себѣ даръ и потребность выражать въ своей любимой формѣ все, что они чувствуютъ и что представляетъ ихъ фантазія; они въ себѣ находятъ и особое воззрѣніе на природу и человѣчество. Идея, составляющая основаніе избраннаго поэтомъ или художникомъ предмета, присущая духу, ихъ вдохновляетъ. Поэтому не будемъ оскорблять ихъ упреками въ томъ, что намъ не нравится: лучше поблагодаримъ ихъ за то, чѣмъ мы наслаждаемся въ ихъ произведеніяхъ. Творенія Гоголя показываютъ, что предметъ ихъ былъ имъ изученъ глубоко и зрѣло обдуманъ. Обыкновенно истина, общая основа и искусства и науки, не является въ искусствѣ въ видѣ философической мысли: фантазія облакаетъ отвлеченную истину въ осязательную форму, въ живую дѣйствительность. Все, что волнуетъ въ душѣ поэта, какъ сказано выше, является въ чувственныхъ образахъ, примѣненныхъ къ его цѣли. Въ этой умственной работѣ, отличающей разумный элементъ въ чувственной формѣ, поэтъ призываетъ на помощь глубокую чувствительность, которая эту форму усваиваетъ, претворяетъ въ собственное свое существо. Такимъ только образомъ поэтъ бываетъ въ состояніи повѣдать намъ тайны жизни. Такъ у Гоголя мать, которая не наглядится на двухъ сыновей своихъ, пріѣхавшихъ изъ бурсы, и которая провожаетъ ихъ и благословляетъ на службу, не есть ли идеалъ материнской любви и нѣжности? Или козакъ, благоговѣнно преданный вѣрѣ своей, свято хранящій присягу, при казни сына, перемѣниваго вѣру, уступаетъ на мгновеніе чувству отца, не показываетъ ли глубокаго изученія человѣческаго сердца? Всѣ тончайшіе оттѣнки въ характерахъ городничаго, смотрителя богоугодныхъ заведеній и уѣзднаго училища, Бобчинскихъ и Добчинскихъ, Маниловыхъ и Собакевичевыхъ, Коробочекъ и Плюшкиныхъ, не свидѣлствуютъ ли многолѣтнихъ психологическихъ наблюденій, которыя самому художнику стоили горячихъ слезъ? Не удивляемся ли мы множеству бѣглыхъ, но вѣрныхъ очерковъ лицъ и характеровъ, городовъ и деревень? А эти вздохи, которые иногда вырываются изъ груди писателя, не служатъ ли доказательствомъ, что онъ самъ страдалъ за свои изображенія? Не за подобныя ли изображенія мы не перестаемъ удивляться Тациту, Ювеналу? Развѣ у Фонъ-Визинна, въ «Горѣ отъ ума» Грибоѣдова, «въ Овѣгнѣ» Пушкина, мы видимъ не ту же ложность и пустоту жизни? Разность только въ томъ, что Фонъ-Визинъ *сплется* надъ своими лицами, Грибоѣдовъ *негодуетъ*,

Пушкинъ *вскрываетъ* раны испорченнаго сердца; а Гоголь, спокойно рисуя свои типы и возводя дѣйствительность въ *перло искусства, самъ груститъ*. Смѣхъ, имъ возбуждаемый, по справедливости достоинъ стать рядомъ съ лирическимъ движеніемъ.

Вотъ это юмористическое изображеніе *пошлости жизни* и составляетъ характеръ произведеній Гоголя; особымъ юморомъ отличается онъ отъ другихъ писателей, сходныхъ съ нимъ по направленію и равныхъ по таланту. Въ немъ глубокое чувство и самая своеправная фантазія подчиняются въ высшей степени аналитическому уму, который въѣмъ образамъ сообщаетъ необыкновенное спокойствіе и вѣрность въ очертаніяхъ. У него дѣйствіе проходитъ въ глазахъ нашихъ такъ же естественно и просто, какъ бываетъ оно въ жизни. Гоголь забываетъ самого себя, и переселяется фантазіею въ міръ вышній. Отъ того въ его изображеніяхъ и характерахъ удивительная ясность, опредѣленность, личность; въ нихъ совершенное *согласіе дѣйствительности съ идеальностью* — цѣль изящнаго искусства. Между Нѣмецкими писателями въ томъ родѣ юмористическихъ романовъ и повѣстей прославились Ж. Поль Рихтеръ и Гофманъ, съ которыми сравниваютъ нашего писателя; но юморъ перваго любить чудесное, а юморъ втораго создаетъ себѣ особый міръ привидѣній, которымъ недостаетъ опредѣленнаго очертанія и полнаго колорита. Скорѣе можно сравнить Гоголя съ Диккенсомъ, изумляющимъ своими тоже вѣрными, точными и свѣжими изображеніями обыкновеннаго быта житейскаго. Внесеніемъ въ отечественную словесность *новой юмористической стихіи приобрѣлъ Гоголь литературное у насъ значеніе*.

Этимъ, по мнѣнію нашему, и ограничиваются литературныя заслуги Гоголя. Избранный имъ родъ поэтическаго творчества, выражаясь его же словами, *тина мелочей, опутавшихъ нашу жизнь*, занимая насъ, не дѣйствуетъ однако на душу животворно, не увлекаетъ за собою, не собираетъ около себя послѣдователей. Забавныя шутки и каррикатуры не потрясаютъ насъ столько, какъ послѣдовательное развитіе возвышеннаго предмета. Художественное произведеніе во всѣхъ искусствахъ, какъ живой организмъ, тогда является истиннымъ творчествомъ, когда части цѣлаго представляютъ развитіе изъ одного начала, и когда поэтъ и художникъ, проникнутые и одушевленные идеею предмета, не искажаютъ ея излишними околичностями. Такъ выражали идеалы свои Гомеръ, Софоклъ, Шекспиръ, Гёте. Юморъ же позволяетъ себѣ прикрасы, не рѣдко чуждыя предмету и отвсюду заимствованныя.

Кромѣ свойства самаго рода творчества, который, какъ все *отрицающее*, не животворитъ и не влечетъ за собою, Гоголю недостаетъ совершенства и безукоризненности выраженія; а совершенное выраженіе для писателя — стихъ и рѣчь живописно-мелодическая. Достоинство стихотвореній Жуковского, сверхъ внутреннего изящества, заключается въ прелести стиха; по выраженію самого Гоголя, *онъ легокъ и безтѣлесенъ какъ видѣніе*. Художническій стихъ Пушкина выказываетъ даже отливы душевныхъ движеній, жизнь изображаемаго предмета. У него не только каждый стихъ, но и слова, отдѣльно взятая, соответствуютъ со всею точностью выражаемой мысли. Отъ того, съ появленіемъ первыхъ произведеній Жуковского и Пушкина, за ихъ триумфальными колесницами устремились толпы послѣдователей и подражателей. А Карамзинъ, кромѣ безсмертнаго творенія отечественной исторіи, чѣмъ восхитилъ у всѣхъ современниковъ своихъ пальму *перваго* писателя? Слогомъ и языкомъ. До сихъ поръ нѣтъ ему равнаго по описаніямъ и повѣствованіямъ, по легкости, живости, простотѣ, благозвучію, неистощимому обилію. Мысль нераздѣльно соединена съ выраженіемъ, какъ душа и тѣло, и только свѣтлая мысль въ прекрасномъ выраженіи, или, какъ говоритъ поэтъ, *могучей мысли свѣтъ и жаръ и огнедышащее слово* доходятъ до потопства.

Этого огнедышащаго слова мы не находимъ въ произведеніяхъ Гоголя. Если отдѣлимъ рѣчь отъ слога, разумѣя подъ первою общія свойства выраженія, зависящія отъ генія языка, а подъ второю — личный способъ выраженія, зависящій отъ дарованій писателя: то въ рѣчи Гоголя даже найдутся недостатки; но слогъ его самообытный, не смотря на своеправную причудливость. Существенныя отличія его — изобразительность, разнообразіе въ разговорѣ лицъ, показывающемъ характеръ каждого лица, сила въ особенностяхъ тамъ, гдѣ писатель воодушевленъ чувствомъ или любимую мыслью.

Вотъ, для оправданія словъ моихъ, прекрасное по изобразительности описаніе Днѣпра, но не советѣмъ безукоризненное въ отношеніи къ чистотѣ рѣчи. «Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни замелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣсетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ сткляныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отсвѣтитесь въ водахъ.

Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ — и человѣкъ, и звѣрь, и птица; а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю, и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды. Звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ. Ни одна не убѣжитъ отъ него; развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣясь, сплятся закрыть его хотя длиною тѣнью своею — напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Спій, сній, ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, видѣнь за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночнаго холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю; и она вспыхиваетъ будто полоса дамаской сабли; а онъ, сній, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему въ мірѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещать, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать козака, выпроважая своего сына въ войско. Разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбочившись и молодецки заломивъ шашку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки и заливается горячими слезами.»

Но мы были бы несправедливы, если бы требовали отъ писателей всѣхъ условій совершенства поэтическаго; будемъ признательны имъ и за то, что они намъ оставляютъ. Гоголь вѣрнопъ былъ назначенію своему, и онъ совершилъ все, что позволяли совершить силы, свыше ему дарованныя. Если бы онъ написалъ только «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», «Тараса Бульбу», «Старосвятскихъ помѣщиковъ»; то и тогда мы были бы ему благодарны за тѣ наслажденія, которыя перечувствовали отъ этихъ произведеній. Какое право имѣемъ мы на то, чего писатель не могъ или не хотѣлъ для насъ сдѣлать?

«Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,
Все тайна въ немъ, все въ немъ молчитъ;
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства.»

Страшно слышать восторженные возгласы хвалителей, сравнивающихъ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ; но несправедливы, по нашему мнѣнію, и порицатели, которые ставятъ его наравнѣ съ простыми разсказчиками о житьѣ-бытьѣ Малороссій. Гоголь — писатель самообытный, талантъ своеобразный. Ему на долю достался трудный и неблагодарный участокъ литературы — юмористическое изображеніе жизни съ темной ея стороны: и за художническую разработку этого участка занимаетъ онъ почетное мѣсто въ отечественной словесности. Съ этой точки зрѣнія разсматриваемая, идеальная его изображенія лицъ и характеровъ вѣрны, въ послѣдовательномъ развитіи литературныхъ понятій современны, а глубиною чувства они превышаютъ подобныя имъ изображенія другихъ писателей. При всемъ томъ произведеніямъ Гоголя недостаетъ того, что довершаетъ художественность и народность — изящнаго, образцоваго выраженія.

Симъ заключаю бѣглый очеркъ мой о значеніи Гоголя въ отечественной словесности. Литературныя заслуги его для Русскихъ никогда не будутъ забыты. Память о писателяхъ сохраняется въ памятникахъ, которые они сами сооружаютъ въ своихъ твореніяхъ.

ЗАМѢЧАНІЯ

КАСАТЕЛЬНО

НОВАГО ИЗДАНІЯ РУССКАГО СЛОВАРЯ,

ВЫЗВАННЫЯ МНѢНІЕМЪ Г. ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩАГО.

Н.

ЗАМѢЧАНІЯ З.-АКАД. С. П. ШЕВЫРЕВА.

Мнѣніе Г. Предсѣдательствующаго о новомъ изданіи Русскаго Словаря, обнявшее предметъ со всѣхъ сторонъ и изложенное въ столь изящной логической формѣ, въ основныхъ положеніяхъ своихъ, возбудитъ, конечно, полное сочувствіе всѣхъ Членовъ Академіи. Раздѣляя это сочувствіе и покоряясь съ тѣмъ вмѣстѣ приглашенію Отдѣленія выразить мнѣніе свое искренне, я беру смѣлость обратить вниманіе гг. Членовъ на четыре предмета, входящіе въ основныя, полагаемыя для новаго великаго труда: 1) разграниченіе стихій Славяно-церковной и Русской, 2) понятіе о со-

временности Словаря въ отношеніи къ общественному употребленію словъ, 3) внесеніе техническихъ терминовъ изъ наукъ, искусствъ и ремеслъ, 4) опредѣленіе корней въ словахъ.

1. *Разграниченіе стихій Славяно-церковной и Русской.* Исторія Русскаго языка, во всемъ развитіи своемъ, представляетъ ничто иное, какъ взаимное дѣйствіе двухъ стихій: языка народнаго и Славяно-церковнаго, стихій, изъ которыхъ сложилось теперешнее существо языка. Отношеніе, связующее языки Романскіе съ языкомъ Латинскимъ, несколько не можетъ быть примѣнено къ нашему языку. Не только Французскій, но даже Италіанскій языкъ не имѣетъ возможности воспринять въ себя ни одного Латинскаго слова, не измѣнивъ его формы. И въ словаряхъ, и въ грамматикахъ Романскихъ языковъ прерваны всѣ связи съ Латинскимъ ихъ корнемъ. Совершенно противное тому встрѣчаемъ у насъ. Между тѣмъ какъ Италіанскій языкъ и другіе Романскіе образовались изъ подъ гнета языка Латинскаго, нашъ языкъ отечественный, напротивъ, всѣмъ духовнымъ ростомъ и богатствомъ своимъ обязанъ языку Славяно-церковному. Тайна этому явленію—въ живомъ вліяніи Церкви нашей на народъ. А потому вопросъ о разграниченіи двухъ стихій: Русской и Славяно-церковной, долженъ быть поставленъ весьма осторожно, чтобы не нарушить тѣхъ основъ, которыя признала Исторія и признаетъ жизнь современная. Совершенно согласенъ, что большая часть словъ, начинающихся съ *блага* и приведенныхъ на 219-й страницѣ Мнѣнія, по грамматической формѣ своей, не должна имѣть мѣста въ Словарѣ Русскомъ; но многія изъ этихъ словъ, только измѣнивъ окончаніе, смѣло могутъ быть допущены въ Русскую рѣчь. Желательно было бы знать, какъ поступить Словарю съ слѣдующими словами: *дубъ сплывй*, *древочащное*, *восплескати рукою*, *обезидити ихъ мечъ*, *злобою младенствайте* (вмѣсто младенчествойте), *страннопріяти ангеловъ*, *странный* въ значеніи церковномъ, *скань*, *сканый*, *хромецъ*, *спеселать*, *богочувствй*, *богомужный*, *богозрѣніе*, *благодавецъ* и проч. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ можно встрѣтить въ употребленіи извѣстныхъ писателей; но другія могутъ еще ожидать употребленія. Мнѣ кажется, слѣдовало бы поставить правиломъ: изъ Церковно-Славянскаго языка вносить въ Русскій Словарь всѣ тѣ слова, которыя своею грамматическою формою не противорѣчатъ Русскому языку, за исключеніемъ, разумѣется, такихъ словъ, которыхъ самое значеніе въ Русскомъ языкѣ не существуетъ, какъ на примѣръ: *сокальница* (кухня), *сокальчій* (поварь), и проч.

2. *Понятіе о современности Русскаго Словаря въ отношеніи къ общественному употребленію словъ.* Понятіе о современности Русскаго языка, касательно употребленія словъ,

полагаемое въ основу изданію Словаря, есть понятіе слишкомъ относительное и произвольное. Если Отдѣленіе приметъ на себя задачу рѣшать судьбу каждого слова относительно современнаго его употребленія или неупотребленія въ обществѣ, то въ такомъ случаѣ само измѣнить благоразумному мнѣнію своего Предсѣдателя, что «лексикографы не законодатели языковъ, а лишь только истолкователи». Оporою при выборѣ словъ, вносимыхъ въ Словарь, оно должно имѣть у насъ образцовыхъ писателей. По моему мнѣнію, всѣ образцовые писатели, начиная съ эпохи Петра Великаго, участвовавшіе въ образованіи литературнаго языка, должны имѣть полное право на участіе въ Словарѣ Русскомъ—и отъ Отдѣленія зависѣть долженъ только выборъ тѣхъ словъ, которыя найдутъ мѣсто въ Русскомъ Словарѣ. Даже нѣкоторые архаизмы могли бы быть допущены съ обозначеніемъ устарѣлаго употребленія слова.

3. *Внесеніе техническихъ терминовъ изъ наукъ, искусствъ и ремеселъ.* Никакъ не могу согласиться съ положеніемъ, которое изъ словъ, принадлежащихъ къ области наукъ и искусствъ, допускаетъ въ Словарь только такія, которыя вошли въ кругъ жизни и составляютъ собственность всѣхъ слоевъ общества; но чисто технические термины, знакомые только спеціальнымъ ученымъ, художникамъ и ремесленникамъ, исключаетъ. И въ чемъ такъ не выражается практическая дѣятельность народнаго ума въ словѣ, какъ въ изобрѣтеніи терминовъ науки, искусства и ремесла. Словарь лишился бы великаго вклада въ сокровищницу, если бы здѣсь ограничился только тѣми словами, которые вошли въ употребленіе всѣхъ слоевъ общества. Слово *летокъ*—отверстіе улья, черезъ которое пчела влетаетъ и вылетаетъ, употребляется только у пчелинцевъ; слова: *изломъ* (видъ поверхности твердыхъ ископаемыхъ тѣлъ), *капельникъ* (сталактитъ), *плавень* (примѣсь къ расплавленной рудѣ)—принадлежатъ къ спеціальнымъ терминамъ горнаго производства; но всѣ эти слова такъ превосходно выражаютъ понятія, имъ соотвѣтственные, что не могутъ быть выключены изъ Словаря Русскаго. Есть у насъ искусства и ремесла народные, которыя могутъ предложить огромное количество Русскихъ словъ, свидѣтельствующихъ объ изобрѣтательности народнаго ума: таковы особенно иконописаніе, рѣзное искусство изъ слоновой кости и дерева, токарное. Мнѣ кажется, Члены Академіи въ этомъ отношеніи могли бы принять на себя обязанность великую—собрать и проверить подобныя слова въ языкѣ отечественномъ. Должно замѣтить притомъ, что въ области наукъ есть уже много Русскихъ словъ, введенныхъ учеными, мыслившими о наукѣ на языкѣ отечественномъ. Эти слова принадлежатъ сокровищницѣ ума Русскаго, выражаемой Словаремъ. Относительно этого вопроса, по моему мнѣнію, слѣдовало бы поставить правиломъ: вносить

въ Словарь всѣ тѣ слова, которыми Русскій языкъ выразилъ разнообразныя понятія въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ; изъ иностранныхъ же словъ принимать только такія, которыя вошли въ общее употребленіе, и не чуждаться въ особенности тѣхъ иностранныхъ словъ, которымъ народъ сумѣлъ придать Русскую форму.

4. *Опредѣленіе корней въ словахъ.*—Осмѣлюсь прибавить еще одно замѣчаніе относительно корнесловія, какимъ образомъ оно должно быть допущено въ Словарь. Отдѣленіе принимаетъ на себя задачу указывать корни словъ.

Въ опредѣленіи корней мнѣнія филологовъ безконечно разнообразны. Сравнительное языкознаніе еще не опредѣлило всѣхъ законовъ словопроизводства между родственными другъ другу языками. Но если бы даже оно и приблизилось къ опредѣленію нѣкоторыхъ изъ сихъ законовъ, то міръ понятій, допускаемый необходимо въ словопроизводство, влечетъ неизбежно за собою міръ субъективныхъ воззрѣній, опредѣляющихъ такъ или иначе словопроизводство. Вспомнимъ, что филологія не рѣшила еще, глаголы или имена существительныя принимать въ извѣстныхъ случаяхъ за первоначальныя корни? — Есть самыя обыкновенныя слова, которыхъ корни остаются до сихъ поръ неизвѣстными: таково слово *книга*.

Сообразивъ все сказанное, думаю, что Отдѣленіе можетъ принять на себя только опредѣленіе коренныхъ слоговъ каждаго Русскаго слова. Само собою разумѣется, что слова иностранныя, вошедшія въ Русскій языкъ, какъ не имѣющія въ немъ коренныхъ слоговъ, отсюда исключаются.

Что же касается до корней словъ, то опредѣленіе ихъ въ языкѣ нашемъ должно составить предметъ особеннаго, большаго труда Академіи. Если же Отдѣленіе рѣшится указывать на корни словъ, то необходимо должно принять на себя и указаніе мнѣній, принадлежащихъ различнымъ филологамъ относительно происхожденія одного и того же слова. Отсюда могутъ возникнуть слишкомъ важныя и едва ли разрѣшимыя въ общемъ совѣтѣ ученыхъ затрудненія.

Вотъ тѣ четыре предмета, на которые я принялъ смѣлость обратить вниманіе Отдѣленія, будучи одушевленъ его вызовомъ и тою образцовою дѣятельностію, какая теперь обнаружилась въ классическихъ трудахъ его достойныхъ Членовъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

XIV.

Новыя книги.

—*Les langues de l'Europe moderne* par A. Schleicher, traduit de l'allemand par H. Ewerbeck. Paris. 1852. (8° VIII + 319).

Этимъ сочиненіемъ, составившемъ вторую часть der Sprachvergleichenden (linguistischen) Untersuchungen, утвердиль, за собою даровитый и дѣятельный Шлейхеръ надежды на свое ученое призваніе. Въ немъ онъ представилъ обзоръ языковъ Европы, стараясь немногими рѣзкими чертами обрисовать каждый изъ нихъ отдѣльно, обращая вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ Индо-Европейской отрасли, сравнительно съ языками другаго склада. Очерки очень кратки, неполны; тѣмъ не менѣе вся книжка очень занимательна, и служитъ въ нѣкоторомъ отношеніи съ одной стороны замѣною разныхъ монографій, а съ другой дополненіемъ и исправленіемъ того, что высказано Поттомъ въ его Indogermanische Sprachtam (Allgemeine Encyclopaedie). Изслѣдованіямъ д-ра Шлейхера придаетъ особенную цѣнность то, что онъ знакомъ довольно близко съ нѣкоторыми изъ Славянскихъ нарѣчій, и не можетъ идти по скользкому пути Славянскаго корнесловія такою ложно смѣлою поступью, какъ доставалось и достается это довольно многимъ изъ западныхъ филологовъ. Въ Иѣмецкомъ изданіи (Bonn. 1851. 8°) есть и прибавленіе, это доказывающее; тамъ читатель найдетъ три статьи: I. Was entspricht im Littauischen dem Kirchenslawischen ь und ъ. II. Ueber das Supinum im Slawischen. III. Ueber einige Participialformen im Slawischen. Французскій переводчикъ опустил эти статьи. Онъ опустил и кое что другое; вообще, кажется, очень мало былъ знакомъ съ требованіями филологіи и лингвистики, равно и съ языками, и слѣдовательно не могъ оказать своимъ переводомъ той услуги, какую готовы ожидать отъ него тѣ, которые не привыкли читать подобныхъ сочиненій на языкѣ Иѣмецкомъ.

—*Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt* von Dr. A. Schleicher. Bonn. 1852. (8° XVI + 376).

Этотъ новыи трудъ А. Шлейхера явился тѣмъ неожиданнымъ, что никто не предполагалъ разработки такой частности отъ ученаго, который посвятилъ свою дѣятельность — сколько было извѣстно — только общимъ вопросамъ сравнительной лингвистики. Тѣмъ не менѣе книжка вышла — по времени — очень любопытная и полезная. Это первый опытъ общесравнительной грамматики Старославянскаго нарѣчія, въ которомъ для показанія частныхъ путей направленія, принятаго Славянскимъ языкомъ

въ системѣ образованія звуковъ и образованія словъ, взяты въ расчетъ всѣ важнѣйшіе языки Европейскіе. Основнымъ правиломъ автора при этомъ было: при сравненіи формъ въ двухъ сродныхъ языкахъ отыскивать первоначальныя, основной видъ ихъ, изъ котораго въ послѣдствіи онѣ развились различно въ разныхъ языкахъ, и съ помощью этого основнаго вида опредѣлять значимость позднѣйшихъ его видоизмѣненій. Кромѣ общихъ вопросовъ, рассмотренныхъ во Вступленіи (стр. 1—32), книга заключаетъ въ себѣ: Ученіе о звукахъ (стр. 33—156), Образованіе словъ (стр. 157—198), Склоненіе (стр. 198—252), отдѣльно о Мѣстоимѣніи (стр. 202—285) и Спряженіи (283—371). Въ пособіяхъ авторъ, по видимому, не пуждался. Для Старославянскаго нарѣчія были у него подъ рукою: грамматическія руководства проф. Миклошича (Извѣстія, стр. 13—18), его же Лексиконъ Старославянскій (Извѣстія, стр. 21—23), *Institutio* nes Добровскаго, *Glagolita Clozianus* Копитара, Остромирово Евангеліе А. Х. Востокова. Для сравненія Славянскаго языка съ другими Индо-Европейскими онъ пользовался Сравнительной грамматикой Боппа, замѣчаніями на нее сдѣланными г. Миклошичемъ (*Wiener Jahrbücher*. (CV. 1844. стр. 43 и слѣд.), Корнесловными изысканіями Потта, его же разсужденіями о Литовскомъ языкѣ (Извѣстія, стр. 107), Исторіей Нѣмецкаго языка Я. Гримма, Сравнительнымъ словаремъ Готскаго нарѣчія Л. Диффенбаха, замѣтками г. Миклошича въ его *Radices* (Извѣстія, стр. 19—29) и въ *Vitae sanctorum*, статьями Шафарика (*Časopis Českého muzeum*. 1846, 1847, 1848), замѣчаніями Академика О. П. Бетлинга (*Bulletin la classe des sciences historiques, philologiques etc.* 1851. (X. № 3—7) и кое чѣмъ другимъ. Собственнымъ своимъ соображеніемъ авторъ умѣлъ дополнить нѣкоторыя недомолвки и исправить нѣкоторыя ошибки своихъ предшественниковъ. Онъ, безъ сомнѣнія, достигъ бы еще лучшихъ результатовъ, если бы знакомъ былъ съ изслѣдованіями Русскихъ филологовъ. Не смотря на это незнаніе нашихъ Русскихъ трудовъ, всякій Русскій скажетъ Шлейхеру свое радужное спасибо за его трудъ, предпринятый съ любовью, и исполненный хоть и поспѣшно, но старательно.

— *Slovanská mluwowěda*. V Praze. 1832. (8°: 26).

Подъ этимъ заглавіемъ вышла критическая статья о послѣднихъ трудахъ проф. Миклошича, помѣщенная въ *Časopisu Českého muzeum*, очень важная по дѣльнымъ замѣчаніямъ.

— О видахъ Русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи. Разсужденіе С. Шафранова М. Г. 852 (8: 11—160 и таблица).

Недовольный мнѣніемъ, теперь общепринятымъ, о видахъ глаголовъ, авторъ старался доказать его неудовлетворительность, и потомъ, въ слѣдствіе сличенія Русскихъ гла-

гольных формъ съ Греческими, объяснилъ причины, по которымъ ему кажется, что многіе изъ видовъ не должно считать глаголами самостоятельными. Къ числу такихъ онъ отчисляетъ: 1) глаголы на *пути*, 2) глаголы на *ивати* = *ивати* = *авати*, 3) глаголы предложныя, извѣстные подъ именемъ совершенныхъ. Добросовѣстно пользуясь фактами Русской грамматики, и вникая въ нихъ не только по указаніямъ другихъ, но и собственнымъ своимъ разборомъ и соображеніемъ, авторъ достоинъ благодарности за свой трудъ, хотя и не новый по мысли, тѣмъ не менѣе полезный. Что касается до самой мысли, то она можетъ многимъ не понравиться даже и потому что покажется устарѣлою.

— *Všeslovanské počátečné čtení*. Vydal F. L. Čelakovský. Č. I: Z písemnictví Polského. V Praze. 1850 (8°: 242) Č. II: Z písemnictví Rusského. V Praze. 1852 (8°: 239).

Это начало общей хрестоматіи Славянскихъ нарѣчій, умно задуманной и прекрасно веденной къ исполненію, было однимъ изъ послѣднихъ предсмертныхъ трудовъ даровитаго Челяковскаго, незабвеннаго своими заслугами поэта и филолога, бывшаго въ послѣдніе годы профессоромъ Славянскоіи филологіи въ Прагѣ.

— *Uebersichtliches Handbuch einer Geschichte der Slavischen Sprachen und Literatur, nebst einer Skizze ihrer Volks-Poesie*, von Talvj. Deutsche Ausgabe, übertragen und bevorwortet von Dr. B. H. Brühl. Leipzig. 1851 (8°: XVI—345).

О выходѣ этого сочиненія на Англійскомъ языкѣ было уже упомянуто въ Извѣстіяхъ (стр. 71). Не знаемъ, выйдетъ ли оно въ свѣтъ, какъ были слухи, въ передѣлкѣ покойнаго Колара; а нынѣ изданный Нѣмецкій переводъ г. Брюля, только что знакомитъ съ подлинникомъ, нисколько не удовлетворяя нуждамъ читателей, знакомящихся съ литературой Славянскоіи при помощи Нѣмецкихъ пособій. Переводчикъ не принялъ на себя труда улучшить сочиненіе своими добавленіями, да едва ли и въ силахъ былъ за это взяться. Подлинникъ же самъ по себѣ, безъ добавленій, какъ написанъ г-жею Робинзонъ, имѣя цѣлю познакомить съ литературой Славянскоіи тѣхъ, которые совсѣмъ не знакомы съ нею, вовсе не былъ предназначенъ для нуждающихся въ знаніи основательномъ. Для насъ книга эта важна болѣе всего какъ поводъ къ возбужденію вопроса объ исторіи и литературѣ Славянскихъ нарѣчій.

Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книга 13. М. 1852 (8°: 140—VIII—62—184—36—IV).

Въ отдѣлѣ Изслѣдованій помѣщенъ тутъ важный трудъ А. Д. Черткова: о Оракіискихъ племенахъ, жившихъ въ Малой Азіи; въ Матеріалахъ: Расходная книга Повгородскаго Митрополита и Приправочныя книги уѣздовъ Рязан-

скаго и Московскаго; въ Смѣси: разсужденіе г. *Шеннига* о Свѣтовидѣ по поводу камня, найденнаго въ имѣніи Графа Потоцкаго, объясненія г. *Казанскаго* о лѣтописи Нестора, и проч.

— Лѣтопись событіи въ югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ. Составилъ *Самойла Величко*, 1720. Издава Временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ второй. Кіевъ. 1851 (8°: 612+XX). Первый томъ этого замѣчательнаго памятника нашей старины вышелъ за четыре года (Кіевъ, 1848. 8°: VIII+454+51+XXXII).

— Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частию Азова. Собранны и изданы К. *Александровымъ Дольникомъ* и П. *Второвымъ*. Книж. 2-я. Воронежъ. 1852 (8°: XI+202+99+VIII и планъ). Книжка первая издана тамъ же въ 1850. Указатели, приложенные къ этой книжкѣ, составлены очень тщательно, съ приложеніемъ разныхъ объясненій, необходимыхъ для разумѣнія актовъ.

— Дипломатическія сношенія Россіи съ западной Европой во второй половинѣ XVII вѣка. Исслѣдованія М. *Капустина*. М. 1852 (8°: X+152).

XV.

Памятники древней письменности южныхъ Славянъ,

изданные П. П. Шафарикомъ.

Сборникъ, изданный П. П. Шафарикомъ подъ общимъ заглавіемъ *Památky dřevního písemství Jihoslovánův* (V Praze. 8°), составился, какъ оговариваетъ самъ издатель, случайно, и напечатанъ какъ часть собранія большаго, приготовляемаго къ печати издавна, и не вышедшаго пока въ свѣтъ за недостаткомъ средствъ: это только томъ предварительный (*díl předchozí*), за которымъ — Богъ дастъ — послѣдуютъ и другіе, не менѣе занимательные для ученыхъ и по содержанію, и по исполненію. Памятники, въ него вошедшіе, не представляютъ всѣхъ вмѣстѣ взятые ничего цѣльнаго; нѣтъ при нихъ ни подробныхъ объясненій, ни указателей, отложенныхъ до другаго болѣе счастливаго времени. Тѣмъ не менѣе и этотъ предварительный сборникъ достоинъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ между книгами, необходимыми для каждаго филолога Славянскаго — и какъ собраніе драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи языка, народа и литературы, и какъ образецъ работы филологической, представляемый однимъ изъ первыхъ вожатаевъ Славянской науки. Обращая на него вниманіе читателей, остановимся на нѣкоторыхъ болѣе важныхъ частяхъ его содержанія; а нѣсколько выписокъ изъ него, вѣроятно не будутъ лишними тѣмъ болѣе, что всѣ экзем-

пляры книги, какъ извѣстилъ намъ самъ П. П. Шафарикъ, уже распроданы.

Памятники, вошедшіе въ сборникъ Шафарика, вообще подходятъ подъ два главные разряда:

Одни изъ нихъ важны преимущественно для того, кто изслѣдуетъ древности литературы Старославянской; таковы:

— *Život sv. Konstantina řečeného Cyrilla. Z rukopisu XV století.* (стр. IV—32).

— *Život sv. Methodia. Z rukopisu XVI století* (стр. IV—10).

— О письменехъ чръноризца Храбра, помѣщенное какъ особенное прибавленіе къ *Okázkam občanského písemnictví* (стр. 69—91).

Всѣ остальные важны преимущественно для того, кто занимается древностями Сербскими; таковы;

— *Život sv. Symeona od krále Štěpána. Z rukopisu XIII století* (стр. IV—31).

— *Život sv. Symeona od sv. Savy. Z rukopisu XVII století* (стр. IV—15).

— *Okázky občanského písemnictví* (стр. IV—92). Подъ этимъ заглавіемъ напечатано: а) 20 актовъ XII, XIII и XIV вѣка, изъ которыхъ два Болгарскихъ, б) Законникъ Стефана Душана, и в) Краткія лѣтописи Сербскія; а въ особенномъ прибавленіи сочиненіе монаха Храбра.

Жизнеописанія Славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, изданныя Шафарикомъ, тѣ самыя, которыя извѣстны у насъ подъ названіемъ Паннонскихъ, и съ которыми Русскихъ читателей прежде всѣхъ познакомили профессоръ А. В. Горскій въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ Москвитянинѣ 1843 года (кн. VI стр. 406—434), гдѣ сообщены были не только подробности содержанія, но и нѣкоторыя мѣста въ дословныхъ выпискахъ.

Паннонское жизнеописаніе Константина философа найдено уже во многихъ спискахъ. Кромѣ стараго пергаменнаго списка, случайно мною найденнаго, въ отрывкѣ, въ Венгріи, оно извѣстно изъ Великой четьи-минеи Митрополита Макарія, изъ Сборника житій святыхъ Славянскихъ XV вѣка, хранящагося въ Рыльскомъ монастырѣ въ Болгаріи, изъ двухъ Сборниковъ XVI и XVII вѣка, хранящихся въ Львовской Ставропигіальной библіотекѣ и изъ Сборника Ватиканскаго XVI или XVII вѣка. Шафарикъ напечаталъ этотъ важный памятникъ, кромѣ нѣкоторыхъ отклоненій, по списку Рыльскому, впрочемъ съ указаніемъ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ разночтеній другихъ списковъ, и съ прибавленіемъ особеннаго окончанія по списку

Львовскому 2-му и Похвалы св. Кириллу Епископа Климента изъ Великой чети-мшени. Въ Предисловіи и въ Примѣчаніяхъ высказалъ Шафарикъ нѣсколько мнѣній своихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ.

Въ Предисловіи, касаясь вопроса, кѣмъ написано это Житіе, Шафарикъ рѣшаетъ его предположеніемъ, что его можно всего легче приписать тому же лицу, отъ котораго осталась и Похвала св. Кирилла т. е. ученику его, Клименту Епископу Болгарскому: «*Poněvadž pochvalná řeč výslovně jméno biskupa Klimenta, totiž bulharského, jak aspoň já jistě držím, na čele nese, ne vidím, proč by ne mohl i obšírnější Život od něho byti, ještě téměř obvyklé jest, že život i pochvala od tohož spisovatele pocházejí?* Впрочемъ не настаивая на этомъ предположеніи, какъ на фактѣ доказанномъ, Шафарикъ прибавляетъ: «*Bud' jak bud', Život náš, na vzdor pozdějším obnovám a ústavkám některých rukopisův, chová v sobě důkazy, že pochází od blízkého svědka všech činův a podjetí sv. Konstantina*». Къ числу такихъ доказательствъ древности памятника должно, безъ сомнѣнія, отнести и то, что сочинитель Житія называетъ себя ученикомъ Архіепископа Меодія: описавъ часть преніи Константина съ Жидами Козарскими, онъ замѣчаетъ: «От мно́гога же се мы укращше, въ малѣ положихом селико памети ради. А иже хочеть съвршенныхъ сихъ бесѣдъ искати стыхъ въ книгахъ его обрѣщеть ѣ, елико прѣдожи оучитель нашъ Архіепископъ Меодіе, раздѣлилъ ѣ на осемь словесъ» (такъ по 1-му Львовскому списку, изъ котораго мнѣ случилось сдѣлать выписки).

Разнорѣчія списковъ Житія ясно убѣждаютъ, что оно дошло къ намъ не въ подлинномъ видѣ; разныя вставки и убавки затемнили подлинный составъ — такъ что по крайней мѣрѣ теперь, пока еще не найдено списковъ лучшаго достоинства, еще не возможно опредѣлить, что именно прибавили и убавили позднѣйшіе переписчики. Къ числу такихъ вставокъ профессоръ Горскій, какъ вліяніе Русской мысли, причисляетъ и то замѣчательное мѣсто, въ которомъ упоминается о Русскомъ языкѣ и письмѣ. Шафарикомъ оно напечатано такъ:

И обрѣт же (Константиноу) тоу (въ Херсонѣ) еуаггеліе и ѱалтирь роушьскими ¹⁾ письмены писано, и человека обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ ²⁾ съ нимъ, и силоу рѣчи пріемъ, своею бесѣдѣ прикладае различіи письменъ ³⁾, гласнаа и съгласнаа, и къ Богу молитву дръже ⁴⁾, и вскорѣ начеть чисти и сказовати. И дивляхоу се ⁵⁾ ему, Бога хвалеце.

¹⁾ Въ Львов. сп. I: *росьски(ми)*; въ Моск. сп. *русьскими*.

²⁾ Въ Моск. сп. *бесѣдова*.

³⁾ Въ Моск. сп. *различная письмена*.

⁴⁾ Въ Моск. сп. *творя*.

⁵⁾ Въ Моск. сп. *и мнози ея ему дивляху*.

Не относя этого мѣста къ числу вставокъ, Шафарикъ понимаетъ его иначе, чѣмъ понимаемъ мы: письмена Русскія, по его мнѣнію, не Славянскія, а Готскія, Варяго-Русскія. Къ сожалѣнію, онъ не высказалъ основаній своего взгляда, и этимъ заставляетъ сомнѣваться въ его справедливости. Такъ и мнѣ бы казалось, что если подъ именемъ письменъ разумѣть здѣсь не буквы, а языкъ, то ни какъ не Германскій, а какое нибудь изъ Славянскихъ нарѣчій. Будь этотъ Русскій языкъ не Славянское нарѣчіе, а какое нибудь чужое, отличное не однимъ выговоромъ словъ, Константинъ не могъ бы съ перваго разу вступить въ разговоръ съ Русскимъ, и «принять силу рѣчи» съ одною помощію сравненія ея съ своимъ природнымъ языкомъ — съ своею бесѣдою, замѣчая отличія произношенія звуковъ гласныхъ и согласныхъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, надобно допустить предположеніе, что природнымъ языкомъ Константина былъ языкъ Славянскій, предположеніе впрочемъ совершенно умѣстное, доказываемое правильностію словосочиненія и словозмѣненія въ древнѣйшихъ текстахъ чтеній Евангельскихъ. Если же допустить, что подъ именемъ Русскаго языка жизнеописатель разумѣлъ одно изъ нарѣчій Нѣмецкихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, о чемъ говорилъ, то и природнымъ языкомъ Константина надобно считать Нѣмецкій, — или же по крайней мѣрѣ надобно отдѣлить, какъ позднѣйшую вставку выраженія: «своею бесѣдѣ прикладае, различіи письменъ гласнаа и съгласнаа».

Болѣе другихъ обилетъ вставками списокъ Львовскій 2-й. Такъ въ немъ въ статьѣ о крещеніи Славянъ Моравскихъ читаемъ:

— Ростиславъ бо и Стополкъ князь Моравскій и Туровскій и всеіи Россіи, бгомъ наустими быша, совѣтъ сотвориша со князи своими Моравскими и пр.

а въ припискѣ:

— Яко же нѣции препираются о сложеніи буквъ иже сложиа стѣи Кирилъ во языкъ Словенскій не во Цариградѣ, но камось на иномъ мѣстѣ, лжа есть, а не истина; но въ Цариградѣ близу стыхъ Айлъ церкви. И тому прежде дано кто просивъ; а нѣ кто нѣиіи напѣди испросилъ, толико князіе Русскіе. Имена имъ сіа: Ростиславъ Моравскій, Святополкъ Туровскій, и Коцлянъ Князь Панонскій помощникъ имъ бысть. На тоє время былъ царь Михаилъ во Цариградѣ, а патриархъ не именуетъ. Яко же свидѣтельствуєтъ кондакіонъ его: на сѣверѣ на югѣ и на западѣ конечно.

Нельзя впрочемъ считать нелюбопытными и неважными всѣхъ отклоненій этого списка. Такъ и Шафарикъ считалъ нужнымъ выписать изъ этого списка статьи о дѣлахъ Меодія по кончинѣ брата и похвалу двумъ братьямъ первоучителямъ. Къ числу такихъ любопытныхъ отклоненій должно, кажется, отнести и сказаніе о дѣліяхъ Кон-

стантина по отходѣ его изъ Моравіи. Передавая обстоятельства отхода согласно съ другими списками, этотъ списокъ прибавляетъ, что Константинъ «изъ ся пути ко царствующему граду», т. е. къ Цареграду, и въ слѣдъ за упоминаніемъ о томъ, что онъ содѣйствовалъ къ освобожденію девятисотъ плѣнныхъ, продолжаетъ такъ:

— Самъ же иде путемъ радуясь со ученики своими, да явитъ прѣви и патриарху отъ плода труда своего. Но идущу ему путемъ князь Панонскій Коцлянь со своими бояры честъ ему велию сътворъ, и возлюбивъ велии книги Словенскыя, и научися отъ него учениковъ до тридесятъ, и мимо провождъ его, и даяше ему много богатства, онъ же не хоташе. Егда же приходаше ко Цариграду, тамо же ему во стрѣженіе патриархъ со причтомъ своимъ и съ бояры сотвориша, дошедъ до царя, велию честъ прият. И сѣде на своемъ сѣдалищу малое время и пакы на благовѣстіе утверждается на Словенскыя страны.... даже до Рима....

Въ это-то второе путешествіе по Славянскимъ землямъ былъ Константинъ и въ Венеціи, гдѣ спорилъ съ защитниками трезычной ереси, и оттуда пошелъ въ Римъ, гдѣ и скончался. — Теперь привыкли все помнить, что Константинъ отъ Паннонскаго князя Коцеля пошелъ прямо въ Венецію и потомъ въ Римъ, такъ что послѣ отхода въ Моравію уже не возвращался въ Константинополь. Упоминаніе очень поздняго списка Житія о возвращеніи Константина (въ Константинополь и второмъ путешествіи въ земли Славянъ можетъ всякому легко казаться вставкою позднѣйшаго передѣльвателя. Впрочемъ въ списокъ мѣсто это представляется вставкою не нечаянною, а преднамѣренною (судя по предварительному упоминанію о намѣреніи Константина возвратиться въ царствующій градъ), — и во всякомъ случаѣ любопытно даже какъ легенда. При этомъ можемъ замѣтить, что сочинитель Житія Меѳодія повторяетъ тотъ же фактъ, хотя и въ выраженіяхъ менѣе опредѣленныхъ:

— И тремъ лѣтомъ *) пшешдемъ възвратиста ся (св. братья) изъ Моравы, оученики наоучиши (у Шаф. стр. 4).

Изъ чтеній избранныхъ Шафарикомъ любопытны:

— Въсѣдъ же въ корабль поуті се кѣ Козарьскаго на Месотское озеро и Капійскаа врата Къавьканскыхъ горъ. Капійскаа врата (по сл. Рыль. и Моск.) вмѣсто Каспійскаа, какъ прочелъ проф. Горскій (и какъ дѣйствительно находится въ спискахъ Львовскихъ): Шафарикъ думаетъ, что здѣсь должно разумѣть врата Пантискапейскія водныя (Panticapaeum, иначе Bosporus), а не горныя Кавказскія.

*) Такъ и въ Ватиканскомъ списокѣ Житія Кирилла. Въ другихъ спискахъ: 40 мѣсяць, т. е. три года и три мѣсяца.

— Мы же народъ много знаемъ, книги оумѣюще, и Богу славою въздающе кѣждо своимъ языкомъ. явѣ же соутъ си: армены, перси, авазгы, ивери, соугды, готѣи, обри, турси, козари, аравлѣне, егупты и ины мнози. Вмѣсто готѣи, обри, тоурси (какъ въ Рыль. сп.) въ Львов. 2. гоѣи, обти, турси; въ Моск. сп. готѣи, обреи, турси; въ хронографѣ Румянц. только сурь. Шафарикъ думаетъ, что въ подлинникѣ было: готѣи ти рѣси, т. е. Готѣи и Варяго-Русы въ Тавридѣ и на Азовскомъ заливѣ.

Что касается до Жизнеописанія Меѳодія, то оно извѣстно только по одному списку, открытому проф. Горскимъ, и съ этого списка напечатано Шафарикомъ съ небольшими измѣненіями, къ которымъ принудили его отступленія переписчика отъ подлиннаго смысла. Подобно проф. Горскому Шафарикъ считаетъ и этотъ памятникъ очень древнимъ. Но его мнѣнію, онъ написанъ въ землѣ, признающей духовную власть Рима, но не въ Моравіи, а въ княжествѣ князя Паннонскаго Коцеля, не долго спустя послѣ смерти св. Меѳодія, еще до окончательнаго паденія государства Моравскаго, кѣмъ нибудь признававшимъ себя ученикомъ Меѳодія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, смѣлые переходы отъ предмета къ предмету, обширное вступленіе при очевидныхъ пропускахъ въ серединѣ и т. п. признаки свидѣтельствуютъ, какъ полагаетъ Шафарикъ, что сохранившійся списокъ его есть только сокращеніе, извлеченіе изъ болѣе пространнаго житія. Съ этимъ мнѣніемъ знатока древностей Славянскихъ согласится конечно, всякій, кто внимательно прочтетъ Житіе Меѳодія. Такъ тотъ, кто захочетъ искать въ немъ доказательствъ его современности съ вѣкомъ Меѳодія, найдетъ ихъ въ слѣдующихъ строкахъ:

— Въ слѣдъ за введеніемъ, Житіе начинается такъ: Богъ милостивъ, иже хочетъ, да бы всякъ человекъ спасенъ былъ и въ разумъ истинный пришелъ, въ наша лѣта языка ради нашего, о немъ же ся николиже никтоже поеклъ, на добрый чинъ въздвиже нашего оучителя, блаженнаго Меѳодія *).

— Описывая, какъ Папа послалъ Меѳодія къ Мораванамъ, жизнеописатель приводитъ и эпистолію Папы (см. у Горскаго, стр. 426—427), которая, если не есть дословно вѣрный переводъ съ подлинника, то вполнѣ вѣрна по смыслу Римскимъ **).

*) Это напоминаетъ и выраженіе Храбра: чловѣколюбъ Богъ строилъ всѣ, и не оставилъ чловѣча рода безъ разума, ижъ всѣхъ къ разуму приводя и спасенію, помилувавъ родъ Словѣнскъ, посла имъ св. Константина философа.

**) Въ жизнеописаніи Константина, по Львовскому списку 2-му, есть тоже эпистолія въ этомъ мѣстѣ, но другая — менѣе отзывающаяся современностью (у Шафарика, стр. 25).

— Въ слѣдъ за утвержденіемъ Мееодія въ Моравіи — говоритъ жизнеописатель — «велики начатъ ростъ божіе оученіе, и стрижины множитися во всѣхъ градѣхъ, и погани вѣровати въ истинныи Богъ, своихъ блуди отметающе ся. Тольми паче — прибавляетъ онъ — и Моравьска область пространити(ся) начатъ (во) вся страны, и врагы своя побѣжати и съ непогрѣшеніемъ, яко и сами повѣдаютъ присно». Это могло быть писано только до паденія Моравіи подъ власть Мадьяръ и Нѣмцевъ.

— Начиная рассказъ о враждованіяхъ Нѣмецкаго духовенства противъ Мееодія, жизнеописатель говоритъ: «Старый врагъ въздвиже сердце *) Моравьскаго короля на насъ съ всеми епископы».

— Смятеніе, воздвигнутое гонителями Мееодія, дало жизнеописателю случаи привести отзывъ Папы, подтверждающій правотѣ Мееодія. Уже проф. Горскій замѣтилъ, что этотъ отзывъ во многихъ чертахъ буквально согласенъ съ тѣмъ, что сохранилось въ Латинскомъ письмѣ Папы къ Святополку.

— Оканчивая слово, жизнеописатель пишетъ: — Ты же свыше, святаа и честнаа главо, молитвами своими призираи и на ны, желающая тебе, избавляи отъ всякоа напасти оученики своя и оученіе пространства, и ереси прогона, да достойно званія нашего живше здѣ станемъ с тобою, новое стадо, ѿ десноюу страпоу Христа Бога нашего, вѣчноую жизнь приемоуще отъ него. Тому бо есть слава и честь во вѣкы вѣкомъ. аминь.

Въ томъ же убѣждаютъ и подробности нѣкоторыхъ обстоятельствъ, переданныхъ въ житіи съ тѣмъ же простодушіемъ, съ какимъ передавались они нашими лѣтописцами. Таковъ напр. рассказъ о кончинѣ Мееодія. Въ томъ же убѣждаетъ и сходство показаній Житія съ показаніями другихъ древнихъ свидѣтельствъ, напр. Пролога XIII вѣка и т. п.

Съ тѣмъ вмѣстѣ неупоминаніе о многихъ обстоятельствахъ, неровность повѣствованія, слога и языка служатъ свидѣтельствомъ, что это Житіе Мееодія подверглось перемѣнамъ отъ позднѣйшихъ передѣльвателей.

Отгвѣти о письменехъ чрыпорица Храбъра были изданы у насъ уже многими. Отъ изданій XVII и XVIII вѣка никто, безъ сомнѣнія, не будетъ ждать достоинствъ филологическихъ. Новыя же изданія важны отчасти и по критическимъ примѣчаніямъ и указаніямъ разночтеній, и по тому, что каждое изъ нихъ представляло до сихъ поръ тотъ или другой замѣчательный списокъ статьи Храбра въ вѣрномъ отпечаткѣ. Таковы изданія: списка Синодальнаго 1348 года К. Калайдовича (въ его изслѣдованіи объ

*) За словомъ *сердце* стоитъ слово *врагоу*: я читаю его лишнимъ, портящимъ смыслъ.

Іоаннѣ Экзархѣ. 1824. стр. 189—192), списка Бреславскаго XV вѣка проф. О. М. Бодянского (въ разсужденіи помѣщенномъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. XXXVIII т. Отд. II стр. 147—157), списка Савинскаго (въ моемъ изслѣдованіи о древнихъ письменахъ Славянскихъ. стр. 11—24), списка Московскаго Академическаго С. И. Палаузова (въ его сочиненіи: Вѣкъ Болгарскаго Царя Симеона. 1852. стр. 120—123). Шафарикъ пользуясь изданіемъ Калайдовича и отчасти нѣкоторыми изъ списковъ, представилъ въ своемъ сборникѣ статью Храбра — въ улучшенномъ видѣ — *ve zdokonalené podobě*. Такое изданіе, безъ сомнѣнія, очень важно, можно сказать — необходимо; но едва ли можетъ быть совершенно полезно безъ подробныхъ объясненій, почему именно издатель принялъ то или другое чтеніе того или другаго мѣста, почему предпочиталъ одинъ списокъ другому, почему предпочелъ правописаніе не древнее, тогда какъ въ спискахъ остаются слѣды древняго, и т. п. Между разнорѣчіями списковъ есть и любопытныя; напр.:

— У Шафарика напечатано: (Словѣне) Римьскыми и Грьчьскими письменыи ~~нѣждахъ~~ писати Словѣньскъ рѣчь безъ оустроенна. Въ Савин. сп.: Римьскими и Грьчьскими письменыи ~~нѣждахъ~~, Словеньска бо рѣчь бѣ безъ оустроенныя.

— У Шаф. два раза: и тако бѣша многа лѣта. Въ Сав. оба раза: и тако бѣше многа лѣта.

— У Шаф.: Сеже сѣтъ писмена Словеньскаа, сиче а подобаетъ писати и глаголати: а, б, в, г, и прочаи даже до ~~ж~~. и отъ сихъ четьры междуу десатьма подобна Грьчьскимъ писменемъ. сѣтъ же сна (слѣдуютъ буквы). а четьри на десать по Словѣньску азыкоу, иже сѣтъ сна (слѣдуютъ буквы). Въ Савинскомъ сп. нѣтъ общаго перечня, а прямо: Се же сѣтъ Словеньскаа писмена, иже подобна сѣтъ Грьчьскимъ писменемъ и пр.

— У Шаф.: ни то аггели. Въ М. Акад. и Савин.: ни ти (ни того) апостоли.

— У Шаф.: Еллинскомъ граматикѣ, философѣ — въ вин. пад. Въ Савин. сп. употребленъ имен. падежъ такъ же, какъ и въ другихъ частяхъ предложенія, въ которомъ подразумевается управляющій глаголъ: кетъ.

— У Шаф.: А Словѣньскыа книги еднѣ св. Костантинъ... и писмена сотвори и книги прѣложи. Въ Савин. сп.: Словѣномъ еднѣ св. Костантинъ... и писмена нынѣ сътвори и кѣнги прѣложи. и пр.

Древность памятника, подтверждаемая между прочимъ и словомъ *нынѣ*, во фразѣ только что приведенной, и выраженіемъ: «сѣтъ бо ѣще живи, иже сѣтъ видѣли нѣ» (т. е. Кирилла и Мееодія),* находящемся въ Московскомъ Академическомъ спискѣ, заставляетъ цѣнить его какъ драгоценность, и слѣдовательно обращать вниманіе на всякое слово

и выраженіе, не опуская изъ виду вопроса, что именно принадлежитъ подлиннику Храбра и что прибавлено послѣдующими переписчиками. Съ другой стороны не менѣе важенъ вопросъ о томъ, что именно сказалъ Храбръ какъ современнѣйшій свидѣтель, и чѣмъ пользовался для доказательства своихъ убѣжденій, какъ ученый *). На все это мало еще обращали вниманія, и потому то, вѣроятно, не одинаково оцѣнили свидѣтельство Храбра. Такъ напр. достойнѣйшій нашъ корреспондентъ проф. В. П. Григоровичъ, вѣроятно, не считаетъ важнымъ сказанія Храбра о томъ, что Константинъ философъ, при составленіи азбуки Славянской, воспользовался Греческою, прибавивъ къ 24 буквамъ Греческимъ еще 14 особенныхъ: это видно изъ недавно выраженнаго имъ убѣжденія, что Константиномъ философомъ составлена не та азбука, которую обыкновенно называютъ кирилловскою, а глаголическая, въ которой Греческихъ буквъ очень мало.

*) Стоитъ по этому сравнить сказаніе Храбра съ другими подобными статьями среднихъ вѣковъ. Вотъ для примѣра мѣсто изъ рукописи Парижской библіотеки конца XI вѣка (Ms. du Roi № 5239):

Primus omnium litteras ante diluvium invenisse Enoch dicitur, et post diluvium Cham, filius Noae. Deinde Abraham Syrorum et Chaldeorum linguas invenit. Postea vero in monte Synai Moyses, ubi lex constituta est, invenit digito Dei scriptas. Litterae enim graecae et latinae ab Hebraeis videntur exortae. Apud illos enim prius dictum est *Aleph*; deinde ex simil. annuntiatione apud Graecos tractum est *Alpha*, indeque apud Latinos *A*: translator enim de simili sono alterius linguae littera(m) condidit ut nosse possimus linguam Hebraeam omnium linguarum et litterarum esse matrem. Sed Hebraei viginti duo elementa litterarum secundum veteris testamenti libros utuntur. (Слѣдуетъ азбука Еврейская). Graecas litteras Cahtmus e Phoenice, Agenoris filius, primus invenit decem et septem. Palamedes tres adjecit; post quem Simonides alias tres adnexuit; Pythagoras Samius unam; quae in summa viginti quatuor consistunt; cum quibus verba orationum componunt. Sunt quae omnes ad numeros habiles componendos, cum adjectis nonnullis characteribus ut ad millesimum numerum pervenire queant. (Слѣдуетъ таблица цифръ Греческихъ). Latinas litteras Carmentis nympha, Evandri mater, quae alio nomine Nicostrata dicebatur, invenisse perhibetur et in Italia primum attulisse; Carmentis autem dicta quia carminibus futura canebat. Quaeque ad numeros apud antiquos conficiendos habiles aestimabantur, sed modernis temporibus, paucis assumptis, nostrum numerum conficimus. (Слѣдуетъ таблица Римскихъ цифръ). Aethicus philosophus et cosmographus litterarum caracteres quos adinvenit, ita ut infra notatum est, distinguit; quosque beatae memoriae Hieronymus presbyter, una cum libro suo cosmographo, Latinis tradere curavit; non ut illos imitemur in scripturis nostris, sed ut sciremus industriam indagacionis illius qui illos adinvenit. (Слѣдуетъ азбука съ особенными названіями: *alam*, *betha*, *cathai* и пр.). Haec etenim litterarum figurae in gente Nortmannorum feruntur primitus inventae. Quibus ob carminum eorum memoriam et incantationem uti adhuc dicuntur. Quibus et rim staves nomen imposuerunt, ob id, ut reor, quod iis res absconditas vicissim scriptitando aperiebant (Dumeril. De l'origine des runes. стр. 63 и 72).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за Іюнь 1852 года.

Въ Іюнь мѣсяцѣ Второе Отдѣленіе имѣло восемь засѣданій: 5, 7, 12, 14, 19, 21, 26 и 28 чиселъ. Въ сихъ за сѣданіяхъ, подъ предѣлательствомъ П. П. Давыдова, присутствовали Академики А. С. Норовъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Ллетисовъ, І. С. Кочетовъ, Я. П. Берениковъ, М. А. Коркуновъ и П. П. Срезневскій.

II.

Общій Словарь Русскаго языка.

Г. Предѣлательствующій читалъ дополненіе къ Мнѣнію своему о новомъ изданіи Словаря Русскаго языка, касательно заимствованія изъ отечественныхъ писателей примѣровъ для сего Словаря, а Академикъ Я. П. Берениковъ — записку о писателяхъ, изъ которыхъ должно выбирать для Словаря слова и примѣры.

М. А. Коркуновъ внесъ въ Отдѣленіе составленныя Доктор. М. А. Фаворскимъ опредѣленія медицинскіхъ терминовъ на буквы: а, б, в, г, д, *же*, з, и, к, л, м и н, или пропущенныхъ, или неправильно объясненныхъ въ Словарѣ Церковнославянскаго и Русскаго языка. Сборникъ словъ, представленныхъ г. Фаворскимъ, содержитъ въ себѣ опредѣленія 445 медицинскіхъ терминовъ. Г. Предѣлательствующій, который просматривалъ половину означенныхъ словъ, отозвался, что трудъ г. Фаворскаго будетъ весьма полезенъ для новаго изданія Словаря. Опредѣлено: изъяснить г. Фаворскому искреннѣйшую признательность Отдѣленія и просить о продолженіи сего полезнаго труда.

Читаны замѣчанія Акад. Шевырева на Мнѣніе Предѣлательствующаго о новомъ изданіи Словаря. Опредѣлено передать оныя Редактору Извѣстій для напечатанія. *)

III.

Областные Словари.

Я. П. Берениковъ и П. П. Срезневскій представили дополненія къ Областному Великорусскому Словарю, первый 15 словъ на букву а, а второй — 63 на буквы *же* и з.

Читаны замѣчанія Стат. Стат. В. В. Григорьева на слова, заключающіяся въ послѣднихъ листахъ «Опыта Областнаго Великорусскаго Словаря». Замѣчанія эти переданы Редактору Извѣстій для напечатанія. Опредѣлено изъяснить искреннѣйшую признательность ученому ориенталисту.

*) Напечатаны въ этомъ выпускѣ.

Штатный Смотритель Холмогорскаго Уѣзднаго Училища *Базилевскій* представилъ въ Отдѣленіе, двѣсти просто-народныхъ словъ, употребляемыхъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Определено: благодарить г. Базилевского и просить его, вмѣстѣ съ подвѣдомственными ему учителями просмотрѣть изданный Отдѣленіемъ «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря» и сообщить въ Отдѣленіе свои замѣчанія и дополненія.

Читаны замѣчанія Проф. *Грота* касательно Областнаго Великорусскаго Словаря. Определено: передать оныя Редактору Извѣстій для напечатанія.

Секретарь Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ *П. Д. Бѣллевъ* увѣдомляетъ г. Предсѣдательствующаго, что онъ занимается составленіемъ небольшого сборника областныхъ словъ и рѣченій, которыя встрѣчаются въ древнихъ официальныхъ памятникахъ Русской администраціи, и что сборникъ этотъ онъ представитъ нынѣшнимъ дѣломъ.

С. П. Палаузовъ отвѣчаетъ г. Предсѣдательствующему, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ принять на себя объясненіе Областныхъ Великорусскихъ словъ, сходныхъ съ Греческими.

III.

Грамматика.

Читано мнѣніе Академика *А. Х. Востокова* о рукописномъ сочиненіи г. *Барапа*, подъ заглавіемъ: «Начертаніе Грамматики Русскаго языка».

IV.

Изданіе памятниковъ.

Я. П. Бердниковъ представилъ въ Отдѣленіе хранящіеся въ Библіотекѣ Академіи Наукъ: 1) два пергаминные листка съ отрывками Евангеліи и 2) глаголитскую пергаминную рукопись, содержащую въ себѣ житіе св. Іеронима, на 69 листахъ. Глаголитская рукопись и пергаминные листки переданы *П. П. Срезневскому*.

А. Х. Востоковъ возвратилъ въ Отдѣленіе пергаминную рукопись, содержащую службы святымъ Кириллу и Меѳодію, и словесно объяснилъ, что рукопись эта по формѣ буквъ можетъ быть отнесена къ XII и даже къ XI вѣку, но что принимая во вниманіе, кромѣ формы буквъ, и признаки правописанія, должно полагать, что она принадлежитъ къ XIII столѣтію. Рукопись эта передана Редактору Извѣстій, къ которому она прислана корреспондентомъ Академіи Наукъ *В. П. Григоровичемъ*. Болѣе подробное извѣстіе будетъ помѣщено въ Извѣстіяхъ.

М. А. Коркуновъ обратилъ вниманіе Отдѣленія на статью

Борисова, напечатанную въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, подъ заглавіемъ: «Свадебные обычаи въ городѣ Шенкурскѣ». Въ статьѣ этой помѣщены такъ называемыя причитанія, которыя вмѣстѣ съ другими памятниками народной Русской словесности, могутъ быть полезны для занятій Отдѣленія. Определено войти въ сношеніе съ г. *Борисовымъ* и просить его о сообщеніи въ Отдѣленіе извѣстныхъ ему памятниковъ народной Русской словесности.

Коллежскій Секретарь *Руфъ Игнатьевъ* представилъ списокъ съ народною пѣсней, которую поютъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, и обѣщается прислать въ Отдѣленіе сказки, поговорки, рассказы, и пѣсни. Определено благодарить *Игнатьева* за доставленіе пѣсни.

V.

Извѣстія.

Секретарь Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ *П. Д. Бѣллевъ*, въ слѣдствіе приглашенія Отдѣленія, прислалъ къ Г. Предсѣдательствующему, статью свою, подъ заглавіемъ: Нѣсколько замѣтокъ о языкѣ Олегова договора съ Греками. *П. П. Срезневскій*, по поводу этой статьи, сообщилъ свои мнѣнія о Договорахъ съ Греками.

Адъюнктъ-Профессоръ Главнаго Педагогическаго Института *П. А. Лавровскій* представилъ г. Предсѣдательствующему окончаніе перевода г. *Шестакова* Софокловой Трагедіи: Эдипъ. Передано Редактору Извѣстій.

VI.

Особенныя чтенія.

Ректоры Московскаго и Дерптскаго Университетовъ увѣдомляютъ Г. Предсѣдательствующаго, что они сдѣлали распоряженіе о доставленіи въ Отдѣленіе диссертаций на ученія степени и другихъ изданій, имѣющихъ предметъ своимъ филологію и сродныя съ нею науки.

Читаны статьи *П. А. Шетникова* и *П. П. Срезневскаго* объ ученыхъ трудахъ Профессоровъ *Я. К. Грота* и *П. П. Дубровскаго*.

І. С. Кочетовъ сообщилъ письмо *О. Іоанна Базарова*, въ которомъ онъ обѣщается составить для Отдѣленія подробную записку о послѣднихъ годахъ жизни Академика *В. А. Жуковскаго*.

П. П. Срезневскій сообщилъ Отдѣленію письма, полученные имъ отъ *П. П. Шафарика* и *В. М. Ганки*, гдѣ они выражаютъ свое желаніе и намѣреніе принять участіе въ Извѣстіяхъ Отдѣленія. Г. *Срезневскій* сообщилъ при этомъ изслѣдованіе *П. П. Шафарика* о глаголической письменности и отрывки изъ древнихъ рукописей глаголическихъ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ предположило начать съ 1852 года изданіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности будутъ входить, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно: — изслѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ сопряженныхъ, ихъ литературы и древностей; — разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологіи Славяно-Русской; а въ особенныхъ прибавленіяхъ — памятники языка и словесности, матеріалы для Словаря, Грамматики и т. п.

«Извѣстія» будутъ издаваться безсрочными выпусками или листами; 24 листа съ прибавленіями составятъ одинъ томъ. Цѣна тому три рубля серебромъ. Получать можно у Коммисіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эггера (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Погородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ упомянутымъ Коммисіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: — Историческія Чтенія о языкѣ и Словесности: I. Вступительная Записка Н. Н. Срезневскаго. II. Чтеніе о Договорахъ Князя Олега съ Греками: 1. Записка Н. Н. Срезневскаго. 2. Извлеченіе изъ Записки Н. Н. Бѣллева. III. Іаковъ Минихъ. Записка М. П. Погодина. — Замѣчанія касательно новаго изданія Русскаго Словаря: II. Замѣчанія Н. Н. Греча. III. Замѣчанія В. П. Дала. — Библіографическія Записки: XVI. Ученыя Записки Академіи. XVII. Памятники древней письменности южныхъ Славянъ Н. Н. Срезневскаго. — Перечень засѣданій Отдѣленія. — Къ этому выпуску прилагается XIII, XIV, XV и XVI листъ ПРИБАВЛЕНІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

О ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Н. Н. Срезневскаго.

Нельзя отрицать необходимость сознательнаго разумѣнія писателей и ихъ твореній каждаго отдѣльно и словесности вообще, какъ искусства выражать и оживлять словомъ силы духа. Нельзя отрицать ее такъ же, какъ нельзя отрицать необходимость вниманія къ успѣхамъ образованности. Чѣмъ кто образованнѣе, тѣмъ тотъ болѣе сочувствуетъ этому дѣлу, и тѣмъ болѣе принимаетъ въ немъ свое непосредственное участіе. Сочувствіе къ словесности, участіе въ ней, завися въ каждомъ человѣкѣ отъ его личной образованности, обусловленной всегда и вездѣ требованіями общей образованности того времени и мѣста, которому онъ принадлежитъ, всегда и вездѣ цѣнителен тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе современно. Становясь въ рядъ участниковъ въ дѣлѣ словесности, оживляясь сочувствіемъ къ нему, каждый невольно подчиняется силѣ своего времени, и тѣмъ болѣе выражаетъ свою личную силу, чѣмъ лучше она и лучше исполняетъ требованія образованности своего времени,

чѣмъ современнѣе въ своихъ взглядахъ и дѣятельности. Подчиняясь требованіямъ современности, каждый изъ участниковъ въ дѣлахъ литературныхъ, глядитъ и на прошедшее, какъ на часть современнаго; видитъ и помнитъ изъ него только то, что годится для его времени; не дорожитъ тѣмъ, чѣмъ не можетъ или не хочетъ дорожить его время, — и въ этомъ избранномъ кругу писателей и ихъ твореній ищетъ оправданія своей теоріи и критикѣ. Иначе и быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе не этимъ однимъ долженъ ограничивать кругозоръ своихъ наблюденій тотъ, кто желаетъ проникнуть въ связь судеб образованности того или другаго народа, кто на памятники его словесности глядитъ какъ на выраженіе силъ его духа въ словѣ. Конечно, и наблюдатель невольно подчиняется взглядамъ своего времени; но ни одинъ вѣкъ и ни одинъ народъ не поставитъ ему это въ исключительную обязанность, не потребуетъ, чтобы онъ навязывалъ понятіи своихъ другимъ вѣкамъ и народамъ, и не похвалитъ равнодушія къ тѣмъ памятникамъ, которые, сколько ни кажутся страшны или и дурны, были однако высоко цѣнны въ свое время и въ своемъ краѣ, и отразили на себѣ образованность этого времени и края. Чѣмъ разностороннѣе образованность, тѣмъ она безпристрастнѣе въ дѣлѣ наблюдательности; а чѣмъ безпристрастнѣе, тѣмъ взыскательнѣе къ тому, чтобы наблюдатель судебъ словесности оцѣнялъ все судомъ того времени, которое наблюдаетъ, а не своимъ собственнымъ; что-

бы изображать памятники словесности какъ драматикъ характеры, отстраняя отъ каждаго изъ нихъ одинаково свою личность, какъ совершенно имъ чуждую, возсоздавая ихъ въ ихъ жизни, а не призракомъ; чтобы обращалъ на нихъ большее или меньшее вниманіе не по прихотямъ своего вкуса, а по ихъ внутренней цѣнности, по цѣнности ихъ какъ памятниковъ своего времени и края. Только на этомъ условіи возможна исторія словесности; только на этомъ условіи она можетъ съ достоинствомъ занять свое мѣсто въ исторіи образованности, и своими изслѣдованіями быть полезною не для быстросменяющихся сроковъ современности, а упрочивая все болѣе свои основанія, какъ всякая другая отрасль человѣческихъ знаній.

Необходимо слѣдовательно въ словесности два взгляда — эстетическій и историческій — какъ взгляды совершенно различные, противоположные по цѣли и направленію въ такой же мѣрѣ, какъ противоположны взгляды участника и наблюдателя. Одинъ справедливо пристрастенъ къ убѣжденіямъ образованности своего времени и отыскиваетъ доказательства въ ихъ пользу съ личнымъ увлеченіемъ къ нимъ, какъ къ своимъ собственнымъ; другой столь же справедливо безпристрастенъ къ убѣжденіямъ всѣхъ временъ, и отыскиваетъ доказательства въ пользу всѣхъ, не увлекаясь ни однимъ. Въ изслѣдованіяхъ, сопряженныхъ съ тѣмъ и съ другимъ взглядомъ, есть свои мелочныя работы, безъ которыхъ не возможны ни какія труды ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ; но и въ этихъ мелочныхъ работахъ отражается противоположность двухъ взглядовъ столь же рѣзко, какъ и въ главномъ ихъ направленіи: характеръ однихъ достиженіе стройности мысли и чувства; характеръ другихъ достиженіе вѣрности образовъ.

И для насъ, въ настоящемъ состояніи литературы нашей, изслѣдованія историческія важны не менѣе эстетическихъ. Замѣтимъ при этомъ, что для изслѣдованій эстетическихъ служатъ намъ помощію и труды западныхъ Европейцевъ; для историческихъ изслѣдованій о нашей словесности мы предоставляемъ самимъ себѣ, своею собственною дѣятельностью должны разрабатывать рудники, едва початые, собирать и даже отыскивать матеріалы, не говоря уже о дальнѣйшей ихъ обдѣлкѣ. Изслѣдованія историческія о нашей словесности необходимы для насъ и какъ пособіе для отчетливаго разумѣнія тѣхъ изъ писателей нашихъ, которые содѣйствовали къ образованію нашего современнаго вкуса, нашихъ нынѣшнихъ литературныхъ убѣжденій. И въ то время, какъ важность этихъ изслѣдованій оправдывается все болѣе вниманіемъ къ нимъ въ образо-

ванныхъ кругахъ нашего общества, Академія не можетъ не поставить долгомъ своимъ содѣйствовать успѣшному ходу этого дѣла трудами своими и своихъ сотрудниковъ, какъ уже указано было предѣлительствующимъ, въ его Начертаніи занятій 2-го Отдѣленія Академіи. Отъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ членовъ мы ожидаемъ продолженія труда этого рода, столь же обширнаго по объему, сколько и важнаго по цѣли: я говорю объ Исторіи Русской словесности Академика С. П. Шевырева; нѣсколько другихъ меньшаго объема уже доставлены въ Отдѣленіе, или ожидаются; а сочувствіе писателей къ нашимъ трудамъ даетъ намъ право надѣяться, что они примутъ участіе и въ этой отрасли нашей дѣятельности — въ той же мѣрѣ, какъ оно выказалось въ другихъ. Съ этой надеждой, при собственномъ усердіи къ своему долгу, мы можемъ начать наши Историческія Чтенія о языкѣ и словесности не безъ увѣренности, что онѣ принесутъ пользу отечественной наукѣ.

Я позволилъ себѣ выразиться, Чтенія о *языкѣ и словесности*. Языкъ и словесность такъ тѣсно связаны между собою въ жизни, что и въ наукѣ ихъ отдѣлять не возможно. Степень и форма развитія словесности и ея вліяніе на народъ всегда зависятъ отъ степени и формы развитія ея органа, языка. Притомъ же памятники языка, хотя бы и не принадлежали къ произведеніямъ словесности, выражая образованность народа, не рѣдко обогащаютъ исторію словесности фактами драгоценными, незамѣнными. — Я позволилъ себѣ сказать, что наши Историческія Чтенія будутъ касаться *словесности*, предполагая, что не одна письменная литература должна быть важна для историка, а вся словесность — и письменная, и устная. Развитіемъ этой устной словесности, словесности преданія, начинается духовная образованность каждаго народа; даже и позже, когда разовьется литература, достоинство писателей оцѣняется тою же памятью народа, тѣмъ же дословнымъ устнымъ повтореніемъ ихъ сказаній хотя въ отрывкахъ, такъ что и нѣкоторой части литературы приходится иногда переживать свое время только въ преданіи, безъ пособія письменъ, и уже позже входить въ сокровищницу письменности. Преданіе хранитъ достоинство ума и чувства не такъ вѣрно какъ письменна; некажеть, или по крайней мѣрѣ измѣняетъ его, не всегда одинаково дорожа вѣрностью подробностей мысли и выраженія, и многое утрачиваетъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что преданіе можно совершенно отвергать: не только въ словесности, но и въ наукахъ опытныхъ оно иногда незамѣнимо.

Еще можно замѣтить, что историкъ не можетъ позволить

себѣ относить къ словесности только тѣ роды произведеній, которые относятся къ ней въ его время, оставляя безъ вниманія все другое. Каждый вѣкъ и каждый народъ, чѣмъ болѣе отличается отъ другихъ народовъ и вѣковъ по требованіямъ образованности, тѣмъ болѣе отличается и взглядомъ на кругъ словесности. Различіе взглядовъ явственно даже и въ одно время въ разныхъ классахъ общества—особенно взглядовъ на кругъ словесности письменной, литературы. Направленія философское и историческое, ученое и беллетристическое, прозаическое и стихотворное, преобладаютъ въ литературѣ попеременно если не во всѣхъ классахъ общества, то по крайней мѣрѣ въ кругахъ болѣе образованныхъ и писателей,—такъ что ни одинъ вѣкъ не можетъ быть правдивымъ судьей всѣхъ отвѣтовъ на вопросъ: что входитъ въ кругъ словесности, и что должно оставаться внѣ его?

«Исторія Славяно-Русской словесности — какъ сказала П. П. Давыдовъ въ Начертаніи—еще ожидаетъ своихъ дѣлателей»: будемъ надѣяться, что эти дѣлатели будутъ дѣйствовать за одно съ нами, достигая той же высокой цѣли — раскрытія минувшихъ судебъ нашей народной образованности.

Участіе многихъ въ нашихъ трудахъ предполагается здѣсь какъ во всемъ другомъ разнообразіи изслѣдованій, разнообразіи знаній и мнѣній: не вредя достоинству Чтеній, оно можетъ только помочь къ открытію истины, и не допустить сжаться въ тѣсныя рамки взгляда заранѣе опредѣленнаго и слѣдовательно мѣшающаго свободному ходу изысканій.

II.

О ДОГОВОРАХЪ КНЯЗЯ ОЛЕГА СЪ ГРЕКАМИ.

1. Записка П. П. Срезневскаго.

Записка нашего дѣятельнаго и даровитаго археолога, П. Д. Бѣляева, о договорѣ Олега съ Греками 911 года, содержаніе которой я буду имѣть удовольствіе сообщить Отдѣленію, даетъ мнѣ поводъ представить на судъ Отдѣленія и нѣсколько моихъ собственныхъ замѣчаній о договорѣ предшествовавшемъ, о договорной грамотѣ 907 года, какъ о древнѣйшемъ изъ памятниковъ Русскаго языка, доселѣ открытыхъ.

«Послѣ трудовъ Карамзина, Круга, Эверса и Ногодина—говоритъ Бѣляевъ — сомнѣнія о неподложности договоровъ Олега и Игоря съ Греками, уже не возможны для самыхъ придиричивыхъ скептиковъ; но тѣмъ не менѣе сии договоры представляютъ еще много вопросовъ, которые должны рѣшить

наука, и которые тѣмъ важнѣе, чѣмъ неопровержимѣе неподложность договоровъ».

Одинъ изъ нихъ, скорѣе другихъ бросающійся въ глаза есть: сколько договорныхъ грамотъ Русскихъ князей съ Греками уцѣлѣло до нашего времени? Обыкновенно отвѣчаютъ: три. Одна занесена въ лѣтопись подъ 6420 (911) годомъ — Договоръ Олеговъ; другая подъ 6453 (945) — Договоръ Игоревъ; третья подъ 6479 (971)—Договоръ Святославовъ. Но еще до 911 года, въ 907 г. договаривались Русскіе бояре отъ имени князя Олега съ Греками. «Олегъ же мало отступивъ отъ города, нача мръ творити съ царема Грецькыма, съ Леономъ и съ Александромъ, посла къ нимъ въ городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава, Стемида, глаголя: «Имште ся ми по дань». И рькоша Грьци: «Чего хотите и дамы ти». И заповѣда Олегъ дати воимъ на 2000 кораблѣй по двѣнадесяти гривнѣ на ключъ и потомъ дати склады на Русьскыи города—првое на Къявъ, таже и на Чершиговъ и на Переяславль, и на Полтъскъ и на Ростовъ и на Любечъ и на прочія города, по тѣмъ бо городомъ сѣдахъ князья (князья) подъ Ольгомъ суще». Въ слѣдъ за этимъ сказаніемъ лѣтописецъ приводитъ договорныя статьи — однѣ отъ имени Руси, другія отъ Грековъ: «Да приходитъ Русь» и пр. Передаетъ-ли здѣсь лѣтописецъ содержаніе переговоровъ своими словами, на сколько могъ его узнать по преданію устному или записанному, или же сообщаетъ статьи сей грамоты дословно? Должно ли или не должно считать ихъ памятникомъ Русскаго языка и быта времени Олегова, хотя нѣсколько и пострадавшимъ отъ позднѣйшихъ переписчиковъ, древнѣйшимъ памятникомъ Русскаго языка изъ всѣхъ доселѣ уцѣлѣвшихъ? Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, рѣшается безъ затрудненія тѣмъ, что статьи этого договора Олегова 907 года повторяются почти дословно въ договорной грамотѣ Игоря 945 года. Для ясности представляю сравнительное чтеніе этихъ статей.

Да приходитъ Русь, съльбонъ (= хлѣбное, слюбонъ) кмлють (= берѣть), кнко хотать (= хотаче), и (= а) иже придѣтъ (=приходаче) гостыи (=гости), да кмлють (=берѣть) мѣсячнѣ на 6 мѣсяць, и хлѣбъ, и вино, и мѣса, и рыбы, и оwoцѣмъ; и да творятъ мовъ кнко хотать.

Во Договоръ 945 года: а) А великыи князь Русьскыи и болзше кго да посылають въ Грькы къ великымъ царемъ Грьчьскымъ кораблѣи кнко хотать со сълы и съ гостыи, кко же имъ ставлено ксть. Пошахъ сълы печати злати, а гостыи сребрьни; нынѣ же свѣдѣтъ князь вашъ (нашъ) посылати грамотѣ и пр.

И поидѣть (поидѣчи) же Русь домови (=засѣ), да кимѣть у царя вашего на пѣть браньно и якора и ѡжа и прѣ (=парѣсы) и кимѣ надобѣ.

Въ Договорѣ 945 года: в) И отходящен Русь отъсюда възимають отъ насъ кѣже надобѣ браньно и кѣже надобѣ лодьмъ, ѡкоже ставлено кѣтъ преже (=прѣвоѣ), и да възвращаються съ спасеніемъ въ странѣ свою, да не имѣють власти зимовати у св. Мамы.

И ѡшасѣ Грѣци и рѣкоша царя и болярство все:

Аще приидѣтъ Русь безъ кѣпли, да не възимають мѣсачины. Да запретитъ князь съловомъ (=людемъ) своимъ приходящимъ Рси сѣдѣ, да не творятъ пакости въ селѣхъ (и) въ странѣ нашей.

Приходящен (=приходяще) Русь да вѣтають у св. Мамы, и посълетъ царство наше, да испишють имена ихъ, и тогда възмѣтъ мѣсачьноѣ свое — прѣвоѣ отъ города Кѣнѣва, и пакы изъ Чрънигова, и Переѣславля, и прочии городѣ. И да вѣходать въ городѣ одинѣми вороты съ царевымъ мужемъ, безъ орѣжы мѣжъ 50, и да творятъ кѣплю, ѡкоже имъ надобѣ, не платаче мѣта ни въ чемъ же.

Въ Договорѣ 945 года: б) Аще приидѣтъ Русь безъ кѣпли да не възимають мѣсачина. Да запретитъ князь съловомъ (=съломъ) своимъ, приходящимъ Руси сѣдѣ, да не творятъ бесчынъ въ селѣхъ (=людѣхъ) ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ, да вѣтають у св. Мамы; да посълетъ царство наше (=ваше), да испишетъ имена ваша (=ихъ), тогда възмѣтъ мѣсачьноѣ свое, съи сълѣбьноѣ, а гости мѣсачьноѣ — прѣвоѣ отъ города Кѣнѣва, пакы изъ Чрънигова и Переѣславля и изъ прочихъ городов. Да вѣходать въ городѣ одинѣми вороты съ царевымъ мѣжемъ, безъ орѣжы мѣжъ 50, и да творятъ кѣплю, ѡкоже имъ надобѣ, пакы да исходать. И мѣжъ царства нашего (=вашего) да хранитъ ѡ; да аще кто отъ Руси или отъ Грѣкъ сѣтвори криво, да оправмѣтъ то.

Отмѣны въ выраженіяхъ, болѣе подробныя объясненія договора Игоревъ и иной порядокъ въ расположеніи условій служатъ доказательствомъ, что статьи, занесенныя въ лѣтописъ подѣ 6415 (907) годомъ, не выписки лѣтописца изъ грамоты 945 года, а отрывки изъ особенной грамоты. Статьи этого договора повторены въ послѣднемъ договорѣ Игоря по тѣмъ же причинамъ, по которымъ повторены въ немъ и статьи 911 года *) — Съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя не замѣтить, что въ Олеговомъ договорѣ 911 года статей, записанныхъ подѣ 907 годомъ, нѣтъ,

*) Опытъ сравненія статей договоровъ 911 и 945 года слѣланъ Проф. Тобиномъ, въ его Die æltesten Tractate Russland. Dorpat. 1844. стр. 17 и слѣд.

и между тѣмъ въ грамотѣ 945 года есть ссыла на прежній договоръ: «ѡко же имъ ставлено кѣтъ; ѡко же ставлено кѣтъ преже».

Ту же отдѣльность грамоты 907 года подтверждаютъ и выраженія, поставленныя въ лѣтописи въ слѣдъ за договорными статьями, и объясняющія обстоятельства подтвержденія принятыхъ условій присягой.

Не имѣя въ виду никакихъ противныхъ данныхъ, можемъ допустить и то, что лѣтописецъ занесъ въ лѣтописъ всю грамоту, за исключеніемъ развѣ начала и окончанія, и лишивши его только первоначальной формы. Въ серединѣ онъ нарушилъ ея цѣлость, сколько можно догадываться, только отдѣленіемъ Русскихъ статей отъ Греческихъ посредствомъ вставки выраженія: «И ѡшасѣ Грѣци и рѣкоша царя и болярство все».

Какова же была первоначальная форма этой грамоты, можемъ судить по формѣ остальныхъ трехъ договорныхъ грамотъ Русскихъ князей съ Греками. Грамоты 911 года и 945 года обыкновенно начинаются словами: Мы отъ рода Руськаго. Миѣ кажется, это несправедливо. Грамота Святослава начинается словами: Равно дрѣгаго свѣщанъ бывшаго при Святославѣ величѣмъ князи Русѣтъмъ и при Свѣнальдѣ, писано при Оефелѣ спикелѣ и къ Иванѣ нарицѣмому Цѣмьскю, въ Дерестрѣ, мѣсцы Юли, индикта въ 14-е, въ лѣто 6479. Азъ Святославъ князь Руськинъ, и пр. Почему же въ другихъ грамотахъ не отмѣчено такое же начало? Потому ли что его нѣтъ, или только потому, что его не замѣтили? Очевидно, кажется, послѣднее. Подѣ 911 годомъ въ лѣтописи читаемъ: Посла Ольгъ мужи свои построиши мира и положиши рады межѣ Грѣки и Русью, и посла глагола: Равно дрѣгаго свѣщанъ бывшаго при цари Льва и Александра. Мы отъ рода Руськаго и пр. Подѣ 945 годомъ читаемъ: «Посла Игорь мужѣ свои къ Романѣ. Романъ же созѣва болѣре и сановники. Приведоша Руськыя сълы и велѣша глаголати, писати обоихъ рѣчи на харатѣ: Равно дрѣгаго свѣщанъ бывшаго при цари Романѣ и Костантинѣ и Стефанѣ христолюбивыхъ владыкъ. Мы отъ рода Руськаго, и пр. Вѣтъ три грамоты, сохранившіяся вполнѣ, начинаются одинаково, словами: Равно дрѣгаго свѣщанъ, бывшаго при цари (или при царихъ = царьхъ), за которыми слѣдуютъ имена Русскихъ, принимавшихъ участіе въ свѣщаніи. Въ договорѣ Олеговомъ 911 года стоятъ имена пословъ княжескихъ; въ договорѣ Игоревомъ 945 года — имена пословъ и гостей; въ Святославовомъ — имя самого князя и его ближняго вое-

воды Свѣнальда. Можно заключить, что и грамота 907 года начиналась выраженіемъ: «Равно дрѣгаго съвѣщанья бывшаго при царихъ Львѣ и Александрѣ. Мы отъ рода Руськаго и пр. *Равно*: прилагат. сред. рода: τὸ ἴσον, particula charta, соріа, противень. Вѣроятно и эта грамота была только спискомъ съ Греческаго подлинника.

Конецъ каждой изъ договорныхъ грамотъ сохранившихся вполнѣ, одинаково состоитъ въ обозначеніи обстоятельствъ подтвержденія условій присяги. Въ грамотѣ 911 года: На 8тврженіе же и неподвиженіе быти межн вами Христѣаны и Русью бывшии миръ сътворихомъ Ивановомъ написаниѣмъ на двою харътию (=харатию)... *) царя вашего своєю рѣкой, подлежащимъ чьстѣнымъ крѣстомъ и святою кдиносѣщною Троицею кдиного истиннаго Бога нашего, извѣстни дасть нашимъ словомъ (=посломъ). Мы же клахомъ ся къ царю вашему, иже отъ Бога сѣще яко Божие зданіе (=сзъданіе), по законѣ и по поконѣ языка нашего неперестѣпати ни памъ ни иноу отъ страны нашеа отъ 8тавлсныхъ главъ мира и любви. И таково написаніе дахомъ царства вашего на 8тврженіи обонѣмъ пребывати таковомъ съвѣщаніи на 8тврженіи и извѣщеніи межн нами **) бывающаго мира. Мѣсяцы Сѣбтабра въ 2, а въ педѣлю 15, въ лѣто сзъдаши миру 6420». Въ этомъ подтвержденіи договорныхъ статей присягой не трудно отличить двѣ части: первая—Греческая *** а вторая Руская. (Мы же клахомъ ся къ царю вашему и пр.). Тоже и въ грамотѣ 945 года: Греческая часть начинается словами: «Мы же съвѣщаньемъ все написахомъ (=положихомъ) на двою харътию, и пр. Русская часть окончанія—единственная статья Русская во всемъ договорѣ, за исключеніемъ вступленія (до словъ: и иже помыслихъ отъ страны Руськыа разрѣшити такъ любовь)—гораздо подробнѣе. «Мы же кляко насъ крѣстилиса ксмы, клахомъ ся црковью св. Ильи, въ съборыи цркви, и подлежащимъ чьстѣнымъ крѣстомъ и харътиєю сею хранити все иже ксть написано на нси, не престѣшити отъ него (=того) ничьтоже. А иже престѣшити се отъ страны нашеа, ли князь ли онъ кто, ли крѣщенъ или некрѣщенъ, да не имать помощи отъ Бога и да бѣдетъ рабъ въ весь (=въ сии) вѣкъ (и) въ бѣдущин, и да заколентъ бѣдетъ своимъ орѣжьемъ. А некрѣщенн Русь полагають щиты своа и мечи своа пагы,

обрѣчи своа и прочаа орѣжыа, да клянутъся о всемъ, иже сѣтъ написано на харътии сей — хранити отъ Игоря и отъ всехъ болгаръ и отъ всехъ людей отъ страны Руськыа въ прочаа лѣта и вѣинѣ (= всегда). Аще ли же кто отъ князь или отъ людей Руськихъ, ли христѣанъ (=крѣщенъ) или не христѣанъ (=некрѣщенъ), престѣшити се, иже ксть писано на харътии сей, бѣдетъ достоинъ своимъ орѣжьемъ 8мрети, и да бѣдетъ клять отъ Бога и отъ Первна, яко престѣши своѣмъ клятьвѣ. Да аще (=обаче) бѣдетъ добръ, Игорь великыи князь да хранитъ си любовь правѣю, да не разрѣшится дожде слѣнце сынѣтъ и весь миръ стоитъ, въ нынѣшната вѣкыи въ бѣдѣщаа». Договоръ Святослава заключается также присягой: Икоже кляхъ ся къ царемъ Грьчскымъ и со мною болгаре и Русь всеа, да съхранимъ праваа съвѣщанья. — Такое же окончаніе имѣла и грамота 907 года, и оно занесено въ лѣтописъ:

Царь же Леопъ съ Олександромъ миръ сътвориста съ Ольгомъ, имѣшеса по дань и рогѣ заходивъше межн собою, цѣловавъше сами крѣсть; и Ольга водиша и мѣжи ко по рогѣ. По Руському законѣ кляхъ ся орѣжьемъ своимъ и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ скотнымъ богомъ и 8тврдиша миръ.

Можетъ быть, въ этомъ заключеніи грамоты 907 года лѣтописецъ что нибудь и измѣнилъ противъ подлинника, припоровивши къ разказу; можетъ быть впрочемъ, что и ничего не измѣнилъ. Во всякомъ случаѣ, мы не лишены возможности представить себѣ довольно полный образъ этого древнѣйшаго изъ дипломатическихъ памятниковъ Русскихъ, и тѣмъ болѣе — не смѣшивать его съ разказомъ лѣтописца, отмѣчая его какъ одинъ изъ двухъ актовъ, оставшихся отъ времени Олега.

Обращаюсь теперь къ изслѣдованію П. Д. Вѣляева о Договорѣ 911 года и — исполняя порученіе Ваше, Мм. Гг., представляю извлеченіе изъ него, сколько можно держась его собственныхъ словъ и выраженій, и стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ не пропустить ни одной счастливой мысли нашего трудолюбиваго археолога.

2. Извлеченіе изъ Записки П. Д. Вѣляева.

Изслѣдованіе это заключаетъ въ себѣ: а) общія замѣчанія о языкѣ договора 911 года, б) чтеніе и переводъ договора, съ частными замѣчаніями о выраженіяхъ договора, и в) заключительныя разсужденія о договорѣ какъ памятникѣ Русскаго быта X вѣка.

Нашъ лѣтописецъ оказалъ величайшую услугу для исторіи, сохранивъ Олеговъ договоръ въ подлинникѣ; мы теперь мо-

*) Здѣсь какъ будто есть пропускъ.

**) Въ Платѣев. спискѣ стоитъ не *нами*, а *вами*, конечно по ошибкѣ: ни одна сторона не могла тутъ сказать: *вами*.

***) Съ пропускомъ, кажется, какъ уже было замѣчено.

жемъ судить о степени развитія Придѣпровской Руси въ Олегово время, объ устройствѣ тогдашняго Русскаго общества: языкъ Олегова договора служить для насъ вѣрнѣйшимъ руководствомъ въ этомъ дѣлѣ.

Точно ли писанъ договоръ Славянскимъ жителемъ Придѣпровья, т. е. тогдашнимъ Руссомъ, — или же Болгариномъ, которыхъ не рѣдко встрѣчаемъ въ тогдашней службѣ при Византійскомъ дворѣ, — или не передѣланъ ли этотъ языкъ лѣтописцемъ?

Подозрѣніе насчетъ передѣлки языка лѣтописцемъ здѣсь рѣшительно не возможно: языкъ лѣтописи и языкъ договора сильно разнятся другъ отъ друга. У лѣтописца вездѣ рѣчь ясная, правильная, обличающая писателя образованнаго и опытнаго; въ договорѣ же рѣчь частію темная, частію нестройная и даже неправильная, въ которой очень замѣтно, что тогдашній языкъ Руси только что въ первые укладывался въ письмена, и еще плохо подчинился правиламъ связной и продолжительной рѣчи. При томъ же точность, которую нашъ лѣтописецъ болѣею частію соблюлъ въ передачѣ чуждыхъ для него Скандинавскихъ именъ Олеговыхъ посланниковъ, упоминаемыхъ въ договорѣ, отстраняетъ даже самый поводъ къ подозрѣнію, что онъ не позаботился сохранить въ точности родной, и уже конечно любопытный для него, старый языкъ договора.

Гораздо важнѣе предположеніе о составленіи или переводѣ (съ Греческаго) договора Болгариномъ. За него стоятъ: во первыхъ, извѣстія Греческихъ лѣтописцевъ, что Болгары служили при Византійскомъ дворѣ, слѣдовательно Византійское правительство скорѣе всего могло поручить переводъ договора на Славянскій языкъ своему чиновнику изъ Болгаръ; во вторыхъ, при современникѣ Олеговомъ, Болгарскомъ царѣ Симеонѣ книголюбію много уже книгъ переводилось Болгарами съ Греческаго языка на Славянскій, слѣдовательно Болгары въ это время были лучшими и обычными переводчиками и писателями на Славянскомъ языкѣ, каковыми тогда вовсе не были Славяне Придѣпровскіе; и въ третьихъ наконецъ, позднѣйшіе изслѣдователи, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, находятъ въ языкѣ Олегова договора чистые болгаризмы, и прямо приписываютъ Болгарину переводъ договора съ Греческаго языка на Славянскій. Всѣ эти доказательства, въ пользу перевода договора Болгариномъ, съ перваго взгляда довольно сильны; но тѣмъ не менѣе предположеніе о Болгарскомъ переводчикѣ или составителѣ договора, при внимательномъ изслѣдованіи дѣла,

не можетъ быть принято не только за истинное, но даже и за правдоподобное. Во первыхъ, ежели Греки охотнѣе могли поручить переводъ или составленіе договора Болгарину, состоящему въ ихъ службѣ, то, конечно, Русскіе въ этомъ дѣлѣ менѣе могли довѣрять Греческому чиновнику, и скорѣе должны были поручить такое дѣло своимъ. Притомъ по прямому свидѣтельству нашего лѣтописца, самая мысль написать договоръ принадлежитъ не Грекамъ, а Олегу. Въ лѣтописи сказано: «посла Олегъ мужи свои построи мира, и положити ряды межъ Греки и Русью». Слѣдовательно Русскіе здѣсь были главными хозяевами дѣла. Вопросъ о томъ — могли ли Русскіе переводить съ Греческаго, знали ли они по Гречески? — кажется, разрѣшается самъ собою и самимъ договоромъ Олега. По свидѣтельству договора, Русскіе часто ѣздили въ Константинополь, дѣятельно торговали съ Греками, даже иные находились въ службѣ у Константинопольскихъ императоровъ; слѣдовательно необходимо должны были знать Греческій языкъ, иначе имъ нельзя бы было ни торговать ни служить въ Греціи.

Во вторыхъ, ежели Болгары въ Олегово время были хорошими переводчиками и писателями на Славянскомъ языкѣ; то безъ сомнѣнія они писали по-Славянски стройно и правильно, какъ на самомъ дѣлѣ это и было, чему мы имѣемъ ясныя свидѣтельства, неподлежація никакому спору, въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ и переводахъ Болгарскихъ писателей X вѣка, каковы: Іоаннъ Экзархъ, Константинъ и Григорій, переводчикъ или составитель сборника для Симеона Царя Болгарскаго. Договоръ же Олега написанъ языкомъ нестройнымъ, тяжелымъ и, по мѣстамъ, неправильнымъ.

Въ третьихъ наконецъ, чтобы правильно судить о составителѣ или переводчикѣ договора по самому языку, для этого нужно сличить договоръ относительно языка съ памятниками Болгарской литературы одного времени съ договоромъ. Съ этою цѣлію я представляю здѣсь сличеніе договора съ переводомъ творенія Іоанна Дамаскина о правой вѣрѣ, который составленъ Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ *). Въ договорѣ сказано: «на удержаніе и извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межъ Христіанами и Русью бывшую любовь». Во всѣхъ спискахъ лѣтописи именно стоитъ: *бывшую любовь*, въ внимательномъ падежѣ, что показываетъ еще нестройность въ языкѣ договора; тогда какъ у Іоанна Экзарха, современника Олегова, имя существительное, зависящее отъ другаго существительнаго вездѣ стоитъ

*) Рукоп. Синод. Патр. Библіотеки № 108.

въ родительномъ падежѣ, напр. «въ съблуденіе души же и плѣти» (листъ 137) или тамъ же: «се мнѣ есть не образъ плѣти, нѣ плѣть». Притомъ слово *удержаніе* въ договорѣ кажется соответствующимъ слову *съблуденіе* у Экзарха, по крайней мѣрѣ у Экзарха слова *удержанія* я не нашелъ, а вездѣ вмѣсто его поставлено *съблуденіе*. Или въ договорѣ сказано: «да храните такую любовь неслѣбазнену и непреложну всегда.» У Экзарха же вмѣсто *неслѣбазнену* стоитъ: *безблазныи* блостися самѣмъ чистомъ» (л. 123) или «безблазною вѣрою придемы». (л. 137) или въ глаголѣ: «вѣруемъ не-блазниащеся» (л. 137), а вмѣсто *непреложну* постоянно встрѣчается *непоступно*, напр. «небожь свойство *непоступно*, или: «да пребываетъ свойство *непоступимо*» (л. 117). Или въ договорѣ: «яко же явится стѣгнѣніе о семъ»; у Экзарха вездѣ стоитъ *прегрѣшеніе*, напр. «ни даждь Гѣ Бѣ сему *прегрѣшенію* прити ни на когоже» (л. 5). Въ договорѣ: «спрѣчь, иже его будетъ по закону»; у Экзарха вмѣсто *спрѣчь* вездѣ стоитъ *рекше*; напр. «*рекше* скорѣи и печали и папастии» (л. 159). Въ договорѣ сказано: «да держится *тяжко* допѣдеже обрящется»; у Экзарха слово *тяжко* не встрѣчается, а вездѣ стоитъ слово *тяжба*; напр. «слогъ бо въчало *тяжбѣ*, а *тяжба* расходу» (л. 17). Въ договорѣ сказано: «аще будетъ *неимовитъ* тако сътворившій»; у Экзарха *неимовитъ* не встрѣчается, а вездѣ поставлено *малый, убогий*; напр. «иъ малы, убогы и неимовитныи, гонимы» (л. 119.) Въ договорѣ: «да соиметь съ себе и ты самыя порты своя»; у Экзарха слово *порты* не употребляется, а вмѣсто ихъ онъ постоянно пишетъ или *одежды*, или *ризы*; напр. «то бо есть мѣрътвѣныхъ кожнѣ *одежда*» (л. 112), или «и самѣмъ тѣмъ *ризамъ* исполочемамъ водою» (л. 125); а также и слова *соимати* нѣтъ у Экзарха, а вездѣ стоитъ *свѣлецися*. Въ договорѣ: да проводимъ ю (лодыю) сквозъ всяко страшно мѣсто въ безстрашно мѣсто»; у Экзарха въ подобныхъ случаяхъ вездѣ стоитъ *отпѣшно мѣсто*, и вмѣсто *лоды*—*корабль*; напр. «а иже въ кораблѣ суть, то надѣются сего правленіемъ въ *отпѣшнѣмъ мѣстѣ* пристати» (л. 184). Въ договорѣ: «Аще ли ключите также проказа лодыи Русей»; у Экзарха вмѣсто *ключите* вездѣ *случися, прилучи, приключися*; напр. «Случиже ся ино что» (л. 99), или «снѣ же *прилучи*» (л. 160), или: «иная вещи образу *приключашіи*» (л. 199) Слова *проказа* въ значеніи *бѣды, несчастія, вреда*, въ какомъ оно стоитъ въ договорѣ, ни разу не употреблено у Экзарха, и встрѣчается только въ частномъ своемъ значеніи

лѣрга. Въ договорѣ сказано: «извѣщаемую любовь непревратну и непостыжну»; у Экзарха стоитъ: «Бѣъ незданъ, непзвратытъ» (л. 11). Или въ договорѣ: «Аще ли ударить мечемъ, или бѣеть кацѣмъ либо съсудомъ»; здѣсь очевидно *съсудъ* значитъ орудіе; но у Экзарха вездѣ *съсудъ* значитъ только сосудъ, и еще въ одномъ мѣстѣ употреблено въ значеніи *суда, сужденія*: «да вѣровавъше о законѣ и мѣрътвѣныхъ въскресенію и боудущоу съсуду» (л. 186). Въ договорѣ стоитъ: «Аще ли таковая лодья ли отъ буря или отъ бороненія земнаго боронима не можетъ възборонитися въ своя си мѣста»; здѣсь нѣтъ вспомогательнаго глагола *быти* при словѣ *боронима*; это чисто Русское выраженіе, по Болгарски же должно бы было сказать *боронима сущи*; такъ у Экзарха: «такожде челоуѣцы изрядное то добро невидимо слышаште соуще не вѣроуютъ» (л. 182). Въ договорѣ нѣсколько разъ встрѣчается слово *рухлю* въ значеніи поклажи товара; у Экзарха это слово вовсе неупотребительно. Въ договорѣ сказано: «да повинныи будутъ то створшии преждерѣченною эпитимьею»; у Экзарха слово *повиненъ* постоянно сочиняется съ дательнымъ падежемъ, напр. «и смѣръти осужденъ и тѣмъ повинноу не презри» (л. 112). Или въ договорѣ встрѣчаемъ слово *челядинъ* въ значеніи раба, невольника, у Экзарха *челядинъ* вовсе не встрѣчается, а вездѣ стоитъ *рабъ*; напр. «съидеть къ своимъ рабомъ» (л. 116). Въ договорѣ сказано: «спотружаемся гребцемъ тоя лодья мы Русь и допроводимъ съ куплею ихъ по здорову». Слово *по здорову* у Экзарха вовсе не встрѣчается, хотя по смыслу и бывали случаи, гдѣ бы оно могло быть употреблено; а посему можно допустить, что оно у Болгаръ было неупотребительно, и принадлежить собственно Русскому языку; и тѣмъ болѣе должно съ симъ согласиться, что въ Русскихъ памятникахъ литературы слово *се* встрѣчается очень часто. Въ договорѣ сказано: «Аще кто умретъ не урядивъ своего имѣнья, *ци* своихъ не имать»; у Экзарха же въ подобныхъ случаяхъ вездѣ стоитъ *или, ли*, слово же *ци* вовсе не употребляется; напр. «не обрѣзаетъ ли дѣтишта въ соуботу, аще ся лоучитъ осмаго дне, не или великое пощеніе, еже имъ заповѣдано»; или тутъ же: «что ли о Даниили рекутъ, не три ли пѣдѣля сътвори безъ яди» (л. 164).—Такимъ образомъ самый языкъ договора, сколько можно судить по сдѣланному сличенію, обличаетъ, что договоръ не можетъ быть писанъ Болгаринъ. Слѣдовательно Болгаризмы, находимыя въ немъ, въ сущности своей есть ничто иное, какъ выраженія и обороты рѣчи общіе въ X вѣкѣ и для Русскаго и для Болгарскаго языка.

Датѣ г. Бѣляевъ представляет переводъ договорной грамоты 911 года. Мы воспользуемся имъ позже. Объясняя по статьямъ своей переводъ, онъ обращаетъ постоянно вниманіе на тѣ мѣста грамоты, которыя отличаются особенностями языка.

Въ именахъ Олеговыхъ пословъ мы во первыхъ видимъ, что лѣтописецъ нашъ передавалъ доходившіе до него памятники съ замѣчательною точностію. Во вторыхъ, эти имена свидѣтельствуютъ, что какъ Олегъ, такъ и большая часть окружавшихъ его мужей были Скандинавы. Изъ четырнадцати посольскихъ именъ, только два Карнъ и Стемидъ или Стемиръ звучатъ по Славянски, или корнями своими примыкаютъ къ Славянскому языку. Стемиръ можетъ быть сокращенное *Станмиръ*. Карль же имѣетъ подобное себѣ имя въ Словѣ о полку Игоревѣ — *Карна* (въ женскомъ родѣ) отъ корня *Къриъ* — обрѣзанный, обрубленный, отсюда же *карналь* обрубать, обрывать, и *карнаухій* — съ обрубленными ушами. Всѣ же прочія имена Олеговыхъ пословъ чисто Скандинавскія, такъ что почти каждое изъ нихъ мы найдемъ въ Исландскихъ сагахъ, иныя рѣшительно безъ измѣненія, сохраненныя лѣтописцемъ съ удивительною точностію, а другія съ небольшими измѣненіями. Такъ Олегову послу *Карлы* сага Олава святаго представляетъ двойника *Karli*, оруженосца изъ Галогин, выѣхавшаго съ Тореромъ и Гунистейномъ ограбившаго храмъ Юмалы Біармійскаго ¹⁾; *Ингелъду* соответствуетъ въ сагахъ *Ingialdr*, упоминаемый въ сагѣ Орвародда ²⁾; въ параллель съ *Веремудомъ* или *Вельмудромъ* въ сагахъ встрѣчается *Veremundr* мудрый, дальній предокъ Сигурда Ринга ³⁾ и *Vilmundr* упоминаемый въ митологико-исторической поэмѣ *oddrúnargrátr* ⁴⁾; *Рулаву* соответствуетъ *Hrolfr*, перѣдко упоминаемый въ Исландскихъ сагахъ; *Гуды* имѣетъ себѣ подобнаго въ числѣ богатырей, сопровождавшихъ Сигурда Ринга въ Бравальскомъ бою, *Gudi tollus* ⁵⁾; *Руалъду* отвѣчаетъ также Ринговъ богатырь *Hróaldr* ⁶⁾; *Фрелаву* отецъ Одина *Frjalaf* или по другимъ чтеніямъ *Freáláf* и *Frelat* ⁷⁾; *Руару* или *Риару* можетъ быть Нгејдаггъ въ сагѣ Орвародда ⁸⁾; *Актеву* можетъ быть *Agdi*; ⁹⁾ *Труану* или *Тріану*, можетъ быть, *Þorgi* ¹⁰⁾ или *Þorgir* ¹¹⁾; подобныхъ *Фарлофу* и *Лидульфосту* въ Скандинавскихъ сагахъ я не нашелъ, но они звучатъ по Скандинавски, и въ *Лидульфостѣ* не скрываются ли

два имени: *Лидуль* или *Лидаль* и *Фостъ*, двойниковъ которыхъ также можно встрѣтить въ Исландскихъ сагахъ *).

Переводчикъ и на письмѣ частію не измѣняя своему изустному образу изложенія, каждое предложеніе понималъ и переводилъ отдѣльно, и ставилъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ находилъ въ Греческомъ подлинникѣ, отъ чего у него и вышлѣ многія неправильности и перѣдко темнота и запутанность въ изложеніи. И такъ у него составилось слѣдующее несогласное съ грамматикою выраженіе: «на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю Христіаны и Русью бывшую любовь». Неправильность выраженія: «похотѣнемъ нашихъ князь и по повелѣнію, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси» по всему вѣроятію принадлежитъ не составителю или переводчику, а позднѣйшему переписчику. Составителемъ на вѣрное было написано: «похотѣнемъ нашихъ князь и по повелѣнію свѣтлаго князя нашего и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси». Наше предположеніе о пропускѣ, сдѣланномъ переписчикомъ, оправдывается параллельнымъ выраженіемъ того же договора, поставленнымъ ниже: «такъ же и вы, Греци, да храните такую же любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускымъ и къ всѣмъ иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего». т. е. составитель подъ словами: «*свѣтлаго князя нашего*» разумѣлъ Олега, какъ верховнаго князя на Руси, а подъ словами: «*нашихъ князь*» — князей надъ Славянскими племенами подчиненными Олегу. Сцѣпленіе нѣсколькихъ предложеній, которыми оканчивается первое отдѣленіе договора, очевидно, есть подлинное, нескажанное произведеніе составителя или переводчика договора; оно явно обличаетъ человѣка, только что начинающаго излагать свои мысли на письмѣ. Каждое предложеніе взятое отдѣльно — правильно и ясно, но далеко не таково соединеніе предложеній другъ съ другомъ. Вотъ три предложенія составляющія окончаніе перваго отдѣленія: 1-е: «наша свѣтлость право судихомъ и писаньемъ и клятвою твердою такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему; 2-е: «наша свѣтлость болѣ ниѣхъ хотиши еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь бывшую межю Христіаны и Русью многожды, но точно просто словесемъ; и 3-е: «клянемся оружіемъ своимъ». Каждое изъ сихъ предложеній взятое отдѣльно, какъ всякій долженъ сознаться, не имѣетъ недостатка въ правильности и опредѣленности грамматической. Темнота и сбив-

¹⁾ Antiq. Russ. T. I. стр. 333 и 433. ²⁾ ibid. 93. ³⁾ ibid. 220. ⁴⁾ ibid. 33. ⁵⁾ ibid. 80. ⁶⁾ ibid. 82. ⁷⁾ ibid. 46. ⁸⁾ ibid. 93. ⁹⁾ ibid. 217. ¹⁰⁾ ibid. 215. ¹¹⁾ ibid. 334.

*) Звуки имени Фарлова напоминаютъ о Фарульфѣ (*Farulfr* = *Farulfs* = *Farulfi* = *Farulf*). Dietrich, Runen-Sprachschatz. стр. 16—17. Редакт.

чивость цѣлаго ряда предложеній очевидно зависѣть отъ неправильной ихъ разстановки; именно отъ того, что составитель или переводчикъ сказуемое перваго главнаго предложенія: «*право судихомъ*» поставилъ между первымъ и вторымъ сказуемымъ прибавочнаго: «*любовъ бывшую многажды, по точию просто словесемъ*», — и такимъ образомъ разорвалъ два предложенія, изъ которыхъ не слѣдовало разрывать втораго предложенія, какъ опредѣляющаго подлежащее перваго предложенія.

Изъ одиннадцати предложеній 3-ей статьи представляется разорваннымъ только одно: «*да часть его, сирѣчь ниже его будетъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго*». А посему изложеніе цѣлой статьи довольно ясно, за исключеніемъ слѣдующихъ двухъ предложеній: «а жена убіеннаго да имѣетъ то лицѣмъ, же прибѣдетъ по закону». Но и здѣсь неясность должно приписать не древнему составителю, а позднѣйшимъ переписчикамъ, которые вмѣсто словъ: *то лицемъ* написали *толицемъ* и даже *толицрмъ*, а далѣе вмѣсто того, чтобы написать: *еже ее будетъ по закону*, переписчикъ написал: *же прибѣдетъ по закону*.

Статья 6-я яснѣе другихъ показываетъ, что договоръ первоначально былъ написанъ на Греческомъ языкѣ, и для Рускихъ уже переведенъ кѣмъ либо изъ Русскихъ. Вотъ мѣста, подающія поводъ къ такому мнѣнію: «Да еще кто идетъ снабдити лодью съ рухломъ своимъ и отсылати пакы въ землю Хрестьянску». Это чисто Греческое выраженіе чрезъ неопредѣленное наклоненіе съ членомъ: Далѣе «аще ли таковая лодья ли отъ буря, или отъ бороненія земнаго боронима»: здѣсь слова «отъ бороненія земнаго» явно переводъ Греческаго выраженія *κατὰ βραχέων*. Греческое *βραχέα* — *мель, отмель* Русъ перевелъ посредствомъ бороненіе земное, т. е. *насыпи, переборъ*, наплывъ песку надъ водою. Насыпи еще въ XII вѣкѣ назывались на Руси *забрадами, бронью*. Такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ сказано: «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забрадь.» т. е. на городскомъ валу, насыпи; въ лѣтописи одно укрѣпленіе называется *бронь кияжъ*, а *переборъ* еще и теперь въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ значитъ *порогъ рѣчной* или мелководье въ устьѣ рѣки или залива (Опытъ Области. Великорус. Словаря. стр. 155). Въ настоящей статьѣ темнымъ и сбивчивымъ для иныхъ толкователей представлялось выраженіе: «ти еще ключиться близъ земли Грецы, аще ли ключиться также проказа лодыи Русѣй, да проводимъ ю въ Рускую землю, и да продають рухло тоя лодыи». Вся неясность и сбивчивость выраженія оче-

видно произошла отъ недосмотра переписчика, который пропустилъ слова *близъ земли*; т. е. «аще ли ключиться также проказа лодыи близъ земли Русѣй». На этотъ пропускъ указываетъ одинакая форма предшествовавшаго выраженія: «ти еще ключиться близъ земли Грецы»: здѣсь *ти*, вѣроятно, написано вмѣсто *ци, ли, или*, т. е. случится ли таковое несчастіе близъ Греческой земли, или близъ земли Русской.

Статья 7-я такъ же какъ и предшествовавшая носитъ на себѣ слѣды перевода съ Греческаго. Самое первое выраженіе статьи: «отъ тѣхъ аще полоняникъ обою страну держимъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ» ясно указываетъ на переводъ съ Греческаго. Русскій переводчикъ, не знакомый съ книжнымъ языкомъ, почти на первомъ же словѣ въ Греческомъ подлинникѣ: *ἐκατέρωθεν* — *съ той и другой стороны* занулся, и неумѣлъ хорошо передать его по Русски; онъ по разговорамъ съ Греками зналъ, что слово *ἐκατέρωθεν* употребляютъ тогда, когда дѣло касается обоихъ разговаривающихъ, посему и онъ написалъ по Русски *обою страну*; но въ то же время видѣлъ, что въ настоящемъ случаѣ онъ лично не составляетъ ни той ни другой стороны, и посему придумалъ для поясненія прибавить слова *отъ тѣхъ*.

Вся 10-я статья написана правильно и ясно, и только слово *мѣстникъ* путало нѣкоторыхъ толкователей и переводчиковъ, которые хотѣли видѣть въ этомъ словѣ *мстителя*; тогда какъ, очевидно, словомъ мѣстникъ здѣсь переведено Греческое слово *κατήμενος* — хозяинъ дома, мѣста, занимающій какое либо мѣсто, владѣлецъ мѣста. Вспомнимъ Русское слово *мѣстничество*; да и самое слово *мѣстникъ* въ мѣстническихъ дѣлахъ не разъ встрѣчается именно въ значеніи человѣка, занимающаго извѣстное мѣсто. Мститель же, какъ видно въ Русской правдѣ, выражается словомъ *мстѣй, мстѣя*.

Въ 11-й статьѣ въ отношеніи къ грамматическому строенію рѣчи, встрѣчаются двѣ неправильности. Одна, обычная у составителя или переводчика Олегова договора, состоитъ въ ошибочной разстановкѣ предложеній: вмѣсто того, чтобы написать: «аще ли сътворитъ ображеніе, *таковѣй*, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣніе, възметъ уряженное его», переводчикъ или составитель, опасаясь раздѣлять предложенія, что ему плохо удавалось, написалъ: «таковѣй възметъ уряженное его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣніе». Вторая неправильность, вѣроятно, принадлежитъ позднѣйшему переписчику,

который написалъ: *да възвратитъ имѣніе*» тогда какъ слѣдовало бы написать: «да възвратить имѣніе»....

Статью 12-ю нѣкоторые переводчики и толкователи начинаютъ словами: «еще злодѣй възвратится въ Русь»; предшествующія же слова: «отъ взимающихъ куплю Руси и отъ различныхъ приходящихъ въ Греки и удоликающихъ» относятъ къ концу одиннадцатой статьи. Но такое перемѣненіе словъ изъ одной статьи въ другую вредитъ той и другой статьѣ; ибо слова сін въ одиннадцатой статьѣ являются неумѣстнымъ дополненіемъ, измѣняющимъ и затемняющимъ смыслъ. Тамъ уже сказано, что имѣніе, остающееся послѣ Русина безъ завѣщанія, возвращается на Русь къ ближайшему умершаго, наследникъ же по завѣщанію самъ беретъ завѣщанное: «възметъ уриженное его», и конечно долженъ брать его изъ квартиры умершаго, а не отъ пріѣзжихъ Рускихъ купцовъ, или вообще отъ проживающихъ въ Греціи Руссовъ, какъ того хотятъ помянутые переводчики и толкователи; ибо странно и ни съ чѣмъ несообразно предполагать, чтобы хозяинъ держалъ свое имѣніе не у себя, а отдавалъ постороннимъ лицамъ, и при томъ такимъ, которые временно приходятъ въ Грецію по своимъ дѣламъ. Мы не можемъ предполагать, что здѣсь должно разумѣть, будто бы хозяинъ отдавалъ свой капиталъ пріѣзжающимъ Рускимъ купцамъ для того, чтобы его капиталъ въ торговыхъ оборотахъ приобрѣлъ приращеніе; ибо въ статьѣ сказано не объ однихъ купцахъ, но и о различныхъ приходящихъ въ Греки, отъ которыхъ по смыслу толкователей наследникъ будто бы долженъ былъ требовать завѣщанное имѣніе; слѣдовательно о приращеніи капитала, чрезъ отдачу его въ торгъ, здѣсь нѣтъ и намека. Такимъ образомъ слова: «отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ приходящихъ въ Греки и удоликающихъ» вовсе не относятся къ одиннадцатой статьѣ договора. И на оборотъ двѣнадцатая статья безъ сихъ словъ теряетъ свой смыслъ; ибо безъ нихъ непонятно, о какомъ злодѣѣ говоритъ статья, о Русскомъ или о Греческомъ, да и самый глаголѣ *възвратится въ Русь*, оказывается непужнымъ, ибо чрезъ два предложенія въ статьѣ слѣдуетъ глаголѣ: *възвращенъ будетъ*. Отъ чего и переводчики, принимавшіе такое неправильное дѣленіе сихъ двухъ статей, должны были прибѣгать къ явнымъ натяжкамъ и искаженіямъ смысла. Впрочемъ начало двѣнадцатой статьи и съ присоединеніемъ словъ: «отъ взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ приходящихъ въ Греки и удоликающихъ» еще остается не совсемъ яснымъ; эта неясность исчезаетъ, ежели вставить глаголѣ *будетъ* или *обращается*, т. е. «отъ взимающихъ куплю

Руси, отъ различныхъ приходящихъ въ Греки и удоликающихъ еще злодѣй обращается, възвратится въ Русь», какъ вѣроятно и было написано древнимъ составителемъ статьи, но пропущено позднѣйшимъ переписчикомъ; въ договорѣ же Олега видимъ подобное выраженіе съ глаголомъ *обращутся*: «и обращются тамо, иже отъ насъ Руси» (статья шестая), и такая вставка или дополненіе пропущеннаго переписчикомъ слова нисколько не противорѣчитъ языку договора; сию не усомнился воспользоваться нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ, глубокій знатокъ Русскаго слова....

Предложеніе заключенія: «иже отъ Бога сущіе, яко божіе зданіе», относящееся прямо къ предложенію: «не преступати отъ уставленныхъ главъ мира и любви», переводчикъ ошибочно отнесъ къ предложенію: «мы кляхомся къ царю вашему», и тѣмъ затемнилъ свое изложеніе. Кромѣ сихъ нестройностей въ порядкѣ предложеній здѣсь замѣчается особливостъ грамматической формы въ глаголѣ *даю*, именно въ прошедшемъ времени вмѣсто *далъ есть*, какъ слѣдовало бы по свойству древней Славянской грамматики, здѣсь стоитъ сокращенно *дасть*. Это сокращеніе совершенно въ духѣ древняго Русскаго языка: подобное встрѣчаемъ и въ Остромировомъ Евангеліи, на пр. «дасть имъ область чадомъ Божіемъ быти». Сбивчивости языка въ заключеніи, кажется, еще способствовалъ переписчикъ; такъ очевидно въ предложеніи: «предлежащимъ крестомъ и святою единосущною Троицею извѣстѣи дасть нашимъ словомъ» переписчикомъ пропущено подлежащее *царь*.

Послѣдняя часть изслѣдованія Н. Д. Бѣльева касается состава языка, какъ выраженія общественной жизни народа.

Договоръ Олега представляетъ въ этомъ отношеніи поприще хотя необширное и разнообразное, но очень замѣчательное и важное для насъ тѣмъ, что въ договорѣ дѣло идетъ собственно объ устройствѣ общественной жизни народа, гдѣ предпочтительно разкрывается развитіе народнаго духа, исторія народа. Конечно на составленіе Олегова договора Византіицы имѣли большее вліяніе, и можетъ быть, многое внесли въ него изъ своей жизни; но это нисколько намъ не препятствуетъ видѣть степень развитія народнаго въ языкѣ договора; ибо Византіицы, внося свои понятія въ договоръ, не внесли же своего языка, а когда это такъ, то для насъ языкъ договора тѣмъ важнѣе и поучительнѣе. Мы явнѣ можемъ видѣть въ немъ степень развитія народной жизни, сравнивая выраженія понятій, вытекшихъ изъ жизни народа, съ выраженіями понятій взятыхъ изъ

чужой жизни. Народъ на столько можетъ выражать на своемъ языкѣ чужія идеи, на сколько онѣ ему знакомы, на сколько близки къ его собственной жизни: идеи малозвѣстныя ему и далекія отъ его жизни въ сознаниіи его отразятся смутно, а потому и самыя выраженія будутъ слабы и неопредѣленны; идеи же вовсе для него чуждыя и неизвѣстныя народъ не пойметъ и не отыщетъ въ своемъ языкѣ словъ для ихъ выраженія. Всеми этому договоръ Олега служить для насъ лучшимъ свидѣтельствомъ и подтвержденіемъ.

Остановившаяся на важнѣйшихъ выраженіяхъ договора, авторъ считаетъ болѣе другихъ важными слѣдующія: «*Мы отъ рода Русскаго, Великій князь, Царь и Самодержецъ, Князья, Святые Болре, Челлдинъ, Гостъ* (высшаго класса торговцевъ), *Законъ Русскій, Русь подъ рукою князя* (откуда *подручникъ* — подчиненный, покорный), *Казнь, Тяжа* (позывъ на судъ), *Обрлженіе* (завѣщаніе), *Урлдитъ* (сдѣлать завѣщаніе).

Авторъ не опустилъ изъ виду и тѣхъ выраженій, которыя «представляютъ понятія принесенныя въ народъ извнѣ».

Въ договорѣ такихъ чуждыхъ понятій, явно внесенныхъ Византіянами, мы встрѣчаемъ не болѣе трехъ. Первое изъ такихъ понятій было *λίτρα*: «да вдасть литръ пять сребра». Второе *ἐπιτιμία* показываетъ, что переводчикъ хотѣлъ соблюсти въ переводѣ строгую точность, и не довольствовался употребленіемъ словъ близкихъ къ Греческимъ, а посему скорѣе рѣшился оставить Греческое слово непереведеннымъ, чѣмъ перевести его неточно; ибо мы знаемъ что близкія слова къ *ἐπιτιμία*, *казнь, наказаніе* были уже извѣстны на Руси, чему доказательство видѣли въ самомъ договорѣ, гдѣ сказано: будетъ *казнь*, якоже явится сыгрѣшеніе о семь». Но слово *ἐπιτιμία* означало собственно *multa, poena, законное взысканіе, штрафъ, пеня*, слѣдовательно слово *казнь* не вполне ему соответствовало. Ближайшее же къ Греческому *ἐπιτιμία* Русское слово *вира* въ нашихъ памятникахъ встрѣчается не раньше Владимира, и притомъ *вира* не столько означала *штрафъ* или наказаніе, сколько сборъ пошлины отъ суда въ пользу казны; такъ при Владимирѣ епископы и старцы говорили: «оже вира, то на оружьи и на конехъ буди». Слово *заповѣдь*, имѣвшее въ нашемъ юридическомъ языкѣ одинаковый смыслъ съ Греческимъ словомъ *ἐπιτιμία*, явилось еще позднѣе. Третье Византійское понятіе помѣщенное въ Олеговомъ договорѣ, вѣроятно Греческое «*διαγράφειν τοὺς στρατιώτας*» *набирать воиновъ, записывать въ военную службу*, хотя и переведено по Русски, но собственно не переведено съ Греческаго, а переложено изъ Греческой формы въ тогдашнюю Ру-

скую: «егда требуетъ на войну ити, егда же требу творите». Русскій переводчикъ хотя нѣсколько и понималъ смыслъ Греческаго выраженія, но передать его слово въ слово почелъ неудобнымъ и непонятнымъ, и въ слѣдствіе сего передалъ его въ той формѣ, въ которой дѣйствіе набора воиновъ производилось на Руси, т. е. въ формѣ простаго объявленія или клича, что нужно ити на войну: «егдаже требу творите» — когда дѣлаете кличъ, когда объявляете народу о необходимости ити на войну. Къ подобнымъ же передѣлкамъ съ Греческаго языка на Рускіе нравы должно отнести выраженіе договора: «о работающихъ въ Грецѣхъ Руси у Хрестіянскаго царя». Здѣсь работающими Руссами у Хрестіанскаго царя названы Руссы, состоящіе въ Греческой службѣ на жалованьи; или иначе Русскій переводчикъ глаголомъ работать хотѣлъ передать Греческое выраженіе *σρατεύεσθαι ὑπὸ τινι* «*stipendium merere, служить по найму*». Замѣчательно въ Олеговомъ договорѣ еще одно слово чисто Славянское, но отнюдь не Русское, и выражающее понятіе вовсе неизвѣстное для современниковъ Олеговыхъ на Руси: это слово *недѣля*, помѣщенное въ самомъ концѣ договора. По всему вѣроятію слово сіе заимствовано Олеговыми Руссами отъ Болгаръ, и можетъ быть въ послѣдствіи зашло на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Оканчивая извлеченіе изъ любопытной записки П. Д. Бѣляева, считаю неумѣстнымъ прибавлять къ нему какія бы то ни было свои замѣчанія. Я позволю себѣ только выразить надежду, что объ договорныя грамоты Олега, равно какъ и два другія договора Русскихъ князей съ Греками будутъ еще не разъ предметомъ Читаній нашихъ. Эти памятники заслуживаютъ глубокаго изученія какъ драгоценныя остатки древняго Русскаго быта и слова. А между тѣмъ въ Матеріалахъ для словаря читатели найдутъ указатель къ нимъ съ нѣкоторыми объясненіями словъ и выраженій.

III.

ІАКОВЪ МНИХЪ,

РУССКІЙ ПИСАТЕЛЬ XI ВѢКА И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Записка М. А. Погодина.

I.

Въ извѣстной харатейной рукописи, писанной около 1280 года, въ коей заключаются древнѣйшая наша Кормчая, Русская Правда, Уставъ церковный Володимеровъ, и проч., между другими драгоценными памятниками помѣщено: Ио(анна) митро-

полита Русскаго, нареченнаго пророкомъ Христа, написавшаго правило церковное отъ святыхъ книгъ вкратцѣ *Иакову черноризцу*.

Калайдовичъ, которому наша древняя письменность обязана изданіемъ столь многихъ важныхъ памятникъ, помѣстилъ оное въ Русскихъ Достопамятностяхъ, изданныхъ имъ отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, но ни объ Іоаннѣ, ни объ Іаковѣ не осмѣлился сказать ничего положительнаго:

Іоанновъ было четверо (все изъ Греціи): первый, по Никоновой лѣтописи, пастъ Русскую церковь 1018 — 1035 г., второй 1080 — 1088, третій 1089 — 1090, четвертый 1164 — 1166 г.

«...Предлежитъ вопросъ, говоритъ Калайдовичъ, которому изъ четырехъ Іоанновъ приписать посланіе?»

Всего естественнѣе, скажемъ мы, приписать второму, о которомъ именно сказано у Нестора: бысть же Іоанъ мужъ *хитръ книгамъ и ученоу*, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя; и сякого не бысть преже въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ. (по Лаврент. списку, подъ г. 1088, с. 89). Ему всѣхъ приличіе и прозваніе пророка Христова въ заглавіи посланія.

Всего менѣе третьему, о которомъ Несторъ говоритъ: «бѣ же сей мужъ не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ» (тамъ же). Калайдовичъ пишетъ «книженъ» по Лаврентьевскому списку; но это очевидная описка *), ибо Несторъ именно противопоставляетъ двухъ Іоанновъ, одного другому. «Книженъ» и «умомъ простъ и просторѣкъ» — свойства для того времени несовмѣстныя. Должно замѣтить, что третій Іоаннъ былъ въ Кіевѣ только одинъ годъ.

При первомъ, вскорѣ послѣ введенія христіанской вѣры, едва ли могли явиться вопросы, подобные вопросамъ черноризца Іакова, да едва ли были и монастыри съ монахами, кои относятся уже ко времени Ярослава. Замѣтимъ еще, что похвалою Іоанна втораго Несторъ свидѣтельствуешь, что въ первомъ Іоаннѣ не было ничего особеннаго въ этомъ родѣ.

Четвертый Іоаннъ жилъ только два года, и объ немъ не сохранилось никакихъ извѣстій.

*) Въ изданіи Археографической Комиссіи въ текстъ поставлено: «не книженъ», а въ примѣчаніи поставлено: «книженъ», какъ чтеніе Лаврентьевскаго списка; но по какому списку поправлено чтеніе, какъ читается это мѣсто въ другихъ спискахъ, не показано. Въ Барковскомъ изданіи Кеннбергскаго списка напечатано: не книженъ.

Теперь объ Іаковѣ. «Въ самомъ заглавіи», говоритъ Калайдовичъ, «упомянуто о черноризцѣ Іаковѣ. Намъ извѣстно о пресвитерѣ сего имени, близкомъ ко времени втораго Іоанна, котораго Феодосій хотѣлъ въ 1074 году поставить въ свое мѣсто игуменомъ. Сей Іаковъ не одинъ ли съ нашимъ Черноризцемъ?» (Русскія Достопамятности, с. 88).

Очень вѣроятно. Инокъ, отличенный самимъ Св. Феодосіемъ, могъ размышлять о монашескомъ жизни и христіанской вѣрѣ и предложить свои сомнѣнія на разрѣшеніе митрополиту, столько славному своимъ познаніями.

Оба мнѣнія (о второмъ Іоаннѣ и черноризцѣ Іаковѣ), правдоподобныя *порознь*, подтверждаютъ себя и взаимно.

Впрочемъ строгая критика не позволяетъ вывести отсюда рѣшительнаго заключенія, а только вѣроятное: около 1070 года жилъ какой-то черноризецъ Іаковъ, предлагавшій вопросы митрополиту Іоанну второму.

Для сообщенія этому положенію твердости надо искать другихъ доказательствъ.

II.

Въ одномъ изъ монхъ историческихъ сборниковъ есть житіе св. Владиміра, писанное *Іаковымъ мнихомъ*.

Г. Строевъ говоритъ правда въ своемъ хронологическомъ указаніи (Журн. Мин. Нар. Пр., 1834, № 2, с. 167), что Іаковъ монахъ составилъ около 1541 г. житіе св. князя Владиміра; но онъ смѣшиваетъ часто время написанія, время списка, со временемъ сочиненія. Любопытно знать, о какомъ житіи и съ какими доказательствами онъ говоритъ это. Неужели до XVI вѣка не было ни одного житія Владимірова?

Въ моемъ спискѣ Житія находятся ясныя слѣды близости сочиненія ко времени Владимірову.

Могъ ли, на примѣръ, писатель XVI вѣка говорить такими образомъ:

«Павелъ святой Апостолъ посылая къ Тимоѣю писаніе, глаголаше: чадо Тимоѣе, еже слыша отъ мене многы послухы, то же предай же вѣрнымъ челоуѣкомъ, иже дошлиши будутъ иныи научити. И блаженный Апостолъ Лука Евангелистъ къ Феофилу писаше глаголя: понеже мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вѣщахъ бывшихъ въ насъ, изволи(ся) и миѣ, ходившу сперва потомъ многихъ святыхъ писати начаша житія и мученія. *Тако же и изъ худыхъ мнихъ Іаковъ слыша отъ многихъ* о благовѣрномъ князѣ Володимѣрѣ всея Рускія земля, о сынѣ Святославѣ, и мало собравъ отъ многихъ добродѣтели его, написашъ и о сыну его, реку же

святою и славную мученика Бориса и Глѣба, како просвѣти благодать Божія сердце князю Русскому Володимеру, сыну Святославу внуку Игореву» и проч.

Въ XVI вѣкѣ нельзя было ничего *слышать* о Владимірѣ.

Въ этомъ Житіи есть много выраженій, сходныхъ съ лѣтописью Нестора, который видно заимствовалъ ихъ отсюда. Но есть и такія, конхъ не находимъ у Нестора: «блаженный же князь Володимеръ, ввукъ Ольгичъ всю землю Русскую крести отъ конца и до конца, храмы идолския и требища всюду раскопа и пошче, и идолы сокруши, и всю Русскую землю и грады честными церквами украси, и памяти святыхъ во церквахъ творяше пѣніемъ и молитвами, и праздноваше свѣтло праздники Господскыя; три трапезы поставляше: первую Митрополиту со Епископы и съ черноризци и съ попы, вторую нищимъ и убогимъ, третью себѣ и бояромъ своимъ и всемъ мужемъ» и проч. (Это мѣсто выписано и у Карамзина, т. I, пр. 476).

Точно такимъ образомъ говоритъ сочинитель, описывая благодѣянія Владимира: «ниже немощные и старѣи не можаху дойти княжа двора и потребу взяти, то во дворъ имъ посылаше; немощнымъ и старымъ всяку потребу блаженный князь Володимеръ дающе, *и не могу сказати* многія его милостыня».

Обращу вниманіе еще въ этомъ отношеніи на примѣчательное окончаніе Житія. «По святомъ же крещеніи пожил блаженный князь Володимеръ 28 лѣтъ; на другое лѣто по крещеніи къ порогу ходи, на третіе лѣто Корсушь городъ взя. На четвертое лѣто, заложи церковь камешу святыя Богородица, а на пятое лѣто Переславль заложи; въ девятое лѣто десятину блаженный и христіилюбивый к. в. вѣда церкви святѣи Богородици, и отъ имѣнія своего; въ томъ бо и самъ Господь рече: идѣже есть съкровище ваше, ту и сердце ваше будетъ.... И Богъ поможе ему, и сѣде въ Кіевѣ на мѣстѣ отца твоего Святослава, и дѣда своего Игоря, а Святослава князя Печенѣзъ убиша, а Ярополкъ сѣдаше въ Кіевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава, и Ольгъ иды съ вои у Вруча града мость обломилъ съ вои, и удавиша Олга въ гребли. А Ярополка убиша въ Кіевѣ мужи Володимирови, и сѣдѣ въ Кіевѣ князь Володимеръ въ осмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца Іюня въ 11 день, въ лѣто 6486; и крести же ся к. Володимеръ въ 10 лѣто по убѣшеніи брата своего Ярополка; каишеся и плакашеся блаженный к. в. всего того, елико сотвори въ поганствѣ.... и послужи Богу добрыми дѣлы свои и милостынею, и успе съ миромъ мѣсяца Іюля въ 15 день въ лѣто 6523 (1015) о Христѣ».

Разумѣется, это Житіе должно быть изслѣдовано и слѣчено съ прочими, по всемъ оставшимся спискамъ, (у меня набралось ихъ теперь нѣсколько въ разныхъ сборникахъ и житийникахъ), и только тогда можно будетъ рѣшить вопросъ о времени его сочиненія. Мой списокъ новъ, и можетъ быть подвергся многимъ исправленіямъ, вставкамъ, исключеніямъ переписчиковъ.

У Графа А. И. Мусина-Пушкина было харатейное Житіе Володимирово «XIII или XV (вѣроятно опечатка, вм. XIV) вѣка», по свидѣтельству Карамзина (т. I, пр. 110): — безъ сомнѣнія, это Іаковово.

Предложимъ нѣкоторыя частныя замѣчанія:

1. Весь образъ хронологическаго извѣстія указываетъ, что онъ прямо взятъ изъ памяти и преданія, со слуха, а не выписанъ откуда либо: «на другое лѣто по крещеніи Владиміръ сдѣлалъ то, на шестое то, и т. д.

2) Хронологія не та, что у Нестора: Владиміръ крестился въ 987 г., ходилъ къ порогамъ въ 988, взялъ Корсушь 989, заложилъ церковь въ 990, основалъ Переславль въ 991, устроилъ десятину въ 995. Она заключаетъ однако же противорѣчія: сочинитель говоритъ сначала, что Владиміръ жилъ по крещеніи 28 лѣтъ, а онъ скончался въ 1015 году, слѣдовательно крестился въ 987 г., а потомъ говоритъ, что Владиміръ крестился въ 10 лѣто по убѣшеніи Ярополка, а Ярополкъ убитъ въ 980 г., слѣдов. Владиміръ крестился въ 990 году. Впрочемъ это ошибки или противорѣчія незначительныя и легко объяснимыя въ сочиненіяхъ такого рода, писанныхъ по памяти, чрезъ много лѣтъ послѣ описываемыхъ происшествій. Въ лѣтописяхъ, писанныхъ изъ года въ годъ, такихъ ошибокъ не бываетъ.

3. «Владиміръ ходилъ къ порогамъ»: явно современное выраженіе.

4) Авторъ опредѣляетъ именно, какого числа Владиміръ овладѣлъ Кіевомъ, по смерти Ярополка (Іюня 11), чего нѣтъ нигдѣ.

5. Авторъ именно говоритъ, что Владиміръ предпринималъ походъ на Корсушь, уже принявъ св. крещеніе, на третій годъ. И Несторъ свидѣтельствуешь, что въ его время было точно преданіе о крещеніи Владимира въ Кіевѣ, имъ однако же отвергаемое: «се же не свѣдуще право (т. е. не знающіе правды, истины) глаголютъ, яко крестился есть въ Кіевѣ, ниши же рѣша: Василевъ, друзи же пнако скажутъ» (Лавр. сп. с. 48).

Она преданія могли быть вѣрны.

Какъ бы то ни было, разсматривая Житіе Владиміра, мы видимъ, что былъ мнихъ Іаковъ, жившій не долго спустя послѣ Владиміра, и могшій слышать объ немъ преданіе, которое и внесъ въ составленное изъ Житіе.

III.

Изъ Житія Владимірова мы узнаемъ, что сочинитель его написалъ еще Житіе св. Бориса и Глѣба.

Мы имѣемъ многія житія сихъ святыхъ мучениковъ. Должно изслѣдовать, не принадлежитъ ли которое нашему Іакову мниху.

Въ моемъ Изслѣдованіи о Несторѣ (1839 года) я указывалъ на одно Житіе Бориса и Глѣба, въ коемъ сказано: «а отъ Рогнѣды 4 сына имѣаше (Владиміръ): Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода, а отъ нныя Святослава и Мъстислава; а отъ Болгарыни Бориса и Глѣба, и посылалаша ѿ по разнымъ градомъ и странамъ въ княженъи, сего же ниде скажемъ, о спхъ же убо (т. е. о Борисѣ и Глѣбѣ) исповѣмы».

Не оно ли принадлежитъ Іакову мниху? Этого Житія есть списокъ харатейный, принадлежащій къ XIII или началу XIV столѣтія въ типографской бібліотекѣ.

Если такъ, то Іакову мниху должно принадлежать еще какое-нибудь историческое сочиненіе (лѣтописныя записки и т. под.), въ коемъ онъ говоритъ о сыновьяхъ Владиміра, а можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду только житіе сего послѣдняго.

IV.

Въ такомъ положеніи находились догадки мои объ Іаковѣ мнихѣ и его сочиненіяхъ, какъ вдругъ я прочелъ въ каталогѣ г. Востокова слѣдующее извѣстіе о статьѣ, помѣщенной при одной Кормчей книгѣ:

Нѣкоего отца къ духовному сыну.

Всеблагаго и преблагаго Бога нашего и Царя. Добро бо отъ Бога и къ Божію служѣ Дмитрію отъ многогрѣшнаго чр҃вца Іакова. Написалъ еси покааніе свое велии смиренію и жалостно слышати.

Г. Востоковъ говоритъ: «Сей Іаковъ чернецъ увѣщаваетъ духовнаго своего сына Дмитрія воздерживаться отъ запойства и блуда. Языкъ сей статьи весьма древень. Здѣсь не показано званія Дмитрія, хотя и можно полагать, что онъ былъ не простой человѣкъ. Но въ слѣдующемъ за симъ спискѣ именно сказано: Великому князю Дмитрію. Ежели это не позднѣйшая вставка, то здѣсь, конечно, рѣчь идетъ о в. к. Дмитріѣ Александровичѣ: языкъ гораздо древнѣе времѣнъ Дмитрія

Юрьевича и Дмитрія Донскаго; — а можетъ быть, еще и о древнѣйшемъ в. к. Всеволодѣ Юрьевичѣ 1212, посвѣтивъ въ крещеніи имя Дмитрія» (с. 304).

Не принадлежитъ ли и это посланіе моему Іакову мниху? Примѣтно, какъ г. Востоковъ увлекался древностію.

Но къ какому же князю Дмитрію могъ писать посланіе Іаковъ мнихъ, жившій, по вышеписаннымъ соображеніямъ, въ концѣ XI вѣка?

Вотъ къ какому, отвѣчаю я: къ великому князю Изяславу, сыну Ярославу, который имѣлъ христіанское имя Дмитрія, и княжилъ отъ 1054 до 1073 г., съ двумя перерывами.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Черноризецъ Іаковъ былъ современникомъ св. Феодосія, и жилъ послѣ него, т. е. послѣ 1073 года.

Черноризецъ Іаковъ былъ современникомъ Митрополита Іоанна, вѣроятно, II (1080—1088).

Мнихъ Іаковъ сочинилъ житіе Владимірова, слыша о немъ многое.

Духовный отецъ Іаковъ сочинилъ посланіе къ Князю Дмитрію, а Дмитрій-Изяславъ княжилъ въ Кіевѣ 1054 — 1078 г.

Можетъ быть, не такъ; а право соблазнительно составить изъ этихъ четырехъ лицъ одно, которое поставлено мною въ заглавіи этой статьи: *Іаковъ Мнихъ, Русскій писатель XI вѣка.*

V.

Это изслѣдованіе написано было въ началѣ 1842 года. Съ тѣхъ поръ новыя открытія утвердили меня совершенно въ истинѣ прежняго предположенія, которое теперь выдаю я за историческое положеніе:

Черноризецъ Іаковъ, современникъ св. Феодосія, жилъ во время Ярослава и сына его Изяслава, написалъ житіе св. Бориса и Глѣба, житіе св. Владиміра и похвалу ему, посланіе къ Великому Князю Изяславу, и вѣроятно еще какое-нибудь историческое сочиненіе. Онъ же предлагалъ Митрополиту Іоанну, прозванному пророкомъ Христа, вопросы, на кои тотъ и отвѣчалъ ему.

Доказательства, въ слѣдствіе коихъ я беру такой рѣшительный толъ, суть слѣдующія:

Въ Житіи св. Владиміра, о которомъ писалъ я въ своемъ изслѣдованіи, сказано, что авторъ написалъ и Житіе св. Бориса и Глѣба. Я не зналъ тогда, гдѣ найти сіе житіе, и до-

гадывался, не то ли находится въ одномъ спискѣ, бывшемъ у меня прежде въ рукахъ, гдѣ говорено о сынахъ Владиміровыхъ. Это житіе получилъ я изъ Типографской бібліотеки *), и вижу, что оно именно, вскорѣ послѣ событія, сочинено Іаковомъ мнихомъ, который даже упоминаетъ въ немъ и объ Житіи Володимировомъ. Оба сочиненія взаимно себя подтверждаютъ. А вотъ, что еще неожиданнѣе для нашихъ изслѣдователей: это житіе помѣщено въ Степенной книгѣ. Почему же мы не видали его тамъ? По очень простой причинѣ: редакторъ Степенной книги выбросилъ изъ него все мѣста, показывающія близость сочиненія ко времени происшествія, неприличныя его времени, и тѣмъ привелъ въ заблужденіе и недоумѣніе изслѣдователей, почетныхъ его за новое сочиненіе.

Въ нѣсколькихъ моихъ спискахъ оно помѣщено вполне, и съ самаго начала заключаетъ въ себѣ слѣдующія важныя слова, кои предлагаю я по харатейному списку XIV или XIII вѣка:

«Снѣ убо бысть *маломъ* *преже сихъ лѣтомъ*, сущу самодержецо Русскыя земли Володимеру сыну Святославу, впуку же Игореву, иже святымъ крещеніемъ просвѣти всю землю Рускую. *Прочая же его добродѣтели индѣ скажемъ; нынѣ же нѣсть время*. А о сихъ по ряду снѣ кетъ».

Изъ сихъ словъ мы видимъ, что авторъ жилъ не въ продолжительномъ времени послѣ описываемыхъ имъ происшествій, и соединяя сіе извѣстіе съ предыдущими, заключаемъ безъ всякаго сомнѣнія, что это былъ Іаковъ, который во Владиміровомъ Житіи и предупредилъ читателей, что написалъ Житіе Бориса и Глѣба.

Укажемъ еще на нѣкоторыя примѣчательныя мѣста въ этомъ Житіи.

Описавъ смерть Бориса, онъ рассказываетъ помышленія Святослава отъ имени его: «Съ праведными не напишюся, нѣ да потребуюся съ книгъ живущихъ, якоже и бы^ѣ, иже послѣди скажемъ, нынѣ же нѣсть время; нѣ на предлежащенъ възвратимся».

Въ заключеніи сочинитель описываетъ чудеса ихъ въ общихъ выраженіяхъ:

«Слѣпши прозирають, а хроми быстрѣе серны бывають (?), нѣ или могу вся исповѣди или сказати творимая ту чудеса....

*) Эта рукопись есть драгоценный остатокъ нашей древности (столь же драгоценный, какъ для Англіи и Франціи ковры Матильдины), по рисункамъ, къ нему приложеннымъ, на которыхъ мы видимъ оружіе, одежды, зданія, церкви и проч. Въ прошломъ году я имѣлъ честь предложить Археологическому Обществу въ Петербургѣ, издать оныя въ свѣтъ, и, кажется, предложеніе мое принято благосклонно.

Отъ всѣхъ бо странъ ту приходяще, ту испочерплютъ ищеленіе».

«Ибо ваю пособіемъ князи наши противу встающая противу державно побѣждаютъ, и ваю помощію хвалятся.»

Въ заключеніе молитва.... «Тако же въ молитвахъ всегда молится о насъ, да *не придетъ ны* зло, и рана, да не приступить къ телеси рабъ ваю. Вама бо дана бысть благодать» и проч.

Исторія Святослава и Ярослава, изложены какъ въ лѣтописи. Лѣтописатель ли взялъ отсюда, или переписчикъ вставилъ въ Іаково сочиненіе отрывокъ изъ Несторовой лѣтописи, не могу рѣшить. Вероятнѣе первое *).

ЗАМѢЧАНІЯ

КАСАТЕЛЬНО

НОВАГО ИЗДАНІЯ РУССКАГО СЛОВАРЯ,

ВЫЗВАННЫМЪ МНѢНІЕМЪ Г. ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩАГО.

ИИ.

Замѣчанія Корреспондента Академіи Н. Н. Греча.

Въ проектѣ не сказано, какой предполагается составить Словарь, алфавитный ли, т. е. аналогическій, или словопроизводный, этимологическій. Алфавитный удобнѣе для практическаго употребленія; но я полагаю, что Академія могла бы предоставить составленіе такихъ словарей для домашняго обихода людямъ частнымъ, даже не филологамъ, ибо на это нужны только терпѣніе и внимательность; а сама должна заняться сооруженіемъ истинно ученаго, капитальнаго зданія, поставить себѣ монументъ предъ современниками и потомствомъ. Должно вспомнить, что первое изданіе Словаря, вышедшаго въ свѣтъ за шестьдесятъ лѣтъ предъ симъ, было расположено въ этимологическомъ порядкѣ. Съ тѣхъ поръ изученіе Русскаго языка сдѣлало шаги исполинскіе; изслѣдовано не только сродство его съ другими Славянскими и прочими Европейскими языками, но и происхожденіе его отъ Азіатскихъ; формы очищены и опре-

*) Недавно отецъ Архимандритъ Макарій, которому Русская церковная исторія обязана столько, попалъ на нѣкоторыя мои мысли и изложилъ ихъ въ Христ. Чтеніи, равно присоединилъ и Житіа. Иер. Филаретъ Харьковскій упоминаетъ также о мнихѣ Іаковѣ въ своей Исторіи Русской Церкви.

Примѣчаніе Редактора. Другой достойнѣйшій членъ Академіи, И. Г. Бутковъ высказалъ недавно иное мнѣніе объ Іаковѣ мнихѣ, относя его къ писателямъ XII вѣка. См. его Разборъ трехъ древнихъ памятниконъ Русской духовной литературы (Сиб. 1852. 80: 22), помѣщенный и въ Современникѣ. Надѣмся воспользоваться этимъ превосходнымъ изслѣдованіемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ Чтеній.

дѣлены; открыты новые обильные источники къ его обогащенію.

Пройду теперь основныя положенія по порядку.

1. Очень справедливо ограничить Словарь Русскими словами, а изъ Церковно-Славянскаго взять только тѣ, которыя употребляются въ нынѣшнемъ Русскомъ слогѣ. Между тѣмъ при *коренныхъ* словахъ должно приводить не только Церковно-Славянскія, но и вообще всѣ Славянскія слова, схожія съ ними, какъ сдѣлано у Шмидкевича, равно и однородныя съ ними слова Западно-Европейскія. Если коренное слово происходитъ отъ Азіятскаго, указать и на это. Въ этомъ можетъ принести большую услугу почтенный Протоіерей Г. П. Навскій, составляющій Словарь русскихъ корней, сходныхъ съ Санскритскими и другими. Само собою разумѣется, что такое указаніе происхожденія Русскихъ словъ возможно только въ Словарѣ этимологическомъ. Впрочемъ, въ числѣ словъ Церковно-Славянскихъ, которыя полагаютъ исключить, есть нѣкоторыя, употребляемыя въ Русскомъ языкѣ. Таковъ напримѣръ, глаголъ *блажити*. У Дмитріева находимъ стихъ:

Блажитъ тебя сквозь сладкихъ слезъ.

2. Исключеніе техническихъ словъ спеціальныхъ справедливо. Желательно было бы однако, чтобъ Академія, копчивъ Словарь, вошла въ сношеніе съ Обществами Экономическими, Технологическими, и др. для составленія Словаря частныхъ терминовъ наукъ, искусствъ и ремеслъ. Я увѣренъ, что этотъ Словарь былъ бы любопытнымъ свидѣтельствомъ смѣтливости и споровки Русскаго народа въ пріисканіи и составленіи словъ для выраженія предметовъ новыхъ или дотолѣ неизвѣстныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и на желѣзныхъ дорогахъ мужички наши уже прибрали нѣсколько удачныхъ и выразительныхъ чисто Русскихъ терминовъ.

3. Разумѣется, что должно заняться дополненіемъ Словаря, въ которомъ пропущено многое.

4. Что значить: подвергать эти слова критическому разбору? Но это не дѣло Словаря. Словарь не разсуждаетъ, а предлагаетъ только результатъ разсужденій. Можетъ быть, хотѣли сказать: помѣщать сін слова съ разборчивостью.

5. Если слово иностранное употреблено въ какой либо наукѣ, въ искусствѣ, въ ремеслѣ (напр. *панданъ*, *рандеву*, *ампула*), и особенно, когда оно обрусѣло, т. е. получило Русское окончаніе (*армарка*, *дежурный*), оно должно быть упомянуто.

6. Полагаю, что не одни собственные имена, принятые Православною Церковью, но и нныя должны имѣть мѣсто въ Словарѣ, наприм. Христіанъ, Густавъ, Лудовикъ. Вообще я думаю, что и другихъ собственныхъ именъ исключать не слѣдуетъ. Словарь долженъ показывать намъ употребленіе всякаго слова, которое можетъ встрѣтиться въ языкѣ изустномъ и книжномъ. Не странно ли, что

въ Русскомъ Словарѣ нѣтъ слова *Русскій*? А слѣдовало бы помѣстить оное, ибо одинъ пишетъ *Русскій*, другой *Рускій*, третій *Руской*. И еще слѣдовало бы сказать, какая разница между *Русскій* и *Россійскій*. — У насъ всѣ пишутъ *Анлійскій*. Г. П. Навскій утверждаетъ, что должно писать *Анлицкій*. Кто правъ? должна рѣшить Академія. Пишутъ *Французскій*. А. С. Шишковъ требовалъ, чтобъ писали *Францускій*. Все это принадлежитъ къ языку, слѣдственно изъ Словаря исключено быть не можетъ.

7. Къ чему описывать животныя, растенія и ископаемыя, *известныя всему народу*? Это не относится къ языку. Довольно краткаго опредѣленія съ латинскимъ названіемъ, по которому *предметъ*, а не слово, можно отыскать въ Словарѣ естественной исторіи. Скажутъ: да у насъ нѣтъ такого Словаря. Это не вина II-го Отдѣленія Академіи Наукъ. Къ тому должно прибавить, что неравны бываютъ описанія: какъ и чѣмъ ихъ ограничить? Въ первомъ изданіи Словаря описанія предметовъ Естественной Исторіи были очень пространны. Это произошло отъ особеннаго случая. Книжка Дашкова сдѣлана составленіемъ 1-й части для поднесенія Государынѣ, для наполненія тома, Членъ Академіи, натуралистъ Лепехинъ, внесъ въ Словарь языка статьи изъ Лексикона естественной исторіи, который онъ составлялъ въ то время. Академія поступила очень хорошо, исключивъ эти подробности въ послѣдовавшихъ изданіяхъ.

8. Нѣтъ надобности помѣщать уменьшительныя и увеличительныя имена особыми словами, но упоминать о нихъ должно, ибо они нерѣдко составляются вопреки принятымъ правиламъ. Да и какъ рѣшить, которое изъ нихъ наиболее употребительно? Правила допущенія словъ въ лексиконѣ должны быть рѣшительныя, какъ тарифъ въ таможи, и предоставлять какъ можно менѣе на произволъ или прихоть исполнителей. Можно приводить окончанія уменьшительныхъ и увеличительныхъ словъ слѣдующимъ образомъ:

Столъ, им. с. (ум. — *икъ*, улич. — *ишко*, ув. — *ище*).

9. Если имя женское происходитъ отъ мужскаго перемѣною окончанія, напр. *солдатъ* (ж. — *тка*), надобно ставить ихъ вмѣстѣ; но если оно выражается инымъ словомъ: *селезень*, *утка*; *быкъ*, *корова*; если должно отличить жену чью отъ женщины, исправляющей должность мужчины: *лекарша*, *лекарка*?

10. Особыми словами сравнительныхъ формъ ставить не слѣдуетъ, но должно приводить ихъ при именахъ прилагательныхъ, отъ которыхъ онѣ происходятъ. Уклоняющіяся степени сравненія не можно, а должно показывать при именахъ прилагательныхъ.

11. Я лишилъ бы особаго мѣста всѣ имена существительныя отвлеченныя и отглагольныя, показывая ихъ при именахъ прилагательныхъ и глаголахъ; напримѣръ: *Смѣлый*, имя пр. кач. (ум. — *ленькій*, — *ловатъ*; отвл. — *лостъ*),

Сопѣтъ, гл. с. (отгл.—*тис*). Иное дѣло, когда отвѣченное или отглагольное имя получаетъ особый смыслъ, напримѣръ: *красота, искусство, импѣріе*: въ этомъ случаѣ оно ставится особымъ словомъ. Теперь же спрашиваю: что значать опредѣленія: «свойство смѣлаго, дѣйствіе сонящаго?»

12. Опредѣленіе словъ съ указаніемъ корней.... Слѣдственно Словарь будетъ не этимологическій? Вообразите какой лишній трудъ, какая трата времени и мѣста: при каждомъ словѣ показывать корень! Сколько же разъ придется писать, напримѣръ, слово *вода*! Производныя отъ него занимаютъ въ нынѣшнемъ Словарѣ нѣсколько страницъ. Сказанное объ опредѣленіяхъ справедливо. Опредѣленія нынѣшняго Словаря очень шатки и неудовлетворительны. Возьмемъ въ примѣръ слово пятно: *мѣсто другаго цвѣта* (III, стр. 589). То ли это? — Мнѣ кажется, что Академія должна знакомить насъ не только съ словами, но и съ рѣчами, т. е. соединеніями словъ, употребительными въ народномъ языкѣ. На стр. 312-й I т. сказано: «*на дворѣ* значить подъ открытымъ небомъ. Каково сегодня на дворѣ?» — Оно означаетъ и скорое наступленіе чего либо: «первое Мая на дворѣ». — Какъ не упомянуть и выраженія: «онъ *на мазі*», т. е. вскорѣ уѣдетъ; «всталъ *съ пѣтухами*», т. е. очень рано.

13. «Примѣры для подтвержденія различныхъ значеній словъ приводить только изъ Русскихъ писателей, которые должны быть опредѣлены (?), также изъ народныхъ поговорокъ и особенностей языка», и т. д. Это хорошо, но трудно ограничить кругъ писателей извѣстнымъ числомъ. Иногда у самаго безграмотнаго и даже безграмотнаго можно найти хорошее выраженіе, подмѣченное или заимствованное имъ невзначай. Желательно было бы, чтобъ II-е Отдѣленіе исключило многіе примѣры изъ нынѣшняго Словаря своего, отвратительные, низкіе, подлые. Вотъ нѣсколько образцовъ, взятыхъ наудачу:

«*Зюлз*. Человѣкъ, напившійся до пьяна» (II, стр. 98). «*Напился зюлз зюзей*». (II, стр. 390). «Онъ *парьзался* до того, что не можетъ стоять на ногахъ» (II, стр. 401). «*Исправно насандаливъ носъ*» (стр. 402). «*Чернаго кобеля* не вымыть до бѣла» (IV, стр. 433). Вообще можно спросить: слѣдуетъ ли допускать слова низкія, возбуждающія въ умѣ понятія неблагопрістойныя, подлыя. — Мнѣ кажется, что Отдѣленіе поступитъ весьма благоразумно, опредѣливъ степень допускаемости простонародныхъ словъ, и не станетъ приводить иностраннаго цѣлаго, когда пропущено русское частное. Должно взять во вниманіе, что Словарь употребляется и дѣтми, служить учебнымъ пособіемъ въ школахъ. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ исключать всякое слово, котораго цензура не могла бы позволить къ напечатанію въ книгѣ или въ газетѣ.

14. Не знаю, какое *свойство* Русскаго языка требуетъ

ставить глаголѣ въ 1-мъ лицѣ настоящаго времени изъяснительнаго наклоненія. По моему мнѣнію, должно избрать форму, которая была бы во *всякомъ* глаголѣ. Таково неокончательное или, если угодно, неопредѣленное наклоненіе: оно существуетъ въ каждомъ глаголѣ, въ каждомъ видѣ, и опредѣляетъ его спряженіе. Какъ поставите глаголы совершенные, въ которыхъ нѣтъ настоящаго времени, на примѣръ: *кинуть, бросить, дать*? въ будущемъ: *кину? брошу? дамъ?* Какъ поставите глаголы, употребляемые только въ третьемъ лицѣ: *свѣтаетъ? морозитъ?* Скажете ли: *свѣтаю, морожу?* Неокончательное наклоненіе есть прямая форма каждаго вида: *давать, дать; переписывать, переписать; кидать, кинуть*. Правда, оно рѣдко употребительно въ многократномъ видѣ, а все же существуетъ. Къ тому же въ многократномъ видѣ нѣтъ и настоящаго времени, которое можно бѣ было привести по правилу проекта.

15. Разумѣется, что въ Латинскомъ языкѣ, гдѣ иногда слова можно различать только по родительному падежу (напримѣръ: *os, oris* и *ossis*), гдѣ родительнымъ падежемъ опредѣляется склоненіе, нужно приводить этотъ падежъ. У насъ не то: родъ означаетъ прямымъ, именительнымъ падежемъ, и исключенія находятся только въ нѣкоторыхъ именахъ женскаго рода. И здѣсь не нужно указывать на родительный падежъ, а должно сказать: *якорь*, м. р.; *кисть* ж. р.» Окончаніе же родительнаго падежа есть у насъ не признакъ рода, а послѣдствіе его. Слово *якорь* не потому рода мужескаго, что въ родительномъ падежѣ оканчивается на *я*, а оканчивается на *я*, потому, что оно мужескаго рода. — Ударенія ставить должно.

16. Прилагательныя имена полагаются ставить первообразныя, т. е. усѣченнаго окончанія, а потомъ производныя, т. е. полнаго окончанія. Я предпочитаю употребленіе полнаго окончанія; потому что оно бываетъ во всѣхъ прилагательныхъ, а усѣченное можетъ быть только въ качественныхъ. Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что есть прилагательныя притяжательныя, употребляемыя только въ усѣченномъ окончаніи, напримѣръ: *отцевъ, женинъ*. Эти слова не должны быть помѣщаемы особо: они должны присовокупляться къ существительнымъ, отъ которыхъ происходятъ по неизмѣннымъ грамматическимъ правиламъ. Еще можно бѣ было сберечь много времени, мѣста и труда, ставя качественныя нарѣчія (*хорошо, худо*) подлѣ прилагательныхъ, а не особыми словами.

III.

Замѣчанія Корреспондента Академіи В. И. Дала.

Нельзя не согласиться вполне съ мнѣніемъ Г. Предсѣдательствующаго относительно началъ, на коихъ должно основываться составленіе Русскаго Словаря. Чѣмъ точиѣе сотрудники будутъ придерживаться этого взгляда, тѣмъ

болѣе надежды, что у насъ наконецъ будетъ Русскій Словарь — словарь, какъ полное собраніе словъ обиходнаго языка, съ правильнымъ истолкованіемъ ихъ. Конечно, и этого уже довольно.

Но я позволю себѣ высказать давно уже овладѣвшее мною убѣжденіе, что словари, въ томъ видѣ, какъ они обыкновенно издаются и какъ нынѣ предполагается издать Русскій, малоудобны и несподручны.

Въ *Миньин* между прочимъ говорится:

«По такой словарь (общій) былъ бы бесполезенъ литератору, который иногда имѣетъ надобность въ повѣркѣ знаній своихъ, касательно употребленія словъ, различныхъ отглагольных понятій, словами выражаемыхъ, правильного употребленія и изыскаго выбора словъ.»

Весьма справедливо; но я не вижу, что предполагаемый словарь устранилъ хотя сколько нибудь неудобства эти: все сказанное относится именно къ предполагаемому изданію словаря.

Какъ пользоваться имъ? Развѣ только отыскать слышанное въ бесѣдѣ или прочитанное слово, если его не понимаешь, и узнать его значеніе. Но случай этотъ встрѣтится Русскому не часто — а не для Нѣмцевъ же словарь издается; намъ нуженъ словарь для Русскихъ. Существенная надобность, можно сказать нужда, настояла бы для каждаго изъ насъ въ такомъ словарѣ, гдѣ бы можно было найти названіе предмета или понятія и вообще всякое реченіе, въ которомъ встрѣтилась надобность.

Зная довольно плохо языкъ свой, мы безпрестанно нуждаемся въ словахъ или выраженіяхъ — и это въ наше время очевидно первый поводъ къ порчѣ языка: мы по невѣжеству катѣчимъ слова, придаемъ другимъ неправильное значеніе, сочиняемъ свои, гдѣ въ томъ нѣтъ ни малѣйшей нужды, изворачиваемся изощренными реченіями, въ надеждѣ, что читатель знаетъ по Французски или по Нѣмецки — пишемъ оборотами, вовсе не свойственными нашему языку и проч.

Вотъ почему, казалось бы, всего нужнѣе и полезнѣе составленіе словаря въ иномъ видѣ: а именно, въ такомъ, чтобы я могъ въ немъ найти соответствующее всякому понятію выраженіе. Этого бы можно достигнуть *толковымъ* словаремъ, гдѣ слова должны быть собраны посемейно — не по родству корней однакоже, а по родству понятій. Подъ каждымъ общимъ или главнымъ понятіемъ, которое выражается извѣстнымъ словомъ, должны быть собраны послѣдовательно, съ объясненіями и примѣрами, не только тождесловы, но и всѣ подчиненныя общему частныя реченія, относящіяся къ одному и тому же понятію.

Такимъ образомъ подъ словомъ *гора*, какъ общимъ понятіемъ возвышенія земной поверхности, должны быть

объяснены также: *кряжъ, цѣпь, гряда, отрогъ, хребетъ, сыръ, водопускъ, курганъ, холмъ, сопка, пригорокъ, угорье, изволокъ, спускъ, подьемъ, падъ, скала, круча, обрывъ, оврагъ, раздолъ, долика* и проч.

Думаю, что такой словарь былъ бы важнѣе и полезнѣе всякаго другаго для изученія языка, и что онъ неминуемо сдѣлался бы самою необходимою настольною и сподручною книгой всякаго образованнаго человека. Думаю также, что при такомъ расположеніи словаря, гораздо легче было бы пополнять его, чѣмъ при порядкѣ азбучномъ: сдѣлать понятію легче наводить память на все, что въ ней запахло, чѣмъ мертвая буква.

Но если, можетъ быть, рѣшено, что словарю быть въ простомъ азбучномъ порядкѣ, то позволю замѣтить еще слѣдующее:

Почему бы не допустить въ словарь этотъ также всѣ мѣстные, областныя слова наши, съ указаніемъ на мѣстность — но только не сподрядъ съ прочими, не въ азбучномъ порядкѣ, а при нихъ или подъ ними, въ видѣ поясненій и толкованій? У насъ нѣтъ такихъ нарѣчій Великорусскихъ, которыя бы грамматически много уклонялись отъ языка и почти всякое областное реченіе можетъ послужить къ поясненію и обогащенію языка. Также можно бы допустить и старинныя слова, т. е. въ видѣ перевода или объясненія обиходнаго слова.

Во многихъ случаяхъ весьма полезно будетъ указывать на происхожденіе слова, если не на корень его. Корень — дѣло сомнительное и отчасти мнимое; но иногда для уразумѣнія слова необходимо указать на однокоренное его, въ Русскомъ же языкѣ. Иногда и этого одного будетъ достаточно, и дальнѣйшихъ поясненій не будетъ нужно.

Въ числѣ примѣровъ употребленія словъ, мнѣ кажется, что пословицы и поговорки должны занять не послѣднее мѣсто. Здѣсь часто выказывается особенное значеніе слова или зависящее отъ него строеніе рѣчи, чисто Русскій оборотъ ея. Объ этомъ во *Миньин* не упоминается.

Опредѣленія вообще бесполезны, рѣдко вѣрны, часто смѣшны, и тѣмъ безтолковѣе, чѣмъ предметъ проще и обыкновеннѣе; ихъ бы вовсе похерить. Думаю, что во многихъ случаяхъ, для объясненія слова, всего лучше дать два-три удачно выбранныхъ примѣра — и тогда едва ли нужно будетъ пояснять его даже тождесловами. По крайности и этотъ способъ объясненія могъ бы быть допущенъ.

Работы предполагается раздать по буквамъ. Но всякій ли изъ сотрудниковъ можетъ съ равнымъ успѣхомъ взять на себя полную отдѣлку словаря, по извѣстной буквѣ? — Не будетъ ли одному сподручнѣе собственно грамматическая часть, другому розыски о корняхъ, третьему пополненія изъ книгъ, четвертому изъ народнаго языка и проч.

Если, напримѣръ, одинъ возьметъ на себя прочесть сочиненія извѣстнаго писателя, съ тѣмъ, чтобы выбрать изъ него всѣ годныя для словаря примѣры; то это будетъ гораздо удобнѣе, чѣмъ каждому рыться за этимъ порознь и отыскивать только примѣры на извѣстную букву.

Объясненіе словъ изъ наукъ естественныхъ, въ томъ видѣ какъ оно предположено, непременно должно быть составлено однимъ человѣкомъ, знающимъ дѣло; тѣмъ болѣе еще, что при такомъ объясненіи словъ этихъ необходимо прибавить и указаніе на мѣсто растенія или животнаго по одному изъ общепринятыхъ распредѣленій.

Всѣ причины эти заставляютъ меня полагать, что было бы гораздо удобнѣе, принявъ всѣ основныя правила, изложенныя во *Миллѣ*, приступить къ самому исполненію, слѣдующимъ порядкомъ:

Каждый изъ сотрудниковъ, въ качествѣ чернорабочаго, долженъ взять на себя предварительную отдѣлку одной или нѣсколькихъ буквъ словаря въ чернѣ, т. е. выбрать изъ нынѣшнихъ словарей одно только то, что должно войти въ новый, также пополнить чѣмъ можетъ и наконецъ отдѣлать съ большею тщательностію и вниманіемъ ту часть, которую онъ беретъ на себя въ качествѣ ученаго, занимающагося преимущественно этимъ предметомъ. За тѣмъ листъ этотъ, съ прозваніемъ или подписью перваго составителя, долженъ быть разосланъ въ корректуры по всѣмъ прочимъ сотрудникамъ, изъ коихъ каждый дѣлаетъ свои замѣчанія, поправки, пополненія—при чемъ каждый занимается преимущественно тою частию, которая ему ближе знакома и доступнѣе. Не худо сдѣлать и еще разъ размѣить и передать листы эти, уже съ двойною подписью третьему. Окончательный пересмотръ и сводъ замѣчаній и пополненій долженъ быть порученъ двумъ или много тремъ сотрудникамъ вмѣстѣ; въ общемъ засѣданіи этого сдѣлать нельзя. Природа человѣческая, а тѣмъ болѣе Русская, противится всѣмъ совѣщательнымъ управленіямъ: гдѣ управляютъ дѣлами всѣ, тамъ не управляетъ и не работаетъ никто.

Какой бы впрочемъ порядокъ ни былъ принятъ, я во всякомъ случаѣ, если только помощь моя въ этомъ дѣлѣ можетъ быть полезна, прошу назначить мнѣ урокъ. Не отказываясь отъ обработки по буквамъ, хотя предвижу въ этомъ менѣе успѣха, предлагаю въ особенности услуги свои для пополненія словаря *обиходными реченіями* и для вставки примѣровъ изъ *пословицъ и поговорокъ*. Но послѣднѣе нельзя сдѣлать иначе, какъ имѣя подъ руками *весь словарь*, а не по листамъ и не по буквамъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

XVII.

Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ.

Это новое повременное изданіе, предпринятое Академіей Наукъ, по предложенію III-го Отдѣленія оной, будетъ, безъ сомнѣнія, принято всѣми какъ новое свидѣтельство ея сочувствія къ успѣхамъ отечественной словесности. Это сочувствіе выражалось ею съ самаго ея основанія. Въ первое подустолѣтіе ея существованія оно выразилось особенно дѣятельностью Миллера: онъ издавалъ Мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія Примѣчанія (1728—1742); онъ же трудился потомъ и надъ изданіемъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій (1755—1764), которыя хотя и были отчасти слѣдствіемъ настоянній Ломоносова^{*)}, но издавались безъ особеннаго его участія. Ломоносовъ не совсѣмъ былъ доволенъ этимъ энциклопедическимъ журналомъ, или по крайней мѣрѣ желалъ, чтобы Академія, кромѣ его, издавала журналъ ученый^{**)}; но для общей пользы публки и это было важно: онъ долженъ былъ печататься въ 2000 экземплярахъ. Еще большую дѣятельность выразила Академія въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка—въ 8 томахъ Академическихкихъ извѣстій (1779—1781), въ 16 частяхъ Собесѣдника любителей Россійскаго слова (1783—1784), въ 10 частяхъ Собранія сочиненій изъ мѣсяцеслововъ (1785—1793), въ 120 частяхъ Новыхъ ежемѣсячныхъ Сочиненій (1786—1796) и т. д. Труды Румовскаго, Озерецковскаго и нѣкоторыхъ другихъ академиковъ въ изданіи этихъ журналовъ, имѣвшихъ въ свое время благотворное вліяніе, останутся навсегда незабвенны, хотя мысль Ломоносова и въ нихъ не исполнилась. Эта мысль осуществилась было въ 1801 году въ Академическихкихъ Сочиненіяхъ; но это изданіе, такъ какъ и Краткое описаніе Комментаріевъ (1728) и Содержаніе ученыхъ разсужденій (1748), остановилось на первой книжкѣ. Съ большею силою она стала осуществляться въ Умозрительныхъ Исслѣдованіяхъ (1808—1819: 5 томовъ) въ Трудахъ Академіи (1821—1823: 2 тома), въ Технологическомъ журналѣ (1814—1826: 35 томовъ). Подобное изданіе возобновлено было въ 1831 году подъ именемъ Чте-

*) «По приказу В. И.—писалъ Ломоносовъ Шувалову—старался я достать Примѣчанія на Вѣдомости; но получить не могъ.... Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы въ Академіи начались подобныя симъ (иностраннымъ журналамъ) періодическія сочиненія, только не на такихъ бумажкахъ по одному листу, но повсѣмѣсячно или по всякую четверть или треть года». Это было писано 3 Января 1754 г., а въ 1755 началось изданіе Ежемѣсячныхъ Сочиненій.

**) Ломоносовъ находилъ нужнымъ—«Диссертации Академическія издавать на всякую треть по частямъ.... Сокращеніе диссертаций долженъ сочинить самъ авторъ, ибо онъ лучше свое сочиненіе нежели другой разумѣтъ.... Всѣ диссертации переводить на Россійскій языкъ и на ономъ печатать. Чрезъ сіе избѣжимъ роптанія, и общество Россійское не останется безъ пользы». 3 Февраля 1761 года.

нии; но приостановилось на первой-же книжкѣ. Теперь мысль Ломоносова, вѣроятно, почти вполне осуществится въ Ученыхъ Запискахъ. Кто изъ Русскихъ не пожелаетъ этому новому предпріятію Академіи самой счастливой будущности.

О содержаніи и направленіи этого изданія будетъ сказано по окончаніи 1 тома; а теперь отмѣтимъ только а) Введеніе—объ ученыхъ сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ Академіи и б) Грамматическія изслѣдованія о Русскомъ языкѣ *О. Н. Бетлинга*.

XVIII.

Памятники древней письменности юго-славянскои,
изданные *Шафарикомъ*.

II.

Въ числѣ памятниковъ этого Сборника, относящихся преимущественно въ древностямъ Сербскимъ, есть нѣсколько изданныхъ въ первыйи разъ. Таковы: Житія св. Симеона, четыре грамоты Сербскія, двѣ Болгарскія и нѣкоторыя изъ Сербскихъ лѣтописей.

Отмѣти изъ числа двадцати грамотъ, изданныхъ Шафарикомъ, только шесть, я имѣлъ въ виду сборникъ, изданный Ефремомъ Обреновичемъ, братомъ бывшаго князя Сербскаго Милоша, подъ названіемъ: «Сербскія споменицы или старе рисовуѣ, дипломе» и пр. (У Бѣограду. 1840. 8^о: 336 *), гдѣ уже напечатаны остальные четырнадцать, именно:

у Шаф. С. I. въ Спом. № 11.	у Шаф. С. XII. въ Спом. № 6.
— IV. — 1.	— XIII. — 9.
— VI. — 3.	— XIV. — 8.
— VIII. — 4.	— XV. — 12.
— IX. — 2.	— XVI. — 16.
— X. — 3.	— XVII. — 19.
— XI. — 7.	— XVIII. — 20.

Въ Споменицахъ и эти грамоты такъ же какъ и всѣ другія напечатаны со списка, передававшего подлинное написаніе вѣрно. Полной довѣренности къ этому изданію мѣшаютъ почти исключительно одніи опечатки, недосмотрѣнія Бѣлградскимъ корректоромъ. Въ изданіи Шафарика опечатокъ почти совершенно нѣтъ; но списокъ, съ котораго печатано, былъ другой, и потому есть отличія въ чтеніи. Для того, кто хочетъ изучать эти грамоты подробно, необходимы оба изданія.

Изъ числа этихъ грамотъ особенно любопытна по древ-

*) Къ нѣкоторымъ экземплярамъ этой книги прибавленъ «Додатокъ къ Сербскимъ споменицыма, или кратко землописаніе о Босни, сочинено трудомъ Павла К. Твртковића» (стр. XXIII). Имя Твртковића стоитъ и на заглавномъ листѣ этой книги: «собрани трудомъ Павла Карано-Твртковића». Трудъ Г. Твртковића состоялъ впрочемъ только въ томъ, что онъ перенесъ уже готовый рукописный сборникъ съ береговъ Адріатики въ Бѣлградъ и передалъ для напечатанія Г. Обреновичу: Додатокъ составленъ отъ его имени достойнымъ литераторомъ Сербскимъ І. Хаджичемъ.

ности грамота Босенскаго бана Кулина 1189 года (Шаф. VI. Спом. I). Такъ какъ подлинникъ этой грамоты хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ, такъ что иностранные издатели могли имѣть подъ рукою только списки, и какъ оба издателя прочли ее не совершенно одинаково, то я долгомъ считаю напечатать ее здѣсь, не отступая отъ подлинника ни въ чемъ, кромѣ формы буквъ и только въ Латинскомъ текстѣ замѣня сокращенія полнымъ чтеніемъ:

- † In nomine patris et filii et spiritu sancti amen. Ego banus Culjnus bosne juro comitj Geruasio et omnibus raguseis rectum amicum fore perpetuo et rectam uobiscum pacem manutenere. et amicitjam ueram. et
5. omnes raguseos per totam terram nostram ambulantes mercantes. seu habitantes vel transeuntes. recta fide et conscientja uera recipere absque ulla datjone. nisi quis suam per voluntatem mihi donum dare uoluerit. et aput nos dum fuerint
10. manutenere et consiljum eis prebere ut nostre persone ad nostrum posse absque fraude et malo ingenio sic me deus adjuet et hec sancta III-or euangelja.
- ✠ 8 име ѿца и сѣа: и сѣаго дѣа ѣ банъ: бо съньски кѣлинь: присезаю тебѣ кнеже
15. крѣвашъ: и въѣмъ грахамъ дѣбровъч амъ: прави: приѣтель: быти вамъ ѿ селѣ: и до вѣка: и правъ гон дръжати съ вами: и правъ: вѣръ: докоде съмъ живѣти въ си дѣбровъчане: кире ходе: по моемъ владаніи
20. ю: трыѣюке годѣ си кто: хоке: крѣвати: го дѣ си кто мине: правовъ вѣровъ: и правымъ ерѣ дѣцемъ: дръжати е: безъ въсакое зледи: раз вѣ що ми кто: да своевъ воловъ поклонъ: и да имъ не бѣде: ѿ моѣхъ: чьстьникоу: силе: и докоде: 8
25. мне бѣде: дати имъ съвѣтъ: и помокъ: какоу: и се бѣ: коликоу: моге: безъ въсєга зьлога примы сла: тако ми бѣже помаган: и сие сѣо евангєлие. ѣ радое: дѣкъ банъ: писахъ сию: книгъ: повеловъ бановъ: ѿ рождѣтва хѣа тисѣка и сѣто: и ѿемъ
30. ѣдесетъ: и деветь: лѣтъ: мѣсеца: авгѣста: 8 дѣвадесети: и деветы: днѣ: ѣсѣченіе гла ве: пована крѣстителя. ✠

Представляя собою одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ формы грамотъ Сербскихъ и одинъ изъ любопытныхъ фактовъ торговаго значенія Дубровника (Рагузы) въ средніе вѣка въ земляхъ Юго-славянскихъ, эта грамота важна и въ отношеніи къ исторіи языка, какъ доказательство ранняго отклоненія Сербскаго нарѣчія отъ своихъ древнихъ формъ, при удержаніи однако нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Это отклоненіе выразилось: — смѣшеніемъ согласныхъ мягкихъ съ твердыми, что видно и въ исключительномъ упо-

требленіи ъ, и въ постановленіи и вмѣсто ѿ (босьньски, кире, двадцесети и деветы дѣй), и въ написаніи а и о безъ предыдущаго знака смягченія (всак, воловь, повеловъ бановъ, крѣстителя); употребленіемъ родит. муж. едип. на *ога* = *ога* (а = ѣ = о: злого, всега); употребленіемъ 3-го лица глаголовъ безъ окончательнаго *тъ* (хоке, мине, бѣде, да, — ходе). и т. д. Съ другою стороны удержаніе древнихъ формъ отразилось: въ незамѣненіи древняго глухаго звука чистымъ звукомъ а, какъ это обычно теперь (босьньски, всѣмъ, семь, чѣстниково), при сохраненіи ѣ тамъ, гдѣ оно требовалось древнимъ выговоромъ, и гдѣ теперь уже не выговаривается (всак, зѣло, сѣто, дѣва); въ незамѣненіи окончательнаго *иѣ* краткимъ *иѣ* (владанію); въ удержаніи безчленной формы существительныхъ, которыя въ послѣдствіи приняли членную форму *аниѣ*, а потомъ двусложную *аниѣѣ* (граѣамъ *Дѣбровѣчамъ*, какъ и въ грамотѣ 1280 г., вмѣсто *граѣанамъ Дѣбровѣчанамъ*, — а ниже *Дѣбровѣчане*), и т. д. Отъ слова *Дѣбровѣчъ* произошло прилагательное *Дѣбровѣчски*, употребляемое постоянно въ грамотахъ Сербскихъ. Вниманіе заслуживаютъ: именительный едип. муж. на е (радоє), родительный множ. муж. на *овѣ* = *евѣ* вмѣсто употребительнаго нынѣ а = *ахъ* (чѣстниково); творительный едип. жен. на *овѣ* = *евѣ* вмѣсто общеупотребительнаго *омѣ* = *емѣ* (правовѣ вѣровѣ, своеѣ воловь). Съ этимъ окончаніемъ творит. жен. на *овѣ* сравнивается именит. муж. на *овѣ* вмѣсто *и*: азъ *Николаѣ* Топиство Кнезь *Дѣбровѣчски*. 1238.

Между словами, встрѣтившимися въ грамотѣ бана Кулина замѣчательны:

— *Гои* — въ значеніи миръ: правъ *гои* дрѣжати съ вами и правъ *вѣрѣ* — *rectam vobiscum pacem manutenere et amicitiam pacem*. Въ этомъ смыслѣ слово *гои* нынѣ не встрѣтилось въ древнихъ памятникахъ. Есть только собственное имя *Гославъ*, можетъ быть, однозначительное съ *Мирославъ*.

— *Вѣра* — въ значеніи дружбы (*amicitia*), дружественнаго обязательства. (Ниже: правовѣ вѣровѣ — *recta fide*. Срав: съ правовѣ вѣромъ. 1239). Свършенѣ бѣдѣи вашѣи вѣрѣ и любви. 1234. И на мою вѣрѣ на краѣвѣ да се ни ѣ чѣмъ не потвори. 1280.

— *Крѣвати* — въ значеніи обитать, жить: годѣ си кто хоке крѣвати — *uel habitantes*.

— *Годѣ*: годѣ си кто хоке — куда бы кто ни захотѣлъ; годѣ си кто мине — куда бы кто ни пришелъ. Искати правинѣ врѣхъ кога годе чловека. 1253. кѣто годе нашѣ. 1239. Гдѣ да си стане. 1253. Да имѣ нѣ ѣдаѣ ѣ комѣ годѣ дѣвѣ. 1254.

— *Злѣдѣ*: безъ всакоє злѣдѣ — *absque ulla datjone*. Безъ все хабе и злѣдѣ. 1216—1231. Да не кѣто зли людѣе оуложѣ злѣтѣ. 1253.

— *Поклонѣ* — даръ, дарственное приношеніе, *donum*.

— *Чѣстникѣ* — чиновникъ. Въ Латинскомъ текстѣ опущено все выраженіе: и да имѣ не бѣде ѿдѣ моѣхъ чѣстниковоѣ силѣ.

— *Примыслѣ* — умыслѣ: безъ всега злога примысла — *absque fraude et malo ingenio*.

— *Дѣлѣкъ банѣ* — дѣякъ, секретарь банскій.

— *Книга* — письмо, грамота. Да не пошлѣ ни книга ни слѣ. 1243. Твое свето царство за ихъ пошлѣть свое книге. 1253. ѣко е писано въ старихъ книгахъ брѣвелеги. 1253. И на поставлѣю мою печать на списѣ книзѣ. 1268.

— *Повелѣ* — приказаніе.

Изъ шести грамотъ, напечатанныхъ Шафарикомъ въ первый разъ, первое мѣсто по древности занимаетъ отрывокъ, напечатанный подъ Ѣ. II: письмо стертое и съ трудомъ разбираемое носитъ на себѣ признаки глубокой древности (*pese znaky nejhlubšího stáří*). Вотъ этотъ отрывокъ буква въ букву по изданію Шафарика:

воѣиѣ. пилипъ печенѣжикъ. тоудѣрь мачадасикъ. жоушъ сътражѣва. доумъ матѣо лоучикъ. матѣша радосълавикъ. марѣтинъ сочибабикъ. жоурѣгъ которанинъ. калоудѣрица ѿ вѣртоломѣѣ. пѣльма пѣкоуларевикъ. роусинъ болесълавикъ. пилипъ мовѣрѣшиѣ. марѣтоо кѣлиниѣ. петръ пѣкуларевикъ. дѣрагоуѣ монѣстръ. вѣл... жанъ гоудѣревикъ. колѣнѣда пат(е)рѣ лѣм(ѣл)рѣдѣ (на трѣломъ брѣдѣ?). тоудѣрь растикъ. доумъ томанъ кроуновикъ. дѣмитръ тихосълавикъ. ѣковъ кашпѣца. опатиѣца ѿѣ семѣиѣона. мѣла сѣсѣт(р)а вѣрсѣанѣка кѣки. богѣданъ пѣжпновикъ. мѣха гамѣо. балѣде грѣгоуоровикъ. поусѣкѣ бѣпѣчоулѣкѣ. ѣковѣиѣца чѣкѣлиѣна. пакѣратѣ манѣдерѣовикъ. вѣласѣи расѣитѣкѣ. бѣсѣитѣи гѣатѣлѣдѣ.

Кромѣ собственныхъ именъ тутъ случились: доумъ — господинъ, *don*; калоудѣрица — монахиня; брѣдо (?) — гора; опатиѣца — настоятельница; мѣла сѣсѣтра — послушница; кѣки — дочь. Изъ формъ словныхъ отмѣтить можно: кашпѣца — фамильное названіе; ѣковѣиѣца — жена якова.

Остальныя три Сербскія грамоты, изданныя Шафарикомъ въ первый разъ, болѣе замѣчательны по содержанію. Грамота Симеона мѣнѣхѣ бывшаго жупана монастырю Хиландарскому (1198—1199) любопытна между прочимъ по упоминанію о возобновленіи этого монастыря: «Изпдохъ изъ ѿѣчѣства своего въ Светѣю горѣ и ѿбрѣтохъ монастырь пѣколи бывшии, зовомы Хиландаръ... идѣ же не бѣ камень осталѣ на камени, нѣ развалѣн ѿдѣниѣдѣ, и потрудивъ старѣсть свою, поспѣшѣствѣющѣ ми сынѣ ми велнемѣ жѣпанѣ Стѣфанѣ, сѣподобѣи мѣ владѣиѣка мои бытѣи смѣ кѣитѣторѣ, и чѣсти его погнѣбѣшее вѣзѣсѣхѣи и ѿбновѣхѣи и по изволенію владѣиѣчѣи Богѣородиѣце». Грамота Стефана короля Жичскому монастырю (1222—1228) любопытна и по внѣшней формѣ: она написана на стѣнахъ храма и хотѣ была подновляема, но не утратила характера древности. Гра-

«О составѣ Академическаго Словаря», просить о сообщеніи его замѣчаній Отдѣленію, и обѣщается прислать собранныя имъ Вологодскія слова. Академикъ А. Х. Востоковъ, которому Отдѣленіе поручало разсмотрѣть означенную статью, въ отзывѣ своемъ говоритъ, что статья эта содержитъ въ себѣ подробный разборъ Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, и что замѣчанія г. Лавдовскаго полезно имѣть въ виду при новомъ изданіи, хотя они и не все могутъ быть приняты въ уваженіе. Определено: благодарить г. Лавдовскаго и просить его о доставленіи въ Отдѣленіе Вологодскихъ словъ.

II.

Областные Словари.

Профессоръ Московскаго Университета П. Я. Петровъ представилъ г. Предсѣдательствующему окончаніе труда своего: «Объясненіе Восточными языками простонародныхъ словъ, помѣщенныхъ въ Словарѣ Областнаго Великорусскаго языка. Определено: благодарить г. Петрова, а трудъ его передать Редактору Извѣстій для напечатанія.

Директоръ Новгородской Гимназіи, заслуженный Профессоръ Эрмани, препроводилъ въ Отдѣленіе сборникъ Новгородскихъ словъ, не находящихся въ Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря. Определено: передать означенный сборникъ для предварительнаго разсмотрѣнія Я. П. Березникову.

Исправляющій должность Адъюнкты-Профессора въ Казанскомъ Университетѣ г. Лейстремъ представилъ г. Предсѣдательствующему списокъ словъ, помѣщенныхъ въ Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря, и сродныхъ по корнямъ и значенію со словами языковъ Скандинавскихъ. Определено: препроводить къ Профессору Я. К. Гроту для предварительнаго разсмотрѣнія.

III.

Изданіе памятниковъ.

Директоръ Училищъ Иркутской губерніи увѣдомляетъ г. Предсѣдательствующаго, что онъ пригласилъ Штатныхъ

Смотрителей и Учителей уѣздныхъ училищъ къ собранію образцовъ народнаго Русскаго языка и словесности.

М. А. Коркуновъ внесъ въ Отдѣленіе полученныя имъ отъ священника села Павлова (Нижегородской губерніи Горбатовскаго уѣзда) Евграфа Оаворскаго одиннадцать пѣсней, списанныхъ со словъ тамошнихъ простолюдиновъ, и небольшой сборникъ Нижегородскихъ простонародныхъ словъ. Означенныя пѣсни переданы редактору Извѣстій, а Отца Е. Оаворскаго определено благодарить.

IV.

Извѣстія.

Чтаны и одобрены къ напечатанію 13, 14, 15 и 16-й листы Извѣстій съ IX и X листомъ Прибавленій.

И. П. Срезневскій внесъ въ Отдѣленіе присланныя къ нему С. Г. Микуцкимъ статьи: 1) Сравненіе корней и словъ Санскритскихъ съ Славянскими, и 2) Сравненіе словъ Латинскихъ съ Славянскими, — предполагая дать имъ мѣсто въ Матеріалахъ для Словаря, печатаемыхъ при Извѣстіяхъ. Определено: напечатать означенныя статьи.

V.

Особенныя чтенія.

Г. Предсѣдательствующій читалъ записку о послѣднихъ литературныхъ трудахъ Академика С. П. Шевырева, а И. П. Срезневскій объ ученыхъ трудахъ Проф. Ф. П. Буслева.

П. А. Лемтевъ прочелъ окончаніе сочиненія своего: «о Василиѣ Андреевичѣ Жуковскомъ». Передано редактору Извѣстій для напечатанія.

Г. Предсѣдательствующій предложилъ оказать пособіе г. Микуцкому на путешествіе въ Бѣлорусскій и Литовскій край для филологическихъ изслѣдованій. Поручено И. П. Срезневскому предварительно снестись съ г. Микуцкимъ и составить записку о планѣ путешествія.

И. П. Срезневскій читалъ выписки изъ писемъ къ нему гг. Шумавскаго, Микуцкаго и Рудзевича, въ которыхъ они сообщаютъ извѣстія о своихъ трудахъ.

ПРИГЛАШЕНИЕ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, приступая къ новому изданію Общаго Словаря, и желая воспользоваться замѣчаніями всѣхъ, кому не чужды успѣхи ученыхъ изслѣдованій отечественнаго языка, обратило уже свое вниманіе на все, что было доселѣ высказано въ печати касательно изданнаго имъ Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, равнымъ образомъ и на все, что было сообщено ему по этому поводу рукописными записками. Предполагая однако, что еще многое остается ему неизвѣстнымъ, что еще многимъ можетъ быть дополненъ или улучшенъ его прежній трудъ, оно обращается ко всѣмъ знатокамъ и любителямъ роднаго слова съ приглашеніемъ почтить его своимъ соучастіемъ въ этомъ дѣлѣ. Всякаго рода замѣчанія о словахъ пропущенныхъ, неполно или невѣрно определенныхъ, недостаточно объясненныхъ примѣрами, равно и замѣчанія объ опечаткахъ и тому подобныхъ неточностяхъ будутъ приняты Отдѣленіемъ съ истинною признательностію.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ предложило пачать съ 1852 года изданіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.

Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности будутъ входить, кромѣ записокъ о запискахъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно: — изслѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ соизмененныхъ, ихъ литературы и древностей; — разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологіи Славяно-Русской; а въ особенныхъ прибавленіяхъ — памятники языка и словесности, матеріалы для Словаря, Грамматики и т. п.

«Извѣстія» будутъ издаваться безсрочными выпусками или листами; 24 листа съ прибавленіями составятъ одинъ томъ. Цѣна тому три рубля серебромъ. Получать можно у Коммиссіонера Академіи Глазунова (по Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22) и Эггера (на Невскомъ проспектѣ №№ 1 и 10). Изгородные читатели благоволятъ относиться съ своими требованіями къ упомянутымъ Коммиссіонерамъ или въ Комитетъ Правленія Академіи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКА: — Изслѣдованія о древнихъ памятникахъ Старославянской литературы: IV. О глагольской письменности. Записка П. П. Срезневскаго. V. Взглядъ на древность глагольской письменности. Записка П. П. Шафарика. — Замѣчанія касательно новаго изданія Русскаго Словаря: IV. Замѣчанія Прот. Г. П. Павскаго. V. Замѣчанія О. И. Буслаева. — Библиографическія Записки: XVIII. Новыя книги. XIX. Гимназическій курсъ словесности. — Перечень засѣданій Отдѣленія съ приложеніями. — Къ этому выпуску принадлежатъ XVII — XXI листы ПРИБАВЛЕНІЙ.

ИЗСЛѢДОВАНИЯ

О ДРЕВНИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

IV.

О ГЛАГОЛИТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Записка П. П. Срезневскаго.

Письменность глаголитская, поражающая особенностью своихъ письменъ, почти несходныхъ ни съ какими другими, когда-то бывшая въ большомъ ходу у Славянъ, а теперь доживающая свою жизнь въ нѣсколькихъ бѣдныхъ монастыряхъ Адриатическаго поморья, начинаетъ вновь пробуждать все болѣе любознательность ученыхъ и подавать надежды на разъясненіе нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ древностей Славянскихъ.

До тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія было въ виду такъ мало вѣрныхъ данныхъ о древности глаголицы, что ученымъ удобнѣе было отвергать ихъ цѣнность, чѣмъ на основаніи ихъ однихъ защищать эту древность. Такъ и Добровскій рѣшилъ, что глагольскія письмена не древнѣе XIII вѣка, что онѣ изобрѣтены въ Далмаціи для поддержанія Славянской литургіи,

и съ этою цѣлію приписаны св. Іерошиму, — и его мнѣніе принято было почти единодушно.

Только со времени открытія глагольскаго сборника, извѣстнаго теперь подъ названіемъ Glagolita Clozianus (Изв. стр. 86, 88, 102), открылась необходимость усумниться въ этомъ рѣшеніи. Копитаръ, издавая рукопись графа Клоца, представилъ новое переслѣдованіе вопроса и столь рѣзкое, что для многихъ казалось уже невозможнымъ остаться при прежнихъ убѣжденіяхъ. Glagolita Clozianus, по примѣтамъ языка и написанія, оказалась не новѣе древнѣйшихъ рукописей кирилловскихъ, не новѣе XI вѣка. Глаголическій букварь, находящійся въ одной изъ латинскихъ рукописей Парижской библіотеки (№ 2340) X — XI вѣка, и названный тамъ Abecedarium Bulgaricum, представлялъ вообще тѣ же формы буквъ глагольскихъ, какъ въ рукописи графа Клоца, при очевидномъ отличіи языка ея отъ языка глаголитскихъ рукописей Далматскихъ, заставилъ думать, что родина глаголицы — не Далмація; а употребленіе буквъ глагольскихъ въ древнихъ рукописяхъ кирилловскихъ и очевидность того, что нѣкоторые изъ нихъ переписаны съ глагольскихъ, привели Копитара къ заключенію, что не только обѣ азбуки были у Славянъ въ одинаковомъ употребленіи издревле, но что глаголическая даже древнѣе кирилловской, какъ домашняя Славянская, между тѣмъ какъ кириллица заимствована отъ Грековъ.

Этотъ послѣдній выводъ былъ слишкомъ рѣзокъ, и произволенъ, а потому возбудилъ сомнѣнія ко всему мнѣнію Копитара.

Изъ изслѣдованій, сдѣланныхъ въ слѣдствіе разсужденій Копитара, важнѣе всѣхъ другихъ изслѣдованіе проф. Прейса (Журн. Мин. Нар. Просв. 1843. № 3. Отд. II. стр. 184—238). «Доказательства, приводимыя Копитаромъ — по его мнѣнію — не устраняютъ всѣхъ трудностей вопроса. Многое даже говоритъ не въ пользу его мнѣнія: — а) Глагольскія письмены могли быть извѣстны въ Болгаріи. Дѣйствительно, особенности нѣкоторыхъ кирилловскихъ памятниковъ, грамматическія и лексическія, едва ли объяснимы, если не примемъ, что сіи рукописи списаны съ глагольскихъ подлинниковъ. Не вѣроятно однако же, чтобъ глагольскія письмены были общепотребительны въ сей странѣ. Глагольскія буквы, находимыя въ кирилловскихъ памятникахъ, еще не рѣшаютъ дѣла: это могло быть затѣю, прихотью писцовъ. Въ кирилловскихъ памятникахъ встрѣчаются буквы и совершенно неизвѣстнаго происхожденія; въ глагольскихъ рукописяхъ нѣрѣдко заглавные литеры заимствованы изъ Латинскаго алфавита, не безызвѣстны и кирилловскія; послѣднія встрѣчаются и въ древне-Чешскихъ кодексахъ Латинскаго письма. Предположеніе объ общепотребительности глагольскихъ письменъ не только въ Далмаціи, но и въ Болгаріи, рождаетъ вопросъ: на что было Кириллу изобрѣтать новый алфавитъ, который, какъ всякая новизна, могъ только быть новымъ препятствіемъ для первоучителей въ ихъ великомъ начинаніи? Болгаре не были друзьями Грековъ, и не смотря на то, они жертвуютъ своимъ роднымъ и принимаютъ чужое! Въ Далмаціи также оставляютъ Славянскую (глагольскую) грамоту и начинаютъ писать «gotticis litteris a quodam Methodio haeretico repertis!» Далмація еще опомнилась и возвратилась къ старому алфавиту; но Болгарія осталась при новомъ, такъ что въ сотняхъ списковъ, сохранившихся въ Россіи, Сербіи и т. д. не нашлось еще ни одного глагольскаго кодекса, писаннаго въ сей странѣ. Возразятъ: многіе изъ извѣстныхъ глагольскихъ списковъ могли быть писаны въ Болгаріи. Именно противъ этого и говорятъ извѣстные глагольскіе памятники; ибо они въ отклоненіяхъ своихъ отъ условнаго языка (Церковно-Славянскаго) ведутъ насъ прямо въ отечество ихъ — въ приморскую Кроацію. — б) Важное доказательство, которое представляетъ Парижскій кодексъ, «Abecedarium Bulgaricum» очевидно указываетъ на Болгарію. При всемъ томъ позволено еще сдѣлать вопросъ: не равнозначительно-ли abecedarium Bulgaricum нашему тарабарская грамота?

Имя Болгарина, со времени перваго крестоваго похода, употребляемо было, именно Французами, въ самомъ невыгодномъ значеніи. Сверхъ того свидѣтельство неизвѣстнаго иностранца имѣетъ сильнаго противника — живое, народное употребленіе. Въ Далмаціи глагольскій алфавитъ называется именно Хорватскимъ. Лѣтопись Діоклейца (около 1161 года) была писана этимъ «Хрватскимъ писмомъ» и въ послѣдствіи переписана Латинскими буквами (Palacký Italienische Reise. стр. 69). — в) Минхъ Храбръ, Болгаринъ, говоритъ о письменахъ, бывшихъ въ употребленіи у Славянъ до временъ Кирилла, — и ни слова о глагольскихъ письменахъ. Подъ именемъ «чрътъ» и «рѣзъ» нельзя ихъ разумѣть: Гриммъ справедливо замѣтилъ, что глагольскія буквы болѣе походятъ на живопись, нежели на простыя начертанія, что онѣ скорѣе произведенія кисти, нежели рѣзца. — г) Копитаръ полагаетъ, что глагольскій алфавитъ есть Славянскій, между тѣмъ какъ кирилловскій есть Греко-Славянскій. На чемъ основано это мнѣніе, мы неизвѣстны. Во всякомъ случаѣ, противъ этого положенія говоритъ слѣдующее: — Нужны ли были Славянскому алфавиту *з*, *ω*, *γ*, два *и* (*і*, *и*), помѣщенные въ азбукѣ глагольской? Глагольская фигура буквы *φ* не есть ли Греческая? Буква *ou* не есть ли Греческая комбинація? Нужно ли было Болгарину изобрѣтать знакъ, въ которомъ его нарѣчіе не пугается, — *j*, необходимый Хорватскому діалекту? Глагольское *и* есть точная копія съ кирилловскаго *и*. — Изъ этого, если не ошибаюсь, ясно слѣдуетъ, какъ несправедливо называть глагольскій алфавитъ Славянскимъ, между тѣмъ какъ онъ въ тѣхъ же пунктахъ Греческій, въ которыхъ и кирилловскій. Очевидно также, что сей послѣдній былъ образцомъ перваго. — д) Въ доказательство древности глагольскаго алфавита Копитаръ приводитъ и филологическія особенности Клоцевой рукописи. Не входя въ подробности его доказательствъ, замѣчу только то, что не можетъ быть предметомъ спора: Клоцева рукопись списана Далматинцемъ съ Болгарскаго подлинника, въ которомъ уже встрѣчалось смѣшеніе *ж* и *з*, *ѣ* и *ѥ*, замѣна сихъ послѣднихъ буквами *о* и *е* и пр. Эти особенности кодекса едва ли говорятъ въ пользу Копитара. — е) Наконецъ не должно выпускать изъ виду важнѣйшаго обстоятельства: въ самой Далмаціи до XIII столѣтія нѣтъ ни слова о глагольскомъ алфавитѣ, между тѣмъ какъ употребленіе кирилловскихъ письменъ въ сей странѣ въ всякаго сомнѣнія: событія 925 и 1056 годовъ неопровержимо свидѣлствуютъ о томъ. — *До новыхъ открытій* — заключаетъ Прейсъ — можно съ вѣроятностію принять слѣдующія по-

ложения:— Современное употребленіе въ Болгаріи двухъ алфавитовъ, глагольскаго и кирилловскаго, подвержено сильному сомнѣнію. Еще менѣе имѣемъ причинъ думать, что первый древнѣе послѣдняго. До запрещенія Кирилло-Славянской литургіи въ Далмаціи не было надобности изобрѣтать новый алфавитъ: эта необходимость могла родиться около 925 года. По всѣмъ примѣтамъ видно, что родина глагольскихъ писменъ есть приморская Кроація, и что по всей справедливости имъ принадлежитъ названіе «Хорватскаго письма». Греко-Славянскій алфавитъ св. Кирилла служилъ образцемъ для составителя глагольскихъ писменъ: этого еще не опровергли защитники ихъ древности. Они побѣдятъ, если докажутъ, что древнѣй составъ глагольскаго алфавита совершенно преобразовался со времени появленія кирилловскаго алфавита, такъ что нынѣ только въ немногихъ буквахъ сохранилась память глагольскаго первообраза.

Таково было мнѣніе Прейса. Теперь уже нельзя сказать, что оно совершенно справедливо; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя опровергнуть и того, что оно объяснило темный вопросъ, вѣрной постановкой фактовъ, къ нему относящихся, и безпристрастнымъ ихъ соображеніемъ. Прейсъ первый послѣ Добровскаго остался вѣренъ всѣмъ фактамъ, ему извѣстнымъ, и не позволилъ въ выводахъ натяжки и увлеченія. Замѣтимъ при этомъ, что Прейсъ высказывалъ свое убѣжденіе какъ временное, ожидающее себѣ подтвержденія или пораженія отъ «новыхъ открытій».

Эти открытія дѣйствительно сдѣлались. Профессору Григоровичу удалось открыть нѣсколько рукописей глагольскихъ, по языку столь же древнихъ, какъ и сборникъ графа Клоца, и такъ же писанныхъ: эти открытія доказали, что глаголиты въ свое время были хорошо знакомы съ древнимъ языкомъ, какъ съ языкомъ еще живымъ. Столь же важно было открытіе архимандрита Порфирія, отыскавшаго въ Иверскомъ монастырѣ Афонской горы сѣлку Іоанна Пвера основателя этого монастыря съ жителями кастро Эрессо о земляхъ монастырскихъ 6490 = 982 года. На этомъ актѣ подписанъ «Гюргинъ», попъ изъ упомянутаго кастра — глагольскими буквами. При этомъ арх. Порфирій, описывая этотъ актъ, замѣтилъ, что уже въ хрисовулѣ царей Василія и Константина (960 г.) упомянуто о поселеніи въ кастрѣ Эрессо «склавоу Българъ» (Ж. Мис. Нар. Пр. 1847. № 7. Отд. II. стр. 52, 53 и 38). Послѣ этого открытія нельзя уже было сомнѣваться, что глагольская письменность не позже X вѣка. Этого впрочемъ не оспаривалъ рѣшительно и Прейсъ, обращая вниманіе на 925 годъ. Но не ранѣ ли она X вѣка, не ранѣ ли кирилловской?

Въ своемъ опытѣ «Древнія письма Славянскія» (1848), разсматривая этотъ вопросъ, я обратилъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

— Большая часть глагольскихъ буквъ по своей формѣ, отличается не только отъ кирилловскихъ, но и отъ другихъ извѣстныхъ. Сходны съ кирилловскими: *д, л, м, н, ф, ш*. Иныя отличны только положеніемъ или опушеніемъ нѣкоторыхъ чертъ, между тѣмъ какъ главное очертаніе остается то же; таковы: *е* (э), *ж* (ѣ), *о* (ω), *к, т*. Иныя похожи на наши скорописныя; таковы *в* (срав. стар. *ш*), *ю*. Иныя, будучи сходны по формѣ, имѣютъ другое значеніе: *ѡ* употреблено вмѣсто *л*; *ѣ* вмѣсто *ж*; *ѡ* вмѣсто *р*.

— Подборъ буквъ тотъ же: отличены между прочимъ и *з* отъ *з*, *ω* отъ *о*; недостаетъ впрочемъ *ѣ, ѡ*. Прибавленъ особенный знакъ для *ј* (=и, *ѣ*: *смиј, сије* вмѣсто *смии, сиіе*), который занимаетъ и мѣсто Старослав. *жд* и мягко выговариваемаго *г* (*ројство, анјелъ* вмѣсто *рождество, ангелъ*).

— Порядокъ буквъ также одинаковъ, какъ можно видѣть между прочимъ изъ ихъ примѣненія къ употребленію цифирному. Разница только въ томъ, что въ кириллицѣ взяты для цифръ почти исключительно буквы Греческія, а въ глаголицѣ всѣ въ подрядѣ.

— Характеръ правописанія также одинъ и тотъ же. Сложныя буквы сложены почти одинаково: *оу* изъ *о* и *у* или изъ *о* и *о*; *иц* изъ *и* и *т*, *ѣ* изъ *ѣ* и *и*; *ѡ* изъ *ѡ* (?) и *ѡ*; а *ѡ* изъ *ѡ* и *ѡ*. Замѣчательно, что и для *ѡ* употребленъ сложный знакъ — изъ *о* и *ѡ*.

Изъ этого сравненія глаголицы съ кириллицей становится ясно, что она, въ томъ видѣ какъ извѣстна изъ памятниковъ, въ общемъ своемъ составѣ составлена по образцу кирилловской. То, въ чемъ она отличается отъ кириллицы, только подтверждаетъ, что она позже кириллицы: не лишившись ничего изъ существенныхъ частей кириллицы, она или дополнена по требованіямъ мѣстнаго нарѣчія, или по этимъ же требованіямъ нѣсколько измѣнена. Все это можно сказать, разсматривая общій составъ глаголицы, а не каждую букву отдѣльно, изъ которыхъ многія, будучи отличны отъ всѣхъ извѣстныхъ, могли быть изобрѣтены во всякое время.

Относительно Далматскаго или Хорватскаго происхожденія глаголицы я позволилъ себѣ слѣдующія замѣчанія: 1) Въ рукописяхъ глагольскихъ видно вліяніе Хорватскаго нарѣчія, и глаголица утвердилась въ послѣдствіи у однихъ Хорватовъ: это значить, что глаголица была и тамъ примѣняема къ потребностямъ

мѣстныхъ нарѣчій, и что случай помочь ей утвердиться у Хорватовъ, а не то, что она у нихъ первоначально изобрѣтена. Въ древнихъ рукописяхъ глагольскихъ замѣтно и вліяніе Болгарскаго нарѣчія; следовательно она была употребляема и въ Болгаріи. 2) Примѣнена въ Далмаціи она могла быть, какъ слѣдствіе Славянскаго богослуженія, въ X, XI, XII, XIII вѣкѣ; но когда именно, этого нельзя рѣшить силой одного предположенія, — и прежде этого должна была быть примѣнена въ Болгаріи, какъ можно заключать, судя по тому что въ Далмаціи является позже.

Соображая всѣ данныя и мнѣнія о глаголицѣ нельзя не придти къ заключенію, что она есть явленіе IX — X вѣка, послѣдовавшее за появленіемъ кириллицы; но вопросъ — гдѣ именно и по какому случаю она получила начало и первоначально вошла въ употребленіе? — требуетъ еще разысканій. Не позволяя себѣ взяться за его рѣшеніе, я обратилъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства; 1) Древнѣйшій глаголическій памятникъ есть подпись Болгарина. 2) Въ древнѣйшемъ спискѣ глагольской азбуки она названа Болгарскою: *Abesencium Bulgareum*. 3) Буквы глаголическія встрѣчаются въ тѣхъ памятникахъ, на которыхъ есть слѣды вліянія Болгарскаго нарѣчія. 4. Языкъ древнихъ глагольскихъ памятниковъ есть Старославянский съ измѣненіями Болгарскими. На основаніи всего этого можно надѣяться придти къ открытію доказательствъ Болгарскаго происхожденія глаголицы.

Къ этому я прибавилъ вопросъ: не могла ли глаголица быть изобрѣтена въ Болгаріи какимъ нибудь сектаторомъ, противившимся ученію Кирилла? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно — думать я — пока нельзя въ такой же мѣрѣ, какъ и отвѣчать положительно; следовательно вопросъ возможенъ. (Древнія письмена Славянскія. 1848. стр. 23 — 25 и 30 — 32).

Въ то же время высказалъ свое мнѣніе о началѣ глагольской письменности и профессоръ В. П. Григоровичъ — въ одномъ изъ засѣданій Казанскаго Общества Любителей Отечественн. Словесности. Вотъ какъ это мнѣніе передано въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: — «Другой замѣчательный фактъ, хотя и извѣстный уже Русскимъ ученымъ, о Кириллѣ и Меодіи находится въ ихъ Житіи, которое г. Григоровичъ списалъ въ Рыльскомъ монастырѣ, находящемся въ Болгаріи, въ Доспатскихъ горахъ. Въ этомъ Житіи сказано, что св. Кириллъ пашель въ Херсонъ уже готовый переводъ Св. Писанія на Русскомъ языкѣ, и встрѣтилъ человека, умѣвшаго читать этотъ

переводъ^{*)}. Это свѣдѣніе впрочемъ ни мало не даетъ повода къ уменьшенію заслуги св. Кирилла и Меодія, и не опровергаетъ того, что они были изобрѣтателями Славянскихъ письменъ; потому что такой переводъ хотя и могъ существовать, однако жъ онъ могъ быть писанъ и Греческими буквами. Принимая же въ соображеніе, что Кириллъ самъ не умѣлъ читать этого перевода — что было бы возможно ему сдѣлать при Греческой транскрипціи — можно предполагать, что этотъ переводъ былъ писанъ глагольскими письменами. А въ такомъ случаѣ древность глаголицы передъ кириллицею будетъ несомнѣнна, если докажется достовѣрность этого сказанія о переводѣ св. Писанія, встрѣченномъ Кирилломъ въ Херсонѣ.»

Недосказанное, въ краткомъ извѣстіи о мнѣніи нашего достойнаго ученаго, досказано имъ самимъ въ чтеніи о древней письменности Славянъ, вышедшемъ въ № 3 Журн. Мин. Нар. Просв. за этотъ (1852) годъ. Здѣсь представляется извлеченіе изъ этого чтенія въ собственныхъ выраженіяхъ автора:

— «Подъ именемъ глаголиты давно была извѣстна въ приморской Хорватіи письменность Славянская, которая, на основаніи дозволенія папы Иннокентія, въ 1248 году, признана церковною и въ послѣдствіи примѣнена была къ гражданскимъ дѣламъ. Въ рукописяхъ глаголита извѣстна была съ XIII и XIV столѣтіи, а въ печати появилась она въ 1483 году. Только потому, что на мѣстѣ ея настоящаго употребленія изобрѣтеніе ея приписывается св. Іерониму, І. Добровскій, опровергая, на основаніи упомянутыхъ признаковъ языка, ея Іеронимовское происхожденіе, предположилъ, что глаголита изобрѣтена Римско-католическими монахами въ XIII ст. съ цѣлію вытѣснить этимъ нововведеніемъ кирилловскую письменность. Это мнѣніе господствовало до 1836 года, когда Копитаръ изданіемъ нѣсколькихъ глаголитскихъ листовъ доказалъ, что есть глаголита съ признаками древнѣйшаго Церковно-Славянскаго языка. Въ ученomъ разсужденіи Копитаръ развивалъ мнѣніе, что глаголита, можетъ быть, древнѣе и ни въ какомъ случаѣ не позже кириллицы. — Такое предположеніе требовало доказательствъ и со стороны языка и со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ. Такъ какъ тѣ и другія сами собою трудно представляются, то древность глаголиты не нашла защитниковъ. Лучшіе наши филологи предпріяли даже ослабить предположеніе Копитара. Покойный проф. Прейсъ выразился объ ней такъ, что подозрѣніе Добровскаго остается въ своей силѣ, но однако жъ измѣняется въ томъ смыслѣ, что глаголита, имѣя родиною Хорватію и бывъ

^{*)} Это мѣсто напечатано въ Извѣстіяхъ. I. стр. 293.

позже кириллицы, слѣдовала только сперва древнѣйшимъ кирилловскимъ памяткамъ, а послѣ уже сблизилась съ народнымъ выговоромъ. Проф. П. И. Срезневскій, доказавъ, что она дѣйствительно древня, тѣмъ не менѣе почитаетъ ее позже кириллицы.

«Сообразивъ результаты, найденные замѣчательными трудами сихъ ученыхъ, сообщу теперь рядъ свѣдѣній, могущихъ показать ея отношеніе къ кириллицѣ и ея распространеніе, и за тѣмъ приведу свое заключеніе.

1) Сперва о формѣ знаковъ глаголиты. Очевидно, что изображеніе ея не могло возникнуть при одномъ знакомствѣ съ Греческимъ или Латинскимъ алфавитами: ея изображеніе, если дѣйствительно оно неумышленно сдѣлано кудравымъ, должно стоять въ связи еще съ какими-либо другими алфавитами. Послѣ сличенія ея съ разными, возникшими на Востокѣ, начертаніями буквъ, достойнымъ вниманія почитаю, что на геммахъ встрѣчаются знаки, совершенно отвѣчающіе глаголитскимъ буквамъ: а, в, е, и по формѣ и по значенію. Знаки, находимые на геммахъ, имѣютъ еще то общее съ глаголитскими буквами, что часто подобно имъ оканчиваются кружками. Сходство это можно повѣрить по сочиненію Монфокона: «Palaeographia Graeca, гдѣ упомянутые знаки приписаны гностикамъ. Съ начертаніемъ Греческихъ буквъ имѣютъ сходство глаголитскія начертанія буквъ: б, д, л, м, т, ф, ѿ. Это сообразованіе съ Греческимъ или, пожалуй, съ Латинскимъ алфавитомъ не можетъ еще ничего доказать ни въ пользу, ни противъ древности глаголиты: ибо съ одинаковою достовѣрностію можно назначить ей раннее или позднѣйшее время *). — Замѣчательно еще, что знаки глаголитскихъ буквъ, б и з весьма схожи съ Самаританскими по Скалигерову алфавиту.

2) Важнѣе гораздо вопросъ, какъ относится глаголита къ кириллицѣ. Замѣчательно, что нѣкоторые, чисто Славянскіе звуки выражены въ глаголитѣ и кириллицѣ одинаковыми знаками. Какой же алфавитъ замѣтствовалъ у другаго эти знаки? Професс. Прейсъ и Срезневскій полагаютъ, что замѣтвовала глаголита. Глаголитскіе знаки буквъ: ь, ж, ш, ѣ, похожи на кирилловскіе. Пока нѣтъ достовѣрныхъ указаній въ пользу того или другаго алфавита, позволяю себѣ думать, что гораздо достовѣрнѣе пополненіе кириллицы глаголитскими знаками, и то безъ всякаго соблюденія одинаковости значенія. Доказатель-

*) См. Palaeographia Graeca стр. 336. Ср. также Коппа: Palaeographia т. IV, стр. 22, гдѣ буква л совершенно одинакова съ глаголитскою. Знаки символическіе на геммахъ многочисленны. Дюканжъ, по Клишеу, считаетъ ихъ до 400.

ствомъ почитаю то, что въ древнихъ названіяхъ буквъ: азъ боукы и проч. нѣкоторые названія получаютъ поясненіе изъ примѣненія къ глаголитскимъ. Такъ ь (ерь) названъ по глаголитской буквѣ ь (р); также, кажется мѣѣ, ѣ названо (ятъ) потому, что составлено изъ глаголитскаго ꙗ (а) и ь въ значеніи, данномъ этой послѣдней въ кирилловской азбукѣ (і? е?). Въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчается знакъ а вмѣсто ѣ, и этотъ знакъ явно сходствуетъ съ глаголитскимъ а (ѣ).

3) Порядокъ буквъ глаголиты въ примѣненіи къ числамъ удержанъ безъ всякаго пропуска; по этому б = 2, г = 4, і = 20 и проч.

4) Уже давно замѣчено, что унциальныя (капительныя) буквы въ письмѣ древнѣе курсива. Примѣняя это къ глаголитѣ, достойнымъ почитаю примѣчанія, что въ кирилловскихъ рукописяхъ унциальныя буквы суть глаголитскія. Такъ въ Псалтыри Академика Погодина и въ рукописи словъ св. Григорія Божественнаго, что въ Императорской Публичной Библіотекѣ. — Но и не отдѣльныя только буквы стали открываться: въ рукописяхъ Греческихъ и кирилловскихъ замѣчены глаголитскія вставки и приписки, доказывающія, что глаголита была обычнымъ письмомъ у большаго количества Славянъ. Такъ на хрисовулѣ монастыря Иверскаго глаголитская подпись поца Георгія принадлежитъ, по свидѣтельству Архим. Порфирія, X столѣтію. Въ рукописи Парижской Королевской Библіотеки алфавитъ глаголитскій, названный abecedarium Bulgaricum, принадлежитъ къ XI или XII столѣтію. А. Х. Востоковъ (или А. В. Горскій) въ кирилловской рукописи Пророковъ, списанной въ XV ст. съ другой древнѣйшей, нашелъ одно слово глаголитское. Въ рукописи Псалтыри, хранящейся въ Болоніи, Копитаръ нашелъ строку. Замѣчательно, что эта рукопись писана въ Охридѣ. — Мнѣ посчастливилось открыть въ Охридѣ кирилловскую рукопись Апостола, которую почитаю примѣчательнѣйшею изъ доселѣ извѣстныхъ. Въ немъ двѣ страницы писаны въ половину по кирилловски и по глаголитски и попадаются слова и буквы глаголитскія. Наконецъ, въ прошломъ 1849 году Академику Погодину доставлены листки пергамина рукописи какого-то поученія, въ которой кирилловскій текстъ съ явными признаками Русской рецензій испещренъ глаголитскими буквами.

5) Къ этимъ замѣчаніямъ прибавлю еще и то, что стертыя кодексы т. е. палимпсесты могутъ нѣсколько доказывать древность стертаго письма. Я имѣю одинъ образецъ палимпсеста: это рукопись, мнѣ принадлежащая, найдена въ Боянѣ, близъ города Софіи. Кирилловскій текстъ Евангелія съ при-

знаками Терновской рецензій написанъ на тщательно стертомъ глаголитскомъ письмѣ. Кромѣ унциальныхъ буквъ, сохранилась одна строка, по которой заключаю, что языкъ глаголиты древнѣйшій.

6) Памятниковъ глаголиты болѣе полныхъ очень мало. До селѣ было извѣстно только два: одинъ въ Ватиканѣ, другой въ Тридентѣ, у Барона Клоца. На Святой Горѣ мнѣ удалось видѣть третій, который и описалъ я въ «Очеркѣ путешествія»^{*)}. Тамъ же приобрѣлъ я еще кодексъ, полнѣе всѣхъ извѣстныхъ, заключающій въ себѣ признаки сходства съ Ватиканскимъ. Кодексъ этотъ примѣчательнѣе еще тѣмъ, что исправленъ и помѣченъ кѣмъ-то кирилловскими письменами. Къ сожалѣнію, нельзя догадаться, когда сдѣланы помѣтки; можно только съ достовѣрностію утверждать, что гораздо позже. Поправки и помѣтки доказываютъ, что Славянищъ, поправлявшій, былъ Сербъ. — Эти четыре памятника — единственные, извѣстные въ Европѣ. По содержанію, они всѣ духовные, именно: Ватиканскій, Святотрогскій и мой — Евангелія, Клоцевъ — Слова Греческихъ Отцевъ Церкви. — Во время путешествія, стараясь я также приобрести свѣдѣнія о распространеніи глаголиты въ южныхъ земляхъ. Поиски мои вознаграждены открытіемъ слѣдовъ ея на главныхъ мѣстахъ того края. Такъ въ Солунѣ видѣлъ я у Коцсула Михановича листокъ Евангелія изъ Св. Горы, и листокъ Посланий Апостольскихъ, кажется, изъ Скопій; въ Охридѣ и въ монастырѣ св. Іоанна Рыльскаго самъ я нашелъ листъ Евангелія и куски какого-то поученія. Всѣ сии отрывки, судя по языку и формѣ буквъ, принадлежатъ къ древнѣйшему періоду Славянской письменности. — Слѣды памятниковъ глаголиты на мѣстахъ, достопамятныхъ въ исторіи просвѣщенія Славянъ, приводятъ къ заключенію какъ о широкомъ распространеніи глаголиты, такъ и о связи ея съ тѣми мѣстами.

7) Однимъ изъ нашихъ ученыхъ замѣчено было, что такъ называемыя глаголитскія древнія рукописи могли быть позже переписаны съ такихъ же кирилловскихъ. Въ подтвержденіе сего замѣчанія не знаю ни одного памятника. Напротивъ, доказательства того, что кирилловскія рукописи могли быть переписаны съ глаголиты, становятся болѣе и болѣе неоспоримыми. Професс. Горскій и Срезневскій нашли нѣкоторые признаки глаголитскаго подлинника въ рукописи кирилловской, за-

ключающей въ себѣ сочиненіе монаха Храбра. Мнѣ кажется, что и находящіяся у меня двѣ рукописи, Апостола и Парамейшика, переписаны съ глаголиты. Первая рукопись есть та самая, о которой упомянуто подъ числомъ 4-мъ; другая найдена въ Хиландарѣ. Признаками ихъ перенесены съ глаголиты почти постоянное употребленіе одного *ѣ* вм. *ѣ* и *ѣ*, частое смѣшеніе *и*, *і*, и частое употребленіе древнихъ формъ прошедшаго. Сверхъ того во второй рукописи постоянно знакъ *а* замѣняется *ѣ*. — Это обстоятельство, равно какъ и предыдущее, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что глаголита была извѣстна у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, что съ нея или по ней списывали кирилловскія рукописи.

«Изложенныя замѣчанія нельзя почесть излишними, особенно если сообразить, что ясныхъ, удовлетворительныхъ доказательствъ ни о началѣ ни о судьбахъ глаголиты мы не имѣемъ. Даже самое названіе этой письменности — глаголита — не раньше стало извѣстно, какъ съ XIII столѣтія. — Поясненіе происхожденія и судьбы ея совершенно предоставлено предположеніямъ и соображеніямъ ученыхъ. Покойный проф. Прейсъ весьма остроумно сообразилъ событія церковной Хорватской исторіи и вывелъ отсюда заключеніе, что глаголита должна была необходимо возникнуть въ Адриатическомъ приморьи. Именно, соображая, что въ Далматин Славянское Богослуженіе было преслѣдуемо съ X ст., и что тамъ св. Меодій былъ прозванъ даже еретикомъ, онъ заключилъ, что гоненіе могло быть направлено на кирилловскую письменность, вводящую Православіе, и что Славянскіе монахи устранили эту ненависть къ Славянскому Богослуженію изобрѣтеніемъ глаголитскихъ письменъ, освятивъ ихъ именемъ св. Іеронима. Но если допустимъ такое предположеніе, то спрашивается: почему же глаголита находится и въ другихъ мѣстахъ, почему ею писали въ Охридѣ, гдѣ былъ центръ Болгарской Іерархіи, и почему глаголита названа *abessanarium Vulgaricum*? Принявъ это во вниманіе, почтию предположеніе это недостовернымъ. — Проф. Срезневскій полагаетъ, что глаголита могла быть изобрѣтенною религіозными сектантами, которые дѣйствительно имѣли въ Болгаріи немаловажное значеніе. Тамъ съ X столѣтія господствовало ученіе Богумиловъ^{*)}, самое пагубное для просвѣщенія

^{*)} Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. В. Григоровича. Казань. 1848. стр. 67—70. Объ этой рукописи не упомянуто въ обзорѣ описанныхъ рукописей, представленномъ въ моей вступительной запискѣ къ Изслѣдованіямъ о Старославянской литературѣ. Редакт.

^{*)} Мнѣ впрочемъ не казалось и не кажется необходимымъ относить глаголиту къ числу нововведеній Богумиловъ, хотя *abessanarium Vulgaricum* Парижской рукописи и можетъ быть считаемъ Богумильской азбукой, потому что подъ именемъ *Bulgari* извѣстны были во Франціи послѣдователи Богумила. *Glossarium med. Latin.* I. 139. Ср. *Histoire et doctrine des Cathares ou Albigeois* par C. Schmidt. Paris. 1849. II. стр. 282 и въ другихъ мѣстахъ. Редакт.

Славянъ. Вѣроятно, этимъ сектантамъ проф. Срезневскій приписываетъ изобрѣтеніе глаголицы. Правдоподобность сего подтверждается, конечно, сходствомъ ея знаковъ съ знаками, находимыми на геммахъ. Но это сходство можетъ доказывать также и отдаленную древность глаголицы, происхождение ея еще до появленія Богумиловъ. Если Богумиламъ будемъ приписывать изобрѣтеніе глаголицы, то какъ объяснить то, что по глаголитски писаны такіа сочиненія, которыхъ они не принимали? Извѣстно, что Богумилы отвергали ученіе Отцевъ Церкви и многія части Св. Писанія. Можно думать, что глаголица, возникнувъ еще до появленія ихъ секты, употребляема была крестившимися Славянами для цѣлей Православной Церкви и уже послѣ введенія кириллицы осталась за Богумилами. Допустивъ это, весьма вѣроятнымъ считаю, что послѣдующія ея судьбы, особенно исчезаніе ея соединено было съ гоненіемъ этой секты. Сколько извѣстно, гоненіе началось въ XI стол., послѣ паденія Болгарскаго царства, и успѣло съ господствомъ Сербскимъ. Очень могло статься, что Бабуны (имѣю доказательство, что слово Бабуны, употребляемое у Сербовъ—синонимъ слову Богумилъ), не покоряясь ни Греческому, ни Сербскому господству, удерживали для отличія древнюю письменность, чему нѣчто подобное было въ другихъ мѣстахъ. Подвергнувшись жестокому преслѣдованію, они черезъ сѣверную Македонію (Бабуныскія горы) уходили въ Боснію и оттуда переселялись въ Хорватію. Здѣсь встрѣтили ихъ Римскокатолическіе миссіонеры. Вѣроятно, для удобнѣйшаго обращенія этихъ Бабуновъ (называемыхъ здѣсь Pataveni) папа Иннокентій дозволилъ имъ глаголитскую письменность, которая вскорѣ потеряла свое древнее значеніе.

«Сдѣлавъ такое предположеніе, для котораго можно привести нѣсколько историческихъ повѣрокъ, легко можно будетъ, какъ мнѣ кажется, согласить мнѣнія какъ о древности глаголицы, такъ и о широкомъ ея распространеніи и пояснить исчезаніе въ земляхъ Православныхъ и возниканіе ея въ земляхъ Приморско-Хорватскихъ.

«Представивъ свое предположеніе, все-же не рѣшаю вопроса: когда и гдѣ изобрѣтена была глаголица, и древнѣе ли она кириллицы. Сознаваясь въ безсиліи своемъ отвѣчать съ достовѣрностію, напоминаю о предположеніи Кошутара. Ему между прочимъ казалось вѣроятнымъ, что глаголица уже существовала до Кирилла и Меодія. Вотъ слова его: Quod si quis dicat, glagoliticum alphabetum fuisse inventum jam ante s. Cyrillum, sed nondum adhibitum ad sacra, Cyrillum autem et

Methodium scripsisse caractere graeco. Я сдѣлалъ бы это предположеніе утвердительнымъ положеніемъ и выразилъ бы его такъ: — Св. Кириллъ нашелъ глаголицу, а Меодій (вмѣстѣ съ Кирилломъ?) послѣ *обратилъ* ее и Греческій алфавитъ въ Славянскую азбуку (кирилловскую). — Удерживая это мнѣніе, могу подкрѣпить его выводами изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ. Во-первыхъ, подвергаю суду ученыхъ слѣдующія слова изъ рукописи примѣчательнаго Апостола XII ст., упомянутого подъ числ. 4: «Въ тоиже дѣи почл блаженїи ѿцѣ нашъ Меодіе Архїпъ Моравескъ оучитель Словѣнскоу жъзыкоу иже прѣложи въскресна *сталъ* ꙗѣти ѿ Гречьска въ Словѣнскъ жъзыкъ. Писецъ, какъ замѣчено подъ № 4, зналъ глаголицу и кириллицу; употребивъ же два слова *преведе* и *ставилъ писати*, даетъ замѣтить, что хотѣлъ выразить ими два понятія: *преведе* (съ Греческаго) и *ставъ писати* съ Греческаго. Въ подтвержденіе сего предположенія привожу слѣдующія свидѣтельства, заимствуемая изъ древнихъ службъ свв. Кириллу и Меодію, находящихся у меня. Въ службѣ св. Кириллу нѣтъ и намека о томъ, чтобы онъ изобрѣлъ письмена. Напротивъ, въ службѣ св. Меодію въ самомъ началѣ сказано: — «Законъ благодати, наказателъ стажавъ си, сѣлю Меодіе, тѣмъ оубо бысть сватымъ боуквамъ прѣмждрь *обратникъ* и прѣдалъ еси своимъ людемъ и стадоу оученикѣ ихъ, и ниже чтѣще и поучаѣща въ сватыа книги благословать Господа». — Въ этомъ тропарѣ слово *обратникъ* заслуживаетъ особенное вниманіе. Ни въ лексиконахъ, ни въ рукописяхъ не нашелъ я, чтобы слово это могло означать обрѣтатель. Этимологія сего слова указываетъ на слово *обратити*, *vertere*: слѣдственно по смыслу тропаря выходитъ, что св. Меодій называлъ *обратникъ* отъ обращенія Греческаго алфавита (и глаголитскаго?) въ Славянскій примѣненіемъ Греческихъ буквъ къ извѣстнымъ уже въ Славянскомъ языкѣ *). — Собразявъ эти обстоятельство, спрашиваю, не достовѣрно ли могу заключить, что Меодій *сталъ первый писать Греческими буквами Славянскій языкъ* **). — И такъ что же заключить о Кириллѣ? Скажу сперва, что св. Кириллъ *не сталъ писать съ Греческаго*. Если это такъ, то остается заключить, что онъ писалъ особыми буквами. Послѣ такого заключенія съ большою достовѣрностію могу теперь

*) Слово *обратникъ* тогда только можно производить отъ слова *обрати*, когда будетъ доказано, что это слово принадлежитъ къ весьма небольшому количеству тѣхъ, въ которыхъ *н* замѣнено буквою *а* (напр. грахъ = грѣхъ).

**) Свидѣтельство легенды о св. Климентѣ, составленной уже позже не противорѣчитъ этому предположенію. Въ ней приписано св. Клименту то, что явно относится къ св. Меодію.

пользоваться извѣстіемъ Паннонскаго житія. «Обрѣтъ тоу Евангеліе и ѿалтырь *Родушкыли* писмены писано» и пр. Что же изъ сего слѣдуетъ? Мнѣ кажется, что нельзя никакъ толковать это мѣсто иначе, какъ въ пользу глаголиты, найденной св. Кирилломъ. Заключение очевидно». *) —

Таково мнѣніе В. Н. Григоровича. Удерживаясь отъ замѣчаній—и вмѣстѣ съ тѣмъ однако не считая нужнымъ скрывать, что остаюсь при прежнихъ убѣжденіяхъ, я припомню въ заключение, что вообще теперь господствуютъ три различныя мнѣнія о древности глаголицы:

— Григоровичъ, подобно Копитару, относитъ глаголицу къ періоду до-кирилловскому.

— Мнѣ думалось и думается видѣть въ глаголицѣ—какъ въ азбукѣ въ ея цѣлости, а не отдѣльно въ тѣхъ или въ другихъ изъ ея знаковъ — одно изъ нововведеній Славянъ христіанскихъ послѣ Кирилла, но не въ приморьи Хорватскомъ, а ближе къ Архипелагу, въ Болгаріи или гдѣ нибудь близъ нея.

— Защитники мнѣнія Прейса остаются при убѣжденіи, что глаголица образовалась, хотя—пожалуй—и не позже X в., въ Хорватскомъ приморьи, а не въ Болгаріи, Албаніи, Македоніи или гдѣ бы то ни было на востокѣ.

Какое изъ этихъ мнѣній если не дѣйствительно справедливо, то по крайней мѣрѣ болѣе сходно съ тѣмъ итогомъ фактовъ, которые теперь находятся въ виду? Свой личный отвѣтъ на этотъ вопросъ П. П. Шафарикъ предлагаетъ въ своемъ новомъ изслѣдованіи: «Pohled na prvověk hláholského písemnictví».

В.

ВЗГЛЯДЪ НА ДРЕВНОСТЬ ГЛАГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Записка П. П. Шафарика.

Имѣя въ виду то, что до сихъ поръ извѣстно о письменныхъ памятникахъ глагольскихъ, мы должны отличать въ ней два періода: *древній*, простирающійся до конца XII вѣка, и *новый*, начинающійся XIII вѣкомъ. Одинъ отъ другаго отличаются, кромѣ времени, мѣстностью и признаками письма.

Въ отношеніи къ мѣстности, замѣтимъ, что болѣшая часть памятниковъ перваго періода, т. е. за исключеніемъ двухъ или трехъ, неизвѣстнаго происхожденія, принадлежатъ по мѣсту, гдѣ написаны или найдены, Македоніи и краямъ окрестнымъ (монастырямъ Аоонскимъ, Охридѣ, Боянѣ, монастырю св. Іоанна Рыльскаго; въ Македоніи писано и Евангеліе Ассемани). Всѣ памятники втораго періода относятся къ землѣ Хорват-

ской, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ее Константинъ Порфирородный, считавшій въ ея границахъ часть нынѣшней Сербіи, все Приморье (Litorale), часть Хорватіи и Далмаціи до рѣки Нереты и близлежащіе острова.

Азбука глагольская перваго періода отличается отъ азбуки втораго періода и количествомъ знаковъ и ихъ видомъ. Въ древней азбукѣ было 38 буквъ; а въ новой 28, или съ Греческимъ ψ — 29: въ ней не достаетъ *с, н, о, ѣ, ѡ, ѣ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ*. Древнія глагольскія буквы округловаты, подобно Латинскимъ времени Карла Великаго; новыя, мало сходящіяся съ древними—угловаты, въ родѣ Латинской или такъ называемой Готической фактуры XIV — XV вѣка.

Обращаясь къ древнимъ глагольскимъ памятникамъ, отдѣляемъ въ нашемъ обзорѣ памятники чисто глагольскіе отъ остатковъ глаголицы въ рукописяхъ кирилловскихъ.

Памятники чисто глагольскіе:

1. Подпись Эрнесскаго священника Георгія подъ Греческой грамотой 982 года, въ Иверскомъ монастырѣ на горѣ Аоонской. Изъ другой грамоты Греческой 960 г. ясно, что въ городѣ Эриссо (Hierissos) жили Болгары. Нѣтъ причины сомнѣваться, въ справедливости свидѣтельства Архим. Порфирія Успенскаго (скончавшагося въ Іерусалимѣ въ 1850), который самъ видѣлъ эти грамоты въ 1845—46. (Жур. Мин. Нар. Просв. 1847. Іюль. 41. 56. *Миклошича*, Slaw. Bibliothek. 1851. I. 148. 149. 200).

2. Abecenarium Bulgaricum, т. е. списокъ глагольскихъ буквъ съ ихъ названіями на пергам. листѣ, въ Латинской рукописи (Парижской Библіотеки, № 2340), принадлежащей по мнѣнію Тустена и Тассина (Nouveau traité de diplomatique. 1750 4°. I. 708. tab. XIII. col. IX. Нѣмец. переводъ: Lehrbuch d. Dipl. von Adelung. Erf. 1759. 4°. Th. II. стр. 166.), къ IX — X вѣку (850 — 950), а по мнѣнію Копитара (Glagol. Cloz. Tab. II coll. p. IV. X. XXVI.) не позже какъ къ XI—XII вѣку. Буквы не всѣ, но ихъ начертаніе очень древне. Кажется, это случайная замѣтка, а не замысленный трудъ—можетъ быть, изъ времени первыхъ крестовыхъ походовъ, или распростра-ненія ученія Богомиловъ и Патареновъ изъ Болгаріи на Западъ, въ Италію и Францію.

3. Ассеманіево Евангеліе въ Ватиканской Библіотекѣ въ Римѣ. Эта пергам. рукопись въ 4° изъ 159 листовъ, писана, какъ видно изъ перечня святыхъ въ синаксарѣ и изъ обозначенія по-мѣсячной долготы дней, гдѣ нибудь въ Македоніи, и куплена въ 1736 г. у монаховъ Греко-Славянскаго исповѣданія. Она за-

*) Срав. Статьи кас. Древ. Слов. языка. Казань. 1832. стр. 53—70.

ключаетъ въ себѣ евангельскія чтенія на весь годъ по обряду Греко-Славянской церкви отъ Свѣтлаго Воскресенія до Великой субботы, въ порядкѣ, предписанномъ типикомъ и по Евсевіеву раздѣленію текста на главы. Текстъ чтеній занимаетъ 1—112 лист., далѣе до 158 л. календарь съ чтеніями на памяти святыхъ, а на листѣ 159 приготовленіе священника къ литургіи. Конца нѣтъ; равно и между 49 и 50 л. одного листа не достаетъ. Эта рукопись не можетъ быть древнѣе 916 года, года кончины епископа Великаго Климента, котораго имя находится въ числѣ святыхъ въ календарѣ; впрочемъ думаю, что она есть древнѣйшая изъ рукописей глагольскихъ, вѣроятно еще X вѣка. На стр. 46, 76 и 93 есть незначительныя приписки кирилловскими буквами позднѣйшаго времени; по слова и буквы кирилловскія при образахъ святыхъ и при украшеніяхъ, въ раскрашенныхъ начальныхъ буквахъ, кажется, современны. Рпись отличается Болгарскими формами **ст** вмѣсто **сц**, напр. людетиі, буквою **ц** вмѣсто **шт**, Греческими буквами **ф** и **о**, надстрочными знаками придыханій и т. п. (*Caraman, identità della lingua letterale Slava. §. 95. Assemani Kal. eccl. IV. 52. Dobrovsky Instit. ling. Slav. стр. 688—689. Mai, Script, veter. nova coll. Romae. 1831. V. стр. 101 слѣд. Silvestre Paléographie univ. I. Kopitar. Glag. Cloz. стр. IV. X. XXVIII. Kopitar Hesychii discipulus. 1840. стр. 39—41.*

4. Четвероевангеліе В. И. Григоровича въ Казани. Перг. рпись въ 4^о на 172 лист. Не достаетъ начала, конца и 167 л. Письмо мелкое, поблеклое; списокъ неправильный. Листъ 134, гдѣ начало Евангелія св. Іоанна, писанъ кирилловскими буквами, есть кирилловскія приписки и по краямъ, но, кажется, позднѣйшія. Эта рпись, принадлежавшая прежде одному изъ самыхъ старыхъ монастырей Афонскихъ, кажется, не позже XI вѣка, а можетъ быть и старше. Въ ней есть **шт** и **ц**, **сц** вмѣсто **ск**, **з** часто какъ смягченіе **г** (мнози — какъ dz по Молдавеки). Отрывокъ напечатанъ въ *Slav. Bibliothek, Миклошича, I. стр. 262—263.*

5. Боянскій палиimpseстъ Евангелія, у В. И. Григоровича въ Казани. Евангелія, писанныя кириллицей, въ XII—XIII вѣкѣ, покрываютъ стертое глагольское письмо, такъ что остались видны и то кое-гдѣ только слабыя слѣды отдѣльныхъ буквъ. На снискѣ одной страницы, мнѣ сообщенномъ, я разобралъ текстъ Ев. Марка VII: 31—37, и въ буквахъ замѣтилъ всѣ признаки древнѣйшихъ глагольскихъ памятниковъ. Эта рпись принадлежала храму мѣстечка Бояны близъ Софіи или древняго Средца (Sardica).

6. Евангеліе Зографскаго монастыря на Афонской горѣ. Пергам. рпись въ 8^о, уже неполная и берегаемая на цѣпи. Ее видѣли Мина, Михановичъ, Григоровичъ (1844) и Авраамовичъ (1846). В. И. Григоровичъ относитъ ее къ XII вѣку. Синаксарь писанъ въ пей кирилловскими буквами (Аугаатовіѣ Sveta gora. 1848. стр. 169).

7. Glagolita Clozianus. Эта рпись—12 пергам. листовъ въ 4^о—по мнѣнію Копитара, издавшаго ее (Вѣна 1836.), принадлежитъ къ XI вѣку, и заключала въ себѣ, какъ можно судить по сигнатурѣ одного листа, болѣе 300 листовъ, вмѣщая въ себѣ кромѣ поученій св. Отцевъ и другія сочиненія. Еще въ XV вѣкѣ рпись была сохраняема вполне въ прекрасномъ переплетѣ у графа Ивана Франгепани (— 1482 въ Венеціи), владѣтеля острова Кръка; потомъ уже только часть ее досталась Кръчскому священнику Лукѣ de Reynaldis, а отъ него въ подарокъ р. Брейзахеру въ 1500, отъ котораго по наслѣдству или же, какъ объясняетъ Д. Фабіаничъ, прямо изъ библіотеки Кассіонскаго монастыря перешла къ графу П. Клоцу въ Тридентъ. Почеркъ мелкій, правильнѣй, довольно похожій на почеркъ Евангелія Григоровича. Встрѣчается Греч. **ф**, **шт** постоянно, **сц** вмѣсто **ск**. Кирилловскаго нѣтъ ничего (Kopitar. Glag. Cloz. Vind. 1836. F. Donato Fabianich. Alcuni cenni sulle scienze etc. Venez. 1843. 8^о стр. 45).

8. Отрывокъ изъ Евангелія у А. Михановича въ Цареградѣ. Два перг. листка въ 8^о. 124 строки. Евангелія св. Матвѣя гл. 5 и 6 пецѣлья. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—это выдирка изъ Евангелія Зографскаго. По краямъ и кое-гдѣ въ текстѣ позднѣйшія приписки и поправки кириллицей. Правовисаніе до нѣкоторой степени особенное: **шт** и **ц**, и рѣдко, иі иногда и т. д.

9. Пергаменный листъ съ отрывками другаго у В. И. Григоровича. Письмо стертое или смытое, такъ что разубнать можно только то, что въ рписи заключались духовныя рѣчи, и что листъ долженъ быть отнесенъ къ рукописямъ перваго періода. (Доказательство: въ прѣвѣмъ мѣрѣ).

10. Обрѣзанный пергаменный листъ у В. И. Григоровича. Чтенія изъ Евангелія св. Іоанна. Одинъ изъ этихъ двухъ листовъ принадлежалъ монастырю св. Іоанна Рыльскаго.

Памятники кирилловскіе съ примѣсью глаголицы:

1. Тринадцать словъ св. Григорія Назіанзина. Пергам. рпись на 377 листахъ въ 4^о въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Сѣпетербургѣ. Глагольскія буквы найдены были въ ней покойнымъ П. И. Прейсомъ (п, с, і, ъ и ј) и В. И. Григоровичемъ.

вичемъ (с). Изъ этого должно заключить, что это списокъ съ рукописи глагольской; переписчикъ былъ Русскій, вѣроятно, Новгородецъ (*П. И. Кеннена*, Библиогр. листы. стр. 85—91. *П. И. Кеннена* и *А. Х. Востокова*, Собрание Слав. пам. стр. 50).

2. Отрывки изъ Псалтыря съ толкованіемъ св. Аонасія (?) принадлежавшіе Митрополиту Евгенію, а теперь М. П. Погодину. Всего 20 перг. листовъ въ 4^о (Псалмы 96 и 97 вполнѣ, 85, 88, 95, 98, 102 и 103 нецѣлые, гимны изъ Второз. гл. 32, 1 Цар. гл. 11, Пс. гл. 26 и Авак. гл. 3.). Знайки—Кенненъ, Калайдовичъ, Востоковъ, Копитаръ и другіе—отнесли эту рпись къ XI вѣку. Переписана Русскимъ—съ рукописи глагольской, какъ видно изъ буквъ ѡ, и и оу и изъ нѣкоторыхъ знаковъ. (*Кенненъ*, Списокъ пам. 22—24. *Калайдовича* Иоаннъ Экз. Болг. 97. *Копитаръ*, Glag. Cloz. X. и 41).

3. Псалтырь съ толкованіемъ св. Аонасія (?) въ Болоніи въ Библиотекѣ канониковъ св. Августина у св. Спасителя. Эта пергам. рпись въ 4^о писана Иосифомъ и Тихотой (другая половина, кажется, Бѣлославомъ) въ Охридѣ, въ деревнѣ Равиѣ, при царѣ Асенѣ, именно, безъ сомнѣнія, при Асенѣ I (1186—1195), потому что второй назывался и писался Иоаннъ Асенъ (1217—1241), третій Михаилъ Асенъ (1245—1258) и т. д. Въ ней, на снимкѣ лицевой стороны 143 л. у Сильвестра, четыре раза глагольское ѡ, а на листѣ 157 въ толкованіи 96 псалма въ трехъ строчкахъ написаны глаголицей цѣлыя слова, да и по нѣкоторымъ чертамъ можно заключать, что все писано было съ глагольскаго списка. (*Добровский*, Instit. стр. 686 и XI. *Silvestre*, Paléographie. I. *Konitapъ*, Hesyeh. disc. 34 — 39.)

4. Охридскій Апостолъ у В. П. Григоровича. Пергам. рпись въ 4^о на 111 лист., безъ начала и конца, заключающая въ себѣ Апостольскія дѣянія, посланія и синаксарь, вѣроятно XII вѣка. Она принадлежала церкви св. Климента въ Охридѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, была и писана. Въ ней, кромѣ отрывочныхъ буквъ глагольскихъ, на лист. 13 глаголицей написано 15 строкъ, а на лист. 98—15 строкъ. Замѣтны двѣ руки: одна была болѣе привычна къ кириллицѣ, а другая къ глаголицѣ: первой принадлежатъ ѣи вмѣсто ѣи и ѣ въ значеніи ѣа; вторая, можетъ быть, древнѣе.

Вотъ все что до сихъ поръ открыто: десять памятниковъ глагольскихъ, (одинъ только обозначенный годомъ) и четыре кирилловскихъ съ примѣсью глаголицы. Не сомнѣваюсь впрочемъ, что и нѣкоторые другіе древнія рукописи, въ которыхъ

нѣтъ никакой примѣси глагольскихъ буквъ, списаны были съ глагольскихъ: онѣ отличаются особенностями и правописанія и языка. Особенности этого рода заставляютъ меня предполагать, что и Супрасльская рукопись переписана была, хотя и не прямо, съ рукописи глагольской, и именно гдѣ нибудь между Тиссою, Дунаемъ и Диѣпромъ, на землѣ, теперь уже совершенно или болѣею частію населенной Румунами, и вѣроятно уже въ X вѣкѣ. О псалтырѣ съ толкованіемъ св. Оеодора, сохранившемъ въ списокѣ XV вѣка (Румиц. Муз. СССРXXXIV), замѣтилъ Востоковъ, что сходство языка съ языкомъ перевода Григорія Назіанзина въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ наводитъ на мысль, не оба ли перевода сдѣланы однимъ и тѣмъ же переводчикомъ. Можно догадываться, что и Шинатовское Евангеліе XIII в. также списано съ глагольскаго списка: въ немъ много древнихъ аористовъ, въ нѣмъ вмѣсто цѣнимъ, тачѣи ипр. Списокъ Псалтыря съ толкованіемъ св. Аонасія, Болгарская рукопись XI—XII вѣка у Погодина заключаетъ въ себѣ также нѣкоторые слѣды глаголицы (иѣ вмѣсто ѣи и т. п.). Миклошичъ отсчитываетъ къ рукописямъ переписаннымъ изъ глаголицы и Вѣнскій списокъ Антихова папекта и два Евангелія изъ числа Копитаровыхъ.

Что касается до примѣси глагольскихъ буквъ и словъ въ кирилловскихъ рукописяхъ, то она произошла, по моему мнѣнію, не отъ одного навыка писцовъ къ азбукѣ глагольской, а отъ разныхъ причинъ: у не-Болгаръ—отъ недосмотра (какъ въ списокѣ словъ Григорія Наз.) или отъ преднамѣренной переписки раскрашенныхъ начальныхъ буквъ (какъ въ Псалтырѣ Евгеніевскомъ), у Болгаръ—отъ невнимательности постороннихъ помощниковъ, вѣншавшихся въ дѣло переписчиковъ безъ ихъ вѣдома (такъ Бѣлославъ написалъ своему брату Иосифу страницу въ Псалтырѣ на листѣ 105, а позже дописалъ конецъ отъ пс. 77 на листѣ 120 и слѣд.) Что же касается до рукописей глагольскихъ, гдѣ встрѣчаются кирилловскія слова по краямъ и въ раскрашенныхъ начальныхъ буквахъ (какъ въ Евангеліи Ватиканскомъ) и цѣлыя отрывки (какъ въ Евангеліи Григоровича начало Евангелія Іоанна, а въ Зографскомъ синаксарѣ), то эти рукописи сами по себѣ еще не доказываютъ что онѣ переписаны непосредственно съ кирилловскихъ. Всѣ эти приписки и вставки могутъ быть позднѣйшаго времени; а если и современны, то доказываютъ только то, что обѣ азбуки употребляемы были въ одно время въ томъ мѣстѣ или краѣ, гдѣ рукописи были писаны. Признаки переписки изъ кириллицы глаголицей еще не совершенно опредѣлены.

Изъ всѣхъ обозрѣнныхъ памятниковъ только два обозначены временемъ: подпись Георгія 982 и Болонскій псалтырь 1186—1195, какъ писанный во время Асеня I. Къ этимъ двумъ даннымъ можемъ присоединить и еще одно, не менѣе важное. Въ 1047 году въ Новгородѣ для князя Владимира Ярославича была переписана книга Пророковъ, которой списатель, «попъ Ушрь Лихый» на концѣ въ припискѣ замѣтилъ, что онъ переписалъ ее «не коуриловиць»: эта приписка повторена въ двухъ спискахъ XV вѣка, (*Востокова*, Остром. Еванг. стр. II—III). Очевидно, что здѣсь куриловица означаетъ (не книгу, по) азбуку Кириллову, и что такая замѣтка была бы неумѣстна, если бы не было не-кириллицы, т. е. глаголицы, изъ которой также переписывались книги. Справедливость этого заключенія подтверждается случайно тѣмъ, что были дѣланы списки и изъ глаголицы, около того же времени, около половины XI вѣка — слова Григорія Назіантина и Псалтырь съ толкованіями. Кромѣ того, вѣкъ Парижскаго списка глаголицы (XI—XII в.) опредѣляется довольно вѣрно почеркомъ латинскихъ буквъ. Объ остальныхъ же памятникахъ можемъ сказать, что ни во внѣшнемъ видѣ письма и пергамина, ни въ чертахъ ихъ правописанія и языка нѣтъ ничего, что бы мѣшало отнести ихъ къ X—XII вѣку.

Увѣряясь, что глаголица была извѣстна и употребляема во второй половинѣ X вѣка въ Македоніи, — въ Эрессѣ, близъ Солуни и Аоонской горы, не можемъ не вспомнить о Славянскихъ первоучителяхъ Кириллѣ и Меодіи, родомъ изъ Солуни, и объ ихъ помощникѣ Климентѣ, родомъ Болгаринѣ, бывшемъ епископѣ Великомъ, въ землѣ Дряговичей и Сакулатовъ, на сѣверъ отъ Аоона и Солуни. Здѣсь прежде всего должны мы рѣшительно отказаться отъ предположенія, что изобретателями обѣихъ азбукъ, кирилловской и глагольской, были св. братья первоучители, Кириллъ и Меодій. Первый ихъ жизнеописатель, если не ошибаюсь, самъ Климентъ *) ясно говоритъ, что Кириллъ, готовясь на путь въ Мораву, и узнавъ, что у Славянъ нѣтъ буквъ, уже въ Цареградѣ занялся составленіемъ азбуки и переводомъ Евангелія. Мнѣхъ Храбръ, жившій въ послѣднее время царствованія Симеона († 927) **), это подтверждаетъ, говоря, что эта азбука Кирилла была собственно Греческая, только умноженная 14-ю буквами; и какъ онъ называетъ эту азбуку Славянскою, а не Болгарскою, какъ называютъ ее и въ вѣка и народы, употребляя выраженія «азбука Славянская»

*) См. Извѣстія I. стр. 293.

**) Извѣстія. I. 300 — 301.

и «кириллица» какъ однозначія. И конечно, въ виду у Кирилла, вполне знавшаго по Славянски, хотя родомъ и Грека (*Ῥωμαῖος τὸ γένος*), быть близкій примѣръ азбуки Готоской и Контекой, составленныхъ по образцу Греческой, которому легче было слѣдовать, чѣмъ образцамъ совершенно чужимъ, для него и для его сотрудниковъ болѣе тяжелымъ, напр. Иберскому, Армянскому и т. д.

Напротивъ того о Климентѣ есть свидѣтельство, открытое счастливымъ путешественникомъ нашимъ В. И. Григоровичемъ, которое позволяетъ догадываться, что именно онъ былъ изобрѣтателемъ глаголицы. Это свидѣтельство находится въ краткой Греческой легендѣ о Климентѣ, найденной В. И. въ списокѣ XIII в. въ Охридѣ: *ἐσοφίσατο δὲ καὶ χαρακτῆρας ἐτέρους γραμμάτων πρὸς τὸ σαφέστερον ἢ οὗς ἔξεῦρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος*, т. е. изобрѣлъ (*vymyslil*) онъ и другіе знаки письменъ, явственнѣе (*zřejměji*, *patrněji*) тѣхъ, которые открыты были ученымъ Кирилломъ. Хотя здѣсь азбука глагольская и не упомянута, можетъ быть, потому что и не называлась еще тогда этимъ именемъ, и хотя объ этомъ и нѣтъ упоминанія въ болѣе древнемъ и обширномъ жизнеописаніи Греческомъ св. Климента (изд. въ Моск. полн. 1741, въ Вѣнѣ у Памперя 1802, въ Вѣнѣ же Миклошичемъ 1847); тѣмъ не менѣе съ одной стороны очевидно, что жизнеописатель думалъ о глаголицѣ, такъ какъ третьей особенной азбуки Славянской нѣтъ, а съ другой, что всѣ обстоятельства оправдываютъ основательность и правдивость этого преданія. Принимая это преданіе хоть и не за доказанный фактъ, а за извѣстіе очень правдоподобное, взглянемъ на нѣкоторые обстоятельства, которые по видимому ему противорѣчатъ или его подтверждаютъ. Прежде всего мы должны удивляться, что Болгарскій монахъ Храбръ, свидѣтель такой близкой и такъ хорошо знакомый съ дѣломъ, говоря объ азбукѣ Славянской, не упоминаетъ ничего о глаголицѣ; здѣсь можно бы примѣнить только его слова: «Славянскыи шмена . . . по стражѣтьсѣ и еще . . . оудобѣ бо есть послѣжде потворити, неже пръвое створити»; но они, по моему мнѣнію, касаются легкихъ перемѣнъ въ кириллицѣ, какъ напр. ѣ вмѣсто ѣ у Сербовъ, ы вмѣсто ѣ, а вмѣсто ѣ и т. п. Странно и то, что въ болѣе древней легендѣ о св. Климентѣ объ этомъ изобретеніи нѣтъ ни слова. Впрочемъ изъ простаго умолчанія ничего не слѣдуетъ. Съ другой стороны преданіе подтверждается слѣдующими обстоятельствами. — 1. Мѣстность и время сходятся: Климентъ былъ первымъ Болгарскимъ епископомъ изъ Болгаръ, явивъ въ 886—916 въ западной Бол-

гарин, въ Албаніи и Македоніи (въ Охридѣ, Дѣволѣ, Велицѣ), заботился о просвѣщеніи народа и самъ занимался книгами. Въ его же пастырскомъ округѣ, или по крайней мѣрѣ по близости находимъ и древнѣйшіе остатки глаголицы, доходящіе въ глубь времени до 982 года. 2. По своему устроению глаголица не древнѣе кириллицы, а напротивъ есть подражаніе ей. Употребленіе буквъ въ значеніи цифръ отлично; по названія буквъ тѣ же, равно и подборъ ихъ, отъ чего два *ера*, два *и*, составной знакъ (два *о*) для *у*, и кромѣ всего *ѣ* и *ѡ* — противъ системы, потому что въ глаголицѣ не употребляется ни *ѣ* ни *ѡ*. 3. Переводъ библейскихъ книгъ — Евангелія, Апостола и Псалтыря въ рукописяхъ кирилловскихъ и глагольскихъ, одинъ и тотъ же, только съ нѣкоторыми переменами и исправленіями. 4. Литургическія книги глагольскія, какъ видно изъ ихъ содержанія приготовлены были, для неповѣдующихъ Греческое Православіе, а не для Римско-Католиковъ. Уже позже эти книги, оставленныя въ Македоніи и остальной Болгаріи, были перенесены въ Хорватской землѣ и въ Далмаціи по навѣску Римской церкви, такъ однако, что переводъ библейскихъ книгъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, измѣненныхъ по вульгатѣ и приравленію языка къ мѣстному нарѣчію, остался вполнѣ прежній. 5. Глагольская азбука названа Болгарскою не только въ рукописи Парижской, но можетъ быть и въ Болгарскомъ перечнѣ народовъ и языковъ (у меня и у Григоровича): «православныхъ языкъ кетъ пять и имѣтъ три книги (т. е. азбуки) Гръчска, Шверска и Българска» (StaroŹ. Slov. стр. 997) Съ названіемъ за одно идутъ рядомъ болгаризмы: домотъ, сло-готъ, денетъ, домтъ и пр., встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ рукописяхъ глагольскихъ и въ списанныхъ съ нихъ кирилловскихъ. 6. Особенное почитаніе древними глаголитами епископа Климента выразилось въ томъ, что имя его въ списахъ Ватиканскаго Евангелія освящено на равнѣ съ именами св. Кирилла и Меодія. Все это очень годится для подтвержденія преданія объ изобрѣтеніи Болгарской азбуки св. Климентомъ. Впрочемъ это не исключаетъ возможности иного происхожденія глаголицы, хотя бы и современнаго Клименту.

Спросить ли кто, что бы могло навести Климента, читателя заслугъ Кирилла, на мысль о другой азбукѣ для Болгаръ, и изобрѣсти новую, или воспользоваться какою нибудь древнею? Въ отвѣтъ на это мы не можемъ сказать ничего вѣрнаго. Климентъ могъ считать не неумѣстнымъ чтобы у Болгаръ рядомъ съ азбукой обиходной, свѣтской, была и священная, церковная, какъ это было у народовъ Восточныхъ: здѣсь кстати вспом-

нить, что въ одномъ Греческомъ Евангеліи X в. въ Охридѣ В. И. Григоровичъ нашелъ на краѣ 9 писемъ, похожихъ на глагольскія, съ надписью: *ἱεροῦ χαρακτῆρος*. Онъ могъ и пайти у Болгаръ азбуку древнюю, уже мало извѣстную, желать сохранить ее — и умножить по системѣ кириллицы и уравниль съ нею. Эта древняя азбука могла принадлежать народу Фракіискому, Македонянамъ, Эпиротамъ, Иллирамъ и т. п., или же собственнымъ Болгарамъ (племени Сѣверскаго, Урало-Алтайскаго), или самимъ Славянамъ, которымъ Храбръ приписываетъ черты и рѣзы (или мѣты, откуда мѣтельникъ — *potarius*). Близъ Дряговичей жили въ Македоніи Сакулаты, соплеменники и безъ сомнѣнія соплеменники тѣхъ Сакуловъ или Селюковъ въ Седмиградѣ, у которыхъ — по нѣкоторымъ старымъ свидѣтельствамъ — была особенная азбука, хотя впрочемъ то, что выдается за азбуку Сакульскую почти совсѣмъ не сходно съ глаголицею, такъ же какъ и недавно найденная азбука Арнаутская. Мнѣ по крайней мѣрѣ не посчастливилось нанести на болѣе древнюю азбуку, съ которую бы глаголица была въ такомъ же сродствѣ, какъ Готская, Коптская или Кириллова съ Греческою. Сходство отдельныхъ буквъ можно, при успѣхахъ найти всюду. О сходствѣ азбукъ можно сказать тоже, что о сходствѣ языковъ: всѣ менѣе или болѣе сходны, хотя и не находятся одинъ съ другимъ въ родственной зависимости. Противъ происхожденія глаголицы отъ азбуки болѣе древней, за новостъ ея говорить ея правильное развитіе изъ двухъ первичныхъ чертъ — кружка и прямой линіи.

Всматриваясь въ характеръ глаголицы, въ особенности ея правописанія и языка, не лзя прежде всего не обратить вниманія на внѣшній видъ буквъ, и въ этомъ случаѣ не отличить разницу между знаками простыми и сложными, присоединя къ оннымъ и связки буквъ (лигатуры) и не замѣтить правильное развитіе буквъ изъ простаго соединенія кружковъ съ простыми чертами, или же иногда простой выворотъ ужъ готовой буквы. Такъ глагольское *д* есть вывороченное *в*, и самое *и*, отличающееся только соединительною чертою; *с* — вывороченное *і*, *а* — вывороченное *е*, и пр. Нѣкоторыя буквы похожи одна на другую въ половину, напр. *ѡ* и *ѡ*, *ѡ* и *ѡ* и др. Сложныя буквы составлены такъ: *ѡ* изъ *ѡ* и *і*, *ѡ* изъ двухъ *ѡ*, *ѡ* изъ *ѡ* и *ѡ*, *ѡ* изъ *ѡ* и *ѡ*, *ѡ* изъ *ѡ* и *ѡ*. Особенно замѣчательно, что *ѡ*, составлено не какъ въ кириллицѣ изъ *ѡ* и *ѡ*, но изъ двухъ сложенныхъ *ѡ* (какъ въ Греческомъ *ѡѡ* происходить изъ двухъ *ѡѡ*). Подробное разсмотрѣніе сходства глагольскихъ буквъ съ другими я оставляю: кто бы захотѣлъ срав-

ивать, нашеть бы сходство *a* съ рун. *ar*, *b* съ обороч. Пальмир. *beth*, и Армян. *ben*, *z* съ Армян. *ghad*, *e* съ Финик. Еврейск. Греч. и Итал. *heu*, *je* съ Арм. *dieu*, *u* съ Евр. Греч. Итал. Куф. *cheth* (или *g*), *i* (*j*) съ Финик. и Самар. *jod*, *k* съ Евр. и Арам. *koph*, *n* съ Итал. *rheu* и Арм. *rjen*, *p* съ обороченнымъ Финик. Еврей. Греч. Итал. и Армян. *reš*, *t* въ формѣ **Ѡ** (замѣченнымъ мною въ Болнискомъ палимпсестѣ) съ Финик. Еврей. и Нумид. *tav*, *x* съ Армян. *che*, *ш* съ Финик. и Еврей. *šin*, и т. д. Съ Секельскими сходны *e*, *o*, *a*, и *ж*, а можетъ быть и нѣкоторыя другія. (Азбука Гуинская, приписываемая Аттилѣ, сходна съ глаголицей только въ томъ, что такъ же сложена изъ кружковъ и прямыхъ чертъ). Но все это — сравненія отдѣльныхъ буквъ, а не всей азбуки или большей ея части. Рисунокъ нѣкоторыхъ буквъ (напр. *ъ*, *ь*, *и*, *е*, *о*) позволяетъ думать, что онѣ заимствованы изъ азбуки, которою писали отъ правой руки къ лѣвой, какъ Семитическою, Секельскою и пр.; инныя же кажутся уже выворочены, напр. *б*, *п*, *а*. Сколько же пмемно буквъ было въ азбукѣ глаголкей сначала, вообще опредѣлить трудно, потому что въ рукописяхъ при употребленіи нѣкоторыхъ есть отклоненія и неравенство. Копитаръ началъ ихъ 38, что странно сходится съ первоначальнымъ счетомъ кирилловскихъ буквъ, по извѣстію Храбра.

Упомянувши выше о признакахъ глагольскихъ рукописей и перенесенныхъ съ нихъ кирилловскихъ только мимоходомъ, остановимся теперь на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ. Онѣ касаются а) или буквъ и правописанія б) или измѣненія и употребленія словъ, в) или вообще слога и его цвѣта. Важнѣйшія по каждому изъ трехъ отдѣловъ суть слѣдующіе:

а. Въ глаголицѣ нѣтъ *е*, а всегда просто *е*: еже, етеръ, езеро. Такъ и *а* часто безъ *к*: азъ (Срб. *изъ*), авѣ, авити, абъко. Буква *ѣ* служитъ за *ь* и *и*, какъ выговаривается эта буква у Болгаръ и Валаховъ, (= *ea*, *ia*, *a*), отчего употребленіе *ь* вмѣсто *и* вкоренилось глубоко и въ чисто кирилловскихъ рукописяхъ у Болгаръ и Сербовъ въ XI—XIII в. *ѣко* = *іко*, *сѣти* = *снати* (*fulgere*), отъ безоумѣ, мати твоѣ. Отсюда *ѣ* и мѣсто *ѣа*, *ѣи*: *сѣно* = *сѣно* (*seminatum*), *сѣвышоу* = *сѣавышоу*. Напротивъ того часто *ю* вмѣсто *оу*: *июнца*, *творящоу*, не *чюсть*. Вмѣсто *и* или *ы* употребляется *и* (только въ Охридскомъ Апостолѣ, въ первой припискѣ *и*): *ти* (*tu*), *ми* (*nos*), *мижы* (*tormenta*). Полугласныя *ъ* и *ь* помѣшаны и чаще употребляется *ъ*: *слъице*, *тъма*, *немошть*, *виждъ*, *есть*, *сѣтъ* (въ 3 лицѣ всегда *ъ*). Вмѣсто *ъ* часто *о*: *во*, *сопъмъ*, *токю*; а вмѣсто *ь* иногда *е*: *отецъ*, *темища*. Вмѣ-

сто Греч. *υ*, Кирилльскаго *υ* или *у* всегда стоитъ или *ю* или *оу*: *кюриль*, *оунокрити*. Полнозвучное *и* часто стиснуто въ полугласное *ь*: *тъжы* (*gravior*), *сѣжъ* (*hanc*), *абые* (*protinus*), и особенно въ отглагольныхъ на *и*: *паданые*. Вставка *и* или измѣненіе и въ *л* послѣ губныхъ опускаются: *ослѣпѣнь*, *изѣшнихъса*, *корабъ*. Повтореніе двухъ *и* избѣгается: *снѣ* (*hi*), *иного*, *паоучѣи*. Въ употребленіи *ет* и *ецъ* при смягченіи *с* нѣтъ единства: въ нѣкоторыхъ рукописяхъ *ет* по Болгарски, въ другихъ *ецъ* по Сербо-Хорватски. Употребленіе *оѣ* вмѣсто *ю*, равно какъ и вставочнаго *г* (въ *евга* и т. п.) въ рукописяхъ кирилловскихъ само по себѣ есть признакъ вообще Болгарскій, а не глагольскій преимущественно.

б. Въ склоненіи и спряженіи есть много старины, напр.: *аего* = *ааго*: *малаго* (Ев. Григор. Марк. XV: 40), — *оуемоу* = *оуоуемоу*: *ослабѣноуемоу*, — *ѣамъ* = *ѣѣмъ*: *праведѣѣамъ*; — *атъ* = *етъ* (3 л. наст.): *сѣѣтъ* (*спнаетъ*, *fulget*), *сѣѣтъ* (*seminat*), *обрѣѣтаѣтъ*, *отврѣѣзаѣтъ са*, *сѣѣлаѣтаѣтъ*. Особенныя двѣ формы аориста очень часто: 1. *ѣасъ*, *ѣасомъ*, *ѣаса* (= *ѣахъ*, *ѣахомъ*, *ѣаша*); *ѣаша* (= *ѣдоша*); *пѣша* (= *песоша*); 2. *падъ*, *падомъ*, *падѣ* (= *падохъ*, *падохомъ*, *падоша*), *могъ*, *могомъ*, *могѣ* и т. п. *бѣ* (= *бѣша*). Замѣчательно, что многія изъ этихъ формъ находимъ и въ древнемъ Чешскомъ, а слабыя слѣды и въ древнемъ Хорутанскомъ и Польскомъ. Вообще очень употребительны сокращенія: *оубѣждъ* (= *оубѣдивъ*), *ремишъ* (= *рекомѣи*) и пр., такъ что и немощъ вмѣсто не можетъ въ Еванг. Ватик. не кажется простой ошибкой писца. — Изъ словъ вспоминныхъ: *небескъ* (= *небеснъ*), *земьскъ* (= *землянъ*), *братръ* (= *братъ*), *сѣтъ* (*inquit*), *вѣштити* (= *цѣштити*), *тачае* = *тачѣ* (= *хоужденъ*, *deterius*), *обдо* (*tesaurus*): эти и многія другія слова встрѣчаются только въ кирилловскихъ перепискахъ съ глаголицы. — Если бы родина этихъ формъ и словъ могла быть найдена гдѣ нибудь въ Югославянскихъ земляхъ, то паль бы новый радостный свѣтъ на темное начало глаголицы.

в. О слогѣ замѣтимъ вкратцѣ, что вообще и особенно въ тѣхъ памятникахъ, которые были, какъ кажется, съ самаго начала трудомъ глагольцовъ, на пр. въ Сборникѣ Клоца, въ Словахъ Григорія Назіанзина, въ толкованіяхъ Псалтыря и т. д. слогъ менѣе правиленъ, чѣмъ въ памятникахъ чисто кирилловскихъ, хотя послѣ и перенесенныхъ въ глаголицу, т. е. книгахъ библейскихъ и богослужебныхъ.

Собравши безпристрастно все вышеобозначенныя свѣдѣтельства, какъ преданій и исторіи, такъ и характера буквъ,

правонписанія, языка и слога, не можемъ отказаться отъ предположенія, что глаголица, какъ находимъ ее въ древнѣйшихъ рукописяхъ, хотя и близко подходитъ къ древнѣйшему времени кириллицы, но ни въ какомъ случаѣ не древнѣе. Неизвѣстно, какъ и отъ чего она могла явиться, можетъ быть, подъ вліяніемъ самого епископа Климента, гдѣ нибудь въ глубинѣ Югославянства, въ Македоніи, Илиріи, въ церковномъ округѣ этого архипастыря; и оттуда, утративши свое значеніе дома, перенесена частно въ Далмацію и къ Хорватамъ, гдѣ и стала образовываться независимо отъ первоначальныхъ образцовъ. Азбука глагольскія, какъ она представляется въ древнѣйшихъ памятникахъ, была устроена по образцу кириллицы, хотя, быть можетъ, большое число буквъ не просто выдуманно, а перенято изъ другой Славянской или не-Славянской азбуки, болѣе древней. Переводъ Евангелія, Посланій и Псалтыря въ основѣ своей тотъ самый, который сохранился въ древнѣйшихъ рукописяхъ кирилловскихъ, и который единогласно всеми древними свидѣтельствами приписывается св. Кириллу и Меодію; онъ былъ только вновь пересмотрѣнъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно измѣненъ. Какъ эти перемѣны перевода Кириллова, такъ и языкъ подлинныхъ глагольскихъ переводовъ носитъ на себѣ характеръ особеннаго мѣстнаго (krajinského) нарѣчія, котораго родина еще не разгадана и котораго старобытный строй удивляетъ языкознателя. Приписывать его архаизмы какому нибудь древнему до-Кирилловскому переводу священныхъ книгъ, писанныхъ для нужды частной, домашней, а не церковной, азбукой Греческой, Латинской или глагольской, и позже только привоенному Кирилломъ и Меодіемъ: этого не можетъ допустить Исторія. Она допустить можетъ только то, что въ краѣ, гдѣ жили первые глаголиты, эти архаизмы были въ общемъ употребленіи, а потому и вошли въ глагольскія книги при переписываніи ихъ съ кирилловскихъ. Кажется при томъ, что первыя мастерскія глагольщины, все находившіяся въ небольшомъ краѣ, въ Охридѣ, Велицѣ, монастыряхъ Аеоискіхъ, (если только мы не ошибаемся, что онѣ были здѣсь), очень рано, можетъ быть скоро послѣ перваго паденія царства Болгарскаго (1018), перестали дѣйствовать, а послѣ этого сѣмя ихъ мысли перенесенное въ другой край, въ Далмацію и землю Хорватскую, приняло удачіе и принесло болѣе обильные плоды. По возобновленіи царства Болгарскаго во время Асена, 1186, находимъ уже кириллицу господствующею исключительно при дворѣ (грамоты Асена, надписи на монетахъ писаны кириллицей) и въ церкви: глаголицу переписывали кириллицей (Псал-

тырь Болонскій въ Охридѣ 1186—1195, палимпсестъ Боянскій и т. д.), но не на оборотъ. Глаголицѣ достался тотъ же удѣлъ, что и кириллицѣ: та и другая, утративши жизненную силу въ своей родинѣ, разцвѣла полнымъ цвѣтомъ внѣ ея границы. Выше мы замѣтили, что два очень древнихъ памятника кириллицы (Слово Григ. Наз. и Псалтырь съ толкованіемъ св. Аонасія) переписаны были Русскимъ. Какъ это объяснить? Можно бы сказать, что тѣмъ же путемъ, которымъ пришла въ Русь книги Славянскія вообще, могли придти и глагольскія. Уже въ другомъ мѣстѣ (Cas. Ces. Mus. 1848. св. I.) мы замѣтили, что по крещеніи Владимира, 988, Русь не могла обойтись безъ Славянскихъ книгъ, и что до Ярослава церковные пѣвцы на Руси были Болгары. Но это неопредѣленно; скажу опредѣленнѣе: разрѣшеніе этой загадки находится въ дѣяніяхъ великаго князя Ярослава (1019 — 1054), основателя Русскаго монастыря на горѣ Аеоискій, близъ мастерской глаголицы. Я полагаю, что преимущественно изъ этого монастыря доставляемы были книги Славянскія для Русскихъ, особенно для Новгорода, и что онѣ были переписываемы не только изъ рукописей кирилловскихъ, но и изъ глаголитскихъ. Вѣроятно, тогда была принесена въ Новгородъ и глагольская рукопись, изъ которой выписаны слова Григорія Назіанзина. Этимъ поясняется и приписка попа Упыря Лихого, 1047, что онъ приготовилъ свой списокъ не коуриловницѣ. Время и все другія обстоятельства сходятся.

Труднѣе объяснить, какъ и когда распространилась глаголица черезъ Далмацію въ землю Хорватскую. Изъ преданій Хорватовъ, приписывавшаго въ началѣ XIII вѣка глаголицу св. Іерониму, видно, что уже тогда они не знали ничего вѣрнаго о происхожденіи азбуки и книгъ. Снесеніе Рабскаго священника Николая на послѣдняго архіепископа Солунскаго Теодора (640) не можетъ не быть сочтено строгой критикой за очевидную ошибку, хотя бы и считать этого Теодора — вмѣстѣ съ Ассемани, архіепископомъ Сплѣтскимъ (880 — 890). Можетъ быть, кто нибудь изъ первоучителей глагольскихъ въ Далмаціи и Хорватской землѣ назывался Іеронимомъ или Теодоромъ; можетъ быть потомство только по догадкѣ соединяло это дѣло съ этими славными именами. Во всякомъ случаѣ булла Иннокентія IV (1248) можетъ быть достаточнымъ свидѣтельствомъ, что въ началѣ XIII вѣка, глаголица считалась въ Хорватской землѣ очень древнею. Всего естественнѣе думать, что когда то, можетъ быть еще до кончины Климента, глаголица перешла изъ Охриды въ Подриње, къ Скадру, а потомъ, и къ

Хорватамъ, миновавъ Дубровникъ (Рагузу) и Которъ, гдѣ она никогда не процвѣтала. Въ 1051—1084 находимъ въ Скадрѣ Михаила короля Славянскаго въ живыхъ связяхъ съ Западомъ. Почти сто лѣтъ позже (1161), неизвѣстный пресвитеръ Діоклейскій написалъ лѣтопись Славянъ этого края, сокращеніе которой, писанное какъ кажется глаголицей (*litteris slavonicis, kniga harvatska*), найдено въ началѣ XVI в. въ землѣ Марковичей, близъ Свачи и Бары. Миѣ казалось прежде, что въ надписи буллы Иннокентія IV вмѣсто *Scemensi episcopo* можно бы читать *Suaciensi*: съ этимъ бы согласовалось, что въ древнѣйшихъ рукописяхъ Сербскихъ, особенно въ Евангеліи и Апостолѣ, есть явные слѣды перенесенія съ глагольскихъ текстовъ. Но все это темно и не вѣрно. Въ общемъ употребленіи въ XII вѣкѣ въ Сербіи, Босніи, Дубровникѣ была исключительно кириллица, какъ свидѣлствуютъ дошедшіе до насъ памятники. Болѣе ясное время глаголицы начинается у Хорватовъ и въ Далмаціи, гдѣ не смотря на повторенное запрещеніе Славянскаго богослуженія соборами 925—928 и 1039—1064, укоренилось это богослуженіе вмѣстѣ съ письменностію глагольскою по обряду Римской церкви, и потомъ наконецъ въ 1248 папою Иннокентіемъ IV было утверждено. Этимъ начался новый ходъ глагольской письменности, принявши здѣсь новый видъ, приспособясь правописаніемъ, языкомъ и содержаніемъ къ мѣстной потребности. Изъ азбукки выброшено десять буквъ (*s, n, w, z, a, k, l, j, o, v*); остальные получили видъ фрактуры. Изъ формъ образованія и измѣненія словъ многія опущены по мѣстному нарѣчію. Наконецъ такъ какъ глаголица, прежде предназначенія для обонхъ богослуженій, досталась теперь въ удѣлъ однимъ Римско-католикамъ, то древній переводъ книгъ былъ вновь пересмотрѣнъ, измѣненъ по вульгатѣ, и книги богослужебныя вообще уравнилены съ книгами западной церкви. Расцвѣтъ глаголицы въ этихъ земляхъ относится къ XIV—XVI в.: тогда примѣнили ее не только къ церковнымъ, но и къ свѣтскимъ нуждамъ, какъ свидѣлствуетъ множество грамотъ и нѣкоторыя уложенія. Хотя число рукописей духовнаго содержанія изъ этого времени (въ Римѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Люблинѣ, въ Далмаціи и Хорватской землѣ,) и не очень велико, но достаточно для изслѣдователя языка. Въ 1483—за десять лѣтъ до первой кирилловской — напечатана въ Римѣ первая глагольская книга, Миссалъ. Позже печатались книги и въ Венеціи, Рѣкѣ (Fiume), Тюбингенѣ.

Изъ всего, что сказано, можно кажется заключить, что глагольская письменность есть важная вѣтвь литературы Славян-

ской, достойная вниманія любителей древности Славянской и особенно изслѣдователей языка. Вотъ почему жаль, что за исключеніемъ Соларича (издаваго въ 1810 г. въ Венеціи трехъязычный букварь), ни одинъ ученый не позаботился издать какую нибудь книгу для чтенія или хоть болѣе полный букварь въ пользу тѣхъ, которые не могутъ пользоваться старыми глагольскими книгами и рукописями.

Выше замѣчены были особенности, которыми отличаются рукописи глагольскія отъ кирилловскихъ въ правописаніи, въ измѣненіи словъ и въ употребленіи нѣкоторыхъ особенныхъ словъ. Есть и еще одно отличіе книгъ глаголическихъ отъ кирилловскихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе важное — отличіе въ самомъ переводѣ того же самаго текста св. Писанія.

Добровскій болѣе всего заботился о томъ, чтобы опредѣлить, какой именно рецензіи текста — Александрійской ли, Константинопольской или же западной — держались первые Славянскіе переводчики Евангелія и Апостола, не думая сравнивать Славянскія рукописи одніи съ другими и распредѣлять ихъ на отдѣлы по чтенію текста. Главные, основныя выводы его были слѣдующіе: 1. Старославянскій переводъ Евангелія и Посланій приготовленъ въ IX в. Кирилломъ и Меодіемъ непосредственно съ Греческаго текста рукописей Константинопольской или Византійской (а не западной) рецензіи, безъ всякаго пособія вульгаты. 2. Этотъ древній переводъ приняли и глаголитами Хорватскими и Далматскими въ XIII в. (о болѣе древней письменности глагольской Добровскій ничего не зналъ и знать не хотѣлъ), и тогда же многія мѣста въ немъ были измѣнены по вульгатѣ, что постепенно было продолжаемо и послѣ. 3. Издатели Острожской библии, 1581, приняли основаніемъ, рукописъ перевода, сдѣланнаго первоначально съ текста Греческаго, но въ нѣкоторыхъ книгахъ Ветхаго завіта еще въ концѣ XV вѣка измѣненнаго, — и воспользовались другими Славянскими переводами. Въ отношеніи къ первоначальному переводу Евангелія и Апостола Добровскій настаивалъ на томъ, что всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ сходенъ съ вульгатою, суть варианты, находящіеся въ рукописяхъ Греческихъ, внесенные въ него изъ нихъ, а не изъ вульгаты (Добровскій, *Glag. 68—82. Slovanka. II. 128—139. Instit ling. Slav. LI—LII. 193. 423. 667. 699—701*). Притомъ же Добровскій не думалъ, что Кириллъ и Меодій перевели всю библию, считалъ ихъ заслугой переводъ только чтеній Евангельскихъ и Апостольскихъ, да еще Псалтыря, какъ книгъ необ-

ходимыхъ для богослуженія, а переводъ другихъ книгъ св. Писанія относить частію къ XIII — XIV в. частію къ трудамъ, Западно-Русскихъ ученыхъ въ концѣ XV вѣка, противъ чего представили доказательства г. Новицкій, Преосв. Макарій и Преосвящ. Филаретъ (*Добровский*, Inst. ling. Slav. LI—LII. 190. 193. 243. 403. 454. 593. 667. *Новицкій* О перев. св. Пис. Кіевъ. 1847. Преосв. *Макарій*, Исторія Христ. въ Россіи. СПб. 1846, 188 — 251. Преосв. *Филаретъ*, Кирилль и Меѳодій, въ Чтен. Общ. Ист. Моск. IV. 1 — 28. Дополн. 29 — 30).

Не смотря на недостатокъ средствъ и пособій для основательнаго и всесторонняго разбора вопроса о первоначальномъ Старославянскомъ переводѣ св. Писанія, не считаю напраснымъ и бесполезнымъ приступить къ труду съ тѣмъ, что есть у меня подъ руками, и прежде всего къ разбору степени отличій древнѣйшихъ рукописей глагольскихъ отъ древнѣйшихъ рукописей кирилловскихъ въ отношеніи къ тексту.

Изслѣдуя памятники кирилловскіе и глагольскіе, которые были мнѣ доступны вполнѣ или въ отрывкахъ, я отмѣтилъ мѣста, которые доказываютъ: 1. что Старославянскій переводъ сдѣланъ по тексту Греческому, 2. что текстъ кирилловскій отличается отъ глаголическаго, 3. что глагольскія рукописи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходятся съ вульгатой, 4. что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ древнемъ переводѣ есть ошибки.

1. Что Старославянскій переводъ сдѣланъ по тексту Греческому, это доказывается и вообще всею складомъ языка и выраженія, и особенно тѣми мѣстами, въ которыхъ вульгата отдѣляется отъ Греческаго текста выраженіемъ или смысломъ: таковы:

— Матѳ. VI: 13. Славословіе въ Господней молитвѣ: ὅτι σοὺ ἐστὶν ἡ βασιλεία и пр. въ Вульгатѣ нѣтъ; въ рскахъ кирилловскихъ и глаголическихъ есть.

— Марк. I: 2: ἐν τοῖς προφήταις. *Vulg.* in Isaia propheta. *Остр.* въ пророцѣхъ.

— Марк. VII: 3. ἐὰν μὴ πύγμῃ νύψωνται. *Vulg.* nisi crebro laverint. *Четвер. Тим.* аще не трываще оумыжъ ржжъ.

— Лук. II: 14: δόξα ἐν ὑψίστοις θεῷ καὶ ἐπὶ γῆς εἰρήνη, ἐν ἀνθρώποις εὐδοκία. *Vulg.* gloria in altissimis deo, et in terra pax hominibus bonae voluntatis. *Остр.* слава въ вышнихъ богу и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе.

— Лук. IX: 4. ἐκεῖ μένετε, καὶ ἐκεῖθεν ἐξέρχεσθε. *Vulg.* ibi manete, et inde ne exeatis. *Остр.* тоу прѣбываюте се отъѣдоу исходите. *Мисс. Бунд.* 1528: тоу прѣбываюте, доидѣже изидете.

— Дѣян. I: 4. ἣν ἤκούσατέ μου. *Vulg.* quam audistis,

inquit, per os meum. *Проксепост. Мак. Бол.* еже слышасте ѿть мене.

— Дѣян. XVII: 5. Ζηλώσαντες δὲ οἱ ἀπαίδευτες Ἰουδαῖοι καὶ προσλαβόμενοι τὸν ἀγοραίων τινας. *Vulg.* zelantes autem Iudaei assumentesque de vulgo viros quosdam. *Проксепост. Охрид.* възревновавше протѣвѣжщїи сѧ ѱодеї, смѣше трѣжннкы. *Проксеп. Мак. Бол.* въздрѣжнвше же протѣвѣжще сѧ ѱодеи и поемѣше трѣжннкы. *Острожск.* възревновавше непокоршен сѧ ѱоудее и прїемѣше торжннкы.

— Дѣян. XXIV: 14: κατὰ τὴν ὁδὸν ἣν λέγουσιν αἵρεσιν. *Vulg.* secundum sectam quam dicunt haeresim. *Изд.* 1547: іако въ нѣтъ, нже глаголѣтъ ересь.

— Рим. 10: 6: Χριστὸν καταγαγεῖν. *Vulg.* Christum revocare (такъ въ стар. изданіяхъ, до Эразма; теперь: deducere). *Проксеп. Мак. Бол.* Христа свести.

— 1 Кор. XI: 24: τὸ σῶμα τὸ ὑπὲρ κλώμενον. *Vulg.* corpus meum, quod pro vobis tradetur. *Проксеп. Мак. Бол.* тѣло мое доидаще сѧ за вы. *Изд.* 1547. и *Острожск.* тѣло мое еже за вы доимое.

— 2 Кор. V: 10: ἵνα κομίσηται ἕκαστος τὰ διὰ τοῦ σώματος. *Vulg.* Ut referat unusquisque propria corporis (ἵδια вмѣсто δία). *Изд.* 1547 и *Острожск.* да прїиметь кждо, нже съ тѣломъ сѣдѣла.

— I. Солун. II: 7: ἐγενήθημεν ἥπιοι (mites). *Vulg.* facti sumus parvuli (νήπιοι вмѣсто ἥπιοι). *Изд.* 1547. *Острожск.* и пр: быхомъ тесн.

— Тим. I: 2: γνησίῳ τέκνῳ. *Vulg.* dilecto filio. *Изд.* 1547 и *Острожск.* прїеному чадоу (1547: чедоу).

Такимъ мѣстъ можно бы отобрать гораздо болѣе, если бы и этихъ не было достаточно. Самыя ошибки древняго перевода служатъ доказательствомъ, что подъ рукою переводчиковъ былъ Греческій текстъ. Такъ напр. ктлевен вмѣсто и леввен (Матѳ. X. 3), арневъ ледъ вмѣсто ареопагъ (Дѣян. XVII. 9), прквн вмѣсто ѿлаоучити (ἐκκληῖσαι Гал. IV. 17).

2. Для доказательства отличія въ древнихъ текстахъ глаголическомъ и кирилловскомъ, достаточно будетъ привести слѣдующія мѣста:

— Матѳ. V: 43. τὸν πλησίον σου. *Vulg.* proximum tuum. *Четвр. Мих.* искривѣго своего. *Остр.* ближнѣизаго своего. Срав. Иоан. IV: 3. πλησίον τοῦ χωρίου. *Vulg.* juxta praedium. *Ассем.* нескрь въси. *Острожск.* близъ въси. Вообще нескрѣнни очень часто въ глаг. рскахъ, а въ *Остр.* ни разу. Въ Типикѣ св. Саввы есть тоже: нескрь.

— Матѳ. VI: 11: τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον. *Vulg.* panem nostrum sapersubstantialem. *Четвр. Мих.* наставшаго днѣ. *Остр.* насжщнѣнн.

— Матѳ. VIII: 28: ἐκ τῶν μνημείων ἐξερχόμενοι. *Vulg.* de monumentis exeuntes. *Четвр. Грин.* отъ жали исходашта. *Остр.* отъ гробъ исходаща.

Матѳ. X: 29. οὐχὶ δύο στρουθία ἀσσαρίου πωλεῖται? *Vulg.* nonne duo passeress asse vaeneunt. *Чтвр.* Грн. и *Ассем.* не двѣ ли птицы (на) ассаріи вѣнимъ есте! *Чтвр.* Шин. и *Срб.* Коп. кста, и есть: на. *Пракс.* вѣнит се, и безъ: на. *Остр.* не двѣ ли птицы ассаріи цѣнимъ ксте?—Такъ и Лук. XII: 6: πωλεῖνται. *Ассем.* и *Чтвр.* *Срб.* Коп. (по Миклошичу): вѣнитъ са. *Остр.* цѣнитъ са. Что касается до пр. на съ гл. вѣнити, то съ этимъ можно сравнить ѡтъдати тоже съ пр. на: *Дья.* V: 8. ρύτι, аще и на толицѣ село ѡтъ—даста? ѡна же рече: еи, на толицѣ (τοσοῦτου... ἀποδῶδε). *Праксан.* *Мак.* *Бол.*

— *Матѳ.* XIV: 11. ἡνέχθη ἡ κεφαλὴ αὐτοῦ ἐπὶ πίνακι. *Vulg.* allatum est caput ejus in disco. *Чтвр.* Грн. приѣса главѣ его на пиѣ. *Остр.* въ параллельномъ мѣстѣ *Марк.* VI: 28: на блюди.

— *Матѳ.* XXVI: 18. ὑπάγετε..... πρὸς τον δεῖνα. *Vulg.* ite... ad quemdam. *Ассем.* идѣте... къ динѣ. Въ кирил: рки: къ оиѣнни.

— *Марк.* I: 7: λύσαι τὸν ἱμάντα τῶν ὑποδημάτων αὐτοῦ. *Vulg.* Solvere corrigium calceamentorum ejus. *Чтвр.* Грн. разрѣшити ремне чр(ѣ)виѣмъ его. *Чтвр.* Крылос. чревьѣ. *Остр.* сапогъ. У *Иоан.* Экз. чрѣвиѣ встрѣчается въ смыслѣ ὑπέδημα, calceus.

— *Марк.* I: 35. καὶ πρωτὶ ἑννυχᾶ λίαν ἀναστὰς. *Vulg.* et diluculo valde surgens. *Чтвр.* Грн. и ютро пробрѣзгоу сжщти сѣло. *Чтвр.* Крылос. пробрезгоу. *Чтвр.* Тимск. и оутро пощи сжщти сѣло вѣставъ.

— *Марк.* VII: 26. γυναῖ Ἑλληνίς. *Vulg.* mulier gentilis. *Чтвр.* Тим. изд. *Блвр.* жена елпнѣска. Луки XXIII: 38. γραμμασίς Ἑλληνικοῖς. *Vulg.* literis graecis. *Чтвр.* Шин. книгами клпнѣсками. *Чтвр.*, *Блвр.* и *Острож.* писмены. Сравни *Частн* азыкомъ и котори (въ Слав. Древ. Прилож. XXVI; другой списокъ у Григоровича), гдѣ книги тоже въ смыслѣ γραμματά, literae, письмена. Въ *Даміан.* *праксан.* (напр. 12 *Петр.* III: 1 и пр.) въ смыслѣ ἐπιστολή, epistola, посланіе; въ томъ же смыслѣ и въ народныхъ Сербскихъ пѣсняхъ. Еще особенный смыслъ этого слова — γραφή, scriptura, писаніе. Напр. *Чтвр.* Грн. *Иоан.* XIX: 24.

— *Иоан.* II: 10. ὅταν μεθύσῃσιν, τὸν ἐλάσσω. *Vulg.* cum inebriati fuerint, tunc id, quod deterius est. *Ассем.* егда оупиѣтъ са, тоу тачае. *Чтвр.* Грнор. тогда тачѣ. *Чтвр.* Шин. тогда тачѣ.—*Остр.* кгда оупиѣтъ са, тогда хоуждек. Въ *Мисс.* *Бинд.* 1528. къ удивленію, тоже: тагда то, еже ходине есть.

— *Иоан.* III: 4: εἰς τὴν κοιλίαν. *Vulg.* in ventrem. *Ассем.* и др. въ чрѣво. *Изд.* *Блвр.* и *Острож.* въ оутробою.

— *Иоан.* III: 30. ἐλαττοῦσθαι. *Vulg.* minui. *Ассем.* нпзѣти са. *Чтвр.* *Пракс.* нпжати са. *Остр.* мышити са. *Чтвр.* *Блвр.* малити се.

— *Иоан.* IV: 14. πηγὴ ὕδατος ἀλλομένου. *Vulg.* fons aquae

salientis. *Ассем.* источникъ водѣи въслѣплжштаѣа. *Остр.* истекаѣщаѣа. *Мисс.* *Бинд.* живне текоущее. Слово въслѣплжщии, какъ и выше, тачае—тачѣе, не извѣстно; срав. однако *Илвр.* slar въ смыслѣ cataracta, водопадъ.

— *Иоан.* V: 4. κατὰ καιρὸν. *Vulg.* secundum tempus. *Ассем.* на всѣко время. *Мисс.* *Бинд.* на врѣме. *Остр.* на вса лѣта. *Острож.* на всако лѣто.

— *Иоан.* IX: 8. ὅτι τυφλὸς ἦν. *Vulg.* quia mendicus erat. *Ассем.* ꙗко проситель бѣ. *Мисс.* *Бинд.* виѣахоу и прѣѣе просеца. *Остр.* ꙗко слѣпъ бѣ.

— *Иоан.* X: 3. ὁ θυρωρὸς. *Vulg.* ostiarius. *Ассем.* и др. глаг. дверьникъ. *Остр.* вратарь.

— *Иоан.* XIX: 27. ἀπ' ἐκείνης τῆς ἡμέρας. *Vulg.* ex illa hora. *Чтвр.* Грн. *Пракс.* и *Мисс.* *Бинд.* отъ того часа. *Остр.* отъ того дне.

— *Иоан.* XXI: 19. τοῦτο δὲ εἶπεν σημαίνων. *Vulg.* hoc autem dixit significans. *Ассем.* се же рече клепла. Въ *Нов.* *Греч.* σημαίνω—клеплю. *Остр.* знаменатѣа.

— *Дья.* IX: 2. ἡτήσατο.... ἐπιστολάς. *Vulg.* petiit — epistolas. *Праксан.* *Дам.* проси... боуквь на листъ написанъ. *Пр.* *Мак.* *Бол.* боукви. *Мис.* *Бинд.* книги. *Изд.* *Уровл.* 1547. и *Острож.* посланія. Такъ и въ 2 *Солун.* II: 2. III: 14. δι' ἐπιστολῆς, διὰ τῆς ἐπιστολῆς. *Vulg.* per epistolam. *Праксан.* *Дам.* боуквами. *Изд.* *Уровл.* и *Острож.* посланіемъ.

— *Дья.* XVII: 23. εὑρον καὶ βωμὸν. *Vulg.* inveni et agam. *Праксан.* *Мак.* *Бол.* и ѡбрѣтъ тѣло. *Изд.* *Уровл.* ѡбрѣтохъ и храмъ. *Праксан.* *Кам.*, *Праксан.* *Приж.*, *Острож.* кѣмпръ.

3. При разсматриваніи близости глаголитской рецензіи съ вульгатой, главный основной вопросъ касается причины этой близости: была ли у глаголитовъ подъ рукою самая вульгата, или же Греческія рукописи такъ называемой западной рецензіи, съ которою, какъ извѣстно вульгата наиболѣе сходствуесть? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не легокъ. Добровскій предпочиталъ вторую причину; мнѣ напротивъ болѣе справедливою кажется первая, особенно потому что есть поводъ думать, что древнимъ глаголитамъ латынь была хорошо знакома. На это указываетъ между прочимъ употребленіе слова боукви въ смыслѣ ἐπιστολή, по Латински: literae, и вѣнитиса съ Латинскаго vaenire. Впрочемъ какова бы ни была причина схода глаголитской рецензіи съ вульгатой, сходство несомнѣнно: оно видно изъ употребленія словъ: погачѣни (т. gentilis) вм. жена елпнѣска (ἐλληνίς), врѣма (tempus) вм. лѣта (καιρὸν), проситель (mendicus, προσαίτης) вм. слѣпъ (τυφλὸς), часа (hora, ὥρα) вм. дне (ἡμέρας). Имѣя въ виду сходство глаголитской рецензіи съ вульга-

той Иеронима не можемъ отказаться отъ предположенія, что она была поводомъ отнесенія всей глагольской письменности и самой азбуки къ подвигамъ св. Иеронима: по крайней мѣрѣ не знаю болѣе естественнаго объясненія этого преданія.

4. Ошибки стараго перевода, происшедшія отъ недосмотра или незнанія, только частію общи рукописямъ обѣихъ рецензій. Отмѣтимъ главнѣйшія:

— Матѳ. X: 3. καὶ λεββαῖος. Имени этого въ рсяхъ Западной и Александрійской рецензій равно и въ вулгатѣ нѣтъ. Въ кирил. рсяхъ поставлено келевен, и только въ Москвѣ, исправленномъ изданіи 1751: и леввен.

— Матѳ. XXVI: 18. πρὸς τὸν δεῖνα. Vulg. ad quemdam. Ассем. къ динѣ. Кир. къ онъеници. Греч. слово диня могло быть извѣстно въ краѣ, гдѣ жилъ глагольскій рецензентъ.

— Иоан. XXI: 19. σημαίνων. Vulg. significans. Ассем. клепла, вм. знаменаѣа, какъ и есть въ другомъ мѣстѣ. Ошибка эта произошла отъ двоякаго смысла Греческаго слова σημαίνω — (по Ново-Гречески битъ въ бѣло, клепати; отсюда σημαυτρον — бѣло).

— Дял. XVII: 9. Ἀρειος πάγος. Vulg. Areopagus. Въ кирил. рсяхъ: арневъ ледъ, гдѣ слово πάγος принято въ смыслѣ льда, а не въ смыслѣ холма.

— Къ этимъ ошибкамъ можно прибавитъ еще нѣкоторые изъ календаря Остром. Евангелія: — Л. 228. Окт. 4: сватаго свашеномъченика петра капетоула ихъ; Греч. Καπετωλέων, какъ бы по Латинскому Capituli-eorum. (Копитаръ Glag. Cloz. LXI—LXII *). — Л. 272. Мая 11 (ср. л. 295): памать сватомуу генетлино и мѣнозѣхъ. Греч. τὸ γενεθλίον τῆς πόλεως, т. е. обновленіе града Византии (Константиномъ В.), изъ чего кто-нибудь сдѣлалъ: τοῦ ἁγίου Γενεθλίου καὶ τοῦ πόλλων. — Л. 274. Мая 21 (ср. л. 295): памать сватымъ Василію Константиноу и Еленин: здѣсь τὸν βασιλέων, т. е. псарей, принято по недоразумѣнію за собственное имя Василія **).

— Достойно вниманія также употребленіе слова тапаѳи, на тонаѳи и т. д. Въ рукописяхъ глагольскихъ и въ календарѣ Остромировскомъ, вмѣсто страсти = τὰ πάθη.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ относительной древности рецензій кирилловской и глаголитской. Имѣя въ виду все, что представлено было выше, позволяю себѣ думать,

*) Опроверженіе этого мнѣнія Копитара находимъ въ прекрасномъ разборѣ Русскихъ святецъ Остром. Ев. въ Христ. Чтеніи. 1852. Июль. стр. 309. Редакт.

**) Кромѣ этихъ ошибокъ въ Христ. Чтеніи отмѣнены и объяснены и другія: напр. св. Аввадѣ (Инвар. 12), вмѣсто св. Аввадѣ, какъ и въ Лавр. Л. св. отецъ нашихъ Аввадѣ (стр. 209); — памать св. Варварѣ Авг. 7), вм. Варваровъ и пр. Редакт.

что Кирилловская рецензія древнѣе глаголитской. Въ составѣ глагольской азбуки и въ правописаніи (хотя бы буквы и взяты были изъ другой, болѣе древней азбуки) видно подражаніе рукописямъ кирилловскимъ: то же должны мы сказать о текстѣ. Отклоненія и особенности языка указываютъ, какъ мнѣ кажется, на земли древняго Илирика — Македонію, Албанію, Далмацію, Хорватскую землю, гдѣ, кромѣ домашняго, Славянскаго элемента, были изстари и другой — Латинскій. Св. Кирилл изъ книгъ св. Писанія перевелъ только чтенія Евангельскія и Апостольскія и Псалтырь: этотъ переводъ сохранился въ первообытномъ своемъ видѣ въ Остромировомъ Евангелистаріи и въ рукописяхъ, съ нимъ одинаковыхъ или сродныхъ. Св. Меодій не задолго до своей смерти и изгнанія Славян. священниковъ изъ Моравіи и Панноніи, какъ гласитъ сказаніе, перевелъ все остальные каноническія книги; но сохранился ли этотъ переводъ въ роднѣхъ наставныхъ погромовъ и переходовъ, — въ этомъ можно сомнѣваться. Іоаннъ Экзархъ Болгарскій ничего не зналъ о немъ. Вѣроятно, что Климентъ или кто-нибудь изъ его соотарищевъ. — Наумъ, Ангеларъ, Сава или Гораздъ — принесли переводъ чтеній Еванг. и Апост. въ Болгарію, занялся здѣсь довершеніемъ его, снова пересмотрѣвъ то, что было уже переведено, и приведши въ порядокъ четыре Евангелія и Посланія, съ дополненіемъ недостававшихъ, переодѣлъ кириллицу въ глаголицу, уже прежде откуда-нибудь занятую, или тогда же нарочно изобрѣтенную. Такъ явилась глагольская рецензія, дошедшая къ намъ въ Евангелистаріи Ватиканскомъ и Четвероевангеліи Григоровичевомъ и Зографскомъ. Съ такихъ глагольскихъ списковъ переписаны нѣкоторые кирилловскіе, по чтенію съ ними сродные, именно: Крылосское 1143 г. (что опущено изъ виду достопочтеннымъ А. Х. Востоковымъ. Изв. I. л. 7. стр. 100 — 101), Шинатовецкое, Копитарово, Пражское и др. Тоже разумеется и о чтеніяхъ Апостольскихъ: нѣкоторые списки ихъ, напр. Струмицкій, или Македоно-Болгарскій, Даміановъ или Шинатовецкій, переписаны также съ глагольскихъ. Позже этотъ старій переводъ въ рукописяхъ кирилловскихъ, не зависимо отъ глаголитскихъ, часто бывалъ пересматриваемъ и измѣняемъ; тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ рукописяхъ древнѣйшее глагольское чтеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осталось нетронутымъ до XV — XVI в., напр. въ Четвероевангеліи Пражскомъ (XV в.) Напротивъ того глагольское чтеніе въ книгахъ глаголитскихъ оставалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ, послѣ предварительнаго поверхностнаго пересмотра его Леваковичемъ въ 1631

1648 и Пастричемъ въ 1688 — 1706, Караманъ, не со-
вѣтъ знакомый съ дѣломъ, не передѣлать его по рецензіи
Русской. *)

ЗАМѢЧАНІЯ

КАСАТЕЛЬНО

НОВАГО ИЗДАНІЯ РУССКАГО СЛОВАРЯ,

ВЫЗВАННЫМЪ МНѢНІЕМЪ Г. ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩАГО.

IV.

Записка Протоіеря І. И. Павскаго.

Второе Отдѣленіе, препроводивъ ко мнѣ Мнѣніе Г. Пред-
сѣдательствующаго въ немъ о новомъ изданіи Русскаго
Словаря, желаетъ отъ меня слышать, не сообщу ли я какихъ
замѣчаній касательно сего мнѣнія. Съ полною благодарно-
стію за вниманіе ко мнѣ Второго Отдѣленія, я передаю ему
слѣдующія мои замѣчанія.

Въ Мнѣніи сдѣлано предположеніе «включить въ Слю-
варь собствѣнные имена, православною Церковію принятія,
со вѣми ихъ народными измѣненіями». Это значитъ внести
въ Словарь полныя свѣдѣнія съ прибавленіемъ разныхъ про-
изношеній, уменьшеній и увеличеній даннаго имени. Напр.
при имени Амвросіи надобно еще поставить народное произ-
ношеніе *Обросимъ*; при церковномъ имени Евдокія поставить
еще *Авдотья*, *Дуля*, *Дуляша*, *Дуляшка*, *Дуля* и т. п. Со-
мнѣваюсь, чтобъ эта нестрота украсила и дополнила Словарь.
Въ иностранныхъ словаряхъ, правда, берутся во вниманіе и
собствѣнные имена лицъ, но онѣ помѣщаются обыкновенно въ
прибавленія къ Словарию, а не въ самомъ словарѣ. Если по-
мѣстить въ Словарѣ собствѣнные имена лицъ, то запросятся
туда же собствѣнные имена земель, городовъ, рѣкъ и пр.
и пр. Собствѣнные имена можно и даже должно помѣщать
въ словарь, когда онѣ употребляются въ переносномъ смыслѣ
или для означенія какого либо періода времени. Набожность
праотцевъ нашихъ, знакомыхъ съ церковными обрядами,
ввела въ обычаи считать разные періоды времени по
днямъ празднуемыхъ Церковію святыхъ. Напр. говорятъ:
въ Иванова день, *о Николаѣ дни*, *Никола зимній*, *Никола*
лѣтній, *Егорій осенній*, *Егорій весенній*, *Аграфена купальница*,
Юрьевъ день. Въ этомъ смыслѣ Словарь можетъ принять въ
себя имена: Иванъ, Николай или Никола, Георгій или Его-
рій, Юрій, Аграфена. Отъ этого стариннаго время счисле-
нія остались въ народѣ поговорки, напр. «Егорій съ мостомъ»,
а Никола съ гвоздемъ, Дарья загрязни пролуби, а Марья

вычисти»; и этѣ народныя поговорки легко могутъ быть
приняты въ общенародный Русскій Словарь, а вмѣстѣ съ
ними и имена святыхъ Дарья, Марья. Собствѣнные имена
лицъ изрѣдка прилагаются къ вещамъ, и тогда тоже могутъ
войти въ Словарь. Напр. *Адамово яблоко* (=кадыкъ), *Анто-
новъ огонь*, *Ивановъ цвѣтъ*, *Иванъ да Марья*, и подобныя.

— «Уменьшительныя и увеличительныя имена существи-
тельныхъ относятся къ грамматическимъ измѣненіямъ; а пото-
му въ Словарѣ ихъ ставить не должно. Нѣкоторые наиболѣе
употребительныя можно присоединять къ ихъ существитель-
нымъ». Если бы всѣ существительныя имена уменьшались и
увеличивались одинаково и по извѣстнымъ грамматическимъ
правиламъ то можно бы было въ Словарѣ не упоминать ни
объ уменьшительныхъ, ни объ увеличительныхъ именахъ и
не перечислять ихъ поименно. Но извѣстно, что у насъ умень-
шительныхъ и увеличительныхъ окончаній много, и потому
всегда усомниться можно, которое окончаніе приложить къ
извѣстному имени, чтобъ уменьшить его или увеличить.
Возьмемъ три слова съ однимъ и тѣмъ же окончаніемъ *ще*,
солнце, *сердце*, *лице*. Солнце въ уменьшительномъ видѣ
солнышко, сердце — *сердечко* (а не *сердышко*), лице — *личико*.
И этакихъ разнообразныхъ уменьшительныхъ именъ въ
языкѣ чрезвычайное множество: какъ же ихъ оставить безъ
вниманія? Природный Россіянинъ, конечно, по преданію и
навыку отыщеть для каждаго слова уменьшительныя и
увеличительныя имена, и тотчасъ узнаеть, что напр. *окошко*,
лукошко, *донышко* суть уменьшительныя имена отъ положи-
тельныхъ: *окно*, *луко*, *дно*; но иностранецъ, для котораго
также предназначается Русскій Словарь, встрѣтивъ въ кни-
гѣ *донышко*, можетъ ли догадаться, что этого слова надобно
искать подъ словомъ *дно*. По моему мнѣнію, при изданіи
Академіею Славено-Русскаго Словаря весьма справедливо по-
ступлено, что уменьшительныя и увеличительныя имена по-
ставлены отдѣльно отъ своихъ положительныхъ. Въ латин-
скихъ словаряхъ уменьшительныя *libellus* отъ *liber*, *puellus*
отъ *puer*, стоятъ отдѣльно тамъ, гдѣ азбучный порядокъ по-
зволяетъ имъ стоять. Да и ни одинъ изъ словарей не подавъ
примѣра къ тому, чтобъ Русскій Словарь изгонялъ изъ себя
уменьшительныя имена и увеличительныя. Причина, почему
не хочется допустить въ Словарь имена уменьшительныя и
увеличительныя и дать имъ особыя мѣста, очень понятна.
Эти имена своимъ множествомъ увеличиваютъ объемъ Слю-
варя. Но для этой причины не слѣдуетъ терять изъ виду
отличительнаго свойства Русскаго языка, который крайне
любитъ уменьшительныя имена.

— «Не слѣдуетъ помѣщать въ Словарѣ сравнительныхъ
степеней прилагательныхъ именъ безотносительныхъ и от-
носительныхъ (оватый, ехонекъ), потому что образованіе
ихъ подчинено извѣстнымъ законамъ грамматическимъ». Сравнительныя относительныя имена безспорно могутъ не

*) Огранича этимъ свои предварительныя изслѣдованія о глаголи-
цѣ, И. И. Шафарикъ продолжаетъ ихъ въ гораздо большемъ раз-
мѣрѣ и предполагаетъ издать въ слѣдующемъ году особенное боль-
шое сочиненіе объ этомъ предметѣ, для чего приготовленъ имъ и
глагольскій шрифтъ, извлеченный изъ древнѣйшихъ памятниковъ.
Редакт.

появляться въ Словарѣ, потому что грамматика даетъ положительныя и ясныя правила, какъ каждое прилагательное имя возводитъ на степень сравнительную. Впрочемъ и здѣсь встрѣтится множество случаевъ, что сравнительную степень надобно будетъ выставить въ Словарѣ отдѣльно отъ положительной и указать, къ какому прилагательному она относится. Иностранецъ, встрѣтивъ въ читаемой имъ книгѣ слово *жесте*, можетъ ли догадаться, что его надобно искать въ Словарѣ подъ словомъ *узкій*. Да и почему *узкій* имѣетъ сравнительную степень *жесте*, тогда какъ имена съ подобнымъ окончаніемъ *тонкій*, *бойкій*, *жесткій* имѣютъ въ сравнительной степени не похожія на него окончанія *тоньше* или *тоньше*, *бойче*, *жестче*? Въ Словарѣ надобно выставить сравнительную степень, когда въ ней теряется или измѣняется обыкновенное окончаніе *е*, *ійшій* или послѣ *и*, *к*, *х*, — *ае*, *айшій*. Сравнительныя, такъ называемыя безотносительныя, вовсе не подчинены правильному грамматическому словопроизводству, что и видно въ 245 § грамматики. Слѣдовательно имена *крѣпковатъ*, *крѣпонецъ*, *крѣпохонецъ* по необходимости должны стоять въ Словарѣ отдѣльно отъ *крѣпкій*.

— «Не вносить отдѣльными рѣченіями и причастіи страдательныхъ прошедшаго времени, которыя принадлежатъ къ грамматическимъ измѣненіямъ». Это вообще вѣрно, но допускаетъ нѣкоторыя оградиченія. Иностранецъ, встрѣтивъ слово *сообенный* и не понимая его значенія, конечно, обратится къ Словарю, но можетъ ли онъ догадаться, что *сообенный* надобно искать подъ глаголомъ *соопуть*.

— «По свойству Русскаго языка глаголы ставятъ въ изъявительномъ наклоненіи въ первомъ лицѣ ед. числа настоящаго времени, присоединя къ сему 2-е лице ед. числа и 3-е лице мн., неопредѣленное наклоненіе и причастіе прошедшее страд., какъ такіа формы глагола, изъ которыхъ выводится полное спряженіе, съ означеніемъ залога». Основоу глаголу обыкновенно ставятъ такую его форму, въ которой тотчасъ видны коренныя его буквы. У насъ коренныя буквы, съ немногими исключеніями для первообразныхъ глаголовъ, выказываются въ неопредѣленномъ наклоненіи, и потому справедливо неопредѣленное наклоненіе признано основаніемъ глагола. Въ первомъ лицѣ коренныя буквы весьма часто измѣняются, или къ кореннымъ пристаютъ новыя. Напр. возьмемъ глаголы *терплю* и *треплю*. *снѣжу* и *лежу*: къ корнямъ *терн*, *трѣн* — тутъ пристала лишняя *л*, въ *снѣжу* и *лежу* скрылись корни *сид* (*сидѣть*), *леж* (*лежать*), между тѣмъ какъ въ неопредѣленномъ наклоненіи *терпѣть*, *трѣпать*, *сидѣть*, *лежать* (вм. *лежѣть*) видны и корни, и производственныя буквы, *а*, *ь*, по которымъ тотчасъ узнать можно, къ которому спряженію принадлежатъ эти глаголы. Весьма примѣтно въ спряженіи нашихъ глаголовъ то, что они слѣдуютъ двумъ началамъ. И именно къ неопредѣленному наклоненію примыкаетъ прошедшее время и

всѣ прошедшія причастія, какъ дѣйствительныя, такъ и страдательныя; къ настоящему (или будущему) времени примыкаютъ настоящія причастія дѣйствительнаго и страдательнаго залога съ ихъ дѣепричастіями и еще повелительное наклоненіе. Слѣдовательно для указанія полного образованія глагола достаточно указать только: 1) неопредѣленное наклоненіе и 2) первое лице изъявительнаго наклоненія ед. ч. Для нѣкоторыхъ глаголовъ не бесполезно указывать и 2-е лице ед. числа того же наклоненія. Но выставить 3-е лице мн. числа вовсе бесполезно. Предполагаютъ, что отъ 3-го лица производится причастіе настоящаго времени. Но между 3-мъ лицомъ и причастіемъ сходство случайное, а не существенное. Въ доказательство того, что между ними нѣтъ существенной связи, они часто бываютъ не похожи другъ на друга, по ударенію; напр. *носятъ*, *носіиші*, *пробсятъ*, *просіиші*, *служатъ*, *служіиші*. Притомъ не лзя вообще сказать, что въ глаголахъ требуется выставить такіа или другія ихъ измѣненія. Въ нѣкоторыхъ глаголахъ кромѣ неопредѣленнаго наклоненія ничего болѣе выставить не слѣдуетъ. Таковы напр. глаголы *читать*, *писать* и т. п., которые по всѣмъ лицамъ и наклоненіямъ идутъ правильно, не теряя и не измѣняя своей отличительной буквы *а*. Въ глаголахъ 2-го спряженія надобно выставить, кромѣ неопредѣленнаго наклоненія, 1-е и 2-е лице изъявительнаго наклоненія, потому что въ 1-мъ лицѣ коренная буква измѣняется. Напр. *просить*, *возить*, *водить*, *летѣть* — *прошу*, *вожу*, *лечу*, *летишь*. Точно также надобно выставить и въ 1-мъ спряженіи 1-е лице изъявительнаго наклоненія, когда выпадаетъ *а*, и оставляя вмѣсто себя *ь*, производитъ перемѣну въ предшествующихъ измѣняемыхъ буквахъ. Напр. *писать* — *пишу*, *пишешь*, *лизать* — *лижу*, *лижешь*, *метать* — *мечу*, *мечешь*. А много есть и такихъ глаголовъ, которые должны быть выставлены въ Словарѣ почти со всѣми своими глагольными измѣненіями. Сюда принадлежатъ болѣею частію глаголы первообразныя, кончащіеся на согласную букву. Таковы *сѣсть* (кор. *сѣд*), *лечь* (кор. *лег*), *лести* (кор. *лес*), и т. п. Здѣсь уже мало того, чтобъ указать неопред. наклоненіе и 1-е лице, а надобно выставить почти все спряженіе: *сѣсть*, *сѣлъ*, *а*, *о*, *и*, *сѣвши* — *сяду*, *сядешь*, *сядь*; *лечь*, *легъ*, *ла*, *ло*, *ли*, *легши* — *лягу*, *ляжешь*, *лягъ*; *лѣсть* (кор. *лѣд*), *лѣлъ*, *а*, *о*, *и*, *лѣвши*, *лѣдннн* — *лѣмъ*, *лѣшь*, *лѣсть*, *лѣдимъ*, *ядущіи*, *ядомыи*, *лѣшь* вм. *лѣжъ*. Первообразныя, кончащіеся на гласную букву, тоже имѣютъ много неправильностей, которыя должны быть указаны въ Словарѣ. Напр. *бить*, *битыи* — *бью*, *бьешь*, пов. *бей*; *пѣть*, *пѣтыи* — *пою*, *поешь*, *пой*.

— «Необходимы въ Словарѣ также филологическія указанія корней или первообразныхъ реченій для объясненія первоначальнаго значенія словъ. Какъ и. п. объяснить существительное имя лѣкарство безъ указанія на корень *liek*

(злакѣ), или глаголѣ *зидѣду* безъ корня *зидѣ* (стѣна), прилаг. космогоническій безъ *хосмос* (міръ)?» Касательно чужихъ словъ, взятыхъ изъ другаго языка или цѣликомъ или съ небольшимъ измѣненіемъ, это совершенно справедливо. При каждомъ чужомъ словѣ тотчасъ слѣдуетъ указать, въ какомъ видѣ оно существуетъ въ своемъ природномъ языкѣ. Такъ при *букетъ*, *туалетъ* слѣдуетъ поставить Французскія *bouquet, toilette*; при *сума*, *сумма* слѣдуетъ поставить Нем. *Summ*, Лат. *summa*. Черезъ это слова сіи пересаживаются на родную ихъ почву, гдѣ онѣ получили жизнь и имѣютъ большое родство; между тѣмъ какъ въ нашемъ языкѣ онѣ пришлены безродные и безсемеинные. Но при каждомъ чисто Русскомъ словѣ выставить основу и основное его значеніе не возможно, или по крайней мѣрѣ весьма трудно. Это завлечетъ во многія произвольныя толкованія. Кто напр. согласенъ, что *ликарство* произошло отъ *лѣкъ* (злакѣ)? И кто не усумнится, что *здать* происходитъ отъ *зидѣ* (стѣна)? Скорѣе можно допустить, что *зид* произошло отъ *здать*, нежели наоборотъ. Добровскій (*Instit. L. Sl. I. стр. 95*) думаетъ, что *здать* вполнѣ соответствуетъ Лат. *condere*. А я съ своей стороны, имѣя въ виду производныя *зодѣ*, *зодчій*, въ которыхъ вовсе не видно предлога *с* (= Лат. *con*), склоняюсь на то, чтобъ коренныя буквы *зд* (*здать*) породнить съ Греч. *χτ* (ср. *χτιω, χτιζω* — строю). Вотъ сколько разногласій объ одномъ словѣ! Доколу не будетъ сдѣлано объяснительное сличеніе Словенскихъ и Русскихъ словъ съ словами иноземными, и изъ такого сличенія не будетъ выведено основное значеніе каждаго слова, доколу не возможно показывать въ общенародномъ Словарѣ такое значеніе. Это поведетъ къ разнымъ предположеніямъ, догадкамъ и неумѣстнымъ спорамъ.

W.

Записка О. П. Буслаева.

Нельзя не согласиться съ общимъ планомъ предпринимаемаго Академіею Словаря. Эта книга должна быть настольною не у однихъ грамматистовъ, но вообще у каждаго образованнаго человека. Потому этотъ Словарь долженъ обнимать только современную рѣчь. Только желательно бы было съ точностію опредѣлить, съ какого именно времени слѣдуетъ положить для Словаря предѣлы современному языку? Долженъ ли, на примѣръ, войти языкъ Ломоносовской эпохи? По моему крайнему разумѣнію, кажется, долженъ. И такъ я полагаю бы опредѣлить періодъ языка, имѣющій войти въ Академическій Словарь, такъ: отъ Ломоносова включительно—до нашихъ временъ. Если бы Отдѣленіе Академіи приняло и другое мнѣніе, то и съ нимъ можно было бы согласиться, только во всякомъ случаѣ подъ условіемъ, чтобы была опредѣлительно указана черта, до которой предполагается доводить нашъ современный языкъ. Того требуютъ полнота и опредѣленность Словаря. Понятно,

что въ всякомъ случаѣ эта черта будетъ болѣе или менѣе произвольно указанною, ибо живой языкъ въ своемъ развитіи ничѣмъ не стѣняется.

Отдѣленіе Словаря Церковно-Славянскаго и древне-Русскаго отъ Словаря современнаго языка послужить къ немалому усовершенствованію какъ того, такъ и другаго. Въ присланныхъ мнѣ корректурныхъ листахъ сказано: въ одномъ мѣстѣ: «а слова Ц.-Славянскаго языка, нынѣ неупотребительныя, отнесемъ къ другому особому Словарю»—и въ другомъ мѣстѣ: «остающіяся за тѣмъ реченія Старо-Славянскаго языка отнести къ другому особому Словарю языка Старо-Славянскаго и Церковно-Славянскаго». Такъ какъ предполагаемый Словарь стариннаго языка совмѣститъ въ себѣ языкъ Церковно-Славянскій и Древне-Русскій, то въ обоихъ выписанныхъ мною случаяхъ, полагаю, для точности необходимо сказать: «Словарь Ц.-Славянскаго и Древне-Русскаго языка»—и «слова Ц.-Слав. и Древне-Русскаго языка».

Для примѣровъ, служащихъ оправданіемъ объясненію словъ, въ Мнѣніи Г. Предсѣдательствующаго указано на источники, т. е. писателей, на языкъ старинный и народный. Для точнѣйшаго исполненія этого положенія желательно бы было, какъ законъ, выставить на видъ предостереженіе, чтобы примѣры ни въ какомъ случаѣ не выдумывались составителями словаря, какъ это часто встрѣчается въ первомъ изданіи, а постоянно приводились по источникамъ. Примѣры помѣщать сначала изъ древняго (Ц.-Славянскаго и потомъ Русскаго) языка, далѣе изъ народныхъ памятниковъ, и наконецъ, для окончательной скрѣпы, какъ важнѣйшіе, изъ образцовыхъ писателей. Два первые источника иногда могутъ быть опущены, послѣдній необходимъ постоянно, особенно въ случаяхъ сомнительныхъ и затруднительныхъ, напр. при управленіи, какъ указано въ Мнѣніи.

Относительно объясненія словъ прибавить ничего не имѣю, развѣ только то, что, гдѣ пужно, слѣдуетъ отличить значеніе словъ народное и разговорное отъ книжнаго. Такимъ отличіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлится переходъ слова отъ вещественнаго значенія къ нравственному и отвлеченному; въ нѣкоторыхъ же укажутся отбѣны и особенности выраженія.

Въ заключеніе, отъ всего сердца желаю, чтобы прекрасная мысль о Словарѣ была встрѣчена общимъ сочувствіемъ. Я же, съ своей стороны, осмѣлюсь предложить и посильный трудъ. Изъ замѣтокъ, накопившихся у меня, выпишу все, что почту полезнымъ и необходимымъ для Словаря, и именно—примѣры изъ народной рѣчи, т. е. изъ древнихъ Русскихъ стихотвореній и духовныхъ стиховъ, изъ пословицъ, поговорокъ и нѣкоторыхъ другихъ, какъ народныхъ, такъ и древнихъ памятниковъ Русскаго языка. Выписки, для удобнѣйшаго ихъ внесенія въ Словарь, расположу по алфавитному порядку объясняемыхъ реченій.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

XVIII.

Новыя книги.

— Slovník Všešlovanský s přídatnými významy Německými. Sepsal a vydává J. Franta Šumavský. Slavisch-Deutsches Wörterbuch. V Praze. Первые 2 связки (8°; 128 стр.).

На этомъ произведеніи трудолюбиваго Франты Шумавскаго (извѣстнаго уже своимъ подробнымъ Словаремъ Чешско-Нѣмецкимъ — Vollständiges Deutsch-Böhmisches Wörterbuch. 3 тома: 1844—1847) стоить остановиться съ особеннымъ вниманіемъ, какъ на попытку въ своемъ родѣ первой и сопряженной съ большими трудностями разнаго рода. Пока представляю выписку для образца:

— bakr a. s. der Panther (Tiger); — ar. s. Kessel; — ar. s. arie, a. s. das Kesselfchen; — arlia s. der Steigbügel; — ar. s. v. bakrenar; — en. s. kupfern, von Kupfer, aus Kupfer; 2. kupferroth; — en. s. (puska) ein mit schlechten Silber beschlagenes Feuegewehr; — enar, a. s. der Kupferschmied, Kesselmacher; — enuk, a. — uste, — ustvo. s. der Kupferschacht, die Kupfermine, der Kupfergang, die Kupferstufe (in Bergwerken); luk č. Aufschiffel, ein Werkzeug in der Mühle; — o z. v. bakar; — orez a s. der Kupferfisch; — orezar s. der Kupferfischhändler; — orezec s. der Kupferfischer; — ovina z. die Kupferwaare; — ovnt s. kupfericht; 2. kupferhältig — ovntost z. Kupferhältigkeit.

Это 1/6 страницы: на 128 страницахъ помѣщены слова отъ A до Bógotéc.

— Mala Serbska ryčnica. Kleine Serbisch-Weudische Sprachlehre von I. E. Schmalzer. Bautzen. 1852. (8°: 50 стр.)

— Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книга 14-я. М. 1852. (8°: 48 + VI + 192 + XIV + 8 + 28 + 8 + VI и литограф. снимокъ).

Въ Изсѣдованіяхъ помѣщены: Князь Рюрикъ съ братьями и дружиною, П. Д. Бѣлѣва; о княжествѣ Острожскомъ, А. Перлштейна; въ Матеріалахъ: Счетныя дѣла по мѣстничеству и Слово о В. князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ — съ предисловіями П. Д. Бѣлѣва; въ Смѣси — нѣсколько любопытныхъ актовъ. Больше всего любопытно Слово о В. К. Дмитріѣ, составленное подъ вліяніемъ Слова о Полку Игоревомъ и отличающееся дикими неправильностями языка.

— Arhiv zo pověstnicu Jugoslavenku. U Zagrebu. Knjiga I: 1851 (8°: 252 стр.). Knjiga II 1852: Razděl I i II. (8° 469).

Это повременное изданіе одного изъ дѣятельнѣйшихъ обществъ древностей заключаетъ въ себѣ множество прекрасныхъ матеріаловъ для того, кто изучаетъ древности быта, языка и литературы не только южныхъ Славянъ, но и Сла-

вянь вообще, — и при настоящемъ направленіи филологіи въ Россіи, не можетъ не быть принято у насъ съ особеннымъ сочувствіемъ.

— Rocznik towarzystwa naukowego z uniwersytetem Jagiellońskim złączonego. Oddziału sztuk i archeologii. Zeszyt I. W Krakowie. 1851. (8°: 151).

Въ этой небольшой книжкѣ новаго изданія Краковскаго общества наукъ болѣе всего любопытно подробное извѣстіе о памятникѣ, найденномъ въ Збручѣ гр. Хотопскимъ, который извѣстенъ подъ именемъ идола Святовида (стр. 3—50).

— Časopis Českého Museum. 1852. XXVI ročník. Svaz. I a II. V Praze. 1852. (8°: 224 + 236).

Болѣе другихъ для насъ любопытны здѣсь слѣдующія статьи: Книжка Елисавета Острожскаго, К. В. Зана, (I: 3—36), Критическая записка объ изданіи Сунрасльскоіи рукописи О и В. (I: 169—176, II: 160—178), о которой было упомянуто въ Извѣстіяхъ (стр. 23—24), Взглядъ на древность глагольской письменности, П. П. Шафарика — часть того, что представлено въ запискѣ, напечатанной въ этомъ выпускѣ Извѣстій выше (стр. 367), три памятника Чешскоіи старои поэзіи, двѣ статьи о Шекспирѣ, В. Небескаго, замѣчанія о простонародныхъ названіяхъ растеній дра Ламбля, и пр.

— Jahrbücher für Slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft. Verantwortlicher Redacteur I. E. Schmalzer. Bautzen. 1852. 1-es Heft. (8° 64 + 16).

Возобновленіе этого журнала, который былъ издаваемъ др. Йорданомъ съ 1843 года, заставляетъ желать, чтобы его редакція обладала достаточнымъ количествомъ средствъ для исполненія своей обширной задачи. Самая замѣчательная статья первой книжки есть: Die Schriften der Mašica Serbska in der Lausitz; гдѣ сообщены любопытныя подробности о Лужичахъ, нарѣчій Лужичкомъ и начаткахъ Лужичкоіи литературы. (стр. 26—37).

— Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Skandinaves, éditées par la Société royale des Antiquaires du Nord. Tome II-ème Copenhague. 1852 (4°: XVI + 495 со снимками).

Первый томъ вышелъ въ 1850 (4°: XXXII + 491). Во второмъ, только что полученномъ, помѣщены отрывки изъ сагъ о короляхъ Норвежскихъ, саги и отрывки изъ нихъ о другихъ частяхъ Сѣвера (тутъ и Эймунова сага), саги объ Исландіи, отрывки изъ памятниковъ географическихъ (тутъ и сказанія Оттера и Вульфстана), нѣсколько юридическихъ памятниковъ. Тексты къ изданію, какъ видно, приготовлены очень тщательно; но новаго для Русскихъ древностей, кажется, не много.

— Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm. Leipzig. 1852. Три тетради (б. 8°: 720 стр. A—Aufschäumen.)

Явленіе для насъ важное и какъ одинъ изъ образцовъ

словаря подробнаго, и какъ пособіе для объясненія нѣкоторыхъ Славянскихъ словъ: въ немъ слова и выраженія Нѣмецкаго языка (новаго литературнаго) объяснены не только Латинскимъ переводомъ, описаніями и примѣрами изъ писателей (отъ Лютера до Гёте), но и значеніемъ ихъ въ памятникахъ древнихъ и старинныхъ, а равно и сравненіемъ ихъ съ словами языковъ сродныхъ. Въ этомъ огромномъ трудѣ братьямъ Гриммамъ помогали—какъ слышно—около 400 ученыхъ во всѣхъ краяхъ Германіи.

— *Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen von F. Bopp. Sechste Abtheilung. Berlin. 1852 (4°: 1157 — 1511).*

Въ этомъ выпускѣ окончень огромный трудъ Боппа, начатый въ то время, когда Индо-Европейская филологія едва начинала поднимать голову, а довершенный въ то время, когда многое въ ней уже стало измѣняться—если еще не на самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ въ умахъ ученыхъ. Безотнositельная важность этого творенія, равно какъ и степень вѣрности взгляда автора опредѣлится временемъ; но въ исторіи науки имя Боппа никогда не будетъ забыто, какъ имя одного изъ первыхъ подвижниковъ къ раскрытію задачи сравнительной филологіи. Славянская часть книги Боппа и въ этомъ выпускѣ такъ же случайна какъ и въ прежнихъ, но представляетъ нѣсколько любопытныхъ соображеній, которыя будутъ, конечно, не напрасно приняты къ свѣденію знатоками Славянскаго языка.

XXX.

Курсъ Словесности, изданный для Гимназій.

Къ числу замѣчательныхъ учебныхъ книгъ принадлежитъ курсъ словесности, назначенный для Гимназій и нынѣ отпечатанный вторымъ изданіемъ. Три книги этого курса (8°: 163—252—271) содержатъ Теорію словесности, именно: Риторику, Теорію прозы и Пинтику, четвертая книга (8°: 290) заключаетъ въ себѣ Исторію Русской словесности. Предметы сии распределены по классамъ Гимназій такъ, что первая книга составляетъ первый годъ уроковъ словесности, вторая — второй и т. д.

Представляемъ записку объ этомъ курсѣ, доставленную Редактору Извѣстій Предѣлательствующимъ П. И. Давыдовымъ.

Въ наше время наука и искусство уже болѣе не чуждаются другъ друга, идутъ рука объ руку: въ искусствѣ фантазія творитъ новый міръ, который разнится отъ дѣйствительнаго не формами, а только всеобщностью; въ наукѣ разумъ возсоздаетъ образы фантазій въ понятіяхъ. Законы созданія и возсозданія одинаковы и тождественны; на осно-

ваніи этого тождества, изъ искусства возникаетъ наука, свободное творчество духа приводится въ сознаніе, постигается, строится въ понятіяхъ. Свести явленія дѣйствительности въ понятія, сознать ихъ возможность и необходимость при извѣстныхъ условіяхъ:—это—задача всякой науки, рождающаяся изъ потребности духа человѣческаго. Такимъ образомъ раскрываются законы и въ созданіяхъ фантазій, которыя лишь только мы въ состояніи чувствовать; потому что разумъ, рѣшающій задачу о возможности какого либо явленія въ дѣйствительности, есть то же самое чувство развитое, просвѣтлѣвшее, себя сознавшее. Мы сочувствуемъ художническимъ произведеніямъ, въ слѣдствіе приращенныхъ духу нашему законовъ, общихъ чувству и разуму. Если камень, брошенный случайно на воздухъ, образуетъ слѣдомъ своимъ въ воздушномъ пространствѣ правильную параболу, математически нечисляемую: то уже ли фантазія можетъ произвести что либо безъ законовъ разума, высшаго проявленія чувства и фантазій? Нѣтъ ничего ни въ природѣ, ни въ духѣ нашемъ, что не было бы построено по высочайшимъ, непреложнымъ законамъ: открытіе этихъ законовъ, или изслѣдованіе истины, и составляетъ предметъ наукъ, какъ потребность духа. Нынѣ никто изъ мыслящихъ не думаетъ учить поэзіи или краснорѣчію; но никто также не сомнѣвается въ потребности сознать или постигнуть возможность художественныхъ произведеній, являющихся въ той или другой формѣ. Сознаніе или постиженіе этой возможности; и составляютъ науку словесности. Въ самомъ опредѣленіи значенія словесности, ея содержанія и объема, встрѣчаемъ не только различныя, но даже противорѣчащія мнѣнія. Одни принимаютъ науку словесности за изученіе теоретическое, другіе излагаютъ ее исторически. Въ историческомъ же изложеніи нѣтъ ограниченія словесности произведеніями поэзіи и краснорѣчія, а нѣкоторые въ область ея включаютъ всѣ сочиненія на языкѣ какого либо народа. Такое разнорѣчіе происходитъ отъ того, что названію словесности придаются разныя значенія, или одно и то же значеніе разсматривается съ разныхъ сторонъ. Послѣ этого удивительно ли, что для одного и того же предмета находимъ мы сочиненія подъ названіями и изящныхъ наукъ, и словесныхъ изящныхъ искусствъ, и изящной словесности, не говоря уже о риторикѣ и пинтикѣ, частію по невѣжеству, частію по злоупотребленію утратившихъ свое значеніе и пользу. Отъ неопредѣленности объема и содержанія словесности находимъ въ составѣ ея предметы посторонніе, каковы: психологія, логика, эстетика; напротивъ, предметы, существенно ей принадлежащіе, исключены изъ области словесности; самые элементы ея излагаются безъ основаній и всякой послѣдовательности.

Умственная дѣятельность человѣка проявляется въ двухъ видахъ: въ постиженіи явленій, въ природѣ и въ насъ са-

михъ происходящихъ, и въ творествѣ, посредствомъ котораго идеальный міръ переходитъ въ міръ явленій. Духъ нашъ въ постиженіи помощи разума сводитъ явленія въ понятія; въ творествѣ помощи фантазіи представляетъ идеи въ образахъ. Первая дѣятельность духа рождаетъ науку, вторая — искусство. Такъ въ наукахъ о природѣ умъ нашъ, открывая законы явленій, сводитъ дѣйствительное въ возможное. Наблюдая н. п. явленія воздушнаго электричества, постигаемъ законъ, при которомъ эти явленія возможны: и открытіе закона извѣстныхъ явленій есть уже собственность науки; зная возможность явленій, мы повелеваемъ дѣйствительностью, всю природу построиваемъ въ понятіяхъ. Совершенно противоположнымъ путемъ идетъ творчество — именно отъ идей къ дѣйствительности. Борисъ Годуновъ — Пушкина, есть выраженіе идеала.

Изъ этого слѣдуетъ, что наука, слѣдствіе постиженія, образуетъ систему понятій изъ явленій дѣйствительныхъ, а искусство, наоборотъ, претворяетъ идеи въ явленія. Очевидно, что выраженіе идеаловъ словомъ есть творчество, а это творчество проявляется словеснымъ искусствомъ, словесностью.

Но всякое искусство, или произведеніе искусствъ, какъ преобразовавшееся въ дѣйствительность идеи, становится предметомъ постиженія, или науки, паравѣсь съ явленіями видимаго міра. Слѣдовательно и словесное искусство, или словесность, можетъ и должна быть предметомъ особой науки.

Что жъ значить учиться словесности? Наука словесности, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, имѣетъ задачею постигнуть законы и условія, при которыхъ возможны творческія произведенія духа въ словѣ. Такъ н. п. показать характеръ эпической поэмы или ораторской рѣчи, различныя виды ихъ въ различныя времена и у различныхъ народовъ, отличіе отъ прочихъ родовъ поэзіи и краснорѣчія, указать на самихъ поэтовъ эпическихъ и ораторовъ, рассмотреть самое выраженіе, или короче, опредѣлить идею и форму н. п. эпической поэзіи или ораторской рѣчи, — вотъ предметъ науки словесности.

Каждая наука имѣетъ свою философію и исторію, или часть теоретическую и историческую. Философія, или теорія словесности, синтетически начиная изслѣдованія свои съ идей, основныхъ началъ и законовъ, доходитъ до идеальныхъ изображеній въ словесныхъ произведеніяхъ писателей; исторія словесности, аналитически разбирая творенія писателей, выводитъ тѣ же общіе законы науки.

Вообще все то, что есть, или было, служитъ во всякой наукѣ предметомъ ея исторіи; то, что можетъ и должно быть, предметомъ теоріи. Теорія и исторія взаимно одна другой помогаютъ; теорія словесности указываетъ единство началъ въ разнообразіи произведеній словесности; исторія

словесности оправдываетъ событіями своими законы и правила теоріи. Истинное знаніе во всякой наукѣ возможно при пособіи теоріи и исторіи.

Тутъ еще представляется одно недоразумѣніе, бывшее камнемъ преткновенія для многихъ: какія словесныя произведенія назовемъ мы творческими? Не всѣ сочиненія на какомъ либо языкѣ принадлежатъ къ области Словесности.

Всесообщая исторія занимается судьбами только народовъ, которые успѣли выразить общечеловѣческія стремленія, и такимъ образомъ достигли той степени гражданственности, на которой показали личность свою, особый характеръ, особую идею человѣчества. Къ общечеловѣческимъ стремленіямъ народовъ относятся религія, мудрые законы, богатый языкъ, науки, словесность, искусства. Оттого всѣ образованные народы разумѣютъ другъ друга въ наукахъ, походятъ одинъ на другой въ этомъ отношеніи, составляютъ одно органическое цѣлое, оставаясь однако каждый самымъ собою. Выраженіе народной жизни, самое полное и переживающее народы, есть словесность народа. Но здѣсь также не всякое словесное выраженіе народной жизни входитъ въ область словесности, а только тѣ выраженія, въ которыхъ проявляются общечеловѣческіе помыслы, образы, чувствованія — идеалы. Вотъ отличительный признакъ художественныхъ произведеній словесности. Письмо о частномъ какомъ либо предпріятіи, апелляціонная жалоба по какому либо иску гражданскому или уголовному, стихи на какойнибудь частный случай не входятъ въ область словесности. Напротивъ, сказка, переданная намъ изустно отъ нашихъ предковъ, въ которой высказалось воззрѣніе ихъ на Божій міръ и жизнь; пословица, въ которой окрѣпла народная дума; пѣсня, сохранившая живое чувство народа; басня или притча, какъ общая истина, явившаяся подъ особымъ символомъ; всѣ общечеловѣческіе идеалы въ эпосѣ, лириѣ и драмѣ, въ исторіи, философіи и міттистикѣ, на какомъ бы языкѣ ни выражались, принадлежатъ къ твореніямъ словесности, и служатъ предметомъ изслѣдованій науки словесности теоретическихъ и историческихъ. Эти произведенія духа нашего, по причинѣ общности своей, представляются цѣлымъ организмомъ, въ себѣ самымъ замкнутымъ, какъ въ природѣ внѣшней самое малое насѣкомое представляется особымъ явленіемъ общей жизни. Человѣческая природа, въ нихъ проявляющаяся, какъ всемірный нравственный законъ, всѣмъ намъ родная, и всегда дѣйствуетъ на нашу душу. Къ этимъ идеаламъ и въ истинѣ, и въ благѣ, и въ красотѣ, мы стремимся, никогда не достигая ихъ, какъ къ началамъ, присущимъ нашему духу. Нѣтъ ни Сіона, ни Вавилона, но псалмы Богодухновеннаго пѣснопѣвца трогаютъ насъ, возносятъ нашу душу: въ нихъ видимъ торжественное прославленіе Божіаго всемогущества, благости и милосердія. По тѣмъ же всечеловѣческимъ началамъ и всемірно-прав-

ственнымъ законамъ близки сердцу нашему и Гомеръ, и Софоклъ, и Тацитъ, и Данте, и Шекспиръ, и Шиллеръ.

Согласно съ этимъ воззрѣніемъ на словесность, полный курсъ науки словесности раздѣляется на теоретическое изученіе словесности и историческое. Критика словесныхъ произведеній есть только методъ, или приложеніе теорій и исторіи словесности къ ся произведеніямъ.

По теорія и исторія словесности не образуются изъ громады свѣдѣній теоретическихъ и историческихъ: наука не есть хаотическій сборникъ разнородныхъ знаній; напротивъ, это стройное цѣлое, живой организмъ, развивающійся изъ одного начала. Сочиненія, невыполняющія этихъ условій, въ которыхъ одна идея не проведена чрезъ всѣ уместованія, не имѣютъ права на названіе науки; въ нихъ видная связь состоитъ только въ числѣ листовъ бумаги и параграфовъ. Наука заключается въ понятіяхъ однородныхъ, основанныхъ на одномъ извѣстномъ началѣ.

Художественныя произведенія словесности, выражающія народную жизнь, представляютъ намъ два особые міра: идеальныи и дѣйствительныи. Отсюда происходитъ существенное различіе словесныхъ произведеній поэзіи и краснорѣчія. Это двѣ полярныя противоположности: одна преимущественно заключаетъ въ себѣ міръ идеаловъ, произведенія фантазіи свободной, общечеловѣческой; другая объемлетъ міръ дѣйствительныи — область разума, опредѣленнаго и индивидуальнаго. Изъ этого слѣдуетъ естественное раздѣленіе теоріи словесности на теорію поэзіи и краснорѣчія.

По міръ идеальныи и дѣйствительныи, изображаемыи въ поэзіи и краснорѣчіи, также представляетъ преимущественное выраженіе или внѣшней стороны жизни, или внутренней, или сліяніе той и другой въ дѣйствіи. Отсюда въ поэзіи и краснорѣчіи происходятъ соответственные роды творческихъ словесныхъ созданій: *эпосъ и исторія, лира и философія, драма и ораторская рѣчь, или витійство.*

По этому теорія поэзіи и краснорѣчія подраздѣляется, съ одной стороны, на теорію эпоса, лиры и драмы, а съ другой на теорію исторіи, философіи и витійства.

Сверхъ того, при воззрѣніи на всякое творческое словесное произведеніе, мы изучаемъ слово, какъ вещество идеи, или мысли. Здѣсь также представляются изслѣдованію нашему три момента: *языкъ, рѣчь и слогъ.* Слѣдовательно теорія слова содержитъ въ себѣ три предмета изученія: теорію языка, рѣчи и слога.

Таковы объемъ и содержаніе теорій словесности.

Чего жъ требуемъ мы отъ исторіи словесности?

Предметъ и объемъ исторіи словесности зависятъ отъ значенія, какое мы придаемъ словесности. Исторія словесности въ значеніи исторіи художественныхъ произведеній, заключаетъ въ себѣ только творенія поэтическія и тѣ изъ прозаическихъ сочиненій, которыя по изложенію возвыша-

ются до степени поэтическихъ произведеній. Исторія же словесности, въ значеніи народнаго просвѣщенія, содержитъ въ себѣ словесныя произведенія какого либо народа по всѣмъ отраслямъ знаній. Такъ Исторія народнои Нѣмецкой словесности Гервинуса представляетъ примѣръ исторіи словесности въ тѣснѣйшемъ значеніи; а Исторія словесности Менцеля служитъ примѣромъ исторіи словесности въ значеніи обширнѣйшемъ.

Каждый народъ, имѣя особенное назначеніе историческое, выполняетъ его по мѣрѣ совершенствованія своего, при извѣстныхъ условіяхъ мѣста и времени. Въ развитіи духа народнаго обнаруживаются общіе, неизмѣняемые его законы, нераздѣльные съ человѣческою природою, и частныя явленія, какъ условія различныхъ обстоятельствъ. Поэтому въ исторіи словесности каждаго народа, достигшаго до степени государственнаго развитія, различаются обыкновенно три періода, соответствующіе тремъ возрастамъ народнои жизни: 1) періодъ словесности народнои, безъискусственной, изустнои; 2) періодъ развитія письменныхъ словесныхъ произведеній, болѣею частью подъ вліяніемъ народовъ, старѣйшихъ въ образованіи, или періодъ подражательныи; 3) періодъ словесности художественно-народнои. Постепенное развитіе родовъ и видовъ въ произведеніяхъ словесности зависитъ отъ этого развитія внутреннеи народнои жизни; притомъ въ родахъ повторяются общіе законы духа человѣческаго, а въ видахъ изображаются частныя условія жизни того или другаго народа. Въ первомъ возрастѣ своемъ всѣ народы существуютъ болѣе жизнью внѣшнею. Въ юности духъ народныи приходя къ самопознанію, начинаетъ обращаться отъ внѣшней природы къ созерцанію собственныхъ душевныхъ движеній. Совершеннаго и полнаго умственнаго развитія достигаетъ народъ, когда науки и искусства переходятъ въ жизнь общественную, и когда мысль и чувство народа отражаются въ самобытныхъ произведеніяхъ его словесности.

Какъ всѣхъ народовъ, достигшихъ до развитія жизни государственнои, Русскіи умъ и Русское слово, какъ и вся необъятная земля наша, имѣютъ свою великую исторію. Въ разбираемомъ курсѣ и Исторія нашеи словесности, выражающей собственныи характеръ, представляетъ также три періода постепеннаго развитія умственнои жизни: 1) древніи, народныи; 2) средніи, подражательныи, и 3) новыи, художественно-народныи.

Гимназическій курсъ Словесности, по плану своему, удовлетворяетъ требованіямъ науки. Развитіе многихъ предметовъ могло бы быть болѣе обширное, съ показаніемъ для каждаго предмета источниковъ; но назначеніе сочиненія для среднихъ учебныхъ заведеній оправдываетъ тотъ объемъ содержанія, въ какомъ изложены въ курсѣ Теорія словесности и исторія Русской словесности. Въ Теоріи прозы и въ Цѣпикѣ

печислены по всѣмъ родамъ и видамъ словесныхъ произведеній образцовые писатели, иностранные и отечественные. На всѣ правила примѣры избраны съ знаніемъ дѣла. Въ Исторіи Русской словесности указаны монографіи, относящіяся къ подробнѣйшему изслѣдованію отличительныхъ свойствъ Русскихъ писателей. Къ Теоріи словесности и къ Исторіи Русской словесности приложены указатели писателей Русскихъ и иностранныхъ, изъ которыхъ замѣтствованы примѣры, или о которыхъ упоминается. Языкъ вездѣ правильный, точный, ясный. Изданіемъ этого курса прекращаются диктанты преподавателей словесности: теперь имъ остается слѣдовать за движеніемъ литературы и дополнять руководство ссылками на новыя литературныя явленія и избирать для учащихся новыя примѣры по образцу тѣхъ, которые представлены въ курсѣ.

Всѣ, занимающіеся воспитаніемъ и образованіемъ юности, останутся благодарны училищному начальству, и за дешевизну книжекъ, составляющихъ курсъ Словесности. Риторикѣ назначена цѣна 32 к. сер., Теоріи прозы 40 к., Пштикѣ 44 к., Исторіи Русской Словесности 46 к.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ
за Сентябрь 1852 года.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе имѣло восемь засѣданій а именно: 4, 6, 11, 13, 18, 20, 25 и 27 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ подъ предѣтельствомъ П. П. Давыдова присутствовали: П. Г. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Шлетневъ, І. С. Кочетовъ, Я. П. Бердниковъ, М. А. Коркуновъ и П. П. Срезневскій.

И.

Общій Словарь Русскаго языка.

Отдѣленіе, по соображеніи мнѣнія г. Предѣлствующаго объ изданіи Академическаго Словаря и замѣчаній на оное І. С. Кочетова, П. П. Срезневскаго, С. П. Шевырева и другихъ ученыхъ, утвердило правила, которыя предполагаетъ наблюдать при новомъ его изданіи. Правила эти, которыя Отдѣленіе надѣется дополнить при разсмотрѣніи пробнаго листа, составляемаго г. Предѣлствующимъ и П. П. Срезневскимъ, опредѣлено представить г. Министру Народнаго Просвѣщенія и препроводить къ А. С. Норову, С. П. Шевыреву, М. П. Погодину, П. М. Строву и Проф. Я. К. Гроту и О. П. Буслаеву. Вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе нашло необходимымъ. 1) немедленно приступить къ приготовленію матеріаловъ для новаго изданія Словаря. Самъ г. Предѣлствующій изъявилъ желаніе заняться обработкою словъ на буквы а и я; П. П. Срезневскій взялъ на себя обработку словъ на букву б; І. С. Кочетовъ — словъ на букву г; А. Х. Востоковъ — на

буквы д и е; Я. П. Бердниковъ — словъ на букву ж; М. А. Коркуновъ — словъ на букву з. Сверхъ того объ участіи въ семъ трудѣ опредѣлено просить отсутствующихъ: С. П. Шевырева — о разсмотрѣніи, дополненіи и объясненіи словъ на буквы в и и; М. П. Погодина — словъ на буквы и и і и П. М. Строву — словъ на букву к. 3) печатно обратиться къ любителямъ отечественнаго языка о доставленіи въ Отдѣленіе замѣчаній о Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка относительно пропущенныхъ словъ и неправильныхъ или неполныхъ опредѣленій. Составленіе и печатаніе такового приглашенія поручено Редактору Извѣстій.

Въ одно изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ засѣданій г. Предѣлствующій читалъ приготовленные имъ слова на букву а.

Д. М. Перевощиковъ и П. П. Срезневскій сообщили въ Отдѣленіе, первый — составленные имъ опредѣленія астрономическихъ и математическихъ терминовъ на буквы з, и и к, а второй — письма гг. Лейстрема и Микуцаго, заключающія объясненія Русскихъ словъ.

Духовникъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны Протоіерей Стефанъ Сабитинъ и Профессоръ Александровскаго Университета Я. К. Гротъ изъявили готовность просмотрѣть въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка слова, которыя, по ихъ мнѣнію, перешли къ намъ изъ языковъ Скандинавскихъ.

Редакторъ ученыхъ работъ Императорской Публичной Библіотеки К. А. Косовичъ занялся просмотромъ Академическаго Словаря для сравненія Русскихъ словъ съ Санскритскими.

Профессоръ С. Петербургскаго Университета К. П. Неволинъ изъявилъ согласіе принять на себя просмотръ и дополненіе юридическихъ терминовъ, помѣщенныхъ въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, а Професс. зоологін въ Московскомъ Университетѣ К. Ф. Рулье, объявилъ г. Предѣлствующему, что какъ онъ самъ, такъ и Профессоръ минералогіи Г. Е. Щуровскій готовы заняться объясненіемъ словъ по части зоологій и минералогіи.

III.

Областные Словари.

Отъ Профессоровъ Казанскаго Университета О. М. Ковалевскаго и П. П. Березина получены отъ перваго — списокъ Областныхъ Великорусскихъ словъ, обнаруживающихъ свое происхожденіе изъ языка Монгольскаго, а отъ втораго — объясненіе восточныхъ словъ, встрѣчающихся въ первыхъ семи буквахъ Областнаго Словаря.

Читаны «Замѣчанія по поводу Областнаго Велико-Русскаго Словаря» Профессора Московскаго Университета С. Соловьева и письмо П. Цвѣтницкаго, въ которомъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о говорѣ жителей сел. Веретен (Моложскаго уѣзда Ярослав. губ.), сравнивая его съ Поль-

скимъ. При письмѣ г. Цѣвинскаго приложена пѣсня, записанная имъ въ Веретѣ. Определено: замѣчанія г. Соловьева и пѣсню передать Редактору Извѣстій, а свѣдѣніями г. Цѣвинскаго воспользоваться по полученіи болѣе подробныхъ свѣдѣній о говорѣ Ситкарей.

И. П. Срезневскій представилъ 1) собранныя имъ самимъ 72 слова, не находящіяся въ Опытѣ Областнаго Велико-русскаго Словаря на буквы и и к; 2) полученное имъ отъ П. П. Небольсина продолженіе допущеній въ тому же Словарю и 3) Областные слова, присланныя нашимъ ученымъ оріенталистомъ В. В. Григорьевымъ.

Г. Предсѣдательствующій внесъ въ Отдѣленіе, полученныя имъ отъ П. Г. Лавдовскаго: 1) нѣкоторыя замѣчанія объ извѣстномъ ему съ малолѣтства Кадниковскомъ (Волог. губ.) областномъ говорѣ, 2) сборникъ простонародныхъ словъ (болѣе 400) Кадниковскаго уѣзда на буквы а, б, в и г, составленной по просмотрѣ въ Областномъ Словарѣ словъ на означенныя буквы; въ этомъ сборникѣ помѣщены слова, находящіяся въ Областномъ Словарѣ, но употребляющіяся въ Кадниковѣ или съ другимъ удареніемъ или въ другомъ значеніи, и слова, которыхъ не достаетъ въ Словарѣ. Переданы для предварительнаго разсмотрѣнія А. Х. Востокову.

Учитель Нижегородской гимназіи Ланинъ и г. Захаровъ представили г. Предсѣдательствующему первыи — областныя слова, употребляющіяся въ разныхъ губерніяхъ Россіи, а второй — списокъ областныхъ словъ, собранныхъ имъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ С. Петербургской губерніи.

III.

Изданіе Памятниковъ.

Директоръ училищъ Вятской губерніи увѣдомилъ г. Предсѣдательствующаго, что онъ пригласилъ учителей гимназіи и уѣздныхъ училищъ къ собиранію образцовъ народнаго Русскаго языка и Словесности, по составленной Отдѣленіемъ программѣ.

Надворный Совѣтникъ П. П. Посовичъ, старшій учитель Нижегородской гимназіи Ланинъ и Захаровъ представили г. Предсѣдательствующему первыи — Бѣлорусскія повѣсти и анекдоты; второй — поговорки, загадки и пословицы, съ показаніемъ отличія противъ напечатанныхъ Снегиревымъ; П. М. г. Пирескулъ стихи на Малороссійскомъ нарѣчій; а г. Захаровъ одну хороводную и двѣ свадебныя пѣсни, записанныя имъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ С. Петерб. губерніи.

IV.

Извѣстія.

Читаны и одобрены къ напечатанію 17, 18, 19, 20, 21 и 22 листы Извѣстій съ XI—XVI листами Прибавленій.

Читано письмо Библіотекаря Вѣнской Императорской Библіотеки Миклошича, въ которомъ онъ благодаритъ за разборъ сочиненій его и за присылку Словаря Церковно-Славян-

скаго и Русскаго языка и Извѣстій, которыя, по его мнѣнію, составить эпоху въ наукѣ, которой они посвящены, и обѣщаетъ прислать статью для помѣщенія въ этомъ изданіи. Определено: просить г. Миклошича о доставленіи общае-мой статьи на томъ языкѣ, на которомъ пожелаетъ онъ самъ, и препроводить къ нему экземпляръ Общесравнительной Грамматики Русскаго языка.

V.

Особыя чтенія.

И. П. Срезневскій показывалъ въ Отдѣленіи образцы глагольной азбуки, составленной по древнимъ рукописямъ П. П. Шафарикомъ. Определено: поручить И. П. Срезневскому составить болѣе подробную таблицу письменъ глагольскихъ, сравнительно съ кирилловскими, для помѣщенія въ Извѣстіяхъ.

Ректоръ С. Петербургскаго Университета доставилъ Отчеты Университета, диссертаций и другія изданія Университета, имѣющія предметомъ филологію и сродныя съ нею науки, и увѣдомляетъ, что имъ сдѣлано распоряженіе о доставленіи и на будущее время сочиненій подобнаго содержанія. Определено: благодарить за присланныя сочиненія и Отчеты.

Читаны первыя Историческія Чтенія о языкѣ и словесности: Вступительная Записка и о Договорѣ 907 года, И. П. Срезневскаго; о языкѣ Олегова Договора съ Греками въ 911 году, П. Д. Бѣляева; о Іаковѣ Мнихѣ, М. П. Ногодина.

Отдѣленіе, по предложенію г. Предсѣдательствующаго, положило войти въ сношеніе съ А. Ф. Велтманомъ и просить его о составленіи біографіи Почетнаго Члена Отдѣленія М. П. Загоскина, вмѣстѣ съ критическимъ разборомъ его сочиненій.

Г. Предсѣдательствующій объявилъ, что исправляющій должность Экстраорд. Профессора въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ Лебедевъ изъявилъ по его приглашенію согласіе заняться переводомъ сочиненія Гумбольдта, подъ заглавіемъ: Ueber die Verschiedenheit des Sprachbaues.

Читаны: 1) письмомъ С. Г. Микуцаго, въ которомъ онъ увѣдомляетъ г. Предсѣдательствующаго, что готовъ совершить путешествіе въ Бѣлорусскіи и Литовскіи краи для филологическихъ изслѣдованій, и 2) записка, составленная по порученію Отдѣленія И. П. Срезневскимъ о путешествіи г. Микуцаго въ Бѣлорусскіи и Литовскіи краи. Определено: войти предварительно въ сношеніе съ г. Попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа.

за Октябрь мѣсяцъ 1852 года.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ, Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ имѣло девять засѣданій, а именно: 2, 4, 9, 11, 16, 18, 23, 25 и 30 чиселъ. Въ сихъ засѣданіяхъ, подъ предсѣдательствомъ И. П. Давыдова участвовали Академики: П. Г. Бут-

ковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Плетневъ, І. С. Кочетовъ, Я. П. Бердниковъ, М. А. Коркуновъ, и П. П. Срезневскій.

В.

Общій Словарь Русскаго языка.

Г. Предсѣдательствующій продолжалъ чтеніе Русскихъ словъ на букву А; а Академики П. П. Срезневскій и І. С. Кочетовъ читали слова на буквы В и Г.

М. А. Коркуновъ, представилъ г. Предсѣдательствующему нѣсколько старинныхъ словъ на букву А, употребляемыхъ и въ настоящее время.

Полковникъ Д. А. Милотинъ и Профессоръ С. Петербургскаго Университета П. А. Ильенковъ, въ отвѣтахъ своихъ къ г. Предсѣдательствующему на приглашеніе Отдѣленія выразили готовность свою заняться, первый — опредѣленіемъ словъ, относящихся до военныхъ наукъ, а второй словъ, употребляемыхъ въ технологіи, и просили подробнѣйшихъ поясненій относительно означенныхъ трудовъ. Положено: сообщить Гг. Милотину и Ильенкову требуемыя имъ поясненія.

Профессоръ Московскаго Университета Г. Е. Щуровскій уведомилъ г. Предсѣдательствующаго, что онъ готовъ принять на себя объясненіе минералогическихъ терминовъ для новаго изданія академическаго Словаря, о чемъ уже и объявилъ отъ его имени Проф. Рубе, но проситъ Отдѣленіе отложить исполненіе сего порученія до будущаго академическаго года. Положено: просить г. Щуровскаго о сообщеніи, если онъ найдетъ для себя возможнымъ, объясненіе минералогическихъ терминовъ на первыя буквы Русскаго алфавита, въ настоящемъ году или въ началѣ будущаго.

III.

Областные Словари.

М. А. Коркуновъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что занимающіися редакціею Словаря Западно-Русскаго нарѣчія О. Протоіерей І. І. Григоровичъ (скончавшійся 1-го Ноября) окончилъ печатаніе 8, 9 и 10 листовъ означеннаго Словаря.

Профессоръ Я. К. Гротъ, къ которому было препровождено для разсмотрѣнія представленное г. Ленстремомъ «Извлеченіе изъ Опыта Областнаго Великорусскаго Словаря словъ, сродныхъ съ словами языковъ Скандинавскихъ, по корнямъ и значенію», представилъ мнѣніе свое объ означенномъ трудѣ. Г. Гротъ, противъ каждаго изъ словъ, выписанныхъ г. Ленстремомъ, прилагаетъ свои собственныя замѣчанія. Положено передать редактору Извѣстій.

Г. Предсѣдательствующій внесъ въ Отдѣленіе представленныя ему А. П. Смирновымъ: 1) слова, напечатанныя въ Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря, при которыхъ слѣдуетъ прибавить, что они употребляются въ Ковровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи и 2) списокъ словъ, не находящихся въ Областномъ Словарѣ и употребляющихся

въ томъ же Ковровскомъ уѣздѣ. Опредѣлено передать А. Х. Востокову.

III.

Извѣстія.

П. П. Срезневскій прочелъ составленное имъ объявленіе объ изданіи Извѣстій Отдѣленія въ 1853 году. Положено: напечатать это объявленіе въ академическихъ Вѣдомостяхъ и потомъ препроводить въ другія періодическія изданія, въ редакціи столичнымъ журналовъ и губернскихъ вѣдомостей, прося о перепечатаніи.

IV.

Изданіе Памятниковъ.

Высокопреосвященныи Григорій, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, препроводилъ къ г. Предсѣдательствующему, образцы народнаго Русскаго языка и словесности, представленные ему: протоіереями городовъ Ядрина А. Николаевымъ и Царевококшайска В. Смирновымъ; Благочинными: Казанскаго уѣзда Политовымъ и Мелановскимъ и села Шихазанова Бильбуциновскимъ; священниками: городъ Чистополя Воецкимъ и Мамадыша Пеньковскимъ; селъ Чермышева Кроковскимъ и Красной горки Антеноровымъ. Положено: препроводить для разсмотрѣнія П. П. Срезневскому.

Редакторъ Извѣстій П. П. Срезневскій сообщилъ Отдѣленію, что онъ получилъ отъ А. Н. Аванасьева нѣсколько Великорусскихъ пѣсень и образцовъ Бѣлорусскаго нарѣчія, которыми надѣется воспользоваться для Прибавленій къ Извѣстіямъ.

Я. П. Бердниковъ читалъ отзывъ свой о переданныхъ ему для разсмотрѣнія пословицахъ и поговоркахъ, представленныхъ Г. Ланшинымъ.

Священникъ села Ишакъ (Козмодемьянскаго уѣзда, Казанской губ.) Василій Грозовъ, и учитель Московской Гимназіи А. П. Смирновъ представили первый — пословицы и выраженія, записанныя со словъ простаго народа села Ишакъ, а второй нѣсколько пословицъ, употребляемыхъ въ Ковровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Опредѣлено: передать Редактору Извѣстій.

V.

Особыя Чтенія.

Г. Вице-Президентъ Императорской Академіи Наукъ, препроводилъ въ Отдѣленіе Сербско-Нѣмецко-Латинскій Словарь. В. С. Караджича, предлагаетъ разсмотрѣть его и донести, какъ о достоинствѣ сего Словаря, такъ и томъ, заслуживаетъ ли онъ испрашиваемой авторомъ высокой чести быть поднесеннымъ Государю Императору Цесаревичу. Академики А. Х. Востоковъ и П. П. Срезневскій, которымъ Отдѣленіе поручало разсмотрѣніе сего Словаря, въ отзывахъ своихъ выражаются съ особенною похвалою о трудѣ Караджича и объясняютъ его значеніе и важность.

Положено: представить Г. Вице-Президенту отзывы *Востокова* и *Срезневскаго* и довести до свѣдѣнія Его Сіятельства, что Отдѣленіе, основываясь на означенныхъ отзывахъ, считаетъ своею обязанностію ходатайствовать о поднесеніи Его Императорскому Высочеству новаго изданія Сербскаго Словаря *Караджича*, какъ одного изъ примѣчательнѣйшихъ твореній по Славянской филологіи.

Составленіе Отчета о дѣйствіяхъ Отдѣленія въ 1852 году Отдѣленіе поручило П. А. *Плетневу*.

Отдѣленіе, предполагая извлечь изъ хранящихся въ Академіи бумагъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся до *Ломоносова*, просило Г. Непремѣннаго Секретаря о сообщеніи въ Отдѣленіе дѣлъ и протоколовъ Общаго Собранія за тѣ годы, когда *Ломоносовъ* былъ членомъ Академіи. Въ слѣдствіе сего Г. Непремѣнный Секретарь препроводилъ въ Отдѣленіе Описъ старыхъ дѣлъ Архива Конференціи. Я. П. *Береди́ковъ*, которому Отдѣленіе поручало рассмотреть означенную Опись доложилъ, что онъ находитъ полезнымъ рассмотреть дѣла подъ № 64: Acta contra Lomonosoff и Acten des Streitschriften des prof. Trediakowsky. Определено: Опись возвратитъ къ г. Непремѣнному Секретарю и просить его о допущеніи Я. П. *Береди́кова* къ рассмотрѣнію дѣлъ значащихся въ Описи подъ № 64.

Я. П. *Береди́ковъ* читалъ мнѣніе свое о рассмотрѣнныхъ имъ, по порученію г. Предсѣдательствующаго, разсужденіяхъ: 1) «о юридическомъ значеніи общины въ періодъ Русской Правды» и 2) «о *передѣ* или *позадѣ*, какъ неизвѣстномъ названіи должностнаго лица, упоминаемомъ въ текстѣ Русской Правды». Положено передать Редактору Извѣстій.

А. О. *Вельтманъ* отвѣчалъ г. Предсѣдательствующему на письмо его отъ 20 Сентября, что онъ съ удовольствіемъ готовъ исполнить предложеніе Отдѣленія о составленіи біографіи покойнаго Почетнаго члена Отдѣленія М. Н. *Заюсина*, но проситъ извинить его, если онъ нѣсколько замедлитъ, потому что занятъ теперь устройствомъ Оружейной Палаты въ новомъ помѣщеніи и изданіемъ Древностей Московскаго государства. Положено: просить г. *Вельтмана* о сообщеніи въ настоящее время послужнаго списка о службѣ М. Н. *Заюсина*, для извлеченія изъ него необходимыхъ свѣдѣній для Отчета по Отдѣленію, и списка его сочиненій*).

Читано письмо Директора Новгородской Гимназіи О. П. *Эрдмана* къ Г. Предсѣдательствующему, отъ 19 Октября, филологическаго содержанія. Положено: передать Редактору Извѣстій.

П. П. *Срезневскій* представилъ въ Отдѣленіе записку А. Н. *Попова* о Лѣтописяхъ Великихъ Князей Литовскихъ. Положено: внести въ Историческія Чтенія о языкѣ и Словесности.

*) То и другое уже доставлено А. О. *Вельтманомъ*, и списокъ сочиненій *Заюсина* прилагается къ симъ протоколамъ.

Чистопольскій мѣщанинъ С. *Мельниковъ* представилъ въ Отдѣленіе, при донесеніи отъ 29 Августа, старинную Русскую рукопись. Положено: передать для рассмотрѣнія С. *Кочетову* и Я. П. *Береди́кову*.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

ХІ.

Изъ письма къ Редактору г. А. Рудзевича.

— Нѣтъ спора, что рассмотрѣніе языка въ отношеніи къ звукамъ должно составлять одинъ изъ главныхъ отдѣловъ теоріи грамматической. Я бы позволилъ себѣ думать только, что такое рассмотрѣніе должно касаться не совершенно тѣхъ вопросовъ, или же если и тѣхъ самыхъ то не совершенно въ томъ объемѣ, въ какомъ мы ихъ видимъ въ грамматикахъ Нѣмецкихъ. Болѣе всѣхъ другихъ на видъ должны быть поставляемы два: *первый* — о соотношеніи звуковъ между собою по ихъ разрядамъ, а *второй* — объ отношеніи звуковъ коренныхъ къ производнымъ, о степени и условіяхъ замѣненія первыхъ послѣдними.

— Разсматривая звуки Русскаго языка въ ихъ взаимномъ соотношеніи по разрядамъ, я дошелъ до слѣдующихъ результатовъ:

1. Звуки гласные и согласные соотносятся въ немъ какъ 976 къ 1000, или иначе говоря въ каждой 1000 звуковъ гласныхъ 494, а согласныхъ 506.

2. Изъ звуковъ гласныхъ тонкіе (е, и, ѣ, ю, я) относятся къ широкимъ (а, о, у, ѳ, э) какъ 960 къ 1000, т. е. въ каждой 1000 гласныхъ тонкихъ 490, а широкихъ 510.

3. Изъ звуковъ согласныхъ первое мѣсто по количеству занимаютъ плавные (р, л, н): 302 изъ 1000, зубные: 233 изъ 1000, губные: 227 изъ 1000, и свистящіе съ шипящими (с и ш, з и ж, ц и ч, ѣ): 220 изъ 1000. Остальное количество: 118 изъ 1000 занимаютъ гортанные.

— Разсматривая звуки по отношенію къ ихъ древности находимъ, что изъ 1000 звуковъ Русскаго языка 686 осталось на своихъ древнихъ мѣстахъ, а 314 явились вновь или вмѣсто древнихъ или какъ прибавочные.

Редакторъ позволяетъ себѣ выразить желаніе, что бы г. Рудзевичъ сообщилъ подробности своихъ разысканій, (особенно относительно втораго вопроса), а вмѣсто съ тѣмъ и правила, которыхъ онъ придерживался въ приѣмахъ расчета. Сравненіе древняго языка съ новымъ всегда любопытно, какъ лучший путь къ разрѣшенію вопросовъ исторіи языка, но для такого сравненія необходимъ опредѣлительный взглядъ на языкъ: неопредѣля, какой именно языкъ считать древнимъ и какую отрасль современнаго новымъ, едва ли возможно дать сравненію ихъ должную цѣнность.

При этомъ кстати припомнить, что д-ръ Фёрстеманъ сдѣлалъ подобный арифметическій расчетъ о соотношеніи звуковъ въ языкахъ Греческомъ, Латинскомъ и Готскомъ древ-

немъ (Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft. 1851. II. стр. 163 и слѣд.), а дръ Шлейхеръ (Formenlehre der Kirchen Slaw. Sprache. стр. 20 и слѣд.) примѣнилъ его къ Церковно-Славянскому. По ихъ расчетамъ вышло, что изъ 100 звуковъ

	въ Славян.	въ Греч.	въ Латин.	въ Готт.
гласныхъ	49 $\frac{1}{2}$	46	44	41
согласныхъ	50 $\frac{1}{2}$	54	56	59
Изъ 100 гласныхъ звуковъ				
а(—ъ)	18,8	17	16	35
е, и(—ь)	39,8	39	51	22
о, у(—ъ—ы)	32,8	30	30	13
Изъ 100 согласныхъ				
гортанныхъ	9,7	9	13	12
зубныхъ (—ъ)	24	22	22	20
свистящихъ и шипящихъ	22,5	23	15	14
плавныхъ (р—л)	13	13	14	11
губныхъ	22,1	16	22	19
носовыхъ (—ъ—а)	17,3	18	14	18

ХИ.

Отрывокъ изъ письма къ Редактору отъ В. С. Караджича.*)

Поставши ја, као што је вама познато, 1814 године у Бечу Српски списатељ, и познавши да списатељи наши

*) Представляя въ подлинникъ письмо В. С. Караджича какъ образецъ его способа выражаться на Сербскомъ языкѣ, прилагаю содержаніе оного по Русски для тѣхъ изъ читателей, которые не привыкли къ Сербскому:

— «Начавши, какъ вамъ извѣстно, въ 1814 году писать по Сербски, и увидѣвши, что наши писатели, не зная ни Сербскаго языка, ни народа, портятъ въ своихъ книгахъ языкъ народа и вводятъ въ обманъ иностранцевъ, желающихъ изъ нихъ узнать Сербовъ и ихъ языкъ (вы знаете, что и Русскіе до меня не могли понять особенностей Сербскаго языка), я взялъ на себя трудъ показать Сербамъ и иностранцамъ нашъ языкъ и народъ, каковы они въ самомъ дѣлѣ. Для этого я сталъ собирать народныя пѣсни, рассказы, загадки, пословицы, слова и правила ихъ употребленія въ народѣ, описывать народныя обычаи и все, что въ народѣ говорится и слышится. Довольно много всего этого я привнесъ въ Вѣну въ своей памяти, кое что замѣти еще въ родительскомъ домѣ, а кое что услышавши послѣ въ народѣ; и сталъ тогда записывать и то что зналъ, и то что послѣ слышалъ и узнавалъ. Для народныхъ пѣсенъ я былъ нѣсколько разъ въ Сербіи; а для языка странствовалъ въ Славонію, Хорватскую землю, Далмачію, Дубровникъ, Которскую Боку, Черногорье. Тяжкимъ горемъ остается на моемъ сердцѣ, что я не могъ посѣтить Босны, Герцеговины, Косова поля, Метохию, и всей старой Сербіи, какъ для своего дѣла, такъ и для того, чтобы узнать, куда простирается нашъ языкъ въ Азбаніи и Македоніи и гдѣ граничитъ онъ съ языкомъ Болгарскимъ: часто задумывалъ я это странствіе, часто приготовлялся къ нему; но смутныя обстоятельства всегда этому мѣшали. О пѣняхъ, рассказахъ, обычаяхъ я могъ кое кого и спрашивать; но о словахъ и пословицахъ распросы не возможны: для нихъ надобно ожидать случая, пока онъ встрѣтится въ разговорѣ. Для этого я всегда носилъ при себѣ бумагу и карандашъ (какъ дѣлаю и теперь), и при случаѣ тотчасъ записывать все, чего не зналъ или что мнѣ казалось не было у меня отмѣчено прежде. Я старался бывать тамъ, гдѣ люди много говорятъ, и часто самъ заводилъ разговоръ о разныхъ предметахъ въ надеждѣ узнать для себя что нибудь новое. Въ Дубровникѣ я хаживалъ не рѣдко вечеромъ въ простую корчму за городъ, гдѣ продавцы мяса, болѣе изъ Герцеговцевъ, изъ окрестныхъ селъ, пьютъ и поютъ подъ гусли, и пѣвцовъ угощали виномъ, лишь бы только пѣли, потому что для

управо не познаю ни Српскога језика ни народа, и тако својимъ књигама да кваре наш народни језик и варају иностранце, који из њих желе познати Србе и језик њихов (као што знате да ни Руси прије мене нијесу могли познати Српскога језика), одмах сам намислио потрудити се да бих и Србима и иностранцима показао и Српски народ и његов језик управо онако какви су. Зато сам почео скупљати народне пјесме, приповјетке (свакојаке и о свачему), заговетке, пословице, ријечи и правила како се оне у народу говоре,

словъ я радъ былъ слушать и такіа пѣсни, которыя не стоило записывать для печати.

Забывая о томъ, чтобы языкъ нашъ былъ представленъ такимъ каковъ онъ есть, и чтобы читатель вполне могъ вѣрить, что народъ выражается именно такъ, какъ я говорю, я рѣшился лучше оставить много народныхъ словъ (я и такъ былъ увѣренъ, что собрать всѣ не могу), чѣмъ вложить въ ихъ число хоть одно ненародное. Слыша слово, я не только отмѣчалъ мѣстность, гдѣ оно употребляется, но старался узнать, точно ли оно тамъ въ ходу и точно ли такъ выговаривается какъ я слышалъ. Если случалось мнѣ услышать слово переверочное отъ одного или двухъ, то такого слова я не отмѣчалъ, а записывалъ только тѣ извороченныя слова, которыя такъ употребляются многими въ цѣломъ краю: *котач* вмѣсто *точак* въ Хорватской землѣ, *жем.леш* вмѣсто *лемеш* въ Черногорьи, *седло* вмѣсто *седло* въ Бокѣ, *заик* вмѣсто *јазик* около Рѣки (Fiume), *акримондрит* вмѣсто *архимандрит* въ Задрѣ (Зага), а можетъ быть и всюду и т. д. Эти и подобныя слова я внесъ въ Словарь не для того, чтобы писатели употребляли ихъ въ книгахъ, а чтобы показать, какъ народъ изворачиваетъ слова (есть такіа слова и въ Старославянскомъ — напр. *адина* = *ладина*, и въ Русскомъ вмѣстѣ съ Сербскомъ противъ обычая Славянскаго — напр. *длань* = *ладонь*, *алчнь* = *лачан*, *гомила* = *могила* и пр.). Я записывалъ и чужія слова, употребляемыя народомъ, но при нихъ ставилъ и Сербскія, какія зналъ какъ народныя; записывалъ съ радостью тѣ слова иностранныя, которыя въ говорѣ народномъ измѣнены и посерблены, какъ напр. *ербовати* отъ Нѣмецкаго *werben*, откуда *ербовка* вмѣсто *Werbung*. Слова, которыя считалъ Турецкими, я отмѣчалъ звѣздочкой; но можетъ быть коегдѣ въ этомъ и ошибся. — Есть въ Сербскомъ языкѣ нѣсколько маловажныхъ мѣстныхъ нарѣчій, которыя я называлъ *восточнымъ*, *южнымъ* и *западнымъ*; такъ напр. по восточному нарѣчію говорится *дете*, *деца*, *свати*, по южному *дијети*, *дјеца* и *ђеца*, *сијати*, по западному *диге*, *дица*, *сијати*. Правда, что западнымъ нарѣчіемъ говорятъ болѣе Римско-Католики; но такъ какъ между ними есть и наши православные (какъ напр. въ Далмачіи и въ Сокольской нахъ въ Сербіи), а въ Боснѣ и магометане, и такъ какъ при составленіи Словаря я обращалъ вниманіе не на вѣроисповѣданіе, а на языкъ, то, предположивъ цѣлю представить языкъ всего народа, я включилъ въ Словарь слова по всѣмъ этимъ нарѣчіямъ. Думаю, что враги мои поступили несправедливо, сочетши порокомъ Словаря то, что я внесъ въ него слова по западному нарѣчію и черезъ это наполнилъ его *шокцизмами*. *)

Объ остальномъ, что касается моихъ понятій о нашихъ книгахъ, писателяхъ и книжникахъ, можете видѣть въ книжкѣ моей: «В. С. Караджича и Савы Текеліи Письма къ Преосвященному Платону Атанацковицу Епископу Будимскому. Вѣна. 1843.» (особенно въ началѣ и на концѣ отъ стр. 80).

Съ увѣренностію могу сказать, что всѣ наши литераторы и самые сильные изъ моихъ враговъ помогали и постоянно помогаютъ въ моемъ дѣлѣ; впрочемъ мало кто такъ, какъ Ю. Данишичъ, Б. Радичевичъ и священникъ Димитрій Сомборскій: многіе другіе только моими мыслями о языкѣ только чинятъ свои мысли и старое знаніе, и эти трое свои прежнія мысли и свое знаніе языка совсѣмъ оставили и по моему способу стали вновь изучать свой языкъ.»

Къ этому прибавить позволяю отъ себя, что нѣкоторыя подробности о литературной дѣятельности В. С. Караджича можно найти въ моей біографіи этого знаменитаго писателя, составленной со словъ его самого (въ Москов. Сборникѣ 1846 г. стр. 349 и слѣд.).

*) Именемъ *шокцев* (*шокаци*) называютъ Сербовъ православныхъ Сербовъ Римско-Католическихъ.

описивати обичаје и све што се у народу говори и чује. Од свачега овога ја сам подоста донио у Беч у глави, које што сам још из куће очине запамтио, које што сам послѣје којегадје по народу слушао; али сам онда почео записивати и оно што сам знао, и оно што сам наново чујао и дознавао. Ради народнијех пјесама пишао сам неколика пута у Србију, а ради језика путовао сам преко Славоније у Хрватску, Далмацију, Дубровник, Боку Которску и Црну гору; него ми је остала велика рана на срцу, што нијесам могао отићи у Босну, Херцеговину, Косово, Метохију и у сву стару Србију, како ради овога мојега посла тако и да видим, докле се у Арнаутској и у Македонији говори језик наш и гдје су и какве су праве границе између језика Српскога и Бугарскога. Ја сам о овоме путу једнако мислио и доста пута се на њ спремао, али су сметње толике биле, да се нијесу могле надвладати. За пјесме, приповјетке и обичаје могао сам и питати кога, али за ријечи и пословице не може човјек питати никога, него ваља чекати док се у разговору што не чује. За то сам ја једнако уза се носио (као и сад још што носим) хартије и плајваз, па како сам гдје што чуо што нијесам знао или што сам мислио да немам написано, одмах сам записивао. За то сам свуда гледао, да се налазим гдје људи много говоре, а често сам и сам заметао разговоре о различнијем стварма, да бих за себе што ново могао чути; у Дубровнику сам пишао много пута у вече у просту крчму иза града гдје комардари, понавјише Херцеговци из оближњијех села, пију и пјевају уз гусле, и пјевачима сам плаћао по коју чашу вина, да би једнако пјевали, јер сам ја због ријечи свуда радо слушао и оне пјесме које нијесу биле лијепе да би се писале за штампање.

Будући да је моја брига и намјера била, да се покаже народни језик какав је и да би се читатељ управо могао ослонити, да заиста овако народ говори као што ја кажем, за то сам волио много народнијех ријечи изоставити (јер сам знао да их и онако све не могу покупити), него ли међу њих узети једну, које народ не говори. Кад сам какву особиту ријеч чуо, не само што сам биљежио гдје сам је чуо или, по ономе од кога сам је чуо, гдје се говори, него сам се још старао дознати, да ли је она заиста онамо код више људи позната и даки се баш онако изговара као што сам ја ја чуо. Ако сам гдје чуо, да само један човјек или двојица говори какву ријеч извртнуто, таковијех ријечи нијесам писао; али ако сам гдје нашао, да много људи у читавоме каквом крају говоре какве ријечи извртнуто, такове сам ријечи писао, као н. пр. у Хрватској што се говори *котач* мјесто *точак*, у Црној гори *јемљеш* мјесто *лемеш*, у Боци *селдо* мјесто *седло*, око Ријеке *заик* мјесто *јазик*, у Задру, а може бити и по свему народу нашем, *акримандрит* мјесто *архимандрит*, и т. д. Ове и остале оваке ријечи ја нијесам за то у Рјечник узео, да би их списатељи наши у књигама

писали, него само да се види како народ ријечи изврће (оваковијех се примјера налази и у староме Славенском језику, н. пр. *адица* и *ладица*, а и у Рускоме и у Српском према Славенском н. пр. *длань* и *ладонь*, *алъчѣнъ* и *лчанъ*, *гомѣла* и *мошѣла* и т. д.). Писао сам и ријечи туђе, које се у народу говоре, али сам уза њих додавао и Српске, за које сам знао да се говоре; и што сам налазио да је која туђа ријеч више извртнута и посрбљена, то сам је радије писао, као н. пр. што је од њемачке ријечи *werben* начињено *врбовати* и по том *врбовка* мјесто *Werbung* (да сам знао да ће моји непријатељи и оваке ријечи узети међу узроке за које Рјечник мој ваља забранити, ја бих кад се књига штампала побиљежио их више, а сад не могу да падну на ум; ви пак ако Рјечник редом ушчитате наћи ћете их ласно). За које сам ријечи мислио да су Турске, назначивао сам их звјездицом, али може бити да сам у томе гдје и погрјешно, метнувши звјездицу код оне која није Турска а не метнувши код оне која је Турска. У Српском језику имају нека мала нарјечија, која сам ја најпослѣје назвао: *источно*, *јужно* и *западно*, н. пр. по источноме каже се *дете*, по јужноме *дијете*, а по западноме *дите*; тако по источноме *деца*, по јужноме *дјеца* и *ђеца*, а по западноме *дица*; тако по источноме *сејати*, а по јужноме и по западноме *сијати*. Истина, да западнијем нарјечијем говоре највише људи закона Римскога, али једно што међу њима има гдјешто људи и нашега закона који тако говоре, као н. пр. у Далмацији и у Србији у нахији Сокољској, а у Босни и Турскога; а друго што ја у писању Рјечника нијесам гледао ко шта вјерује, него како ко говори; а будући да је главна намјера мојега посла била да се позна језик по свему народу; за то сам у рјечник узео ријечи по свима овим нарјечијама. Мислим да непријатељи моји немају право што су написане и штампане ријечи по западноме нарјечију узели међу узроке, које књигу ову ваља забранити говорећи да је пуна *шокцизма*.

У осталом како ја мислим о писању књига у нас и о нашојем списатељима и књижевницима, можете видјети у оној мојој књижици: «Вука Стеф. Караџића и Саве Текелије писма високопреосвештеноме Господину Платону Атанацковићу Владици Будимскоме, о Српскоме правопису са особитијем додацима о Српском језику. У Бечу, 1843», а особито из почетка у писму и на крају од стране 80.

Јамачно се може рећи да су се сви наши књижевници, и највећи моји непријатељи, помогли и једнако се помажу мојијем дјелима, али што их се мало онако помогло као што се помогао Ђуро Давичић и Бранко Радичевић и поп Димитрије из Сомбора, томе је узрок, што их највише мојијем мислима о језику крпе своје мисли и старо знање, а она су тројица све своје пређашње мисли и знање о језику оставили па по моме начину почели језик наново учити.

XIII.

Сочиненія Михаила Николаевича Загоскина.

I. драматическія произведенія.

Прежде нежели появленіе «Юрія Милославскаго» положило основаніе славы любимаго романиста, М. Н. Загоскинъ былъ уже извѣстенъ, какъ драматическій писатель, и публика рукоплескала автору многихъ замѣчательныхъ комедій, въ репертуарѣ С. Петербургскаго и Московскаго театровъ. Исчислимъ эти, памятные каждому, произведенія:

1. *Комедія противъ комедіи, или урокъ волокитамъ*; въ 3 дѣйствіяхъ. Играна на театрахъ обѣихъ столицъ, и успѣхъ ея извѣстенъ.

2. *Богатоповъ, или провинціалъ въ столицѣ*. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Имѣла большой и постоянный успѣхъ. Играна на театрахъ обѣихъ столицъ.

3. *Вечеринка ученыхъ*. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Хотя особеннаго впечатлѣнія не произвела, но стоитъ въ числѣ замѣчательныхъ театральныхъ произведеній.

4. *Добрый Малый*. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Имѣла хорошій успѣхъ въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ, и въ репертуарахъ домашнихъ театровъ.

5. *Романъ на большой дорогѣ*. Комедія въ 1 дѣйствіи. Играна на театрахъ обѣихъ столицъ.

6. *Сюрпризъ самому себѣ, или женидба Богатопова*. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Имѣла множество представленій въ С. Петербургѣ и Москвѣ.

7. *Деревенскіе философы*. Водевиль въ 1 дѣйствіи. Музыка извѣстнаго и любимаго композитора А. А. Алябьева.

8. *Наслѣдники*. Комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ. Имѣла постоянный успѣхъ, и играна въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ.

9. *Благородный театръ*, Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Стоитъ въ числѣ лучшихъ произведеній театра, и играна безъ числа.

10. *Недовольные*. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Прекрасное произведеніе по достоинству литературному; но имѣла успѣхъ посредственный.

11. *Урокъ матушкамъ*. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Успѣхъ піесы высказывался рукоплесканіями автору, на театрахъ обѣихъ столицъ.

Въ оперныхъ либреттахъ успѣхи автора зависѣли отъ генія композитора: А. Н. Верстовскій основалъ на нихъ славу свою, Кому не извѣстна «Аскольдова могила», первое, одно и единственное изъ Русскихъ легкихъ оперныхъ произведеній, которое высказалось вполне въ Русскомъ духѣ и счастливомъ примѣненіи родныхъ напѣвовъ къ произведеніямъ театра. Успѣхъ ея, можно сказать, открылъ возмож-

ность и существованіе Русской опера-сегія, что и исполнилъ съ такою славою г. Глинка въ оперѣ «Жизнь за Царя», гдѣ звучный, мелодическій, серебряный голосъ Русской души высказывается уже не шути.

Опера «*Панъ Твердовскій*» имѣла также свой достойный успѣхъ.

Опера «*Тоска по родинѣ*» не удалась.

II. романы и повѣсти.

Первый романъ М. Н. Загоскина «*Юрій Милославскій или Русскій въ 1612 году*», въ 3 тѣстяхъ, имѣлъ уже семь изданій; но этимъ еще не заключился успѣхъ и ходъ его, безпримѣрный въ Русской литературѣ: печатается уже 8 изданіе. Онъ переведенъ на Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Голландскій и Итальянскій языки.

2. *Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году*. 4 части. Напечатанные четыре завода этого романа, кажется удовлетворили публику. Этотъ романъ и не могъ имѣть полного успѣха. Эпоха, избранная авторомъ, такъ жива еще въ памяти многихъ, и трудно высказать ее достойно. Заглавіе «Русскіе въ 1812 году» давало право ожидать болѣе. Этотъ романъ также переведенъ на Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки.

3. *Аскольдова Могила*. Этотъ романъ полонъ интереса но, полагаемъ, не довольно проникнуть отдаленностью эпохи: онъ имѣлъ два изданія.

4. *Повѣсти*, 2 части. Переведены на Нѣмецкій языкъ.

5. *Тоска по родинѣ*, 2 части.

6. *Кузьма Петровичъ Мирошевъ*. 3 части и два изданія.

7. *Искуситель*. 3 части. 2 завода.

8. *Брыскій лѣсъ*. 2 части. Этотъ романъ полонъ занимательности; по содержанію своему онъ признанъ равнымъ по достоинству съ Юріемъ Милославскимъ.

8. *Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія*. Заглавіе этого романа также столь обще, и эпоха преобразования Россіи такъ велика и полна рѣзкихъ противоположностей, что автору трудно, даже не возможно было выставить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Но это невольный недостатокъ романа, который самъ по себѣ, въ предположенной рамѣ, преисполненъ той занимательности и тѣхъ достоинствъ, которыя М. Н. Загоскинъ такъ легко умѣлъ сообщать своимъ произведеніямъ.

10. *Москва и Москвичи*. 4 части. Это анекдотическія описанія современныхъ нравовъ.

Кромѣ того много статей его разсыяно по разнымъ журналамъ и ихъ невозможно исчислить.

(Сообщено А. В. Вельтманомъ.)

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.